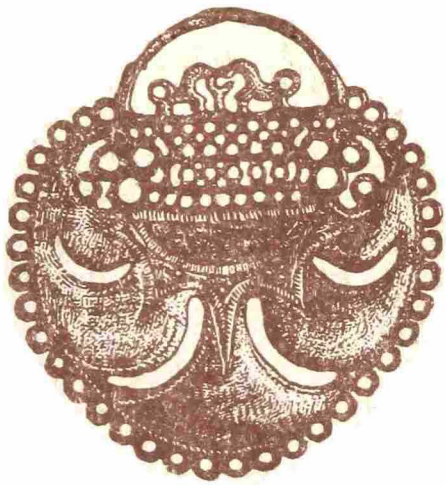
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1985

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Формозов А. А. (Москва). Общее и особенное в сложении археологии как науки в России 5
Гвоздовер М. Д. (Москва). Орнамент на поделках костенковской культуры 9
Деопик Д. В., Дервиз П. Г. (Москва). Морфологический анализ керамики из погребений срубной культуры Нижнего Подонья 23
Кубышев А. И., Черняков И. Т. (Одесса). К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) 39
Лелеков Л. А. (Москва). Вопросы интерпретации среднеазиатской коропластики эллинистического времени 55
Масленников А. А. (Москва). Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н. э. 61
Козак Д. Н. (Киев). Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области 75
Обломский А. М. (Москва). Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) 90
Кызласов И. Л. (Москва). Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) 107
Коршиков Н. С. (Ростов-на-Дону). Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова 122

Публикации

Грехова Л. В. (Москва). Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи II . . 131
Уткин А. В. (Иваново). Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX . . . 143
Погорелов В. И. (Воронеж). Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону 151
Моруженко А. А. (Донецк). Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. 160
Могильников В. А., Медникова Э. М. (Москва). Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки (Алтайский край) 179
Борисова В. В. (Москва). Склеп I—III вв. н. э. херсонесского некрополя . . 186

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1985 г.

Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. (Ленинград). Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии 202
Соловьев В. С. (Душанбе). К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафыркала) 212
Лабутина И. К., Волочкова О. К., Лабутин В. И. (Псков). Новые сфрагистические находки в Пскове 220
Белецкий С. В. (Москва). Печати «княжа Олександрова» 231
Моргунов Ю. Ю. (Москва). Летописный город Попаш 241

Заметки

Бижанов Е. Б. (Нукус). Неолитическое погребение на Устюрте 250
Мыськов Е. П. (Волгоград). Погребения эпохи бронзы Волгоградского Заволжья 253
Белозор В. П., Скорый С. А. (Киев). Архаический скифский меч из Киева 255
Радзиевская В. Е. (Харьков). Курганы VI в. до н. э. у пос. Коломак на Харьковщине 257
Новиченкова Н. Г. (Ялта). О находке нового херсонесского статера 260
Исланова И. В. (Москва). Поселения эпохи железа в междуречье Верхней Мсты и Мологи 263
Корчинский О. М. (Львов). Меч из летописного Удеча 268
Никитенко М. М., Осадчий Е. И., Полегайлов А. Г. (Киев). Древнерусское жилище в г. Изяслав Хмельницкой области 270
Щербов С. Г. (Москва). Неопознанный портал второй половины XII в. из Суздаля 275

Критика и библиография

Скорый С. А. (Киев). *Michael Vickers.* Scythian Treasures in Oxford. Ashmolean Museum. Oxford, 1979 279
Смирнов С. В. (Киев). *С. Н. Бибиков.* Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981 282
Вагнер Г. К. (Москва). *П. А. Раппопорт.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. САИ. Вып. Е1-47. М., 1982 285
Чернецов А. В. (Москва). *B. Borsos.* Staghorn Powder-flasks. Budapest, 1982 288

Хроника

Архипов Н. Д. (Якутск). Ленская историко-археологическая экспедиция и создание А. П. Окладниковым древней истории Якутии (1940—1949 гг.) 291
Седов В. В., Смирнов К. А. (Москва). Советско-финляндский симпозиум «Торговля, обмен и культурные связи народов Фенно-Скандинавии и Восточной Европы» (Хельсинки, 1983) 297
Фодор И., Халиков А. Х. (Будапешт, Казань). Совещание по проблеме «Взаимосвязи среднеевропейских славян с другими этносами в VI—XX вв.» (с. Нове Возоканы, ЧССР, 1983) 300

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1
1985

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Formozov A. A. (Moscow) The General and the Specific in Shaping Archaeology as a Science in Russia 5
Gvozdover M. D. (Moscow) Ornamental Decorations on the Kostyonki Culture Artifacts 9
Deopik D. V., Derviz P. G. (Moscow) Morphological Analysis of Ceramics found in the Timber-Grave Culture Burials in the Lower Don 23
Kubyshev A. I., Chernyakov I. T. (Odessa) Towards the Problem of the Weight System Among the Bronze Age Tribes in East European Steppes 39
Lelekov L. A. (Moscow) Archaeological Data and the Problems of Their Interpretation (on the Materials of the Central Asian Coroplastics of the Hellenistic Period) 55
Maslennikov A. A. (Moscow) Necropolises of Asiatic Bosporus in the First Centuries A.D. 61
Kozak D. N. (Kiev) A Przeworsk-Culture Settlement at Podbereztsy Village, Lvov District 75
Oblomsky A. M. (Moscow) Classification of Pottery of the Zarubintsy Culture's Upper Dnieper Variant 90
Kyzlasov I. L. (Moscow) Tools of Tashtyk Jewellers 107
Korshikov N. S. (Rostov-on-Don) Vasily Sukhorukov's Archaeological Studies on the Don 122

Publications

Grekhova L. V. (Moscow) Late Palaeolithic Eliseyevichi II Site 131
Utkin A. V. (Ivanovo) Bone Artifacts from the Berendeyevo V and IX Sites . . 143
Pogorelov V. I. (Voronezh) Bronze Age Shiryaevo Burial Ground on the Middle Don 151
Moruzhenko A. A. (Donetsk) Fortified Settlements of the Tribes Inhabiting the Forest-Steppe Belt of the Dnieper-Don Interfluve in the 7th-3rd Centuries B. C. 160
Mogilnikov V. A., Mednikova E. M. (Moscow) Early Iron Age Metal Artifacts From Novoobinka (Altai Territory) 179
Borisova V. V. (Moscow) A 1st-3rd-Century Vault of the Chersonesus Burial Ground 186
Abdullaev K. A., Zavyalov V. A. (Leningrad) Vessels on Zoomorphic Pedestals from Settlements of Kushanic Bactria 202
Solovyov V. S. (Dushanbe) On the Art of Early Mediaeval Tokharistan (Kafyrkala) 212
Labutina I. K., Volochkova O. K., Labutin V. I. (Pskov) New Seal Finds in Pskov 220
Beletski S. V. (Moscow) Seals of «Prince Olexandr» 231
Morgunov Yu. Yu. (Moscow) Popash in the Russian Chronicle 241

Notes

Bizhanov E. B. (Nukus) A Neolithic Burial on the Ustyurt 250
Myskov E. P. (Volgograd) Bronze Burials in the Volgograd Area on the Eastern Bank of the Volga 253
Belozor V. P., Skory S. A. (Kiev) An Ancient Scythian Sword from Kiev . . . 255
Radzievskaya V. E. (Kharkov) Sixth-Century B. C. Burials Mounds at Kolomak, Kharkov Region 257

Novichenkova N. G. (Yalta) A New Chersonesus Stater 260
Islanova I. V. (Moscow) Iron-Age Settlements in the Verkhnaya Msta-Mologa Interfluve 263
Korchinsky O. M. (Lvov) A Sword from Udech 268
Nikitenko M. M. Osadchiy E. I., Polegailov A. G. (Kiev) An Old Russian Dwelling in Izyaslav, the Khmelnitsky Region 270
Shcherbov S. G. (Moscow) Unidentified Portal of the Second Half of the 12th Century from Suzdal 275

Book Reviews and Bibliography

Skory S. A. (Kiev) *Michael Vickers.* Scythian Treasures in Oxford. 1979 . . . 279
Smirnov S. V. (Kiev) *S. N. Bibikov.* The Most Ancient Musical Set Made of Mammoth Bones. Essays on the Material and Non-Material Culture of the Palaeolithic Man. Kiev, 1981 282
Vagner G. K. (Moscow) *P. A. Rappoport* 10th-13th-Century Russian Architecture. A Catalogue. CAS./Moscow, 1982 285
Chernetsov A. V. (Moscow) *B. Borsos.* Staghorn Powder-flasks. Budapest, 1982 288

Chronicle

Arkhipov N. D. (Yakutsk) The Lena Historical and Archaeological Expedition and Writing of Yakutia's Ancient History by A. Okladnikov (1940—1949) 291
Sedov V. V., Smirnov K. A. (Moscow) Soviet-Finnish Symposium on Trade, Exchange and Cultural Ties Between the Peoples of Finnish Scandinavia and Eastern Europe (Helsinki, 1983) 297
Fodor I., Khalikov A. Kh. (Budapest, Kazan) A Conference on «Ties Between Mid-European Slavs and Other Ethnoses in the 9th-10th Centuries» in Novo-Vozokany (Czechoslovakia, 1983) 300

ФОРМОЗОВ А. А.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СЛОЖЕНИИ АРХЕОЛОГИИ КАК НАУКИ В РОССИИ

В процессе сложения археологии как особой науки в нашей стране можно заметить черты, общие для всех европейских стран, и черты, специфические только для России.

Во всем мире у истоков знания о культуре наших предков стоит собирание реликвий. Известный французский этнолог Клод Леви-Стросс сопоставляет европейские музеи с хранилищами священных чуринг у австралийцев, указывая на свойственное человечеству на всех этапах его развития почтение к реликвиям [1, с. 34].

Русские летописи свидетельствуют, что в Софийском соборе в Киеве в XII в. хранились «порты (одежды.— *А. Ф.*) блаженных первых князей, еже бяху повещали в церквах на память собе» [2, стлб. 418]. В ризнице новгородского Софийского собора находились посох и облачение епископа Никиты XII в. [3, л. 104], в Троицком соборе Пскова — мечи XIV в., приписывавшиеся князьям Довмонту и Всеволоду Мстиславичу [4, с. 57, табл. XXVI]. В Успенском соборе во Владимире была другая достопримечательность — «помогавшие от болезней» средневековый шишак и железные стрелы [5, с. 94—97].

В эпоху Ренессанса собирание реликвий в Западной Европе приобрело новое направление. Интерес вызывали не только вещи местных святых и видных исторических деятелей, но и памятники античной культуры. Уже в первой половине XV в. Чириано Анконский дал описание древностей Греции и Малой Азии. Во второй половине XVI в. в Италии увидели свет альбомы, посвященные римским памятникам (Лафрери, Кавальери). С XVII в. начинается изучение античной культуры во Франции, Германии и Голландии.

Россия, отрезанная от берегов Черного моря с их центрами античной культуры, смогла включиться в это движение значительно позже. Все же в русской жизни XV—XVII в. улавливается ряд явлений, показывающих, что увлечение античностью, характерное для этого периода в Западной Европе, частично затронуло и Московское государство.

Печатями русских воевод и дьяков в XV—XVII вв. иногда служили античные геммы, видимо попавшие в Россию с Запада [6, табл. II, *18*; III, *4*, *58*; V, *67*; VI, *89*; IX, *17*, *20*]. В «Сказании о князьях Владимирских» конца XV — начала XVI в. делалась попытка возвести русскую правящую династию к «Августу кесарю» [7, с. 148—159]. В 1655 или 1656 г. казаки-землепроходцы, добравшись до устья Амура, нашли там развалины храма 1413 г. В описаниях Сибири этот памятник стали связывать с походами Александра Македонского [8, с. 335—344]. Легенда о гробнице Овидия в пределах России и поиски этой гробницы начались еще до присоединения к империи берегов Черного моря [9, с, 122—130].

Но хотя свойственное Ренессансу увлечение античными древностями нашло некоторое отражение на Руси, в целом надо признать значительно более позднее обращение к изучению античной культуры в России, чем в Западной Европе. Напротив, другой характерной для нашей страны чертой явилось раннее развитие восточной археологии, такой ее области, как исследование памятников прошлого в Сибири. Сведения о них многочисленны уже в русских источниках XVII в. Раскопки же научного характера начались в Сибири уже при Петре I (в 1722 г. Д. Г. Мессерш-

мидт раскопал ряд древних могил под Абаканском) [10, с. 169] и широко развернулись в середине XVIII — начале XIX в. как на Енисее, так и на Иртыше, в Забайкалье и т. д. (работы Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, Г. И. Спасского и др.).

У западноевропейских антикваріев никакого представления о древностях этого района тогда еще не было. Показателен такой пример. В 1716 г. были открыты и в 1718 г. обследованы руины калмыцкого города Аблаинкита, возникшего в 1654 г. В 1721 г. Петр, посылая в Париж своего библиотекаря И. Д. Шумахера, поручил ему, в частности, ознакомить с находками на Иртыше французских ученых [11, с. 214, 215]. Они высказали предположение, что русские обнаружили древнеперсидский город Кирополь. Об этом можно прочесть в лейпцигском журнале «Acta eruditorum» за 1722 г., причем там находки отнесены к берегам Каспия [12, с. 85].

И в дальнейшем материалы, добытые русскими учеными в Сибири, долгие годы служили основным источником знаний западных археологов о древностях Северной Азии. Так, копия наскальных изображений на р. Смолянке, близ Усть-Каменогорска, опубликованная Г. И. Спасским в 1822 г. [13, табл. II], воспроизводилась еще Жаком де Морганом в его «Доисторическом человечестве» в 1924 г. [14, рис. 168].

Таким образом, в XVIII в. очень резко проявилось отличие науки о древностях, складывавшейся в России, от археологии, формировавшейся в Западной Европе. У нас основным объектом исследований были сибирские курганы, а на Западе — античные памятники.

С включением в состав Российской империи Северного Причерноморья, Крыма, Тамани началось изучение античных древностей русскими учеными. Но развертывалось оно уже параллельно с поисками славяно-русских поселений и могильников в центральных районах Европейской России, тогда как на Западе интерес к отечественным памятникам проявился много позже, чем к античным. Сопоставим даты.

I. Раскопки античных памятников в Северном Причерноморье: 1) конец 1780-х — начало 1790-х годов — Г. Фан-дер-Вейде на Тамани; 2) 1811 г.— С. Г. Гангеблов в Керчи; 3) 1811—1835 гг.— П. А. Дюбрюкс в Керчи и ее окрестностях; 4) 1817 г.— Я. Л. Парокия в Керчи; 5) 1820—1832 гг.— И. А. Стемпковский в Керчи и окрестностях; 6) 1820—1821 гг.— Н. Ю. Патиниоти в Керчи; 7) 1827 г.— В. Н. Берх в Херсонесе [15, с. 53—55; 16, с. 171—175].

II. Раскопки славяно-русских памятников: 1) 1816 г.— А. А. Турчанинова в Киеве и Вышгороде [17, с. 312]; 2) 1820—1821 гг.— З. Я. Ходаковский в районе Новгорода [18, с. 72—74]; 3) 1822 г.— К. Ф. Калайдович на Микулином городище, в Старой Рязани и ряде других городищ [19; 20, с. 232—237]; 4) 1824 г.— К. А. Лохвицкий в Киеве [17, с. 313].

И в дальнейшем исследования античных и средневековых древностей вели в России зачастую одни и те же люди. Назову А. Н. Оленина, А. С. Уварова, И. Е. Забелина. В тесной связи античной и отечественной археологии в России в XIX в. можно усмотреть еще одну специфическую черту в развитии этой науки в нашей стране.

Не так уж далеко оторвано во времени от первых раскопок античных и славянских памятников начало изучения каменного века в России. Уже в 1837 и 1845 гг. тагильские краеведы И. М. Рябов и Д. П. Шорин провели раскопки на неолитической стоянке Полуденка. Целеустремленные поиски поселений эпохи камня и бронзы развернулись у нас в 1860—1870-х годах [21, с. 8, 9, 37—102].

И это направление в развитии археологической науки не было в России столь изолировано от других направлений, как это было, например, во Франции. Там исследователи античных древностей работают вместе с филологами-классиками в полном отрыве от специалистов по первобытной археологии, объединяющихся с антропологами и геологами.

В России, как и на Западе, большой вклад в развитие первобытной археологии внесли ученые-естествоиспытатели: К. И. Гревингк, И. С. По-

ляков, К. С. Мережковский, А. А. Иностранцев. В то же время целый ряд наших археологов занимался параллельно первобытными и средневековыми, а иногда и античными древностями. Таковы А. С. Уваров, В. В. Хвойка, А. А. Спицын, В. А. Городцов. Статьи по первобытной археологии печатались в «Записках отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества» рядом с публикациями о средневековых городищах и курганах. В этом порою видят пренебрежение к первобытным древностям со стороны дореволюционных археологов. В действительности такое положение дел свидетельствует о другом. Классическим и восточным древностям, изучавшимся в других отделениях Русского археологического общества, противопоставлялись местные, отечественные памятники культуры, в число которых включались и славянские курганы, и городища начала железного века, и стоянки первобытных людей. Точно так же, создавая в 1870—1880-х годах первую экспозицию Исторического музея в Москве, А. С. Уваров стремился показать единую линию развития культуры в пределах России от палеолита до средневековья, чего не было тогда во многих западных музеях, начиная с той же Франции.

В этом проявилась ориентировка первых русских исследователей каменного века на опыт ученых из северных стран Европы. Недаром первой переводной книгой о древнейшем прошлом человечества была у нас книга И. А. Ворсо о Датском национальном музее [22]. В дальнейшем из 14 книг по первобытной археологии, переведенных на русский язык в 1863—1913 гг., было семь немецких, четыре английских и только три французских [21, с. 18, 19, 103, 104]. Галломания была изжита русским обществом еще в начале XIX в., интерес же к германской науке с ее мощной философской школой сохранялся до XX в.

Почти одновременное сложение античной, славяно-русской и первобытной археологии в России и последующее развитие их в тесной связи составляют бесспорную специфику в процессе оформления археологии как особой науки в нашей стране по сравнению с другими странами. Это обстоятельство способствовало объединению всех специалистов по археологии уже в годы Советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Levi-Strauss C.* La penseé sauvage. P., 1962.
2. Полное собрание русских летописей. Л., 1927, т. I, вып. 2.
3. *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. III, отд. 1. М., 1971.
4. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
5. *Доброхотов В. И.* Памятники древности во Владимире Клязьменском. М., 1849.
6. *Иванов П. И.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858.
7. *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М.: Наука, 1982.
8. *Окладников А. П.* Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура.— ИВГО, 1955, вып. 4.
9. *Формозов А. А.* Легенда о гробнице Овидия в русской литературе.— ВДИ, 1976, № 4.
10. *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. B. I. B., 1962.
11. *Формозов А. А.* Из истории кунсткамеры.— ВИ, 1968, № 5.
12. Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым. Вып. 2. Воронеж, 1885.
13. *Spassky G.* Inscriptiones Sibiricae. De antiquis, quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis. Petropoli, 1822.
14. *Morgan J., de.* L'Humanite préhistorique. P., 1924.
15. *Марти Ю. Ю.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
16. *Формозов А. А.* К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в.— СА, 1975, № 1.
17. *Формозов А. А.* К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX в.— СА, 1981, № 1.
18. *Формозов А. А.* Пушкин и древности. М.: Наука, 1979.
19. *Калайдович К. Ф.* Письмо к А. Ф. Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М., 1823.
20. Переписка государственного канцлера гр. Н. П. Румянцева с московскими учеными. (Письмо К. Ф. Калайдовича от 7.IX.1822 г.).— ЧОИДР, 1882, кн. I.

21. *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: Наука, 1983.
22. *Ворсо И. И. А.* Северные древности Королевского музея в Копенгагене. Спб., 1861.

A. A. Formozov

THE GENERAL AND THE SPECIFIC IN SHAPING ARCHAEOLOGY AS A SCIENCE IN RUSSIA

Summary

The features shared by archaeology as a scientific discipline in the making in Russia and in the West were: 1. collecting of antiquities as the first stage of their study; 2. the participation of natural scientists in elaborating Stone Age problems. Archaeology in Russia was initiated by the studies of Siberian burial mounds, rather than towns and burial grounds of antiquity. Individual archaeological branches (antique, Russian-Slavonic, prehistoric) emerged in Russia almost simultaneously, in the first half and mid-19th century, which caused their closer interrelation than was the case in the West.

ГВОЗДОВЕР М. Д.

ОРНАМЕНТ НА ПОДЕЛКАХ КОСТЕНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Орнамент на костяных поделках палеолитического времени является важным источником для суждения об идеологии и других сторонах жизни палеолитического человека. Изучением орнамента в различных аспектах занимался ряд отечественных исследователей [1—4]. Однако все эти работы, к сожалению, были сделаны без детального анализа массового материала.

В настоящее время мы располагаем достаточной серией орнаментированных предметов с трех памятников костенковской культуры, которая и легла в основу данной статьи. Работа строилась на изучении орнамента на оригиналах поделок из Авдеева, раскопок 1946—1949 гг. (АВСТ) и раскопок 1972—1980 гг. (АВН) (коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ). Поделки из Костенок I (КI) (раскопки П. П. Ефименко) мы изучали по публикациям [5] и частично по коллекциям, хранящимся в МАЭ. Орнамент на фрагментах костей нами не учитывался. При описании поделок мы применяли существующую в литературе терминологию, возможно не всегда удачную.

Рассматривая как единое целое коллекции этих трех стоянок, мы исходили из близкого сходства материала, что подтверждало ранее высказанное нами предположение о том [6, с. 224], что орнаменты характеризуют общественные структуры палеолита.

Орнамент костенковской культуры геометрический, прямолинейный. Такие геометрические фигуры, как четырехугольники, треугольники и др., для него не характерны. Не характерны и криволинейные узоры. В орнаменте чаще всего встречаются такие элементы, как черточка, косой крест, угол, образующие более сложные узоры (елочка, зигзаг). По технике исполнения орнамент обычно неглубок, выполнен нарезками; орнаментация глубокой и широкой врезанной линией относительно редка.

Мы обращали внимание на следующие моменты: 1) расположение орнаментального поля на предмете; 2) тип организации элементов орнамента в поле; 3) простые и сложные элементы орнамента, образующие узор. Из сочетания этих признаков мы и рассчитывали получить характеристику орнамента костенковской культуры.

Для изучаемых поделок характерна частичная орнаментация. Орнамент никогда не покрывает всей поверхности предмета, а ограничивается лишь участком на одной из сторон. Орнаментальное поле часто выделяется линиями или углами. Форма поля соответствует форме какой-то части поделки или представляет собой узкий изолированный поперечный поясок.

Мы выделили несколько типов расположения элементов в орнаментальном поле. Первый — приуроченность элементов к краям поля поделки. Всю площадь поля в этих случаях пересекают лишь линии-ограничители или разделители, разбивающие узор на части. Роль разделителей выполняли либо прямые линии, либо углы. Второй — равномерное распределение элементов орнамента внутри поля. Третий — орнаментальное поле представляет собой лишь один поперечный поясок или ленту. Иногда внутри такого пояска имеется орнамент, в других случаях неорнаментированный поясок может быть единственным узором на поделке. Четвертый — типичный (стандартный) узор иногда дополняется включением других элементов. Для удобства описания мы называем его «дополнением».

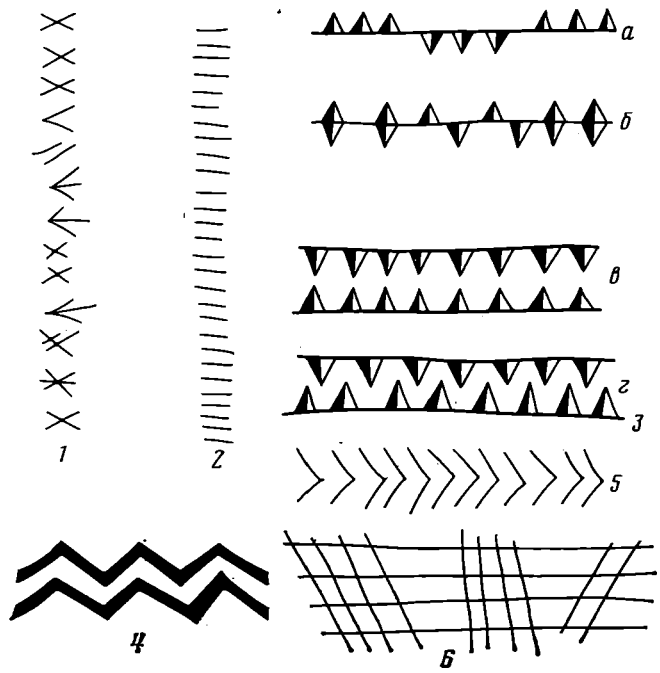


Рис. 1. Элементы орнамента. *1* — косой крестик и его заменяющие; *2* — поперечная короткая черточка; *3* — варианты клиновидной насечки (*а* — *г*; *г* — со сдвинутым интервалом, фоновый зигзаг); *4* — прорезной зигзаг; *5* — елочка; *6* — косая и прямая клетка

Для костенковской культуры известно относительно небольшое количество как простых, так и более сложных элементов орнамента[1].

1. *Прямая поперечная линия*: *а* — тонкие короткие линии, черточки, обычно нанесенные рядами и приуроченные к краям предмета (рис. 1, *2*); *б* — длинная линия, пересекающая поперек поле. Такие линии чаще бывают разделительными или образуют пояски. Иногда ими заштрихованы отдельные участки внутри орнаментальной композиции.

2. *Косой крестик* — образован двумя пересекающимися прямыми черточками. Всегда наносится рядами по краям поделок. Иногда в рядах крестиков встречаются уголок («галочка») или наклонная черточка. Встречаются и усложненные крестики или уголки: в середине угла или крестика прочерчена вертикальная черточка, в результате чего получается трезубец (т. е. три штриха различного наклона, выходящие из одной точки). Все эти варианты не являются самостоятельными элементами, а связаны с косым крестиком и являются как бы его заменяющими (рис. 1, *1*).

3. *Клиновидная зубчатая насечка.* Этот сложный элемент состоит из прорезанной линии, с которой наносились последовательно короткие и глубокие насечки более или менее правильной треугольной формы. Более глубокое основание насечки лежит на линии, с которой насечка производилась[2].

Орнамент клиновидной насечкой в целом представляет собой сочетание различно расположенных линий или поясков и отходящих от них клиновидных насечек. Насечки могут идти вверх или вниз от линии равномерно или со сдвинутым интервалом. В случае пояска (двух парал-

[1] Наши определения элементов орнамента иногда несколько отличаются от тех, которые предлагает З. А. Абрамова [1]. Нам кажется необходимым различать нарезку и насечку. Короткие прямые черточки и крестик выполнены в одной технике, которую, как мы считаем, правильным будет называть «нарезкой».

[2] З. А. Абрамова [1] не придала значения тому, что клиновидная насечка всегда связана с линией, с которой она наносилась, и поэтому должна рассматриваться как сложный элемент орнамента. Собственно говоря, этот элемент близок к «линии со шпорами» [7, с. 175, 176, 179, 180].

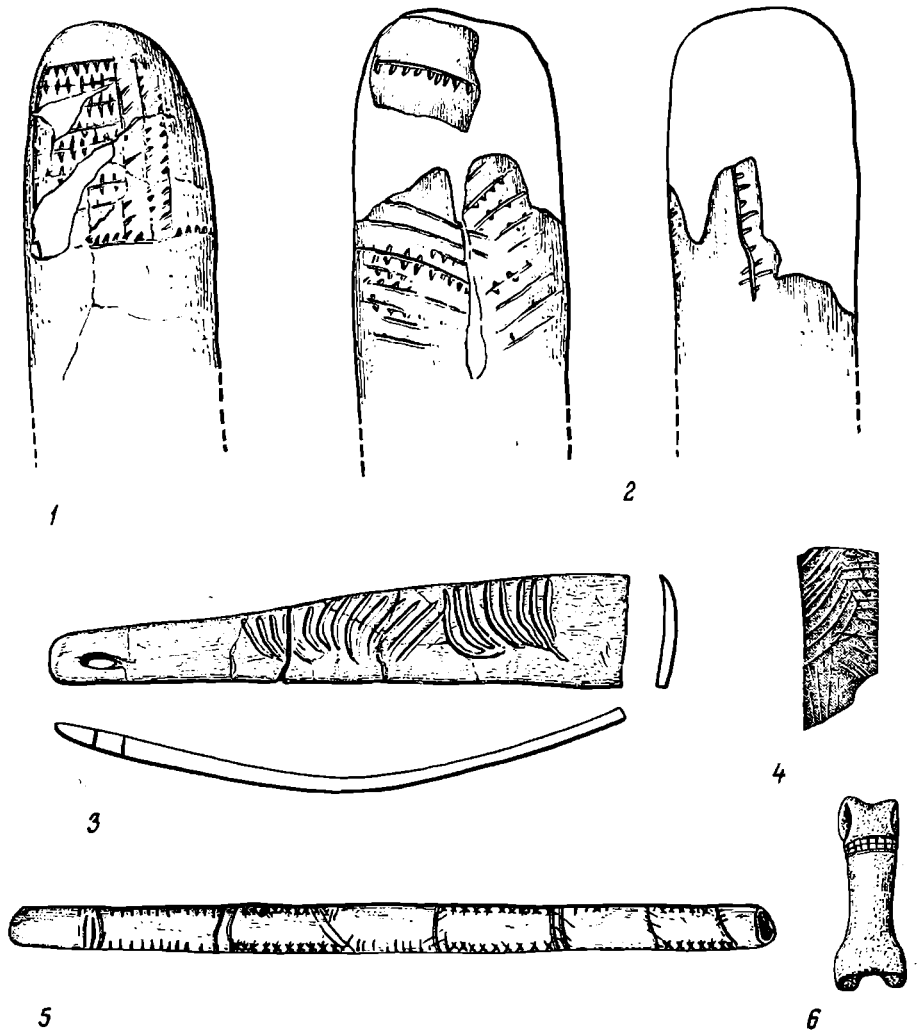


Рис. 2. Орнаментированные поделки. *1* — тесло (АВН); *2* — тесло (АВСТ); *3*, *4* — обломки диадем с криволинейным орнаментом (АВСТ); *5* — игольник (АВН); *6* — фаланга с орнаментированным пояском (АВН)

лельных линий) насечки могут идти как внутрь него, так и наружу, на равном расстоянии по обеим линиям со сдвинутым интервалом (рис. 1, *3*). Когда клиновидная насечка дается в виде изолированного пояска, насечки чаще идут внутрь и располагаются со сдвинутым интервалом (рис. 1, *3*, *г*). При таком варианте комбинация насечек как бы выделяет внутри пояска фоновый зигзаг. При глубоких линиях и насечках он оказывается выполненным в невысоком рельефе. Это особенно ярко видно на остриях Хотылева II [8, рис. 4]. Клиновидная насечка выполняется или внутри изолированного пояска (70%), или равномерными рядами (поясками) по всему орнаментальному полю (30%).

4. *Зигзаг* — непрерывная ломаная линия, образованная соединением углов и делящая поверхность, на которую она нанесена, на два ряда фоновых углов. В костенковской культуре ряды зигзагов равномерно заполняют поле (рис. 1, *4*).

5. *Елочка или шеврон* — ряды углов, обращенные вершинами в одну сторону и ориентированные по одной оси[3] (рис. 1, *5*).

6. *Косая и прямая клетка* — пересечение под разными углами прямых линий. Встречается как по площади, так и внутри пояска, а также в виде изолированных дополнений (рис. 1, *6*).

---

[3] По отношению к длинной оси поделки зигзаг и елочка могут быть как горизонтальными, так и вертикальными.

Таблица

Поделка	Памятник			Общее количество
	КІ	АВСТ	АВН	
Игольники	–	1	8	9
Тесла	3	2	2	7
Диадемы	5	13	1	19
Лопаточки	10	4	14	28
Острия со шляпкой	2	4	2	8
Зооморфные подтреугольные поделки	1	2	1	4
Метаподии и фаланги	–	6	7	13
Детали на фигурках женщин	12	–	10	22
Индивидуальные поделки	5	4	2	11
Всего:	38	36	47	121

7. *Криволинейный орнамент* очень редок и представлен лишь пучками изогнутых линий (рис. 2, *3*, *4*).

Следует отметить, что зигзаг, елочка и клетка обычно прорезаны глубже, чем крестик и прямая черточка.

Всего нами использовано 121 орнаментированных предметов, следующим образом распределяющихся по видам поделок и памятникам (таблица). Рассмотрим материал по каждой из девяти выбранных категорий в отдельности[4].

Игольники (манки?) изготовлены из трубчатых костей птиц. Из 20 игольников 9 были орнаментированы. Орнамент состоял из коротких прямых черточек или косых крестиков, или же их сочетания (чередования). Иногда короткие поперечные черточки шли параллельно линии обреза, никогда, однако, не образуя кольца, а ограничиваясь лишь частью поверхности предмета. На других имелись лишь отдельные группы коротких поперечных черточек, располагающихся в различных местах.

На трех фрагментах, по двум или трем граням — гребням кости идут ряды из косых крестиков или поперечных горизонтальных черточек. В одном случае их дополняет косая клетка. Особый интерес представляют два игольника, на которых имеется сложная композиция, составленная из сходных элементов и почти полностью повторяющаяся. Орнаментированное поле расположено на более выпуклой стороне предмета, несколько отступая от его концов. Оно ограничено от концов поделки поперечными линиями или поясками. По двум гребням идут ряды из косых крестиков или коротких поперечных черточек. Ряды разбиты на участки поясками — разделителями. Игольник из АВСТ опубликован [6, рис. 4].

Игольник из АВН (рис. 2, *5*) сохранился полностью. Поле разбито поперечными поясками на шесть участков, примерно равной длины, и на каждом участке по двум гребням кости нанесены ряды ритмично расположенных элементов. На каждом участке в обоих рядах элементы одинаковые. Так, на первом — это два ряда косых крестиков, на втором — верхний ряд не орнаментирован, а на нижнем нанесено лишь несколько черточек. На третьем участке — два ряда косых крестиков, на четвертом — в верхнем ряду идут прямые черточки, а нижний пустой; пятый участок орнаментирован двумя рядами усложненных крестиков-трезубцев, а шестой — двумя рядами черточек. Интересно, что число элементов в рядах каждого участка одинаково (±1). Некоторые из поясков-разделителей пересечены наискось короткими прямыми линиями (клетка?).

Различие с орнаментальной схемой на игольнике из АВСТ несущественно: на нем ряды образованы только косым крестиком, выделено всего четыре участка, разделительные линии (пояски) более длинные, выходят за пределы рядов и их всегда по четыре. У концов композиции — несколь-

[4] К индивидуальным поделкам нами отнесены: из КІ — «яйцевидный предмет», наконечник, три стерженька; из АВСТ — «дубинка», метаподий из бивня, два браслета; из АВН — поделка из рога, фигурная булавка.

ко небольших подчетырехугольных участков, заштрихованных косой клеткой.

Тесла или мотыги. Крупные орудия из бивня мамонта. Из общего количества орнаментировано всего семь предметов. У всех орнамент расположен на нижней поверхности обушной части. Орнаментальное поле отделено линией снизу, а иногда со всех сторон. На трех теслах из Авдеева четко прослеживается орнамент (клиновидная насечка), равномерно располагающийся по полю в виде поперечных, слегка округленных рядов линий с насечками (рис. 2, *1*, *2*). В КІ, по нашему мнению, клиновидной насечкой орнаментированы два тесла. Орнамент на одном тесле [5, с. 292] сохранился особенно плохо. В монографии П. П. Ефименко [5] художник изобразил его в виде прямой клетки. Однако в своем описании этого орнамента П. П. Ефименко говорит лишь о «глубоких поперечных рубцах». В книге П. П. Ефименко [9, с. 401, табл. XI] имеется хорошая фотография этого же тесла, на которой отчетливо видны параллельные поперечные линии орнамента и полностью отсутствуют продольные. Вместе с тем края у этих линий выношенные и очень неровные. Возможно, что с них были нанесены несохранившиеся к настоящему моменту клиновидные насечки. Они вместе с частично разрушенной поверхностью поля и были приняты художником за вертикальные линии. Следует отметить, что на всех теслах как АВ, так и КІ орнамент довольно сильно затерт и выделение элементов достаточно затруднительно.

Рис. 3. Тесло, орнаментированное рядами прорезных зигзагов (АВН)

Второе — долотообразное орудие из КІ орнаментировано на том же участке слегка скошенными рядами с клиновидной зубчатой насечкой [5, с. 295].

На двух теслах из АВН и КІ нанесен орнамент другого типа. Тесло из АВН (рис. 3) орнаментировано рядами вертикальных зигзагов (углы, нанесенные вершинами по длинной оси орудия). Орнамент на тесле из КІ сохранился хуже. На нем изображены либо елочка (?), либо горизонтально (углы вершинами поперек поля) помещенные ряды зигзагов. П. П. Ефименко пишет «о двух поясках, образованных повторением широко расставленной в своем начертании буквы М» [5, с. 296]. Большинство исследователей описывают этот орнаментальный узор как зигзаг.

Хотелось бы упомянуть, что на трех теслах вне основного орнаментального поля имеется ряд поперечных черточек или линия со «шпорами». Эти дополнения выполнены более грубо, чем остальной орнамент на предмете, и едва ли сюжетно и композиционно связаны с ним.

Таким образом, на теслах встречаются орнамент в виде линии с клиновидной зубчатой насечкой или рядов зигзагов. И те и другие элементы равномерно размещались по площади поля. Относительная малочисленность серии тесел с орнаментом, спорность определения орнамента на двух теслах из КІ делают этот вывод предположительным.

Головные обручи (диадемы). Мы включили в анализ 19 орнаментированных тонких пластин из бивня мамонта (в основном фрагментов). Между собой поделки этой группы различаются по толщине, ширине, сечением и формой в плане. У одних края параллельные, у других сужаются к концам.

На диадемах представлены почти все известные нам элементы орнамента и способы их организации. На двух фрагментах — криволинейный орнамент, в целом почти неизвестный в Авдееве и Костенках I (рис. 2, *3, 4*). Локализация орнаментального поля на поделке остается неясной. Иногда элементы располагались по площади равномерно, в других случаях — по краям поля. Орнамент «елочка» встречен только на диадемах. Иногда орнамент, равномерно заполняющий поле, дополнялся орнаментальным рядом по краю или разбивался поясками с другими элементами.

Нам не удалось выделить орнамента, свойственного именно головным обручам. Следует либо предположить, что диадемам в отличие от других поделок была свойственна большая вариабельность в орнаментации и выбор орнамента не регламентировался, либо признать, что в эту группу были ошибочно включены фрагменты других поделок.

Перейдем к описанию орнамента на предметах с фигурной головкой.

Лопаточки. Хорошей серией в наших материалах представлены лопаточки из расколотых вдоль ребер мамонта. В этой работе нас они интересуют лишь как художественно оформленные поделки. Лопаточки имеют вырезанное навершие в виде плоской, слегка сплющенной округлой головки. Тело орудия, узкое у основания головки, плавно расширяется к противоположному (рабочему?) концу. Именно головка и суженная часть орудия (пока края оставались почти параллельными) являлись полем, на которое наносился орнамент.

Всего нами было просмотрено 28 предметов. Из них на 11 предметах орнаментальное поле сохранилось полностью, у 12 — отсутствует верхняя часть, у трех — нижняя, у двух — сохранилась лишь середина. Сопоставляя целые орудия и фрагменты, нам удалось представить общую схему оформления рукояти и определить место почти каждого из фрагментов в ней (рис. 4, *1*).

Форма навершия оказалась очень устойчивой, из 15 головок лишь 2 не округлые. Форма рукояти (плавно расширяющаяся книзу) также лишь 2 раза отклоняется от нормы. Остальные рукояти различаются лишь по размерам. Головки обычно неправильно-округлые, плоско-выпуклые в сечении. Внутри них имеются две пары симметрично расположенных, косопоставленных коротких и глубоких врезок. Иногда они сквозные, чаще же лишь намечены с обеих сторон. В 80% случаев обрез головки орнаментирован. Орнамент приурочен к краям поделки (редко к боковым граням, но и тогда он обязательно заходит на лицевую сторону).

Элементы орнамента — косой крестик и его заменяющие — образуют ритмичные ряды по краям рукояти в 73% случаев, ряды прямых поперечных черточек — в 27% случаев. Нередко по краям поделки идут ряды различных орнаментальных элементов — по одному косые крестики и их заменяющие, по второму — ряд поперечных черточек; иногда эти элементы чередуются и в одном ряду.

В ритмичные ряды включаются разделители — прямые поперечные линии (25%) или «пояски»[5] (40%). Как разделитель используются и острые углы (35%), которые равным образом могут быть ориентированы вершиной вверх или вниз (разделители-углы особенно часты в АВН).

Разделители приурочены к определенным участкам орнаментального поля: у 90% лопаточек таким способом ограничено поле снизу; у 75% — разделитель подчеркивает (отделяет) головку лопаточки, и у 64% лопаточек он проходит еще в верхней трети или середине поля.

Мы видим, что оформление лопаточек как по форме, так и по орна-

---

[5] Интересно, что разделитель в виде «пояска» чаще подчеркивает головку.

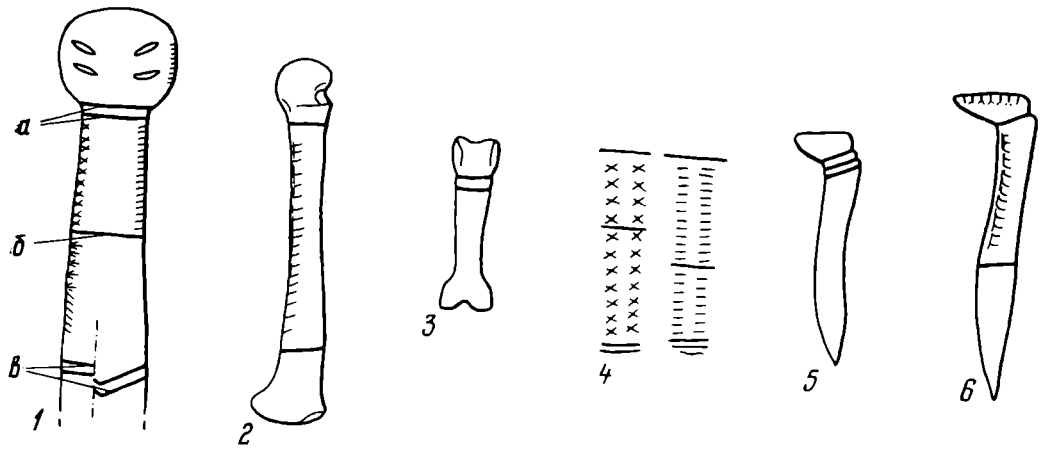


Рис. 4. Варианты взаимозаменяющегося оформления предметов с фигурной головкой (схемы). *1* — головка лопаточки, разделители: *а* — поясок, *б* — линия, *в* — угол; *2, 3* — оформление метаподий и фаланг; *4* — орнаменты; *5, 6* — оформление острий со шляпкой

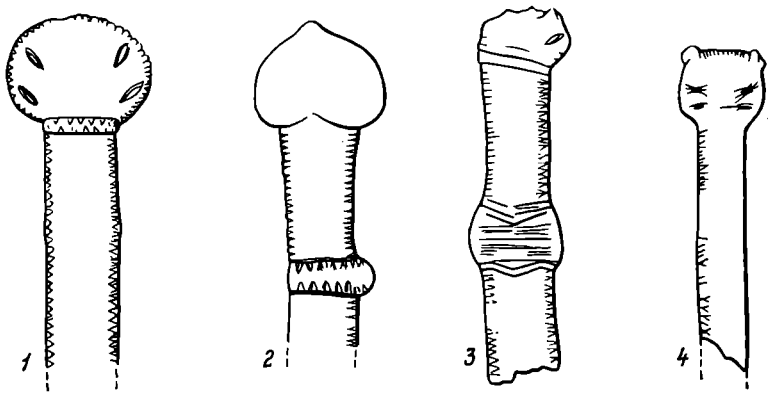


Рис. 5. Нестандартнооформленные рукояти лопаточек. *1, 2* — КІ; *3, 4* — АВСТ

ментальной композиции очень устойчиво. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с правилом, по которому исполняется форма предмета и достаточно сложный его орнамент. Это правило касалось как композиции орнамента, так и составляющих ее элементов. Степень выполнения этого правила очень велика (90—60%), что свидетельствует о высокой степени стандартизации, причем орнаментальный узор и форма предмета устойчиво связаны между собой. Все детали оформления (причем не рабочих лезвий, сходство которых могло быть задано рабочим назначением) почти не варьируют. Отклонений от описанного нами стандарта очень мало. Они следующие.

1. Лопаточка из КІ [5, с. 116] (рис. 5, *2*) имеет ряд своеобразных особенностей. Головка не округлая, а сердцевидная. На лицевой стороне головки прорезей нет. На обратной стороне намечена лишь верхняя пара. Головка не орнаментирована. Рукоять поделки имеет параллельные края. В ее верхней трети справа выдается небольшой округлый выступ, являющийся продолжением орнаментированного пояска, проходящего на этом месте. Орнамент на этом пояске — клиновидная зубчатая насечка со сдвинутым интервалом (фоновый зигзаг).

2. Такой же орнамент на пояске, отделяющем головку на лопаточке из КІ [5, с. 114]. По остальным признакам эта лопаточка обычна (рис. 5, *1*).

3. Обломок головки из АВСТ [6, с. 206] (рис. 5, *4*). Головка имеет спрямленный верхний обрез, по краям которого выдаются небольшие округлые ушки, две пары несквозных прорезей, орнамент обреза и краев. Головка лопаточки напоминает морду животного.

4. АВСТ [6, с. 205]. Головка обычной формы с прорезями внутри, подчеркнута поясом. Примерно в середине рукоятки имеется овальное расширение, ниже ширина лопаточки становилась обычной. Рукоять была орнаментирована в обычной манере. Овал по краям не орнаментирован. Сверху и снизу он ограничен несколькими углами, обращенными вершиной вниз, а внутри сплошь заштрихован прямыми параллельными линиями (рис. 5, *3*).

Острия со шляпкой или фигурно оформленные шилья. В наших материалах их всего 8 экз., как целых, так и фрагментов. Форма фигурного навершия, нам кажется, подсказана формой суставной поверхности. Чуть подработанная, она передает шляпку-головку. Плоская или чуть вогнутая шляпка поставлена слегка наклонно и козырьком выдается вперед. Стержень рукоятки уплощен и переходит в утолщенный перегиб, за которым следует округлое в сечении острие.

В оформлении этих поделок некоторые исследователи находили сходство с «ножкой животного» [6, с. 205—207; 10, с. 12], другие [5, с. 318] — с условным изображением женской фигуры. Орнамент на поделке нанесен в большинстве случаев только на участке от шляпки до верха выступа-перегиба, по одной стороне поделки, и состоит из ритмичных рядов крестиков или черточек или из неправильного чередования этих элементов по ребрам (граням) поделки. Иногда орнаментируется и обрез шляпки. Орнаментальное поле ограничено сверху и еще чаще снизу одной или несколькими поперечными линиями или углами. Иногда имеется орнаментированный участок и на противоположной стороне предмета [6, с. 206, 207]. В КІ [5, рис. 124, 12] у одного острия орнамента по граням нет и лишь почти сразу под шляпкой изображен поясок из трех поперечных линий. Следует отметить, что и в этом случае орнамент — поясок проходит как раз по перегибу изделия (рис. 4, *5*). Мы видим, что здесь достаточно устойчивы как сама форма поделки, так и орнаментальная композиция. Характерно, что, как и на лопаточках, здесь допускается три элемента оформления — ряды крестиков, ряды черточек и, наконец, поясок; иногда все элементы совмещены на одном предмете.

Зооморфные подтреугольные поделки. Известно всего 4 экз., три из них орнаментированы. Это фрагменты плоских подтреугольных поделок из бивня мамонта[6]. Верхняя часть представляет собой слегка выпуклый обрез, с небольшими округлыми ушками, расположенными по его краям. Сам предмет постепенно сужается книзу. В АВСТ ушки поделок снабжены сквозными прорезями [6, с. 210], в КІ [5, рис. 124, *1*] прорезей нет. По верхнему обрезу и краям поделки в типичной для костенковской культуры манере нанесены ряды косых крестиков, уголков или зубчиков. В целом форма поделки напоминает схематизированное изображение вытянутой морды животного. Верхняя часть предмета (обрез с ушками) похожа на одну из форм головок лопаточек из АВСТ и Хотылева [11, с. 156]. На одном экземпляре поделки из АВСТ имеются орнаментальные дополнения, отличающиеся по технике исполнения от основного орнамента. Создается впечатление, что они были нанесены позднее.

Орнаментированные метаподии и фаланги. В коллекции имеется шесть метаподий волка и других животных, орнаментированных ритмичными рядами крестиков либо коротких поперечных черточек [6, с. 209]. Иногда, как это обычно принято было в костенковской культуре, крестик и черточка в ряду нерегулярно чередуются. Орнамент располагается по двум гребням кости. На лицевой стороне кости наносились лишь разделительные линии, отделяющие блок метаподия и ограничивающие орнаментальное поле. Орнаментальная схема и элементы, ее составляющие, полностью

[6] В 1981 г. в АВН была найдена целая поделка этой группы. Нижняя часть предмета (отсутствующая на фрагментах) представляет собой очень плоское, узкое, овальное в плане острие. В целом форма поделки напоминает схематически изображенную спереди вытянутую морду животного. Эта находка позволяет рассматривать всю группу аналогичных поделок как еще один вариант предметов с фигурной головкой.

совпадают с теми, которые мы отмечали на остриях со шляпкой и навершиях лопаточек (рис. 4, *2*, *3*).

Все орнаментированные фаланги (семь) происходят из АВН. Орнамент состоит из пояска, с лицевой стороны подчеркивающего головку сустава. В одном случае внутри пояска имеется орнамент «клетка» (рис. 2, *6*).

Хотя описанные предметы и не являются «поделками», рассмотрению которых посвящена данная работа, мы включили их в анализ на основании ряда соображений. Во-первых, они достаточно серийны, что говорит о неслучайности выбора именно этих костей для орнаментации; во-вторых, орнамент на них по схеме расположения и композиции не отличается от орнамента на других предметах, имеющих фигурную головку; в-третьих, блок метаподия несколько напоминает (и, вероятно, напоминал палеолитическому человеку) лицо человека («личину»). С этим сходством, вероятно, и связана имитация метаподий животных, исполненная в бивне и обнаруженная в АВСТ и АВН [12].

Нам кажется, что изображая метаподий, человек передавал не метаподий как таковой, а, вероятно, некий устойчивый образ, который в его сознании ассоциировался с формой предмета «с фигурной головкой» вообще, частным случаем которого и являлся метаподий, служивший лишь одной из форм выражения этого символа-головки. В этой связи следует упомянуть еще один тип антропоморфных изображений «фигурок сидящего человека», изготовленных из метаподиев мамонта [6, с. 218].

Такое отношение к матаподиям не было свойственно лишь авдеевцам, о чем свидетельствует серия подобных «сидящих людей» со стоянки Пшедмост. Не исключено, что подобно тому, как палеолитический художник видел в скальном выступе пещеры контур животного и выявлял его несколькими точными штрихами, так же и в метаподии мамонта он видел какое-то сходство со знакомым и привычным ему образом и соответствующей обработкой уточнял и выявлял его. Эти наблюдения позволили нам отнести орнаментированные метаподии и фаланги в группу поделок с фигурной головкой.

Перейдем к анализу **орнаментальных деталей на фигурках женщин.** Нами были учтены 22 случая орнаментированных деталей на женских статуэтках. Пояски на талии — 4 раза: КІ-1923; КІ-1931; КІ-1936; АВН-1977, № 1 [5]. Пояски на груди (перевязи) — 9 раз[7]: КІ-1923 (два); КІ-1951 (два) [13]; КІ — статуэтка из мергеля № 20 (два); АВН-1976 (два); АВН-1978. Пояски на руках (браслеты) — 4 раза: КІ-1923; АВН-1976; АВН-1977, № 1 и 2. Орнамент на голове (прическа? головной убор?) — 5 раз: КІ-1936; КІ-1972 [14, с. 59, рис. 1, *1*]; АВН-1976; АВН-1977, № 1 и 2.

Почти все перевязи и пояски на женских фигурках орнаментированы клиновидной зубчатой насечкой, выполненной по типу «внутрь пояска со сдвинутым интервалом»[8]. У статуэтки КІ-1931 плохо сохранившийся пояс как будто состоит из нескольких таких лент и клиновидные насечки спускаются также вниз от пояска [15, с. 129, рис. 1, *5*]. Только у статуэтки КІ-1923 перевязь спереди орнаментирована косой клеткой [15, с. 129, рис. 1, *1*].

Орнамент на головках статуэток достаточно разнообразен. Трудно было определить характер орнамента на голове статуэтки (АВН-77, № 1). Единственные регулярные штрихи — это прямые поперечные черточки, образующие несколько вертикальных рядов. По сути это различные штрихи (горизонтальные, вертикальные, вытянутые вмятины), но они не упорядочены и расположены не ритмично (чего мы вправе ожидать от орнамента), а бессистемно. Они создают не геометрический, ритмично

---

[7] То, что мы учитывали орнамент на перевязях с обеих сторон, объясняется тем обстоятельством, что орнамент перевязи спереди и сзади различен. «Два» — указывалось при сохранности орнамента с обеих сторон.

[8] На некоторых статуэтках орнамент на поясах и перевязях в силу плохой сохранности или не определялся (КІ-1951), или трактовался произвольно. Имея перед собой серию предметов, мы посчитали возможным определить его как клиновидную насечку.

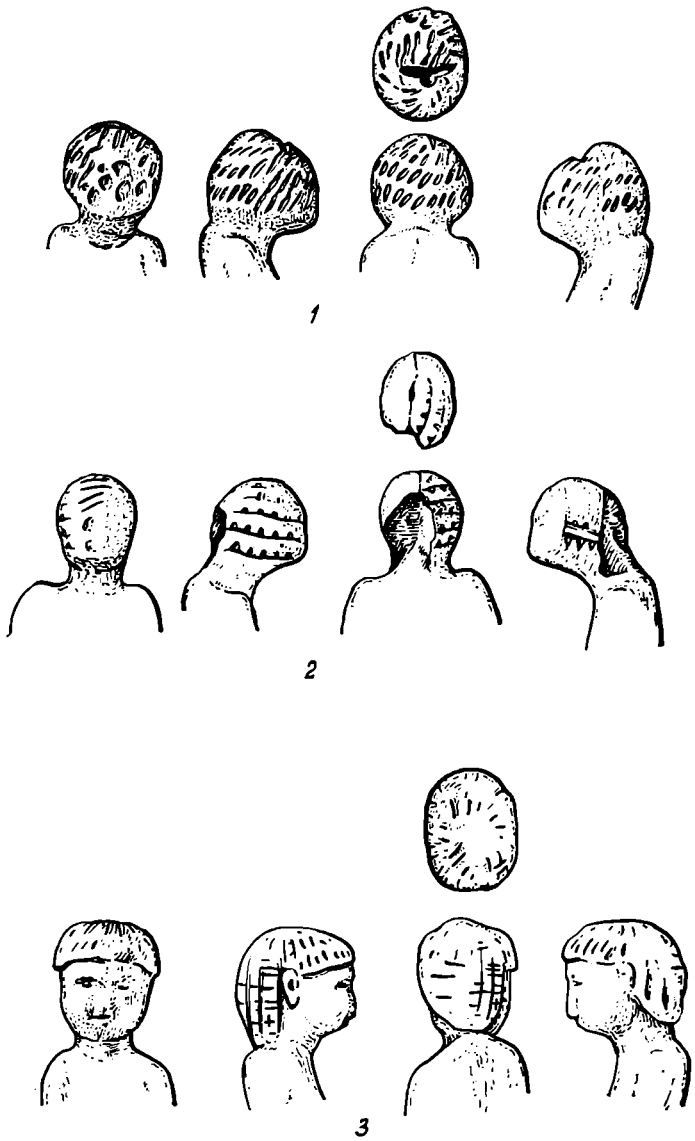


Рис. 6. Орнамент на голове статуэток. *1* — АВН-77, № 2; *2* — АВН-76; *3* — АВН-77, № 1

построенный узор, а лишь подчеркивают детали скульптурно переданной асимметричной головки (прическа?) (рис. 6, *3*).

На двух головках (КІ-1936 [9], и АВН-1976) орнамент выполнен клиновидной зубчатой насечкой. У первой переданы концентрически расположенные ряды клиновидных насечек. На статуэтке из АВН орнамент сложней [16]. Ряды его расположены несимметрично и состоят из нескольких линий с клиновидной насечкой (рис. 6, *2*). Интересно отметить, что орнамент клиновидной насечкой имеется на головке у одной статуэтки из Гагарина (№ 1) (?) и у Виллендорфской Венеры.

У статуэтки из АВН-77 № 2 голова орнаментирована концентрически расположенными рядами наклонных черточек (рис. 6, *1*). Наконец, орнамент на головке мергелевой статуэтки из КІ (новый объект) [14] оценивается нами как «клетка». Следует упомянуть, что «клетка» использована для орнаментации головок еще нескольких статуэток Западной Европы (Брассемпуи, Ментона).

[9] П. П. Ефименко, описывая этот орнамент, говорит лишь о рядах мелких зубчатых насечек, сплошь покрывающих головку [5, с. 350]. При просмотре оригинала мы отметили ряд плохо сохранившихся линий, с которых эти насечки были сделаны. Очевидно, таким же был и орнамент на головке статуэтки из мергеля [5, с. 370].

В результате анализа элементов орнамента на женских фигурках выясняется, что ленты-пояски на груди и талии в подавляющем большинстве были орнаментированы клиновидной насечкой со сдвинутым интервалом и лишь в одном случае — косой клеткой. Орнамент на голове в двух случаях включал клиновидную насечку, в двух — был образован рядами черточек и один раз клеткой. «Браслеты» на руках во всех четырех случаях представляли собой поперечные пояски без орнамента.

Таким образом, из 22 деталей на женских статуэтках 14 выполнены клиновидной насечкой, что составляет свыше 63% всех деталей. В то же время по материалу коллекции в целом количество предметов с этим орнаментом не превышает 17%. Другими словами, клиновидная насечка встречается на женских статуэтках в 3 раза чаще, чем на других поделках. Нам кажется, это свидетельствует об известной приуроченности этого варианта клиновидной насечки к изображениям женщин. Вторым вариантом, возможно связанным с ними, следует считать клетку.

К каким же выводам можно прийти в результате анализа орнамента костяных поделок костенковской культуры?

1. Из элементов орнамента наиболее часто встречается косой крестик (36,6% всех орнаментированных поделок), из девяти типов поделок он отсутствует лишь на двух. Очевидно, этот орнамент следует считать наиболее характерным для костенковской культуры, тем более что в других палеолитических культурах ряды из косых крестиков почти неизвестны, а в виллендорфской и павловской культурах единичны. Второй элемент орнамента — короткие поперечные линии — составляет 21,6%. Этот элемент широко распространен в верхнем палеолите, однако не всегда он располагается так же, как в Авдееве,— по краям поделки и нередко имеет другую ритмику. Клиновидная насечка по нашим материалам составляет около 17%, остальные элементы орнамента немногочисленны.

2. Выясняется некоторая связь между элементами орнамента и характером их размещения. Так, ряды коротких черточек и крестиков всегда приурочены к краям поделки и никогда не занимают сплошь поверхности орнаментального поля и не встречены внутри поясков. Зигзаг, елочка всегда равномерно располагаются по полю. Клиновидная насечка расположена или равномерно по полю (30%), или внутри пояска (70%) и обычно в этих случаях в варианте со сдвинутым интервалом (фоновый зигзаг). «Клетка» изображается по площади поля, внутри пояска или в виде дополнения.

3. Выбор орнамента и его расположения на предмете не вызваны технологическими причинами или материалом. Например, «клиновидная насечка» равным образом выполнялась на плоской или выпуклой поверхностях, на бивне, кости и мергеле. Так же и клетка, и зигзаг. Вместе с тем, рассматривая орнамент других культур или эпох, мы встречаем другие типы размещения тех же элементов (елочка на гранях поделки, крестик на плоскости, а не у краев, ряды черточек или поясков, опоясывающие весь предмет и т. д.). Это дает нам основание предполагать, что характер размещения элементов орнамента и их выбор вызваны не технологическими причинами, а культурной традицией. На этом основании можно сделать вывод, что археологическую культуру характеризуют как сами элементы орнамента, так и тип их расположения на орнаментальном поле и группировка элементов.

4. Выявляется довольно устойчивая связь между типом поделки и ее орнаментацией. Почти каждому виду поделки свойствен определенный орнаментальный узор (элементы орнамента и схема их расположения в орнаментальном поле), расположенный на определенном участке предмета. Иногда таких узоров не один, а два. Так, для тесел характерны ряды с клиновидной насечкой или ряды прорезных зигзагов; для игольников — орнаментальная схема из рядов крестиков и черточек, перебитых разделителями, или группы черточек по гребням; для лопаточек — ряды крестиков или черточек по краям, пояски-разделители в определенных местах. Близкая схема из тех же элементов орнамента встречается на остриях со шляпкой, метаподиях и фалангах. Зооморфные поделки орнаментируют-

ся по краям рядами крестиков и черточек без разделителей. На деталях женских статуэток преобладают пояски, орнаментированные клиновидной насечкой со сдвинутым интервалом, реже клеткой. Таким образом, выявляется четкая тенденция регламентации орнамента для каждого вида поделок [10].

Нам хотелось бы остановиться более подробно еще на одном наблюдении, возможность интерпретации которого строится на предшествующем анализе. Среди поделок костенковской культуры выявилась большая группа сходно орнаментированных вещей: лопаточки, острия со шляпкой, метаподии и фаланги, зооморфные поделки. Кроме орнамента все эти предметы объединяет наличие фигурной головки: округлой у лопаточек, в виде личины у метаподий и фаланг, вытянутой морды у зооморфных поделок, слегка наклонной и уплощенной сверху — у острий со шляпкой [11].

Можно ли считать случайностью, что одинаково орнаментированы именно предметы с головкой? Мало того, что все они орнаментированны одними элементами, орнамент имеет общую схему и одинаково расположено орнаментальное поле, орнаментация идет на всех поделках в трех вариантах: ряды крестиков или черточек по краям плюс разделители (линии, пояски, углы) на определенных участках или только разделитель-поясок под головкой, или только ряды черточек или крестиков (рис. 4, *1—6*).

Исходя из нашего наблюдения, что каждый тип поделки имеет определенную орнаментику, нам кажется, мы вправе объединить в одну группу все предметы с фигурной головкой и считать, что для них характерен именно такой тип орнаментации. Известно, что орнамент был не только декоративным элементом, но и нес какую-то смысловую нагрузку и был до известной степени сюжетным.

Наиболее многочисленны среди поделок с фигурной головкой лопаточки. Выше мы уже говорили о том, что навершия лопаточек были изготовлены по устойчивому стандарту. Стандартность их настолько высока, что, нам кажется, ее нельзя объяснить лишь традиционностью. Справедливым будет предположить, что этот стандарт объясняется тем, что в орнаментике были выражены сюжетно связанные моменты. По нашему мнению, это обстоятельство и было причиной строгого совпадения схемы и элементов орнамента на этих предметах. Другими словами, мы предполагаем, что форма рукояти и орнамент на ней представляют запись какого-то сюжета.

Тогда нам придется обратить внимание и на вариации орнаментальных деталей на этих предметах и считать их семантически однозначными и взаимозаменяемыми в орнаментальной схеме. Такими оказываются ряды крестиков и черточек по краям поля: на некоторых предметах оба ряда образованы одним из элементов, на других — один из рядов состоит из крестиков, второй — из черточек; иногда ряд образован комбинацией обоих элементов.

То же можно сказать и о разделителях — любой вид разделителя может быть помещен на любом из трех постоянных участков поля. Отсюда следует, что сам знак, изображающий разделитель, в данном контексте безразличен и что, таким образом, разделитель-линия равен разделителю-пояску и равен разделителю-углу. Интересно, что разделителей на одном предмете могло быть от трех до одного. В последнем случае он помещен под головкой или внизу орнаментального поля. Мы видим, что на однотипном предмете, в одной орнаментальной схеме эти элементы могут присутствовать все вместе, или каждый в отдельности, или чередоваться.

Нельзя ли расшифровать сюжет, который закодирован на лопаточках? Известным образом подсказку к выявлению этого сюжета дают нам

---

[10] Как мы уже говорили, орнамента, который был бы приурочен именно к диадемам, выявить не удалось.

[11] Близким к орнаменту на предметах с головкой является орнамент на игольниках. Можно предположить, что и у игольников была пробка — головка, сделанная из хрупкого, не дошедшего до нас материала.

рукояти лопаточек с нестандартными деталями. Так, у двух лопаточек пояски орнаментированы. В одном случае поясок помещен сразу под головкой, во втором — в верхней трети поля (рис. 5, *1*, *2*). Орнамент внутри обоих поясков — клиновидная насечка со сдвинутым интервалом (фоновый зигзаг).

Как мы уже говорили выше, пояски с таким орнаментом характерны для женских статуэток. Это наблюдение подтверждают новые находки, сделанные в 1983 г. в КІ. На обеих статуэтках, с которыми нам любезно позволил ознакомиться Н. Д. Прасолов,— пояски на груди и талии, браслеты у локтя, орнаментированные той же клиновидной насечкой со сдвинутым интервалом. На головке статуэтки мы также видим глубокие нарезки (но не клиновидные), размещенные также со сдвинутым интервалом. Как место пояска, так и орнамент позволяют воспринимать эту деталь на лопаточках как перевязь на статуэтках женщин. Верхние пояски лопаточек, не имеющие орнамента, также могут быть поняты как перевязь (см., например, перевязь на изображении из КІ [5, с. 380]).

Еще более отчетливо это сближение с женским изображением проступает на фрагменте лопаточки из АВСТ (рис. 5, *3*). Форма рукояти этого предмета соответствует условному изображению женского тела (ср., например, с изображением женщины из Межиричской стоянки [17, с. 204, рис. 80]). Роль разделительных линий на этой лопаточке играют параллельные углы, ориентированные вершиной вниз. Подобные углы обычно интерпретируют как женскую символику.

Таким образом, отступления от стандарта, менее абстрактные или выполненные в более привычной для нас символике, позволяют предположить, что орнамент на лопаточках передает образ женщин, подчеркнутый в ряде случаев и формой — предмет с фигурной головкой.

Лишь одно навершие лопаточки (рис. 5, *4*) оформлено по-другому — с выступающими ушками — и в целом напоминает голову зверя, что сближает ее с зооморфными треугольными поделками. Но для палеолита вообще неоднократно указывалось на сложное переплетение двух центральных образов в искусстве — женщины и зверя. Не вдаваясь в изложение этой проблемы, мы только укажем, что в данном случае возможно увидеть тождественность и взаимозаменяемость образа женщины и зверя, их ассоциативную взаимосвязь, отразившую в наличии на однотипных предметах двух вариантов головок — человека и зверя. Следовательно, наличие двух типов головок лопаточек не противоречит нашему предположению о том, что предметы с фигурной головкой тождественны женскому образу.

Если принять наше предположение о том, что форма и орнамент рукояток лопаточек соответствуют женскому образу, то придется идти в этом направлении дальше и признать, что организованное по этому же принципу оформление остальных поделок «с фигурной головкой» передает тот же образ. Об этом свидетельствуют как общность схемы и элементов орнамента, в некоторых случаях и форма поделки (острие со шляпкой), так и общие принципы взаимозаменяемости и чередования отдельных орнаментальных деталей (рис. 4, *1—6*).

Интересно, что на стоянке Пшедмост, для которой в первую очередь характерен криволинейный орнамент, известно схематическое изображение женщины, исполненное при помощи концентрических линий. В костенковской культуре еще более абстрактное изображение передано через такие характерные для этой культуры элементы орнамента, как ряды косых крестиков и черточек.

Таким образом, мы видим, что в костенковской культуре образ женщины нашел свое отображение как в скульптуре, так и в орнаментальных композициях на различных «предметах с фигурной головкой». Наши выводы, основанные на конкретном анализе орнамента на костяных поделках костенковской культуры, не противоречат ранее высказывавшимся предположениям ряда советских исследователей о связи предметов с фигурной головкой с женским образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство.– МИА, 1970, № 166.
2. *Столяр А. Д.* К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита.– МИА, 1972, № 185.
3. *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
4. *Фролов Б. А.* Изучение палеолитических жилищ на Русской равнине и проблемы содержания палеолитического искусства.– В кн.: Проблемы палеолита восточной и центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
5. *Ефименко П. П.* Костенки I. Л.: Наука, 1958.
6. *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.– МИА, 1953, № 39.
7. *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
8. *Заверняев Ф. М.* Гравировка на кости и камне Хотылевкой верхнепалеолитической стоянки.— СА, 1981, № 4.
9. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Л.: Соцэкгиз, 1938.
10. *Воеводский М. В., Алихова А. Е.* Авдеевская палеолитическая стоянка.— КСИИИМК, 1950, вып. XXXI.
11. *Заверняев Ф. М.* Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки (Хотылево II).– СА, 1978, № 4.
12. *Гвоздовер М. Д.* Новые находки из Авдеева.– Вопр. антропологии, 1983, вып. 71.
13. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР.– САИ, 1962, вып. А4-3.
14. *Рогачев А. Н., Праслов Н. Д., Аникович М. В., Беляева В. И., Дмитриева Т. Н.* Костенки I (стоянка Полякова, верхний слой).– В кн.: Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону 1879–1979. Л.: Наука, 1982.
15. *Абрамова З. А.* Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири.– МИА, 1960, № 79.
16. *Гвоздовер М. Д.* Новые изображения человека из Авдеевской палеолитической стоянки и их место среди статуэток костенковской культуры.— Вопр. антропологии, 1977, вып. 57.
17. *Пидопличко И. Г.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наук. думка, 1976.

M. D. Gvozdover

ORNAMENTAL DECORATIONS ON THE KOSTYONKI CULTURE ARTIFACTS

Summary

The article deals with an analysis of ornaments found on bone and tusk artifacts from the upper layer of two Palaeolithic sites, Avdeyevo and Kostyonki I. The author forwards her methods of their study and comes to the following conclusions: 1. ornamental designs, that is, ornamental elements and their spacial distribution is an identifying feature of the archaeological culture; 2. any given type of an artifact is characterised by one or two definite types of ornaments; 3. a group of similarly ornamented artifacts has been identified—«artifacts with irregularly shaped heads» («shovels», pins with heads, zoomorphic roughly triangular artifacts, ornamented metapodia and phalanges). According to the author the ornamentation of this group conveys the female image; 4. from this it follows that both sculpture and ornamental designs on artifacts with irregularly shaped heads convey the female image.

ДЕОПИК Д. В., ДЕРВИЗ П. Г.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

При публикации памятников срубной культуры, а также в исследовательских работах немалое внимание уделяется характеристике керамического материала. Но принципы различения керамических форм (т. е. опыты их классификации), как правило, слишком общи или построены на основании нечетко сформулированных признаков.

Предлагаемая работа представляет попытку детализированного и обоснованного разделения керамики срубной культуры из погребений Нижнего Подонья на основе списка строго определенных морфологических признаков. Исследование параметров форм керамики, выделившихся в результате разделения ее массива, вносит в классификацию некоторые коррективы и уточнения.

Классификация построена на массиве из 391 сосуда — материал из погребений 52 курганных и 4 грунтовых могильников Нижнего Дона и его притоков от г. Калача на севере до дельты Дона на юге (рис. 1). Весь керамический материал происходит из раскопок с середины 30-х годов по 1972 г. включительно и частично из раскопок 1973—1974 гг.[1] Количество сосудов представляется достаточным для выработки схемы их расчленения. Весь материал укладывается в традиционные хронологические рамки срубной культуры — вторая половина II тысячелетия до н. э. Сосуды классифицировались и измерялись по рисункам или фотографиям, приложенным к полевым отчетам.

Помимо выработки морфологической классификации авторами на основании исследования параметров сосудов делается попытка выявить взаимосвязанность или близость выделяемых форм, выяснить традиции керамического производства региона, а также некоторые вопросы формирования и развития отдельных форм.

Работа над материалом проводилась по следующим разделам: процедура разделения керамического массива на устойчивые разновидности форм (далее везде сокращено УРФ) [1 с. 4] по качественным признакам; общий обзор средних параметров и орнаментации сосудов по УРФ; выделение групп УРФ по значениям абсолютных параметров; выделение групп УРФ по значениям отношений параметров; сосуществование и контакты двух керамических традиций. Процессы формообразования, наблюдаемые в Нижнем Подонье в конце бронзового века.

В основу классификации керамики положен морфологический анализ, а не различия функционального назначения, которые иногда также используются при создании типологии и классификации материала этой категории [2].

Глиняные сосуды при всем разнообразии конкретных форм имеют одни и те же составные части профиля: придонная часть, плечо и венчик (рис. 2). *Придонная часть* — нижняя часть тулова от дна до его максимального диаметра; *плечо* — верхняя часть тулова от его максимального диаметра до устья; *венчик* — верхняя, отогнутая наружу или вертикальная, но выделенная относительно плеча, часть сосуда. Венчик и плечо могут и отсутствовать у сосуда. Рассмотрение венчика как способа завершения стенки сосуда и, следовательно, присутствие его на любом сосуде [3] представляется неверным. Верхний обрез венчикового со-

[1] Этот материал собран и любезно предоставлен для работы Э. С. Шарафутдиновой, за что выражаем ей глубокую признательность.

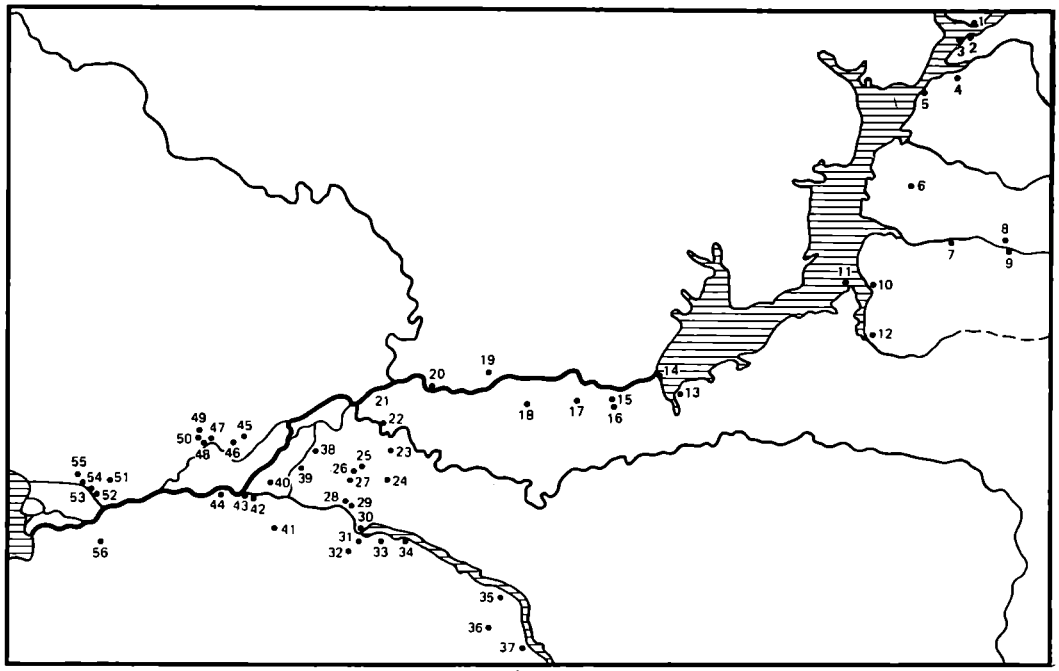


Рис. 1. Могильники Нижнего Подонья, из которых происходят сосуды исследуемого массива керамики. *1* — Ильевский; *2* — Пятиморский; *3* — Колпачки; *4* — Ляпичев; *5* — Ложки; *6* — Кирпичный бугор; *7* — Заливки; *8* — Жутово; *9* — МТФ; *10* — Верхне-Яблочный; *11* — Веселый; *12* — Захаровский; *13* — Соленый; *14* — Попов; *15* — Ясырев I; *16* — Ясырев III; *17* — Большовский холодный; *18* — Дубенцовский; *19* — Богоявленский; *20* — Константиновский; *21* — Романовский I; *22* — Романовский II; *23* — Слободская группа; *24* — Четыре брата II; *25* — Восход II; *26* — Восход I; *27* — Веселовская группа I; *28* — Шахаевский I; *29* — Шахаевский II; *30* — Спорный; *31* — Веселый I; *32* — Веселый II; *33* — Каракашев; *34* — Соленка; *35* — Северный II; *36* — Северный I; *37* — Южный; *38* — Ажинов; *39* — Верхне-Янченков; *40* — Лысый; *41* — Устьман; *42* — Крепинский I; *43* — Крепинский II; *44* — Алитуб; *45* — Донской; *46* — Кривянский; *47* — Новочеркасский; *48* — Кировский; *49* — Шибельный; *50* — Соколовский; *51* — окраина Ростова; *52* — Ливенцовский I; *53* — Ливенцовский IV; *54* — Хапры; *55* — Мокрый Чалтырь; *56* — Койсуг

суда с выраженным плечом или без него (т. е. представленного только придонной частью) рассматривается нами как устье.

Для классификационного расчленения керамического массива составляется список качественных признаков. Он считается завершенным и соответствующим задаче тогда, когда применение новых признаков приводит к дроблению массива на немассовые группы сосудов (численностью меньше 2% от всего массива) [1, с. 4]. В данном случае список составлен шестью признаками (см. приложение 1). Для контроля в него включен седьмой признак — профиль плечика сосуда. Список признаков нестатичен и, представляя собой открытую систему, всегда может быть расширен с увеличением комплекса исследуемых предметов [4, с. 60—96].

Классификационное разделение керамических форм проводится путем последовательного применения одного за другим признаков списка ко всему массиву керамики (схема на рис. 3). По первому признаку (место наибольшего расширения тулова сосуда) весь керамический массив делится на две части: 1 — сосуды с открытым устьем, состоящие только из придонной части — баночные формы. Обозначаем их индексом Б [2]

[2] Все индексы, фигурирующие в работе для обозначения групп керамики, а в дальнейшем УРФ,— это первая буква названия формы сосуда: банки — Б, горшки — Г, остроребериые безвенчиковые сосуды — О, промежуточная форма между баночными и остроребериыми формами — П. В этом авторы придерживаются принципа индексации типов керамики с поселения у с. Кирово [4]. Двойным индексом обозначаем морфологически переходные между основными категориями посуды формы (баночно-горшечная форма — БГ) и формы керамики, соединяющие в себе два ярких конструктивных элемента (например, остроребериая форма с горшечным венчиком — ГО).

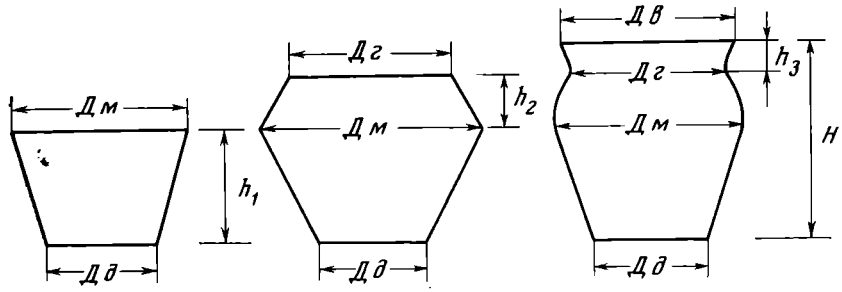


Рис. 2. Параметры сосудов

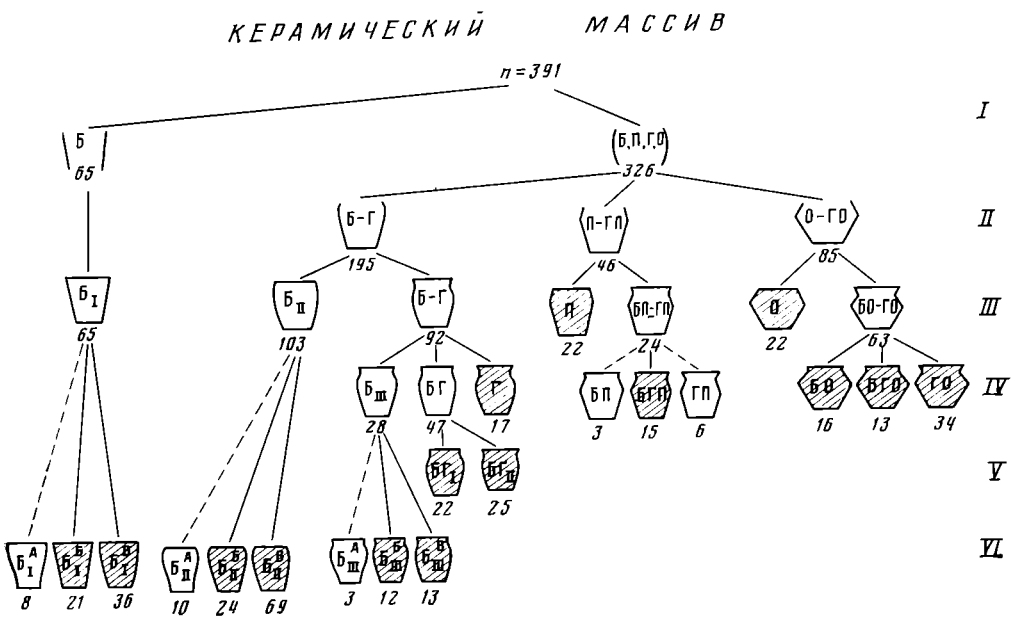


Рис. 3. Схема выработки морфологической классификации

($n=65$). 2 — сосуды со стянутым устьем — не только баночной формы. Обозначаем их индексом Б, П, Г, О ($n=326$).

Второй признак (характер перегиба стенок от придонной части к плечику сосуда) из всего массива реализуется только на группе со стянутым устьем (Б, П, Г, О). По этому признаку данная часть керамического комплекса распадается по количеству возможных значений на три группы: 1 — сосуды с плавным перегибом стенок от придонной части к плечику. В дальнейшем именуем их сосудами с плавным перегибом стенок. В эту группу входят и баночные и горшечные сосуды. Обозначаем их индексом Б—Г ($n=195$); 2 — сосуды с перегибом стенок от придонной части к плечику через грань (угол перегиба более 145°) [3]. В дальнейшем именуем их сосудами с гранью. Это сосуды промежуточной формы между сосудами, выделенными первым и третьим вариантами применяемого признака. Обозначаем их индексом П—ГП ($n=46$); 3 — сосуды с перегибом стенок от придонной части к плечику через ребро (угол перегиба менее 145°) [4]. В дальнейшем именуем их сосудами с ребром. Обозначаем их индексом О—ГО ($n=85$).

По третьему признаку (наличие венчика) часть массива, представленная сосудами с открытым устьем (группа Б), остается нерасчлененной (на них венчика быть не может по определению). Уточняя положение

[3] На сосуде с несколько сглаженным перегибом стенок от придонной части к плечику наличие грани констатируется при угле перегиба более 145° и прямизне стенок как придонной части, так и плечика сосуда.

[4] На сосуде с несколько сглаженным перегибом стенок от придонной части к плечику наличие ребра констатируется при угле перегиба менее 145° и прямизне стенок придонной части сосуда.

этой группы сосудов в классификации, обозначаем ее индексом $Б_I$. Применив рассматриваемый признак к трем группам сосудов со стянутым устьем (группы Б—Г, П—ГП, О—ГО), получаем шесть новых групп: 1 — безвенчиковые группы сосудов — негоршечные формы. Группу сосудов с плавным перегибом стенок обозначаем индексом $Б_{II}$ ($n=103$), группу с гранью — индексом П ($n=22$), группу с ребром — индексом О ($n=32$); 2 — группы сосудов с венчиком — горшечные группы, содержащие, впрочем, и некоторые баночные формы. В том же порядке, что и в предыдущем пункте, обозначаем группы индексами: Б—Г ($n=92$), БП—ГП ($n=24$), БО—ГО ($n=63$).

Часть из вновь выделившихся групп (П и О) имеют критические по массовости n, и следующие по списку признаки (признаки IV—VI) к этим группам не применяются, чтобы они не потеряли массовость, хотя в принципе могут быть применены (признак VI, например).

По четвертому признаку (степень профилированности венчика) все три венчиковые группы, выделившиеся при оценке по третьему признаку (Б—Г, БП—ГП, БО—ГО), распадаются каждая еще на три группы. В итоге получаем девять новых групп: 1 — группы сосудов со слабопрофилированным венчиком (венчик высотой 0,8 см и ниже, отогнутый или вертикальный). В работе он называется баночным венчиком. Группа сосудов с плавным перегибом стенок обозначается индексом $Б_{III}$ ($n=28$), группа с гранью — индексом БП ($n=3$), группа с ребром — индексом БО ($n=16$); 2 — группы сосудов со среднепрофилированным венчиком (венчик высокий, больше 0,8 см [5], отогнутый или вертикальный, но всегда слабо выраженный относительно плечика сосуда — угол отгиба относительно линии плечика меньше 30° [6]). В работе он называется баночно-горшечным венчиком. В том же порядке, что в предыдущем пункте, обозначаем группы индексами БГ ($n=47$), БГП ($n=15$) и БГО ($n=13$); 3 — группы сосудов с сильнопрофилированным венчиком (венчик высокий, больше 0,8 см, всегда отогнутый и сильно выраженный относительно плечика сосуда — угол отгиба относительно линии плечика больше 30°). В работе он называется горшечным венчиком. В том же порядке, что в предыдущих двух пунктах, обозначаем группы индексами Г ($n=17$), ГП ($n=6$) и ГО ($n=34$).

Две из вновь выделенных девяти групп оказываются малочисленными: группа БП представлена тремя экземплярами, группа ГП — шестью экземплярами. Это редкие разновидности формы, образованные значениями признака, которые в других группах этого уровня дали достаточно большое число реализаций (группы $Б_{III}$, Г, БО, ГО). Они имеют право на самостоятельное существование в создаваемой классификации и не могут быть слиты с родственной массовой группой БГП. Но они не могут быть включены в список УРФ (подробнее об этом см. ниже), так как не обладают свойством массовости.

На пятом уровне классификационного деления [7] происходит сокращение широты применения списочных признаков — следующие признаки списка применяются только к одной или нескольким группам керамики всего массива.

Пятый признак (степень отогнутости среднепрофилированного венчика) из трех групп сосудов со среднепрофилированным венчиком изучаемого комплекса имеет смысл применить только к группе сосудов с плавным перегибом стенок (группа БГ), так как с применением его к группам БГП и БГО и их дроблением теряется свойство массовости вновь

[5] Деление венчиков на высокие и низкие несколько условно, но необходимо. Граница между высокими и низкими венчиками была определена путем ранжирования высот венчиков в отдельности для каждой из трех групп сосудов со стянутым устьем, выделенных после оценки по второму признаку (группы Б—Г, П—ГП, О—ГО).

[6] Для сосудов с ребром (группа БО—ГО) имеются в виду вертикальные венчики (допускается отклонение от вертикали на 10°). Угол их отгиба относительно линии плечика допускается и больше 30° — до 40°.

[7] Применение нового признака (от первого до седьмого) каждый раз подразумевает переход на новый уровень классификационного деления.

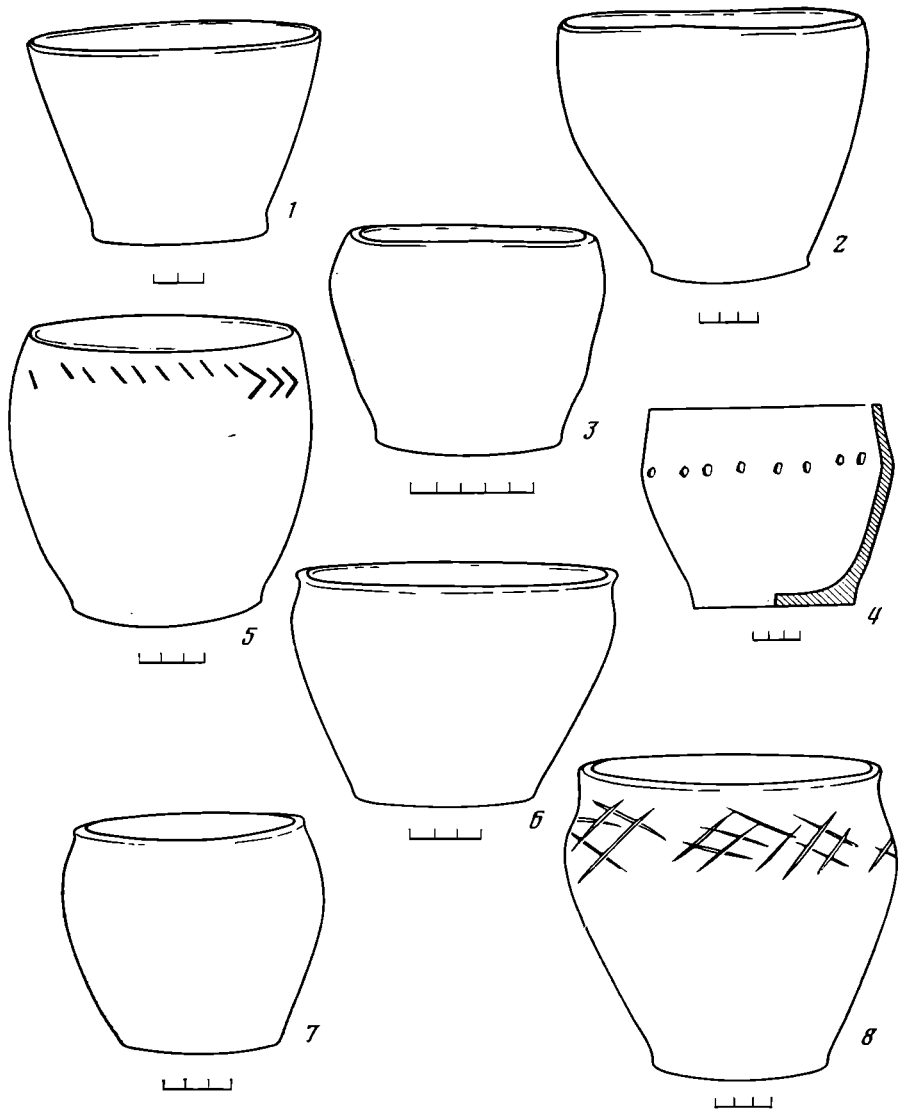


Рис. 4. Образцы сосудов выделенных УРФ керамического массива. *1* — $Б_I^б$ (Ливенцовский I, п. 44); *2* — $Б_I^в$ (Богоявленский, к. 26, п. 22); *3* — $Б_{II}^б$ (Ясырев I, к. 9, п. 28); *4* — П (Крепинский I, к. 22, п. 15); *5* — $Б_{II}^в$ (Устьман, к. 4, п. 3); *6* — $Б_{III}^б$ (Мокрый Чалтырь, к. 1, п. 4); *7* — $Б_{III}^в$ (Ясырев I, к. 9, п. 26); *8* — $БГ_I$ (Слободская группа, к. 1, п. 2)

образуемых групп (численность каждой из них становится менее десятка).

Выделяются две группы: 1 — сосуды с вертикальным среднепрофилированным венчиком (допускается отклонение венчика от вертикали до 10°) на выраженном плечике. Обозначаем их индексом $БГ_I$ (n=22); 2 — сосуды с отогнутым среднепрофилированным венчиком на невыраженном плечике. Обозначаем их индексом $БГ_{II}$ (n=25).

Шестой признак (профиль придонной части сосуда) из всего массива керамики применяется только к баночным формам (т. е. к группам $Б_I$, $Б_{II}$, $Б_{III}$), так как при применении его к остальным группам сосудов они с образованием более дробных групп теряют массовость.

Каждая баночная форма делится на три группы: 1 — сосуды с вогнутыми внутрь стенками придонной части. Обозначаем их последовательно индексами $Б_I^а$ (n=8), $Б_{II}^а$ (n=10), $Б_{III}^а$ (n=3); 2 — сосуды с прямыми стенками придонной части. Обозначаем их в последовательности применения признака индексами $Б_I^б$ (n=2), $Б_{II}^б$ (n=24), $Б_{III}^б$ (n=12); 3 — сосуды с выгнутыми наружу стенками придонной части. Обозначаем их последовательно индексами $Б_I^в$ (n=36), $Б_{II}^в$ (n=69), $Б_{III}^в$ (n=13).

В итоге получено девять баночных групп. Три из них, образованные реализацией первого варианта признака (вогнутые внутрь стенки при-

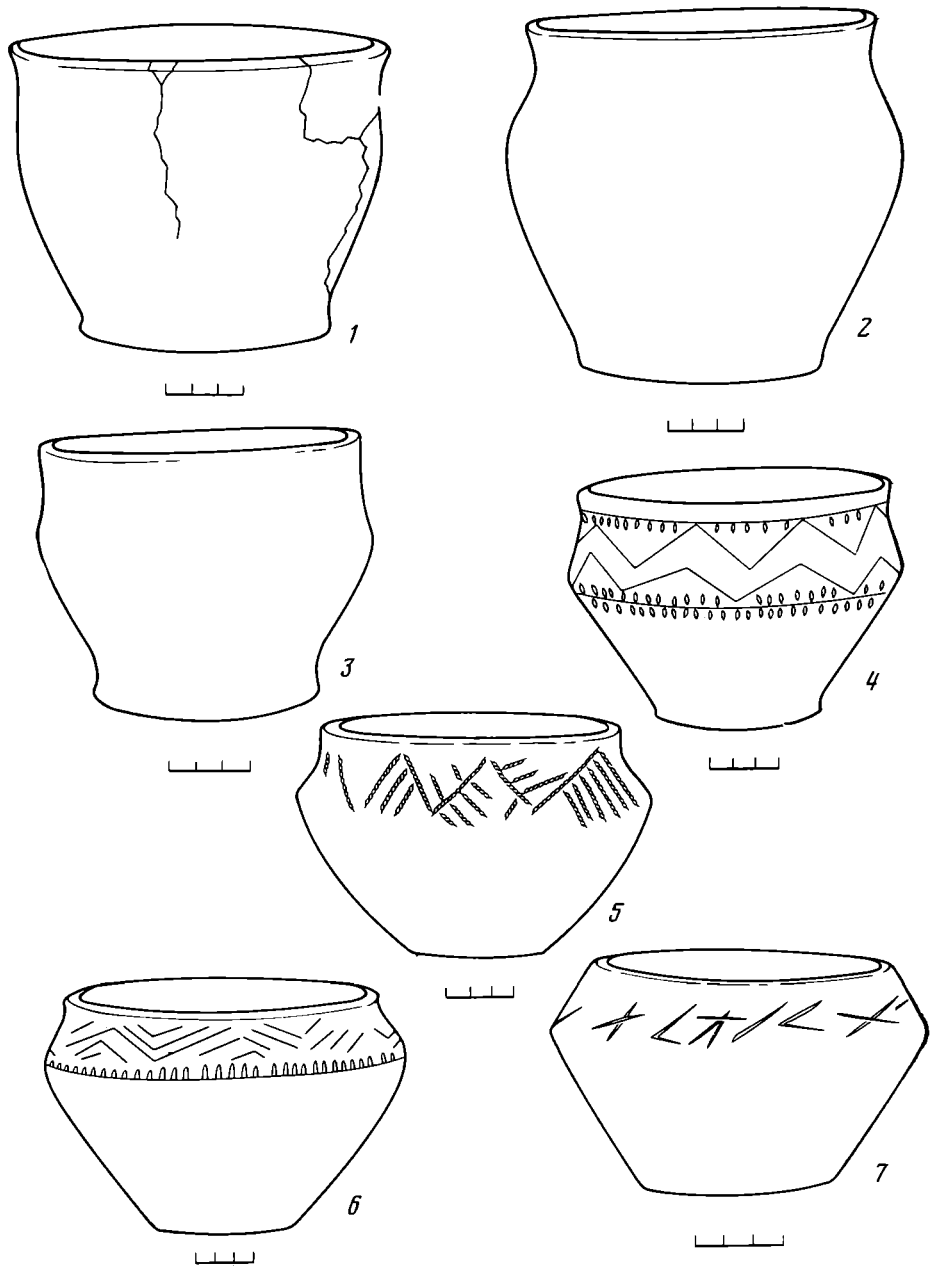


Рис. 5. Образцы сосудов выделенных УРФ керамического массива. *1* — $БГ_{II}$ (Четыре брата II, к. 12, п. 7); *2* — Г (Дубенцовский, группа III, к. 3, п. 5); *3* — БГП (Богоявленский, к. 26, п. 32); *4* — ГО (Дубенцовский, группа VI, к. 3, п. 3); *5* — БГО (Донской, к. 2, п. 14); *6* — БО (Верхне-Янченков, к. 11, п. 18); *7* — О (Романовский I, к. 3, п. 4)

донной части тулова), свойством массовости не обладают: группа $Б_I^а$ представлена 8 экз., группа $Б_{II}^а$ — 10 экз., группа $Б_{III}^а$ — 3 экз. Эти разновидности оказались нетипичными, редкими. Право на существование в данной классификации они имеют, но в список УРФ включены быть не могут (подробнее см. об этом ниже).

Была сделана попытка дальнейшего деления самой массовой группы из всех выделенных по массиву — группы $Б_{II}^а$ (банка с выгнутыми наружу стенками придонной части). Для этого был применен контрольный, седьмой признак — форма профиля плечика сосуда: прямой или выгнутый наружу. К другим группам керамического комплекса признак не применялся, так как с сопровождающим применение признака делением групп они теряют массовость — необходимое условие типичности. Полученные новые две группы оказались достаточно массовыми (n_1=23, n_2=46), но они не подтвердились параметрами: почти не дали различий по средним

Таблица 1

Средние значения параметров УРФ керамического массива

Индекс УРФ	Число обмерявших-ся сосудов УРФ	Параметры (с точностью до 0,1 см)								
		H	h_1+h_2	h_1	h_2	h_3	$Д_д$	$Д_м$	$Д_г$	$Д_в$
$Б_I^б$	18	–	–	9,3	–	–	8,5	12,9	–	–
$Б_I^в$	32	–	–	10,3	–	–	8,3	13,7	–	–
$Б_{II}^б$	18	–	11,5	9,1	2,3	–	8,7	14	13,1	–
$Б_{II}^в$	62	–	11,3	8,6	2,6	–	8,9	14,4	13,4	–
$Б_{III}^б$	11	13,7	13,1	10,1	3	0,6	9,1	16,2	14,9	15,1
$Б_{III}^в$	11	11	10,5	7,5	3	0,5	8,4	14,2	13,1	13,3
$БГ_I$	16	15,2	13,9	10,6	3,3	1,3	9,3	16,5	15	15,1
$БГ_{II}$	24	12,2	10,9	8,3	2,6	1,3	8,9	14,5	14	14,4
Г	12	13,7	12,3	8,9	3,4	1,4	8,7	15,5	13,7	14,3
П	19	–	12,1	8,7	3,4	–	9,2	14,6	13,5	–
БГП	13	11,3	9,6	7,4	2,2	1,7	9,5	14,6	14,2	14,4
ГО	29	11	9,7	7	2,7	1,3	8,3	15,1	13,4	13,9
БГО	12	10,5	9,3	6,8	2,5	1,2	7,7	15,4	13,8	13,8
БО	12	10,9	10,3	6,9	3,4	0,6	8,8	16,1	14	14,2
О	18	–	10,8	7,2	3,6	–	8,7	15,4	13,3	–

абсолютных размеров и средним их отношений. К тому же качественный признак, по которому выделены эти группы сосудов, невыразителен. Поэтому целесообразнее остановиться на применении для классификационного деления данного керамического массива шести вышеуказанных признаков.

В результате получен некий набор разновидностей форм керамики срубной культуры территории Нижнего Подонья, причем набор иерархизированный, так как различные разновидности формы выделяются на разных уровнях классификации (группы П и О выделились на третьем уровне, группы Г, БГП, БО и др. на четвертом уровне классификации и т. д.). За разновидностями формы, выделившимися на более высоких уровнях (третьем, четвертом или пятом), сохраняется возможность последующего деления, в чем может возникнуть необходимость, например при накоплении нового материала.

Из полученного набора разновидностей форм выделяются УРФ, их 15 (рис. 4, 5). На схеме (рис. 3) они выделены тонкой штриховкой. Выделение УРФ зависит от их численности. Очевидно, что между формой изделия, встречающейся редко, и формой, достаточно частой и в комплексе заметной, существует значительная разница, идентичная разнице между типичным и нетипичным. Разновидность формы какого-либо изделия становится устойчивой разновидностью из-за ее типичности в комплексе, что связано с высокой частотой употребления. Таким образом, немассовые группы БП, ГП, $Б_I^а$, $Б_{II}^а$, $Б_{III}^а$ в список УРФ керамики не входят и в последующих рассуждениях фигурировать не будут.

Прежде чем приступить к анализу параметров и отношений параметров УРФ, дадим общий обзор средних параметров УРФ по массиву (измерявшиеся параметры сосудов показаны на рис. 2), а также обзор орнаментации сосудов всех УРФ.

Самым чувствительным, сильнее всех меняющимся средним параметром является общая высота сосуда, которая изменяется прежде всего с изменением высоты придонной части сосуда (табл. 1). Только для УРФ с ребром (О—ГО) общая высота и высота придонной части сосуда от УРФ к УРФ почти не колеблются. Средние максимальный диаметр тулова, диаметры горла и венчика сосудов с ребром не настолько постоянны, как общая высота, но более устойчивы, чем эти же средние параметры у сосудов с открытым устьем ($Б_I^б$ и $Б_I^в$) и с плавным перегибом стенок ($Б_{III}$—Г) (табл. 1). Из УРФ с плавным перегибом стенок только две близкие между собой по качественным признакам формы показывают большое сходство и по количественным признакам: $Б_{II}^б$ и $Б_{...}^в$. Постоянны или мало

колеблются средние значения максимального диаметра тулова и диаметра горла для обеих УРФ с гранью (П и БГП — табл. 1).

Таким образом, формы с ребром (О, БО, БГО и ГО), а также формы с гранью (П и БГП) связаны каждые между собой по параметрам больше, чем с другими УРФ или чем те между собой.

Самым устойчивым по всему массиву керамики оказывается диаметр дна (табл. 1). Видимо, независимо от формы сосуда дно лепилось более или менее стандартное. Единственная прослеживаемая в этом плане тенденция — увеличение ширины дна при увеличении высоты сосуда: при формовке более высоких сосудов дно лепилось пошире.

Сосудов с орнаментом в сумме по массиву почти вдвое меньше, чем неорнаментированных (табл. 2). Доля орнаментированных сосудов для каждой УРФ показывает противостояние, с одной стороны, баночных ($Б_I$—$Б_{III}$) и баночно-горшечных УРФ ($БГ_I$ и $БГ_{II}$) и, с другой стороны, УРФ с ребром (О—ГО). Первым свойственен малый процент (16—46) орнаментированных сосудов или даже их отсутствие ($Б_I^б$), преобладание простых видов орнамента (один или два ряда вдавлений или насечек, зигзаг, параллельные горизонтальные линии и др.) и разнообразие его видов, но каждый вид орнаментации представлен только одним-двумя экземплярами. Для вторых характерен большой процент (70—80) орнаментированных сосудов и абсолютное преобладание (кроме ГО) орнаментации сложных видов регулярного, реже хаотического геометрического орнамента. В этом проявляется уже отмечавшаяся по параметрам монолитность всех УРФ с ребром и их положение несколько особняком от других УРФ.

УРФ с гранью (П и БПГ) по незначительности процента орнаментированных сосудов (27 для П и 14 для БГП — табл. 2) и характерности для них простых видов орнаментации (один-два ряда вдавлений или насечек, зигзаг) тяготеют к баночным и баночно-горшечным разновидностям формы. Особенно малым процентом орнаментированных сосудов (14) выделяются УРФ БГП. Все остальные УРФ со средне- и сильнопрофилированным венчиком содержат не меньше трети, а то и более двух третей сосудов с орнаментом. Этот факт подтверждает правильность выделения формы БГП в самостоятельную УРФ.

Горшечная УРФ Г по доле орнаментированных сосудов (60%) приближается к формам с ребром (60% орнаментированных сосудов имеют геометрический орнамент, на остальных — простые виды орнамента, свойственные формам с плавным перегибом). Отметим, что у баночно-горшечных УРФ и баночных УРФ с венчиком процент сосудов, украшенных геометрическим орнаментом, достаточно большой — от 25 до 46. Любопытно, что на горшечной УРФ с ребром (ГО) процент сосудов, украшенных простыми видами орнаментации, достигает 30, тогда как для баночно-горшечной УРФ БГО нет ни одного случая орнаментации иного вида, кроме сложного геометрического, в УРФ БО и О простые виды орнамента представлены по 1 экз. Объяснение этих фактов будет высказано в конце работы при подведении итогов.

Несомненно интересным представляется связать выделенные формы керамики с конкретными видами орнаментов. Однако только что проведенный общий обзор орнаментации сосудов массива показывает, что эта связь сложнее, чем кажется на первый взгляд. Выяснение ее требует создания детальной классификации орнаментов срубной керамики Нижнего Подонья, что представляет собой задачу самостоятельного исследования.

Тем не менее уже сейчас можно привести ряд характеристик. Из изложенного выше явствует, что баночным формам с плавным перегибом свойственны простые виды орнаментации разнообразных видов: один или два ряда вдавлений, насечек, ногтевых отпечатков, оттисков углового штампа, треугольных ромбических вдавлений, прочерченный зигзаг, параллельные горизонтальные, вертикальные, наклонные линии и др. (табл. 2). Для остроребериых УРФ характерны композиции из регулярного или хаотического геометрического орнамента, выполненного прочер-

Таблица 2

Представленность видов орнаментации сосудов по УРФ керамического массива, %

Индекс УРФ	Число сосудов УРФ	Вид орнаментации																				% орнаментированных сосудов
		ряд вдавлений	два ряда вдавлений	ряд вертикальных насечек	ряд косых насечек	два ряда косых насечек	два ряда ногтевых отпечатков	колонки горизонтальных оттисков веревочки	ряд оттисков углового штампа	отдельные вдавления, насечки	два ряда треугольных вдавлений	два ряда ромбических вдавлений	горизонтальный зигзаг	параллельные горизонтальные линии	парные вертикальные линии	ряд косых линий	хаотическая композиция из линий, насечек и вдавлений	регулярный геометрический орнамент	хаотический геометрический орнамент	пиктограмма	геометрический орнамент, распространяющийся на придонную часть сосуда	валик с насечками	
$Б_I^б$	21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
$Б_I^в$	35	25	–	–	–	–	12,5	12,5	–	–	–	–	12,5	12,5	–	–	12,5	–	–	–	12,5	23
$Б_{II}^б$	23	–	–	25	25	–	–	–	–	–	–	25	25	–	–	–	–	–	–	–	–	17,4
$Б_{II}^в$	69	9	9	9	18	–	–	–	–	9	–	–	–	–	–	–	–	2	18	–	–	16
$Б_{III}^б$	12	–	–	–	33,3	33,3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	33,3	–	–	–	25
$Б_{III}^в$	13	16,7	–	–	16,7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	16,7	–	50	–	–	–	33
$БГ_I$	18	33,3	–	–	–	–	–	–	16,7	–	–	–	–	–	–	–	–	16,7	16,7	–	16,7	36
$БГ_{II}$	28	30	–	–	–	–	–	–	–	20	–	–	–	–	–	–	–	50	–	–	–	60
Г	15	10	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10	–	–	–	–	50	10	–	–	27
П	22	33,3	16,7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	16,7	–	–	–	–	16,7	–	–	16,7	14
БГП	14	–	–	–	50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	50	–	–	68
ГО	34	4,4	–	8,7	–	–	–	–	–	4,4	–	–	–	–	4,4	8,7	–	65	4,4	–	–	69
БГО	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	66,7	33,3	–	–	80
БО	15	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8	–	89	–	8	–	46
О	23	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6	–	–	–	–	–	–	82	6	–	6	69,6

чиванием, веревочным и зубчатым штампами. Из остроребериых форм выделяется УРФ ГО, 30% орнаментированных сосудов которой украшены простыми видами орнаментации: рядом вдавлений, вертикальных насечек, рядом прочерченных наклонных линий, парных вертикальных линий, отдельными вдавлениями.

Связывание определенных видов орнамента с конкретными формами керамики усложнено для некоторых УРФ с плавным перегибом: горшечной (Г), баночно-горшечной ($БГ_I$ и $БГ_{II}$) и баночной формы с венчиком ($Б_{III}^{в}$). Только половина орнаментированных сосудов этих УРФ украшена простыми видами орнаментации, другая половина покрыта геометрическими композициями. Встречаются геометрические композиции и на формах $Б_{II}^{в}$ и $Б_{III}^{в}$. Видимо, «противоестественное» сочетание форм керамики, имеющих плавный перегиб, и геометрической орнаментации связано с функциональной нагрузкой, которую, вероятно, выполняли сосуды этого профиля параллельно с остроребериыми формами или после их исчезновения.

Двум формам с гранью (П и БГП) свойственны простые виды орнамента: один или два ряда вдавлений, ряд косых насечек, прочерченный горизонтальный зигзаг. Геометрические композиции орнамента менее характерны для этих УРФ. Безусловно, это не случайный факт, подчеркивающий различие этих форм и форм с ребром, хотя визуально по профилю они достаточно близки. Дальнейшее параметрическое исследование подтвердит и несколько прояснит различие этих форм.

Наметившееся при первом ознакомлении со средними параметрами УРФ разделение на формы с ребром, гранью и с плавным перегибом стенок уточняется анализом этих средних и окончательно формулируется на основании исследования распределений значений отношений параметров сосудов каждой УРФ.

Анализ абсолютных значений параметров. Корреляция средней общей высоты сосуда (параметры H, или h_1+h_2, или h_1) со средним максимальным диаметром его тулова (параметр $Д_м$) показывает два рода зависимостей (рис. 6): 1 — увеличение максимального диаметра тулова с возрастанием общей высоты сосуда для УРФ с плавным перегибом стенок и с открытым устьем; 2 — увеличение максимального диаметра тулова с уменьшением общей высоты сосуда для УРФ с ребром и гранью.

Корреляция средних высоты тулова (параметр h_1+h_2) и высоты венчика (параметр h_3) венчиковых УРФ также демонстрирует для них два рода зависимостей (рис. 6): 1 — высота венчика с увеличением высоты тулова практически не меняется для УРФ с плавным перегибом стенок; 2 — высота венчика с увеличением высоты тулова уменьшается для УРФ с ребром и гранью.

Корреляция средних высоты венчика (параметр h_3) с высотой придонной части сосуда (параметр h_1) и с высотой плечика (параметр h_2) всех венчиковых УРФ уточняет зависимость высот венчика и тулова (рис. 7). У форм с плавным перегибом стенок с увеличением высоты придонной части и плечика сосуда высота венчика практически не меняется. Появление же венчика сопровождается в некоторых случаях даже увеличением высоты плечика ($Б_{II}^{б}$, $Б_{III}^{б}$ см. табл. 2). У форм с ребром и гранью высота придонной части сосуда остается практически неизмененной, а высота венчика увеличивается с уменьшением высоты плечика, т. е. у этих УРФ венчик появляется и увеличивается за счет уменьшения высоты плечика. На УРФ же с плавным переходом венчик формовался не за счет плечика сосуда, а самостоятельно.

Итак, различие венчиковых форм двух выделяющихся совокупностей УРФ строится на различной взаимозависимости венчика и тулова, что зависит от разных технологических подходов к формовке венчика.

Корреляция средней общей высоты (параметр H) сосуда со средней высотой придонной части (параметр h_1) УРФ подтверждает выделение двух совокупностей формы в керамическом комплексе. УРФ с плавным перегибом стенок (формы первой совокупности) показали увеличение высоты придонной части с ростом общей высоты сосуда (рис. 7). Эта же

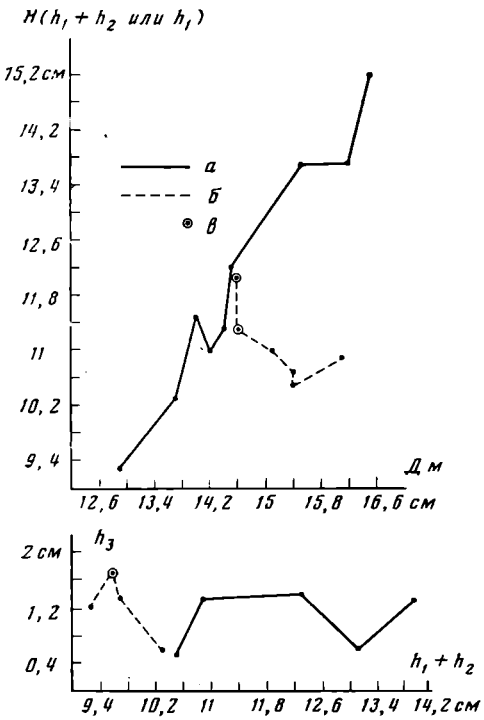


Рис. 6. Корреляция средних параметров УРФ. *а* — УРФ с плавным перегибом стенок и УРФ с открытым устьем; *б* — УРФ с ребром и гранью; *в* — УРФ с гранью

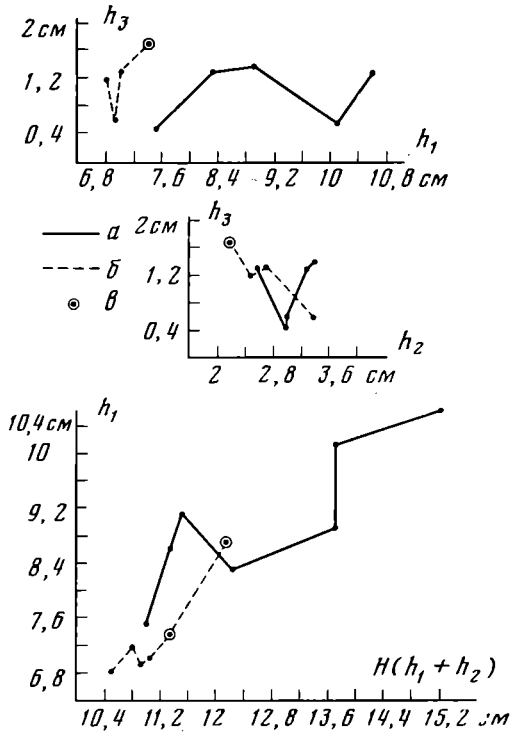


Рис. 7. Корреляция средних параметров УРФ. *а* — УРФ с плавным перегибом стенок и УРФ с открытым устьем; *б* — УРФ с ребром и гранью; *в* — УРФ с гранью

зависимость демонстрируется двумя УРФ с гранью (часть форм второй совокупности), чем они и тяготеют к формам с плавным перегибом стенок. У остальных форм второй совокупности (УРФ с ребром) при незначительном росте общей высоты высота придонной части практически не меняется (рис. 7).

Итог анализа абсолютных параметров: весь исследуемый керамический комплекс создан по двум моделям — сосуд с плавным перегибом стенок и сосуд с ребром. Сосуд, сформованный по первой модели, в размерах основных составных частей от УРФ к УРФ изменчив и неустойчив, но изменение высотных параметров прямо пропорционально изменениям широтных. Сосуд, сформованный по второй модели, состоит из двух мало зависимых частей (придонная часть и плечико с венчиком или без него). Обе части сосуда этой модели от УРФ к УРФ в размерах почти не меняются: появление венчика практически не сопровождается изменением общих размеров сосуда, и его увеличение от формы к форме происходит с участием только верхней части тулова (плечика) сосуда и за счет нее.

По принципу второй модели формуется венчик и у сосудов с гранью. Но на сосудах УРФ этого профиля не соблюдается неизменность параметров придонной части сосуда и плечика, свойственная сосудам с ребром: происходит вытягивание пропорций этих частей. Это позволяет считать сосуды с гранью (УРФ П и БГП) морфологически переходной формой между сосудами с плавным перегибом стенок и сосудами с ребром — между первой и второй совокупностями УРФ.

Общее для обеих совокупностей и промежуточной между ними формы — удлинение пропорций горшечных форм, что свойственно даже для горшечной формы с ребром (УРФ ГО — табл. 3).

Анализ значений отношений параметров. Для каждой УРФ были проработаны значения целого ряда отношений параметров каждого сосуда (список этих отношений см. приложение 2). По полученным значениям каждого отношения для каждой УРФ был построен граф, на оси абсцисс которого откладывались числовые значения отношения, а на оси орди-

Таблица 3

Средние значения отношений параметров УРФ керамического массива

Индекс УРФ	Число обмерявшихся сосудов УРФ	Отношения параметров					
		$\frac{Д_м}{H}$	$\frac{Д_м}{h_1 + h_2}$	$\frac{Д_м}{h_1}$	$\frac{Д_в}{Д_д}$	$\frac{Д_м}{Д_д}$	$\frac{Д_г}{Д_д}$
$Б_I^б$	18	–	–	1,39	–	1,52	–
$Б_I^п$	32	–	–	1,33	–	1,65	–
$Б_{II}^б$	18	–	1,25	–	–	1,61	1,52
$Б_{II}^в$	62	–	1,27	–	–	1,62	1,51
$Б_{III}^б$	11	1,18	–	–	1,66	1,78	1,64
$Б_{III}^в$	11	1,29	–	–	1,58	1,69	1,56
$БГ_I$	16	1,09	–	–	1,62	1,77	1,61
$БГ_{II}$	24	1,19	–	–	1,62	1,63	1,57
Г	12	1,13	–	–	1,64	1,78	1,58
П	19	–	1,21	–	–	1,59	1,47
БГП	13	1,29	–	–	1,52	1,54	1,5
ГО	29	1,37	–	–	1,68	1,82	1,62
БГО	12	1,47	–	–	1,79	2	1,79
БО	12	1,48	–	–	1,61	1,83	1,59
О	18	–	1,43	–	–	1,77	1,53

нат — количество в данной УРФ каждого значения этого отношения. В итоге были получены графические изображения распределений значений всех отношений. Графы распределения значений одних отношений оказались однотипными для всех УРФ. Графы других отношений — различные для разных УРФ (возможные их виды приведены на рис. 8). Графы последних отношений анализируются в качестве второго параметрического критерия выяснения взаимосвязанности и близости УРФ керамического массива. Анализируемые отношения составляют шапку табл. 3. Схожесть видов графов распределения значений одного и того же отношения разных УРФ рассматривается как признак близости этих УРФ. По этому признаку происходит дальнейшее деление и частичная перегруппировка двух совокупностей форм сосудов и переходной между ними формы — выделяется четыре группы форм.

Первую группу форм по схожему виду распределения значений отношения $Д_м/Д_д$ составила УРФ $Б_I^б$ и $Б_I^в$, обе состоящие только из придонной части сосуда.

Вторую группу форм, объединенную видами распределения значений отношений $Д_м/H$ и $Д_м/Д_д$, составили УРФ $Б_{II}^б$, $Б_{II}^в$ и П, переходная по абсолютным параметрам между формами с ребром и баночными формами. Наибольшая морфологическая близость УРФ П УРФ $Б_{II}^б$ (банка с прямой стенкой придонной части) из всех баночных УРФ подтверждается средними их основных отношений параметров, которые практически совпадают (табл. 3). Единственное отличие этих форм — высота расположения максимального диаметра тулова: средняя высота для П ниже, чем для $Б_{II}^б$, на 8 мм (табл. 2). Отличие этих форм по качественным признакам списка состоит в сглаженности перегиба стенок от придонной части к плечику для $Б_{II}^б$ и выраженности этого перегиба для П. Но по сравнению с другими безвенчиковыми УРФ с плавным перегибом стенок перегиб формы $Б_{II}^б$ более оформлен за счет обязательной прямизны стенки придонной части тулова. Говоря о принадлежности УРФ П к баночным формам, напомним, что об этом же свидетельствует характер орнаментации сосудов этой формы.

Третью группу форм составили баночно-горшечные и горшечные УРФ, объединенные видами распределения значений отношений $Д_м/H$ и $Д_м/Д_д$. УРФ этой группы форм представляют различные переходные стадии от баночных форм до выработанного горшка: УРФ $Б_{III}^б$ и $Б_{III}^в$, $БГ_I$ и $БГ_{II}$, Г. К этой же группе форм отошла УРФ БГП, переходная по абсолютным параметрам между формами с ребром и формами с плавным переходом. В эту же группу форм по видам распределения значений отношений вошла горшечная УРФ с ребром ГО.

Четвертая группа форм составлена по схожим видам распределения

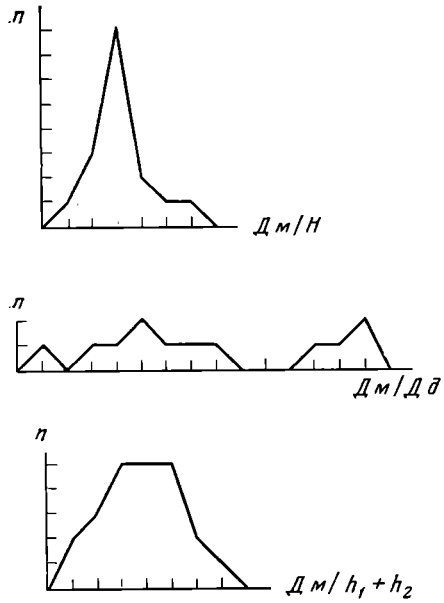


Рис. 8

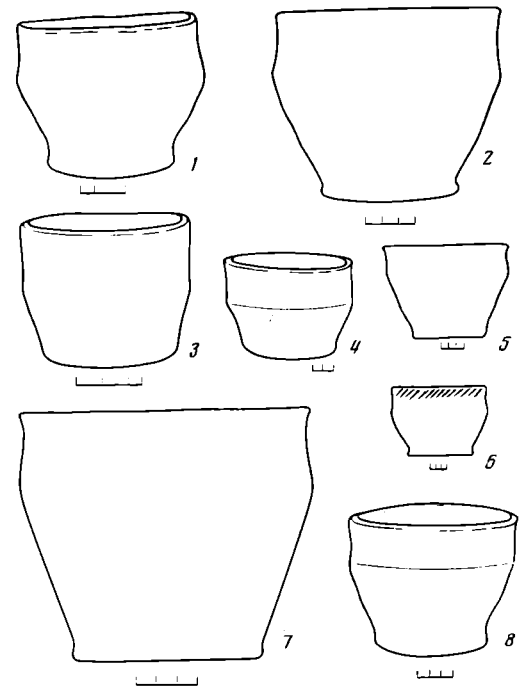


Рис. 9

Рис. 8. Виды графов распределения значений отношений параметров

Рис. 9. Сосуды УРФ БГП: *1* — Богоявленский, к. 26, п. 32; *2* — Четыре брата II, к. 12, п. 5; *3* — Ясырев I, к. 6, п. 15; *4* — Ливенцовский I, п. 30; *5* — Ливенцовский IV; п. 15; *6* — Ильевский, к. 10, п. 3; *7* — Веселый (р-н Цимлянского водохранилища), разрушенный курган; *8* — Донской, к. 2, п. 9

значений отношений $Д_м/H$, $Д_в/Д_д$ и $Д_м/Д_д$ УРФ с ребром: безвенчиковой УРФ О и УРФ с формирующимся венчиком БО и БГО.

Выделившиеся четыре группы форм не замкнуты каждая в себе и не обособлены, а имеют переходные УРФ. УРФ $Б_I^в$, включенная нами в первую группу форм, по средним параметров (табл. 2) и отношений параметров (табл. 3) располагается между УРФ $Б_I^б$ первой и формами второй групп форм. УРФ ГО и БГП третьей группы форм — переходные формы между третьей и четвертой группами форм. ГО по средним отношений основных параметров ближе к формам с ребром, чем к формам с плавным перегибом стенок. БГП по этим же средним располагается между УРФ Г и ГО (табл. 3).

Близость УРФ второй ($Б_{II}^б$ и $Б_{II}^в$) и третьей ($Б_{III}^б$ и $Б_{III}^в$, $БГ_I$, $БГ_{II}$) групп форм показывают средние параметров и отношений параметров баночных и баночно-горшечных форм, которые дают две линии связи обеих групп форм: $Б_{II}^б$—$Б_{III}^б$—$БГ_I$ и $Б_{II}^в$—$Б_{III}^в$—$БГ_{II}$ (табл. 2 и 3). Для форм первой линии свойственны более крупные размеры и вытянутые пропорции, чем для форм второй линии. Морфологическое отличие первой и второй линий форм состоит в прямизне стенок придонной части банок без венчиков и с венчиками для первой линии и в их выгнутости для тех же банок второй линии. Иначе говоря, прямая стенка придонной части сосуда скоррелирована с относительно высоким туловом, а выгнутая стенка придонной части — с относительно низким туловом. Эта закономерность прослеживается и на баночно-горшечных формах $БГ_I$ и $БГ_{II}$ обеих линий форм. Горшечная форма Г занимает по средним параметров и их отношений промежуточное положение между формами $БГ_I$ и $БГ_{II}$.

Суммируя результаты анализа абсолютных параметров и их отношений, заключаем, что керамический комплекс погребений срубной культуры бассейна Нижнего Дона состоит из четырех групп керамики: 1 — банка без плечика — УРФ $Б_I^б$ и $Б_I^в$; 2 — банка с плечиком — УРФ $Б_{II}^б$ и $Б_{II}^в$ и П; 3 — горшковидная банка — УРФ $Б_{III}^б$ и $Б_{III}^в$, баночно-горшечные

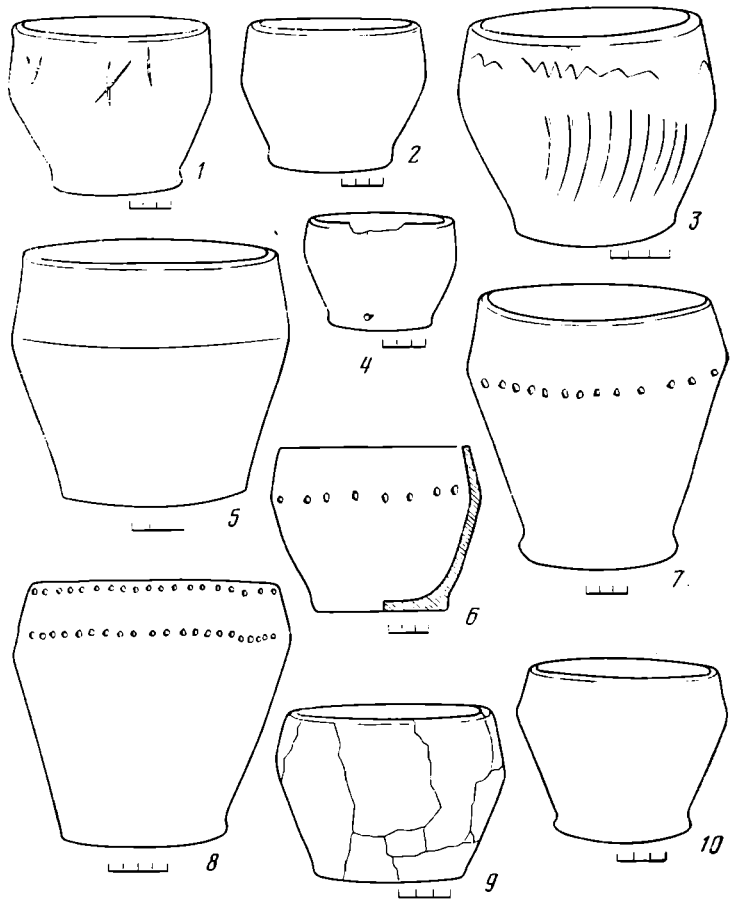


Рис. 10. Сосуды УРФ П. *1* — Верхне-Янченков, к. 11, п. 7; *2* — Константиновский, к. 3, п. 16; *3* — Захаровский, п. 5; *4* — Константиновский, к. 3, насыпь; *5* — Шибельный, к. 3, п. 2; *6* — Крепинский I, к. 22, п. 15; *7* — Крепинский II, к. 5, п. 3; *8* — Четыре брата II, к. 13, п. 3; *9* — Северный II, к. 1, п. 3; *10* — Веселый — 1934 г. к. 1, п. 3

формы — УРФ $БГ_{I}$ и $БГ_{II}$ и горшок — УРФ Г; 4 — остроребериые сосуды[8] безвенчиковые — УРФ О, с формирующимся венчиком — УРФ БО и БГО и остроребериые горшечные сосуды — УРФ ГО (причем УРФ ГО стоит в этой группе несколько особняком, приближаясь к УРФ третьей группы, что является следствием наличия высокого отогнутого венчика, свойственного сосудам УРФ Г) и переходной между горшками с плавным перегибом стенок и остроребериыми горшками формы с гранью — УРФ БГП.

Все четыре группы имеют переходные формы или морфологически близкие УРФ, что сообщает всему керамическому комплексу единство и взаимосвязанность — следствие длительного развития в рамках одной археологической, срубной культуры. Но это не исключает возможности существования различных традиций керамического производства, что отражается в наличии различных закономерностей изменения формы сосуда.

Как выяснилось, таких закономерностей две: для сосудов с плавным перегибом стенок (вторая — третья группы) и для остроребериых сосудов (четвертая группа) — они и соответствуют двум керамическим традициям, нивелируемым единым для них обеих процессом выработки венчика и вытягивания пропорций (горшковидность). Продуктом нивелировки и сближения двух традиций является промежуточная, контактная горшечная форма с гранью (УРФ БГП — рис. 9).

В среде двух контактирующих традиций вырабатывается еще одна

[8] Термин «остроребериый сосуд» тождествен термину «сосуд с ребром». Далее употребляем термин «остроребериый сосуд» как общепринятый в литературе по срубной культуре.

форма — баночное подражание остроребернóму сосуду (УРФ П — рис. 10). Конкретной баночной формой, на основании которой произошло формирование «баночного двойника» остроребернóй формы, явилась наиболее близкая с морфологической точки зрения банка с плечиком и с прямой стенкой придонной части (УРФ $Б_{II}^{6}$). Формирование двойника произошло с общим незначительным укрупнением абсолютных размеров этой УРФ и с выделением перегиба придонной части в плечико. При этом относительные размеры сосуда остались практически теми же. Это баночное «истолкование» остроребернóго сосуда говорит о большей жизнеспособности традиции плавного перегиба стенок. Отмирание остроребернóй формы, характерное для позднесрубной культуры, происходит через ее переработку в традиции сосудов с плавным перегибом стенок в новую баночную форму. Перерождение остроребернóй формы в баночную и появление формы БГП — процессы не узколокальные, свойственные только бассейну Нижнего Дона, а, по-видимому, общекультурные. Те же формы представлены на Нижней Волге[9], Нижнем Днепре и в соседних районах [5—7].

Изживание остроребернóх форм происходило и путем сглаживания ребра. Такие сосуды по классификационному делению оказались в баночно-горшечных ($БГ_{I}$ и $БГ_{II}$) и горшечной (Г) УРФ. Но на них сохраняется геометрический орнамент, характерный для остроребернóх форм, что было отмечено при обзоре орнаментации УРФ (хотя орнамент порой уже и распадающийся, нерегулярный). Эти сосуды и по форме приближаются к сосудам с ребром: широкие и приземистые, а если высокие, то имеют выраженные плечики с хорошо читающимся сглаженным перегибом. По-видимому, с отмиранием собственно остроребернóх форм их функцию еще некоторое время выполняли близкие по форме и пропорциям сосуды с плавным перегибом, часто украшавшиеся геометрическими композициями, ассоциируемыми древними с остроребернóми формами. Они, безусловно, должны быть отделены в классификации от других сосудов с плавным перегибом. Выделяющими их признаками могут стать пропорции и вид орнаментации. На рассматриваемом массиве отделение не проводится из-за малого количества подобных экземпляров.

Пока трудно сказать, существовали ли остроребернóе модификации вместе с настоящими остроребернóми сосудами или сменили их. Важно отметить, что остроребернóе сосуды без венчиков (О), со слабо- (БО) и среднепрофилированными (БГО) венчиками украшены практически только геометрической орнаментацией. Сосуды же с высоким отогнутым венчиком (ГО) более чем в трети случаев покрыты орнаментацией простых видов, т. е. УРФ ГО, содержащая уже значительный процент простых видов орнаментации, сравнительно поздняя форма или во всяком случае существует более длительное время. УРФ О, БО и БГО — более ранние формы, несут сложный геометрический орнамент. Такая общность трех остроребернóх форм (О, БО и БГО) в плане орнаментального их решения, а главное, выявленное почти полное тождество средних их параметрических характеристик позволяет объединить их в одну УРФ — О.

Орнамент на сосудах срубной культуры со временем упрощался и обеднялся. С отмиранием остроребернóх форм горшки (УРФ Г), по-видимому, имеют орнамент только простых видов. Горшечная УРФ БГП, включающая лишь единичные орнаментированные сосуды, является, по всей вероятности, поздней формой посуды срубной культуры. То же, исходя из происхождения формы и степени орнаментированности сосудов, можно сказать об УРФ П. Но зародилась эта форма, конечно, еще при существовании остроребернóх УРФ.

В заключении необходимо сказать, что проделанная работа подтверждает возможность морфологического и параметрического исследования керамики по рисункам и прорисям фотографий, воспроизведенным в масштабе (т. е. по отчетам и публикациям), в случаях затруднительности обращения к самим образцам или их утраты.

[9] Доклад Н. К. Качаловой «Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья», прочитанный на Втором куйбышевском совещании по проблемам срубной общности в 1982 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список признаков для выработки классификации исследуемого массива керамики

I Место наибольшего расширения тулова сосуда: 1 — наибольшее расширение совпадает с устьем сосуда; 2 — наибольшее расширение расположено на протяженности стенки тулова.

II Характер перегиба стенок от придонной части к плечику сосуда: 1 — плавный перегиб; 2 — перегиб через грань; 3 — перегиб через ребро.

III Наличие венчика: 1 — есть; 2 — нет.

IV Степень профилированности венчика: 1 — слабопрофилированный; 2 — среднепрофилированный; 3 — сильнопрофилированный.

V Степень отогнутости среднепрофилированного венчика: 1 — вертикальный на выраженном плечике; 2 — отогнутый на невыраженном плечике.

VI Профиль придонной части сосуда: 1 — стенки вогнутые; 2 — стенки прямые; 3 — стенки выгнутые.

VII Профиль плечика сосуда: 1 — плечико вогнутое; 2 — плечико прямое; 3 — плечико выгнутое.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список рассчитывавшихся отношений параметров сосудов

1. $Д_м/H$; 2. $h_1/(h_2+h_3)$; 3. h_1/h_2; 4. $Д_в/Д_г$; 5. $Д_в/Д_м$; 6. $Д_в/Д_д$; 7. $Д_м/Д_д$; 8. $(Д_в - Д_г)/2h_3$ — котангенс угла отгиба венчика; 9. $(Д_м - Д_г)/2h_2$ — котангенс угла наклона плечика; 10. $(Д_м - Д_д)/2h_1$ — котангенс угла наклона стенки придонной части сосуда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Деопик Д. В.* Соотношение статистических методов классификаций и культурно-стратиграфических характеристик в археологическом исследовании.– КСИА, 1977, вып. 148.
2. *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.– СА, 1968, № 3.
3. *Garden J. C.* Code pour la recherche des formes de poteries. P., 1976.
4. *Деопик Д. В.* Классификация и статистический анализ керамического комплекса поселения у с. Кирово.– В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев. Наук. думка, 1970.
5. *Телегин Д. Я., Круц В. А., Братченко С. Н., Смирнов С. В., Корпусова В. Н.* Вильнянская курганная группа.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
6. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье Орели и Самары.– В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1978.
7. *Деопик Д. В., Лесков А. М.* Кировское поселение. В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.

Deopik D. V., Derviz P. G.

MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF CERAMICS FOUND IN THE TIMBER-GRAVE CULTURE BURIALS IN THE LOWER DON

Summary

The authors offer their classification of a great number (391 objects) of pottery from burials of the timber-grave culture of the lower Don. They have identified 15 most typical forms (Figs. 3-5) combined, through their parametric analysis, into four groups: 1. Shoulderless jars with straight ($Б_I^б$) or curved ($Б_I^в$) sides of the lower part. 2. Jars characterised by the smoothly curved lower part which forms their shoulders and with either straight ($Б_{II}^б$) or curved ($Б_{II}^в$) sides of the lower part and jars in which the lower part forms a shoulder first forming a rib (П). 3. Pot-like jars with a straight ($Б_{III}^б$) or curved ($Б_{III}^в$) side of the lower part, mixed pot-jar forms with a vertical rim crowning a well-defined shoulder ($БГ_I$) and with a curved rim crowning a poorly defined shoulder ($БГ_{II}$), and also a pot (Г). 4. Forms with sharp ribs: without rims (О), with a low rim (БО), with a high yertical (БГО) and a curved rim (ГО). The classification reflects the existence of two tradition in ceramic production, namely, two patterns of changes of vessel forms: groups 2 and 3 – the 1st tradition, group 4 – the 2nd tradition. Both groups are drawn somewhat closer by a shared process of rim-making and lengthened proportions, the result of which is the transitional pot form with a rib (БГП–Fig. 9) combining the features of both traditions. In the border area of the two interacting traditions there emerged one more form – a jar-like imitation of a vessel with sharp ribs (П – Fig. 10) – a jar with a rib. The research conducted by the authors has shown that this form was based on the jar with the smoothly curved and straight sides of the lower part ($Б_{II}^б$). The gradual disappearance of the form with sharp ribs occurred through its transition into a new jar form according to the tradition of the smoothly curved vessels.

КУБЫШЕВ А. И., ЧЕРНЯКОВ И. Т.

К ПРОБЛЕМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕСОВОЙ СИСТЕМЫ У ПЛЕМЕН БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(на материалах погребения литейщика катакомбной культуры)

Археологические исследования последних десятилетий в степях юга СССР, связанные в основном с охранными раскопками в зонах оросительных систем, позволили не только во много раз увеличить фонд археологических источников по истории древнейших степных племен Евразии, но и создать новые представления о культурно-исторических процессах, уровне экономического и социального развития степного скотоводческого населения, характере связей с передовыми цивилизациями Передней Азии, Восточного Средиземноморья, древними культурами Балкан, Подунавья и Центральной Европы [1, с. 73—102]. Среди археологических источников особое место заняли материалы, характеризующие развитие древней металлургии, сыгравшей одну из ведущих ролей в прогрессе степных культур, установлении далеких связей с передовыми центрами древнего мира. Изучение изделий древней металлургии показало, что степные мастера бронзолитейного производства добились весьма значительных успехов и технический уровень развития этой древнейшей отрасли ремесла был таким же, как и в высоко развитых древних цивилизациях первых рабовладельческих государств Передней Азии и Восточного Средиземноморья. Металлургическое производство бронзового века юга Восточной Европы развивалось в тесном взаимодействии с центрами металлургии Анатолии, Кавказа, Балкан, Дунайско-Карпатского региона [2, с. 53—82]. В эпоху ранней и средней бронзы металлургические очаги указанных областей объединялись в единую Циркумпонтийскую металлургическую провинцию с довольно одинаковым набором металлических изделий и сходным уровнем производства, технических навыков и достижений. Любые нововведения в области металлургии и технические открытия, вероятно, сравнительно быстро становились достоянием многих даже удаленных центров металлообработки.

Спектральный анализ металлических изделий бронзового века, успешно разрабатываемый в последние годы советскими исследователями [3—11], показал, что с самого начала развития бронзолитейного производства древние мастера знали точную дозировку веса лигатур для получения бронзы, количественные показатели которой удивительно совпадают в изделиях различных металлургических центров и тем более многих мастерских одного региона. Сосредоточение разработок для добычи меди, мышьяковистых и оловянистых руд в сравнительно ограниченных местах, неравномерное распределение рудных источников вообще способствовали успешному развитию обмена между удаленными районами и центрами металлообработки. Для получения бронзы, состоящей из сплавов нескольких металлов, происходящих из различных рудных источников, часто удаленных друг от друга, обмен является просто необходимым для производства. Он становится важнейшим фактором культурно-исторического развития и прогресса древних народов и племен в эпоху металла [12, с. 317—336].

Развитие металлургического производства и обмена металлом, безусловно, предполагает наличие каких-то весовых систем для точной дози-

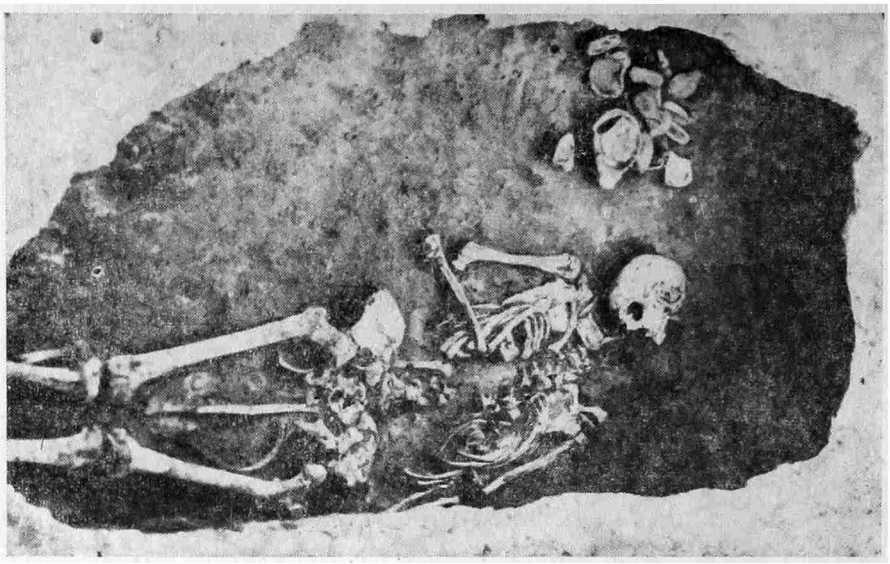


Рис. 1. Погр. 7 литейщика катакомбной культуры из кург. № 2 у с. Малая Терновка

ровки лигатур, разливки металла, определения его количества для каждого вида изделий, торговли ими и слитками металла. К сожалению, никаких археологических источников, прямо свидетельствующих о применении в бронзовом веке Восточной Европы этой категории измерения, пока не обнаружено, хотя вряд ли кто-либо из исследователей, занимающихся проблемами древней металлургии, сомневался в ее существовании.

В 1981 г. при раскопках курганов в зоне строительства оросительной системы у с. Малая Терновка Акимовского р-на Запорожской обл. Херсонской экспедицией Института археологии АН УССР обнаружено погребение литейщика катакомбной культуры с большим набором принадлежностей металлургического производства, позволяющих, на наш взгляд, начать разработку проблемы существования весовой системы у племен бронзового века степной зоны Восточной Европы.

Курганная группа находилась в 2 км к северу от с. Малая Терновка, на вершине водораздельной возвышенности между р. Малый Утлюк и лиманом у устья р. Молочной, впадающих в Азовское море. В группе насчитывалось 30 курганов, расположенных неровной цепью с востока на запад на расстоянии 2 км, в 20—130 м один от другого. Курганы небольшие, до 1 м высотой. На западном и восточном концах, в центре курганной группы находились большие курганы, высота которых достигала 2 м и более. Раскопками исследована западная и центральная части курганного могильника (кург. № 1—18). Создание курганной группы началось еще в энеолите (кург. № 1, 2, 14), продолжалось в эпоху бронзы, скифское время и эпоху поздних кочевников. В наиболее древних курганах ямного времени находились впускные погребения катакомбной культуры. Интересующий нас курган № 2 входит в восточную часть группы — в 20 м к северу от кург. № 4 и восточнее (100 м) кург. № 15. Его высота — 1,1, диаметр — 30 м. В кургане открыто 11 погребений: одно ямное, пять катакомбных, одно срубное, одно половецкое и три неопределенных. Основным в кургане было ямное погр. 2. Среди катакомбных впускных погребений наиболее интересными оказались погр. 3 (пятеро детей) и 7 — с набором принадлежностей древнего литейщика.

Погребение 7 обнаружено в 2 м к югу и 11,5 м к востоку от репера в центральной части кургана. Катакомба имела входной колодец круглой формы диаметром 0,9 м, дно которого находилось на глубине 1,7 м. К сожалению, колодец по всей глубине проследить не удалось, поскольку он сооружен в черноземной насыпи кургана и заполнен черноземом. Камера располагалась к западу от входного колодца в сторону к центру

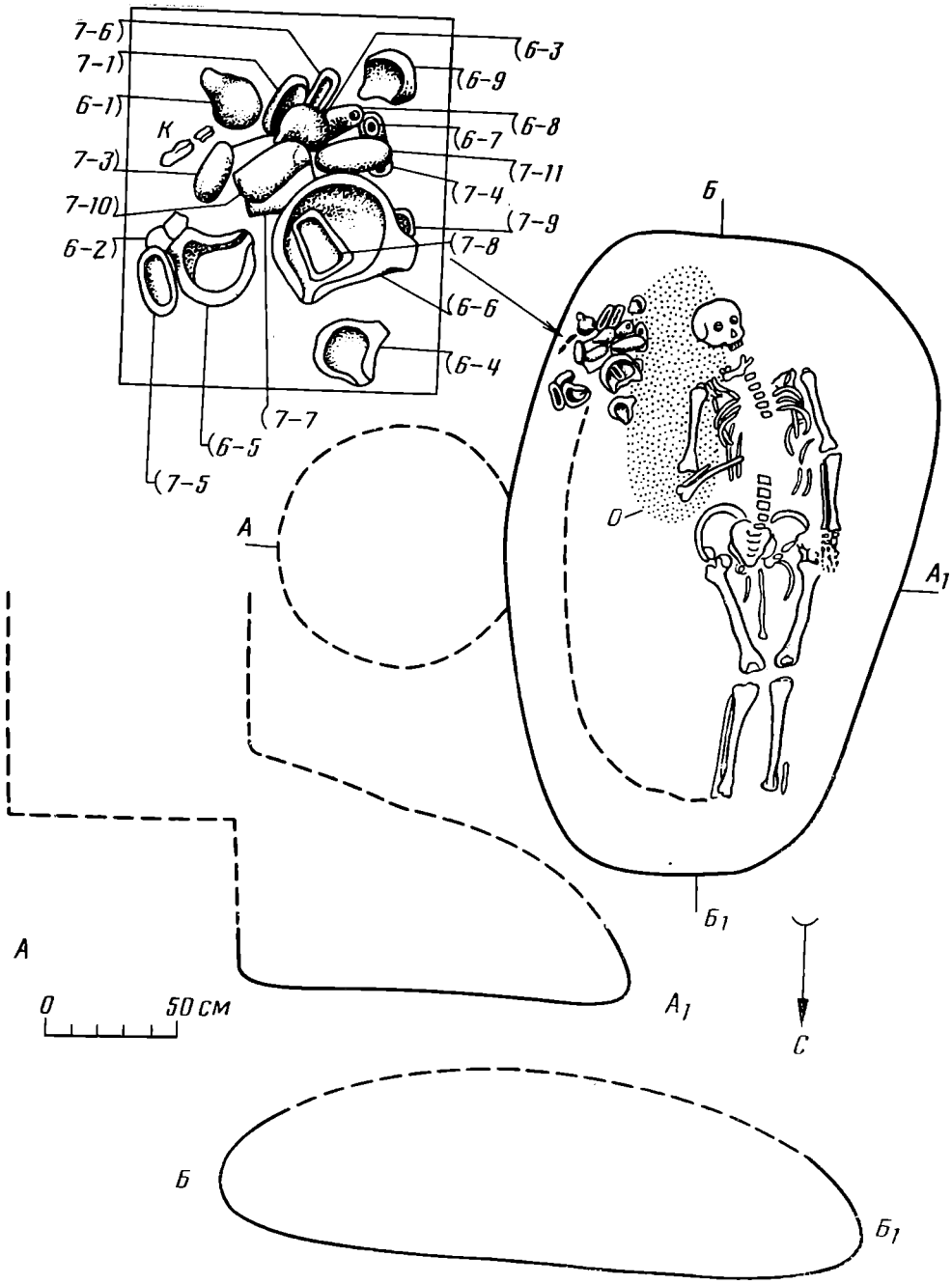


Рис. 2. Погр. 7 из кург. № 2. *А*, $А_1$, *Б*, $Б_1$ — план и разрез катакомбы и дромоса; *К* — кость, *О* — пятно охры. На врезке номера предметов (6—9; 7—11 и т. д.) соответствуют их номерам на рис. 6 и 7 (6—9=рис. 6, *9*)

кургана. Она имела неправильную овальную форму и эллипсоидный свод. Размеры камеры: длина — 2,4, ширина южной части — 1,5, северной — 1,1 м; высота свода — около 0,7 м. Камера ориентирована длинной осью по линии север — юг, дно находилось на глубине 2,3 м.

На дне камеры лежал в вытянутом положении на спине скелет мужчины, головой на юг-юго-восток. Погребенный лежал почти посередине камеры, немного ближе к западной стенке, противоположной входу. Лицевая часть черепа слегка повернута ко входу в камеру. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая, вероятно, была согнута в локте и кистью положена на живот (рис. 1). С правой стороны от головы до тазовых костей прослежено овальное скопление охры (длина — 1, ширина — 0,4 м). Четкие контуры пятна охры, возможно, свидетельствуют о

Рис. 3. Расположение набора литейщика в катакомбном погр. 7 кург. № 2 у с. Малая Терновка

Рис. 4. Набор льячек, литейных форм и сопел из катакомбного погр. 7 кург. № 2 у с. Малая Терновка (на внутренней поверхности литейных форм видны оставшиеся слои обмазки мелом и глиной)

Рис. 3

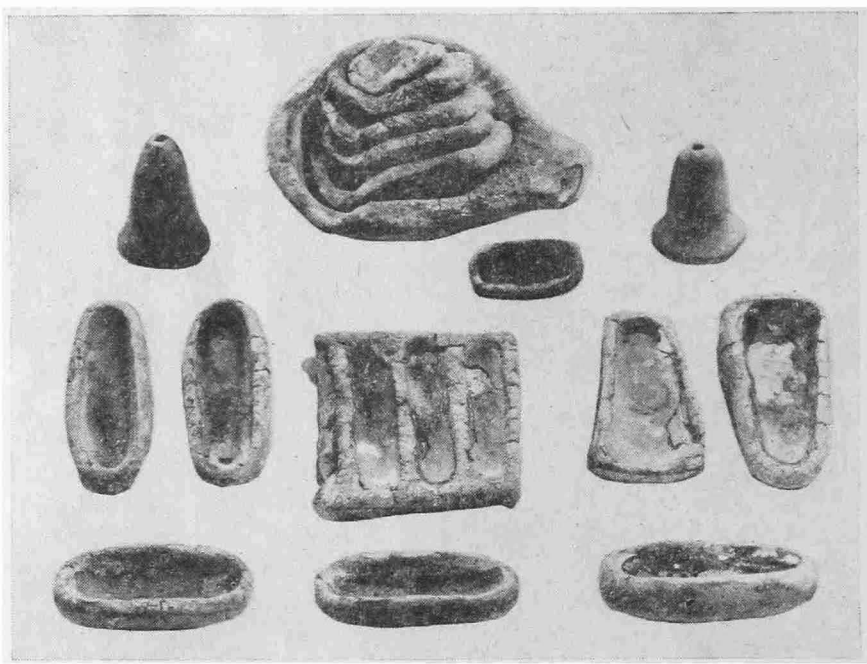


Рис. 4

том, что она находилась на каком-то предмете органического происхождения (подстилка, одежда ?).

Напротив головы и правого плеча справа на расстоянии 20 см до стенки камеры находились предметы, представляющие собой набор принадлежностей древнего литейщика: 2 глиняных сопла, 6 разновеликих льячек, 9 глиняных литейных форм с 13 негативами, 2 глиняные модели, поделка из мела и плохо сохранившийся рог животного (рис. 2; рис. 3). Все предметы лежали на небольшом пространстве (50×40 см), занимающем место от края пятна охры до стенки камеры. В центре находилась большая льячка, под которой и в ней самой были две литейные формы для отливки пирамидальных предметов (рис. 3). Севернее, на небольшом расстоянии, лежала еще одна льячка, восточнее — одна льячка и литей-

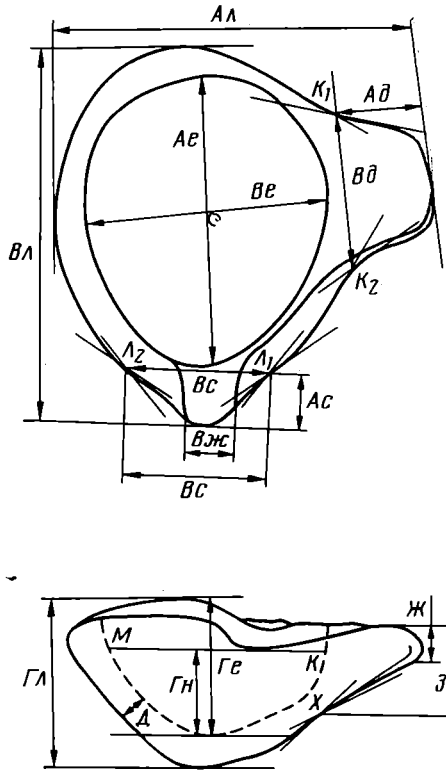


Рис. 5. Схема обмеров основных частей льячки. *Ал* — длина льячки; *Вл* — ширина льячки; *Ад* — длина держателя; *Вд* — ширина держателя; *Ае* — длина емкости; *Ве* — ширина емкости; $К_1$—$К_2$ — точки для определения линии, отделяющей держатель от тела льячки; $Л_1$—$Л_2$ — точки для определения линии, отделяющей слив от тулова льячки; *Ас* — длина слива; *Вс* — ширина слива; *Вж* — ширина желоба слива; *Гл* — высота льячки; *Ге* — глубина емкости; *Гн* — глубина налива металла; *М*, *К* — верхняя линия налива металла; *Х* — точка для определения границы держателя и тела льячки; *Ж*, *З* — толщина держателя; *Д* — толщина стенок

ная форма с негативом овальной формы. Южнее впритык друг к другу, часто перекрывая друг друга, лежали остальные предметы этого набора (рис. 3). Какой-либо порядок в их размещении заметить трудно. По своей многочисленности и многообразию открытый набор принадлежностей литейщика уникален для этой категории находок бронзового века степей Восточной Европы (рис. 4).

Все льячки однотипны. Они представляют собой овальной формы неглубокую ложкообразную плошку, имеющую небольшой пирамидальный держатель (ручку) и вытянутый с одной стороны носик для слива металла, расположенный перпендикулярно к линии расположения держателя (рис. 5; рис. 6, *1—6*). Все льячки изготовлены из серой глины со значительными примесями. Внешняя поверхность их заглажена, а у некоторых обработана зубчатым штампом (рис. 6, *4—6*). Все льячки использовались: внутренняя поверхность зашлакована, покрыта пятнами «глазури» от шлаков, у некоторых зашлакованы края (рис. 6, *3*, *5*). Во многих льячках остались капли от расплавленной бронзы. Основным отличием льячек в наборе являются их различные размеры: самая маленькая имеет длину — 5,2, ширину — 5, высоту — 2,2 см; самая большая в длину — 17, ширину — 16,5, высоту — 4,6 см. (табл. 1). Схема обмеров льячек представлена на рис. 5. Длина льячки принимается по оси расположения держателя, во всех случаях она не больше ширины, принимаемой по оси расположения слива. Длина емкости льячки принимается по оси расположения слива, перпендикулярной оси держателя. Точки, определяющие разделяющую линию держателя и тела льячки, а также слива, определены при помощи пересечения касательных к линиям названных деталей и линии тела льячки. Глубина емкости выражена двумя цифрами: верхняя — общая глубина от верхнего края до дна, нижняя — от уровня глубины слива, совпадающего с линией наибольшего налива металла, до дна. Ширина держателя и слива также даны двумя цифрами: верхняя — наибольшая ширина у тела льячки, нижняя — ширина конца. Все номера льячек в таблице соответствуют номерам на рис. 6, размеры даны в миллиметрах.

Два конусовидных глиняных сопла, на широком конце которых имеется валик для надежного присоединения мехов путем привязывания их соединительной части к соплу. Сопла изготовлены из более однород-

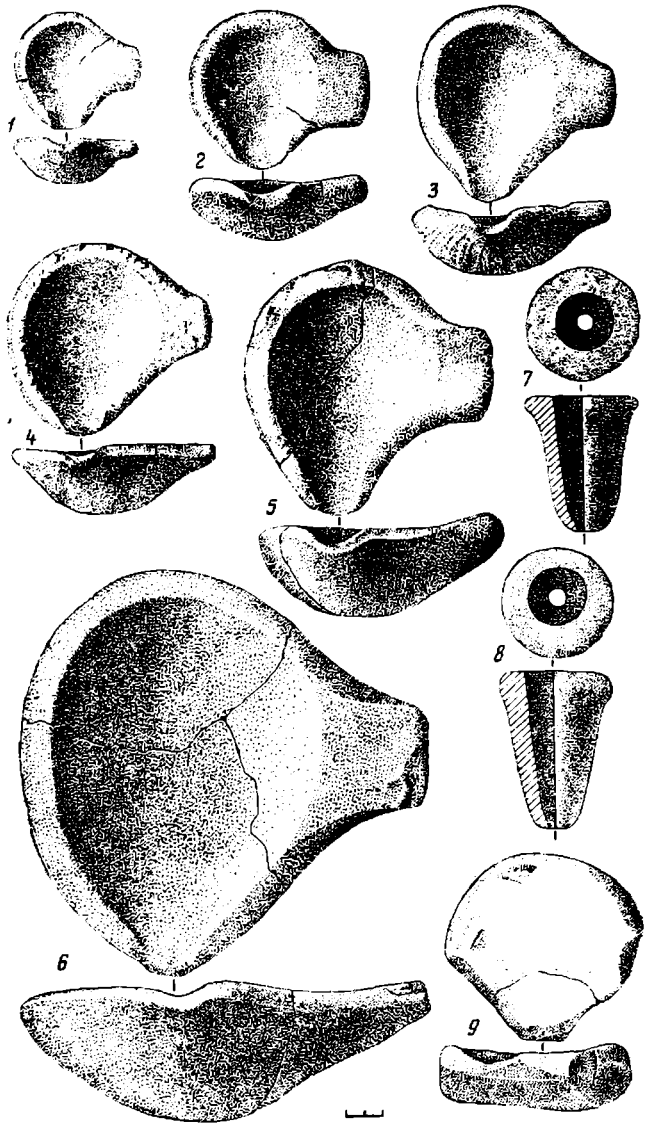


Рис. 6. Глиняные льячки (*1—6*), сопла (*7*, *8*) и заготовка из мела (*9*) из погр. 7 кург. № 2 у с. Малая Терновка

ной глины и хорошо обожжены (рис. 6, *7*, *8*). Размеры первого: длина — 6,6 см, диаметр валика — 5, диаметр нижней части конуса — 2, диаметр отверстия — 2,5—0,7 см. Отверстие по длине конусом расширяется к валику (рис. 6, *8*). Второе сопло имеет длину 6 см, диаметр валика — 4,5 см, нижней части — 2,5 см, отверстия — 2,0—0,6 см (рис. 6, *7*).

Поделка из мела по форме похожа на глиняные льячки. Внутренняя ее часть имеет следы стачивания для получения порошка мела (рис. 6. *9*). Ее размеры: длина — 9,1 см, ширина — 8,4, высота — 3,1, глубина — 2 см.

Глиняные литейные формы по их контурным очертаниям и негативам можно разбить на две группы: 1) литейные формы овально-продолговатых очертаний с таким же негативом; 2) литейные формы пирамидальных очертаний с таким же негативом (рис. 8, *1—6*, *8*, *9*). Выделяется литейная форма прямоугольных очертаний с несколькими продольно-овальными негативами, аналогичными негативам первой группы (рис. 7, *7*). На ней сделано сразу четыре негатива, один край формы обломан, и не исключено, что негативов было хотя бы на один больше.

Глина литейных форм, как и льячек, имеет значительные примеси. Все литейные формы использовались для отливок: на многих сохранились

Таблица 1

Размеры льячек и их деталей, мм

№	Общая длина	Общая ширина	Высота	Емкость			Держатель			Слив		
				длина	ширина	глубина	длина	ширина	толщина	длина	ширина	толщина стенок
1	52	50	22	35	32	14/10	15	21/16	6	12	22/10	6
2	75	70	34	50	45	26/20	20	33/30	12	15	35/10	8
3	84	82	30	65	55	25/20	21	37/25	10	15	35/10	7
4	83	88	30	64	60	25/15	22	35/24	8	14	27/12	7
5	108	102	32	80	69	28/20	23	53/43	17	20	45/15	11
6	170	165	46	140	112	40/32	46	80/45	28	20	50/17	12

следы шлаков и даже капли металла. На внутренней поверхности хорошо видна линия, до которой заливался металл, не доходивший до края на 0,4—0,6 см. Внутри литейных форм видны отслоившиеся следы многократной обмазки внутренней поверхности из чередующихся слоев черной угольной массы и беловато-желтого прокаленного мела (рис. 4). Таким образом, становится ясным назначение меловой поделки среди предметов набора литейщика. Она служила для получения порошка мела, использовавшегося для обмазывания негативов литейных форм. Судя по наличию не менее четырех слоев из черной (2) и белой (2) массы, в литейных формах было сделано не менее двух отливок. Прием обмазки даже огнеупорных глин с целью предотвращения зашлаковывания при высоких температурах хорошо известен и в современной металлургии [13, с. 561—574]. При изготовлении литейные формочки обработаны по поверхности плоским инструментом и заглажены сырой глиной. На некоторых из них на внешней поверхности видны следы обработки зубчатым орудием — прием, прослеженный и на поверхности льячек. Техника окончательной обработки внешней поверхности косыми расчесами зубчатого орудия хорошо известна на глиняных сосудах ямной и катакомбной культур степной зоны Восточной Европы [14, с. 277, рис. 80, *22*; 15, с. 327, рис. 91, *7*]. Основные данные о размерах литейных форм и их негативов приведены в табл. 2.

Как видно из приведенных данных, размеры литейных форм и их негативов разновелики, причем наблюдается определенное соотношение увеличения размеров некоторых из них.

В состав набора литейщика входят также два глиняных необожженных предмета, повторяющих по своей конфигурации два типа негативов на литейных формах (рис. 7, *10*, *11*). Один из них имеет овально-удлиненную форму (рис. 7, *11*). Он сформован из зеленоватой глины, не имеющей каких-либо заметных примесей. На одной стороне его поперечная риска, возможно нанесенная нарочно или образовавшаяся при отслоении необожженной глины от корней растений, проникших в погребение. Размеры этого предмета: длина — 9,2, ширина — 5, толщина — 2,6 см, вес 95 г. Другой экземпляр, имеющий пирамидально-усеченную форму (рис. 7, *10*), сформован из серой глины. Его размеры: длина — 10, ширина — 5, толщина — 1,8 см, вес — 117 г. Детальное сравнение глиняных необожженных поделок с негативами литейных форм, а также отличие состава глины свидетельствуют о том, что они не могли применяться в качестве крышек, закрывавших матрицу сверху, а представляют, возможно, глиняные модели металлических предметов, отливавшихся в формах.

Культурно-хронологическое место погр. 7 из кург. № 2 у с. Малая Терновка довольно четко определяется стратиграфией курганной насыпи, погребальным обрядом и сооружением, входящими в целую серию катакомбных погребений этого кургана, расположенных по краю насыпи. Погребения в овальных камерах катакомб с круглыми колодцами и вытянутым положением скелета на спине с южной ориентировкой известны

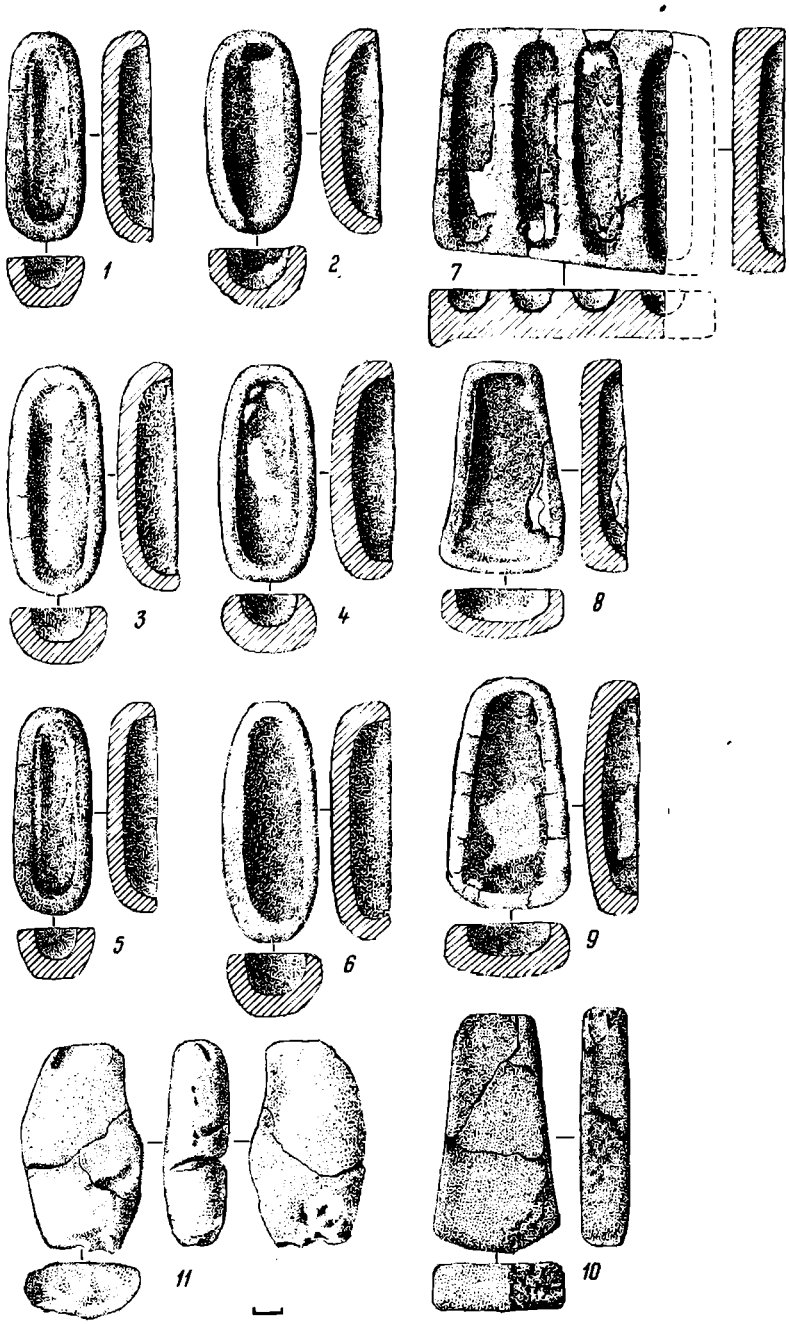


Рис. 7. Глиняные литейные формы (*1—9*) и «модельки» отливок (*10*, *11*) из погр. 7 кург. № 2 у с. Малая Терновка

среди группы позднекатакомбных смешанных памятников бахмутского типа [16, с. 60—62], приазовско-крымской группы катакомбной культуры [15, с. 326]. Не вдаваясь в подробный анализ аспекта синхронизации катакомбных вытянутых погребений в овальных камерах, отметим, что некоторые исследователи пытаются их связать с самым поздним общим позднекатакомбным горизонтом в Северном Причерноморье [16, с. 15; 17; 18, с. 47; 19, с. 10]. Установлению хронологии этих погребений в определенной степени помогает наличие в наборе литейщика литейных форм для отливки овально-удлиненных и пирамидальных предметов, которые обнаружены и в полтавкинском погр. 42 кург. № 8 Калиновского могильника в Поволжье вместе с льячками, аналогичных малотерновским [20, с. 18, рис. 6, *1—3*]. Синхронизация и связь полтавкинских и позднекатакомбных памятников отмечалась многими исследователями и стала даже предметом специального исследования [21, с. 53]. Наиболее

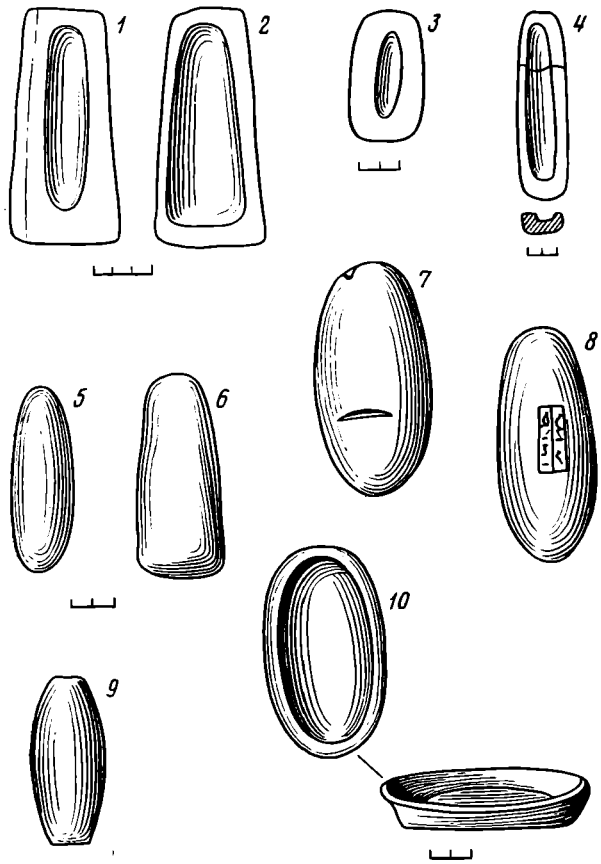


Рис. 8. Литейные формы и «гирьки» бронзового века. *1*, *2* — погр. 42, кург. № 8 Калиновского могильника; *3* — погр. 13 кург. № 55 Калиновского могильника; *4* — Кременчук; *5—6* — реконструкция по литейным формам и глиняная модель (*7*) гири из погр. 7 кург. № 2 у с. Малая Терновка; *8*, *9* — Передний Восток; *10* — Червона Гребля

распространенной для позднекатакомбных и полтавкинских комплексов можно принять дату в пределах XVII в. до н. э., хотя хронология у различных исследователей и отличается некоторыми вариантами.

В. П. Шилов, публикуя литейные формы из Калиновского могильника дает и объяснение их назначения. По его мнению, овально-удлиненные негативы служили для отливки заготовок для клиновидных орудий, а пирамидально-усеченные — для заготовок долот [20, с. 18]. Калиновские негативы не только по форме, но и по размерам близки к малотерновским. Размеры первого негатива: длина — 12,3, ширина — 4,8, толщина — 2,4 см. Размеры второго: длина — 11,4, ширина — 2,3, толщина — 0,8 см. Самые большие из малотерновских негативов достигают длины 8,8 см и имеют значительную толщину, не уступающую негативам из Калиновского могильника. Гипотезу В. П. Шилова трудно принять по следующим соображениям. Хотя негатив пирамидальной формы и напоминает очертания ранних долот или тесловидных орудий, однако его размеры, особенно толщина лезвийной части, довольно значительны и вряд ли возможно такой толщины лезвие отковать в бронзе, отличающейся особой трудностью и сложностью обработки при помощи этого вида техники. Бронза предназначена для отливки уже готовых изделий, нуждающихся в незначительной отковке и заточке. Для указанной эпохи известны довольно разработанные литейные формы с более сложными даже негативами для отливки, например проушных топоров, не требующие столь значительной доработки после их отливки, тем более трудоемкой и сложной расковки бронзовых изделий, изменяющей сколько-нибудь значительно их размеры. В том же Калиновском могильнике находился целый набор глиняных литейных форм для отливки вислообушных

Таблица 2

Размеры литейных форм и их негативов, мм

№	Литейные формы				Негативы			Группа
	длина	ширина	высота	глубина	длина	ширина	толщина	
1	58	29	21	14	50	19	12	I
2	85	40	29	20	72	22	18	I
3	88	32	22	17	80	22	15	I
4	95	40	30	18	80	26	16	I
5	104	43	27	22	88	25	20	I
6	100	43	25	16	84	27	14	I
7а	100	100	20	12	85	18	10	I
7б	100	100	20	12	84	20	10	I
7в	100	100	20	12	85	22	10	I
7г	100	100	20	12	85	20	10	I
7д	100	100	20	12	85	20	10	I
8	100	55	24	18	87	40	15	II
9	94	52	20	12	82	38	10	II

Примечание. Номера литейных форм на табл. 2 соответствуют номерам на рис. 7. Ввиду простоты литейных форм и негативов обмер их не представляет особых сложностей. За высоту литейных форм, как и льячек, принимается действительная их высота в горизонтальном рабочем положении. Глубина замерялась от уровня верхнего края формы до дна. Длина и ширина негативов замерялась от внутреннего края у углубления литейных форм, а толщина — от линии налива металла в форме до дна.

топоров [20, с. 17, рис. 5]. Известны такие матрицы и в погребениях катакомбной культуры [22, с. 250, рис. 3]. Большой набор матриц для отливки разновеликих, но однотипных овально-удлиненных и пирамидальных предметов из катакомбного погребения у с. Малая Терновка заставляет искать им объяснения в другой области, отбросив попытку принимать их как заготовки для орудий труда (клиновидные орудия, долота). На это указывает и тот факт, что негативы не имеют четко выраженного рабочего края, их торцевые стороны совершенно одинаковы, что в общем противоречит закономерностям построения конструкций орудий труда, предназначенных для использования какой-либо одной из длинных сторон в качестве рабочей части.

Анализ размеров льячек и литейных форм свидетельствует о том, что они представляют собой определенный набор, составляющий ряд какой-то размерной системы, в которой имеются необходимые соотношения больших и малых размеров, как выплавляемого металла в льячках, так и отливок из него в матрицах. Ввиду сложности прямых сравнений размеров литейных форм и льячек в линейных размерах (поскольку негативы и емкости литейных приспособлений имеют не идеальную геометрическую форму и поверхность) авторы попытались установить объем тех и других, а затем перевести его в весовые единицы количества металла, который плавился в льячках, а также вес отливаемых бронзовых слитков, получавшихся из негативов матриц. Для установления объема и весовых значений каждой из льячек и литейных форм был применен метод засыпки в них сыпучих материалов с их последующим взвешиванием и определением удельного веса. В данном случае нами была использована мелко помолотая поваренная соль. Засыпка ее в льячки и литейные формы производилась до уровня кипения металла в льячках и уровня заливки его в литейную форму, хорошо обозначенных следами шлакирования и воздействия высоких температур. Каждая порция соли, входящая в льячки и литейные формы, была взвешена на лабораторных весах, определен удельный вес данной партии соли, который затем был использован для расчета веса металла, входившего в льячки, а также веса отливок в матрицах. Удельный вес мышьяковистой бронзы, изделия из которой были распространены среди катакомбных племен, был определен также лабораторным путем на нескольких экземплярах бронзовых изделий этого времени из погребений катакомбной культуры Северного Причерноморья и Приазовья. Взвешивание производилось с точностью

Таблица 3

Объем и вес металла, входившего в льячки и матрицы

№	Вес соли, г	Объем, см³	Вес металла, г
		I. Льячки	
1	7,0	5,28	42,0
2	17,5	13,20	105,0
3	31,0	23,39	186,0
4	38,0	28,67	228,0
5	55,0	41,51	330,0
6	237,0	178,86	1512,0
		II. Литейные формы	
1	7,0	5,28	42,0
2	17,0	12,83	102,0
3	12,0	9,05	72,0
4	17,0	12,83	102,0
5	22,0	16,60	132,0
6	21,0	15,84	126,0
7а	8,0	6,03	48,0
7б	7,0	5,28	42,0
7в	8,0	6,03	48,0
8	30,0	22,64	180,0
9	24,0	18,11	144,0

Примечание. Номера льячек и литейных форм соответствуют номерам на рис. 6 и 7.

до 1 г вследствие неизбежной ошибки при проведении данного эксперимента путем засыпки порций взвешиваемой соли. Проведенные подряд пять — шесть раз опыты засыпки и взвешивания соли в одну и ту же льячку или литейную форму до определенного уровня свидетельствуют о том, что отклонения каждого нового насыпания и взвешивания обычно не превышают 1 г. Опытный образец соли имел удельный вес 1,325 г на 1 см³, а бронзовые изделия катакомбной культуры имели металл с удельным весом 7,93 г на 1 см³. Соотношение между удельным весом соли и бронзы в эксперименте примерно равно 1/6.

В результате изучения веса и объема металла, входившего в льячки и литейные формы, выясняется следующее. 1. Объем и вес ряда разновеликих льячек до определенной степени соответствует примерно такому же объему и весу ряда разновеликих негативов литейных форм. При этом наименьшие представители этих двух рядов находят соответствие друг с другом с точностью до 1 г, а большие выпадают из него. Так, льячки с весовыми значениями металла 42, 105, 186 г (табл. 3, I, *1—3*) предназначались для определенных негативов с примерно такими же весовыми значениями (см. табл. 3, *II*, *1*, *2*, *8*). 2. Получен ряд весовых значений отливок из негативов, соответствующих следующим данным (в г): 42, 42, 48, 72, 102, 102, 126, 132, 144, 180. Глиняные модели добавляют еще два весовых значения: 95 и 117 г. Характер источника связан с неизбежными ошибками рассеивания не только при определении веса, но и при изготовлении льячек, литейных форм в древности. Это позволяет для дальнейшего исследования объединить близкие по значению весовые категории в пять средних групп: I — 44; II — 72; III — 102; IV — 134; V — 180 (в г). 3. Расчеты показывают определенное соотношение меньших значений с большим и с самым большим, которые выражаются как: 1/4; 2/5; 2/3; 4/5 и т. д.

Невозможность связать ни один из типов негативов с каким-либо разрядом орудий труда или украшений, имеющих бытовое или хозяйственное назначение, многочисленность однотипных негативов, наконец, разновеликий характер льячек и литейных форм, находящихся в некоторой

пропорциональной весовой зависимости, заставляет весь комплекс литейщика катакомбной культуры у с. Малая Терновка рассматривать как законсервированную в своеобразных археологических источниках весовую систему, в которой определенным способом закодированы соотношения каких-то весовых единиц.

Поскольку никаких данных о весовых системах в бронзовом веке на территории Восточной Европы до сих пор не обнаружено, то авторы вынуждены обратиться к древнейшим весовым системам Месопотамии и Древнего Египта. Общеизвестно, что древнейшие линейные и весовые меры, зависимые друг от друга, впервые появились на территории Двуречья [23, с. 125]. С территории Месопотамии они распространились в древнем мире на Египет, Малую Азию, Восточное Средиземноморье, заложив основу для развития в дальнейшем систем мер и весов на различных территориях Старого Света [24, с. 249—256; 25, с. 313—328].

Древнейшие гири по имеющимся археологическим источникам были изготовлены из глины, металла и камня. На Ближнем Востоке они имели форму овалоида, конуса, трапеции, усеченной пирамиды. В Британском музее хранится гиря из обожженной глины времени Урукагины, а также каменные гири овально-вытянутой формы и типа усеченной пирамиды [26]. На некоторых гирях есть обозначение в виде насечек, надписей, однако большинство их, особенно разновески, никаких обозначений не имели. Многие древневосточные гири по форме сходны с глиняными моделями и негативами матриц из погребения у с. Малая Терновка (рис. 8).

В Восточной Европе самой древней весовой системой, известной до сих пор, были весовые меры античных городов Северного Причерноморья [27, с. 14—20; 28], восходящие к древнегреческим системам. Поэтому использование какой-либо экстраполяции исторической связи для решения вопросов о конкретном содержании предполагаемой весовой системы из погребения у с. Малая Терновка не представляется возможным. Не открыты пока какие-либо следы весовых систем в синхронных культурах бронзового века центральной и юго-восточной части Европейского континента.

В основу наидревнейшей вавилонской весовой системы были взяты меры шумеро-аккадской десятичной системы линейных мер, которые затем были переведены в шестидесятиричную [24, с. 249]. Нас в данном случае интересуют мелкие весовые единицы. Такой была легкая вавилонская мина, весившая 505 г., а ее 1/60 часть — сикль — равнялась 8,4 г. В Древнем Египте наиболее подходящим по весу является дебен, весивший 91 г, а его 1/10 часть — кедет(кет) — равнялся 9,1 г. Эти наиболее ходовые для мелких весовых категорий меры имели широкое распространение и послужили основой для создания мер весов и денежных единиц в Восточном Средиземноморье.

В древневавилонской и древнеегипетской весовых системах найденные нами весовые значения предметов из погребения у с. Малая Терновка могут быть выражены следующими цифровыми значениями: 5(44 г), 8(72 г), 12(102 г), 18(134 г), 29(180 г) вавилонских сиклей, или 5,8 египетских кет, $1^1/_2$, 2 дебена. Вес металла самой большой льячки (1512 г) соответствует 3 вавилонским минам, или 16 древнеегипетским дебенам. Наличие значительного количества разновеликих льячек и негативов одинаковой формы предметов, проведенное исследование их весовых категорий, а также аналогии с весовыми единицами Древнего Вавилона и Египта позволяют, кроме того, воссоздать процесс разливки, разделения металла по весовым порциям в следующем порядке: а) плавка определенного большого веса металла в самой большой льячке; б) разливка его из большой льячки в меньшие, объем которых соответствовал определенному весу; в) плавка уже разлитого в меньшие льячки металла и разлив его по соответствующим матрицам, объем негативов которых был равен определенным льячкам; г) после остывания металла в матрицах получение слитков соответствующих необходимых весовых категорий. Такая последовательность может объяснить значительное количество

льячек и литейных форм, имеющих часто одинаковые объемы и разные размеры, предназначенных, в целом, для получения разновеликих слитков металла определенной формы с заранее заданным весом.

Остается пока неясным назначение слитков металла с определенным весом, которые изготавливал мастер-литейщик катакомбной культуры. Можно предполагать, что слитки должны были служить в качестве весовых гирь, сходные типы которых известны на Древнем Востоке. Такие гири-разновесы использовались, прежде всего, в бронзолитейных мастерских. Однако наличие литейной формы с четырьмя негативами, матриц с негативами для отливки нескольких бронзовых слитков примерно одинакового веса дает основание предполагать, что они изготавливались в довольно значительном количестве и их производство носило более широкий характер. Не лишено основания в таком случае предположение, что эти слитки изготавливались для торговли ими. Слитки металла определенного веса могли предназначаться для снабжения металлом других мастерских, где из них после переплавки изготавливали орудия труда, оружие, украшения. И наконец, такие слитки могли иметь функции денег. Археологические источники пока не позволяют сделать этот вывод в утвердительной форме. Необходимо провести исследование весовых значений всех бронзовых предметов этой эпохи, чтобы уловить в них какие-то закономерности, связанные с применением весовых систем. Находок металлических слитков, подобных негативам из малотерновского погребения, в памятниках катакомбной культуры пока не обнаружено. Однако следует иметь в виду односторонний характер археологических источников этой культуры, представленных почти исключительно погребальными памятниками и лишь незначительным количеством исследованных поселений. Вряд ли бы мы имели такое полное представление о бронзолитейном производстве, например, эпохи поздней бронзы, если бы наши представления базировались только на сведениях, почерпнутых из погребений. Круглые «лепешки» металла, известные в кладах литейщиков главным образом позднебронзового века, на наш взгляд, носят иной характер: это не специально изготовленные весовые слитки, а остатки расплавленного металла в круглом плавильном горне древней мастерской. Они требуют отдельного изучения и не исключено их употребление в качестве «торговых» слитков с последующим разделением на более мелкие весовые единицы, имеющие не четко выраженный характер.

Конкретный вывод о зависимости предложенной нами весовой системы катакомбной культуры, связанной по весовым значениям и аналогиям форм гирь с Древним Востоком, на первый взгляд может показаться малоубедительным в связи с удаленностью степных районов Восточной Европы от древнейших центров цивилизации, имевшими развитые весовые системы. Однако такому предубеждению противоречат другие археологические материалы, свидетельствующие об активных торговых или других связях катакомбных племен с Передней Азией, Восточным Средиземноморьем и даже Египтом, где были развиты указанные весовые системы. Речь идет о находках фаянсовых («пастовых») бус в катакомбных погребениях, попадавших в степи, вероятно, через Кавказ [16, с. 97, 98, 152; 29, с. 68, 69]. Даже простой обзор таких находок свидетельствует о широком их распространении не только в археологических памятниках Кавказа, но и всей степной зоны Восточной Европы в катакомбной и многоваликовой культурах [30, с. 295; 31, с. 158; 32, с. 257; 33, с. 26; 34, с. 97, рис. 2, *6*; 35, с. 310, 311; 36, с. 124, 125; 37, с. 278, 279; 38, с. 142]. Такое распространение фаянсовых бус (рис. 9) позволило С. Н. Братченко даже высказать гипотезу об их местном производстве [16, с. 147, 152]. Предположение это вполне правдоподобно, если учесть их раннее появление на указанной территории. Среди погребального инвентаря Усатовского могильника обнаружены древнейшие в Северном Причерноморье стекловидные бусы, сходные по составу с древнеегипетскими. Связи степей Восточной Европы с Древним Востоком подтверждаются и находкой египетского скарабея в катакомбном погребении XVIII—XVII вв. до н. э. у с. Вознесенка на р. Молочной недалеко от

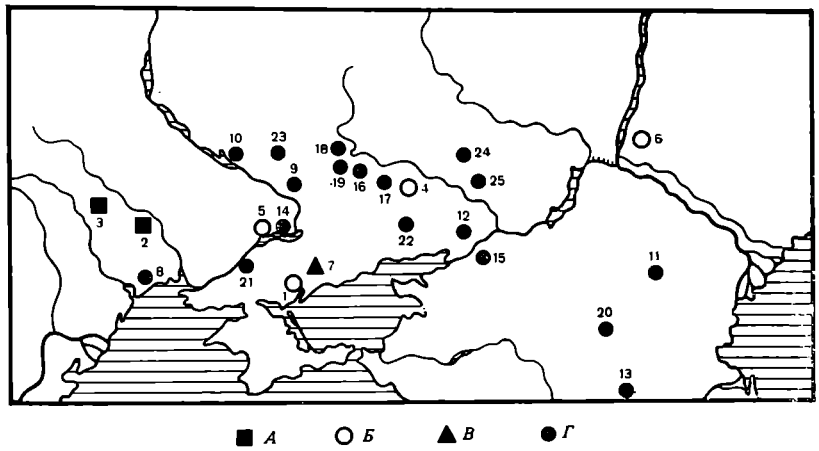


Рис. 9. Распространение литейных форм для отливки металлических гирь, находок фаянсовых бус и скарабеев в Восточной Европе в эпоху ранней и средней бронзы. *А* — находки литейных форм на поселениях; *Б* — находки литейных форм в погребениях; *В* — находки скарабеев; *Г* — находки фаянсовых бус. *1* — Малая Терновка; *2* — Кременчук; *3* — Червона Гребля; *4* — Приволье; *5* — Первомаевка; *6* — Калиновка; *7* — Вознесенка; *8* — Усатово; *9* — Соколово; *10* — Кампанпйцы; *11* — Элиста; *12* — Новочеркасск; *13* — Пятигорск; *14* — Бабино; *15* — хут. Ажинов; *16* — М. Камышеваха; *17* — Луганск; *18* — Каменка; *19* — Александровск; *20* — Веселая Роща; *21* — Любимовка; *22* — Шахтерск; *23* — Бузовое; *24* — Бараниковка; *25* — хут. Скадковский

с. Малая Терновка [39, с. 308]. Эта находка пополняет список древнеегипетских вещей на территории СССР [40].

Находки литейных форм для отливки весовых слитков из металла в катакомбном погребении у с. Малая Терновка наряду с литейными матрицами из Калиновского могильника не являются одиночными в Восточной Европе. Подобные матрицы (правда, единичные находки) найдены также в катакомбных погребениях у с. Приволье — С. Н. Братченко, у с. Первомаевка — Г. Л. Евдокимовым (рис. 9). Песчаниковая литейная форма с негативом предмета овально-удлиненной формы происходит из слоя поселения Кременчук культуры многоваликовой керамики на Южном Буге (рис. 8, *4*). В этом же районе на поселении Червона Гребля вместе с керамикой культуры многоваликовой керамики найдена глиняная матрица (рис. 8, *10*) с негативом овально-удлиненной формы [41, с. 120, рис. 1, *6*]. Этот, хотя и небольшой, список находок свидетельствует о возможности изучения распространения весовой системы у племен степной зоны Восточной Европы в бронзовом веке.

В связи с открытием погребения у с. Малая Терновка возникает еще один аспект, связанный с проблемой изучения погребений литейщиков [42, с. 48—53; 43, с. 55—57; 22, с. 243—255; 44, с. 88; 45, с. 183—189; 46, с. 22—26; 47, с. 88—91]. Особый состав литейных форм малотерновского литейщика, тесно связанный с обменом и торговлей металлом в эпоху бронзы, позволяет видеть в среде древних металлургов лиц с различной узкопрофессиональной направленностью, и возможно, особым статусом и ролью в мастерских по обработке металла.

Развитие наиболее прогрессивной отрасли древнего ремесла, каким по настоящему является бронзолитейная металлургия, оказывало активное воздействие не только на развитие хозяйства скотоводческих племен, изготовления эффективных типов металлических орудий труда, оружия, но и в значительной степени способствовало расширению обмена, торговли, культурно-хозяйственных связей далеких территорий, распространению передовой технологии, знаний, весовых систем и мер измерения вообще. Унифицированные типы металлических орудий в рамках Циркумпонтийской металлургической провинции предполагают и унификацию технологических процессов, линейных и весовых мер.

Дальнейшее изучение проблемы существования весовой системы у племен бронзового века Восточной Европы составляет отдельную область

исследований с разработкой методики поиска и решений весьма специфического и часто скрытого от нас, но важного инструмента измерения древних людей, каким является весовая система. Надежная основа для уверенного решения вопроса, поставленного в нашей статье, вероятно, появится только с открытием в будущем металлических весовых слитков, хотя бы частично повторяющих богатый и уникальный набор литейщика катакомбной культуры у с. Малая Терновка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузьмина Е. Е., Мерперт Н. Я., Шилов В. П.* Новое в изучении бронзового века Евразийских степей (Советский период).— In: Studia Praehistorica. София, 1981, № 5—6.
2. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.
3. *Селимханов И. Р.* Историко-химическое и аналитическое исследование древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.
4. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
5. *Рындина Н. В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
6. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
7. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
8. *Кореневский С. Н.* Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области.— СА, 1973, № 1.
9. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур.— СА, 1978, № 2.
10. *Кореневский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы.— СА, 1976, № 4.
11. *Рындина Н. В., Конькова Л. В.* О происхождении больших усатовских кинжалов.— СА, 1982, № 2.
12. *Chernych E. N.* Metallurgical provinces of the 5th — 2nd millenia in Eastern Europe in Relation to the Process of Indo-Europeanisation.— JIES, 1980, t. 8, № 3—4.
13. *Мамыкин П. С.* Физико-химические процессы, протекающие в огнеупорах в условиях службы в цветной металлургии.— В кн.: Физико-химические основы керамики. М., 1976.
14. *Шапошнікова О. Г.* Ямна культура.— В кн.: Археологія Української РСР. У 3-х т. Київ: Наук. думка, 1971.
15. *Шапошнікова О. Г.* Катакомбна культурна область.— В кн.: Археологія Української РСР. У 3-х т. Київ: Наук. думка, 1971.
16. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). Киев: Наук. думка, 1976.
17. *Сафронов В. А.* Хронологическая система энеолита и бронзового века Юга Восточной Европы.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
18. *Шаталин Ю. А.* К вопросу классификации погребений катакомбной культуры Нижнего Поднепровья.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
19. *Тощев Г. Н.* Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1982.
20. *Шилов В. П.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье.— МИА, 1959, № 60.
21. *Мельник В. И.* К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов конференции). Донецк, 1979.
22. *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины.— В кн.: Первобытная археология. Поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
23. *Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д.* История техники древнего Двуречья.— В кн.: Очерки по истории техники Древнего Востока. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
24. *Болотин Н. И.* Латентные зависимости между линейными и денежно-весовыми единицами мер у древних народов.— Klio 1975, т. 57, ч. 1.
25. *Болотин Н. И.* Закономерности в истории развития древних мер длины, применявшиеся в строительстве, землемерии, ремесла и торговле.— Klio, 1967, т. 49.
26. *Airy V.* On the Ancient trade Weights of the East. L., 1918.
27. *Чуистова Л. И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.— В кн.: Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь: Крымиздат, 1962.
28. *Блаватский В. Д.* О пантикапейской весовой системе.— СА, 1955, т. XXIII.
29. *Махно Е. В., Братченко С. Н.* Пастове намисто з катакомбного поховання на Кампаніївському могильнику.— Археологія, 1977, № 24.
30. *Балонов Ф. Р., Братченко С. Н., Дубовская О. Р. и др.* Исследования курганов у с. Н. Бараниковка.— АО — 1978. М., 1979.
31. *Банников В. А., Нигматуллин Р. А., Роднов М. И.* Работы Уфимского дворца пионеров.— АО — 1978. М., 1979.

32. *Ковалева И. Ф.* Работы экспедиции Днепропетровского университета.— АО — 1980. М., 1981.
33. *Ковалева И. Ф.* Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск, 1981.
34. *Чернявская Н. В.* Погребение культуры многоваликовой керамики в Днепровском левобережье.— В кн.: Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. вып. 3. Днепропетровск, 1979.
35. *Моруженко А. А.* Раскопки в Донецкой области.— АО — 1979. М., 1980.
36. *Романовская М. А.* Раскопки курганов у с. Веселая Роща.— АО — 1979. М., 1980.
37. *Ковалева И. Ф.* Исследования в Степном Поднепровье.— АО — 1979. М., 1980.
38. *Смирнов К. Ф., Максименко В. Е.* Раскопки курганов в междуречье Дона и Северского Донца.— АО — 1977. М., 1978.
39. *Михайлов Б. Д.* Раскопки на р. Молочной.— АО — 1973. М., 1974.
40. *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР.— СА, 1958, № 1.
41. *Ванчугов В. П., Кушнир В. Г.* Новые памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в междуречье Южного Буга и Днестра.— В кн.: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев: Наук. думка, 1980.
42. *Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр).— В кн.: Проблемы археологии. Вып. 2. (Сб. статей в память проф. М. И. Артамонова). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
43. *Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы.— В кн.: 150 лет Одесского археологического музея АН УССР (тезисы докладов). Киев, 1975.
44. *Бианки А. И., Бочкарев В. С., Державин В. Л., Самоторкин Н. Н., Тихонов Б. Г.* Раскопки курганного могильника Веселая Роща I.— АО — 1976. М., 1977.
45. *Авалишвили Г. Б.* Погребение литейщика из могильника села Гантиади (Южная Грузия).— СА, 1970, № 4.
46. *Шапошнікова О. Г.* До питания про металообробку у племен донецькоі катакомбноі культури.— Археологія, 1971, № 1.
47. *Шилов В. П.* Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье.— КСИА, 1966, вып. 106.

A. I. Kubyshev, I. T. Chernyakov

TOWARDS THE PROBLEM OF THE WEIGHT SYSTEM AMONG THE BRONZE AGE TRIBES IN EAST EUROPEAN STEPPES

(according to the materials from a metalmaker's burial of the Catacomb culture)

Summary

Soviet studies of the East European Bronze Age metallurgy centres showed that there existed stable ties between them and the Caucasus, Hither Asia, Eastern Mediterranean and the Balkan and Danube region [1–12]. They also revealed a high technological level of metallurgical production and the fact that the bronze components were strictly measured before smelting. In 1981, a burial of a 17th-century B. C. metalmaker of the Catacomb culture was discovered at Malaya Ternovka village of Akimovka District, Zaporozhie Region (to the north-west along the Azov Sea coast). In the burial there were found six teeming spoons, nine moulds with 13 negatives, two nozzles, two clay models of bronze castings (Figs. 1-7). The spoons (Fig. 6) and mould negatives (Fig. 7) differed in sizes, making up a set. The weight of metal each teeming spoon contained and that of bronze ingots made in the mould negatives was established with the help of dry substances (salt) put into them and the re-computation of their specific weight in terms of the specific weight of arsenic bronze. It made it possible to determine their weight values: 42, 42, 48, 48, 72, 102, 102, 126, 132, 144, 180, 1512 (in grammes). They can also be expressed in ancient Babylonian (5, 8, 12, 18, 29 shekels, 3 minae) and ancient Egyptian weight measures (5, 8 qedets, $1^1/_2$, 2, 16 debens). The connection between the open weight system decoded by the authors according to archaeological sources and ancient Oriental systems is indirectly supported by ancient Oriental imported objects found in East European steppes [29, 40]. Moulds for making metallic weights were found in other steppe sites dated to the Middle Bronze Age (Figs. 8, 9).

ЛЕЛЕКОВ Л. А.

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ КОРОПЛАСТИКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Мелкие терракоты с иконографическими вариантами образа так называемой Великой богини-матери довольно обычны среди полевых находок, иногда подъемных, во многих культурно-исторических зонах Средней Азии, таких, как Хорезм, Маргиана, Бактрия, Согд. Широкое распространение таких терракот начинается после IV в. до н. э. Материал этот массовый, исчисляется сотнями единиц, хотя опубликовано гораздо меньше. Уже сам факт массовости этих находок свидетельствует о массовых же общинных верованиях. На это указывает также широкий ареал их распространения.

Женское божество Средней Азии, как правило, связывалось со стихией животворной воды, тематикой плодородия, поддержания и возобновления жизни, на что указывают разнообразные иконографические признаки и типологические аналогии извне, например из Передней Азии.

К. В. Тревер и вслед за нею С. П. Толстов усматривали в этом женском божестве авестийскую Анахиту [1, с. 21; 2, с. 196—210]. Так или иначе, их интерпретация в определенной мере вытекала из концепции Х.-С. Нюберга [3, с. 261]. По Х.-С. Нюбергу, то была поначалу богиня вод Сырдарьи, местная нимфа. Впоследствии она попала вместе с иранской экспансией на запад, успев за это время вырасти в фигуру поистине космических масштабов, повелительницу мировых вод. По этой причине почти любая среднеазиатская женская терракотовая фигурка и сейчас именуется «Анахитой». Правда, Г. А. Пугаченкова еще в 1959 г. указала на несоответствие иконографии среднеазиатских «Анахит» известному описанию богини в Абан-яште Авесты [4, с. 137, 138; 5, с. 183]. К тому же в доисламской топонимике Средней Азии почти нет производных от имени Анахиты, что странно при широчайшем распространении ее предполагаемых статуэток. Усугубляет ситуацию и кушанская нумизматика. Среди ее персонажей изобилуют Митра, Атар, Фарро, Вадо, Мах и прочие соседи Анахиты по авестийскому пантеону вплоть до узкоспецифического Шахревара, но ее самой нет и в помине. Следовательно, еще одна категория источников, казалось бы, обязанная удостоверить факт преобладания Анахиты в местных верованиях, не содержит никаких данных и внушает уверенность в том, что молчание топонимики об Анахите отнюдь не лакуна фактографии.

Однако в историко-археологической литературе Анахита остается местной богиней воды и плодородия, объектом культа оседлых земледельцев [6, с. 184—194]. Хорезмийское или согдийское происхождение Анахиты трактуется как очевидный факт, как эмпирически достоверная реальность и незыблемая основа для широких историко-культурных выводов.

Дело в том, что за отсутствием других бесспорных археологических признаков среднеазиатского происхождения Авесты и зороастризма непритязательные терракоты призваны нести основное бремя аргументации в пользу данной теории. Тем тщательнее надо всмотреться в методику интерпретации. Поскольку, невзирая на доводы Г. А. Пугаченковой, последователи К. В. Тревер и С. П. Толстова продолжают ссылаться на исходные для любых рассуждений источники, т. е. на Авесту, клинописные тексты Ахеменидов, сведения греческих, сирийских, армянских и прочих авторов [7—10], необходимо вернуться к ним еще раз.

Абан-яшт [11, с. 57—71] в так называемой Младшей Авесте рисует

сложный, временами противоречивый культовый образ вполне антропоморфного облика, якобы навеянный храмовым изваянием богини, твердых доказательств чему, конечно, нет. Пользуясь больше для удобства, чем по какой-либо иной причине, терминами Ж. Дюмезиля, подчеркнем, что гимн присваивает богине признаки всех трех индоевропейских социальных функций [12, с. 90—104]. В частности, нет недостатка в мотивах третьей функции. Налицо красочные описания водной стихии, плодородия, произрастания, процветания всего живущего. Наряду с этим автор гимна видит Анахиту «в образе девушки прекрасной» (строфа 126), отнюдь не той зрелой матроны, какую в большинстве воплощают среднеазиатские терракоты, не богини-матери. Как раз на это обстоятельство вполне резонно указывала Г. А. Пугаченкова. Затем, третья функция богини не единственная и в данном конкретном тексте совсем не главная. В качестве носительницы первой, сакральной функции, т. е. патронессы жреческого сословия, Анахита держит «в руках барсман должной меры» (ст. 127), приемлет поклонение от самого Ахура-Мазды (ст. 17—19), у нее испрашивают знания и святости жрецы (ст. 86), она наставляет Заратуштру в тонкостях ритуала (ст. 91—95). Впрочем, и это не основное занятие богини.

Больше половины всего Абан-яшта уделено мотивам второй функции, качествам Анахиты как богини войны и военной победы [13, с. 52]. Из 132 строф гимна на эту тематику, включая обращения и поклонения сил тьмы, ранее тоже пользовавшихся расположением богини, отведено около 70. Нет никаких сомнений, что военный и династийный аспект культа Анахиты на взгляд составителей Абан-яшта казался более важным, чем все прочие. Поэтому-то она и дева-воительница, как это подобало в древней мифологии всем ее коллегам по специализации, Афине-Беллоне или угаритской Анат, одновременно тоже жрице и богине любви. Сам термин «Анахита», т. е. Непорочная, подчеркивает девственность божества, а следовательно, и некоторое противостояние бесчисленным разновидностям пышнотелой богини-матери. Полный семантический параллелизм между Анахитой и переднеазиатскими трехфункциональными богинями типа Иштар или Анат давно наводил исследователей на мысль о происхождении первой из какого-то очага ближневосточного синкретизма. К этому же заключению склоняет и топонимика Абан-яшта с упоминаниями Вавилона (ст. 29), Кангавара (ст. 54), оронимов Хукарья (ст. 25) и Эрзифйа (ст. 45), оз. Чейчаста (ст. 49), истоков Апам-Напата (ст. 72) и иных западных координат легендарной географии Авесты.

Итак, Абан-яшт противоречит традиционной интерпретации К. В. Тревер — С. П. Толстова, поскольку девы-воительницы среди персонажей среднеазиатской коропластики не видно. До ее бесспорного появления точка зрения Г. А. Пугаченковой будет предпочтительнее.

Правда, трактовка образа Анахиты следует за ближневосточными моделями только в Абан-яште, но не в остальной Авесте. Яшты, будучи апокрифической литературой, не входили в собственно литургическую Авесту [14, с. 320—323; 15, с. 47] и подчас противостояли ей идеологически, настолько, что лично Заратуштра считал нужным клеймить их героев, будь то эпических персонаж Йима (Ясна 32.8) или вполне реальная военная аристократия (Ясна 46.1), которой, как и самому Йиме, покровительствовала Анахита из Абан-яшта. Уже на одном этом основании нельзя никоим образом выводить происхождение Авесты и зороастризма из культа богини по этому тексту, даже если бы корни такого культа действительно уходили бы в пласт среднеазиатских верований. К происхождению зороастризма может иметь отношение только женское божество водных стихий из литургической, а не из апокрифической Авесты.

Но в литургической Авесте совсем нет антропоморфной богини, облаченной «в роскошную мантию» и бобровую шубу, с ожерельем «на прекрасной шее», «величием своим красующейся». Даже эпитет «Анахита» нехарактерен, поскольку он приложим только к человекоподобному существу. Литургическая Авеста (Ясна 65.1—2, 12 и пр.) изображает

нечто иное, неантропоморфную космическую стихию по имени Вода Ардвисура, межзвездную реку, протекающую в небесах. Эту трудную для нашего излишне грецизированного восприятия древних мифологических образов абстракцию удерживает даже поздний пехлевийский перевод Ясны [16, с. 825]. Вот этот действительно зороастрийский, а не синкретический, как в Абан-яште, образ только и должен бы учитываться традиционной интерпретацией, если она претендует на методическую правомочность.

Если же со всей строгостью учесть акценты Абан-яшта на теме второй функции и Ясны на мотивах межзвездной воды без ее антропоморфной объективации (вспомним, что начиная с Эсхила и Геродота до авторов эпохи Юстиниана античные наблюдатели дивились отсутствию культовых образов в зороастризме [17]), то всю среднеазиатскую пластику, монументальную и мелкие терракоты одинаково, надо из схемы рассуждений вообще изъять. Вода Ардвисура не жрица, не девавоительница, но и не богиня-мать с гипертрофированными признаками пола. Изобразительного, да еще иконографически стабильного эквивалента словесному образу Ясны указать нельзя. Как в каноне, так и в апокрифе Анахите усвоены определенные черты и характеристики. Сам факт расхождения таковых многозначителен и требует как будто осторожности. Но в литературе у одних авторов иранская Анахита принимает облик шумеро-эламской Наны с четырьмя руками и подседельным львом, у других она пляшет обнаженной, у третьих ее иконографическими атрибутами, тоже вопреки исходным текстам, оказываются то шарф, то птичка, то трилистник. Стойкость немотивированных характеристик, отягощающих историографию культа Анахиты, вынуждает привлечь для относительной полноты анализа часть остальных источников. Из соображений удобства и краткости сведения излагаются в предельно сжатом виде.

Кир Великий якобы основал храмы Анахиты в будущей Иероцезарее и в Зеле (Tacitus, Ann., III, 62). При переходе из Азии в Европу Ксеркс принес в жертву «Афине Илионской» 1000 голов крупного рогатого скота (Herod., VII, 43) в строгом соответствии с нормами оплаты услуг военной богини из Абан-яшта, в чем ряд исследователей, начиная с Л. Грэя, Ф. Кюмона [7] и вплоть до Р. Тюркана [12], усматривали явное свидетельство синкретического тождества обеих дев-воительниц. Артаксеркс II приказал установить культовые изваяния Анахиты в главных центрах державы, включая Бактры, и научить персов и бактрийцев, т. е. подданных на западе и на востоке, чтить эту богиню [17], как если бы они не знали ее ранее. Наконец, Александр Македонский после высадки в Азии посвятил той же самой «Афине Илионской» или «Троянской» полный доспех в ее храме (Arrian, I, 11.7; Diod., XVII. 18.1). Как и в Абан-яште, враги Ирана и зороастризма, оказывается, могли рассчитывать на милости богини. Пока что все эти сведения до одного подтверждают версию Абан-яшта о преимущественно военных и аристократически-династийных аспектах культа Анахиты. Это отнюдь не богиня оседлых земледельцев, которых еще надо учить почитанию божества, покровительствовавшего царям и завоевателям.

Картина меняется в селевкидскую и аршакидскую эпоху. На первый план выходят сообщения о локальных общинах при храмах Анахиты в Малой Азии, Армении, Элимаиде, Парсе, но почему-то не в Средней Азии. В столице Бактрии якобы еще держался установленный Ахеменидами культ богини [18, с. 115], хотя бактрийские греки, если судить по совокупности данных, как будто бы совершенно ничего не знали о зороастризме. Археологически ничего похожего на западноиранские храмы Анахиты пока тоже не обнаружено.

Но с воцарением Сасанидов, наследственных жрецов Анахиты в Истахре, вновь воскресают мотивы ахеменидской поры. Она снова богиня войны и победы, у нее получают инвеституру на власть, что увековечено в нумизматике и рельефах Так-и Бостана. Ее храм в Истахре даже украшали отрубленными головами врагов (Табари, I.814; цит. по [19]), т. е. богиня не чуралась человеческих жертвоприношений. Ее продолжали

уважать враги Ирана. Армянский царь Трдат принес ей богатые вотивные дары после успешного сражения с Ардаширом [20, с. 20].

Очевидно, что в моменты торжества староиранских культур и местных династий Анахита во все времена упивалась кровью жертвенных животных и даже поверженных врагов. Мотивы третьей функции были не в чести у Ахеменидов и Сасанидов, но в иных, менее благоприятных социально-политических условиях могли временно получать преобладание. Так было в период военного и культурного господства эллинизма при Селевкидах. Но уже парфянская Анахита вновь облачилась в панцирь, шлем и оперлась на копье [21, с. 346, 347].

Итак, большинство дошедших источников видит Анахиту как бы сошедшей со страниц Абан-яшта. Подлинно зороастрийский образ Ясны нигде не просматривается. Анахита — божество династов Парса, гарант божественной власти Ахеменидов и Сасанидов, в ее культе они искали и находили оправдания своим экспансионистским покушениям. Такую Анахиту в Средней Азии едва ли могли безмятежно чтить оседлые земледельцы. Скорее, ее приходилось опасаться. Не потому ли ее нет в кушанском пантеоне? В роковом противоборстве двух династий Анахита явно покровительствовала одной, той, что издавна числилась в рядах ее жречества. Кушанским царям не приходилось уповать на благосклонность западного божества, и потому мало вероятно, чтобы они спокойно взирали на всеобщее, если следовать за К. В. Тревер и С. П. Толстовым, его почитание народом.

Как видим, образ Анахиты ни с какой стороны не совпадает с тем, что дают среднеазиатские терракоты. Иконографически они не отвечают ни воинствующей западной Анахите, ни Воде Ардвисуре из литургической Ясны, т. е. полной совокупности всех сведений о рассматриваемом божестве. У иранской Анахиты, и тем более у зороастрийской, не может быть четырех рук и зооморфного трона.

Между тем примеры методически правильного опознания Анахиты в литературе известны. Так, Р. Дюссо определил как изображение Анахиты луристанскую женскую фигурку с побегом растения в каждой руке [22, с. 197]. Это и есть «барсман должной меры», надежный иконографический ориентир из Абан-яшта. Еще красноречивее бронзовая ситула IX—VII вв. тоже из Луристана. На ней в верхнем регистре орнаментальные пояски изображают стихию космических вод и звездное небо, сакральную сферу обитания богини, кстати единственно совпадающий момент в каноне и в апокрифе. Уровнем ниже Анахита непосредственно показана в аспектах второй и третьей функций [23, с. 221—228].

Луристанская иконография Анахиты показательно четко отвечает тематике и географии Абан-яшта, а ее дата — эпоха Дейокидов, чьи имена все до одного окрашены словоупотреблением Младшей Авесты. Статья Р. Дюссо была опубликована лишь годом позже «Древнего Хорезма».

Для последних лет характерна общая переоценка устоявшихся десятилетиями методических критериев в части интерпретации и атрибуции археологических находок. Так или иначе, вне зависимости от личных позиций сторонников и противников традиционных толкований, она побуждает к ревизии вчера еще самых канонических взглядов. Особенно широкое поприще для такой переоценки открывается в среднеазиатской археологии, где следы горения, зола и угли нередко отождествляются с остатками храмов огня, неизвестные Авесте оссуарии — с атрибутами погребального обряда по Видевдату, а синкретические полиморфные персонажи местных росписей — с божествами зороастризма, хотя для последнего полиморфы — Ажи Дахака, Снавидка и пр.— принадлежали к лагерю сил зла.

Одной из действительно заметных черт среднеазиатских верований было обилие женских божеств и даже их весьма высокий ранг вопреки подчеркнуто патриархальной организации архаического индоиранского и авестийского пантеонов, где богини плодородия не смели притязать на особый почет. Множество терракотовых статуэток на территориях Средней Азии если и не доказывает однозначно господства женских божеств

в народных верованиях, то все же делает его вероятным, а в поздних Согде, Хорезме и Хотане уже определенно пантеон будет строиться вокруг четырехрукой богини [24, с. 537—541] вопреки индоиранской и зороастрийской типологии, но сообразно с развитыми пережитками дэваясны в том же Согде и с утверждением пехлевийского Бахман-яшта (II.49), что согдийцы вкупе с хионитами, эфталитами, кабульцами суть «враги веры». Нормативная ориентация на патриархальную структуру пантеона бегло промелькнет перед тем у кушан, но главным лицом среди небожителей окажется Митра, повелитель далекой от зороастризма иранской периферии как на западе, так и на востоке, а не Ормазд, чьи позиции были устойчивее ближе к центру, в частности Парсу. Давно замечено, что Митра и Анахита плохо уживались в Авесте, их упоминания почти не встречаются рядом, а принадлежащие им гимны умалчивают собственно о противостоящем божестве. При неясности историко-культурных и ситуационных контекстов рано выводить Митру как покровителя кушанской династии прямым соперником сасанидской Анахиты, но предположение об этом допустимо. Ведь при засилье теофорных имен с Митр-, Михр- в древнеиранской ономастике всех времен ни один династ Парса так не назывался с VIII в. до н. э. по VII в. н. э. Это отнюдь не причуда случая, как и «карта» Михр-яшта с ее удивительным соответствием либо греко-бактрийским, либо раннекушанским границам. Из маловнятных высказываний в Пуранах тоже следует, что иранские жрецы культа Митры однажды попали в Индию с севера, по оценке Х. Хумбаха, в раннеэллинистический период [25, с. 229—253]. Следовательно, Михр-яшт, Пураны и кушанская нумизматика, похоже, имеют нечто общее между собой и документируют специфический очаг местного культа Митры где-то между Балхом, Мервом и Гератом. Но культ Анахиты в этой зоне был идеологическим импортом с запада, если верить Бероссу, и его надо было насаждать почти принудительно. Таким образом, даже при фрагментарности источников можно с уверенностью судить, что Митру на юге Средней Азии почитали издревле, широко и при разных властях, Анахиту же нет. Кстати, и местная доисламская топонимика хорошо знает Митру. Всего мы имеем четыре вида источников, с античными текстами — пять, из которых собственно археологическим является один — нумизматика, притом «говорящая», с недвусмысленными текстами. Только учет всех пяти видов письменных источников дает некоторые основания делать четкие выводы, и то не столь уж свободные от контраргументов. Тем менее допустимы однозначные заключения насчет мелкой культовой пластики, все атрибуции которой исходят лишь из очень нестрогих гипотез и не имеют поддержки в письменных текстах, в нумизматике и в топонимике.

Первым условием методически обоснованной атрибуции какого-то класса археологических находок (в нашем случае коропластики) должна быть максимально возможная полнота информации. Традиционная интерпретация нарушает данное условие. Она приписывает всей Авесте образ Анахиты из Абан-яшта, что само по себе неверно, и отказывается учитывать главную для авторов гимна функцию божества. Налицо двукратная деформация данных источника, без чего среднеазиатскую богиню-мать невозможно выдать за Анахиту. Луристанские бронзы и кушанская нумизматика при их прямом отношении к предмету исследования, к сожалению, не учитываются. Но то и другое, хотя бы формально, тоже археологические материалы. Письменных источников помимо Авесты традиционная интерпретация не привлекает, так как и там из века в век передается образ воинственной богини династийного, но совсем не массового народного культа (Геродот, Артаксеркс I и II, Беросс, Арриан, Диодор, Плутарх, Страбон, Плиний, Агафангел, Табари и др.). Налицо деформация социально-политического фона за исследуемым явлением.

Развитие интерпретации должно вести от известного к неизвестному, от надежно установленных данных к гипотетическим построениям. Любая гипотеза допускается только при отсутствии противоречащих ей фактов.

Даже принимая какую-то гипотезу, ее нельзя по ходу дальнейшего изложения выдавать за неоспоримый факт. Забвение этих несложных требований привело к тому, что фонды среднеазиатских археологических хранилищ оказались перенаселены «Анахитами».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
2. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
3. *Nyberg H. S.* Die Religionen des alten Iran. Lpz., 1938.
4. *Пугаченкова Г. А.* Маргианская богиня.— СА, 1959, т. XXIX—XXX.
5. *Пугаченкова Г. А.* Материалы по коропластике Бактрии — Тохаристана.— В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М.: Наука, 1967.
6. *Воробьева М. Г.* Хорезмийские терракоты.— В кн.: Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
7. *Windischmann Fr.* Die persische Anahita oder Anaïtis. München, 1856.
8. *Cumont Fr.* Anahita.— In: Encyclopaedia of Religion and Ethics. V. I. Edinburgh, 1908.
9. *Weller H.* Anahita. Stuttgart — Berlin, 1938.
10. *Walton F. R.* Anahita.— In: The Oxford Classical Dictionary. Oxf., 1949.
11. *Брагинский И. С.* Из истории персидско-таджикской литературы. М.: Наука, 1972.
12. *Turcan R.* Mithra Platonicus. Leiden, 1975.
13. Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. V. I. N. Y., 1949.
14. *Herzfeld E.* Zoroaster and his World. V. I. Princeton, 1947.
15. *Nyberg H. S.* Stand der Forschung zum Zoroastrismus.— In: Archaeologische Mitteilungen aus Iran. N. F., 1968. B. I.
16. The Sacred Books of the East. V. XXXI. Delhi, 1965.
17. *Müller C.* Fragmenta Historicorum Graecorum. V. I—III. P., 1841—1870.
18. *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
19. *Goeje M. J., de.* Annales quos scripsit Abu Djabar Mohammed ibn Djarir at-Tabari.— Lugduni Batavorum series. I. 1879—1890, t. I—IV.
20. *Эмин Н. О.* Исследования и статьи. М., 1896.
21. *Ghirshman R.* La religion de l'Iran du VIIIe siècle avant notre éra à l'Islam.— In: Le plateau iranien et l'Asie Central des origines à la conquête islamique. P., 1977.
22. *Dussaud R.* Anciens bronzes du Louristan et cultes iraniens.— Syria, 1949, t. XXVI.
23. *Egami N.* On the Figure of the Iranien Goddess Anahita as an Example of the Continuity of the Iranian Culture.— In: Commémoration Cyrus. Hommage universel. T. I. Leiden, 1974.
24. *Azarpay G.* Nana, the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana.— JAOS, 1976, v. 96, № 4.
25. *Humbach H.* Miθra in India and the Hinduized Magi.— In: Etudes mithriaques. V. IV. Téhéran — Liège, 1978.

L. A. Lelekov

ARCHAEOLOGICAL DATA AND THE PROBLEMS OF THEIR INTERPRETATION

(On the Materials of the Central Asian Coroplastics of the Hellenistic Period)

Summary

The author deals with the problems of a reliable interpretation of Central Asian female figurines and with more general aspects of archaeological studies demanding a strict correlation with written sources. It is demonstrated that current identification of these figurines with images of Anahita, a Zoroastrian goddess from Avesta, lacks any substantiation and even runs contrary to the direct evidence of Avestan texts.

МАСЛЕННИКОВ А. А.

НЕКРОПОЛИ ГОРОДОВ АЗИАТСКОГО БОСПОРА В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э.

Некрополи античных городов, как известно, являются чрезвычайно важным источником для выяснения их этнического состава, в частности в рассматриваемое время. Хотя некрополи городов Таманского полуострова раскапываются уже давно, исследованы они все еще не одинаково полно, да и не у всех городов. Поскольку ни один некрополь не раскопан целиком, степень изученности погребений того или иного периода неравномерна. Между тем накопленные уже сведения, несмотря на отмеченные проблемы, достаточно обширны, что и позволяет взять на себя смелость их обобщения. Разумеется, все сделанные ниже выводы и наблюдения будут уточняться как результатами новых раскопок, так и вообще по мере роста знаний в этой области.

Уже давно было отмечено, и это подтверждают работы последних десятилетий, что сооружение курганов для первых веков н. э. в целом было нехарактерно, лишь отдельные могилы или склепы впускались, как правило, в более древнюю насыпь. Поэтому речь пойдет главным образом о грунтовых некрополях, в которых среди очень большого числа погребений к I в. до н. э. — IV в. н. э. относится ок. 500 надежно датированных гробниц [1]. Трудно сказать, насколько соотношение численности гробниц в отдельных некрополях по векам отражает реальную динамику населения городов Азиатского Боспора в это время. Видимо, не случайно наибольшее количество погребений приходится на периоды экономического благополучия и политической стабильности: конец I в. до н. э.— II в. н. э. Смутные, полные неурядиц и потрясений I в. до н. э. и III—IV вв. н. э. оставили «отрицательный» след в демографических показателях. Картина эта в принципе одинакова и для каждого некрополя в отдельности.

Вероятно, результаты раскопок некрополей городов можно привлекать и для определения примерной половозрастной структуры их населения. Естественно, эти выводы будут весьма относительны. Антропологическое определение подавляющей части костяков по разным причинам не проводилось, поэтому судить о половой принадлежности покойного в известной мере помогает набор погребального инвентаря, но при этом приходится делать целый ряд оговорок самого разного характера.

Весьма приблизительные результаты распределения захоронений по полу и возрасту свидетельствуют, что предположительно мужских погребений в целом больше, чем женских, хотя в наиболее изученных некрополях в хронологических периодах с наибольшей численностью погребений количество тех и других имеет тенденцию к выравниванию. Для сравнения обратимся к другому источнику — боспорским эпитафиям, в частности на Пантикапейских надгробиях, ввиду своей многочисленности более подходящих для статистики [2]. В целом процент соотношения полов здесь схож с картиной, полученной на материале некрополей, причем близость особенно разительна для периодов, «богатых» как погребениями, так и эпитафиями. Отмеченное совпадение, возможно, отра-

[1] В силу целого ряда причин в работу не вошли материалы раскопок после 1978—1980 гг.

[2] К ним примыкают стихотворные тексты и некоторые надписи фиасов, но мы ограничимся лишь простыми эпитафиями.

жает реальную демографическую ситуацию в городах Боспора. При этом несколько меньшая доля женщин не должна удивлять, поскольку это вообще было характерно для многих древних обществ, да и для современных государств Востока.

Касаясь детских захоронений в рассматриваемых некрополях, отметим принесенный греками обычай погребения младенцев в амфорах или больших кувшинах. Такие погребения изредка встречались в предшествовавшие столетия. Немного их и в рассматриваемое время (21), больше половины найдено в некрополе Кеп, остальные — в Фанагории и Горгиппии. В основном они датируются I—II вв. н. э. Продолжением этой традиции можно считать одно погребение в глиняной кастрюле (Кепы, II—III вв. н. э.) и в пифосе (Горгиппия, I—II вв. н. э.).

В облике погребальных сооружений по сравнению с эпохой эллинизма ничего принципиально нового не появилось, сократилось лишь число так называемых черепичных могил.

В подавляющей массе захоронения были одиночными и совершались в простых грунтовых могилах, большей частью без перекрытий. Самый распространенный заклад — доски или деревянные плахи, причем чаще всего они встречаются в некрополе Горгиппии над могилами I—II вв. н. э. В некрополе Фанагории и Кеп их — единицы. Общепринятым является положение о том, что перекрытие и материал, из которого оно сделано, не могут быть отнесены к этническим признакам. Относительно же большой процент (21%) погребений с деревянными закладами в некрополе Горгиппии скорее всего объясняется лучшей обеспеченностью города древесиной.

Еще более редки плитовые гробницы и каменные перекрытия, что тоже скорее всего вызвано нехваткой камня на Таманском полуострове. Впрочем, массивные каменные саркофаги первых веков, обнаруженные в Горгиппии, привозились по заказу богатых горожан скорее всего из Малой Азии.

Примечательны гробницы с «заплечиками». Их немного: по три в некрополе Кеп и Фанагории и несколько в Горгиппии. Относятся они к I в. до н. э. — I—II вв. н. э. Обычно этот тип гробниц связывают с сарматами или сармато-аланами [1, с. 15; 2, с. 142; 3, с. 16]. Мнение это трудно поколебать, однако во всем Прикубанье, т. е. на ближайшей к Азиатскому Боспору варварской территории, известно лишь две гробницы с заплечиками I—II вв. н. э. [4, с. 61—65; 3, с. 72]. Правда, они встречаются в большом числе в курганных могильниках прохоровской культуры [5, с. 11], но и территориально, и хронологически это удаленные от Боспора памятники.

Среди гробниц с заплечиками в некрополях городов Таманского полуострова в двух было совершенно трупосожжение, в одной покойник находился в гробу, и в большинстве на заплечиках сохранились следы деревянных и сырцово-деревянных перекрытий. Ориентация костяков западная, северо-западная, восточная, юго-восточная и северная. Инвентарь малочислен. Сарматские могилы с заплечиками — довольно узкие ямы, чего не скажешь об аналогичных гробницах городских некрополей. Создается впечатление, что здесь заплечики если не всех, то многих могил были просто уступами для укладки перекрытий. Не отрицая полностью возможности сарматского влияния (гробницы с погребениями с северной ориентацией), воздержимся пока от окончательного вывода об их принадлежности.

Довольно заметную группу составляют подбойные могилы. Их 35, или ок. 6,9% всех датированных погребений. Они присутствуют во всех некрополях, кроме Горгиппийского и Гермонасского (последний изучен плохо). Больше всего их в некрополе Кеп (19%). Основная масса подбойных могил датируется I в. до н. э.— I—II вв. н. э., встречаются они и во II—III вв. н. э. Устройство подбоев в основном схоже и неоднократно описывалось. Глубина их 1,5—2,5 м, дно ямы и пол подбоя могут быть на одном или на разных уровнях. Заклад подбоя: доски, сырцовые кирпичи, куски соленов, камни и старые надгробия.

Большинство исследователей склонны связывать этот тип могил с сарматским влиянием. Подбои были распространены уже с IV в. до н. э. у носителей прохоровской культуры. Встречаются они с IV—III вв. до н. э. и в Прикубанье [6, с. 164], причем к I в. до н. э.— I в. н. э. их число возрастает. Лишь Н. В. Анфимов считал эту форму гробниц местной меотской [7, с. 46], все остальные исследователи рассматривают их как сарматские погребения или даже как присущие аорсам [8, с. 101].

В некрополях боспорских городов подбои, как известно, встречаются с IV—III вв. до н. э. [9, с. 41; 10, с. 61, 62; 11, с. 73]. Есть они и в некрополях других античных городов Северного Причерноморья как в эпоху эллинизма, так и в первые века н. э. Поэтому решать однозначно вопрос о принадлежности захоронений в подбойных могилах городов Азиатского Боспора нельзя. Нужен более детальный анализ или выделение отличительных черт, например ориентация подбоя относительно стен входной ямы и некоторые особенности погребального обряда.

В подбойных могилах Прикубанья (Усть-Лабинский могильник) подбои в I—II вв. н. э. делались чаще всего в северной стенке ямы (пять случаев из девяти), а также в западной и южной [6, с. 191]. Их отличительной чертой были сопутствующие захоронения целых туш коров или лошадей [6, 191]. Для собственно сарматских подбоев I—III вв. н. э. были характерны узкие глубокие ямы,— камеры размером 2×0; 7×0; 9 м в юго-восточной или восточной стене с дном на уровне или ниже пола ямы. Ориентация костяков южная или северная [12, с. 54 и сл.; 13, с. 43, 44].

В подбоях-некрополях азиатских городов Боспора, как правило, находилось по одному костяку взрослого или ребенка, но иногда два и даже три покойника. В двух гробницах среди прочего инвентаря найдены боспорские монеты; в одной погребение совершено в деревянном гробу. В западной стене ямы подбои были в семи могилах, в южной — в двух; в северной — в десяти; в восточной — в девяти; в юго-западной — в трех; и по одной могиле имели подбои в юго-восточной, северо-восточной и северо-западной стене. В I в. до н. э.— I в. н. э. несколько чаще встречаются подбои в западной стене — шесть, в северной — четыре, южной — две, восточной — четыре, все со смешанным направлением. Во II—III вв. н. э. почти все подбои делались в северной стене.

Поскольку меото-сарматские подбойные могилы Прикубанья изучены и опубликованы еще недостаточно, определить закономерность перемен в расположении подбоев на протяжении I в. до н. э.— III в. н. э. для сравнения этих показателей с гробницами городских некрополей пока нельзя.

Несколько подбойных могил с большей или меньшей долей вероятности можно связать с представителями меото-сарматского мира. В одной из двух гробниц I в. н. э. некрополя Кеп покойник лежал головой на юг, с перекрещенными в голенях ногами [14, № 378]; в другой, с северной ориентацией, найдены железные наконечники стрел [15, к. 15 № 3]. Явно меотские традиции сказались в облике захоронения I в. до н. э.— I в. н. э. с миской под черепом в некрополе предполагаемой Тирамбы [16, № 80]. Там же среди могил I в. н. э. имелась подбойная гробница с подстилкой из камки и меловой подсыпкой [17, № 111]. Прямые аналогии погребению I в. до н. э.— I в. н. э. некрополя Кеп с северо-восточной ориентацией, сопровождавшемуся частью туши лошади, имеются среди подбойных гробниц этого же времени в Усть-Лабинском могильнике [18, № 191].

Что касается остальных подбойных захоронений, то, возможно, часть их, с невосточной ориентацией покойников (особенно с северной и южной), могла принадлежать выходцам из меото-сарматской среды. При этом, однако, надо оговориться, что неустойчивая ориентировка погребенных вообще характерна для собственно боспорского погребального обряда первых веков н. э

Самым сложным и запутанным является вопрос о происхождении и этнической атрибуции грунтовых склепов Боспора, в том числе и в некрополях городов его азиатской части. Им уделено немало места в соответствующих исследованиях и посвящена специальная статья автора [19, с. 33 и сл.]. Избегая здесь повторения аргументов и сравнений, остановимся лишь на отдельных моментах. Грунтовых склепов этого времени в некрополях городов Таманского полуострова 31 (ок. 6%). Датировка их в узких хронологических рамках как в силу специфики этих гробниц, так и вследствие ряда других причин далеко не всегда возможна. В среднем в них находилось от двух до пяти костяков. Почти всегда это трупоположение, очень редко кремация. В некоторых случаях покойники лежали в деревянных гробах. Больше всего земляных склепов в некрополе Кеп и Фанагории. Не обнаружено их пока в Гермонассе и Горгиппии.

Грунтовые склепы встречались в некрополях городов Азиатского Боспора и в эллинистическое время, их число сократилось к I в. до н. э. и вновь выросло на рубеже I в. до н. э.— I в. н. э. Это согласуется с общей динамикой численности погребений. В целом их процент меньше, чем в некрополях европейских городов Боспора. Рассмотрение грунтовых склепов этой части Боспора важно и в свете их сравнения с подобными могилами у меото-сарматских соседей. Собственно, меотскому погребальному обряду они были несвойственны. Камерные могилы — «катакомбы», как бескурганные, так и под насыпью, появляются в Прикубанье и в Предкавказье в основном в I в. до н. э., одновременно с дошедшими до нас первыми сведениями античных авторов об аланах [3, с. 148]. Эти гробницы неодинаковы по конструкции и по погребальному обряду, но черт сходства у них больше, чем различий. Общим, по-видимому, можно считать устройство камер (овальные, овально-вытянутые, изредка подпрямоугольные с купольным сводом относительно небольшого размера), которые чаще всего делали в северной стене могильной ямы — колодца на глубине 1,6—2 м и содержали, как правило, одиночное захоронение. Пол камеры был глубже дна колодца на 0,4—0,7 м. В могильную яму клали туши коров и лошадей [6, с. 191; 20, с. 69 и сл.]. Дромос и коридор из него в камеру отсутствовали. Вообще сармато-аланские камерные гробницы выглядят как развитие подбойных могил.

Почти во всех рассматриваемых боспорских склепах камеры были четырехугольной или трапециевидной формы (средние их размеры — 2; 3×2; 4×2 м), с плоскими, сводчатыми или полуцилиндрическими сводами. Камеры имели неширокие дромосы длиной 2,5—4 м и узкие недлинные (до 1,5 м) коридоры к ним. В пяти склепах были лежанки для гробов. Число захоронений больше, чем в сарматских камерных могилах. Прототипом грунтовых склепов были, вероятно, каменные гробницы с дромосом, купольным, плоским или иным сводом квадратных камер.

Исключения составляют два склепа из некрополя Кеп с камерами овальной и грушевидной формы. Первый склеп I в. н. э. был почти полностью ограблен [18, № 200]; второй, содержавший всего одно довольно бедное захоронение с южной ориентацией, относился к III—IV вв. н. э. [21, № 270]. Эти гробницы, вполне возможно, принадлежали выходцам из сармато-аланской среды.

Направление входа в камеру, видимо, не имело решающего значения, хотя в склепах I в. до н. э.— I в. н. э. он находился чаще в западной стене камеры; в ряде случаев вход расположен в восточной, южной и северо-западной стенах. В полу склепа некрополя так называемой Тирамбы была яма, куда помещали кости предшествующих захоронений. Такие ямы уже отмечались в ряде склепов городов Европейского Таманского полуострова. За исключением одного Фанагорийского, нет среди них и двухкамерных. Вообще фанагорийские склепы стоят как бы Боспора. Зато ниш для светильников и приношений, рисунков или надписей на стенах не зафиксировано ни в одном грунтовом склепе городов несколько особняком. В них совсем нет лежанок, хотя часть захоронений совершена в гробах; число костяков невелико (один-два); встречается оружие; в одном из склепов у погребенного был деформирован череп.

Вертикальные ямы-колодцы, от стен которых отходили недлинные коридоры к камерам, сближают их с сармато-аланскими камерными гробницами. Наконец, все они датируются III—IV вв. н. э., находятся рядом, составляя как бы одну группу (участок некрополя С), и справедливо связываются исследователями с сарматизированными (а вернее, аланизированными) жителями города [9, с. 94].

Напротив, земляные склепы Кепского некрополя и часть гробниц предполагаемой Корокондамы (мыс Тузла) свидетельствуют о проникновении восточно-средиземноморских и малоазийских традиций. Не исключено, что на рубеже н. э. здесь обосновались несколько семей из городов Южного Причерноморья (Амис, Синона). Итак, в целом по набору инвентаря и обряду погребения подавляющее большинство склепов рассматриваемого времени служило для захоронений боспорских горожан.

Каменные склепы первых веков встречаются очень редко и только в некрополе Горгиппии. Примерно каждое десятое захоронение этого времени находилось в деревянном гробу, чаще это простой ящик, изредка саркофаг. Господствует трупоположение, кремация встречается чрезвычайно редко (ок. 3%), причем в основном в I в. до н. э.— I в. н. э. Трупосожжение большей частью совершалось на стороне, но иногда и непосредственно в могиле. В таком случае костяк полностью или частично сохранялся.

Обряд неполного сожжения трупа встречался и у сарматов, правда в более раннее время [22, с. 97—100], но у соседних с Боспором варваров в первые века н. э. не зафиксирован. В этой связи обращает на себя внимание одно погребение I в. до н. э. некрополя Фанагории и одно — I—II вв. н. э.— Кеп (могила с заплечиками) с обгоревшими, но уцелевшими костяками, лежавшими головой на север [23, № 18; 18, № 193].

В качестве местной, варварской черты погребального обряда выделяют подчас подстилку дна могил сухой морской травой — камкой. Таких случаев отмечено 13, из них 11 в Фанагорийском некрополе. Камка встречена в могилах всех типов и разного времени, большей частью в погребениях с невосточной ориентацией. Других специфических черт в них нет. Поскольку сухой морской травы, естественно, нет в глубинных степных и предгорных районах, это конечно, местная, т. е. присущая населению морского побережья, черта. Но связывать ее с влиянием варварских традиций пока нет убедительных оснований. Во всяком случае, если она и заимствована боспорянами, то не у сарматов, а у каких-то меотских племен.

Изредка среди могил I в. до н. э.— I—II вв. н. э. встречается подсыпка дна морскими раковинами или песком. Этот обычай зафиксирован в первые века н. э. и в прибрежных могильниках Восточного Крыма, но значительно чаще. В пяти погребениях покойник был уложен скорее всего на войлочную подстилку. Причем в двух захоронениях I—II вв. н. э.— с северной ориентацией [23, № 192] и с железным мечом справа от костяка [23, № 43] — она определенно была войлочной. Аналогии им встречаются в сарматских могильниках [24, с. 225].

Старой меотской традицией, сохранявшейся отчасти и в меото-сарматских могильниках первых веков н. э., было наличие в погребениях гальки [3, с. 65]. Отголоском ее, видимо, можно считать погребение I в. н. э. из некрополя Кеп, где около лежавшего на левом боку с согнутыми ногами головой на северо-запад взрослого костяка (женщины?) находились скорченный детский скелет, лепной горшок, бусы и мелкая галька [25, № 339]. Погребение с галькой I в. до н. э.— I в. н. э. имеется и в некрополе Фанагории [9, с. 118].

Чертой сармато-аланского обряда считается обмазка стен и дна могил светлой глиной [3, с. 15—16]. Подстилка из глины зафиксирована в десяти могилах I в. до н. э.— II в. н. э. и в четырех — III—IV вв. н. э. некрополя Фанагории. Видимо, далеко не случайно почти все эти захоронения имели северную ориентацию, а в одном у черепа лежало два крупных камня. Большинство этих могил имело очень небогатый инвен-

тарь. Любопытно, что в соседнем некрополе Кеп такие погребения пока не известны.

Нет полной уверенности в том, что угольки, найденные в трех могилах I в. до н. э.— I в. н. э., III—IV в. н. э. некрополя Кеп и I в. н. э. Тирамбы, играли ту же ритуальную роль, что в савромато-сарматских захоронениях более раннего периода и отдельных меото-сарматских могилах Прикубанья первых в. н. э. [26, с. 41—43]. Некоторые особенности их обряда — северо-восточная, северная и южная ориентация, скорченная поза одного из покойников — делают их варварскую принадлежность весьма вероятной. В уже упоминавшейся подбойной могиле I в. н. э. некрополя Тирамбы возле лежавшего на подстилке женского костяка были обнаружены следы мела [17, № 111].

Более выразительно захоронение I в. до н. э.— I в. н. э. Фанагорийского некрополя. Здесь костяк с юго-западной ориентацией, перекрещенными в голенях ногами и кистями рук на костях таза сопровождался помимо ойнохои кольцом, бронзовым колокольчиком, браслетом, куском мела и красного вещества (риальгар?) [27, № 248]. Мел в обоих погребениях свидетельствует о влиянии сарматских обычаев [22, с. 95, 96]. Куски мела и меловая подсыпка дна могил встречаются и в меото-сарматских захоронениях Прикубанья [6, с. 191, 192], что считается чертой сармато-аланского погребального обряда [3, с. 16].

Далеко не всегда ясно, служил ли обнаруженный в могиле комок красного вещества ритуальным целям или был принадлежностью косметики. Широкое же использование охры и риальгара в заупокойном культе многих ираноязычных народов, в том числе савроматов и сармат, хорошо известно. Следы проникновения этих древних традиций в среду боспорских горожан отмечались и в предшествующую эпоху, заметны они и в первые века н. э.

Из 11 погребений с охрой, риальгаром или красной краской 9 обнаружено в Фанагорийском некрополе и по одному — в некрополях Кеп и Горгиппии, причем четыре датируются I в. до н. э.— I в. н. э., остальные — III—IV вв. н. э. Все погребения более раннего времени и по крайней мере половина поздних — женские, это заставляет осторожнее относиться к оценке самого присутствия в них красящего вещества. И все же обращает на себя внимание невосточная ориентация всех погребений. Уверенно с сармато-меотскими можно связать уже рассмотренное выше захоронение 248 из Фанагорийского некрополя. Более варварскими выглядят погребения III—IV вв. н. э. Здесь и красящее вещество — определенно охра; в одном случае череп покойного был деформирован, в другом весь костяк посыпан охрой, в третьем у черепа лежала белая галька. Ориентация погребений дважды северная и северо-восточная и по одному разу западная, юго-западная, юго-восточная. Со значительной долей вероятности можно предположить, что большинство этих могил оставлено сармато-аланами, хотя в двух из них найдены боспорские монеты.

Заслуживают внимания и погребения, в которых костяки имели различную степень скорченности. Таких захоронений выявлено 11, что составляет 2%, В основном они происходят из некрополя Кеп (восемь), по одному — из Тирамбы, Фанагории, Горгиппии. Четыре относятся к I в. до н. э.— I в. н. э., три — ко II в. н. э. и по два — к II—III и III—IV вв. н. э. Костяки лежали на левом боку — четыре случая, на правом — шесть. В одном захоронении покойник лежал на животе с согнутыми руками и ногами, кисти рук подведены к лицу [18, № 203]. В головах этого погребения стояла амфора с захоронением младенца. Анализ инвентаря показывает, что положение на правом или левом боку не зависело от пола покойного. В семи могилах были, по-видимому, захоронены женщины. Впрочем, ярко выраженных мужских (с оружием и т. п.) и относительно богатых среди них нет вообще, что, возможно, не случайно. Череп одного костяка был деформирован [17, № 104]. Ориентация этих погребений самая различная, но южное с отклонениями направление несколько преобладает. Положение на левом или правом боку не зависело от ориентации. Степень скорченности у всех костяков различна; за исключением

трех (два с детскими костяками, одно со взрослым вытянутым), все погребения одиночные, и, кроме одного в подбойной могиле (некрополь Кеп), все они совершены в простых грунтовых могилах без перекрытий.

Скорченные погребения редки и в грунтовых, и в курганных меото-сарматских могильниках первых веков н. э. [3, с. 65]. Есть среди них и погребение на животе, аналогичное погребению из некрополя Кеп [28, 288 сл.]. Так же как и в городских некрополях, большинство этих захоронений, строго говоря, не скорченные, а лежащие на боку, близки они и по другим показателям. Таким образом, в данном случае влияние меото-сарматских традиций в некрополях городов Азиатского Боспора бесспорно.

И совсем определенно о присутствии в них варварского населения свидетельствуют погребения с деформированными черепами, совершенно отсутствовавшие прежде. Таких захоронений выявлено десять: восемь в некрополе Фанагории и по одному — Тирамбы и Горгиппии. Почти все они были совершены в простых грунтовых могилах и, за исключением одного, из некрополя Тирамбы, погребенные лежали вытянуто. Ориентировка их различна: северная, восточная, северо-восточная, юго-восточная (по одному погребению), северо-западная и юго-западная (по два). Судя по инвентарю, по крайней мере четыре погребения женские, одно мужское, о прочих с уверенностью судить трудно. Эти, правда, весьма относительные выводы наряду с данными антропологов [29, с. 556 сл.] говорят о том, что обычай деформации вовсе не был присущ лишь мужчинам.

Обращает на себя внимание датировка этой группы захоронений: все они относятся к III—IV вв. н. э. Обычай деформации черепов отмечен в Поволжье уже в погребениях I в. н. э., но массовым он становится во II—IV вв. н. э. Самая ранняя группа сарматских погребений с деформированными черепами в Северном Прикаспии датируется II в. н. э. [30, с. 112]. С III в. н. э. такие погребения встречаются в могильниках Прикубанья [3, с. 131, 132] и связываются исследователями с ранними аланами [31, с. 492—494, 3, с. 16; 131, 132, 140]. Где-то к III в. н. э. эти племена появились у восточных рубежей Боспора, что подтверждается и известной надписью 208 г. н. э. из станицы Таманской, упоминающей о главном аланском переводчике [32, с. 613, 614]. К концу III — IV вв. н. э. аланы, отдельные семьи или отряды воинов, селились в некоторых городах, возможно, предпочитая Фанагорию. Однако М. М. Кобылина считает эти погребения просто сарматскими [9, с. 87, 94].

Весьма часто к числу варварских, точнее сарматских, признаков относят обычай положения одной или обеих рук кистями на кости таза и перекрещивание ног в голенях. Действительно, эти черты зафиксированы в савроматских могильниках [22, с. 92], позднее отмечены в различных сарматских захоронениях, но встречаются в киммерийских и скифских погребениях [33, с. 148, 149; 34, с. 148]. Е. П. Алексеева считает их признаком сармато-аланского обряда [3, с. 16]. Вместе с тем такое положение рук и ног выявлено и в ряде погребений античных некрополей Греции [35, с. 53; рис. 9; табл. XIII, рис. 73; табл. XVIII, рис. 463].

Общий анализ всех погребений городских некрополей показывает, что как положение кистей рук на таз, так и перекрещивание ног встречается повсеместно в самых различных могилах. Все это убеждает нас в том, что взятые в отдельности эти черты не дают оснований для вывода о воздействии сарматских традиций или непосредственном присутствии сармат в городах Таманского полуострова. Но некоторые предположения иного порядка сделать все же, как представляется, можно.

Всего таких погребений учтено 49 (ок. 10%), и процент их приблизительно одинаков и на протяжении I в. до н. э.— IV в. н. э. Ориентация этих захоронений различна, и ее изменения соответствуют общей динамике этого показателя. Есть среди них, правда, и погребения с деформированными черепами (два), с куском мела (одно), с оружием (три) и костями животных (три), но прочие, как уже говорилось, ничем не примечательны.

Из 20 захоронений с перекрещенными ногами, судя по инвентарю (за исключением двух могил с бусами), почти все погребения скорее мужские. Обратная картина как будто бы наблюдается в группе могил с положением обеих рук покойного кистями на таз. Их 12, и в 8 скорее всего захоронены женщины, в прочих, судя по инвентарю, могли быть захоронены мужчины. Погребений с положением правой руки на таз — 12. Из них 9, вероятно, мужские, 3— женские. Погребений с кистью левой руки на костях таза 13. Здесь, наоборот, 9 могил женские, 2 могли быть мужскими, в остальных инвентарь крайне невыразителен.

Примечательны погребения в подбойной могиле из некрополя Кеп [36, № 317], где лежало два костяка, судя по инвентарю, мужской и женский, с юго-восточной ориентацией. У женского кисть левой руки лежала на тазовых костях, у мужского в таком же положении кисть правой. Таким образом, хотя полного совпадения нет, положение двух или левой руки кистями на область таза более характерно для погребений женщин, а скрещенные в голенях ноги или кисти правой руки на тазу скорее типичны для мужских захоронений. Эти элементы обряда, видимо, связаны с полом покойного и вряд ли отражают какие-либо этнические особенности. Все эти выводы, однако, ввиду относительности определения пола по инвентарю захоронений в достаточной мере условны.

Определенное значение в погребальном обряде имела ориентировка погребений. Вне сомнения, любой сложившийся погребальный ритуал предполагает либо твердо установленное направление в положении покойного, отражавшее какие-то представления, связанные с потусторонним миром, либо опять-таки в связи с этими представлениями (или их изменением, неконкретностью) не отличается постоянством и определенностью. Не раз отмечалось, что в некрополях городов Боспора в VI—II в. до н. э. в той или иной степени доминирует восточная ориентация, в целом присущая грекам (ионянам). Более или менее устойчивой была в то время ориентировка и в могильниках сопредельных с Боспором варварских племен.

Положение заметно меняется в первые века н. э. Уже к I в. до н. э. преобладание восточной ориентировки в городских некрополях Таманского полуострова становится незначительным. В дальнейшем картина стала совсем пестрой. Из всех погребений I—IV вв. н. э. с выявленной ориентацией восточная составляла ок. 20%. Правда, в I—II вв. н. э. этот показатель несколько больше (26%), зато в II—IV вв. н. э.— всего 7,8%. Западную ориентацию имело 9,7% всех захоронений. Ок. 10% — в I в. до н. э.— II в. н. э., меньше — в III—IV вв. н. э. и несколько выше 10% — в I в. н. э. Северная ориентация отмечена в 16% погребений. Чуть больше—11%—в I в. до н. э.—II в. н. э. и 26% в последовавший период. Случаи погребений с этой ориентировкой стали чаще в I в. н. э. и особенно к III в. н. э. Южная встречалась приблизительно в 9% гробниц, ок. 11% — в I в. до н. э.— II в. н. э. В дальнейшем их количество снижается до 5,6%. Число погребений с этой ориентацией несколько увеличилось в I в. н. э., а в прочее время оставалось небольшим.

Погребения с промежуточной ориентировкой в целом подчиняются той же динамике численности, что и ориентированные по частям света. Таким образом, ни одно из направлений не являлось в рассматриваемое время господствующим. Значительно выросла доля могил с невосточной, особенно северной, ориентацией, прежде почти не встречавшейся (в III—II вв. до н. э. северная ориентация составляла всего 1%, южная — 5%, западная — 2,1%). Выделяются как бы два «пика» роста невосточной ориентации: рубеж I в. до н. э.— I в. н. э. и III в. н. э.

Такая перемена в ориентировке захоронений в первые века н. э. отчасти объясняется общим угасанием чисто эллинских традиций в погребальном обряде. Не меньшее значение имели и воздействие обычаев и представлений соседнего варварского населения и его проникновение в города Азиатского Боспора.

Ориентировка погребенных в меото-сарматских могильниках этого времени очень неустойчивая. Если в IV—II вв. до н. э. в меотских по-

гребениях господствует южная и восточная ориентировка, то в I в. до н. э.— III в. н. э. усиливается западная и северная, что справедливо связывают с сарматским влиянием [3, с. 67, 128]. При этом не во всех известных меото-сарматских могильниках картина полностью идентична. Так, в погребениях I—III вв. н. э. у аула Октябрьского 80% захоронений было ориентировано головой на запад [28, с. 288—297]. В Усть-Лабинском могильнике в III—I вв. до н. э. южное и восточное направление составляет более 50%, а в погребениях I—II вв. н. э. преобладает западная ориентировка (57%) [6, с. 169, 192]. Доминирует эта ориентировка и в других могильниках I—III вв. н. э. [37, с. 129, 131, 139—148].

Довольно разнообразна ориентировка и в подкурганных гробницах Прикубанья I в. до н. э.— III в. н. э. В катакомбах «Золотого кладбища» (I—II вв. н. э.) покойники лежали, как правило, головой на юг или запад [38, с. 570—575]. Для собственно сармат в первые века н. э., особенно во II—III вв н. э., более характерна северная ориентация [12, с. 39; 39, с. 204].

Итак, южная, северная и западная ориентировка в некрополях азиатских городов Боспора, если не полностью, то в какой-то степени, видимо, объясняется влиянием меото-сарматских и позднесарматских обрядов. Если западная и южная (с отклонениями) ориентировка погребенных чаще встречается в гробницах I—II в. н. э., то северная — III—IV вв. н. э.

Несмотря на все исключения, в целом захоронения горожан Таманского полуострова в I—IV вв. н. э. как будто бы находились на большей глубине, чем прежде. В меото-сарматских могильниках этого же времени также увеличивается глубина гробниц, что отмечается всеми исследователями. Не делая из этого какие-либо выводы, ограничимся констатацией факта.

Остановимся теперь кратко на анализе погребального инвентаря. Прежде всего бросается в глаза как бы общая «нивелировка», «усреднение» могил с точки зрения богатства их инвентаря. В гробницах рассматриваемого периода вещей в целом немного. Исключения встречаются редко. Наряду с увеличением числа безинвентарных погребений на участках некрополей первых веков н. э. это свидетельствует не столько об относительном обнищании горожан, хотя и это, видимо, имело место, сколько об общей тенденции — сокращении количества вещей, сопутствующих захоронению. Она отчетливо наблюдается во всех более или менее изученных античных некрополях. Связано ли это с распространением христианства, или христианские нормы были подготовлены естественным процессом отмирания прежних традиций, сказать трудно. Скорее всего, здесь действовали все причины. По общепринятому мнению, наличие каких-либо предметов в могиле далеко не всегда позволяет судить об этнической принадлежности покойного. Оружие, украшения, предметы конского убора очень быстро заимствовались соседними народами. Керамика более консервативна, но у меотов в ее облике уже издавна сильно сказывалось влияние античных образцов. Сарматы же, придя в Прикубанье, быстро усвоили местные меотские формы посуды, и чисто сарматской керамики в первых веках здесь исследователи не выделяют [3, с. 17]. Лишь с утверждением алан появляются характерные новые элементы в форме и орнаментации сосудов.

Среди инвентаря обычно всегда подчеркивают оружие, видя в этом варварское влияние и так называемую сарматизацию населения Боспора. Бытует мнение, что таких погребений в первые века становится больше, чем прежде. В действительности же в некрополях I—IV вв. н. э. их не так уж и много — 22 (ок. 4%). Для сравнения отметим, что в VI—V вв. до н. э. этот процент был много выше — 31% [40, с. 27], в IV в. до н. э.— ок. 16, а в III—II вв. до н. э.— всего 3,5%. В пределах рассматриваемого времени они распределены неравномерно. Их процент очень мал в I в. до н. э.— I (1,5%) и III—IV вв. н. э. (5%), но заметен на рубеже I—II вв. н. э. (ок. 14%). Погребения с оружием встречаются во всех некрополях, но чаще всего в Фанагорийском, в основном в простых грун-

товых могилах, но есть и в четырех земляных склепах, одной подбойной могиле и каменном саркофаге.

Железные наконечники стрел в количестве от одного до десяти имелись в семи могилах I в. до н. э.— II в. н. э.; наконечники копий — в двух, мечи — в 14 гробницах. Строгой закономерности в расположении оружия в могиле нет. Не отмечено довольно часто встречавшееся прежде положение меча поперек костяка от правой (или левой) руки к ноге. Это объясняется изменением длины мечей, а следовательно, и способа их ношения. Лишь в одном погребении Фанагорийского некрополя найден полный набор наступательного оружия (меч, наконечники копий и стрел) [41, № 38]. В VI—IV вв. до н. э. таких могил было много.

Все эти погребения с оружием (за исключением двух) не выделяются богатством среди прочих могил. Ориентация их различна. Погребения с восточной (с отклонением) ориентировкой относятся к I—II вв. н. э.

Разумеется, не все эти захоронения варварские, тем более сарматские. Обычай ношения оружия давно вошел в быт боспорян. В «римское время», не отличавшееся миром и спокойствием, с ним иной раз вообще не расставались, вспомним хотя бы юного ольвиополита — собеседника Диона Хрисостома. Оружие стало отчасти и чертой погребального обряда боспорян еще в предшествовавшие столетия. Поэтому нет ничего необычного в его присутствии в гробницах коренных горожан первых веков н. э.

Встречаются предметы вооружения и в могильниках Прикубанья этого времени, где процент погребений с ними довольно велик (Усть-Лабинский могильник — 37%). Мечи и там — самое распространенное оружие. Формы же их, как и везде, в этом районе Причерноморья были общими.

Разумеется, учитывая всю обстановку того времени и некоторые варварские черты обряда в ряде могил этой группы в городских некрополях, можно допустить, что некоторые из них оставлены выходцами из Среднего Прикубанья — меото-сарматами и сармато-аланами. Четко разграничить все их на боспорские и варварские нельзя.

Погребений с костями или полными и частичными костяками животных в могилах I в. до н. э.— IV в. н. э. всего девять: четыре в погребении I в. н. э., две — I—II, три — II—IV вв. н. э. В шести гробницах это кости части лошадиных скелетов, в двух — крупного рогатого скота, в одной — барана. Все могилы, кроме одной подбойной из Кеп, простые грунтовые.

Погребения с костями животных встречались в некрополях Азиатского Боспора и раньше, но кости лошадей появляются в них лишь ко II—I вв. до н. э. В дальнейшем, как мы видим, они преобладают, что объясняется прежде всего возрастанием роли коневодства в связи с переменами в сельском хозяйстве и отчасти в военном деле. Все это, как известно, нашло отражение в искусстве и мировоззрении боспорян (образ конного воина в надгробиях, конный бог и т. п.).

Всегда в почете был конь у соседей Боспора: скифов, синдов и сарматов. В Усть-Лабинском могильнике кости лошадей и коров сопровождали 28% захоронений I—II вв. н. э. [6, с. 191]. В могильных ямах «Золотого кладбища» часто находили кости лошадей и удила [38, с. 570—573; 3, с. 73]. Все это говорит о том, что появление рассматриваемых погребений в городских некрополях объясняется как внутренними, так и внешними причинами. Так, в духе старых меотских традиций выглядит погребение I в. до н. э.— I в. н. э. некрополя Тирамбы, где возле костяка, лежавшего головой на запад, стояла миска с костями барана [42, № 59]. Бронзовые колокольчики-обереги подчеркивают варварский облик этого захоронения. В подбойной могиле I в. до н. э.— I в. н. э. некрополя Кеп скорее всего был погребен сармат головой на северо-восток, вместе с костями задней части туши лошади [18, № 191/38]. Гробница IV в. н. э. из Горгиппии с лежавшим слева от погребения с деформированным черепом костяком лошади и железной сбруей принадлежала, видимо, аланскому воину [43, № 5]. Еще в двух могилах с костями лошадей из Кепского и Фанагорийского некрополей можно проследить варварские черты. О принадлежности прочих гробниц определенно судить трудно.

Вряд ли варварским для рассматриваемого времени являлся обычай ношения лицами обоего пола шейных гривен. Когда-то это была привилегия скифских царьков и синдо-меотской знати. Очень быстро этот обычай был перенят греко-варварской боспорской аристократией, а затем всеми мало-мальски богатыми и влиятельными боспорянами. От II в. н. э. до нас дошла статуя отца горгиппийского наместника Неокла с массивной гривной, украшенной змеиными головками на концах [44, с. 172, рис. 1, 2]. Несколько погребений I—III вв. н. э. с гривнами обнаружено в некрополях Кеп, Фанагории, Горгиппии.

В трех погребениях некрополя Горгиппии, относящихся ко второй половине II — началу III в. н. э. и отличавшихся богатством инвентаря и присутствием оружия, зафиксирован крайне редкий для Боспора обычай закрывать золотыми пластинками глаза и рот покойного [45, № 64; 46, склеп II]. Такой обычай бытовал у различных народов в разное время. На Боспоре он еще отмечен лишь в отдельных могилах Кыз-Аульского некрополя [47, с. 203]. Встречаются погребения с нагубниками и наглазниками в некрополе Херсонеса первых веков н. э. [48, с. 110—112]. В ближайшем к Боспору варварском окружении этот обряд, за редким исключением, неизвестен. Возможно, он был принесен выходцами из городов Малой Азии или Восточного Средиземноморья и практиковался при захоронении людей с высоким социальным положением.

Чертой чисто греческого обряда принято считать и так называемый «обол Харона». В боспорских некрополях он встречается с IV в. до н. э., в первое время, действительно, лишь в погребениях, совершенных по нормам эллинского ритуала. Но скоро он получил не только широкое распространение на Боспоре, но, возможно, был занесен и к меотам. Среди могил III—II вв. до н. э., раскопанных у ст. Елизаветинской, было несколько погребений с монетами [49, с. 39] (хотя, возможно, здесь были похоронены приезжие греки). Во II—I вв. до н. э. «обол Харона» встречается в различных как по конструкции, так и по обряду гробницах и погребениях горожан и населения хоры государства, становясь одним из элементов общебоспорского обряда. Перестав быть критерием эллинского происхождения покойного, обряд этот просуществовал до конца античной эпохи. В рассматриваемых некрополях монеты найдены в 53 (11%) могилах первых веков н. э. (по отдельным некрополям 9,2—13,5%). В тех же пределах колеблется он по векам, но наиболее часто монеты встречаются в погребениях I в. н. э. Они были найдены в захоронениях с различной ориентировкой, ничем особенным не выделявшихся, в пяти земляных склепах, двух подбойных могилах и одной с заплечиками, каменном склепе и 33 простых грунтовых гробницах. За исключением двух погребений со следами охры VI в. н. э., в других могилах с монетами не было отмечено каких-либо ярко выраженных варварских черт.

В 41 погребении находилась среди прочего инвентаря лепная посуда. Неорнаментированные сероглиняные горшки, миски, кувшины встречены в шести могилах I в. до н. э.— I в. н. э., причем ориентировка костяков была северной, южной и юго-западной (два из них лежали на боку с согнутыми руками и ногами). Столько же погребений с лепной посудой (горшки и кувшин с зооморфной ручкой) относится ко II—III вв. н. э. Ориентировка костяков также невосточная. В III—IV вв. н. э. лепная керамика присутствует в 36% всех гробниц. Теперь это в основном темнолощенные горшки и кувшины, сероглиняные кувшины с зооморфными ручками, кружки с орнаментом из полос лощения. В 11 погребениях из 29 покойники имели северную ориентацию, в пяти — северо-восточную, в четырех — северо-западную, в остальных — все прочие направления. Черепа трех костяков были деформированы. В одной могиле были кости лошади, в другой — кусок охры.

Столь значительное увеличение числа погребений с лепной посудой в III—IV вв. н. э., конечно, можно объяснить, общим ростом ее доли в быту населения боспорских городов, что, кстати, подтверждается и раскопками городских слоев. Но обращает на себя внимание невосточная в подавляющем большинстве случаев (даже в I в. до н. э.— I в. н. э.)

ориентировка в могилах. Господствует, особенно в позднее время, северная, характерная для сарматов ориентировка. Показательна и форма этой посуды, именуемой обычно «сарматской» (находящей многочисленные аналогии в современной ей и более поздней аланской керамике). Поэтому, видимо, надо признать, что присутствие лепной посуды в погребениях чаще всего не случайно и связано, пусть и не всегда, с варварским этносом покойного.

В 11 могилах, причем чаще всего в гробницах I в. до н. э.— I в. н. э., среди инвентаря были прежде не попадавшиеся бронзовые колокольчики, игравшие роль оберегов или имевшие иное магическое значение. Они встречаются в меото-сарматских могилах первых веков н. э. [6, с. 203]. Анализ погребений с колокольчиками показывает, что они более характерны для обряда негреческого населения городов и были заимствованы у соседей из Прикубанья.

В рассматриваемый период еще труднее, чем прежде, выявить среди общей массы погребений те, которые с большей долей вероятности можно считать варварскими. Это объясняется тем, что за прошедшие столетия изменился погребальный обряд самих боспорских греков как в силу развития собственно греческих традиций, так и в результате постоянных контактов, заимствований и проникновения представителей соседних, прежде всего сменявших друг друга меото-сарматских племен, а также еще слабо выявленных традиций, пришедших из Малой Азии и Восточного Средиземноморья. Сказывалось, видимо, и начало распространения христианства.

Далеко не все черты варварского обряда были восприняты боспорянами. Шел и обратный процесс — эллинизация сопредельных территорий, протекавший менее ярко, чем прежде, и нарушавшийся перемещениями внутри варварского мира. Племена более дикие доходили до границ Боспора, а с середины III в. н. э. на какое-то время и заняли его, сметая и оттесняя население, воспринявшее в определенной мере более высокую позднеантичную культуру.

В силу этого к определению условно варварских погребений приходится подходить особо осторожно, относя сюда лишь захоронения с несколькими явно негреческими признаками, не вошедшими прежде в погребальный обряд боспорян. Таких гробниц выделено примерно 10% от общего числа. Соответственно в рамках I в. до н. э.— I в. н. э.; I в. н. э.; I—II вв. н. э.; II в. н. э.; II—III вв. н. э.; III в. н. э.; III—IV вв. н. э.; IV в. н. э. этот процент выглядит так: 5,5; 6,6; 5,9; 5,7; 12,5; 17,2; 30,8; 29. По всей видимости, количество этих погребений (и соответственно процент) было большим. Мы исходили из самых осторожных оценок.

При всей относительности этих цифр они скорее всего верно отражают общую тенденцию роста числа варваров в городах Азиатского Боспора. При этом до III в. н. э. их процент был и невелик и относительно стабилен (вспомним, что в III—II вв. до н. э. он был равен 13,2%), затем — значительно вырос; 38% этих погребений определенно женские и детские, 15% — мужские. Об остальных с уверенностью судить трудно. В целом создается впечатление, что среди захоронений с отдельными или несколькими варварскими чертами обряда доля женских — выше. Это или следствие реального соотношения полов среди представителей варварской среды в городах, или давно отмеченная этнографами особенность: женщина вообще в большей степени, чем мужчина, является носителем этнических традиций.

Судя по небогатому инвентарю, в целом эти гробницы, видимо, оставлены в основном людьми среднего и небольшого достатка. Общий процент этих захоронений во всех достаточно изученных некрополях примерно одинаков (ок. 11%), за исключением Горгиппии, где он самый низкий (2,3%).

При анализе различных черт варварского обряда и ориентировки в погребениях некрополей азиатских городов Боспора выясняется, что для I в. до н. э.— I—II вв. н. э. более характерны одни, а для III—IV вв. н. э.— другие. Количественный подсчет показывает, что увеличение как отдель-

ных элементов, так и предположительно варварских захоронений происходит дважды. Создается впечатление, что первая «волна» усиления варварского влияния и проникновения имела место где-то во второй половине I в. до н. э.— I в. н. э. Она не изменила существенно облика некрополей городов этой части государства и этнического состава их населения, хотя и была ощутима.

Вторая «волна» относится ко второй половине III—IV в. н. э. Возможно, количественно она была и не больше первой, но население самих городов оказалось, по-видимому, сильно ослабленным и сократилось вследствие готских походов. Не исключено, что часть варваров, входивших в этот племенной союз, состав которого археологически мало известен, осела в боспорских городах. Сравнение более поздних варварских признаков в городских некрополях с могильниками Прикубанья и Северного Кавказа показывает, что эта вторая «волна» в основном представляла собой продвижение части аланских племен к берегам Боспора Киммерийского и далее в Крым.

Сложнее этнически интерпретировать первую «волну», влившуюся в боспорские города Таманского полуострова, ослабленные всевозможными потрясениями бурной Митридатовой эпохи. В ней заметно присутствие элементов, свидетельствующих о влиянии меотских обрядов, но главным образом сарматских и сармато-меотских племен Прикубанья и нижнего Дона. Вероятно, это были и давние соседи боспорских греков — дандарии, тореты, синды, псессы и недавно появившиеся загадочные аспургиане, т. е. все те, кого Страбон перечислял среди ближайших к Боспору на востоке варварских народов (Strab., XI, 2, 11).

В заключение необходимо оговориться, что ограниченные рамки статьи диктовали неизбежные сокращения и опущения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Прикубанья.— КСИА, 1952, вып. 46.
2. *Ефанов Ю. П.* Кобяковский грунтовой могильник и вопрос об его этнической принадлежности.— В кн.: Античная история и культура Северного Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
3. *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, Черкес. отд-ние, 1976.
4. ОАК, за 1903 г. Спб., 1905.
5. *Мошкова М. Г.* Происхождение раннесарматской, прохоровской культуры. М.: Наука, 1974.
6. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
7. *Анфимов Н. В.* Из прошлого Прикубанья. Краснодар, 1938.
8. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
9. *Кобылина М. М.* Фанагория.— МИА, 1956, № 57.
10. *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Кеп в 1961.— КСИА, 1963, вып. 95.
11. *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав.— МИА, 1961, № 19.
12. *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1959, № 1.
13. *Гущина И. И.* О сарматах в юго-западном Крыму.— СА, 1967, № 1.
14. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской экспедиции в 1966. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3262.
15. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской экспедиции в 1968 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3710.
16. *Коровина А. К.* Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3569.
17. *Коровина А. К.* Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1968.— Архив ИА АН СССР. р-1, 3762.
18. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской экспедиции в 1962.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2524.
19. *Масленников А. А.* Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков нашей эры.— СА, 1982, № 1.
20. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской экспедиции в 1964 г. Архив ИА АН СССР, р-1 № 2864.
21. *Веселовский Н. И.*— ОАК за 1901. Спб., 1903.
22. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
23. *Коровина А. К.* Отчет об археологических раскопках некрополя Фанагории в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2914.

24. *Максименко В. Е.* Сарматские погребения в дельте Дона.— СА, 1970, № 2.
25. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской экспедиции в 1965 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3134.
26. *Веселовский Н. А.*— ОАК за 1900. Спб., 1902.
27. *Коровина А. К.* Отчет о раскопках некрополей Фанагории и Тирамбы в 1965 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3246.
28. *Анфимов Н. В.* Тахтамукаевский могильник.— Сб. материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп, 1961.
29. *Гинзбург В. В.* Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья.— МИА, 1959, № 60.
30. *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия.— КСИА, 1950, вып. 34.
31. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
32. Корпус боспорских надписей/Под ред. Струве В. В. М.— Л.: Наука, 1965.
33. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой могилы.— СА, 1974, № 1.
34. *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1967.
35. *Robinson D. M.* Necrolynthia.— In: Excavation at Olynthis. T. XI. L., 1942.
36. *Сокольский Н. И.* Отчет о работах Таманской экспедиции в 1964 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2864.
37. *Дитлер П. А.* Могильники в районе пос. Колосовка из р. Фарс.— Тр. Адыг. ИЯЛИЭ, Майкоп, 1961.
38. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
39. *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
40. *Масленников А. А.* Этнический состав населения боспорских городов в VI—V вв. до н. э.— СА, 1978, № 1.
41. *Масленников А. А.* Отчет о раскопках некрополя Фанагории в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8437.
42. *Коровина А. К.* Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3247.
43. *Поздеева И. В.* Отчет о раскопках некрополя Горгиппии в 1954 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1026.
44. *Кобылина М. М.* Скульптура Боспора.— МИА, 1951, № 19.
45. *Поздеева И. В.* Отчет о раскопках некрополя Горгиппии в 1955 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1028.
46. *Алексеева Е. М.* Отчет о раскопках анапской экспедиции в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5775.
47. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 1959, № 69.
48. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982.
49. *Анфимов Н. В.* Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.

A. A. Maslennikov

NECROPOLISES OF ASIATIC BOSPORUS IN THE FIRST CENTURIES A. D.

Summary

Up till now there was no general analysis of the necropolises of the Asiatic Bosporan cities as regards their ethnic composition. The author pioneers such an analysis using material from more than 500 exactly dated burials. He shows that the burial rites of the townspeople underwent certain changes caused by the natural development of rites and notions of the Bosporan population proper, by ideologies of the neighbouring barbaric tribes and by alien traditions introduced by resettlers from Asia Minor. Two stages of more intensified non-Greek influences can be distinguished: the turn of the 1st century A. D. and the 3rd century A. D. The first was brought about by the Meotosarmatian population of the Kuban region, the second – by the Alans.

КОЗАК Д. Н.

ПОСЕЛЕНИЕ ПШЕВОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В с. ПОДБЕРЕЗЦЫ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

На протяжении 1973—1975 гг. проводились раскопки поселения пшеворской культуры возле с. Подберезцы Пустомытовского р-на Львовской обл. Раскопками вскрыта площадь в 1300 м². Памятник многослойный: кроме древностей пшеворской культуры здесь обнаружены остатки неолитического поселения, поселения раннежелезного и раннеславянского времени и периода Киевской Руси. Культурный слой хорошей сохранности, мощностью в среднем от 0,3 до 0,4 м.

Четкой системы в расположении жилищ пшеворской культуры на поселении не прослежено. Они размещались обычно на расстоянии 8—10 м друг от друга. Лишь в раскопах 1 и 2 четыре жилища располагались на одной линии на расстоянии 1—4 м друг от друга и составляли одну группу.

Жилища представлены двумя типами: наземные (5) и с углубленным в землю полом (12).

Наземные жилища выделяются большим или меньшим скоплением глиняной обмазки на древней поверхности. Не во всех случаях удалось достаточно полно проследить их форму и размеры. Относительно хорошо сохранившееся жилище 3 имело прямоугольную форму — 3×5,2 м (рис. 1). Вероятно, близкими по форме и размерам были и остальные наземные сооружения. Так, жилище 8 имело ширину 4 м. Жилище 14, контуры которого прослежены по вкраплениям глиняной обмазки и ее отдельным скоплениям, также имело прямоугольную форму; размеры его 4,8×6 м. Остатков пола в жилищах этого типа проследить не удалось. В наземных жилищах очаги, когда это удается проследить, обычно выложены мелкими камнями в северном углу. Форма очагов овальная или круглая, диаметр их 0,7—1,4 м. Более сложна конструкция очага из

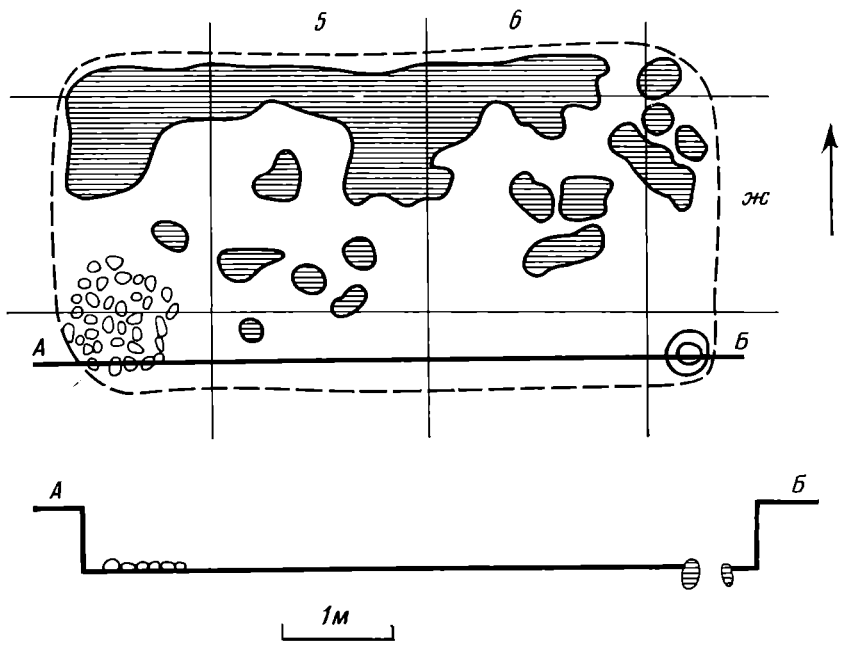


Рис. 1. План и разрез жилища 3

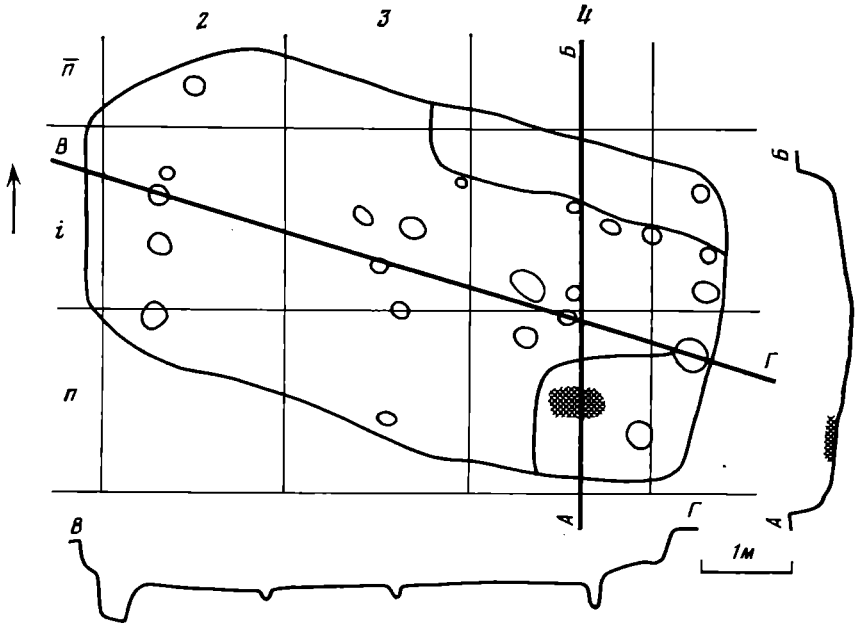


Рис. 2. План и разрезы жилища 7

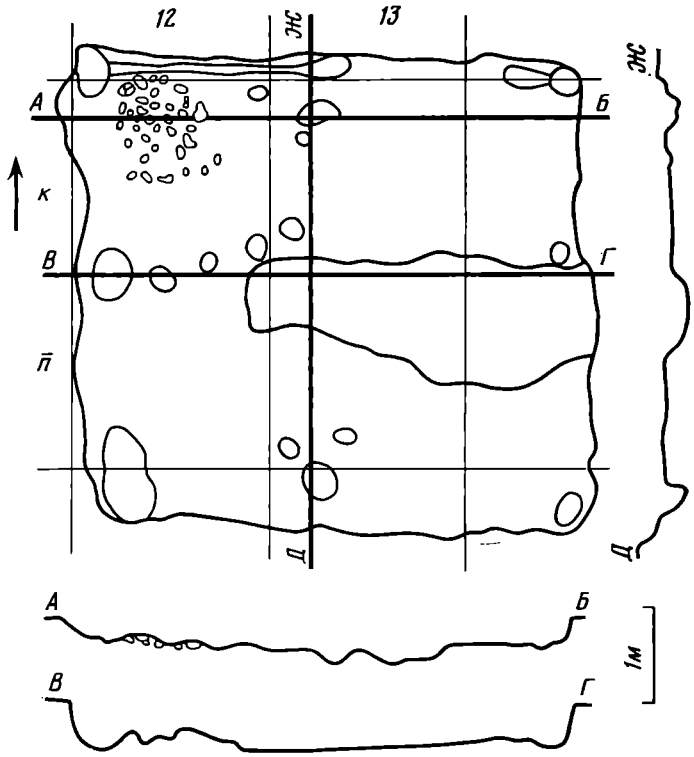


Рис. 3. План и разрезы жилища 10

жилища 8. Его основу составляла каменная вымостка, подмазанная сверху слоем глины толщиной 5—7 см.

Основное количество жилых объектов на поселении составляют сооружения с углубленным в землю полом. Среди них преобладают полуземлянки (высота земляных стенок 0,4—0,6 м). Некоторые жилища имеют лишь слегка углубленный в землю пол (высота стенок 0,2—0,3 м). Форма жилищ прямоугольная, в двух случаях квадратная (жилища 9, 10), углы закруглены. Стенки отвесные или слегка суженные к полу (рис. 2—4). Ориентация строго выдержанная: все постройки направлены длинными стенками по линии восток—запад. Пол в жилищах земляной, тщательно выровнен и хорошо утрамбован. Особенно сильно утоптана

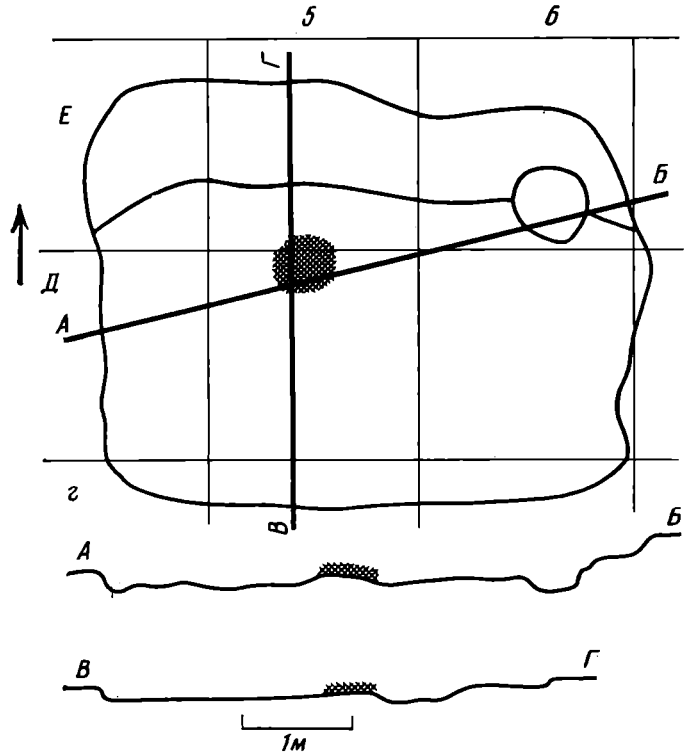


Рис. 4. План и разрезы жилища 16

средняя часть пола и вокруг очага. В жилище 1 пол был вымощен мелкими камнями и подмазан слоем глины толщиной 10 см. Это объясняется, возможно, тем, что жилище расположено в болотистой (в наши дни) долине, но уже в древности его обитатели, очевидно, принимали меры против избытка влажности. Подмазка пола глиной изредка встречается в жилищах пшеворской культуры на территории Польши, в частности, в Силезии [1, с. 385].

Размеры жилищ различны. Большими можно считать жилища 7 и 22. Их размеры составляют соответственно 3,8×7,2 и 3,8×6,8 м. Размеры остальных колеблются от 3,8×3,9 до 3,6×5,7 м. В углубленных жилищах также исследованы остатки очагов. Только в жилище 15 очаг не прослежен. Возможно, его обитатели пользовались сложенным из камня очагом 3, расположенным рядом с жилищем. Такие очаги на памятниках первой половины I тысячелетия н. э. предполагает ряд исследователей [2, с. 106]. В помещении очаги размещены на полу в небольшом углублении или на материковом выступе. Представлены они в основном слоем пепла, угольков, иногда кусками жженого дерева. В трех жилищах (1, 9, 10) очаги выложены мелкими камнями, они имеют овальную или круглую форму; размер их 0,5—0,8×0,9—1,2 м. Очаги в виде скопления золы и пепла расположены посредине пола. Исключение составляет жилище 7, где такой очаг находился на материковом выступе в юго-восточном углу (рис. 2). Каменные очаги размещены в северо-западном углу. Заслуживающим внимания элементом устройства очагов является ограждение их (в некоторых жилищах) от остальной площади пола. Так, в жилище 9 каменный очаг отгораживался конструкцией из шести столбов, о чем свидетельствуют ямки, расположенные в 0,8 м от него (рис. 3). Четко отделена четырьмя столбовыми ямками юго-восточная часть жилища 7 с очагом на материковом выступе (рис. 2).

В большей части жилищ находились пристенные материковые выступы шириной от 0,4 до 1 м и высотой 0,3—0,4 м от уровня пола. Они размещены вдоль северных, южных, иногда восточных стенок. В жилище 6 кроме пристенного выявлен еще один материковый выступ размерами

1,7×1,34 м и высотой 0,1 м от уровня пола, занимавший юго-восточный угол. Два пристенных прилавка находилось и в жилище 7. В большинстве случаев вдоль пристенных прилавков расположено три—пять столбовых ямок диаметром 0,13—0,18 м. Это свидетельствует о том, что такие прилавки обшивались с внутренней стороны деревом.

В жилище 22 возле очага находилась яма округлой формы диаметром 1,7 и глубиной 0,4 м от уровня пола. Дно ямы было заполнено пеплом. Очевидно, яма использовалась для очистки очага.

В полу всех жилищ выявлено большое количество столбовых ям. Четыре из них расположены по углам и две посредине коротких стенок, это ямки от столбов, поддерживающих крышу и стенки жилища. Остальные столбовые ямки были, очевидно, основой деревянных построек внутри жилища.

Жилищные постройки из подберезцевского поселения по форме и размерам близки к жилищам из поселений пшеворской культуры на территории Польши [1, с. 383; 3, с. 7—84; 4, с. 283—327]. К сожалению, у нас мало данных для сравнения внутреннего устройства жилищ. Своеобразная методика раскопок польских археологов, при которой заполнение жилища снимается по глубинам без учета возможного сохранения стенок, пола, приводит в лучшем случае к фиксации лишь столбовых ям, значительно углубленных в пол. Очень редко говорится о конструкции очага [1, с. 384]. Последние чаще всего не прослежены, поскольку в своем большинстве имели, очевидно, как и в Подберезцах, простую наземную конструкцию. Чаще фиксируются каменные очаги. Ни в одном случае не зафиксировано в жилищах пристенных прилавков, часто встречающихся на нашем поселении, и других элементов внутреннего устройства.

Хозяйственные сооружения, выявленные на поселении, овальной и неправильной формы, слегка углублены в грунт. Их размеры 2,3×2,6 и 2,4×5,6 м. Стенки ровные, пол слабо утоптан. В полу открыты столбовые ямки, размещенные вдоль длинных и посредине коротких стенок, иногда на значительном расстоянии от них. В заполнении объектов, на полу и непосредственно над ним были завалы глиняной обмазки с отпечатками прутьев на одной из сторон.

Хозяйственные ямы овальной и круглой формы. Стенки, как правило, суженные книзу, иногда прямые, дно плоское или линзовидное. Размеры ям неодинаковы: глубина от 0,7 до 1,24 м, диаметр от 0,8 до 2,4 м. В яме 3 дно и нижняя часть стенок были обмазаны глиной и обожжены. На дне возле стенки лежало несколько больших камней, на которых находились кости животных. На дне ямы 6 был расположен глинобитный очаг, яма заполнена древесным углем и пеплом.

Четыре очага, расположенные вне жилищ, выложены камнем. Камни сильно обожжены. Очаги имеют круглую форму, диаметр их 0,6—0,8 м. Некоторые польские исследователи склонны рассматривать каменные очаги вне объектов как остатки уничтоженных наземных жилищ. Как показали исследования в Подберезцах, такая возможность не исключена. Об этом свидетельствует, в частности, очаг 4, расположенный возле небольшого завала глиняной обмазки. Однако около остальных очагов следы хозяйственных объектов не обнаружены. Возможно, они использовались жителями поселений как дополнительные для хозяйственных или производственных целей [2, с. 106].

В размещении хозяйственных объектов наблюдается определенная закономерность. Большинство из них расположено неподалеку от жилищ. Так, очаг 1 размещен возле жилища 3, яма 1 — возле жилища 5, ямы 2—3 и хозяйственное сооружение 1 — возле жилища 9. Недалеко от жилища 15 выявлены ямы № 4, 6 и очаг 3, возле жилища 16 — очаг 2 и яма 7, возле жилища 22 — ямы 9, 10. Эти данные позволяют говорить о единых хозяйственных комплексах, состоящих из жилищ и близлежащих хозяйственных объектов.

Основное количество вещественного материала, собранного на поселении, составляет керамика. Преобладающая часть посуды изготовлена ручным способом. Незначительное количество представлено фрагментами гон-

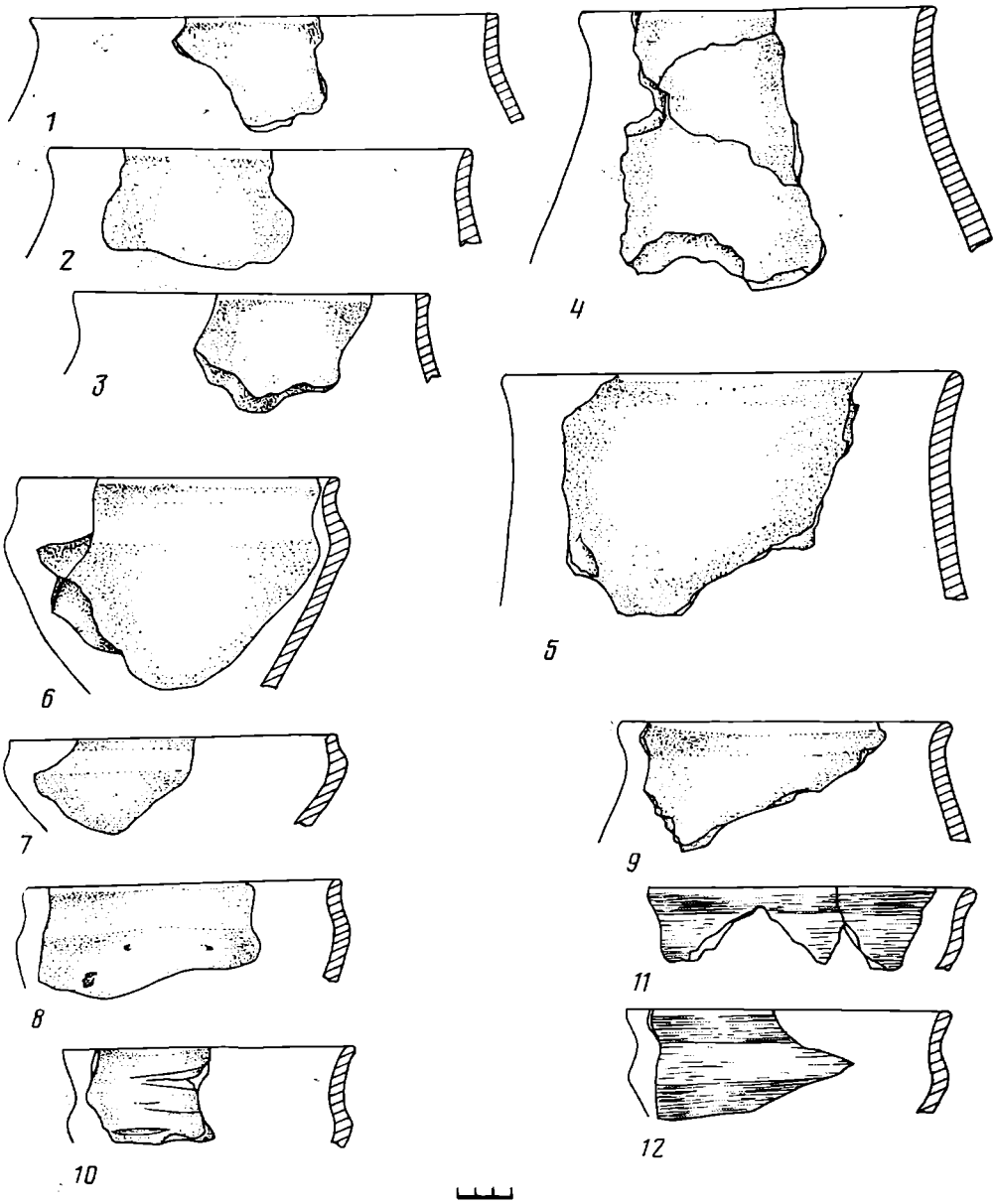


Рис. 5. Лепная керамика из жилища 7

чарных сосудов. По хозяйственному назначению лепная керамика делится на кухонную и столовую.

Кухонная керамика состоит преимущественно из горшков. Цвет черепка коричневый, темно-коричневый и темно-серый. Обжиг хороший. В тесте, из которого формировались сосуды, присутствуют примеси шамота, песка, иногда довольно крупные. Поверхность сосудов часто специально ошершавленная, шероховатая или подлощенная. Горшки изредка украшены ногтевыми защипами, нерегулярными резными линиями по бокам, строчкой пальцевых вдавлений на переломе стенок, разными видами пластического орнамента (расчлененный валик, шишечки), пальцевыми вдавлениями и косыми насечками по краю венчика. Разнообразие форм позволяет разделить горшки на несколько основных типов.

Тип I представляют средней величины сосуды со слегка отогнутым венчиком, слабо выраженными плечиками и округлым туловом. Дно плоское, выделенное в профиле. Ширина горла заметно меньше наибольшей ширины сосуда (рис. 5, *1—4*; рис. 6, *1*, *3*, *7*). Ряд сосудов этого типа имеет утолщенные, профилированные несколькими гранями венчики

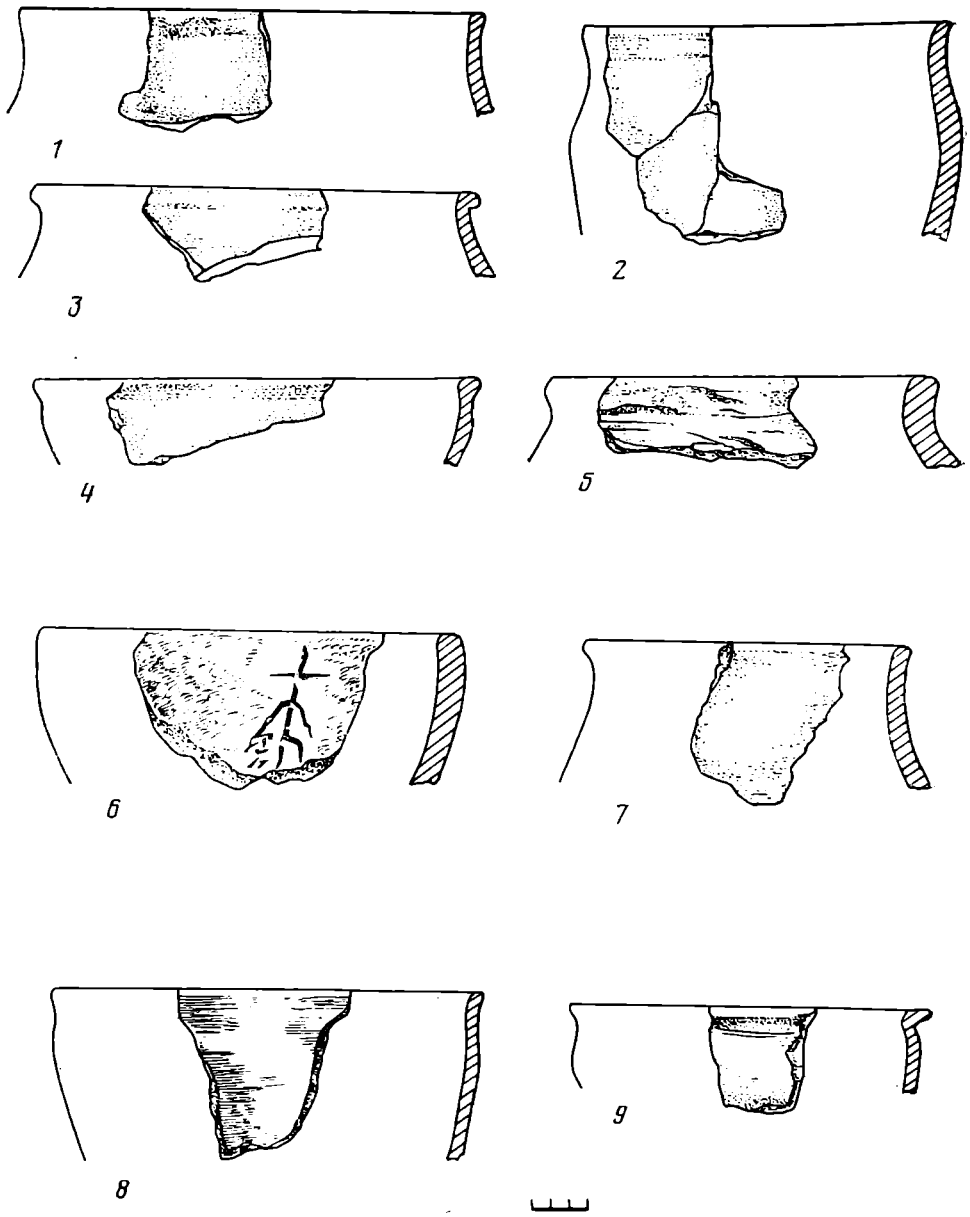


Рис. 6. Лепная керамика из жилища 10

(рис. 7, *5*; рис. 8, *1*). Такие горшки известны на памятниках пшеворской культуры, особенно на поселениях [1, табл. V, *3*; 3, табл. II, *5*].

К типу II принадлежат горшки с отогнутым, утолщенным и профилированным венчиком и высокими хорошо выраженными плечиками (рис. 8, *2*). Такие горшки часто встречаются в пшеворской культуре и характерны для позднелатенского времени [4, табл. 1, *3*; 5, табл. XLIII, *9*].

Тип III составляют невысокие широкогорлые сосуды с загнутым внутрь невыделенным венчиком. Дно плоское, с закраиной (рис. 8, *3*). Эти горшки довольно широко распространены на пшеворских памятниках, особенно в центральных областях Польши [6, рис. 27, *6*]. На нашем поселении они немногочисленны и встречены лишь в четырех экземплярах в позднелатенских комплексах.

К типу IV принадлежат слабопрофилированные биконические горшки с невыделенным или малозаметно отогнутым венчиком и переломом тулова в средней или нижней части сосуда (рис. 5, *5*; рис. 8, *4*). Горшки этого типа не известны в пшеворской культуре на территории Польши. Близкие по форме сосуды распространены на липицких памятниках в Поднестровье [7, рис. 21, *12*, *15*].

В тип V объединяются горшки с хорошо выраженными, отогнутыми

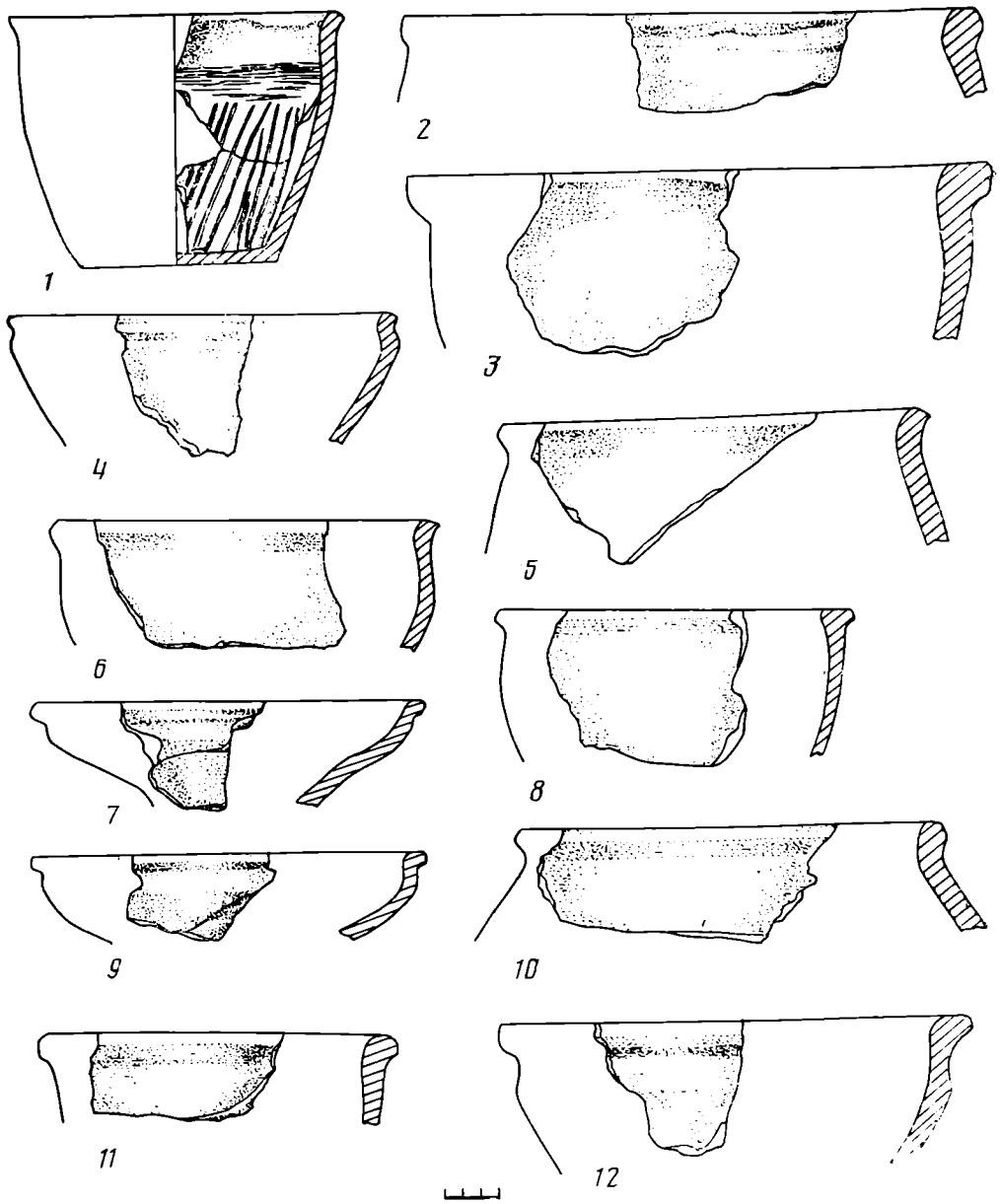


Рис. 7. Лепная керамика из жилища 16

венчиками и высоко поднятыми закругленными плечиками (рис. 6, *2*, *8*; рис. 8, *5*, *6*). Отдельным подтипом этого типа являются небольшие горшки таких же пропорций, но с ребристым переломом плечиков (рис. 8, *7*, *8*). Горшки типа V часто орнаментированы и наиболее распространены на поселении. В пшеворской культуре на территории Польши они имеют лишь единичные аналогии и, по-видимому, характерны для наиболее восточных пшеворских памятников.

Столовая посуда, собранная на поселении, состоит из мисок и кружек.

Миски имеют, как правило, лощеную поверхность черного и коричневого цвета. Примеси в тесте незначительные, преимущественно песок. Орнамент отсутствует. По форме выделяются три типа мисок.

В тип I объединены миски с отогнутым профилированным венчиком, высоко расположенными короткими плечиками и резко суженным ко дну туловом (рис. 7, *4*; рис. 6, *7*, *9*). Такие миски распространены на пшеворских памятниках позднелатенского времени [5, табл. X, *11*, XI, *4*, XV, *10*].

К типу II принадлежат реберчатые миски S-видного профиля. Их венчики легко отогнуты наружу, плечики отделены четким переломом от

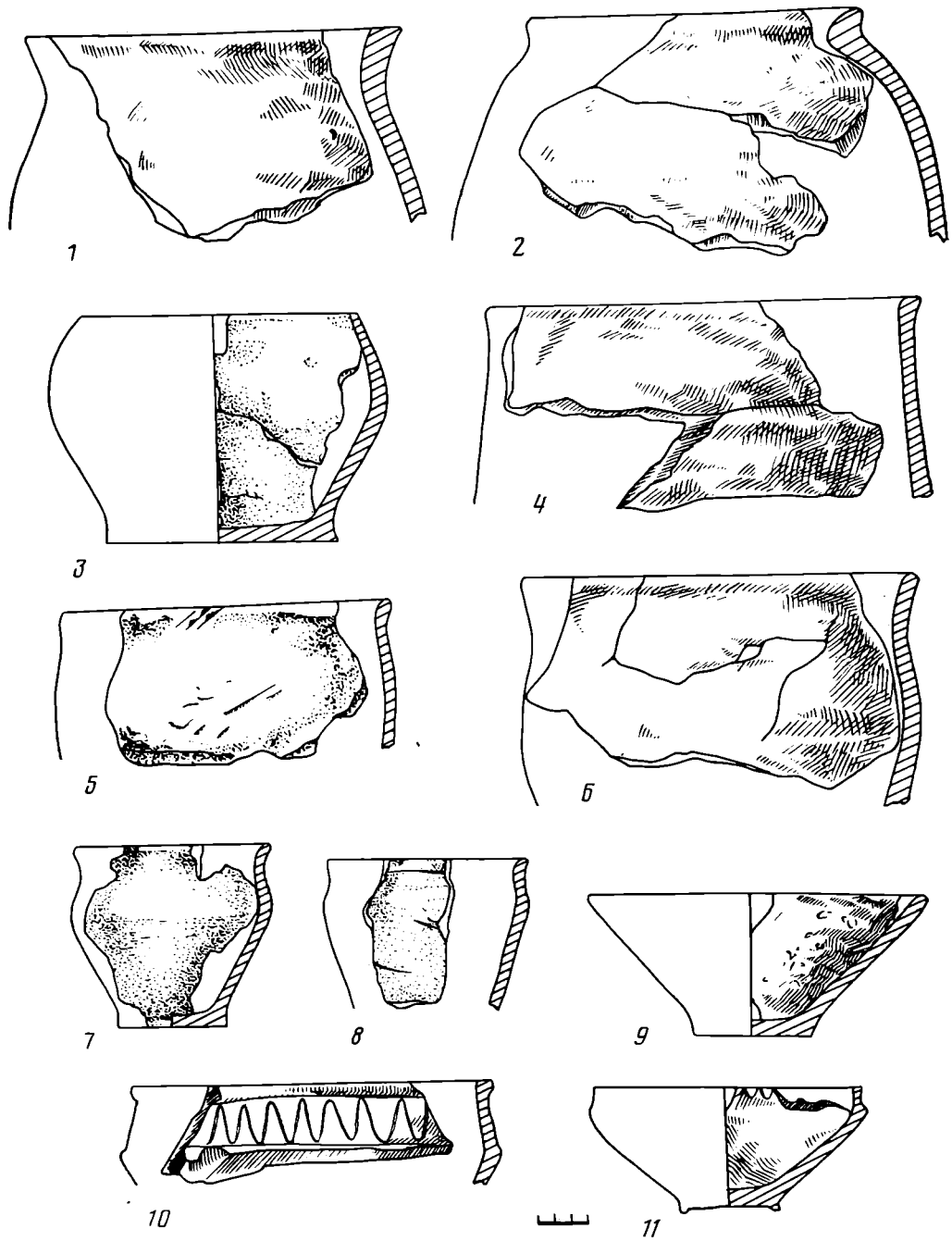


Рис. 8. Керамика из культурного слоя поселения (*1—9* — лепная, *10, 11* — гончарная)

тулова, суженного книзу. Дно плоское, иногда на подставке (рис. 5, *6*, *8*, *10—12*). Аналогичные миски широко распространены в пшеворской культуре и встречены на большинстве исследованных памятников [6, с. 68, 72, 78, 82, 88].

К типу III принадлежат миски с прямым или слегка загнутым внутрь венчиком и четко выделенным, утолщенным с внешней стороны ребром при переходе к сужающемуся тулову. Края венчиков закруглены или горизонтально срезаны (рис. 5, 7). Большое количество таких мисок выявлено на пшеворском могильнике в Млодзикове и других памятниках на территории Польши [8, рис. 327, *1*, 368, *2*, 375, *4*, 412, *5*].

К кружкам причислены сосуды, которые использовались для питья. Некоторые из них снабжались ушком, но у большинства сосудов оно отсутствует, что, возможно, объясняется их фрагментарным состоянием. Последнее затрудняет также их точную классификацию. Некоторые со-

суды напоминают скорее невысокие горшки, другие — глубокие миски. По форме их можно разделить на несколько типов.

Тип I составляет наибольшее количество экземпляров. К нему относятся сосуды мягких очертаний со слабо выделенными плечиками и слегка суженным к дну туловом. Венчики отогнутые, профилированные, дно плоское, не выделенное в профиле (рис. 7, *1*, *3*, *8*, *11*). Подобные кружки имеют широкие аналогии на памятниках пшеворской культуры позднелатенского времени [*1*, табл. I, *3*; 5, табл. IV, *4*, *5*, табл. XIV, *5*, табл. XXII, *4*].

К типу II принадлежат кружки конической формы с округленными стенками и невыделенными венчиками. Кружки этой формы иногда украшены резными линиями, пальцевыми вдавлениями и другим орнаментом (рис. 6, *6*).

Тип III составляют кружки, по форме напоминающие срезанный конус. Венчики не выделенные, края горизонтально срезанные или округленные. Между собой они различаются размерами и разным углом наклона стенок. Некоторые из них близки к цилиндрической форме (рис. 8, *9*). Кружки II и III типа известны на пшеворских памятниках римского времени [1, табл. IV, *12*, *14*; 4, табл. XIII, *10*, табл. XIV, *13*, табл. XX, *12*].

Кроме перечисленных выше керамических форм на поселении встречены сосуды, не характерные для пшеворской культуры, хотя по составу теста и не отличающиеся от общей массы керамики. Это немногочисленные горшки тюльпановидной формы и слабопрофилированные сосуды с налепным расчлененным валиком вокруг шейки. Аналогии им находим на памятниках липицкой культуры. К заимствованиям относится также ряд горшков с сильно отогнутыми венчиками и высокими закругленными плечиками, ребристые биконические горшки, миски полусферической формы, плоские крышки и др. Наиболее близкие аналогии этим сосудам находим на зарубинецких памятниках [1].

Около 2% керамики из поселения составляют обломки гончарных сосудов. Они изготовлены из хорошо очищенной глины и имеют лощеную поверхность серого, изредка черного цвета. В отдельных случаях ее формы принадлежат липицкой культуре, но в большинстве своем они черняховские. К липицким относится горшок с прямым, несколько утолщенным венчиком и покатыми плечиками. Под венчиком сосуд украшен гладким валиком. Аналогии ему находим среди гончарной керамики из поселения липицкой культуры в Черепине [10, табл. III, *6*] и других липицких памятников [7, рис. 38, *5*, *6*]. Фрагмент высокой, полой внутри ножки от чаши представляет собой часть сосуда характерной для керамики липицкой культуры формы [7, рис. 45, *8*, *11*].

Остальные формы гончарной керамики из поселения представлены исключительно мисками (рис. 8, *8*, *9*), часто встречающимися на черняховских памятниках Поднестровья и Поднепровья [11, рис. 9, *2*, *8*; 12, рис. 9, *13*, 13, *5*]. В составе керамического комплекса присутствует также импорт: немногочисленные обломки амфор, фрагменты сосудов terra sigillata.

Первые представлены ручками, стенками, фрагментом верхней части горлышка (рис. 9, *1—3*). Глина светлая, поверхность ее гладкая. Перечисленные фрагменты принадлежали светлоглиняным амфорам с узким горлышком и профилированными ручками с продольным ребром на внешней стороне. Амфоры этого типа часто встречаются в Северном Причерноморье во II—III вв. н. э. [13, с. 118, табл. XXXVIII, рис. 94; 20, с. 16]. В Поднестровье светлоглиняные узкогорлые амфоры известны на памятниках черняховского типа [10, с. 62].

От сосудов terra sigillatta сохранилось три черепка, внешняя сторона которых покрыта красным лаком. Лак среднего качества, поверхность гладкая. Находки этих сосудов редки в пшеворской и других культурах римского времени. Несколько фрагментов известно из поселения черняховского типа в Черепине [10, с. 62—63], однако в отличие от подберез-

[1] Характеристика этой керамики дана в статье Д. Н. Козака [9, с. 72—91].

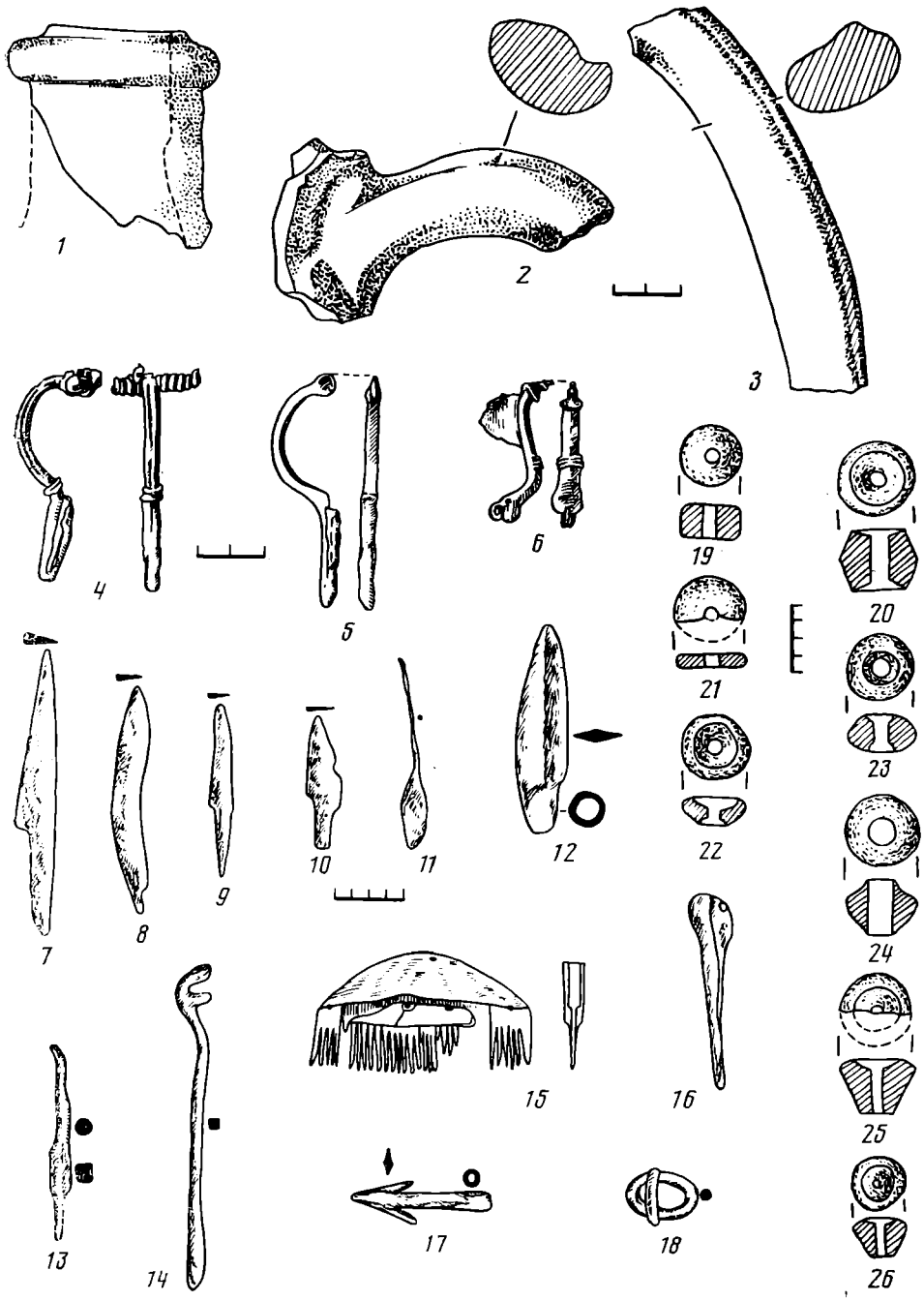


Рис. 9. Изделия из глины (*1—3, 19—26*), металла (*4—14, 17, 18*) и кости (*15, 16*); *6, 7* — жилище 7; *1—5, 8—26* — культурный слой

цевских они имели рельефные изображения, что позволило определить их тип.

Отдельную и большую группу керамических изделий составляют прясла. В глине присутствуют мелкие примеси шамота и песка. Часто глина хорошо очищена. Цвет изделий коричневый, темно-коричневый и черный. Большинство прясел имеет лощеную поверхность. Формы их разнообразны. Наиболее часто встречаются биконические прясла. Значительное количество составляют прясла в форме усеченного конуса. Они, как правило, чернолощеные. Встречены также прясла цилиндрической формы. Несколько прясел изготовлено из стенок амфор (рис. 9, *19—26*).

Прясла всех форм имеют аналогии в пшеворской культуре [14, табл. XV, XVI]. Однако следует отметить, что на пшеворских памятниках наиболее распространенными являются биконические прясла. Другие формы, в частности форма усеченного конуса, встречаются ред-

ко. Они более характерны для липицкой культуры [7, рис. 5, *10–17*]. Отдельно следует отметить два прясла, изготовленные из мергельного камня, выявленные в жилище 9. Одно из них покрыто черной краской. Мергельные прясла в пшеворской культуре не известны. Несколько экземпляров таких прясел найдено на липицких поселениях в Ремезовцах и Верхней Липице [7, с. 116]. Черной краской было покрыто одно пряслице из черняховского поселения в Рипневе II [11, рис. 7, *19*]. К глиняным изделиям принадлежат также ложковидная льячка с ручкой и несколько конусовидных блоков.

На поселении выявлен также ряд металлических предметов: две бронзовые и одна железная фибулы, наконечник стрелы, копья, пряжка, ключ, ножи и др. Наиболее ранней является бронзовая, производная от остропрофилированных фибула из жилища 7 (рис. 9, *6*). Она имеет несколько расширенную головку, коленообразно выгнутую дужку и отогнутый вверх конец ножки, оканчивающийся кольцеобразным утолщением, украшенным тремя желобками. Фибулы этого типа распространены на пшеворских памятниках Восточной и Центральной Польши [15, рис. 15].

Вторая бронзовая фибула относится к типу двухчастных подвязных и имеет лукообразно выгнутую в сечении дужку, которая в нижней части переходит в прямую ножку. Ножка загнута навстречу иголке и образует для нее приемник. Конец приемника в виде тонкой проволоки трижды обмотан вокруг дужки на месте ее перехода в ножку. Длина фибулы 6,5 см (рис. 9, *4*). Близкой к вышеописанной является железная фибула (рис. 9, *5*). Дужка полукруглая в сечении. Верхний конец расклепан и имеет отверстие для стержня пружины, нижний конец переходит в прямую, загнутую навстречу иголке ножку. Пружина и игла не сохранились. Длина фибулы 6,6 см. Эти фибулы встречаются на многих памятниках пшеворской культуры [16, с. 144–145, рис. 30, *d*, *s*].

Наконечник стрелы относится к типу крыльчатых и имеет ромбовидное в сечении с отогнутыми крылышками лезвие и округлую длинную втулку (рис. 9, *17*). Несколько таких наконечников стрел известно из могильника в Гацях [14, табл. VIII]. Наконечник копья плохой сохранности, деформирован. Он имеет листовидное, заостренное с обеих сторон, с ребром посредине лезвие и округлую втулку. Конец втулки не сохранился. Длина лезвия 9, ширина 2,7 см, диаметр втулки 1,8 см. Наконечники копий такой формы характерны для пшеворской культуры и встречаются на многих ее памятниках, относящихся к раннеримскому времени [1, табл. 11, *6*].

Найденная на поселении пряжка изготовлена из круглого в сечении стержня и имеет овальную форму. Язычок подвижный, размеры ее 4×2,5 см (рис. 9, *18*). Пряжки этого типа характерны для позднеримского времени и известны на многих пшеворских памятниках [14, табл. V].

Ключ изготовлен из квадратного в сечении стержня, один конец которого загнут в форме крючка с двумя зубьями, второй конец отломан (рис. 9, *14*). Длина ключа 18,5 см. Ключи крючковидной формы широко распространены в пшеворской культуре [14, табл. V].

Ножи представлены 9 экз. Они имеют клиновидное в сечении, суженное к концу лезвие и отделенный от него одним или двумя уступами черенок (рис. 9, *7–10*). Длина ножей от 7 до 16 см. Кроме того, на поселении встречены шило, бронзовая проколка, шпилька (рис. 9, *11–13*) и другие мелкие предметы.

Среди костяных изделий заслуживает внимания гребень (рис. 9, *15*). Он имеет дугообразную спинку и состоит из трех пластинок, соединенных железными заклепками. Гребень относится к I варианту первого типа по классификации С. Томас [17, с. 120]. Гребни этого типа довольно часто встречаются на пшеворских памятниках, представляя наиболее ранний тип трехчастных гребней [4, табл. XIX, *1*]. Другие костяные изделия представлены проколками, лощилом, амулетами.

Определяя время существования поселения, мы полагаемся как на хорошо датирующиеся материалы, которых, к сожалению, мало, так и на сравнительно-типологический анализ довольно разнообразных керами-

ческих комплексов из многочисленных объектов. Это дает возможность не только датировать поселение в целом, но определить также относительную хронологию отдельных объектов.

Наиболее ранней на поселении является керамика, четко выделяющаяся среди керамического комплекса как по способу обработки внешней поверхности, так и по формам. Ее характерной особенностью являются утолщенные, профилированные двумя-тремя гранями венчики (рис. 7). В хронологической таблице, разработанной Т. Домбровской на материалах широко исследованного могильника позднелатенского и раннеримского времени в Карчевце (Восточная Мазовия), подберезцевская керамика с профилированными венчиками отвечает среднему и позднему этапам позднелатенского времени [18, табл. LII—LIII]. Такая датировка подтверждается находками аналогичной керамики с разнотипными фибулами позднелатенской конструкции [18, табл. II, *3—5*, табл. XVI, *11—25*, табл. XXVIII, *17—21*, табл. XXIX, *7—16*]. Такая же керамика известна из могильника позднелатенского времени в Вилянове [5, табл. II—LXXXIX], в позднелатенских погребениях в Добжанкове, Вымыслове [1, табл. I: *1—2*, *7—9*, *11*] и других памятниках. Это позволяет предположить, что поселение в Подберезцах существовало уже во второй половине I в. до н. э. Именно к этому времени следует отнести жилища 1 и 16, а также некоторые хозяйственные ямы (1, 14), где обнаружена керамика исключительно позднелатенских форм (рис. 7).

Более поздними на поселении являются жилища 5, 6, 10, 11, 18 и хозяйственное сооружение 2. Среди керамического материала, собранного в этих объектах, наряду с формами, присущими вышеупомянутым жилищам, есть сосуды, характерные уже для раннеримского времени (рис. 6). Фрагменты венчиков с профилированными краями составляют в этих жилищах от 7 до 33% от общего числа. Внимания заслуживает и характер обработки внешней поверхности керамики из этих объектов в сравнении с керамическими комплексами жилищ позднелатенского времени. Значительным еще остается процент специально ошершавленной, подлощенной и лощеной керамики. Если в позднелатенских жилищах ее количество составляло в среднем соответственно 33, 22 и 20,5%, то в рассматриваемых жилищах она составляет 11, 11,4 и 16,2%. В то же время почти вдвое увеличивается количество нелощеной шероховатой керамики (от 35,7 до 60%).

Таким образом, исходя из анализа керамического материала, можно отнести эти жилища к I — первой половине II в. н. э. Наиболее ранними из них являются, очевидно, жилища 6, 10, 11 и сооружение 2, где сосуды позднелатенского характера составляют соответственно 25, 26 и 33%. Они скорее всего относятся к I в. н. э. Жилища 5 и 18 могли существовать в первой половине II в. н. э. Позднелатенская посуда составляет в них лишь 7 и 9,2%. Датировка объектов этим временем подкрепляется находками пяти фрагментов липицкой гончарной керамики в жилище 5, фрагмента чаши на высокой ножке в жилище 6 и двух лепных сосудов этой культуры в жилище 11. Ограничивая время существования этих объектов первой половиной II в. н. э., мы исходим из относительно хорошо датированных комплексов в Пивоницах (Центральная Польша), где в жилищах II в. н. э. уже отсутствуют позднелатенские сосуды или же они представлены единицами [4, табл. X—XIII]. Совсем отсутствует такая керамика и на ряде поселений, которые датируются, по мнению авторов исследований, временем со II в. н. э. и позже.

К более позднему времени на поселении принадлежат жилища 7, 9, 22. В керамическом материале из этих жилищ отсутствуют сосуды позднелатенского времени. Основную массу керамики составляют формы, характерные для римского времени (рис. 5). Преобладают сосуды с шероховатой поверхностью (75,5%). Среди керамического материала некоторых объектов выявлены фрагменты гончарных мисок, форма и фактура теста которых характерны для черняховской керамики (жилище 9 — один фрагмент, жилище 7 — 21 фрагмент). Такое соотношение керамики на поселении хорошо датируется бронзовой, производной от остропрофили-

рованных фибулой, найденной на полу в жилище 7 (рис. 9, *6*). Датируются такие фибулы второй половиной II — первой половиной III в. н. э. [1, с. 96]. Возможно, более ранним (вторая половина II в. н. э.) является жилище 22, где отсутствует гончарная керамика черняховского типа.

Существование поселения во II—III вв. н. э. подтверждается находками обломков светлоглиняных узкогорлых амфор с ребристыми ручками, фрагментами сосудов terra sigillata, подвязных фибул, костяного гребня. Узкогорлые светлоглиняные амфоры широко бытовали в Северном Причерноморье в первых веках нашей эры. Профиль верхней части горлышка амфоры из Подберезцев (рис. 9, *1*) позволяет соотнести ее с типом С по классификации Д. Б. Шелова и датировать II в. н. э. [19, с. 18].

Довольно хорошо датируется керамика terra sigillata. Однако фрагментарность сосудов не дает возможности более детально определить их тип. На памятниках пшеворской культуры эта керамика встречается во II — первой половине III в. н. э. [1, с. 65].

Обе фибулы (одна бронзовая, вторая железная) обнаружены в культурном слое поселения. Они принадлежат к типу подвязных двухчастных фибул и относятся к группе VI фибул системы О. Альмгрена [20, с. 71, табл. VII]. Эти фибулы являются типологически более поздними, чем подвязные фибулы одночастной конструкции, и датируются О. Альмгреном временем от III до V в. н. э. [20, с. 76]. Р. Ямка, рассматривая этот тип фибул, пришел к выводу, что они появляются на территории пшеворской культуры во второй четверти III в., и ограничил время их существования лишь III в. н. э. [16, с. 144—145]. Так датируют эти фибулы на памятниках пшеворской культуры и другие авторы [1, с. 96]. Если учесть, что такие фибулы в пшеворской культуре выступают как ведущий тип в этот период, то фибулы из Подберезцев также можно датировать в рамках III в. н. э., тем более что материала, датированного IV в., на поселении не обнаружено.

Это касается и костяного гребня с дуговидной спинкой. С. Томас датирует такие гребни в основном второй половиной III в. н. э., а возможно, и его первой половиной, хотя и отмечается вероятность их существования и позже, в первой половине IV в. н. э. [17, с. 120]. В пшеворской культуре такие гребни появляются в позднеримское время, т. е. с конца II в. н. э. [21, с. 258]. Наиболее часто гребни этого типа на пшеворских памятниках встречаются в III в. н. э. [1, с. 77]. К этому же времени и относится, очевидно, гребень из Подберезцев.

Таким образом, все выявленные на поселении материалы укладываются в рамки второй половины I в. до н. э.— первой половины IV в. н. э. Однако следует отметить, что объектов, существовавших во второй половине III — первой половине IV в., на поселении не встречено. Наиболее поздний объект (жилище 7) датируется второй половиной II — первой половиной III в. н. э. В этом жилище встречено наибольшее количество гончарной керамики черняховского типа. Как и на поселении в целом, здесь гончарная керамика представлена лишь обломками мисок, изготовленных из хорошо очищенной глины с лощеной поверхностью. Такая керамика характерна для наиболее ранних комплексов черняховской культуры [22, с. 373, 376], вернее того этапа ее формирования, который, по предположению М. Б. Щукина, длился с 70—80-х годов II в. до 60—70-х годов III в. [23, с. 60]. Пшеворские племена, обитая в Поднестровье с позднелатенского времени, познакомились с гончарной керамикой через население липицкой культуры [7, с. 105], с которым пшеворцы были в довольно тесных контактах [24, с. 96—105]. С появлением памятников черняховской культуры, где гончарная керамика составляет 40—60% всего количества керамического материала [2, с. 107] и с которыми подберезцевское поселение должно было бы сосуществовать какое-то время в непосредственной близости, этой керамики должно стать значительно больше, она должна быть также более разнообразной.

Приведенные соображения позволяют предположить, что поселение в

Подберезцах прекратило свое существование в период формирования черняховской культуры, т. е. на протяжении III в. н. э.

Поселение у с. Подберезцы — первый на территории Украины широко исследованный памятник пшеворской культуры. Материалы, полученные здесь, являются новым, важным источником для изучения истории и материальной культуры пшеворских племен. Они позволяют также проследить особенности развития пшеворской культуры в слабо изученных восточных районах ее ареала. Этому способствует во многом анализ керамического материала из разновременных объектов поселения, показавший, что керамика из позднелатенских объектов мало отличается от синхронных керамических комплексов на территории Польши, в частности Мазовии. Однако в более поздних объектах, начиная с I в. н. э., керамический материал имеет заметные отличия от материалов пшеворской культуры Мазовии, Великопольши, Силезии. На поселении не получила развития форма горшка с загнутым внутрь венчиком, отсутствуют мисковидные сосуды и горшки с хорошо выделенной шейкой и близким к шаровидному корпусом, составляющие основные виды сосудов на пшеворских памятниках Центральной и Западной Польши в римское время. В керамическом комплексе подберезцевского поселения преобладают горшки вытянутых пропорций с легко отогнутыми венчиками и переломом стенок в верхней части сосуда. Своеобразие керамике римского времени из Подберезцев придают также отдельные сосуды и орнаментальные мотивы, имеющие аналогии в зарубинецкой и липицкой культурах и производные от них.

Несколько раньше, чем на памятниках Польши, в Подберезцах появляется гончарная керамика провинциально-римского типа. Наибольшее ее количество, как отмечалось выше, собрано в жилище 7, которое датируется второй половиной II — первой половиной III в. н. э. На территории Польши, по мнению исследователей, такая керамика появляется со второй половины III в. н. э. [1, с. 70].

Некоторыми особенностями обладают также жилищные постройки из поселения в сравнении с жилищами, известными на территории Польши (наличие пристенных прилавков, расположение столбовых ям, конструкция очагов). Причина этих отличий заключается, по-видимому, в некоторой оторванности пшеворских племен Поднестровья от основной территории культуры и, возможно, каких-то отличительных этнических признаков этих племен. Важное значение для направления развития материальной культуры пшеворского населения Верхнего Поднестровья имело влияние соседних липицкой и зарубинецкой культур. Пшеворские племена на территории Польши очутились в это время под все усиливающимся влиянием северных германских культур.

Принимая во внимание наличие тесных контактов обитателей подберезцевского поселения с липицкими и зарубинецкими племенами, что хорошо прослеживается по керамическим и другим материалам, следует предположить, что в Верхнем Поднестровье начиная с I в. н. э. проходят определенные интеграционные процессы, включившие все три группы населения. Более детальное изучение этих процессов имело бы важное значение для рассмотрения этнокультурной истории Поднестровья и Волыни в первых веках нашей эры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Prahistoria ziem Polskich (późny okres lateński i okres rzymski). T. V. Wroclaw — Warşzawa — Kraków — Gdańsk, 1981.
2. *Баран В. Д.* Поселення черняхівського типу поблизу с. Дем'янів у Верхньому Подністров'ї.— Археологія, 1971, № 1.
3. *Dąbrowski K.* Osadnictwo z okresów późnolateńskiego i rzymskiego na st. 1 w Piwonicach pow. Kalisz.— MS, 1958, t. IV.
4. *Dąbrowski K., Kozłowska R.* Dwie osady we wsi Piwonice.— MS, 1959, t. V.
5. *Marciniak J.* Cmentarzysko ciałopalne z okresu rzymskiego w Wilanowie koło Warszawy.— MS, 1957, t. II.
6. *Kostrzewski B.* Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego i rzymskiego w Domaradzicach pow. Kawicz.— Fontes archeologii Poznanienses, 1954, t. IV.
7. *Циглик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ: Наук. думка, 1975.

8. *Dymaczewski A.* Cmentarzysko z okresu późnolateńskiego w Młodzikowie pow. Środa.— Fontes archeologii Poznanienses 1957—1958, t. VIII—IX.
9. *Козак Д. Н.* Пшеворская культура в междуречье Днестра и Западного Буга.— В кн.: Проблемы этногенеза славян. Киев: Наук. думка, 1978.
10. *Баран В. Д.* Поселення перших століть нашої ери поблизу с. Черепнин. Київ: Наук. думка, 1961.
11. *Баран В. Д.* Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга.— МИА, 1964, № 116.
12. *Петров В. П.* Масловский могильник на р. Товмач.— МИА, 1964, № 116.
13. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 8.
14. *Hadaczek K.* Album przedmiótow wydobytych w grobach cmentarzyska ciałopalnego koło Przeworska.— In: Teka konserwatorska. T. III. Lwów, 1909.
15. *Jamka R.* Cmentarzysko w Kopkach (pow. niski) na tle okresu rzymskiego w Małopolsce zachodniej.— Przegląd archeologiczny, 1936, t. V, z. 1.
16. *Jamka R.* Ciałopalne cmentarzysko kultury przeworskiej w Ciosnach pow. Łodz.— Prace archeologiczne, 1962, z. 3.
17. *Thomas S.* Studien zu den germanischen Kämmen der romischen kaiserzeit.— Arbeit- und-Forschungsberichte zu sächsischen Bodendenkmalpflege, 1960, t. VIII.
18. Materiały starożytne i wcześnośredni owieczne, 1973, t. II.
19. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификации и хронология.— КСИА, 1978, вып. 156.
20. *Almgren O.* Studien über Nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923.
21. *Kostrzewski J.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa, 1959.
22. *Смішко М. Ю.* Дослідження пам'яток полів поховань в Західних областях УРСР.— АП, 1952, вип. 3.
23. *Щукин М. Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян.— СА, 1973, № 4.
24. *Козак Д. Н.* Могильник початку нашої ери біля с. Звенигород на Львівщині.— Археологія, 1979, № 25.

D. N. Kozak

A PRZEWORSK-CULTURE SETTLEMENT AT PODBEREZTSY VILLAGE, LVOV DISTRICT

Summary

The author discusses the results of the first large-scale research of a Przeworsk-culture settlement in the Ukraine. Seventeen dwellings, some auxiliary constructions and a great number of artifacts were studied. The dwellings were of two types: ground and partially underground, the first type being represented by masses of clay plaster covering rectangles (3m×5.2m) with stone hearths in one of the corners, while the second type was mainly represented by rectangular or, less often, square semi-underground dwellings (3.6m to 3.8m×5.7m to 7.2m). In most of the dwellings ground benches along one of the walls and post holes in the corners and in the middle of shorter walls were discovered.

The pottery is represented by pots, bowls and mugs, the basic forms having analogies among Przeworsk monuments in Poland, while some forms resemble those of the Zarubintsy and the Lipitsa culture. About 2 per cent of the pottery are fragments of vessels of the Lipitsa and Roman provincial types. A lot of other clay and metallic artifacts were collected: clay whorls, cones and small trimming spoons, metallic fibulae, an arrow- and a spear-head, a buckle, a key, an awl and knives. The whole set points to the period between the 1st century B. C. and the 3rd century A. D. as the date of the settlement which is divided into three stages on the strength of typological analysis of the pottery each of them correlating with certain dwelling types. The materials shed light on the development of the Przeworsk culture in its eastern areas and its role in the ethnic processes in the northern areas adjoining the Carpathian mountains and in the Western Volhynia in the first centuries of our era.

ОБЛОМСКИЙ А. М.

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОГО ВАРИАНТА ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам Чаплинского могильника)

Насущной задачей в изучении зарубинецкой культуры на современном этапе исследования является периодизация ее древностей. Полученная на основе периодизации картина развития зарубинецкой культуры дает необходимый материал для решения спорных вопросов, возникающих в ходе ее изучения. Выделение типологически и хронологически ранних стадий позволит решить проблему происхождения культуры, поздней — проблему дальнейших судеб ее носителей, а полученная на основе периодизации картина внутреннего изменения древностей позволит прояснить вопрос о характере их развития. В данной работе предлагается классификация керамики Чаплинского могильника, разработанная для нужд периодизации.

Керамика Чаплинского могильника, эталонного памятника верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, неоднократно привлекала внимание исследователей. В настоящее время существуют три схемы ее классификации: Ю. В. Кухаренко [1], Л. Д. Поболя [2], Е. В. Максимова [3]. Типология собственно верхнеднепровской керамики предложена Л. Д. Поболем, прочие схемы классификации анализируют зарубинецкую керамику в целом, верхнеднепровская рассматривается в них как частный случай.

Все три схемы классификации имеют общий недостаток: типологические разряды в них описаны очень приблизительно, признаки не имеют четких границ. В результате конечные типологические разряды получились аморфными. При использовании указанных типологий возникают постоянные трудности с отнесением конкретных форм к тем или иным разрядам классификации. Примером подобного схематического описания типологического разряда может служить описание горшков первой группы Ю. В. Кухаренко: «Горшки первой группы довольно стройные и как бы вытянутые кверху. Плечики у них выражены резко и расположены высоко. Венчики небольшие, слегка отогнутые наружу» [1, с. 24].

Наиболее схематичной является классификация Л. Д. Поболя. Если в типологии Ю. В. Кухаренко кроме описания формы сосуда используется его декор, частично размеры и пропорции, то Л. Д. Поболь при классификации нелощеных горшков принимает во внимание лишь орнаментацию сосуда [2, с. 95], типы лощеных горшков выделяются по форме бочка и наличию или отсутствию ручки [2, с. 95]. Аналогичным образом классифицированы и миски [2, с. 96—99]. Фактически в классификации Л. Д. Поболя используются лишь признаки формы и декора сосудов, да и то в крайне неполном наборе.

Более последовательно составлена типология Е. В. Максимова. Для каждого из выделенных им типологических разрядов называются характеристики формы, декора, объема и основных измерений сосудов (высот и диаметров) [3]. Однако описание профиля сосудов, которое приводит Е. В. Максимов, недостаточно полное: в классификации горшков используются лишь признаки формы венчика и наибольшего расширения тулова [3, с. 42, 43], аналогичные признаки используются и в типологии мисок [3, с. 44, 45]. Не совсем понятен и принцип, по которому выделялись характерные размеры диаметров и высот сосуда для каждого типологического разряда. То же можно сказать и о характеристиках объема.

Выделение типологических разрядов соотношений основных измерений сосуда и типологических разрядов объема никак не обосновано, они просто даются в тексте (например [3, с. 42]).

По нашему мнению, классификация сосудов, разработанная для нужд периодизации, должна отвечать нескольким требованиям. Во-первых, эта схема должна быть построена на основе однозначных признаков, границы которых точно очерчены. Только в этом случае можно будет выяснить объективно степень сходства и различия конечных типологических разрядов, и это в свою очередь может дать материал для анализа характера изменения керамики во времени. Во-вторых, методом исследования должен быть анализ суммы керамических традиций в максимально доступном их объеме. Поэтому при классификации керамического материала должны учитываться признаки не только формы сосуда, но и его пропорций, декора и размеров (объема). Это необходимо потому, что при составлении схемы периодизации изначально не известно, какие именно признаки какой именно керамической традиции являются наиболее изменчивыми, т. е. теми, на основе которых можно составить периодизацию. Схема классификации верхнеднепровской зарубинецкой керамики должна отвечать этим требованиям.

Третье требование вытекает из местных особенностей верхнеднепровского зарубинецкого керамического комплекса. В эталонном для этого региона Чаплинском могильнике представлены в основном целые сосуды, тогда как на поселениях обнаружены главным образом их фрагменты. Поскольку периодизация поселений возможна лишь на основе периодизации Чаплинского могильника, то классификация целых форм должна представлять возможности для сравнения их с фрагментами форм с поселений.

Необходимо отметить также еще одну особенность верхнеднепровского керамического комплекса. Традиции формы, пропорций, объема и декора сосудов, фактически, самостоятельны. Как мы увидим дальше, сосуды, совершенно различные по форме, могут иметь одинаковые пропорции, сосуды с близкими пропорциями могут различаться по форме, объему и декору. При составлении классификации для решения проблемы периодизации материала в качестве типообразующих следовало бы принять признаки той традиции, которая наиболее быстро изменяется во времени. Однако скорости изменения этих четырех традиций изначально не известны, их еще предстоит выяснить. В этой связи предлагается четыре классификационных схемы (по каждому виду традиций отдельно) с последующим сопоставлением их между собой типологически (по составу конечных разрядов классификации).

Материалы Чаплинского могильника полностью опубликованы Ю. В. Кухаренко и Л. Д. Поболем [4, 5]. Коллекция керамики из погребений могильника просмотрена автором статьи в ГИМ, фондах ИИ АН БССР и Минском государственном историческом музее. Классификация составлена по данным визуальных наблюдений автора, поскольку контуры и размеры сосудов, помещаемые в публикации, не всегда точны.

Классификация сосудов по форме. Наиболее точное представление о форме зарубинецкого сосуда дает контур его профиля. Поэтому описание формы сосуда представляет собой описание структуры профиля, т. е. набора кривых и ломаных линий, составляющих контур сосуда, и соотношения их (расположения различных отрезков профиля относительно друг друга). Для того чтобы иметь возможность сравнивать целые сосуды Чаплинского могильника с фрагментами сосудов с поселений, описание целой формы должно быть представлено как сумма описаний частей сосуда. Тогда часть формы, реконструируемая по фрагментам, может быть точно сопоставлена с соответствующей частью целой формы. Поэтому форма каждого сосуда Чаплинского могильника делится на условные части. Линии разделения частей проходят по местам перегибов профиля (рис. 1). В соответствии с этим любой зарубинецкий сосуд может иметь от одной до четырех частей формы. Каждая часть профиля может быть описана при помощи однозначных качественных признаков. Достаточно описать

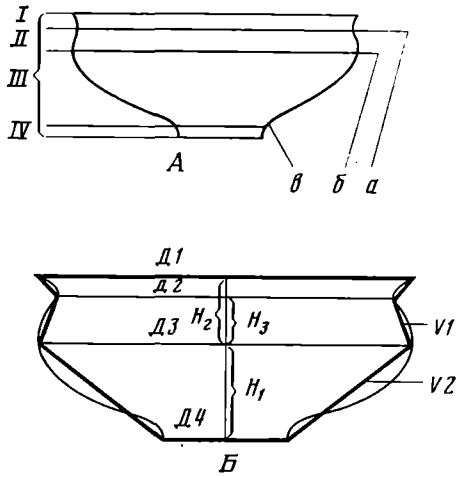


Рис. 1

Рис. 1. Схема деления сосуда на части. *А* — для классификации формы: I—IV — части сосуда; *а* — *в* — перегибы профиля. *Б* — для классификации пропорций и объема

Рис. 2. Схемы классификации формы сосудов. Стрелками показаны места расположения признаков на профиле сосуда; римскими цифрами указаны номера признаков по списку; арабскими цифрами, стоящими около сосуда,— вариантные значения признаков. Арабские цифры, помещенные внутри сосудов (нижний ряд), обозначают номера групп (по табл. 1). *А* — схема классификации формы мисок с острым ребром между II и III частями профиля; *Б* — схема классификации формы горшков с плавным округлым перегибом между II и III частями формы

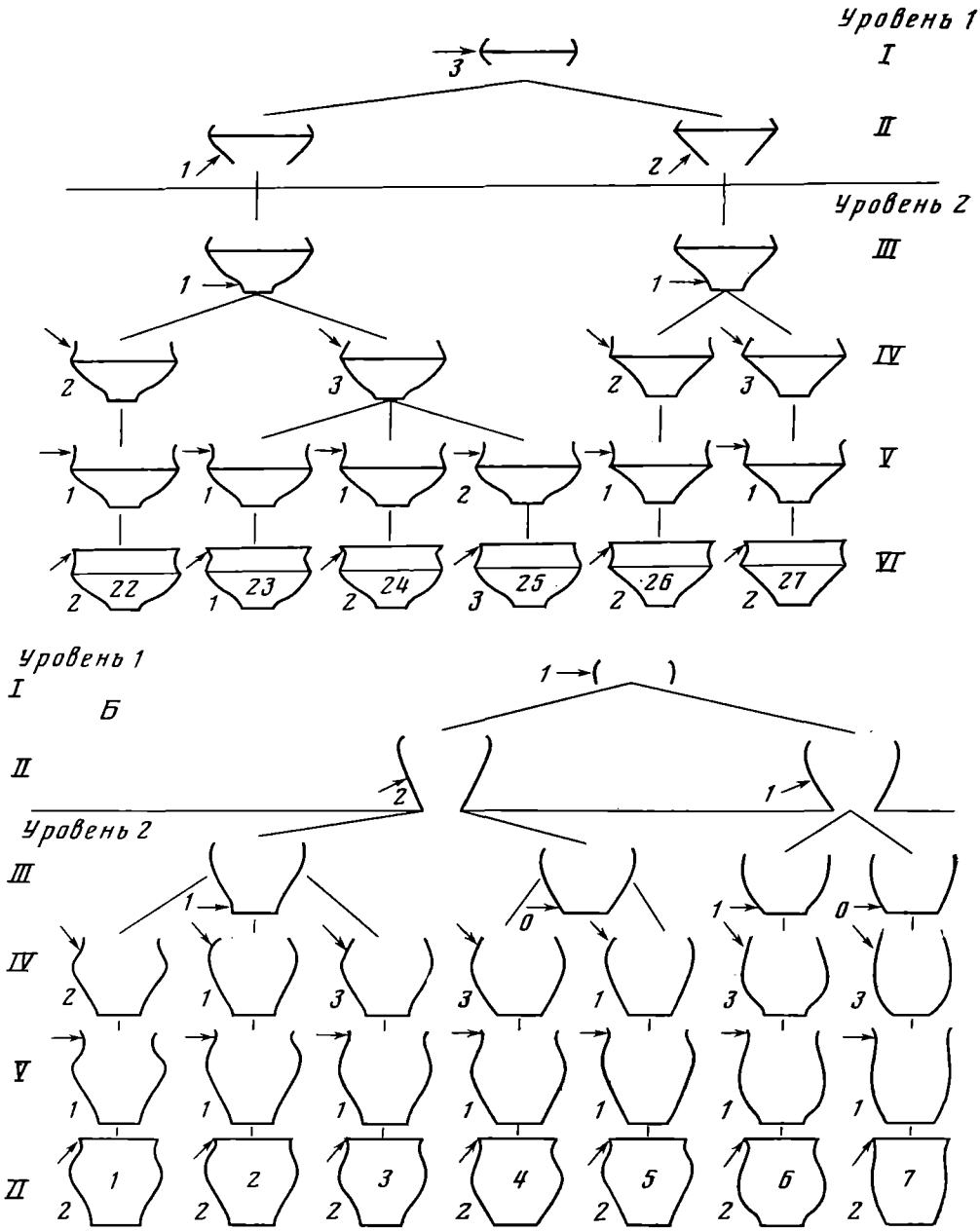


Рис. 2

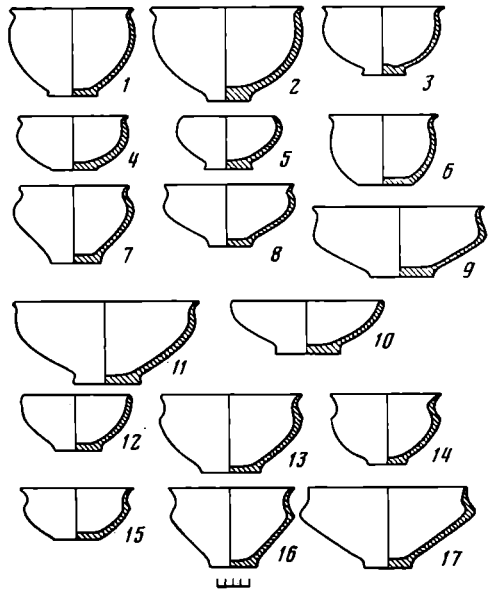


Рис. 3

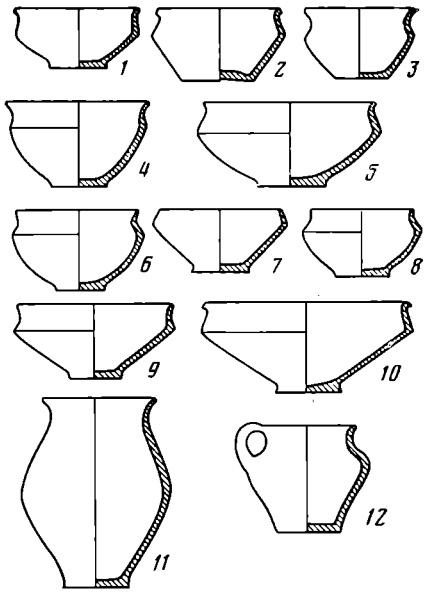


Рис. 4

Рис. 3. Варианты форм мисок. *1* — вар. «а», разновидность 1, погр. 84; *2* — вар. «а», разнов. 2, погр. 218; *3* — вар. «б», разнов. 1, погр. 9; *4* — вар. «б», разнов. 2, погр. 63; *5* — вар. «в», погр. 259; *6* — вар. «г», погр. 10; *7* — вар. «д», разнов. 1, погр. 27; *8* — вар. «д» разнов. 2, погр. 99; *9* — вар. «е», погр. 38; *10* — вар. «з», разнов. 1, погр. 189; *11* — вар. «ж», погр. 17; *12* — вар. «з» погр. 190, разнов. 2; *13* — вар. «и», погр. 111; *14* — вар. «к», погр. 31; *15* — вар. «л», погр. 20; *16* — вар. «м», погр. 123; *17* — вар. «н», погр. 15

Рис. 4. Варианты форм горшков и мисок. (*1—10* — миски, *11, 12* — горшки) *1* — вар. «о», погр. 1; *2* — вар. «п», разнов. 1, погр. 28; *3* — вар. «п», погр. 23 разнов. 2; *4* — вар. «с», погр. 277; *5* — вар. «т», разнов. 1, погр. 250; *6* — вар. «т», разнов. 2, погр. 34; *7* — вар. «р», погр. 25; *8* — вар. «у», погр. 256; *9* — вар. «ф», погр. 19; *10* — вар. «х», погр. 18; *11* — вар. «а», погр. 29; *12* — вар. «б», погр. 200

форму стенок части профиля и степень остроты перегиба между соседними частями.

Классификацию форм сосудов целесообразно проводить отдельно для каждой из категорий — мисок и горшков (рис. 2). Наиболее общими являются признаки III части формы — она есть абсолютно у всех мисок (рис. 3, 4), поэтому они и будут первым уровнем классификации, в то время как части I, II у некоторых сосудов отсутствуют. Поскольку у всех мисок имеется дно, то далее должна описываться IV часть сосуда. Если отбросить часть мисок, имеющих только III часть формы, то и среди оставшихся не все имеют I часть формы. Таким образом, для этой большой группы мисок общим признаком будет наличие II части формы, а частным — наличие I части (рис. 3, 4). Следовательно, признаки I части должны стоять в списке после признаков II части. Таким образом, если строить иерархию признаков от общего к частному, то описание частей мисок нужно располагать в последовательности III—IV—II—I (рис. 2, *А*). К первому уровню классификации будут относиться признаки III части формы, ко второму — все остальные.

К первому уровню относятся следующие признаки:

I — форма наибольшего расширения тулова (перегиб «б»).

Признак имеет три варианта: 1 — округлый бочок; 2 — сглаженное ребро (тулово имеет резкий перелом, однако ребро специально не выделяется); 3 — острое ребро (ребро выделено специально, сведено в линию, подчеркнуто).

II — форма III части мисок, признак имеет два варианта: 1 — стенки выпуклые; 2 — стенки прямые или слегка вогнутые.

Ко второму уровню относятся признаки:

III — форма перехода к IV части миски (перегиб «в»). Признак имеет два варианта, перегиб может быть: 1 — плавным, 2 — резким. Форма сте-

Таблица 1

Распределение мисок Чаплинского могильника по типам и вариантам классификации формы

Тип и вариант формы	Порядковый номер и код первоначальной группы	Номер погребения и миски в погребении (в скобках)
Тип I, вар. «а»	1–112112	84. 91, 211, 60, 114, 88, 216, 191
	4–111112	218, 72, 268
вар. «б»	2–112121	91, 263, 75, 112
	6–110121	63(2), 83
вар. «в»	3–112100	259, 271
вар. «г»	5–110112	10, 16, 103, 221, 212, 110(2)
вар. «д»	7–121112	14, 27, 40, 126, 101, 269, 105, 109, 194, 65, 118, 104, 110(3), 204
	8–121111	99. 203, 96, 100
вар. «е»	9–121312	30. 38. 265, 97, 144, 85, 264
вар. «ж»	10–122112	17
вар. «з»	11–122000	189
	12–121000	110(1), 190
Тип II, вар. «и»	13–211212	43, 62, 94, 111, 125, 210, 234, 214, 150, 289
вар. «к»	14–212212	6. 31, 83. 220, 267, 276
вар. «л»	15–210212	20, 184, 251, 258, 193
вар. «м»	16–221212	24. 123, 196. 243, 76, 240, 213. 165. 152(2), 137, 86, 244, 120, 266, 63(1), 258, 201, 132
вар. «н»	17–221213	7, 12, 15, 32, 128, 149, 44а
вар. «о»	18–221312	1, 36, 143, 119, 95, 121
вар. «п»	20–220312	28, 39, 252
	19–220212	23
вар. «р»	21–222300	25
Тип III, вар. «с»	22–311212	41. 205, 277, 48, 141, 152(1). 132
вар. «т»	24–311312	250. 228
	23–311311	34
вар. «у»	25–311323	256
вар. «ф»	26–321212	4, 19, 33, 56, 89, 130, 151, 169, 207, 237, 249, 70, 90, 73, 50, 131, 146, 148, 155, 226, 278, 222, 248
вар. «х»	27–321312	18. 35, 147, 142, 241, 236, 230, 58, 145. 153, 159, 163, 168, 242

нок IV части в самостоятельный признак не выделяется, так как IV часть сосудов обычно невелика по высоте (максимум 2 см). На таком небольшом пространстве очень трудно различить форму стенок. Признак поэтому будет в значительной степени субъективен.

IV — форма стенок II части. Стенки могут быть: 1 — выпуклыми; 2 — вогнутыми; 3 — прямыми.

V — форма перегиба между I и II частями (перегиб «а»). Перегиб может быть: 1 — плавным; 2 — резким.

VI — форма стенок I части. Стенки могут быть: 1 — прямыми, отогнутыми наружу; 2 — изогнутыми; 3 — прямыми вертикальными. При применении этой системы форма любой миски может быть описана простейшим шестизначным кодом, где порядковое положение цифры будет соответствовать номеру признака по списку, а сама цифра — конкретному значению этого признака. Например, цифра 1, стоящая в начале кода, будет обозначать наличие у формы первой разновидности признака I, т. е. у данной миски перегиб между II и III частями формы округлый. Цифра 1, стоящая второй, будет обозначать наличие 1-й разновидности признака II. Это показывает, что стенки III части формы прямые, и т. д. Применение предложенной системы позволяет объективно сравнивать между собой формы различных сосудов. По совпадению цифр кода можно говорить об общем в формах, несовпадающие цифры кода будут давать представление о различиях. В схематическом виде классификация мисок представлена на рис. 2, *А* на примере классификации мисок с острым ребром между II и III частями формы.

По полному совпадению кодов выделено 27 групп мисок. Состав групп в количественном отношении различен: в группы могут входить от

1 до 23 мисок. Коды форм групп, их нумерация, состав (количество мисок и распределение их в погребениях) приводятся в табл. 1.

Получившееся количество групп очень велико: по совпадению кодов построена очень дробная классификация. Многие группы представлены 1—3 мисками, т. е. незначительным количеством экземпляров. Было бы целесообразно сократить число групп, объединив малые по количеству группы с более крупными, формы которых незначительно отличаются от формы мисок «малых групп». Однако в этой связи встает вопрос о критерии сходства. В каком случае можно говорить о близком сходстве групп мисок, а в каком о различиях?

Сходство или различие форм сосудов представляет собой сходство или различие структур их профилей. Структура профиля большинства зарубинецких мисок представляет собой набор форм трех частей сосуда и трех перегибов (о существовании у миски IV части свидетельствует наличие перегиба «в»). Соответственно сходство формы двух мисок будет являться сходством формы большинства частей и перегибов. Таким образом, максимальной степенью сходства форм разных групп мисок будет считаться почти полное совпадение кодов при различии в один признак. При этом очевидно, что различие в один признак дает совпадение форм всех частей и двух перегибов либо, наоборот, совпадение всех перегибов и форм двух частей.

Сходными могут быть и формы, различающиеся по двум признакам. Однако при сравнении форм с такой степенью различия необходимо обращать внимание на вид различающихся признаков. Сходства формы не будет, если не совпадают формы двух частей сосуда или двух перегибов профиля. В этом случае не будет выполняться главное условие сходства: сходными будут либо три перегиба профиля и форма лишь одной части, либо три части формы и всего один перегиб. Таким образом, допустимым сходство при двух отличных признаках может быть лишь в том случае, когда различными оказываются форма профиля одной из частей и одного из перегибов.

Объединение малых групп в более крупные проводится внутри низшего уровня иерархии признаков. Для этой цели привлекается критерий максимального сходства групп — с одним признаком различия. В окончательной классификации типы выделяются по форме перегиба между II и III частями профиля, а варианты — на основании всего набора признаков, по сходству общей структуры профиля.

В результате все миски оказались сгруппированными в 21 вариант. Варианты обозначены буквами от «а» до «х». В состав большинства вариантов вошло по одной группе, выделенной на основании совпадения кодов форм мисок. Во многие варианты включено по две группы. В этом случае каждая из групп является особой разновидностью формы мисок данного варианта. Состав мисок по вариантам и коды форм приведены в табл. 1, а образцы мисок по вариантам — на рис. 3, 4.

Внутренний рисунок профиля мисок, как правило, повторяет их внешний контур (рис. 3, 4). Миски на полых поддонах или с гранями на внутренней стороне венчика, характерные для керамического комплекса Припятского Полесья и Среднего Поднепровья, в Чаплинском могильнике редки. Слабовыраженную грань имели миски из погр. 218, 63, 94, 31, 251, соответственно принадлежащие к вариантам «а», «б», «и», «к», «л» I и II типов. Миски на поддонах происходят из погр. 7 [4, табл. IV, № 17] (вариант «д»); 132 [5, рис. 41, № 22] (вариант «м»); 220 [5, рис. 60 № 19] (вариант «к»); 265 [5, рис. 70, № 11] (вариант «е»). Поддоны относятся к двум разновидностям: невысокие, с прямыми стенками высотой 1—3 см, более высокие (до 5 см) со сторонами, расходящимися в виде раструба. Крайне редко встречающиеся признаки наличия грани на внутренней стороне венчика и полого поддона могут иметь лишь сосуды различных вариантов I или II типов. Ни одна миска III типа этих признаков не имеет.

Классификация формы горшков составляется по той же схеме, что и классификация формы мисок. Список признаков при этом остается

Таблица 2

Распределение горшков Чаплинского могильника по типам и вариантам классификации формы

Тип и вариант формы	Порядковый номер и код первоначальной группы	Номер погребения и горшка в погребении (в скобках)
Тип I, вар. «а»	3–121312	6, 29, 227, 155
	4–120312	246
вар. «б»	1–121212	200, 245
вар. «в»	2–121112	18(1), 18(2), 14, 43, 37, 56(1), 89, 132, 101, 228, 197, 163, 211, 147
	5–120112	36, 232
вар. «г»	6–111312	26, 56(2), 159, 199, 15, 179, 233, 133, 141, 260, 86, 166
	7–110312	8. 155
Тип II, вар. «д»	8–221212	156, 210, 142, 150
вар. «е»	9–221311	30, 144, 214
	10–221312	124, 143, 168

прежним. В отличие от форм мисок формы горшков менее разнообразны. Здесь выделилось всего 10 групп по совпадению кодов. Номера групп, коды, состав (распределение горшков по погребениям) приведены в табл. 2.

Образец типологической классификации формы на примере горшков I типа показан на рис. 2, *Б*.

«Малые группы» горшков, состоящие из одного — трех сосудов, как и в случае с мисками, были объединены с типологически близкими группами горшков, представленными сериями экземпляров, в общие варианты. Выделилось всего шесть вариантов форм горшков (от «а» до «е»). Состав вариантов и разновидностей, а также их коды приведены в табл. 2, образцы горшков по вариантам и разновидностям — на рис. 4, 5.

Кру́жки в Чаплинском могильнике сравнительно редки и не являются особой категорией сосудов: форма горшков с ручками аналогична форме сосудов без ручек. В предыдущем изложении кру́жки были включены в общие варианты с сосудами без ручек. По одной ручке имеется у горшков из погребений 200 (вар. «б»), 37, 232 (вар. «в»), 233 (вар. «г»), 144 (вар. «е»), две ручки лишь у одного горшка из погребения 147 (вар. «в») [4, табл. VIII № 8; 5, рис. 101, № 4, 6–9].

В Чаплинском могильнике не обнаружено ни одного горшка на полом поддоне и ни одного горшка с гранью на внутренней стороне венчика. Внутренний рисунок профиля горшков полностью повторяет их внешний контур.

Классификация сосудов по пропорциям. Пропорции сосуда должны давать представление о том, насколько сосуд «вытянут» по вертикали и «растянут» по горизонтали. Достигнуть этого можно путем установления соразмерности частей сосуда. Классификация по пропорциям дополняет классификацию сосудов по форме, давая представление как бы об их «скелетах».

В настоящее время единственный метод расчета пропорций сосудов культур, связанных с раннеславянской проблематикой, предложен И. П. Русановой [6, с. 9–11]. К сожалению, метод разработан только для целых форм. Руководствуясь им, очень трудно сопоставлять целые сосуды с сильно фрагментированными, поскольку в систему измерений сосуда, предложенную И. П. Русановой, входит общая высота целой формы: показатель, неопределимый для сосудов, реконструируемых по обломкам.

Для сопоставления целых форм и их частей целесообразно представить пропорции целого сосуда в виде набора его частей. Для расчета пропорций сосуд по месту наибольшего расширения тулова делится на две части: верхнюю и нижнюю (рис. 1). Пропорции верхней части сосуда будут описываться тремя соотношениями (Д1 : Н2; Д2 : Н2; Д3 : Н2), а пропорции нижней — двумя (Д3 : Н1; Д4 : Н1). Первые три соотноше-

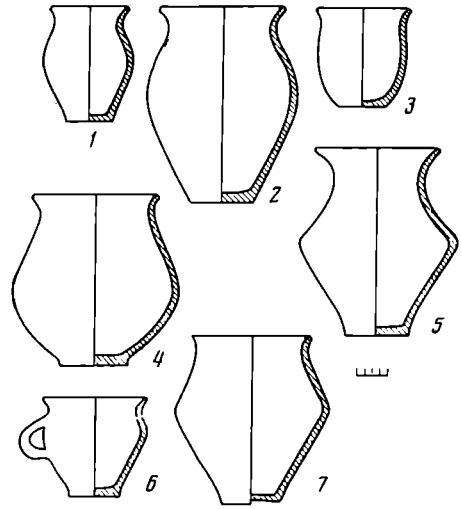


Рис. 5. Варианты форм горшков. *1* — вар. «в», разнов. 1, погр. 43; *2* — вар. «в», разнов. 2, погр. 36; *3* — вар. «г», разнов. 2, погр. 8; *4* — вар. «г», разнов. 1, погр. 199; *5* — вар. «д», погр. 156; *6* — вар. «е», разнов. 2, погр. 144; *7* — вар. «е», разнов. 1, погр. 143

ния показывают, насколько велики диаметры венчика, горла и плечика сосуда относительно высоты его верхней части, т. е. в какой степени верхняя часть сосуда вытянута по горизонтали в каждом из мест перегибов его профиля. Последние два характеризуют нижнюю часть сосуда: они показывают, в какой степени растянута по горизонтали (относительно своей высоты) нижняя часть сосуда в месте наибольшего расширения его тулова и у его дна. Полное описание пропорций сосуда складывается из указаний конкретных числовых значений каждого из соотношений верхней и нижней части. Очевидно, что одинаковыми значениями пропорций при предложенной системе соотношений могут обладать только пропорционально подобные сосуды. Пропорции одного сосуда будут равны пропорциям другого только в том случае, если диаметры и высоты второго в числовом отношении представляют собой диаметры и высоты первого, умноженные на одно и то же число. В любом другом случае значения пропорций сосудов будут различаться если не по всем, то, по крайней мере, по некоторым соотношениям.

Метод расчета пропорций зарубинецких сосудов по пяти соотношениям позволяет также сравнивать целые формы с фрагментированными. Поскольку пропорции верхней и нижней частей рассчитываются отдельно, то расчет соотношений можно производить не только для целых форм, но и для реконструкций по фрагментам, а потом сопоставлять их с выделенными по целым формам Чаплинского могильника стандартами значений пропорциональных соотношений.

На основании расчетов, произведенных по целым сосудам из погребений могильника, по каждому из этих соотношений построены графики ранжира отдельно для горшков и мисок — (рис. 6, 7). На всех графиках пропорций верхних частей мисок выделяется по четыре группы точек на каждом. Группы представляют собой полосы точек, отделенные друг от друга интервалами, всегда превышающими расстояние между точками внутри соседних групп (табл. 3). Пропорции верхней части миски из погребения 221 (ближайшая к 0 точка на графиках пропорций верхних частей мисок — рис. 6) являются исключениями из общего правила и в группу I пропорций каждого из соотношений включаются условно.

Данные о пределах групп, выделившихся на графиках пропорций верхних частей мисок (по крайним точкам), приводятся в табл. 4. Нетрудно заметить, что пропорции нижних частей мисок не раскладываются на группы: точки на графиках расположены очень плотно. Для соотношения Д3 : Н1 максимальное расстояние между точками не превышает 0,16 (табл. 3, рис. 6). Исключение составляет миска из погребения 38, наиболее далекая от 0 точка на графике. Но это единичное явление, которым можно пренебречь. Максимальное расстояние между точками для соотношения Д4 : Н1 не превышает 0,17. Практически все точки на графиках Д3 : Н1 и Д4 : Н1 относятся к одной группе. Для Д3 : Н1 эта

Таблица 3

Максимальное расстояние между точками на графиках ранжира пропорций сосудов внутри групп и расстояния между группами

Соотношение	Группа	Максимальное расстояние между точками	Расстояние между крайними точками групп	
			группы	расстояние
Миски Д1 : Н2	I	0,1	I и II	0,46
	II	0,16	II и III	0,3
	III	0,43	III и IV	0,84
	IV	0,2	–	–
Д2 : Н2	I	0,06	I и II	0,3
	II	0,16	II и III	0,27
	III	0,4	III и IV	1,01
	IV	0,58	–	–
Д3 : Н2	I	0,18	I и II	0,32
	II	0,21	II и III	0,48
	III	0,12	III и IV	1,79
	IV	0,27	–	–
Горшки Д1 : Н2	I	0,13	I и II	0,17
	II	0,1	II и III	0,42
	III	0,21	–	–
Д2 : Н2	I	0,12	I и II	0,14
	II	0,07	II и III	0,23
	III	0,29	–	–
Д3 : Н2	I	0,08	I и II	0,17
	II	0,05	II и III	0,28

Примечание. Группа III выделена условно.

Таблица 4

Пределы групп пропорций по крайним точкам и доверительным интервалам (для горшков и мисок)

Соотношение	Группа	Пределы по крайним точкам	Пределы по доверительным интервалам
Миски Д1 : Н2	I	3,51–4,51	3,47–4,95
	II	4,97–6,25	4,78–6,42
	III	6,65–9,69	5,96–9,8
	IV	10,53–10,90	10,44–10,96
Д2 : Н2	I	3,3–4,05	3,22–4,42
	II	4,35–5,93	4,28–6,24
	III	6,2–9,14	5,84–8,96
	IV	10,15–11	9,92–11,42
Д3 : Н2	I	4,23–5,15	4,09–5,41
	II	5,47–8,52	4,97–8,82
	III	9–9,28	8,94–9,3
	IV	11,07–11,73	10,89–11,85
Горшки Д1 : Н2	I	1,33–1,9	1,24–2
	II	2,07–2,18	2,01–2,21
	III	2,6–2,91	2,51–3,03
Д2 : Н2	I	0,95–1,45	0,97–1,57
	II	1,59–1,8	1,54–1,82
	III	2,03–2,76	1,85–2,97
Д3 : Н2	I	1,54–1,83	1,54–1,9
	II	2–2,2	1,96–2,24
	III	2,48–3,67	–

группа имеет очень небольшие пределы: 1,77–3,6, а для Д4 : Н1 и вовсе узкие: 0,69–1,64 (рис. 6).

Похожая картина получается при рассмотрении пропорций горшков. Здесь на каждом из трех графиков пропорций верхних частей выделяется по три группы, которые, как и для мисок, отделены друг от друга интервалами, превышающими расстояние между точками внутри соседних групп (табл. 3, рис. 7). Для соотношений Д1 : Н2 и Д2 : Н2 исключением из правила является сосуд из погр. 6. Его пропорции приписаны к I группе условно (по указанным соотношениям). Условно выделяется

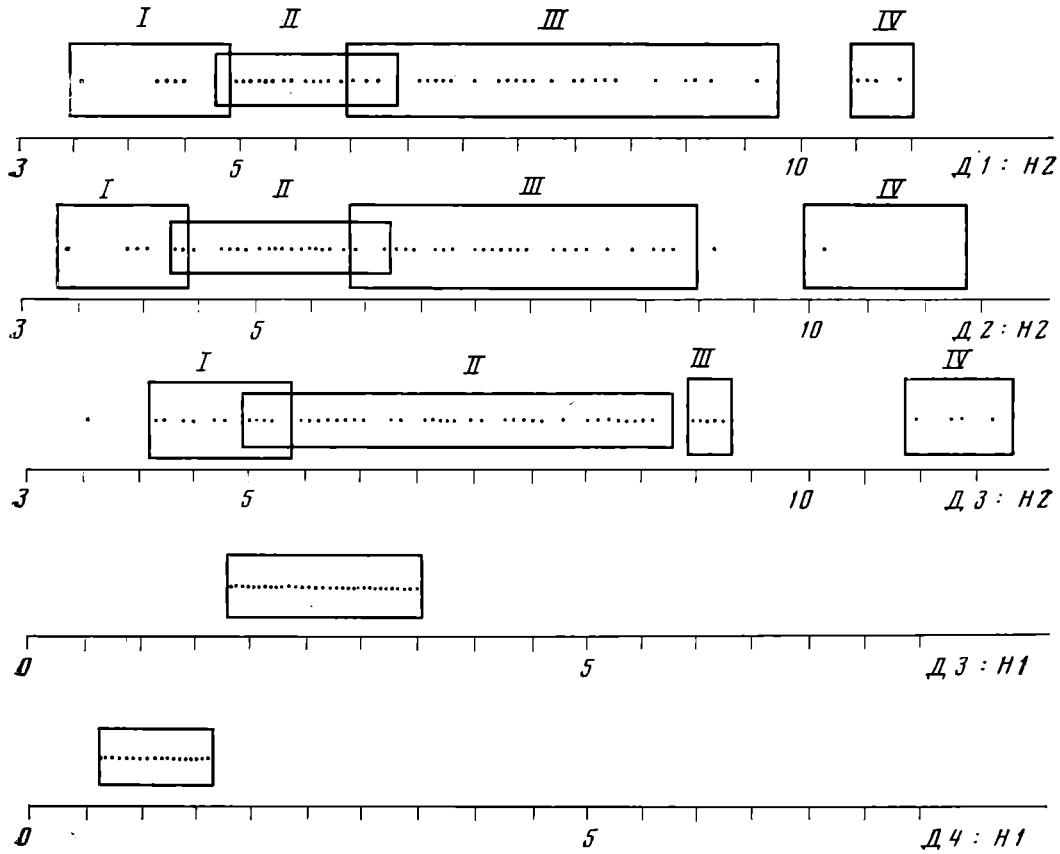


Рис. 6. Графики пропорций мисок

также группа III соотношения Д3 : Н2 (рис. 7). В нее входит всего четыре сосуда. Точки, соответствующие им, на графике «растянуты», находятся на большом расстоянии друг от друга. В III группу объединяются сосуды с самыми большими значениями Д3 : Н2, не вошедшие в первые две группы. Возможно, при дальнейшем накоплении материала по зарубинецкой культуре Верхнего Поднепровья эта группа приобретет более отчетливые границы. Пределы групп (по крайним точкам) пропорций верхних частей горшков показаны в табл. 4.

Как и у мисок, на графиках пропорций нижних частей горшков группы не выделяются. Расстояние между точками Д3 : Н1 не превышает 0,08 (табл. 3, рис. 7), а для соотношения Д4 : Н1 это расстояние только один раз достигает 0,13, а обычно не превышает 0,06 (табл. 3, рис. 7). Пределы групп Д3 : Н1 по крайним точкам — 1,32—1,86; группы Д4 : Н1 — 0,54—1,14. Исключением из этой закономерности являются только два сосуда: из погр. 56 (малый) и из погр. 199 — Д3 : Н1 у них равно 2.

Таким образом, при классификации по пропорциям зарубинецких сосудов Верхнего Поднепровья выяснилось, что значимыми являются лишь пропорции верхних частей сосуда, так как пропорции нижних частей сосудов относятся к одному и тому же стандарту: составляют общие группы. Пропорции нижних частей дают лишь возможность различать категории сосудов (отличать горшки от мисок), но поскольку это отличие видно на глаз, существенной роли в классификации оно играть не может.

Для сравнения стандартов пропорциональных соотношений целых форм горшков и мисок из могильника с пропорциями реконструируемых сосудов с поселений необходимо проделать еще одну дополнительную операцию. Диаметры и высоты сосудов, реконструируемых графически по обломкам, не всегда точны, поэтому нужно установить пределы, в которых значения пропорциональных соотношений реконструируемых сосудов

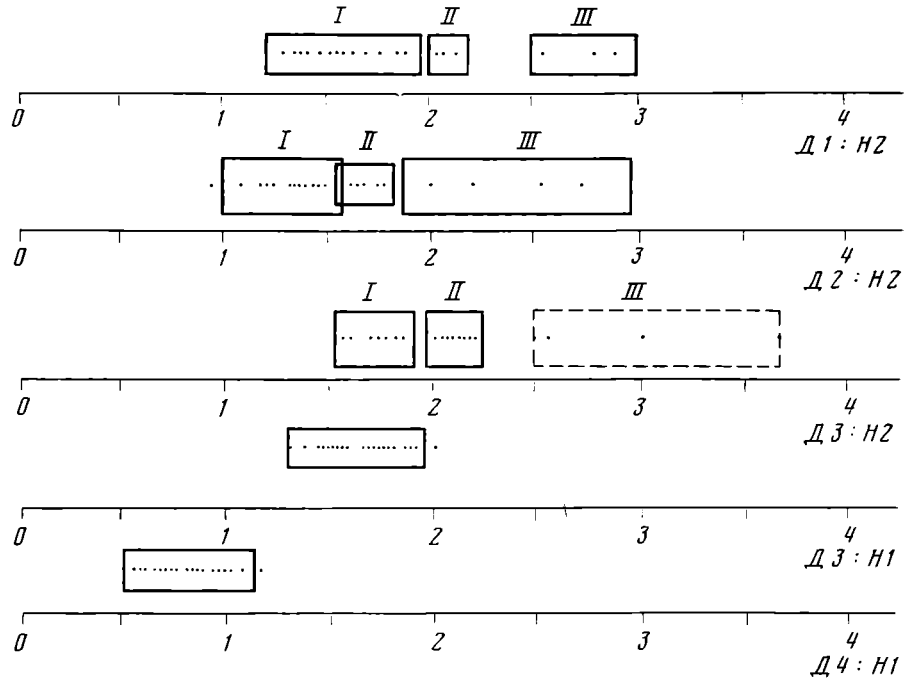


Рис. 7. Графики пропорций горшков

можно относить к той или иной группе пропорциональных соотношений, полученных для целых форм могильника (для того чтобы избежать грубых ошибок при сопоставлении). Для уточнения пределов групп, полученных на графиках пропорциональных соотношений сосудов могильника, необходим расчет доверительных интервалов. Методика этого расчета подробно описана И. С. Каменецким [7, с. 142—144].

Границы групп определяются с точностью 2σ. Уточненные пределы групп указаны в табл. 4. На рис. 6 и 7 они нанесены в виде прямоугольников. Как видно из этих рисунков, группы иногда перекрывают друг друга. Однако «области перекрывания» занимают лишь пограничные участки групп, иначе говоря, перекрывание не является существенным.

В конечном итоге описание пропорций горшков и мисок после проведенных операций сводится к указанию группы, в которую попадает точка значения пропорций на каждом из трех графиков пропорций верхней части. Иными словами, пропорции сосуда описываются по трем признакам. Из них первым будет номер группы, в которую попадают значения Д1 : Н2 сосуда, вторым — номер группы, которой соответствует Д2 : Н2 сосуда, третьим — номер группы для значений пропорций сосуда по шкале Д3 : Н2. Например, пропорции миски из погр. 16 описываются кодом III. II.II. Это означает, что величины пропорций верхней части миски по шкале Д1 : Н2 соответствуют III группе, по шкале Д2 : Н2 и Д3 : Н2 — II группе.

Пропорции всех учтенных в работе мисок Чаплинского могильника описываются при помощи 20 комбинаций групп, а горшков — при помощи 8 комбинаций. Комбинации групп пропорций и их состав приведены в табл. 5.

Комбинации групп пропорций показывают степень «вытянутости» верхней части сосуда по горизонтали и по вертикали. В этом случае они должны соответствовать зависимости каждого из диаметров верхней части сосудов от высоты верхней его части (Н2). Действительно, по логике расчета пропорций по каждому из соотношений, принятых для верхней части сосуда, соотношения I группы, например Д1 : Н2, должны отличаться от соотношений последующих (II, III или IV) тем, что у мисок, попадающих в I группу Д1 будет меньше, а Н2 — больше, чем у мисок II, III и IV групп.

Иными словами, сосуды разных групп по каждому соотношению долж-

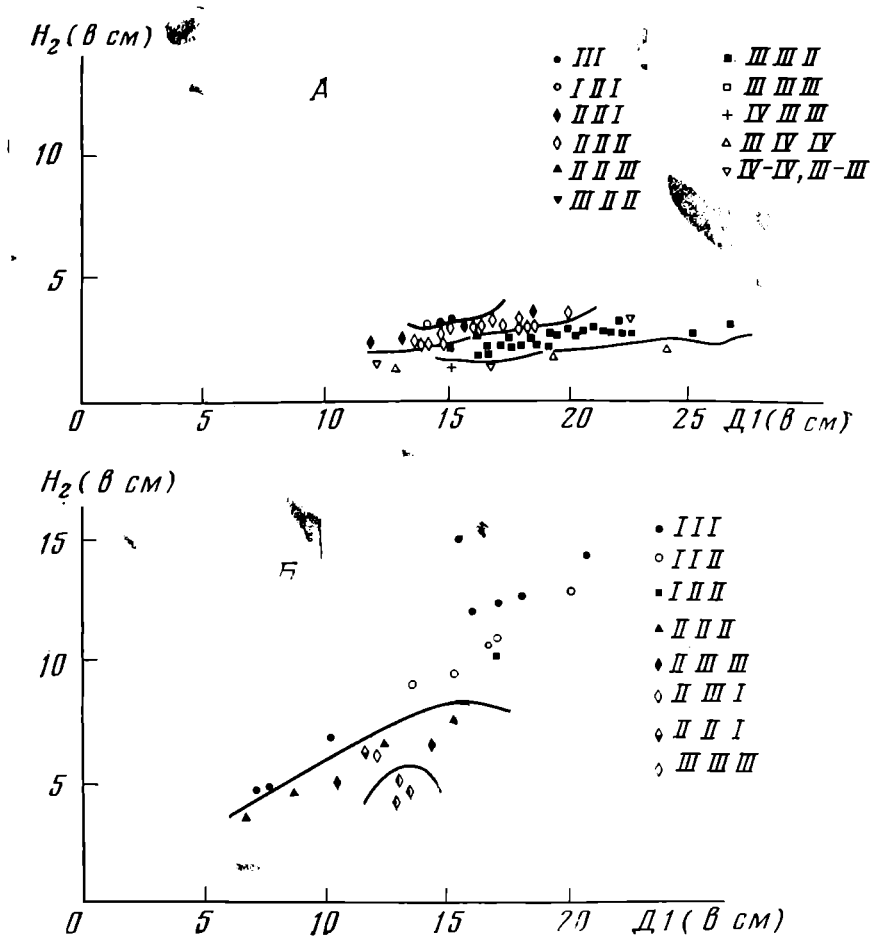


Рис. 8. *А* — график зависимости Д1 от Н2 мисок; *Б* — график зависимости Д1 от Н2 горшков

ны иметь различную зависимость Д1 (или Д2, Д3) от Н2. По этой причине на графике, где по оси X нанесены размеры Д1 мисок, а по оси Y — размеры Н2, точки, соответствующие мискам разных комбинаций пропорций, должны попасть в разные места полигона.

Такой график для пропорций мисок приводится на рис. 8, *А*. На графике выделяется одна большая «общая» полоса точек. Внутри этой полосы точки, соответствующие мискам комбинаций I.I.I и I.II.I, занимают верхнее положение. Ниже их располагаются точки комбинаций II.II.I; II.II.II; II.II.III. Еще ниже — точки комбинаций III.II.II; III.III.II и III.III.III. Вдоль верхней границы «полосы» тянется цепочка точек комбинаций IV.III.III; III.IV.IV; IV—IV и III—III.

Таким образом, в целом ряд комбинаций групп пропорций занимает на графике иное положение, чем соседний. Однако различное положение на графике имеет не каждая комбинация по отдельности, а группы комбинаций. Это может свидетельствовать лишь о том, что различия между Д1 и Н2 разных комбинаций внутри группы очень невелики, практически несущественны. По группировке различных комбинаций пропорций внутри общих полос на графике можно выделить типы пропорций, которые будут показывать существенные различия в пропорциях верхних частей сосудов. По перечислению комбинаций, входящих в общие полосы точек, видно, что в верхней полосе объединяются комбинации, Д1 : : Н2 которых относится к группе I, в более нижних — Д1 : Н2 которых относится ко II группе, в третьей сверху — Д1 : Н2 которых относится к III группе. Ниже этой полосы точек располагаются комбинации пропорций, в которых хотя бы одно из соотношений относится к IV группе, и «неполные» комбинации (III—III и IV—IV). По этому принципу все комбинации пропорций с Д1 : Н2 I группы относятся к типу 1, с Д1 : : Н2 II группы к типу 2, с Д1 : Н2 III группы — к типу 3, имеющие хотя

Таблица 5

Типы и варианты пропорций сосудов Чаплинского могильника (состав)

Тип	Комбинация	Состав (№ погребений и сосудов)	Вариант
Миски 1	I I I	29,10, 9, 221, 100, 121	а
	I I I	112, 75	б
	I II I	14	а
	I II II	149	а
2	II II I	237, 123, 210, 94, 40	а
	II II I	103	б
	II II II	256, 130, 56, 4, 28, 39, 1, 31, 111, 62, 84, 27, 63(2), 216, 263, 63(1), 226, 150, 142, 70, 73, 230, 119, 145, 152(1), 268	а
	II II II	205, 35, 213, 203	б
	II II III	243	а
	II III II	249	а
3	III II II	24, 110(3), 114, 212, 152(2), 58(1)	а
	III II II	16, 261, 72, 60, 204	б
	III II III	93	б
	III III II	18, 41, 34, 207, 169, 151, 33, 19 250, 36, 143, 15, 128, 196, 76, 89, 184, 43, 265, 99, 104, 191, 194, 264, 88, 105, 269, 118, 91, 266, 97, 252, 120, 126, 144, 244, 236, 90, 241, 95, 49, 96, 131, 137, 141, 139, 146, 153, 155, 165, 163, 192, 213, 222, 228, 240, 248, 278	а
	III III II	147, 234, 125, 38, 17, 277, 110(2), 193, 65, 276, 109(2), 201, 208, 267, 220, 214, 211, 159, 168	б
	III III III	30, 101, 86	а
	III III III	83, 251	б
4	III IV III	50	а
	III IV IV	7	а
	IV III III	20	б
	IV IV III	258	а
	IV IV IV	12, 32, 44А	а
5	II–II	271	а
	III–III	259	а
	IV–IV	25	а
Горшки 1	I I I	6, 29, 43, 36, 56(1), 199, 156, 30, 124, 260, 86, 166, 211, 226, 101, 214, 168	а
	I I II	15, 143, 159, 141, 56(2)	а
	I II II	227, 132, 155, 233	а
2	II II II	14, 89, 37, 18(1), 150	а
	II II I	115	б
	II III I	179	а
	II III III	18(2), 133	а
3	III III III	200, 8, 197, 232	а

бы одно соотношение IV группы — к типу 4. «Неполные» пропорции объединяются в тип 5. Состав типов (сосуды и погребения, из которых они происходят) приведен в табл. 5. Здесь же дается набор комбинаций пропорций, относящихся к каждому из типов.

Та же картина получается на графике соотношения Д1 и Н2 горшков (рис. 8, *Б*). Здесь в верхнюю цепочку точек объединяются сосуды пропорций I.I.I; I.I.II; I.II.II, к средней по своему положению группе относятся сосуды II.II.III; II.II.II; II.III.I; II.II.I. Ниже всех расположены сосуды пропорций III.III.III. Как и для мисок, пропорции с Д1 : Н2 I группы объединяются в тип 1; с Д1 : Н2 II группы — в тип 2; с Д1 : Н2 III группы — в тип. 3. Состав типов (сосуды по погребениям и комбинации пропорций) также приводится в табл. 5.

Итак, типы пропорций являются отражением общей архитектоники сосуда: «растянутости» по горизонтали и вертикали его верхней части. Однако визуально внутри каждого типа пропорций горшки и миски могут существенно отличаться друг от друга: они могут быть «открытыми» и «закрытыми». Следовательно, необходимо ввести критерий, определяющий это отличие. «Закрытыми» называются сосуды, Д1 которых меньше или равен Д3, «открытыми» — Д1 которых больше Д3. Закрытые сосуды от-

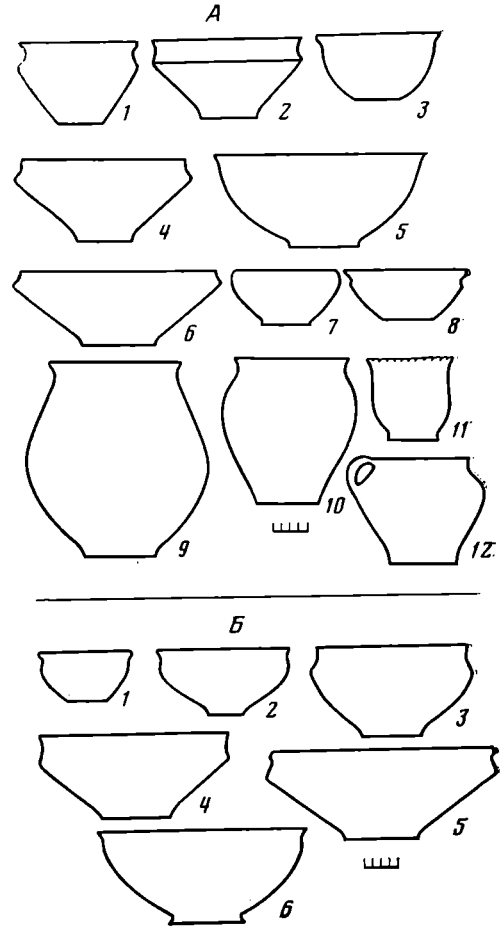


Рис. 9. *А* — образцы сосудов различных типов и вариантов пропорций. (*1—8* — миски, *9—12* — горшки) *1* — тип I, вар. «а», *2* — тип II, вар. «а»; *3* — тип II, вар. «б», *4* — тип III, вар. «а», *5* — тип III, вар. «б», *6* — тип IV, вар. «а»; *7* — тип V, вар. «а»; *8* — тип IV, вар. «б», *9* — тип I, вар. «а»; *10* — тип II, вар. «а», *11* — тип II, вар. «б», *12* — тип III, вар. «а». *Б* — образцы мисок различных типов объема. *1* — тип I; *2* — тип II; *3* — тип III; *4* — тип IV; *5* — тип VII; *6* — тип VI

носятся к варианту «а», открытые — к варианту «б». Варианты выделяются внутри типов пропорций. В Чаплинском могильнике имеются миски обоих вариантов. Однако миски варианта «а» шире распространены (табл. 5). Почти все горшки могильника, кроме одного, относятся к варианту «а». Образцы сосудов различных типов и вариантов пропорций приведены на рис. 9, *А*.

Классификация сосудов по объему. Объем сосудов является наиболее полной характеристикой его размера. При расчете объемов сосудов Чаплинского могильника применяется методика М. Г. Гусакова, разработанная для зарубинецких могильников Припятского Полесья [1]. Суть ее сводится к следующему. В приближенном виде объем сосуда представляет собой сумму трех объемов усеченных конусов. Первым из них является участок «тела» сосуда от венчика до шейки, вторым — от шейки до наибольшего расширения тулова, третьим — от наибольшего расширения тулова до дна сосуда (рис. 1). На основании наблюдений М. Г. Гусаков заключил, что полость венчика (первый усеченный конус) не заполняется при наполнении сосуда. Следовательно, наиболее существенной характеристикой объема сосуда является его полезный объем: сумма объемов второго и третьего усеченных конусов ($V1+V2$). На основании данных

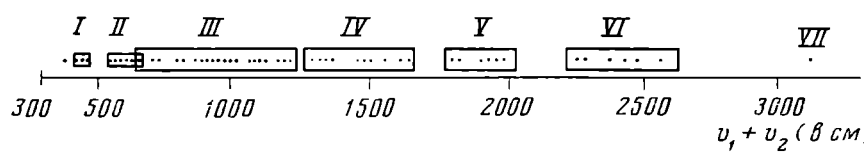


Рис. 10. График ранжира полезного объема мисок

[1] Доклад М. Г. Гусакова «Гончарная метрология по материалам зарубинецких могильников Припятского Полесья», прочитанный на конференции секции археологии МОИП в апреле 1981 г.

Таблица 6

Группы на графиках ранжира полезного объема мисок

Группа	Пределы по крайним точкам	Пределы по доверительным интервалам	Максимальное расстояние между точками внутри группы	Расстояние между крайними точками соседних групп
I	392–462	407–484,5	25	I и II–90
II	552–650	548–672	18	II и III–74
III	724–1212	642,5–1240	59	III и IV–90
IV	1302–1663	1254–1666	56	IV и V–148
V	1811–1936	1769–2043	88	V и VI–283
VI	2269–2584	2216–2648	93	–
VII	3230	–	–	–

Таблица 7

Типы объема мисок (состав)

Тип объема	№ погребений
I	16, 20, 94, 110
II	7, 190, 221, 259, 103, 205, 203, 237
III	251, 31, 23, 10, 256, 207, 14, 39, 62, 243, 130, 9, 76, 83, 184, 40, 128, 34, 1, 123, 99, 84, 4, 277, 125, 25
IV	33, 234, 121, 111, 19, 210, 28, 151, 56, 27, 38, 189, 35, 41, 43
V	89, 265, 24, 196, 218, 5, 143, 147
VI	36, 17, 169, 32, 30, 250
VII	18

Примечание. В таблицу включены только те сосуды, которые удалось измерить автору статьи непосредственно.

расчетов построен график ранжира значений V полезного для мисок (рис. 10). На графике выделилось шесть основных групп точек (седьмая группа представлена лишь одной миской из погр. 18).

Группы выделены по тому же принципу, что и группы на графиках ранжира пропорций, т. е. расстояние между крайними точками соседних групп на графике превышает максимальное расстояние между точками внутри групп (табл. 6). Группы соответствуют типам объема мисок (табл. 7). Пределы групп, уточненные при помощи доверительных интервалов, указаны в табл. 6, а также на графике (рис. 10) в виде прямоугольников.

К сожалению, стандартизировать объем горшков верхнеднепровского варианта только по материалам могильника не удалось. Величины полезного объема горшков чрезвычайно разнообразны: от 450 до более 8000 см³. Сравнительно небольшое количество горшков в могильнике (40) и большой разброс значений их полезных объемов не позволяет пока выявить какие-либо закономерности. Возможно, это удастся сделать с привлечением сосудов с поселений. Образцы мисок различного объема показаны на рис. 9 *Б*.

Классификация горшков и мисок по декору. В понятие «декор» входят орнаментация сосуда и обработка его поверхности, причем имеется в виду не технология обработки, а сам тип поверхности, создающий эстетический образ сосуда. Для сосудов Чаплинского могильника выделено четыре типа декора. К первому типу относятся сосуды с лощеной поверхностью без орнамента. Ко второму — сосуды с нелощеной поверхностью без орнамента (поверхность часто носит следы заглаживания пальцами или пучком травы), к третьему — сосуды с нелощеной поверхностью и орнаментированным венчиком. Венчики сосудов могут быть орнаментированы двояко: насечкой (первый вариант) или вдавлениями, нанесенными пальцами или округлой палочкой (второй вариант). К четвертому типу относится единственный горшок из погребения 30, лощеная поверхность которого ниже ребра дополнительно орнаментирована группами из трех

Таблица 8

Типы и варианты декора сосудов (состав)

Тип и вариант декора	№ погребений и сосудов (в скобках)
Миски 1	1, 4, 6, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 23, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 36, 38, 40, 41, 44а, 48, 50, 56, 58(1), 62, 63, 70, 76, 83, 86, 88, 89, 90, 91, 95, 96, 97, 99, 101, 104, 118, 119, 120, 121, 123, 125, 130, 131, 132, 137, 141, 142, 143, 146, 147, 148, 150, 151, 152(1), 152(2), 153, 156, 159, 163, 165, 168, 169, 184, 189, 192, 196, 201, 207, 210, 211, 213, 214, 218, 226, 228, 230, 231, 236, 237, 240, 241, 242, 243, 249, 250, 252, 256, 263, 264, 265, 266, 267, 276, 277, 278, 280
2	7, 9, 10, 16, 20, 34, 39, 43, 60, 63(2), 65, 72, 73, 75, 84, 85, 94(2), 100, 103, 105, 109(1), 109(2), 110(1), 110(2), 110(3), 112, 111, 113, 114, 128, 144, 145, 190, 191, 193, 194, 203, 204, 205, 208, 209, 212, 216, 220, 221, 234, 244, 248, 251, 252, 259, 268, 271
3 вар. I	93
Горшки 1	6, 12, 14, 15, 26, 29, 36, 37, 43, 56(1,2), 86, 89, 101, 124, 133, 132, 142, 143, 144, 155, 156, 163, 166, 168, 179, 197, 200, 210, 211, 214, 226, 227, 232, 245, 246, 260
2	8(1), 18(2), 25, 147, 159, 199
3 вар. I	8(2), 115
3 вар. II	18(1)
4	30

Таблица 9

Типологическое сопоставление четырех классификаций сосудов Чаплинского могильника

Форма (вариант)	Пропорции (тип)	Объем (тип)	Декор (тип и вариант)
Миски А	2, 3	3, 5	Типы 1, 2
Б	1, 2, 3	1, 3	Типы 1, 2; тип 3, вар. 1
В	5	2	Тип 2
Г	1, 2, 3	1, 2, 3	»
Д	1, 2, 3	2, 3, 4	Типы 1, 2
Е	3	4, 5, 6	»
Ж	3	6	Тип 1
З	–	2, 4	Типы 1, 2
И	2, 3	1, 3, 4	»
К	2, 3	3	»
Л	3, 4	1, 3	»
М	2, 3	3, 5	»
Н	1, 3, 4	2, 3, 4, 5, 6	»
О	1, 2, 3	1, 5, 6	Тип 1
П	1, 2, 3	3, 4	Типы 1, 2
Р	5	3	Тип 1
С	2, 3	2, 3, 4	Типы 1, 2
Т	3	3, 6	»
У	2	3	Тип 1
Ф	2, 3, 4	2, 3, 4, 5, 6	Тип 1, 2
Х	2, 3	4, 5, 7	»
Горшки А	1	–	Тип 1
Б	3	–	»
В	1, 2, 3	–	Типы 1, 2; тип 3, вар. 2
Г	1, 2, 3	–	Типы 1, 2; тип 3, вар. 1
Д	1, 2	–	Тип 1
Е	1, 3	–	»

параллельных сильно пролощенных линий. Распределение сосудов Чаплинского могильника по типам декора показано в табл. 8

Сопоставление классификаций. Сопоставление четырех схем классификации сосудов Чаплина приведено в табл. 9. Случаи, когда сосуды одного варианта формы имеют один и тот же тип пропорций и декора, достаточно редки. Среди более-менее массовых по составу вариантов формы мисок можно назвать лишь вариант «е» (все сосуды относятся к III типу

пропорций) и вариант «о» (все сосуды относятся к первому типу декора), кроме того, все горшки варианта «а» формы имеют пропорции типа 1 и декор первого типа, варианта «д», «е» — декор только первого типа. Все варианты формы мисок имеют различные типы объема.

Таким образом, по данным табл. 9 можно сделать вывод, что прямого типологического соответствия четырех классификаций нет. Случаи их совпадения редки, да и то обычно совпадают конечные типологические разряды лишь двух классификаций из четырех. Можно сделать предположение, что связь между формой, декором, объемом и пропорциями сосудов не прямая типологическая, а хронологическая. Иными словами, возможно, что деление формы, пропорций, объема и декора на конечные типологические разряды отражают изменение сосудов во времени. Однако решение этой проблемы зависит от разработки схемы периодизации керамики, которая является темой самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, 1964, вып. Д1-19.
2. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Т. I. Минск: Наука и техника, 1971.
3. *Максимов С. В.* Кераміка зарубинецької культури.— Археологія, 1982, № 39.
4. *Кухаренко Ю. В.* Чаплинский могильник.— МИА, 1959, № 70.
5. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Т. II. Минск: Наука и техника, 1973.
6. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М.: Наука, 1976.
7. *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса.— В кн.: Античные древности Подонья и Приазовья. М.: Наука, 1969.

A. M. Oblomsky

CLASSIFICATION OF POTTERY OF THE ZARUBINTSY CULTURE'S UPPER DNIEPER VARIANT

(On the Materials from the Chaplin Burial Ground)

Summary

The article offers a classification pattern with the purpose of using it for pottery periodisation. Such classification, in general, must be based on most dynamic features though it is impossible to identify them beforehand. It is necessary, therefore, to trace changes in all main feature groups and to establish their mobility. With this aim in view the author has elaborated four classification systems: according to vessel shapes, proportions, sizes and ornaments. Pots and bowls were classified separately. These features are quite independent of each other, that is, vessels of similar shapes can be of different proportions, sizes and bear different ornaments; vessels of similar proportions can have dissimilar forms, and so on. The proposed pottery classification is based on the following principles: 1. types are to be established through comparable features; 2. classification of unbroken objects from the Chaplin burial ground should provide the possibility of comparing with them vessels reconstructed by their fragments found on settlements. These principles have made it possible to identify three types and 21 variants of bowls according to their forms and two types and six variants of pots; the comparison of proportions has led to identification of five bowl types and three pot types; the comparison of sizes has yielded six bowl types, of decoration—four bowl and pot types. The scarcity of pots found in the burial ground precluded the establishment of their standard sizes.

КЫЗЛАСОВ И. Л.

ОРУДИЯ ТАШТЫКСКИХ ЮВЕЛИРОВ

(к истории ремесленного производства в Южной Сибири)

В истории Южной Сибири таштыкская культура изучена сравнительно хорошо. До сих пор это единственная древняя эпоха, все многообразие проблем которой освещено в монографии [1]. После выхода в свет книги Л. Р. Кызласова «Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины» интерес исследователей к древностям периода I в. до н. э.— V в. н. э. значительно возрос. Раскопками в долинах Абакана и Енисея добыты многочисленные новые материалы, позволяющие углубить имеющиеся знания. Выявлены новые лесостепные районы распространения таштыкских памятников в долинах левых притоков р. Чулыма. Однако и теперь не теряет значения изучение случайных находок, хранящихся в музейных собраниях. В сопоставлении с вещевыми комплексами они подчас способны прояснить некоторые неизвестные особенности жизни и производства древнего населения.

Каковы, например, наши знания о столь важной области материальной культуры, как орудия ремесленного производства? Имеющиеся в литературе данные основаны преимущественно на изучении следов работы тех или иных предполагаемых орудий. Так, наблюдения над следами обработки найденных в могилах деревянных изделий I—II вв. н. э. позволили установить использование топора, тесла и стамески (с шириной рабочей части 11 мм, при длине 8 см) [2, с. 42, рис. 3]. Обследование краниологических материалов выявило применение для трепанации черепов долот с шириной лезвия 12 мм и, возможно, топорика [3, с. 115—116]. Характер обработки поверхности каменной скульптуры предполагает применение шпунта [1, с. 160]. Использование циркуля со стальными иглами для получения кружкового узора на металле фиксируют находки в разрушенном погребении у дер. Молино Тигрицкого р-на (Минусинский музей, инв. № 10008/14). В целом, многообразные результаты разносторонней деятельности таштыкских мастеров еще никем не анализировались с целью выяснения состава и особенностей применявшихся ими инструментов. И самих орудий той эпохи, за исключением, пожалуй, бытовых ножей, шильев, пряслиц и частей зернотерок, непосредственно в таштыкских памятниках еще не обнаружено. Наиболее целенаправленному и комплексному изучению подверглась лишь деятельность металлургов: проведено исследование технологии производства, выявлены сыродутные горны. Однако и здесь известный инструментарий представлен лишь остатками деталей воздуходувных мехов горнов и дробильных молотов [4—6].

В коллекции Минусинского музея хранится маленькой железный молоточек (инв. № 10037/74), случайно найденный близ дер. Саянской на правом берегу Енисея. Его цельнометаллическая ручка заканчивается напильником, конец которого был обломан еще в древности (рис. 1). Общая длина инструмента 14,3 см (рис. 1, *2*). Квадратная в сечении ручка (0,6×0,6 см) слегка уплощается (0,7×0,5 см) в той части, которая превращена в напильник и отделена от лишенного насечки участка едва заметными плавными плечиками. Длина участка с насечкой 7,7 см. Двухсторонний боек молоточка представляет собой прямой железный брусочек со слегка округленными углами (длиной 2,3 см, шириной 0,8 см и высотой 0,8 см). Он насажен на рукоять благодаря специальному сквозному пазу и прокован. На одной из боковых поверхностей молоточка у его

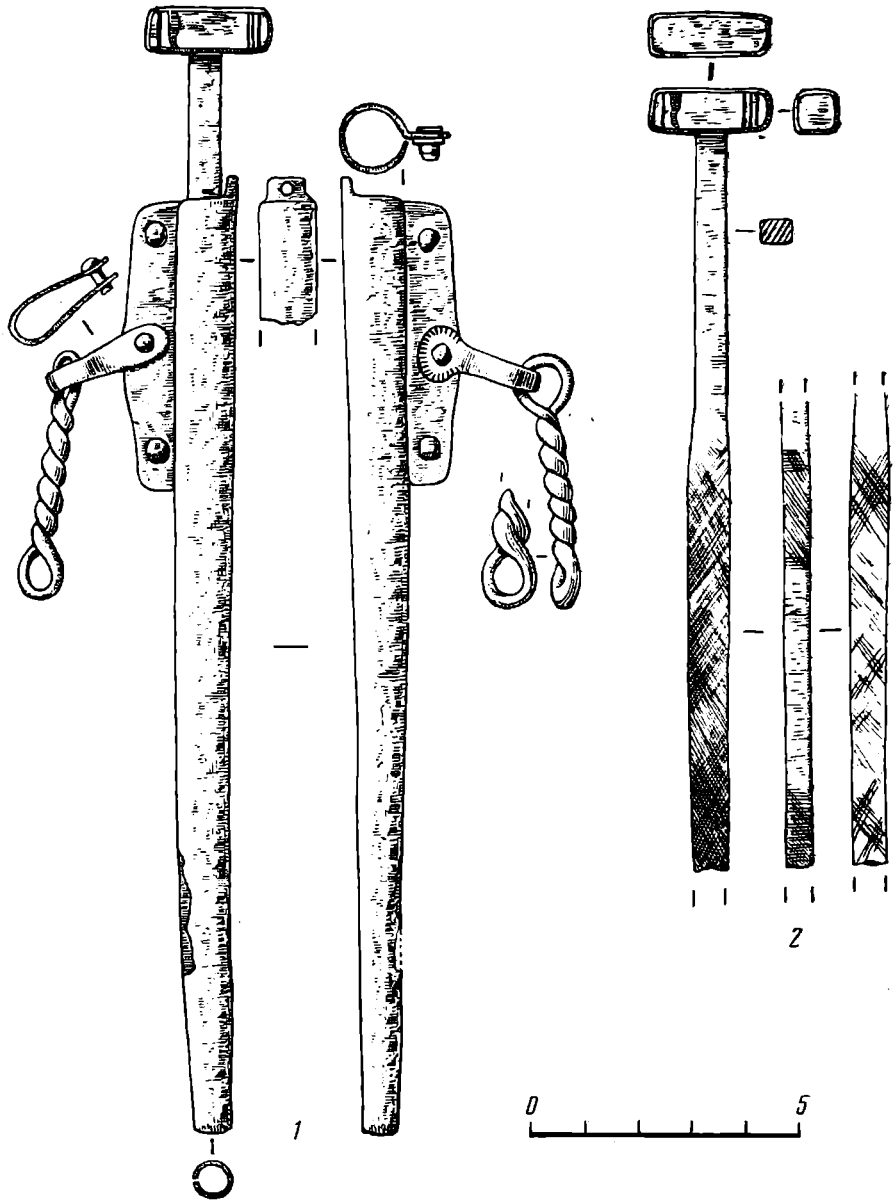


Рис. 1. Таштыкский молоток-напильник, найденный у дер. Саянской. Минусинский музей, инв. № 10037/74. *1* — молоток в футляре; *2* — без футляра. Железо

бойков неглубоко прорезаны шесть линий — по три с каждой стороны. Все четыре грани рукояти-напильничка имеют рабочую насечку. Насечка тонка, и из-за того, что инструмент когда-то побывал в огне и приобрел местами значительную окалину, она частично осыпалась и трудно различима. Широкие грани напильничка (соответствующие щечкам молоточка) несут косую крестовидную насечку, образованную длинными, как бы прочерченными «линиями» (в среднем по 2 см, но местами до 2,5 см длины), нижние из которых в верхней части инструмента насечены под углом около 65°, в нижней — до 73°, а верхние бороздки — в среднем под углом в 24° (по отношению к осям напильника). Насечка очень частая — три борозды на 1 мм. На одной из широких граней в верхней части у одного из плечиков напильника крестовидная насечка дополнена несколькими короткими горизонтальными рядами бороздок, нанесенных на протяжении 0,7 см ударами зубильца шириной около 3 мм.

Хотя одна из узких боковых граней напильника почти полностью по-

крыта окалиной, но и на ней заметна частая косая насечка из длинных параллельных рядов (особенно отчетливо — у плечика и обломанного конца). На другой грани характер насечки выявляется яснее. Она имеет три борозды на 1 мм, длина борозд составляет около 1,2 мм, угол насекания 63°—65°. Таким образом, борозды на боковых гранях расположены более полого, чем на широких. Кроме того, на боковой грани косая насечка дополнена горизонтальными бороздками (три на 1 мм). Последние, вероятно, были более мелкими, так как они заметны хуже, чем косые; ясно различимы поперечные бороздки лишь на краях рабочей части — у боковых граней. Для насекания здесь также применено трехмиллиметровое зубильце, однако основные косые борозды по-прежнему создают впечаление прочерченности.

Подробное описание этого молотка-напильника дано для того, чтобы в деталях представить первый ремесленный таштыкский инструмент, оказавшийся в руках исследователей. Принадлежность его к таштыкской эпохе несомненна. Определить возраст инструмента позволяет небольшой железный футляр, в котором молоток-напильник был найден. Он изготовлен из свернутого в трубку железного листка (рис. 1, *1*), общая длина его (включая выступающую петельку) 17,7 см, устье диаметром 1,2 см и конец — 0,6 см. Футляр сквозной. Его конец слегка расплющен. Длинная петля (5,3×0,8—1 см) для прикрепления футляра к поясу образована загнутой частью самой трубки-футляра с накладной пластинкой, крепящейся к ней двумя заклепками с крупными головками ромбовидными в плане. Третья заклепка крепила к петле подвижную скобку с расплющенным, украшенным мелкой радиальной насечкой концом. В этой скобе сохранилось одно звено (перевитое в семь оборотов — длина 4,7 см) от железной цепочки для подвешивания. Футляр с инструментом, очевидно, крепился к поясу в вертикальном положении — против петли с цепочкой на футляре сделан маленький выступ (4 мм) с отверстием для привязывания. С учетом размеров футляра первоначальная длина молотка-напильника определяется в 20,8 см.

Железные цепочки с витыми звеньями для подвешивания к поясу ножен и футляров или отдельных предметов найдены в склепах изыхского и сырского этапов таштыкской культуры (середины I в. до н. э.— II в. н. э.) [1, с. 88, 129, рис. 30, *2*, 47, *6*, *7*]. Подобные железные цепочки обнаружены и в памятниках первого этапа шурмакской культуры Тувы (II в. до н. э.— I в. н. э.) [7, с. 110; 8, табл. XI, *48*, *49*, XII, *36—43*]. Ножны, снабженные длинными петлями, аналогичными описываемому экземпляру, найдены в синхронных могилах Верхней Оби [9, табл. XXXII, *1*, *22*]. Связь этих петель с перевитыми звеньями железных цепочек в обских материалах [9, табл. XXXII, *22*, XLI, *10*] — хорошее свидетельство такого оформления их именно в таштыкское время. В Томском Приобье они есть в курганах I Тимирязевского могильника, содержащих и таштыкские бронзовые пряжки (материалы Л. М. Плетневой, ср.: [10, рис. 19, *10*]). Ножи с ножнами из памятников одинцовского этапа верхнеобской культуры относятся к периоду I в. до н. э.— II в. н. э. [1, с. 172]. Ножны с длинными гребенчатыми петлями и витыми цепочками в это время бытовали и на Алтае [11, рис. 3, *5*, *7*]. У скобы одной такой петли расплющенный конец насечен так же, как и у нашего экземпляра [11, рис. 3, *6*]. Так насечена и петля ножен из кург. 1 Тимирязевского могильника.

Принадлежность аналогичных изделий с витыми цепочками к таштыкскому времени подтверждает и еще одна случайная находка. В Музее антропологии и этнографии в Ленинграде в коллекции П. Е. Островских хранится железный пинцет, найденный на Енисее у дер. Анаш (инв. № 252/162). Он снабжен бронзовым зажимчиком, а профилированная ложновитая ручка — бронзовой дужкой (рис. 2, *1*). К дужке присоединено одно перевитое железное звено, к которому подвешена рамчатая пряжка кеглевидных очертаний. Пряжка имеет перемычку, некогда на нее крепился ныне утраченный подвижной язычок. Подобная застежка найдена на таштыкском поселении Ах-Тастар в Хакасии [5, с. 68]. Аналогич-

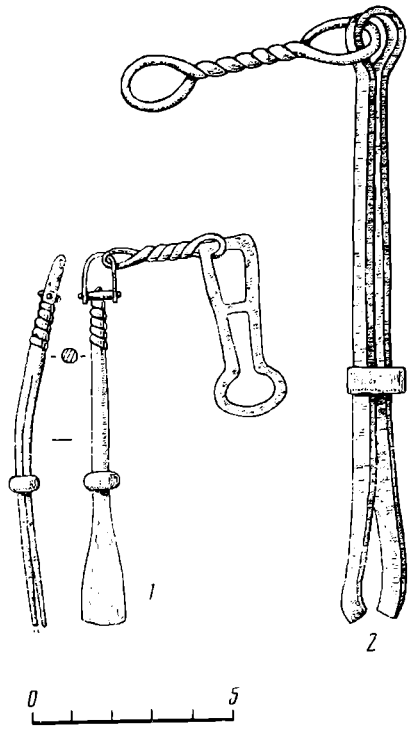


Рис. 2

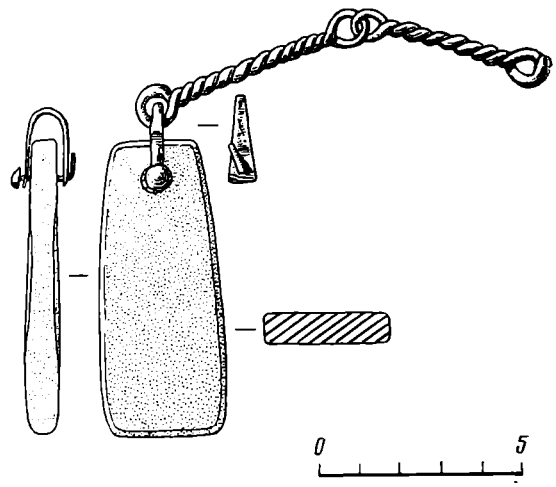


Рис. 3

Рис. 2. Пинцеты таштыкской эпохи. Железо. *1* — Музей антропологии и этнографии, инв. № 252/162 (окрестности дер. Анаш), зажим и петля бронзовые; *2* — Минусинский музей, инв. № 7957 (окрестности с. Копёны)

Рис. 3. Таштыкский «оселок» из серо-зеленого камня на железной цепочке. Случайная находка в Хакасско-Минусинской котловине (Минусинский музей, инв. № 9530/2236)

ные пряжки с сохранившимися язычками встречены и в раннешурмакских могилах в бассейне Верхнего Енисея [7, с. 111; 8, табл. XII, *33*, *34*, *47*], и в одновременных таштыкской культуре погребениях на Алтае (там известны и пряжки с перемычкой и язычком, и пряжки-рамки без перемычки [12, рис. 6, *6—8*]). Обломок такой же пряжки найден в явно «таштыкском» погребении в Алтайском крае [13, рис. 3, *3*]. С. С. Сорокин относит алтайские находки к периоду позднее II в. н. э., полагая, что ярусные наконечники стрел, входящие в вещевой комплекс, появляются не ранее этого времени [12, с. 60—63]. Однако это не так. На резных плашках таштыкского склепа I в могильнике Тепсей III такие наконечники стрел изображены в действии (например, фигура, пронзенная тремя стрелами [3, рис. 61, *3*, фиг. 4 и 8; 14, рис. 4, *2*; 5]). Склеп относится к I в. н. э. [15, с. 40, 41] [1]. Таким образом, отнесение Л. Р. Кызласовым ярусных наконечников к изыхскому этапу (I в. до н. э.— I в. н. э.) остается в силе ([1, с. 110]; см. также [7, с. 108, 109]). Оно подкрепляется новыми находками в гуннских памятниках [16, табл. I, *12—16*, II] [2] и в верхнеобских комплексах рубежа нашей эры ([13, рис. 1, *3*, *4*]; представляется, что датировка А. П. Уманского несколько завышена).

На западе, в сарматских курганах Нижнего Поволжья и в Западной Европе, аналогичные пряжки коглевидных очертаний находят в памятниках, имеющих дату от рубежа нашей эры до II в. н. э. Учитывая все приведенные соображения, оба алтайских погребения, видимо, следует относить ко времени, близкому I в. н. э. ([12, с. 64; 18, рис. 25, *2*]; ср. [19, рис. 19, с. 355]). К этому же времени, очевидно, должен быть отнесен и публикуемый нами пинцет из собрания П. Е. Островских (рис. 2, *1*). Тем самым получает подтверждение и бытование витых цепочек на раннем изыхском этапе таштыкской культуры [3].

[1] Возражения М. П. Грязнова [3, с. 90] основаны на абсолютизации значения топографии могильника, на современном понимании «удобства» размещения погребальных памятников. Предположения автора раскопок необоснованы, ибо обряд и инвентарь склепов совсем не привлечены для решения хронологических вопросов.

[2] Обоснование датировки см. [17, с. 118].

[3] Возможно, что витые цепочки с несколько более длинными звеньями суще-

Труднее найти аналогии самому пинцету. Подобные простые щипчики с округлой головкой известны и в раннешурмакских [23, табл. 1, *5*], и в ханьских памятниках [24, с. 195, рис. 5, *3*]. Типологически близкие изделия с профилированной головкой удалось обнаружить среди танских материалов [25, рис. 7, *i*, *j*, с. 44]. Особо примечательно, что здесь пинцеты также снабжены аналогичной петлей для крепления цепочки [25, рис. 7, *e*]. В книге Б. Гилленсвёрда они помещены в разделе «традиционных форм». Вполне вероятно, что близкие к анашскому по оформлению и способу ношения танские пинцеты не являются датирующей аналогией к публикуемым щипчикам, а указывают на ханьскую культурную традицию, с которой связана наша находка. Однако употребление анашского пинцета представителями местных енисейских племен хорошо устанавливается по перевитому звену цепочки — детали, как мы видели, характерной именно для культур Южной Сибири. Однотипно оформленный железный пинцет с петлей для цепочки найден и в окрестностях с. Батени (Минусинский музей, инв. № 7942). В Минусинске хранится (инв. № 7957) и другой таштыкский, судя по остаткам железной цепочки из витого звена, железный пинцет, найденный близ с. Копёны. Его оформление значительно проще (рис. 2, *2*).

Цепочка из двух железных витых звеньев закреплена в петле сходного с оселком полированного предмета (рис. 3), сделанного из серо-зеленого камня (Минусинский музей, инв. № 9530/2236, случайная находка в Хакасско-Минусинской котловине). Весь облик этого изделия, не имеющего никаких следов точки, позволяет отнести его к известной серии «так называемых оселков скифо-сарматского времени». Этот экземпляр не только демонстрирует не учтенный в литературе способ ношения таких «оселков» [26] [4], но и при учете витых звеньев железной цепочки и характерной манеры радиального насекания круглого края петли под декоративно крупной заклепкой (ср. с футляром молотка-напильника), несомненно, должен быть отнесен к выявленной группе раннеташтыкских изделий, носившихся на поясе.

Итак, особенности оформления футляра, публикуемого молоточка-напильника, как видим, не оставляют сомнения в отнесении его к раннеташтыкскому времени. Описанный инструмент не единичен в музейных собраниях, однако у остальных аналогичных изделий футляры не сохранились. Однотипность всей серии подобных молотков-напильников позволяет с уверенностью отнести их к таштыкской культуре в целом (I в. до н. э.— V в. н. э.).

Таким образом, нами впервые выделена серия инструментов таштыкских мастеров.

Приводим имеющиеся у нас данные о шести экземплярах молоточков-напильников, позволяющих составить определенное представление об этой категории таштыкских инструментов (рис. 4 и 5). В Минусинском музее кроме молотка-напильника в футляре хранится еще три аналогичных инструмента. Целиком сохранившийся железный экземпляр (инв. № 7837) найден на горе Изых (рис. 5, *2*). Его общая длина 16,7 см (рукоять несколько изогнута); размеры молоточка 2,5×0,8×0,7 см (посередине он слегка прогнут, бойки округлых очертаний); рукоять со скругленными углами чуть уплощена (0,6×0,5 см), напильничек (общей длиной 10 см) также имеет подквадратное сечение (0,7×0,6 см). Ни на одной из граней этого экземпляра насечек не сохранилось.

Другой цельножелезный полностью сохранившийся инструмент (инв. № 8221) снабжен прогнутым и более массивным молоточком (2× ×1 см) с подквадратными обушками (0,7×0,8 см). Он найден где-то в пределах Хакасско-Минусинской котловины (рис. 4, *1*). Из 15,8 см его общей

ствовали и позднее, в целом не выходя, впрочем, за хронологические рамки таштыкской культуры [20, табл. II, *11*, *25*]. Мы здесь не учитываем витые звенья других типов и с других территорий. См., например, для III—II вв. до н. э. [21, табл. XXIX; 22, с. 41, 42].

[4] В раннем железном веке такие «оселки» бытовали не только в Сибири. См., например, [27, рис. 4 и 36].

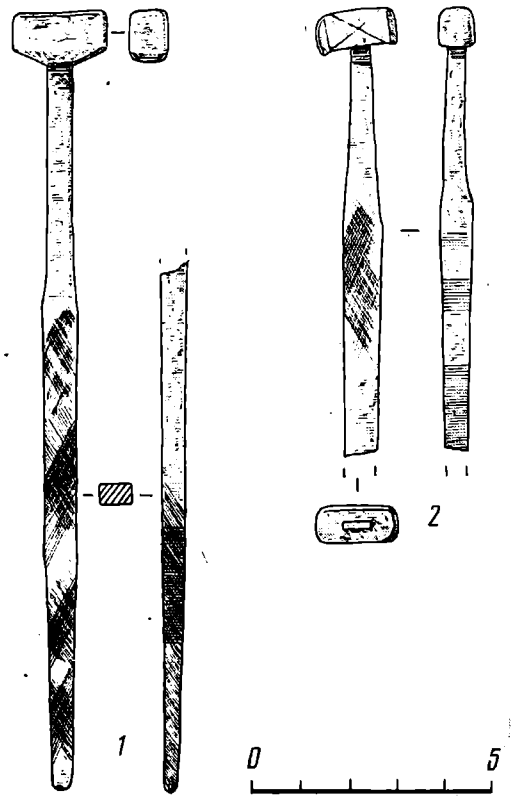


Рис. 4

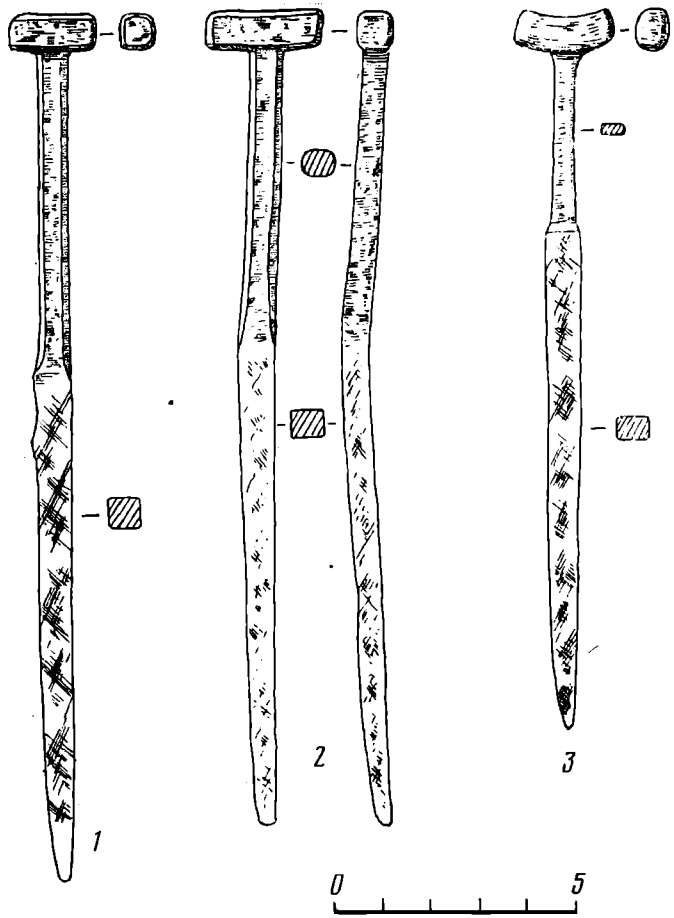


Рис. 5

Рис. 4. Таштыкские молотки-напильники из Минусинского музея. Железо. *1* — инв. № 8221, Хакасско-Минусинская котловина; *2* — инв. № 10037/75, гора Изых, головка молотка бронзовая

Рис. 5. Железные инструменты таштыкских ювелиров из собрания Гос. Эрмитажа (*1* — инв. № 1133/64, место находки не установлено; *3* — инв. — 3975/1007, Хакасско-Минусинская котловина, головка молоточка бронзовая) и собрания Минусинского музея (*2* — инв. № 7837, гора Изых)

длины 4,9 см приходится на квадратную в сечении ручку (0,5×0,5 см; углы скруглены) и 9,7 см — на уплощенный напильничек (0,6×0,4 см). Все грани последнего покрыты насечкой. На широких гранях она крестовидная (длина борозд в верхней части полосы 1,2 см, углы насекания нижних линий от 65 до 73°, верхних — 27—30°; ближе к концу рабочей части они короче (0,7—0,8 см) и круче (верхние до 53°). Борозды здесь не взаимно перпендикулярны, а сходятся под острым углом, их частота — три на 1 мм. Насечка нанесена зубилцем с рабочей частью около 3 мм шириною. Столь же частая и тонкая насечка покрывает и узкие грани напильника. Но здесь косые параллельные бороздки (три на 1 мм, длина от 0,8 до 0,5 см, угол насекания около 60°) сочетаются с менее аккуратной, но более глубокой горизонтальной поперечной насечкой, в которой борозды располагаются реже (2 на 1 мм). Нижний конец узкой грани на протяжении 3,1 см имеет только косую насечку.

Четвертый таштыкский молоток-напильник из Минусинского музея тоже был найден на горе Изых (инв. № 10037/75). Конец его обломан (рис. 4, *2*) и общая длина составляет 9 см (из них 5 см приходится на напильник). Это орудие отличается тем, что головка молоточка изготовлена из желтой бронзы (ее размеры 1,6×0,8×0,7 см; бойки подквадратной формы). Боковины молоточка украшены резным узором: косым крестом и вертикальными черточками (на одной щечке у левого края таких полосок две). Головка молоточка имеет специальный паз, хорошо заметный с нижней стороны (0,6×0,2 см), с помощью которого она крепилась к верхней черешковой части ручки. Выходящий насквозь конец черешка слегка расклепан на поверхности молоточка. Ручка ниже молоточка имеет длину 3,1 см, она постепенно расширяется от 0,3 до 0,6 см, сохраняя подквадратное сечение и плавно переходя в рабочую часть напильника. Полотно напильника в свою очередь сужается от 0,8 см в плечиках и до 0,6 см у обломанного конца (толщина соответственно — от 0,6 до 0,5 см). На широких гранях нанесена перекрещивающаяся под острым углом косая насечка, длина тонких бороздок которой достигает 1,5 см (угол насекания верхних — около 24°, нижних — приблизительно 73°). Хорошо заметно, что борозды мастер прочерчивал сверху и поэтому книзу они не так глубоки. Эта особенность при взгляде на насечку создает впечатление «елочки», впрочем, на разных гранях перекрестность борозд различима по-разному. Подобное «линование» насечки привело к разной густоте борозд. В начале (в верхней части полосы) их частота составляет три на 1 мм, а к концу утончающихся линий доходит местами до четырех борозд на 1 мм. На обоих узких боковых гранях инструмента нанесена только параллельно расположенная поперечная насечка. Борозды наносились при помощи зубильца с рабочей частью шириною около 3 мм,— они глубже, чем насечка широких граней этого напильника. Насечка узких граней производилась менее тщательно, чем на других описанных молотках-напильниках. Здесь почти нет сплошных поперечных борозд, а есть сплошная насеченная зона, полученная двойными ударами зубильца. Борозды насекались вертикальной лесенкой с двух сторон вдоль граней напильника. Это привело к тому, что частота борозд у самих граней составляет две (иногда три) на 1 мм, а в центре, где встречаются два противоположных ряда, насечка более частая.

Два таштыкских молоточка-напильника хранятся в собрании Государственного Эрмитажа. Один из них (собрание Крестовниковых, инв. № 1133/64) не имеет точного «адреса» (место сборов коллекции — Сибирь), но, судя по сопутствующим предметам, по крайней мере часть сборов произведена в Хакасско-Минусинской котловине (ср., например, удила № 1133/136, 137, стрелы № 1133/58, 59, 81 и др.). Цельножелезный молоточек сохранился полностью, хотя и покрыт слоем ржавчины (рис. 5, *1*). Общая длина инструмента 17,7 см; размеры прямого брусковидного молоточка 1,8×0,8×0,8 см (боек округлых очертаний); округлая в сечении ручка (квадрат со срезанными углами) имеет длину 6,2 см; подквадратная (0,6×0,5 см) в сечении полоса напильника — 10,2 см.

Конец напильничка плавно скруглен. Все четыре грани покрыты мелкой крестовидной насечкой.

Второй молоток-напильник из Эрмитажа (инв. № 3975/1007) найден в долине Среднего Енисея. Он немного короче — 14,6 см (ручка 3,7 см; напильник 10 см). Прогнутая бронзовая головка молоточка имеет размеры 2×0,8×0,7 см, бойки овальной формы. Этот инструмент имеет наиболее изящные очертания. Прямоугольная в сечении тонкая ручка (0,3×0,2 см) плавными плечиками переходит в подквадратный брусочек напильника (0,6×0,5 см). Последний покрыт перекрещивающейся тонкой насечкой и завершается плавным сужением (рис. 5, *3*).

Как видим, первые выделенные инструменты таштыкских ремесленников предстают перед нами универсальными комбинированными орудиями, совмещающими в себе и молоточек, и напильник. Размеры их стандартны. Сами молоточки невелики (длиною до 2 см). Их бойки подквадратны и округлы, реже овальны по очертаниям (обычная ширина около 0,7 см) и плоские по форме. В серии выделяются три вида молоточков: прямые брусковидные (Минусинский музей — № 10037/74, 75, 7837 и Эрмитаж — № 1133/64, рис. 1; 4, *2*; 5, *1*, *2*); с прогнутой головкой (Эрмитаж — № 3975/1007, рис. 5, *3*) и близкие к ним — с «провисающим» бруском (Минусинский музей — № 8221, рис. 4, *1*). Головки двух молоточков украшены резными линиями, расположенными вертикальными зонами (№ 10037/74, рис. 1) или крестообразно (№ 10037/75, рис. 4, *2*). У двух молоточков головки бронзовые (№ 10037/75 и 3975/1007, рис. 4, *2* и 5, *3*). Рукояти молоточков узкие (около 0,5 см), подквадратного, реже прямоугольного сечения, при переходе в напильники они слегка расширяются, образуя едва уловимые плавные плечики. Напильниками служила нижняя часть цельнометаллических рукояток, составляющая до 2/3 общей их длины и имеющая подквадратное сечение (обычно размерами 0,6×0,5 см). Насечка, как правило, покрывала все четыре грани инструментов. Всюду эта насечка очень частая (обычно три борозды на 1 мм), тонкая, нанесена с помощью зубильца с рабочей частью шириной около 3 мм или прочерчена резцом. Широкие грани насечены крест-накрест (нижние бороздки под углом от 24 до 30°, а верхние — от 53—60 до 73°). Боковые грани покрыты такими же насечками или сочетанием косых (угол насекания — от 60 до 63—65°) и горизонтальных борозд, в одном случае — однорядной горизонтальной насечкой У всех экземпляров полотна напильничков затерты, бойки молоточков замяты — все инструменты долгое время находились в работе.

Размеры инструментов, форма бойков молоточков, характер насечки и ширина полос напильников, все это свидетельствует о том, что их применяли для тонкой работы. Это подтверждают и бронзовые головки двух молоточков. Относящиеся к рубежу нашей эры публикуемые южносибирские орудия в целом весьма близки по облику и размерам к современным инструментам для правки и опиливания ювелирных изделий [28, рис. 40, *б*, с. 73, 84; 29, с. 150—151] [5]. Нет сомнения, что мы имеем здесь дело с орудиями труда знаменитых таштыкских ювелиров, которые в большом количестве изготовляли, например, тончайшие листочки плющенного золота и серебра. (При проведении этой операции необходимо и применение пинцетов (переноска листиков фольги, их удержание и т. д.), возможно, таких типов, как на рис. 2). В этом отношении искусство таштыкских ювелиров значительно превосходило умение мастеров Алтая пазырыкского времени. «Толщина листков,— пишет об этом Л. Р. Кызласов,— оказалась не более 4—5 микрон, в то время как в пазырыкских курганах она составляет 15—30 микрон. И если учесть, что современные золотобиты получают листки в 0,1 микрона, то все же следует признать большое совершенство таштыкской техники плющения

[5] Согласно современной классификации ювелирных молотков, «классическим инструментом для обработки металла является молоток с плоским и клиновидным скругленными бойками» [29, с. 150]. Плоские бойки молоточков «не подходят для значительного изменения формы заготовки, однако они не заменимы при отделке и сглаживании поверхностей изделий» [29, с. 150, 151].

золота, достигавшей равномерной толщины листка и придерживающейся этого стандарта. Последнее установлено измерением листочков из разновременных склепов» [1, с. 84]. Добавим для сравнения сведения о мастерстве ювелиров Древнего Египта, приводимые А. Лукасом. «Толщина измеренных мною образчиков листового золота (фольги) колеблется от 0,17 мм до 0,54 мм, а толщина самых тонких листков для позолоты — от 0,01 до 0,09 мм. Петри утверждает, что фольга часто имеет толщину около 0,0051 мм [30, с. 360]. Эти величины соответственно составляют 170, 540, 10, 90 и 5,1 микрон.

Как известно, уровень развития того или иного общества, его культуры подчас с большей достоверностью, чем что-либо иное, отражают сами орудия труда: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 191). Публикуемые нами инструменты свидетельствуют о высоком уровне развития таштыкского ремесла. Нет сомнения, что подобные стандартизированные орудия труда ювелиров имели распространение по всей территории Хакасско-Минусинской котловины. Даже в описанной немногочисленной серии экземпляры их найдены на обоих берегах Енисея. Этот факт хорошо согласуется с приведенными свидетельствами о повсеместном распространении на Среднем Енисее и в высокой степени нормированных ювелирных изделий — плющенной золотой фольги. Первые ремесленные инструменты таштыкской культуры, которые, наконец, стало возможным изучить, раскрывают высокий уровень профессионализма мастеров того далекого времени. Универсальный инструмент, сочетающий в себе различные производственные функции, во все времена представлял собой не только редкое, но и ценнейшее достижение технической мысли. Таштыкские ювелиры, как мы видели, всегда носили на поясе свой инструмент в особых футлярах, с тем, что бы сберечь его тонкую насечку и всегда иметь его под рукой.

Нет сомнения, что одновременно с универсальным в таштыкскую эпоху бытовал и обычный инструмент. Прежде чем соединить воедино молоточек и напильник, необходимо было, чтобы оба эти орудия применялись в ремесленном инструментарии порознь. Косвенным подтверждением этого в области художественной обработки металлов является факт распространения на Среднем Енисее уже в тагарско-таштыкский переходный этап (II—I вв. до н. э.) так называемой поверхностной таушировки (аппликации) по железу [31]. Типологическая последовательность появления таштыкских комбинированных орудий представляется следующим образом. Первоначальное существование ювелирных молоточков с миниатюрными бойками было неизбежно связано с маленьким и узким проухом. Стремление избавиться от частых поломок тонкой деревянной шейки рукояти таких молоточков привело к появлению своеобразной переходной детали — железного черешка, один конец которого крепился в проушинке, другой — в деревянной рукояти (технический этот прием применялся широко и позднее; ср., например, [32, рис. 58, *4*, *6*]. Соединение такого молоточка с аналогичным черешком напильника — третий, новаторский, шаг, совершенный южносибирскими умельцами.

Вернемся к молоткам-напильникам как показателям уровня развития ремесла таштыкской эпохи. Самого пристального внимания заслуживает такая черта этих инструментов, как перекрещивающаяся насечка рабочих поверхностей напильников. В наши дни эта форма насечки воспринимается как явление обычное и естественное, чуть ли не изначальное. Но все не так просто.

В крупнейших трудах по истории ремесленного производства проблема применения напильников мастерами металлообработки неизменно выделяется как «очень важный вопрос» [33, с. 214, 215]. Оказывается перекрестная насечка не всегда была известна: «Римский напильник характерен однорядной насечкой... А из труда Теофилия Пресбитера, относящегося к XI в. (имеется в виду его «Введение к различным искусст-

вам» — «Schedula diversarum artium» — *И. К.*), мы узнаем, что и в XI в. точно так же знали только однорядную насечку. Перекрестная насечка в то время была еще совершенно неизвестна». Эти строки написаны в середине 30-х годов XX в. [34, с. 121]. С тех пор удалось опровергнуть основанное на западноевропейских письменных материалах мнение, что «первые точные сведения о перекрестной насечке» относятся ко времени около 1400 г. Археологическая наука предоставила не менее точные свидетельства применения напильников с такой насечкой не позднее XII в. как на территории Восточной Европы, так и Советского Дальнего Востока, а в Южной Сибири — с IX—X вв. [35, с. 69; 36, с. 148; 37, с. 105, рис. 38, *5*, табл. III, *46*].

Мы не можем здесь вдаваться в подробности проблемы происхождения и первого появления перекрестной насечки в истории мировой металлообработки. Вполне достаточно, что публикуемые материалы отмечают ее употребление (к тому же в двух разновидностях: крест-накрест и в сочетании косой и горизонтальной) в Южной Сибири уже в конце раннего железного века — на заре средневековья. Ввиду слабой изученности ремесленного инструментария в целом в настоящее время нельзя указать одновременные аналогии таштыкским напильникам. Существует ряд работ, посвященных металлообработке Греции и Рима. Все они отмечают использование однорядной (горизонтальной или косой) насечки, подчеркивая имеющийся здесь пробел в наших знаниях [38; 39, с. 205 (ср. с. 196); 40, с. 46; 41, с. 60 сл.]. Такие же напильники были распространены и на границах античного мира [42, рис. 18, *4*]. Но что было восточнее этих границ? Таштыкский материал в настоящее время — единственная точка на карте Евразии от Дуная до Тихого океана [6].

Отсутствие связи таштыкских напильников с инструментарием античного мира не удивительно. Куда важнее другое. В цитированной работе Э. Кореневского (все еще единственном в нашей литературе обобщающем труде по истории напильника) о появлении перекрестной насечки сказано так: «Это, казалось бы, мелкое усовершенствование на самом деле имело большое значение в развитии инструмента, а для развития напильника его следует считать историческим» [34, с. 124]. Причины изобретения такой насечки автор связывает с более частой обработкой стали, а не мягкого железа, как раньше, а также с постоянной работой с этим инструментом, т. е. со специализацией ремесла, сменившей широкую производственную деятельность, заставлявшую мастера обращаться к напильнику лишь для исполнения отдельных операций [34, с. 123]. Такая прямая связь формы насечки инструмента с определенным уровнем социально-экономического развития общества объясняется авторами трудов по истории металлообработки тем, что при перекрестной насечке зуб мельче, чем при однорядной. То есть в процессе работы снимается более мелкая стружка, что не только дает более качественную обработку (поверхность изделия ровнее), но и значительно снижает сопротивление материала, тем самым повышая производительность труда [35, с. 69].

Технические различия действительно очевидны. А вот обязательная связь появления перекрестной насечки с выделением обособленных слесарных профессий, так же как и с переходом на обработку стали, а не более мягкого железа, выглядит менее убедительно. Конечно, возможно, все это и верно по отношению к конкретным историческим условиям, сложившимся в Европе. Однако имеющиеся работы посвящены более широким проблемам, выявлению общих закономерностей. Как видим, конкретный материал таштыкской культуры Енисея не соответствует упомянутым выводам. Прежде всего, здесь орудия имеют перекрестную насечку, которая на тысячу лет древнее известной европейской и дальневосточной. Пока, следовательно, это самое раннее известное нам свиде-

---

[6] После сдачи этой статьи в печать нами в собрании случайных находок Кяхтинского краеведческого музея был выявлен гуннский напильник II—I вв. до н. э., имеющий, как и античные инструменты, однородную насечку (см.: КСИА, вып. 184).

тельство применения такой насечки. Особенно важно, что она выводит решение проблемы за хронологические рамки развитого средневековья. Кроме того, перекрестная насечка встречена не на слесарном, а на ювелирном инструменте. И наконец, она вряд ли связана с повышением твердости обрабатываемого материала (вспомним частоту насекания борозд и бронзовые головки миниатюрных молоточков). Конечно, нельзя не учитывать и того, что на Саяно-Алтайском нагорье массовое использование стали известно издревле [6].

Сказанное не снимает важности наблюдений над техническими условиями появления перекрестной насечки, крупных ее отличий в этом плане от однорядной. Нет сомнения, что это эмпирически осознавалось таштыкскими мастерами. Упоминавшиеся два вида перекрестной насечки, встречаемые на их инструментах, имели, судя по расположению на разных участках рабочей части напильников, различное назначение. Так, сочетание косых и горизонтальных бороздок обычно отличает узкие боковые грани инструментов. Бóльшая глубина насечек на этих участках и употребление здесь иногда однорядной насечки указывают и на более сильный по сравнению с широкими гранями элемент пиления, функционально закрепленного за этими частями инструмента. Обращают на себя внимание и участки полос, сочетающие однорядную насечку начала с перекрестной насечкой последующих участков, а также «усиленные» дополнительной горизонтальной насечкой и т. п. (рис. 4, *1*).

В целом появление на напильниках перекрестной насечки, вероятно, действительно явилось результатом дифференциации ремесла. Ювелирное дело, о котором приходится говорить в данном случае, обособилось раньше других металлообрабатывающих профессий. Для таштыкской культуры это, как говорилось выше, уже вполне возможно. Осознавая важность высказываемого положения, применим здесь еще один способ его проверки: сопоставим изучаемые орудия с современным высокоспециализированным ювелирным инструментарием во всех возможных деталях. О полном сходстве размеров и формы молоточков рубежа нашей эры с современными текстолитовыми и железными молоточками для правки мы уже говорили. Присмотримся к напильникам. Любая работа, выполняемая с применением этого инструмента в ювелирном деле, называется опиливанием. Как отмечалось, историки выделяют распространение постоянной работы с напильником, как с одним из основных инструментов специализированного ремесла, в качестве причины появления перекрестной насечки [34, с. 123]. Проверяя это положение на нашем материале, следует подчеркнуть, что «опиливание — одна из основных операций, которая применяется *на протяжении всего процесса изготовления ювелирных изделий*» (курсив наш.— *И. К.*) (28, с. 84). Иными словами, ювелирные работы не проводятся без напильника, следовательно, этот инструмент — одно из основных орудий ювелира. Он постоянно должен быть под руками у мастера. Вот почему таштыкские напильники в специальных футлярах висели на поясах южносибирских умельцев. Любой специализированный инструмент воплощает собой ту производственную операцию, для которой он предназначен. В этом смысле правка и опиливание — две важнейшие операции ювелирного дела — нашли свое яркое воплощение в изучаемых таштыкских инструментах. Однако этого мало, в молоточках-напильниках они предстают уже как две части, составляющие основу единого производственного процесса. Публикуемые инструменты следует не просто причислить к ювелирным орудиям, в них воплотилась своеобразная технологическая характеристика самого ювелирного дела. Таштыкские комбинированные орудия вполне можно рассматривать в этом плане как своеобразный отличительный знак ювелирного ремесла именно в качестве характерной, обособившейся, специализированной отрасли металлообработки. Только уже выделившееся из остального ремесла ювелирное дело могло создать такие инструменты.

Подтверждает сказанное и формальное сопоставление таштыкских и современных напильников для ювелирных работ. Эти инструменты отличаются от слесарных своей остроконечностью [28, с. 85]. Именно эту

особенность формы мы видим на рис. 4 и 5. Размеры бытующих ювелирных напильников равны 200—270 мм (из них черешок — 70—90 мм) [28, с. 84, 85]. Длина одного из таштыкских инструментов реконструируется как 208 мм (рис. 1, *1*), других уцелевших экземпляров — 167 (самого напильничка 100 мм,— рис. 5, *2*), 158 (напильничка — 97 мм,— рис. 4, *1*), 177 (и 102 мм — рис. 5, *1*) и 146 мм (и 100 мм — рис. 5, *3*). Все это в большей степени соотносимо с современными ювелирными надфилями — инструментом, применяемым для более тонкого опиливания. Надфили бывают двух размеров — 140 и 200 мм [28, с. 85]. Добавим, что сторона профиля надфиля достигает 2,5 — 4,5 мм длины, у плоского — до 7 мм, (напильников 10—14 мм, у плоских — до 22 мм). Как мы видим, и здесь практически полное совпадение: у таштыкских этот параметр равен 7—6 мм.

При перекрестной насечке у современного ювелирного напильника «наилучшую форму зубьев получают в том случае, если нижняя насечка располагается под углом 71°, а верхняя — под углом 54° к оси напильника» [29, с. 186]. Соответствующие показатели насечки таштыкских напильников составляют 65—73° и 24—53°.

Завершая сравнение, отметим еще одну существенную особенность ювелирных работ. «Ювелирное опиливание в принципе отличается от всех видов слесарного опиливания. Специфика производства ювелирных изделий — размеры, формы, конструкция изделий и деталей, используемые материалы, сохранность и сбор металлических отходов — полностью исключает возможность применения стационарных тисков» [28, с. 89]. Точность работы определяется на глаз, обрабатываемая деталь держится в пальцах, применяются деревянные тисочки [28, с. 89, 90]. Кроме еще одного указания на специализацию производственного процесса в приведенных словах отыскивается и еще одно объяснение такой особенности таштыкского ювелирного инструментария для правки и опиливания, как ношение его на поясе.

Нельзя не отметить, что художественная обработка металла в таштыкскую эпоху развивалась на обширном фоне процветавшего горного дела, металлургии, кузнечного мастерства. В изученных специализированных поселениях железоплавильщиков одновременно работало не менее 10—15 горнов. Многие из подобных обособленных металлургических центров функционировали в течение всего таштыкского периода. Выплавка и обработка цветных металлов производились в других производственных комплексах. Сопоставим эти данные и с появлением в таштыкское время глинобитных гончарных печей, обнаруживаемых территориально обособленными скоплениями. В позднеташтыкскую эпоху (камешковский этап IV—V вв.) распространяется ручной гончарный круг [1, с. 187; 5, с. 77—80; 6]. Вспомним о массовом производстве высококачественных погребальных гипсовых масок (подчеркнем их индивидуальность и портретность), об удивительном стилистическом единстве таштыкских рисунков, о первых, но отнюдь не единичных монументальных образцах скульптурно обработанного камня и т. д. Случайно ли все перечисленные явления производственной жизни таштыкского общества совпадают по времени с появлением на Среднем Енисее иноземных денежных знаков? В средневековье именно они служили здесь единицей внутреннего денежного обращения [43].

Все сказанное наводит на мысль об определенной производственной специализации, уже существовавшей в таштыкском обществе, о том, что наши представления об уровне развития производительных сил в этот период, возможно, пока еще являются заниженными.

Изучая уровень металлообработки таштыкских мастеров на основании вновь полученного археологического источника, остановимся на еще одной особенности публикуемых изделий. Употребление перекрестной насечки в общем соответствует очень высокому уровню добычи и обработки металлов, зафиксированному для таштыкского населения. Однако такая тончайшая насечка (напомним, что на 1 мм приходится обычно три бороздки, т. е. шаг насечки достигает 0,3 мм, в ряде случаев встречается четы-

ре и более насечек на 1 мм — шаг насечки 0,25 мм и менее; ни один из публикуемых нами рисунков не в состоянии передать эту насечку) подтверждает не только высокий профессиональный уровень ювелира, применявшего этот инструмент, но и мастера-производителя таких орудий. Отсутствие необходимого материала не позволяет поставить здесь вопрос о том, кто занимался изготовлением подобного инструментария — кузнец с деятельностью широкого профиля или кузнец, специализировавшийся на особо тонкой работе. Это не мешает отметить ряд особенностей производства публикуемых орудий труда.

Нет никакого сомнения, что для производства такого таштыкского напильника применялся не насекальный молоток, как это фиксируется по наиболее ранним европейским источникам, а какие-то острые инструменты типа зубила и резца. В ряде случаев, как отмечалось, следы зубильца хорошо прослеживаются на полотне напильников, что дает возможность установить ширину его рабочей части, близкую к 3 мм. Для сравнения напомним здесь, что по западноевропейским материалам применение зубила для совершения операции насекания напильников традиционно относится только к XVI в. [34, с. 124].

Таким образом, таштыкские ювелирные инструменты отражают очень высокий для своего времени уровень развития ремесла как в производстве, так и в использовании инструментов. Применение перекрестной насечки — важный шаг в повышении производительности и качества труда мастеров металлообработки, свидетельствующий о специализации ремесла. Не случайно мы встречаем такую насечку на молотках-напильниках таштыкской культуры — специализированных орудиях труда ювелиров. Предназначенные для выполнения нескольких качественно различных операций, характерных для ювелирного дела, эти комбинированные инструменты являются яркой иллюстрацией к наблюдению К. Маркса о том, что «производительность труда зависит не только от виртуозности работника, но также и от совершенства его орудий. Орудия одного и того же рода, например, инструменты режущие, сверлильные, долбежные, ударные и т. д. употребляются в различных процессах труда, и, с другой стороны, в одном и том же процессе труда один и тот же инструмент служит для различных действий» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 353).

Таштыкские молотки-напильники — наиболее ранние из известных в настоящее время инструментов с перекрестной насечкой — вносят некоторые уточнения в представления о времени появления этого, несомненно, важного усовершенствования. Его массовое использование и повсеместное изготовление связано с отмечавшимися исследователями процессами дальнейшей глубокой дифференциации ремесленного производства. Таштыкские молотки-напильники предоставляют и новые возможности для понимания особенностей более позднего ремесленного инструментария населения Хакасско-Минусинской котловины. Возникшая в начале нашей эры традиция совмещения в одном орудии двух различных инструментов ювелирного дела дожила на Саяно-Алтайском нагорье по крайней мере до XIII—XIV вв., о чем свидетельствуют часовенногорский молоток-напильник [11, рис. 13, *7*; 44, с. 204, рис. 74, *46*; 45, табл. XVII, *11*) и многочисленные случайные находки. Выявление промежуточных звеньев и всех особенностей развития этой местной традиции — предмет особого исследования. Специальному изучению должны быть подвергнуты и довольно многочисленные комбинированные орудия древних хакасов. Среди них молотки-напильники — обычная, но далеко не единственная категория инструментов. Сейчас важно отметить те глубокие преемственные связи культуры средневековых хакасов с предшествующими культурами Хакасско-Минусинской котловины, которые столь интересно и убедительно выявляются в различных областях материальной культуры, и в том числе в важнейшей области — ремесленном производстве и техническом творчестве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960.
2. *Кызласов Л. Р.* Древнейшее свидетельство об оленеводстве.— СЭ, 1952, № 2.
3. *Грязнов М. П.* Таштыкская культура.— В кн.: Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979.
4. *Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975.
5. *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979.
6. *Хоанг Ван Кхоан.* Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э.— XII в. н. э.).— СА, 1974, № 4.
7. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1980.
8. *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль.— Тр. ТКАЭЭ, 1970, т. III.
9. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
10. *Чиндина Л. А.* Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977.
11. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л.: Наука, 1965.
12. *Сорокин С. С.* Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка.— АСб. ГЭ, 1977, вып. 18.
13. *Уманский А. П.* Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чарыше.— В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974.
14. *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры.— АСб., ГЭ, 1971, вып. 13.
15. *Кызласов И. Л.* Поминальные памятники таштыкской эпохи.— СА, 1975, № 2.
16. *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Бурятск. книжн. изд-во, 1976.
17. *Кызласов Л. Р.* О памятниках ранних гуннов.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
18. *Синицын И. В.* К материалам по сарматской культуре.— СА, 1946, т. VIII.
19. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974.
20. *Троицкая Т. Н.* К вопросу о взаимосвязях населения Новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа.— В кн.: Археология и этнография Башкирии. Т.IV. Уфа: Башкирск. книжн. изд-во, 1971.
21. *Ростовцев М.* Античная живопись на юге России. Атлас, Спб., 1913.
22. *Ростовцев М.* Античная живопись на юге России. Т. I. Спб., 1914.
23. *Дьяконова В. П.* Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г.— Тр. ТКАЭЭ, 1970, т. III.
24. Каогу, 1966, № 4.
25. *Gyllensvärd B.* T'ang Gold and Silver. Stockholm, 1957.
26. *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
27. *Zirra Vlad.* Un cimitir celtic in Nord-Vestul Românici. [Baia Mare, 196—].
28. *Марченков В. И.* Ювелирное дело. М., 1975.
29. *Бреполь Э.* Теория и практика ювелирного дела. Л.: Машиностроение, 1982.
30. *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958.
31. *Кызласов И. Л.* К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу.— В кн.: Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука, 1983.
32. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981.
33. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
34. *Кореневский Э.* Из истории инструмента.— В кн.: История техники. Вып. II. Л., 1934.
35. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период).— МИА, 1953, № 32.
36. *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке. Новосибирск: Наука, 1974.
37. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
38. *Шмидт Р. В.* Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции.— ИГАИМК, 1935, вып. 108.
39. *Максимова М. И.* Металлообработка.— В кн.: Эллинистическая техника. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
40. *Блаватский В. Д.* Античная археология. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
41. *Финогенова С. И.* Металлообрабатывающее производство в античном мире.— Вестн. МГУ. История, 1968, № 4.
42. *Pleiner R.* Základy slovanského železářského hutnictví v českých zemich. Praha, 1958.
43. *Кызласов И. Л.* Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве).— НЭ, 1984, вып. XIV.
44. *Кызласов И. Л.* Аскизская культура (средневековые хакасы X—XIV вв.).— В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
45. *Левашева В. П.* Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск. книжн. изд-во, 1939.

I. L. Kyzlasov

TOOLS OF TASHTYK JEWELLERS
(On the History of Crafts in Southern Siberia)

Summary

A new source for the study of craft and the socio-economic development of the Sayany-Altai society is represented by tools of Tashtyk jewellers of the Middle Yenisei (1st century B. C.-5th century A. D.) found among random finds in the Minusinsk Museum and the State Hermitage. They are universal, all-purpose implements, combining a hammer and a file, used for two basic jeweller's operations—the dressing and the filing—thus being a sort of the jewelry symbol. The fact that such complicated, all-purpose tools were used testifies to the high skill of Tashtyk jewellers. A comparison between the hammer-and-file tools of ancient Yenisei jewellers and highly specialised tools used by modern jewellers reveals their amazing closeness and indicates that in that remote epoch specialised instruments were used as well. Another important feature of Tashtyk implements is the files' double cut. Judging from literary sources, it appeared in Western Europe in about 1400, while in ancient Greece and Rome single-cut files had been in use. Archaeological sources date the double-cut file in Eastern Europe and the Amur Region to the period not later than the 12th century, in Southern Siberia up to this time the date was considered to be not later than the 9th-10th centuries. Historians of metalworking associate the appearance of double cut with the singling of metalworking out of a broader range of forging crafts. The published tools permit a conclusion that the double cut appeared together with the singling out of jewelry as a craft on its own right. Judging by South Siberian materials it happened at the turn of the Middle Ages. The tools of Tashtyk jewellers studied against the backdrop of the contemporaneous production development indicate that there was clear-cut differentiation and high level of specialisation of crafts.

КОРШИКОВ Н. С.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ДОНУ ДЕКАБРИСТА В. Д. СУХОРУКОВА

В начале 20-х годов XIX в. на Дону были впервые проведены широкие археологические исследования. Связаны они с именем В. Д. Сухорукова, впоследствии известного общественного деятеля, историка, декабриста [1, 2]. Во время поездок по округам области войска Донского В. Д. Сухоруков и его помощники составили описания наиболее значимых, с их точки зрения, археологических местонахождений, сделали планы и провели ряд раскопок. С течением времени многие из этих памятников подверглись значительному разрушению, а некоторые исчезли вовсе. Поэтому изучение результатов археологических исследований тех лет и сегодня имеет для археологии практическое значение. Интерес В. Д. Сухорукова и его товарищей к историческим и археологическим исследованиям на Дону явился отражением общего интереса передовых людей России после «грозы двенадцатого года» к прошлому своей родины. Это было время, по замечанию писателя-декабриста А. А. Бестужева, когда «русские стали ревностнее заниматься археологиею и критикою историческою, сими основными камнями истории» [3, с. 406].

В 1821 г. офицеру особых поручений при войсковом атамане В. Д. Сухорукову, незадолго до этого успешно окончившему Харьковский университет, поручили приступить к собиранию материалов, необходимых для написания военной истории донских казаков. «Для исполнения сделанного мне поручения,— писал он по этому поводу генерал-майору И. Богдановичу,— я употреблю все способы и не оставлю ни малейшего источника без рачительного и точного исследования» [4, л. 4] Действительно, В. Д. Сухоруков был одним из первых русских историков, который при написании своего труда привлек самые разнообразные и многочисленные исторические источники. По замечанию А. С. Пушкина, «Сухоруков пересмотрел все архивы присутственных мест и станиц Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконец и Московской» [5, с. 315]. Он также собрал устные предания, повести, поэмы, рассказы старожилов, записки некоторых донских старшин, военные песни. Примечательно, что из поля зрения начинающего исследователя не ускользнули и такие важные источники по истории Дона, как древние укрепления, городища и старые казачьи городки.

Впоследствии В. Д. Сухоруков пришел к выводу, что виденные им остатки прежних поселений, или «древних жилищ», как он их называл, «по всему пространству от реки Сала до Медведицы» и особенно по рекам Иловле, Шеряю, Чиру, Цуцкану, Куртлаку, Царице и другим по своему внешнему виду имеют много общих черт. В связи с этим он классифицировал их на три «разряда»: «1) большие пространства, так как аулом занять можно, с рыхлою землею и маленькими ямками, на поверхности коих рассеяно множество черепков от различных глиняных сосудов; 2) так называемые здесь м е ч е т и — остатки разрушенных зданий, известных только по рассказам жителей...; 3) кладовые или гробницы, сделанные в земле. Внутренние стены их состояли из поливанных разноцветных кахлей, с особенным искусством и странным вкусом подобранных и сохранивших доныне яркий цвет свой» [6, с. 39]. Все эти памятники исследователь относил к золотоордынскому времени.

Свои первые исследования В. Д. Сухоруков начал проводить в апреле 1824 г. в Хоперском округе, где он выявил ряд памятников. В бассей-

ие речки Тишанки, впадающей в Хопер, В. Д. Сухоруков нашел несколько поселений и городищ, относящихся, по его мнению, к золотоордынскому периоду. На левом берегу Тишанки на границе юрта станицы Правоторовской «у подошвы горы» его привлекала «большая глыба земли наподобие шатра», вершина ее была «плоской» и в окружности имела около «двухсот саженей». На вершине, писал В. Д. Сухоруков в своем донесении в Новочеркасск, были видны «ямы с рыхлою землею и каменьями — остатки каких-либо жилищ. Место сие называется городищем и ныне все поросло лесом». Напротив городища, на противоположном берегу речки, жители ранее находили «во множестве железные накипи..., какие остаются в горнах кузниц после каления железа». Ниже городища «в верстах 9-ти на левом скате горы» В. Д. Сухоруков нашел «следы каких-то окопов», в народе называемых «шанцами». Он отметил, что в «шанцах» не было «ничего правильного», а ямы и насыпи внутри были разбросаны «без всякого порядка». Черновой рисунок «вида шанцов», сделанный землемером Заханевичем, был отправлен в Новочеркасск [7].

В устье Тишанки В. Д. Сухорукова заинтересовал «небольшой плоский курган (возвышенность в виде бугра.— *Н. К.*)», который жители издавна называют «Мечетью». Исследователь установил, что лет 30 тому назад «курган» случайно разрыли и нашли там кирпич, который длительное время брали «оттуда во множестве возами». Здесь же находили «остатки правильных стен». Кирпич, писал Сухоруков, был «гораздо более нашего в длину и ширину и весь одной формы».

На левом берегу Бузулука, «ниже Дурновской ст. в версту», В. Д. Сухоруков нашел какие-то ямы, простиравшиеся в длину «более 400 саженей, а в ширину на полверсты». На всем этом пространстве было «рассеяно множество изгари». Это место, по словам В. Д. Сухорукова, «стоит самого внимательного исследования» [7, л. 12, 13].

Во время поездок по округу В. Д. Сухоруков собрал у местных жителей найденные ими в земле вещи. Один крестьянин передал ему панцирь, найденный при вспашке поля «на речке Карагичке, впадающей в Кардаил». Панцирь был «совершенно цел, только в некоторых местах разорван плугом». Он был отправлен в Новочеркасск «как памятник древности» [1]. Позже в этом же районе был «выпахан отломок меча, который имел серпообразную форму». В других местах округа жители находили в земле «бердыши, мечи, остатки панцирей и некоторые другие вещи, доказывающие,— по мнению В. Д. Сухорукова,— давнюю бытность здесь народа азиатского» [7, л. 13].

Полстолетия спустя местный краевед в Хоперском станичном архиве обнаружил донесение В. Сухорукова об исследовании Тишанского городища и решил вновь осмотреть его. В опубликованной затем статье, подписанной Я. А., он дал более подробное описание памятника [9]. Городища, писал Я. А., находится пониже устья Тишанки при впадении боерака Мечетного в Хопер, «где ныне х. Красный». Ранее на этом месте «лежали большим курганом или бугром развалины кирпичного здания, называемого в народе „Мечетью", вокруг которой «находятся развалины небольших также кирпичных зданий». В 20-х годах «развалины около самой мечети разрыты и разобраны все без остатка». После этого кирпич стали добывать из-под земли, где жители находили «выложенные на извести кирпичные погреба, из коих некоторые попадались аршин по 6 в длину и от 3-х до 4-х в ширину». Кирпичи имели «квадратную форму, вершков по 6 в стороне и несколько толще нынешнего обыкновенного...». Во время осмотра городища краеведом его «главная часть» была занята хут. Красным. Я. А. в статье дал описание и «менее значительных» «старинных поселений», находящихся в районе Тишанки, а также погребальных обрядов и могильного инвентаря погребений, найденных в 30—70-е годы в станице Тишанской и ее юрту при земляных работах. Несмотря на то, что описания сделаны дилетантом, в них дана достаточно полная

[1] Один из панцирей, найденный в районе Тишанки, был отправлен на выставку к VIII Археологическому съезду [8, л. 71, 83].

информация для датировки погребений. Так, в захоронении «остова человека... вместе с оседланным конем» с юго-западной ориентировкой «остова» и набором железных деталей упряжи (стремена и удила) угадывается средневековая кочевничья могила, в обнаруженных при рытье погреба «семи человек, зарытых в сидячем положении» с глиняными сосудами — погребения эпохи бронзы, а найденные «при костях» кинжал, таз медный, серебряный браслет и три глиняных горшка,— вероятнее всего, инвентарь сарматского погребения первых веков нашей эры [9]. В 1893 г. для обследования Тишанского городища был командирован сотрудник Донского музея И. М. Сулин, которому местные жители передали плоский кинжал и две косы, найденные ими на городище [2]. В 1902 г. там же были найдены удила [10, с. 561, 562; 11, с. 170, 171].

Остатки древних поселений и городищ В. Д. Сухоруков обнаружил и на территории Донецкого округа. Наиболее интересные сведения, по его мнению, он собрал о так называемом Рыгинском городище у станицы Каменской. Выявленное им городище известно и сейчас. По классификации И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой оно относится к типу салтово-маяцких укреплений с земляными валами [12, с. 94, 149; 13, с. 22]. Осматривая это городище в начале 60-х годов, С. А. Плетнева отметила, что на нем «даже самые жалкие остатки укреплений полностью уничтожены многолетней распашкой. Судить о поселении мы можем только по описанию Ив. Тимощенкова, обследовавшего памятник в начале нашего века» [13, с. 23].

Действительно, в 1901 г. донской краевед Ив. Тимощенков провел обследование и незначительные раскопки Рыгинского городища, описанного, по его словам, В. Д. Сухоруковым. Но уже тогда краевед вынужден был отметить, что две трети городища были заняты дворами хут. Рыгина, «признаки укреплений его лет 50—60 тому назад были видны далеко больше теперешнего». Не обнаружил он на городище и «никаких признаков прежних жилищ, кроме больших бугров из золы, находящихся в южной половине городища» [14, с. 570, 571].

В этом случае для дальнейшего изучения городища большую помощь могут оказать данные, полученные В. Д. Сухоруковым. После обследования в 1821 г. В. Д. Сухоруков писал, что на городище «совершенно явственно видны следы бывшего вала и рва со всеми их поворотами. Вал сей имеет в окружности две с половиною версты и простирается по левой стороне Рыгиной, начиная от устья ее, где она впадает в Донец, расстоянием на полторы версты. Он обоими флангами примыкает к балке сей, которая в прежнее время была с водою и очень глубока... Внутри главного вала,— отмечал исследователь,— были видны следы бывших жилищ постоянных — бугры, ямы, с совершенно рыхлою землею и в некотором порядке разбросанные, различной величины и вида». Здесь же было «множество черепков от разбитых глиняных сосудов: горшков, кувшинов и других, кои... необыкновенной толстоты и как из частей заключить можно, весьма велики были и хорошего мастерства». При обследовании городища В. Д. Сухоруков заметил, что к его главному валу с южной стороны «примыкала... еще небольшая крепостца, которая оканчивалась скалою почти совершенно неприступною» [7, л. 20, 21].

Данные В. Д. Сухорукова с большей достоверностью, чем последующие, подтверждают наличие рядом с городищем неукрепленного поселения. Высказывая предположение о его существовании, исследователь писал: «За валом также предполагать должно жилища». Подтверждением этому являются находки вблизи последний лемеха и наконечников стрел, «весьма красиво и искусно сделанных». В связи с этими находками исследователь высказал предположение, «что здесь упражнялись уже в хлебопашестве и знали ремесла». После обследования городища В. Д. Сухоруков «несколько черепков и два оконечника стрел» отправил в Новочеркасск. Землемер Заханевич сделал план этого городища с «его окружностями... в большом масштабе» [7, л. 20, об., 21].

[2] В 1889—1895 гг. И. Сулин в ДЕВ опубликовал историко-археологические описания 110 донских станиц.

Остатки подобных поселений, «но только несравненно в меньших пространствах, без укреплений» В. Д. Сухоруков видел в юрту станицы Каменской на левой стороне Донца «в разных местах около берега» и в «других местах по Донцу, но только такого большого и укрепленного», как Рыгинское, он более нигде не встречал. «Его без сомнения,— утверждал В. Д. Сухоруков,— почесть должно городом». Неукрепленные же поселения он определял как «кочевья». На поселении, находящемся в «верстах 5-ти вверх по Донцу» от станицы Каменской, он отметил наличие могильника из 15 погребений, «лежащих в порядке». Давая характеристику основным особенностям погребального обряда, он писал: «Все они были обращены головами к югу и у правого плеча каждого стоял горшок. На одной ручной кисти была медная кованая браслета» [7, л. 21; 6, с. 40].

В Усть-Медведицком округе на правом берегу р. Медведицы близ станицы Глазуновской в Мечетном бояраке В. Сухоруков обнаружил «подземное здание», которое, «сколько из развалин заключить можно, имело в длину 90 саж., а в ширину 30», стены здания «углублялись в землю аршина на три». Внутренняя часть стен «состояла» из разноцветных кахлей [15, с. VI; 6, с. 39, 40]. В конце XIX в. И. Сулин на месте этого здания обнаружил только «остатки камней» [16, с. 339].

В июне 1821 г. В. Д. Сухоруков отправился в Донской округ; 26 июня из станицы Качалинской он писал И. Богдановичу: «Занятия мои по части исторической идут весьма успешно» [7, л. 27]. Так восторженно о своих занятиях он писал впервые. Его удовлетворенность была вызвана тем, что в этой станице он имел возможность лично «проверить на месте мнение знаменитого... нашего Историографа», действительно ли древний Саркел находился «около Переволока», в месте сближения Дона с Волгою [6, с. 35].

В. Д. Сухорукову было известно, что хазары на берегу Дона при содействии «искусных греческих художников построили крепость Саркел для защиты жилищ своих от нападения печенегов», которая в 965 г. была взята «мужественным и храбрым Святославом» [15, с. II, III]. Однако точное местонахождение Саркела тогда еще не было известно. Н. М. Карамзин, отмечал В. Д. Сухоруков «первый утвердительно определяет место Саркела, основываясь на путешествии митрополита Пимена, плывшего Доном к Азовскому морю в 1389 г. Сей митрополит, миновав в воскресенье устье Медведицы, во вторник достиг до городища Серклии, которое Карамзин признает за Саркел и полагает его около Качалинской ст., где Волга сближается с Доном и где козары должны были наиболее опасаться печенегов». Однако, как писал Сухоруков, «при внимательном рассматривании мест в окрестности Качалинской станицы верст на сто не приметно... и следов какого-либо древнего укрепления; да и в памяти у жителей тамошних не сохранилось о том никакого предания» [15, с. II]. Во время поиска Саркела в районе станицы Качалинской кроме обследования местности и опроса «тамошних жителей» В. Д. Сухоруков привлек и труды византийских писателей. «Читая византийских писателей,— писал он,— мне даже казалось тогда, что около Переволока ныне нет такого грунта, который, по их описанию, находился в окрестностях Саркела» [6, с. 35].

После того как в районе Переволоки не было найдено никаких следов Саркела, В. Д. Сухоруков отправился в станицу Цимлянскую, где по его предположению мог находиться этот город, и совместно со своим помощником А. К. Кушнаревым, будущим членом Новочеркасского тайного общества, провел там археологическое изучение местности. При изыскании местоположения древнего Саркела любознательный исследователь изучил и записки одного из спутников митрополита. По исчислению В. Д. Сухорукова, струги Пимена вполне могли пройти расстояние от устья Медведицы до станицы Цимлянской за три дня. При своих расчетах он консультировался и со специалистами по судоходству. «Судоходцы,— писал он,— утверждают, что при хорошем попутном ветре и при быстроте вешней воды от Медведицы до Цимлянской станицы можно стать на третьи сутки, если

в пути нигде не останавливаться» [15, с. III]. На основании всех данных В. Д. Сухоруков пришел к выводу, что Саркел находился около ст. Цимлянской, на левой стороне Дона. В этом месте, писал он позже «видны и поныне развалины какого-то древнего, великолепного и укрепленного жилища. Над самым Доном, где некогда протекал он, было самое укрепление, как видно, обведенное кирпичными стенами и окруженное водою, с одной стороны самим Доном, а с другой — широким и глубоким каналом». По данным В. Д. Сухорукова, имел он тогда «от 14 до 20 сажень ширины и около 2 аршин глубины, за которым возвышался вал». Стены укреплений, по рассказам старожилов, были «в 13 и 14 кирпичей или в 9,5 футов». Самые большие кирпичи имели «в длину 11,5, в ширину 11 дюймов, меньшие в длину 9,5, в ширину 8,5; толстота в обоих 1,5 дюйма, на некоторых были разные изображения». Находили и такие кирпичи, «какие обыкновенно делаются ныне у нас». Жители станицы с 1780 г. начали брать кирпич для своих нужд. По сведениям В. Д. Сухорукова, на городище неоднократно находили монеты и «много разных других мелочных вещей» [15, с. II, III; 6, с. 36].

На Правобережном Цимлянском городище [3], «на неприступной высокой скале», В. Д. Сухоруков обнаружил «остатки какого-то здания, похожего на замок, которое построено было из белого камня. Вид с сей горы,— отметил он,— открывается на большое расстояние во все стороны» [6, с. 37].

Ни тогда, ни позже обстоятельства не позволили В. Д. Сухорукову более детально обследовать эти городища. После возвращения из Цимлянской он был назначен письмоводителем «Комитета об устройстве войска Донского», а в конце декабря 1821 г. его перевели в лейб-гвардии Казачий полк чиновником особых поручений при А. Чернышеве. При отъезде в Петербург В. Д. Сухоруков поручил А. Кушнареву продолжить начатые ими археологические исследования на Цимлянских городищах.

В 1823 г. в станицу Цимлянскую для проведения археологических работ выехали землемер Аверкиев, его помощник Орлов и А. Кушнарев. В их распоряжении были выделены подводы, необходимые инструменты и 25 казаков. В то же время Войсковая канцелярия предписала сыскному начальству и Цимлянскому станичному правлению «исполнять сколько возможно поспешнее» все требования Аверкиева [18]. В результате проведенных работ были составлены план и описание Левобережного городища [19].

В 1844 г. Цимлянские городища «по поручению» В. М. Пудавова были обследованы землемером С. Сулиным. Он снял планы и составил описания городищ [20, с. VI—VIII]. На основании собранных материалов В. М. Пудавов также пришел к заключению, что Саркел находился около нынешней ст. Цимлянской [21, с. 271]. Обследования и раскопки Левобережного городища неоднократно проводились и в последующие годы, но наиболее отчетливое, как отметил М. И. Артамонов, «археологическое обоснование локализации Саркела у ст. Цимлянской впервые приведено Х. И. Поповым в 1893 г. в докладе Археологическому съезду» [4] [22, с. 81; 23, с. 299]. Правда, тогда эта точка зрения не нашла общего признания, но с этого времени вопрос о местоположении Саркела стал предметом острых и длительных дискуссий в науке.

Исследователь Саркела в советское время М. И. Артамонов еще до проведения там раскопок изучил результаты работ В. Д. Сухорукова и А. Кушнарева на Левобережном городище, впервые проведенных, как он отмечал, с «научными целями», и отнес их к «наиболее интересным» исследованиям [22, с. 8].

Первые раскопки с целью определения местоположения Танаиса также связаны с именем В. Д. Сухорукова. Ему было известно, что в райо-

[3] Это городище по указанию правительства в 1743 г. обследовал военный инженер Ив. Сациперов. Им были сделаны планы и профили «каменным строениям» [17].

[4] При обосновании своих доводов Х. Попов опирался в основном на результаты исследований В. Сухорукова и В. Пудавова [21, с. 267—276].

не с. Недвиговки и станицы Елисаветовской неоднократно находили различные предметы древности. Однако обстоятельства не позволили ему самому провести в тех местах археологические исследования. Первым раскопкам в устье Дона предшествовал эпизод, который ускорил их проведение.

В 1824 г. в «Вестнике Европы» известный знаток античных древностей И. А. Стемпковский опубликовал путевые заметки в форме письма своему товарищу, исследователю античных памятников Причерноморья И. П. Бларамбергу. В них он изложил свои мысли «о местонахождении города Танаиса». «В быстрый проезд мой,— писал он в первом письме,— в прошлом октябре (1823) вдоль берегов Дона мне хотелось осмотреть мимоходом устья сей реки и отыскать настоящее местоположение... Танаиса, доселе еще неопределенное. ... И подлинно я думаю, что остатки сего города существуют доныне на означенной стороне (правой стороне Дона.— *Н. К.*), в 10 верстах от моря, близ донского села Недвиговки». После тщательного обследования Недвиговского городища И. А. Стемпковский пришел к заключению, что по всем чертам «невозможно не признать развалин сих остатками древнегреческого города, и сей город не может быть иной, как Танаис» [24, с. 387—389].

В апреле 1824 г. И. А. Стемпковский на обратном пути из Саратовской губернии в Одессу решил «войти в новые исследования касательно» Танаиса. После этого во втором письме он выразил сомнение, «точно ли виденные» им «близ Недвиговки развалины принадлежат древнему Танаису?» Он не исключал, что осмотренные развалины могли принадлежать и «какому-нибудь иному неизвестному греческому селению» [24, с. 390]. Для обоснованной локализации Танаиса у одного из городищ необходимы были раскопки, но И. А. Стемпковский не имел возможности их провести. Поэтому в силу сложившихся обстоятельств автор писем не смог тогда определить точное местоположение Танаиса, но он был убежден, что найдутся «путешественники», которые когда-нибудь воспользуются сделанными им наблюдениями и «обоготят сведения» его об этой «любопытной стороне новыми открытиями» [24, с. 395].

К тому времени В. Д. Сухоруков значительно расширил свои познания в области истории и археологии. В Петербурге и Москве он познакомился со многими видными историками и знатоками российских древностей, в том числе с Н. М. Карамзиным, А. Н. Олениным, К. Ф. Калайдовичем, А. Ф. Малиновским, П. М. Строевым, П. П. Свиньиным; опубликовал в журналах статьи по истории Дона, был избран в действительные члены Вольного общества Российской словесности, его имя стало известно в ученых кругах. Вот как, например, характеризовал его К. Ф. Калайдович в письме к графу Н. П. Румянцеву от 6 июля 1823 г.: «На днях... прибыли в наш архив, для составления исторических записок о Донском войске, двое тамошних чиновников. Один из них [5], лейб-гвардии поручик Сухоруков, хорошо образован и особенно сведущ в истории, географии и древностях войска Донского» [25, отд. I, с. 178].

В 20-е годы XIX в. на Дону кроме В. Д. Сухорукова был еще ряд лиц, серьезно занимавшихся изучением прошлого своего края. Из старшего поколения обширными познаниями по истории и археологии выделялись полковник А. А. Мартынов, участники войны 1812 г. полковник Х. П. Кирсанов и есаул Е. Н. Кательников, а из младшего — выпускники Харьковского университета А. К. Кушнарев и М. Г. Кучеров и тогда еще совсем молодой В. М. Пудавов. А. А. Мартынов, например, длительное время занимался изысканием местоположений Саркела и Танаиса. У слободы «своей Недвиговки» им было собрано, описано и зарисовано много различных предметов древности. В 1853 г. он оказал содействие П. М. Леонтьеву в проведении археологических изысканий в Недвиговке [26; 27, с. 409, 491]. Для изучения древностей Дона немало сделал В. М. Пудавов. Будучи председателем Межевой комиссии, он поручал землемерам обследовать курганы и городища и делать съемку их планов.

[5] Вторым был М. Г. Кучеров, будущий член Новочеркасского тайного общества.

Впоследствии на основании этих данных им была подготовлена карта памятников старины Донской земли [21, с. 271; 27, с. 398].

Эта группа донских энтузиастов-исследователей, как видно из письма В. Д. Сухорукова к Х. П. Кирсанову от 2 августа 1824 г. [28], ревниво восприняла путевые заметки И. А. Стемповского о Танаисе. Автор этого письма делился своими мыслями по ряду спорных и недостаточно изученных проблем «древней истории» Дона, которые в равной мере интересовали и Х. П. Кирсанова. Касаясь Танаиса, В. Д. Сухоруков писал: «От г. Кучерова... я имею сведения, что вы, милостивый государь, принимаете равное участие и в изысканиях о местоположении древнего города Танаиса. Совершением сего дела вы отвратите от нас стыд, который в противном случае мы неминуемо понесем, когда чужие люди проездом станут описывать то (явный намек на письмо Стемпковского в «Вестнике Европы».— *Н. К.*), чего мы не могли познать, владея оными многие десятки лет. Ваши обширные познания обещают совершенный успех предприятия, и я заранее радуюсь, видя в вас благороднейшее соревнование» [28].

Сам автор письма к тому времени уже предпринял меры для «предотвращения» стыда. Под предлогом, что ему для написания истории донских казаков необходимы сведения о Танаисе, он обратился к войсковому атаману А. В. Иловайскому с просьбой направить А. К. Кушнарева в с. Недвиговку и станицу Елисаветовскую для определения местоположения Танаиса. Атаман, неоднократно покровительствовавший молодому исследователю, 4 августа 1824 г. направил «предложение» Войсковой канцелярии. «Населяемая ныне земля донскими казаками,— писал атаман,— в древнее время была жилищем многих народов, из коих память некоторых уже исчезла, других же сохранилась только в одних безмолвных памятниках. Просвещенный народ греки, обладая Черным и Азовским морями, имели с сими народами торговые сношения, выгодные для их промышленности. Сии причины были поводом к построению на устье Дона г. Танаиса, сделавшегося впоследствии времени одним из богатейших торговых городов. Через несколько столетий он был разрушен и никогда уже не достигал допрежнего величия. Ныне,— писал далее атаман,— известно нам два городища: одно близ д. Недвиговки, а другое подле Елисаветовской ст. между Донцом и Доном, на коих... находили древние монеты и другие вещи. Доселе в ученом свете неизвестно, на каком именно месте из сих городищ построен был г. Танаис. А как таковой предмет должен входить в состав статистики и истории войска Донского, то поэтому и предписал... сотнику Кушнареву, имеющему о сем предмете достаточные сведения, исследовать те городища со всею точностью и определить местоположение древнего г. Танаиса» [29, л. 758, 759]. После рассмотрения этого «предложения» Войсковая канцелярия строжайше предписала всем ближайшим станицам «для воспомоществования» А. Кушнареву в проведении раскопок выделять по его требованию «нужное число рабочих людей без малейшей медленности» [29, л. 759].

А. К. Кушнарев произвел раскопки на Недвиговском и Елисаветовском городищах. Раскопки, по-видимому, были значительными, так их следы в 1853 г. видел П. М. Леонтьев. Известно, что во время раскопок на Недвиговском городище было найдено 23 монеты и «несколько греческих» на Елисаветовском, которые А. К. Кушнарев по его словам, представил А. В. Иловайскому, вместе с «Описанием Недвиговского городища» [30, с. 172; 27, с. 409, 512]. Вероятнее всего, атаман эти монеты передал в войсковую гимназию, где была собрана большая коллекция монет и различных древностей, но она погибла в 1826 г. во время пожара. Не удалось нам отыскать и каких-либо следов «Описания Недвиговского городища», сделанного А. К. Кушнаревым в 1824 г. Видимо, только исчезновением этого «Описания» можно объяснить тот факт, что позднейшие исследователи Танаиса историю его первоначальных исследований связывают только с именами И. А. Стемпковского и П. М. Леонтьева[6] [31,

[6] В ЦГВИА (ф. 400) хранится дело о раскопках Недвиговского городища в 1853 г., материалы которого не введены еще в научный оборот.

с. 17; 32, с. 7, 8]. Это тем более досадно, что сам факт проведения археологических раскопок на Недвиговском и Елисаветинском городищах в 1824 г. исследователям Танаиса известен из работы П. М. Леонтьева [27, с. 409, 512; 32, с. 91].

Археологические изыскания по определению местоположения Танаиса были последними известными нам исследованиями, связанными с именем талантливого историка, декабриста В. Д. Сухорукова. Вскоре после восстания декабристов у него были отобраны его труды — более 5 тыс. листов выписок из исторических актов, «объемлющих, по словам А. С. Пушкина, историю донских казаков» [5, с. 315, 316], и ему было запрещено заниматься всякого рода историческими изысканиями. Исторические труды опального историка по указанию палача декабристов А. Чернышева подверглись переработке, а их автор «за одно из величайших преступлений (т. е. за участие в тайных обществах.— *Н. К.*)» был «командирован» в Отдельный Кавказский корпус, войска которого принимали участие в военных действиях с Персией. Впереди В. Д. Сухорукова ожидали новые подобные «командировки», но, несмотря на постоянные гонения и преследования, он навсегда сохранил интерес к прошлому и будущему своей родины. В 1835 г. В. Д. Сухоруков писал П. М. Строеву из ссылки: «Вы первый раскрыли мне историю моей родины, заставили полюбить изыскания о ней; теперь это сделалось потребностью моей души, я прилепился к этому делу всем существом моим» [33, с. 46].

Археологические исследования В. Д. Сухорукова на Дону, его журнальные публикации по донской истории и археологии, участие в работе Вольного общества российской словесности, а также общение с видными исследователями российских древностей, несомненно, способствовали дальнейшему развитию археологических исследований в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Линин А.* А. С. Пушкин на Дону. Ростов н/Д: Ростиздат, 1941.
2. *Коршиков Н. С.* Общественно-политическая деятельность декабриста В. Д. Сухорукова на Кавказе (1827—1830 гг.) — Изв. СКНЦ ВШ. Обществ. науки, 1975, № 4.
3. *Бестужев А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Худ. лит., 1981.
4. О собирании сведений для военной истории Донского войска.— ЦГВИА, ф. 331, оп. 1, д. 116.
5. *Пушкин А. С.* О сотнике Сухорукове.— Собр. соч. Т. 7. М.: Худ. лит., 1976.
6. *Сухоруков В. Д.* Записка о достопримечательностях в Донской области.— Северный архив, 1825, ч. 17.
7. Рапорта В. Сухорукова ген.-майору И. Ф. Богдановичу о поездках по области войска Донского.— ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 759.
8. Список предметов, посланных на выставку в г. Москву к VIII АС.— ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 881.
9. *Я. А.* Археологические замечательности, старинные предания и настоящий быт Тишанской станицы.— ДВВ, 1873, № 27, от 10 июля.
10. *Сулин Ив.* Тишанская станица.— ДЕВ, 1895, № 19.
11. *Попов Х. И.* Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск, б/г.
12. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, 1958, № 62.
13. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
14. *Тимощенков Ив.* Отчет об археологическом обследовании городища при балке Рыгиной.— Тр. XII АС. Т. 2. М., 1905.
15. *Сухоруков В. Д.* Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903.
16. *Сулин Ив.* Глазуновская станица.— ДЕВ, 1894, № 4.
17. Дело о раскопках каменной постройки на берегу р. Дона под ст. Цимлой.— ЦГАДА, ф. 248, д. 463.
18. Журнал Войсковой канцелярии, № 2, от 21.IX.1823 г.— ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 368.
19. *Кушнарев А. К.* Описание городища, находящегося... в юрту Цимлянской станицы.— ДВВ, 1965, № 6 от 9 февраля.
20. *Пудавов В. М.* История войска Донского и старобытность начал казачества. Вып. I. Новочеркасск, 1890.
21. *Попов Х. И.* Где находилась хазарская крепость Саркел.— Тр. IX АС. Т. 1. М., 1895.
22. *Артамонов М. И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону.— ИГАИМК, 1935, вып. 131.
23. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

24. Два письма И. Стемпковского к И. Бларамбергу о местонахождении древнего города Танаиса.— Пропилеи. Кн. IV. М., 1854.
25. Письма К. Калайдовича к графу Н. П. Румянцеву.— ЧОИДР, июль — сентябрь. Кн. III. М., 1862.
26. *Мартынов А. А.* Записки о войске Донском.— Дон. Новочеркасск, 1887, № 9—12.
27. *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях.— Пропилеи. Кн. IV. М., 1854.
28. Письмо В. Сухорукова Х. Кирсанову от 2 августа 1824 г.— ОР ГПБ, ф. 679, № 129.
29. Журнал Войсковой канцелярии от 8.VIII.1824 г.— ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 421.
30. *Попов Х. И.* Сведения о древних памятниках, находящихся в земле войска Донского.— Тр. I АС. Т. 1. М., 1871.
31. *Книпович Т. Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
32. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
33. Письма В. Сухорукова к П. М. Строеву.— СОВДСК. Вып. 1. Новочеркасск, 1901.

N. S. Korshikov

VASILY SUKHORUKOV'S ARCHAEOLOGICAL STUDIES ON THE DON

Summary

In early 1820s the Decembrist Vasili Sukhorukov conducted wide-scale archaeological investigations on the Don. He studied sites in the Khoper and Medveditsa basins, a fortified settlement at the Rygina balka near the village of Kamenskaya, the Levoberezhnoe and Pravoberezhnoe settlements at Tsimlyanskaya. On Sukhorukov's initiative A. Kushnarev conducted excavations of the Levoberezhnoe settlement and the settlements at the villages of Elisavetovskaya and Negvigovka with the aim of locating Sarkel and Tanais. These investigations initiated the studies of Don antiquities.

Публикации

ГРЕХОВА Л. В.

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЕЛИСЕЕВИЧИ II

В 1979 г. при прокладке водопроводной траншеи по Нагорной улице д. Елисеевичи Брянского района Брянской области было вскрыто скопление культурных остатков палеолитического времени. Второй пункт находок расположен на расстоянии около 300 м к северо-западу от первого. Водопроводная траншея длиной около 1 км проходила с севера на юг, параллельно р. Судость, почти по краю обрыва правого берега. Ширина траншеи 1,2—1,3, глубина 2,5 м. Культурный слой прослеживался как в восточной, так и в западной стенке на протяжении 15 м с севера на юг. Культурные остатки располагались непосредственно под шлаком дороги, с востока были ограничены домом № 12, а с запада — погребами соседнего дома. Расстояние в направлении восток — запад между домом и отсыпкой погреба — около 6 м.

Стратиграфическое положение культурного слоя этого пункта осложняется тем, что из 15 м вскрытого в разрезе траншеи палеолитического слоя 5 м по западной и 6 м по восточной стенке занимает псевдоморфоза по повторно-жильному льду. Этот участок нарушенных палеокриогеном геологических слоев выпадает из общей характеристики нормального залегания культурных остатков палеолитической стоянки [1].

На ненарушенном участке полного почвенного профиля не сохранилось.

Верхние слои представлены пачкой чередующихся прослоек палевой лёссовой супеси с прослойками бурого суглинка (горизонт ортзандов) — сохранившаяся мощность 30—40 см. Ниже прослежен горизонт неоднородной лёссовой супеси, рыхлой, желтого цвета с марганцовистыми вкраплениями; контакт с нижним слоем волнистый — мощность 20—40 см. Еще ниже идет горизонт однородной лёссовой супеси, плотный, палевого цвета — видимая мощность 140 см.

Культурные остатки представлены структурными элементами — частью лёссовой супеси и в верхней части горизонта палево-серой супеси. Он залегает на различной глубине от поверхности (от 30 до 80 см), так как перекрывающие его горизонты разрушены. Культурный слой сохранился фрагментарно, на площади немного более 20 м^2.

Культурные остатки представлены структурными элементами — частью очажной линзы, скоплением костей и элементарными остатками — расщепленными мелкими костями, кремнем, отдельными угольками, краской. На вскрытой площади элементарные остатки залегали горизонтом до 20 см по мощности вмещающей супеси, но небольшой концентрации на 1 м^2. По реперным отметкам [2] наблюдается наклон слоя с севера на юг. Если на южных участках глубина залегания кремня и расщепленных костей 65—82 см, ниже 85 их нет, то на крайних северных участках глубина залегания кремня 13—30 см. Ниже 35 см найдены отдельные экземпляры в мелких трещинах.

На крайнем южном участке сохранилась небольшая часть очажной линзы, разрушенной водопроводной траншеей. В восточной стенке траншеи линза не прослеживается. В западной — зольная масса имела мощность 7—8 и протяженность 75 см. На расстоянии 35 см от края траншеи к западу зольник выклинивается. Глубина поверхности зольника

[1] Геолого-геоморфологические работы и инструментальную съемку проводил отряд Института географии АН СССР под руководством В. П. Ударцева.

[2] Все цифры в тексте даются от единого репера.

82—85 см. Состав — крупные костные угли, до 5 см в поперечнике, обугленные ячеистые черепные кости, на краю несколько обгоревших пластин зуба мамонта. Сверху на зольной массе лежала полуобгоревшая плечевая кость песца. В зольно-углистой массе кремня не было. Кремень на южных участках представлен единицами.

В распределении элементарных культурных остатков по вскрытой площади на глубине 65—80 см отмечен перерыв (отсутствие находок) полосой около 1,4—1,5 м. Это явление связано с разрушением и провалом участка культурного слоя при вытаивании мерзлотной структуры. Псевдоморфоза по повторно-жильному льду делит исследованный участок на две части южную и северную. В северной части глубина залегания культурных остатков гораздо меньше, сохранность их хуже, но здесь было вскрыто скопление крупных костей мамонтов.

Восточная часть этого скопления костей была целиком разрушена водопроводной траншеей (до 1 м шириной). Протяженность его по западной стенке траншеи с севера на юг около 4 м. Раскопками было установлено, что западная и центральная части скопления разрушены погребом и огромной хозяйственной ямой. Для исследования сохранилась очень небольшая часть интереснейшего объекта. По площади сохранившиеся участки составляют 4 м^2 вдоль траншеи и около 2 м^2 в западном направлении от нее.

Верхний горизонт костей оказался перекрыт только перекопанной землей или шлаком дороги на всем пространстве от траншеи до погреба. О сохранности кости в таких условиях говорить не приходится: это спрессованная крошка бивней, труха от трубчатых и плоских костей. Однако под ними обнаружились кости лучшей сохранности. Заполнение между костями составляла рыхлая желтая лёссовая супесь. Можно предполагать, что верхний ряд костей до разрушения перекрывающей породы находился в рыхлой лёссовой супеси.

Среди бесформенных костей верхнего уровня можно было определить: обломки лопаток (+1, —10) [3], обломки трубчатых (—12), трубчатая, уходящая вниз (—6). Самой верхней костью был, очевидно, очень крупный бивень, лежащий наклонно с запада на восток (+10, —8). Под бивнем находилась часть плоскости тазовой кости (0, —7). К западу от крупного бивня наблюдалась на различных уровнях (+4, —10) и в различных направлениях крошка от бивней. У самого обреза траншеи оказались остатки черепных костей на глубине 7 см. Здесь же остатки расслоившихся бивней на глубине 5—15 см. Реперные отметки верхнего горизонта свидетельствуют о высоком уровне залегания костей этого скопления, особенно по отношению к уровню культурных остатков на южных участках. Если учесть, что эти кости разрушены и спрессованы дорогой, то первоначальное, даже ископаемое, их положение было на 15—20 см выше обнаруженного.

После удаления костей или того, что от них осталось в верхнем горизонте, выявилось все скопление, кости которого, несмотря на плохую сохранность, могли быть расчищены и определено их положение. Заполнение между костями составляла рыхлая, желтая, лёссовая супесь. Подстилающим горизонтом являлась плотная палево-серая лёссовая супесь.

Сохранившаяся часть скопления костей представляет собой сегмент какой-то крупной округлой конструкции. Дуга сегмента обращена на юго-восток, хорда (около 4 м) имеет направление северо-восток — юго-запад, высота сегмента около 2 м. Выкладка из костей сохранилась по южной и юго-восточной части сегмента, с востока она частично уничтожена траншеей. Вся северо-западная часть скопления (по хорде) уничтожена хозяйственной ямой. Во вскрытой выкладке из костей можно выделить несколько групп (рис. 1).

Первая — южная краевая часть ограждения (кв. V, VI—12), единственный сохранившийся участок, где можно сравнивать структуру слоя

[3] В скобках реперные отметки в см.

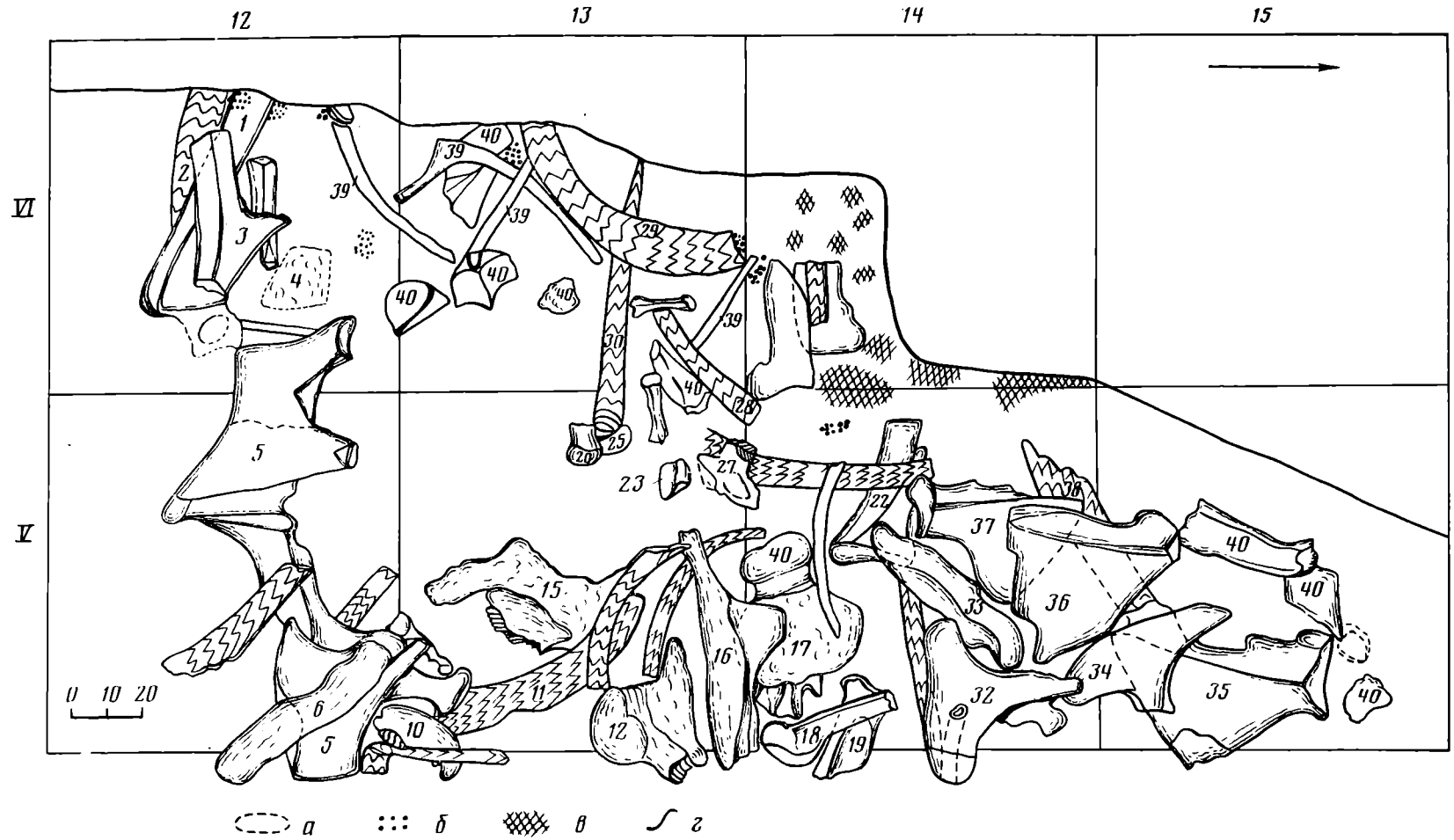


Рис. 1. Схема расположения крупных костей скопления. *1—38* — номера костей по тексту; *39* — ребра; *40* — неопределенные кости. *а* — костный тлен; *б* — краска; *в* — зольные пятна; *г* — граница перекопа

вне скопления и внутри его. Вторая — восточная группа (кв. V—13, 14), состоящая в основном из черепов, бивней и трубчатых костей, частично разрушена траншеей. Третья — центральная группа (кв. V, VI—13, VI—14), состоящая из бивней и трубчатых костей, сильно нарушена хозяйственной ямой. Четвертая — северная (кв. V—14, 15), состоящая в основном из плоских костей, разрушена ямой и траншеей.

В конструкции южной краевой части выкладки преобладают плоские кости мамонта (рис. 1). Одна из них (№ 1) [4] по толщине и протяженности тазовая, обрезана хозяйственной ямой с западной стороны. Кость более 70 см длины имеет направление восток—запад и лежит с небольшим наклоном с запада (—15) на восток (—30, —34). Непосредственно к ней с южной стороны примыкает крупный, диаметром около 12 см, раздавленный бивень (№ 2). Он также находится в наклонном положении с запада (—27) на восток (—55). Западный конец срезан ямой. Можно предположить, что с западной стороны под костями № 1 и 2 находилась крупная кость, которая к моменту раскопок уничтожена. На бивне и тазовой кости лежат крупный обломок лопатки (№ 3) с тем же наклоном (—10, —40). Непосредственно к лопатке и тазовой кости с восточной стороны примыкал череп мамонта, от которого осталась группа черепных костей (№ 4). В целом эта группа костей составляла достаточно плотную связку в конструкции южной стороны в кв. VI—12. Самая крупная тазовая кость (№ 5) — раздавленный целый таз — лежала почти горизонтально на глубине 23—36 см с небольшим наклоном с севера на юг, в направлении восток—запад через всю площадь кв. V—12 и занимала пространство более 1 м. На ней, также наклонно с севера на юг, т. е. от центра к внешней стороне, находились: плечевая кость мамонта (№ 6) на глубине 11—34 см без эпифизов, часть бивня (№ 7) плохой сохранности на глубине 14—38 см, обломок трубчатой кости. С внутренней стороны скопления под тазовую кость уходил в наклонном положении (—23, —36) обломок бивня (№ 8). С южной стороны скопления можно было проследить разницу грунта по одну и другую сторону тазовой кости. С внешней стороны грунт был более плотным, сероватого цвета. С внутренней стороны и между костями заполнение составляла рыхлая желтоватая супесь.

Восточная часть скопления костей частично разрушена траншеей. Сохранившаяся часть образует очень плотную стенку из костей, часть которых находится в горизонтальном положении, часть — в наклонном от центра к краю. С северной стороны тазовой кости (№ 5) находился небольшой по диаметру, около 10 см, сломанный бивень (№ 9), основание которого уходило на глубину 40 см, вертикальная часть до слома составляла 30 см. Бивень сломался, упал в северном направлении и занял почти горизонтальное положение. Длина горизонтальной части около 35 см. Таким образом, общая длина его в вертикальном положении составляла около 65 см. Бивень упал на скуловой отросток левой ветви нижней челюсти мамонта (№ 10). Челюсть лежала с резким наклоном от центра (—14) к краю (—33). Под челюстью на глубине 34—35 см обнаружился толстый конец более крупного бивня (№ 11). Бивень этот постепенно поднимался в северном направлении, и его северный конец (сохранившаяся часть) обнаружился на глубине 3 см на другом бивне. К востоку от бивня № 11 на самом краю траншеи лежал череп молодого мамонта (№ 12) с очень мелкими зубами. Зубы находились на самом краю траншеи, которая, очевидно, разрушила альвеолы. Вероятно, череп лежал на теменных костях (—9, —19). К западу от этого черепа, к центру скопления, находились: бивень № 11, два бивня почти в вертикальном положении и череп. Толстый конец одного бивня (№ 14) помещался под черепными костями на глубине 27 см с внутренней стороны скопления. Он был небольшого диаметра, около 5 см, поднимался почти вертикально в западном направлении, и тонкий конец его обнаружен на глубине всего 5 см. Второй бивень (№ 13) найден под бивнем № 11. Он

[4] Номера костей соответствуют номерам на рис. 1.

также был небольшого диаметра. Тонкий конец его, возможно, был вкопан и расчищен на глубине 65 см, т. е. на 20—22 см ниже всех горизонтально залегающих костей. Бивень занимал почти вертикальное положение с наклоном к центру, на глубине 26 см он имел древний надлом, толстый конец обнаружен на нулевой отметке. У толстого конца бивня с западной стороны были обнаружены остатки костей альвеолы. С юго-западной стороны этого бивня находился череп (№ 15) молодого мамонта относительно хорошей сохранности. Череп лежал на основании с небольшим наклоном на запад. Мозговая коробка разрушена, глубина сохранившейся части 13 см, но, вероятно, она была значительно выше. Верхнечелюстные кости имели глубину 24 см и сохранили два зуба. Обнаружены остатки альвеол: левой на глубине 40 см, правой на глубине 50 см. Бивней в альвеолах нет. С севера к черепу № 12 примыкала тазовая кость (№ 16). Этот крупный обломок тазовой кости лежал с небольшим наклоном плоскости с севера на юг на бивне (№ 14) и на черепе (№ 17). Тазовая кость имела длину около 70 см, находилась в направлении запад—восток с общим наклоном от центра к краю: западный конец (±0, —1), восточный (—17), северный (+3). Непосредственно под северной частью тазовой кости находился череп (№ 17) очень плохой сохранности, остатки обломанных альвеол обращены к востоку в сторону траншеи. С севера, под восточным концом тазовой кости (№ 16), находился нижний эпифиз бедренной кости (№ 18), верхний эпифиз не сохранился. Кость лежала на другой трубчатой кости с наклоном с севера на юг (—16, —30). От второй трубчатой кости (№ 19) сохранился небольшой обломок. Вся она была обломана траншеей, так как имела направление восток—запад. С северной стороны к трубчатым костям вплотную примыкал небольшой обломок бивня мамонта на глубине 16 см. Бивень лежал в направлении северо-восток — юго-запад и был целиком разрушен траншеей. Диаметр его около 10 см. Более тонкий бивень (№ 20) диаметром около 5—7 см примыкал с северной стороны к этому обломку, но он имел направление к западу от траншеи и сохранился на 55 см длины. Бивень лежал горизонтально, на глубине 25 см. Вся сохранившаяся восточная группа костей в этом скоплении состояла из трех черепов (№ 12, 15, 17), из которых два (№ 12, 17) находились на одном уровне; бивней, залегавших на разных уровнях; тазовой кости поверх черепов и обломков трубчатых костей. Траншея водопровода разрушила северо-восточную часть скопления. Однако в выбросе 1979 г. костей крупных было немного: обломки трубчатых, крошки от бивней, два расслоившихся мелких зуба, черепные кости, обломки плоских. Все кости принадлежали мамонту. В составе разрушенной части были, видимо, еще череп, один-два бивня, трубчатая, лопатка или тазовая кость. Другие обломки из выброса могли принадлежать описанным выше фрагментированным костям восточной группы. Размер разрушенной части менее 1 м.

Центральная группа костей состояла в основном из трубчатых и бивней. Кости, особенно бивни, сильно пострадали от перекопов и дороги. Бивни (в основном их обломки) залегали на всех уровнях от самого высокого, под шлаком дороги, до основания всего скопления. Трубчатые находились в вертикальном или наклонном положении. Они образовали группу из вертикально стоящих костей почти в центре описываемого скопления. Самое высокое положение занимала лучевая кость крупного мамонта (№ 23), верхняя часть срезана дорогой, имеет отметку +5, нижний эпифиз находится на глубине 55 см. В 15 см от нее к западу находилась, также в вертикальном положении, берцовая (№ 24) с отметками —15, —50, а на 20 см к юго-западу, рядом с берцовой в вертикальном положении находились две лучевые кости (№ 25, 26). Одна отмечена с глубины 7 до 34 см, верх другой не сохранился. С северной стороны лучевой кости (№ 23) находился раздавленный череп мамонтенка (№ 27) (очевидно, утробной особи), от которого сохранились отдельные черепные кости, затылочные бугры, зубы верхней челюсти, нижняя челюсть в обломках. К северу и северо-западу от группы вертикально стоящих трубчатых костей и черепа мамонтенка находились бивни.

Верхний ряд бивней представлял крошку в перемешанной земле. С глубины 17—19 см можно было определить форму и приблизительный размер бивней. Один из них (№ 28) имел длину около 50 см, лежал в направлении северо-восток — юго-запад. Второй крупный бивень (№ 29), срезанный ямой, лежал в направлении северо-восток — юго-запад, на глубине 22—28 см, имел длину около 80 см, диаметр около 15 см. Под ним в направлении восток—запад обнаружился бивень (№ 30) длиной 75 см, диаметром около 10 см. Бивень имел резкий наклон с глубины 19 см (восточный конец) до 56 см (западный конец). К центральной группе относятся плохо сохранившиеся обломки плоских, возможно, тазовых костей.

Вся сохранившаяся северная часть скопления (—4, —25) состоит в основном из плоских костей (тазовые, лопатки), залегающих почти горизонтально и очень плотно, без прослоек грунта. Обломок тазовой кости (№ 32) залегал почти горизонтально на глубине 15—24 см. В плоскости гребня этой кости сделано было (очевидно, пробито) отверстие, в которое вставлен бивень диаметром 5 см. Сохранилась часть бивня под плоскостью тазовой кости размером около 15 см. Бивень над плоскостью тазовой кости был разрушен траншеей. На одном уровне с тазовой костью № 32 рядом с ней с западной стороны находился крупный обломок тазовой кости (№ 33) на глубине 14—17 см. Под северной частью кости № 32 находился еще один обломок гребня таза (№ 34) на глубине 12—19 см. Под ним находилась часть крупной целой лопатки (№ 35). Лопатка залегала горизонтально, на глубине 10—20 см, на грунте. С восточной стороны лопатки в обрезе траншеи обнаружились черепные кости, остатки черепа, разрушенного траншеей. К западу и северо-западу от лопатки плотным слоем на глубине 11—20 см находились обломки тазовых костей очень плохой сохранности. К западу от группы костей № 32—34 располагались две целые и один обломок лопатки. Одна лопатка (№ 36), самая верхняя, залегала горизонтально (—3, —10), суставная впадина не сохранилась. Под ней находилась часть плоскости другой лопатки (№ 37), которая лежала с небольшим наклоном плоскости с запада (—4) на восток (—23). Под лопатками № 36, 37 обнаружен тонкий конец крупного бивня диаметром около 15 см. Толстый, западный конец этого бивня был срезан хозяйственной ямой. От третьей лопатки осталась только небольшая часть, так как вся плоскость была уничтожена той же ямой. Оставшаяся часть лопатки залегала в направлении восток—запад, с небольшим наклоном. Суставная впадина имела глубину 29, плоскость 15 см.

Каждая из четырех описанных групп костей имела, как указывалось, свои особенности, но все вместе они представляют собой остатки единого сооружения из крупных костей мамонта. Диаметр кольцевого ограждения этого сооружения был, вероятно, более 4 м. По имеющимся материалам, кольцевое внешнее ограждение состояло из плоских костей, преимущественно тазовых и черепов. Два бивня в восточной части, очевидно, заглублены. Во внутренней части скопления достаточно высокое положение занимали бивни различного диаметра и направления. Бивни располагались почти горизонтально, с очень небольшим наклоном от центра к краям. Также с внутренней части ограждения, вероятно ближе к центру, находилась группа несколько заглубленных по отношению к другим трубчатых костей. И наконец, во внутренней части ограждения обнаружено скопление плоских костей лопаток и обломков тазовых, лежащих в горизонтальном положении непосредственно на грунте.

Различный уровень костей внешнего ограждения и внутренней части, определенная их группировка и порядок расположения позволяют видеть в этом скоплении остатки достаточно крупной конструкции из костей мамонтов. О назначении ее судить по такому ограниченному материалу трудно, но отметить некоторые особенности необходимо. Во-первых, наземный характер расположения основной массы костей; во-вторых, наличие нескольких вкопанных трубчатых костей и бивней; в-третьих, пробитая тазовая кость с вставленным в отверстие бивнем. В исследованной

части конструкции очень мало мелких костей: обломков ребер, позвонков, стопных. Практически нет нижних челюстей. Обнаружена только половина нижней челюсти, которая, очевидно, входила во внешнее кольцевое ограждение. Перечисленные особенности описанного скопления характерны для сооружений, которые исследователи рассматривают как жилища из костей мамонта [1—6]. К ним относятся детали конструкции внешнего кольцевого ограждения, характер завала внутренней части, заглубленные, вкопанные трубчатые кости. Наиболее четко эти элементы представлены на Мезинской и Межирической стоянках. Однако ограниченный материал стоянки Елисеевичи II позволяет только констатировать отдельные признаки, присущие жилым конструкциям.

Кроме перечисленных выше признаков следует отметить особый характер культурного слоя под завалом костей. Плоские кости северной части скопления лежали непосредственно на ровной поверхности лёссовой супеси на глубине 25—30 см. Эта поверхность условно была названа полом, так как ниже 30 см ни одной крупной кости в этой части скопления не обнаружено. Вкопанных или уходящих вниз костей в северной части тоже нет. Кремень встречен между костями и под ними в значительном количестве. В северо-западной части под костями, на глубине 25—32 см, обнаружены зольные пятна диаметром до 10 см, отдельные угольки, вкрапления сурика. Как уже говорилось, наблюдался небольшой наклон скопления с севера на юг (к борту мерзлотной деформации). В южной части поверхность, на которой лежали кости, находилась на глубине 37—43 см от нулевой. Соответственно и следы краски, угольки, зольные пятна обнаружены здесь на этой глубине.

Поверхность под костями в северной части скопления оказалась пестрой по окраске и различной по структуре. Она представляет собой чередование пятен плотной палево-серой лёссовой супеси (материковая порода) с пятнами желтой рыхлой супеси (перекрывающий горизонт). Это более рыхлая супесь медальонами проникает в подстилающий горизонт на 20—25 см ниже пола. В некоторых медальонах рыхлой супеси обнаружены отдельные кремни и мелкие обломки костей.

В южной и восточной частях скопления под костями внешнего кольцевого ограждения поверхность была более однородная по цвету и структуре — это палево-серая лёссовая супесь. Разница в структуре поверхности пола северной и южной части скопления может быть рассмотрена с учетом условий ее консервации после того, как стоянка была оставлена людьми. Северная часть представляет собой площадь внутри кольцевого ограждения, близкую к центру, поверхность свободную в древности от костей. Южная — поверхность, непосредственно примыкающую к внешнему кольцевому ограждению, т. е. закрытую частично костями. В зависимости от этих условий характер процессов, происходящих на поверхности лёссовой супеси, будет различным. На свободном пространстве легче происходит механическое нарушение поверхности, легче проникает перекрывающий горизонт. На открытом пространстве активнее происходит сезонное подмерзание и оттаивание грунта, что приводит к образованию небольших трещин-медальонов, по которым культурные остатки вместе с заполняющей породой проникают на глубину 20—25 см ниже уровня открытой поверхности. Характер поверхности северной части подтверждает существование какое-то время свободного пространства внутри плотного кольцевого ограждения из костей мамонта. Перечисленные особенности конструкции из костей мамонта и поверхности под ними на стоянке Елисеевичи II могут свидетельствовать о жилом назначении этого сооружения.

Основная масса обработанного кремня была найдена между костями и под костями скопления. Наиболее насыщенными оказались участки восточной части. В центральной части кремня мало, а за пределами скопления количество кремня на 1 м² резко падает.

Коллекция кремневых предметов со стоянки Елисеевичи II составляет 1350 экз. Для обработки использовался черный меловой желвачный кремень с пачкающейся белой коркой. Значительным количеством представ-

лены краевые отщепы и пластины с остатками такой корки. Весь кремень из культурного слоя покрыт бело-голубой патиной. Исключение, как всегда, составляют кремни из мерзлотной деформации, которые не имеют патины и сохраняют темный цвет. Весь процесс обработки кремня проходил на стоянке: обнаружены материалы всех стадий обработки от расколотых желваков до законченных орудий (рис. 2).

Орудий и предметов со вторичной обработкой — 52 экз., 3,8% от всего расщепленного кремня. Собственно орудий — 34 экз. (2,51%). Орудия представлены скребками, резцами, пластинами с притупленным краем, имеются обломки орудий. Кремень концентрируется в основном в краевой части под костями.

Исходное сырье — желвак имеет цилиндрическую форму. Начальная стадия обработки заключается в расщеплении его вдоль. Дальнейшая работа проводилась с полуцилиндрами. Как правило, в центре цилиндра имеются значительные известковые включения. Для получения заготовки использовался весь периметр полуцилиндра. В результате скалывания пластин с узкой части получались нуклеусы торцового типа (рис. 2, *16*). Нуклеусы, за единственным исключением, одноплощадные, форма предопределена заготовкой, тип скалывания или торцевой, или фронтальный. На фронте скалывания иногда остаются участки желвачной корки. Размеры нуклеусов: высота 43—45 мм, при ширине площадки от 19 до 30 мм. Имеются нуклеусы вторичного использования в качестве отжимников.

Орудия представлены резцами (8 экз.) на пластинах, укороченных пластинах, сколах нуклеусов (рис. 2). При описании резцов мы следуем классификации, предложенной М. В. Воеводским для этой категории орудий [2].

М. В. Воеводский выделяет четыре типа резцов: боковые (ретушные), угловые, на углу сломанной пластинки, супоневского типа. Выделение типа основано на технике оформления конца пластины — плоскости, с которой делается резцовый скол, так как техника резцового скола у всех типов будет одинакова — скол под углом к плоскости удара. Этот угол варьирует от 90 до 30°. По технике оформления верхнего конца пластины выделяются боковые (ретушные), угловые и на углу сломанной пластины резцы. У боковых резцов (прямо или косоретушных) плоскость, с которой делается резцовый скол (конец пластины), оформлена ретушью, у угловых — сколом под углом к оси пластины и у резцов на углу сломанной пластины — сломом пластины перпендикулярно оси пластины. Для памятников Деснинского бассейна, где преобладающим орудием являются резцы, эта классификация представляется наиболее удобной как при описании индустрии отдельной стоянки, так и при сопоставлении ее с другими памятниками. Все варианты выделенных типов характеризуют в основном специфические черты кремневого инвентаря каждого памятника, но не меняют сути технологии изготовления этого орудия. Мы целиком присоединяемся к мнению М. В. Воеводского о нецелесообразности выделения среднего типа резца. Во-первых, как указывал М. В. Воеводский, четко срединных резцов, у которых режущая кромка расположена точно на оси пластины, в коллекциях очень мало, а во-вторых, нарушается сам принцип выделения типа. В трех типах в основу выделения положена техника оформления площадки резцового скола, а срединные резцы выделяются на основе положения режущей кромки. Срединные резцы могут быть и ретушными, если в результате многократных поправок режущей кромки она оказалась на продольной оси пластин.

Боковых ретушных 5 экз. (рис. 2, *12—15*), из них один двойной (рис. 2, *13*) и один на сколе нуклеуса. Угловых резцов два, из них один срединный; один резец на углу сломанной пластины. Скребков целых 8 экз. (рис. 2, *1—5*): на пластинах (3 экз.), на обломанной пластине (1 экз.), на отщепах (3 экз.) и сколе нуклеуса (1 экз.). Кроме того, есть один обломок скребка, тип заготовки которого определить трудно. Обломков пластин с притупленным краем 8 экз. (рис. 2, *6—9*)

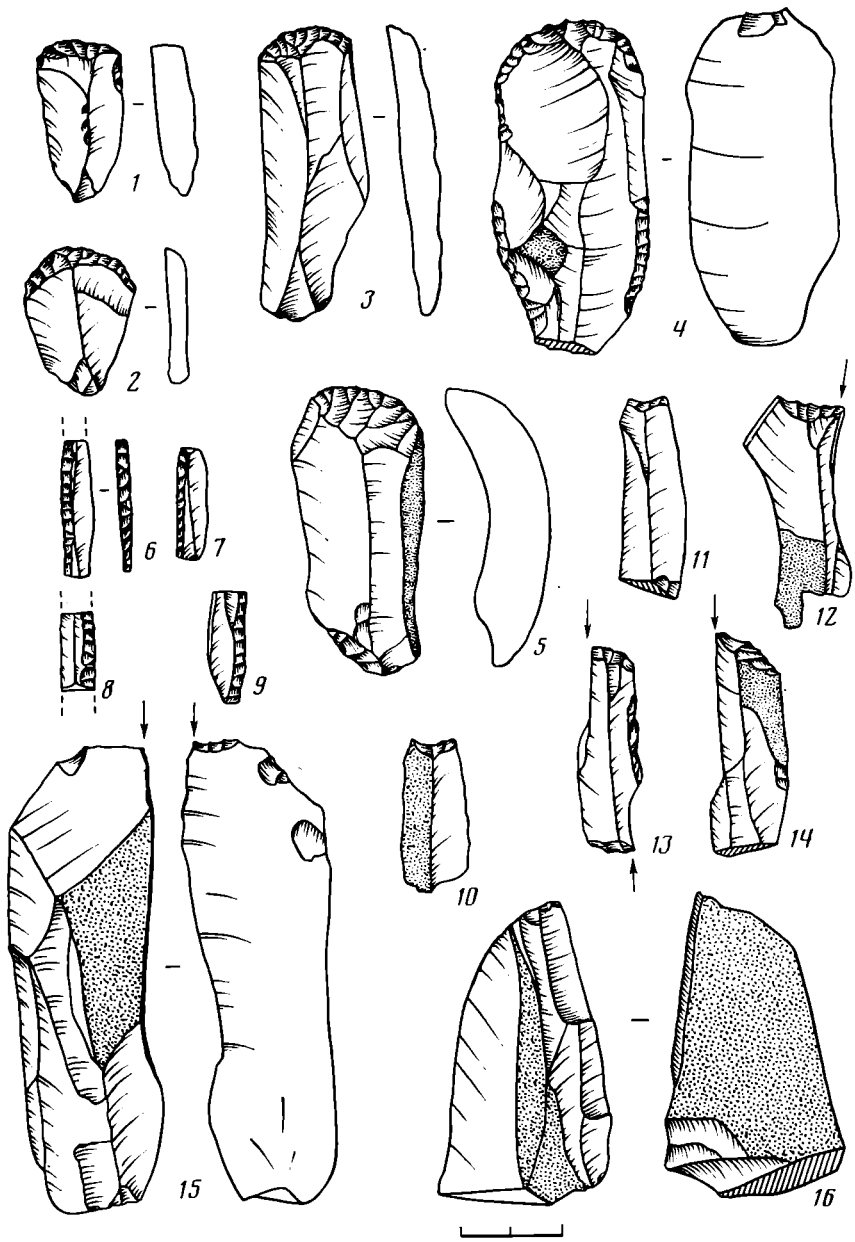


Рис. 2. Кремневый инвентарь стоянки. *1—5* — скребки; *6—9* — пластины с притупленным краем; *10, 11* — пластины с выемкой; *12—15* — резцы; *16* — нуклеусы

и одна микропластина с притупленным ретушью концом. Найдена одна пластина со скошенным ретушью концом и три пластины с усеченным концом, у которых ретушь формирует на конце небольшую выемку (рис. 2, *10*, *11*). К категории единичных форм нужно отнести два крупных осколка кремня, обработанных по периметру ретушью с нижней поверхности и три грубых осколка с резцовыми сколами. Сколы нанесены с ретушированной площадки прямой или вогнутой, но они не формируют правильной режущей кромки.

Особенности индустрии этого небольшого комплекса в категории резцов не прослеживается, так как она представлена широко распространенными невыразительными типами и небольшим количеством экземпляров. Категория скребков представлена также широко распространенными типами, но они более выразительны (рис. 2, *1—5*). Один из скребков (рис. 2, *4*) сделан на пластине, которая имеет по двум краям ретушированные участки. Рабочий край скребка дугообразный, в центре рабочего края, со стороны нижней поверхности, выщербина, возможно, от

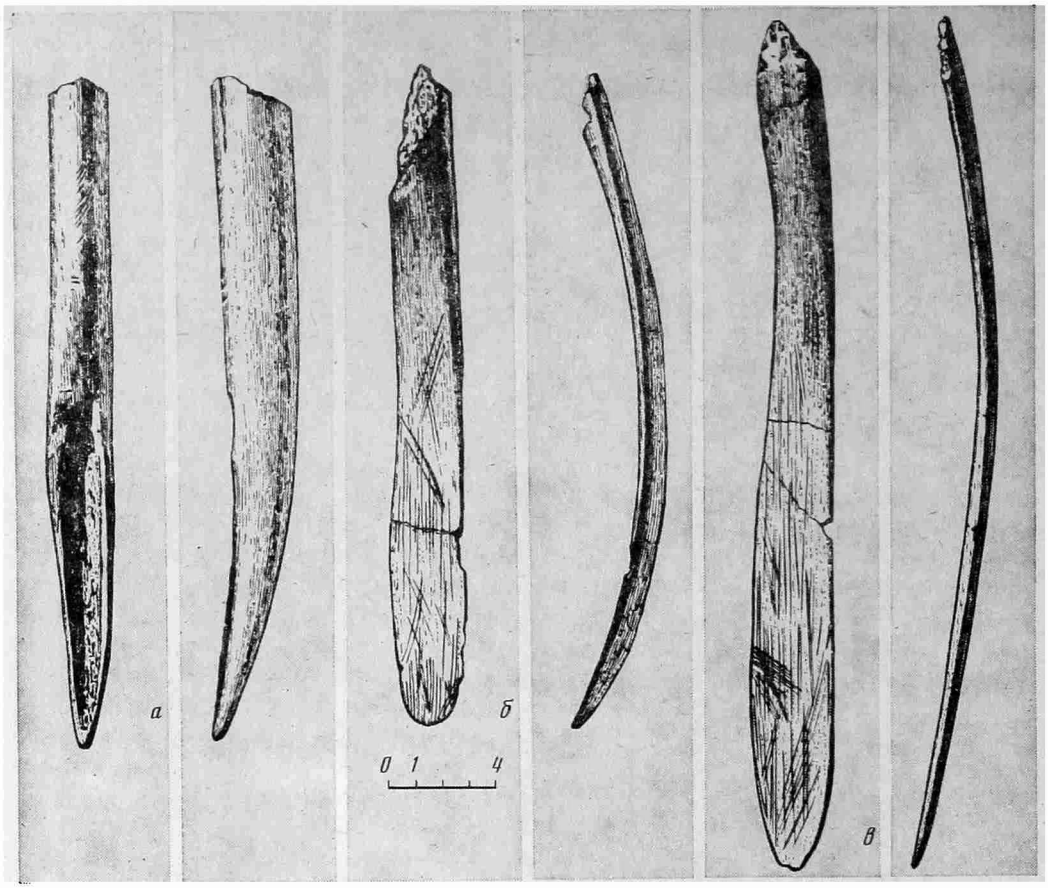


Рис. 3. Обработанная кость. *а* — копалка; *б* — лощило из ребра; *в* — кинжал из ребра

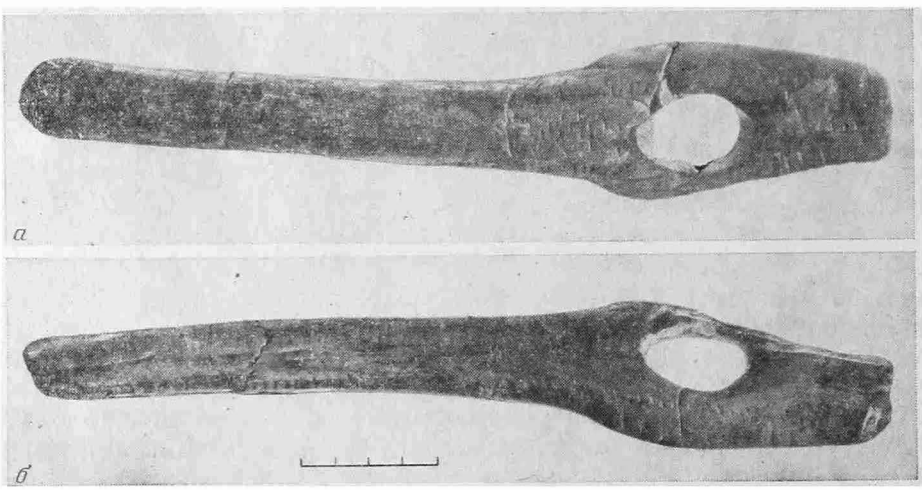


Рис. 4. Поделка с орнаментом (*а*, *б*)

работы. На спинке заготовки сохраняется участок желвачной корки. Размеры орудия: 67×30×8 мм. Другой скребок (рис. 2, *5*) сделан на широкой пластине, одна грань которой сохраняет корку. Ударный бугорок снят несколькими сколами. Рабочий край сформирован высокой ретушью с дополнительной мелкой подработкой, но слегка скошен на правый край пластины. Размеры (58×26×12 мм). Третий скребок сделан на конце более узкой пластины. Края пластины не обработаны. Рабочий край дугообразный, сформирован крутой невысокой ретушью. Размеры: 58×20×6 мм. Подобные скребки по типу заготовки и по технике оформления рабочего края найдены не во всех позднепалеолитических памят-

никах Деснинского бассейна, в частности их нет в материалах стоянки Елисеевичи I.

Особенностью пластин с притупленным краем (обломков) этого комплекса является то, что для притупления края во всех случаях использовалась высокая притупляющая ретушь. О размерах этой категории орудий говорить невозможно, так как она представлена в обломках.

Небольшое количество орудий и их типов в кремневой индустрии стоянки Елисеевичи II не позволяет проводить широкие и далекие аналогии. Ближайшим памятником является, естественно, стоянка Елисеевичи I (около 300 м к юго-востоку). Сопоставление кремневой индустрии этих двух пунктов показывает их сходство и различие. Полное сходство этих пунктов находок палеолитических остатков прослеживается в использованном сырье и технике первичного расщепления кремня, в категории резцов и серии предметов с ретушированной выемкой на конце пластины. Различия выступают в некоторых типах скребков. Использование широкой, достаточно правильной пластины и формирование рабочего края высокой ретушью у скребков со стоянки Елисеевичи II не характерно для этой категории орудий на стоянке Елисеевичи I. Техника притупления края высокой ретушью у пластин с притупленным краем в индустрии стоянки Елисеевичи II составляет менее 50% в аналогичной категории орудий со стоянки Елисеевичи I. Эти признаки, которые разделяют кремневые комплексы Елисеевичей II и I, сближают стоянку Елисеевичи II с кремневой индустрией Тимоновских памятников. Хронологически стоянка Елисеевичи II может быть немного моложе стоянки Елисеевичи I [5].

Если кремень и краска находились как между костями, так и под ними, то предметы из кости обнаружены только на поверхности пола под костями скопления.

В южной части скопления под костью № 1 на глубине 55 см обнаружена миниатюрная костяная лопаточка длиной 49 мм, выполненная техникой строгания. Под костью № 3 (лопаткой) на глубине 43 см находилась копалка из ребра мамонта, раздавленная на три части, общей длины 448 и шириной 40 мм в широкой части (рис. 3, *а*). На расстоянии 40 см к востоку от нее под костью № 5 на глубине 44 см найдена вторая такая же копалка, от которой сохранился только заостренный конец, остальная часть разрушена ямой. Обе копалки имеют на поверхности пятна ожелезнения. Под центральной группой костей обнаружены лощила (рис. 3, *б*): одно на глубине 39 см, сделано из ребра мамонта, имеет длину 263 мм; второе под бивнем № 30, на той же глубине, но меньших размеров — 175 мм длины. В северной части под лопаткой № 36 на глубине 30 см обнаружено шило из метоподии хищника (волка?) длиной 95 мм, самый кончик обломан. Под костью № 32 (таз) находилась игла с обломанным ушком длиной 54 мм. Два обломка кончиков игл были обнаружены в промывке слоя из северной части скопления. В северной части под плоскими костями находились еще два лощила. Одно, на глубине 28 см, сделано из тонкой части ребра длиной 223 мм, имело древние выщербины на конце. Другое, на глубине 30 см, имело меньший размер — 131 мм и было сделано из расщепленного ребра, сохранилось в трех частях. Под лопаткой № 35 на полу на глубине 22—25 см было обнаружено несколько костяных предметов. С восточной стороны плоскости лопатки обнаружено шило из целой метоподии волка длиной 110 мм хорошей сохранности. С западной стороны под плоскостью лопатки находился кинжал из ребра длиной 330 мм, с правильным овальным концом (рис. 3, *в*). Под южным краем лопатки найдена поделка из бивня мамонта в виде стержня длиной 255 мм, расширяющаяся в одной трети длины, с отверстием в расширенной части. Эту поделку можно отнести к предметам, получившим название «жезл начальника». Вся поделка орнаментирована по краям и плоскостям продольными и поперечными линиями. Есть на предмете и крестообразные нарезки (рис. 4).

Все предметы из кости находились в горизонтальном положении, в од-

[5] Материалы для получения абсолютных дат находятся в работе.

ной плоскости, на поверхности, на которой возводилась конструкция из крупных костей, и были погребены при ее разрушении. Все костяные поделки найдены внутри кольцевого ограждения, т. е. внутри конструкции.

Описанный выше небольшой материал — это все, что осталось от интереснейшего памятника. К сожалению, он целиком разрушен современными перекопами. Оставлена площадь около 6 м² перед воротами дома № 12, где можно заложить контрольный геологический шурф.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонова И. Б.* Некоторые аспекты исследования кремневого материала на стоянках верхнего палеолита.— Вопр. антропологии, 1976, вып. 54.
2. *Воеводский М. В.* Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II).— Уч. зап. МГУ, 1952, вып. 158.
3. *Пидопличко И. Г.* Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наук. думка, 1969.
4. *Поликарпович К. М.* Палеолит верхнего Поднепровья. Минск, 1968.
5. *Рогачев А. Н.* Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине.— КСИА, 1962, вып. 92.
6. *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев: Наук. думка, 1965.

L. V. Grekhova

LATE PALAEOLITHIC ELISEYEVICHI II SITE

Summary

The site is found on the right bank of the Sudost River, in the centre of the village Eliseyevichi, Bryansk District, Bryansk Region, 300 metres up the river from the well-known Eliseyevichi camp. The cultural remains were discovered either immediately under the roadway covering or at an insignificant depth. The cultural layer is considerably damaged by contemporary soil disturbances and its undamaged fragment cover the space of about 20 sq. m. Flints, splint bones, paint and coals are sparsely distributed in a layer of inhomogeneous loess loamy sand up to 20 cm thick.

The diggings revealed an assemblage of mammoth bones. It proved to be a 4-metre long fragment of a ring fence around some big construction. Its greater part was destroyed by contemporary soil disturbances. Among the bones there were: ossa coxa, shield bones, skulls, tubular bones and tusks.

The greater part of processed flint was found between the bones and under them. The collection comprises 1 350 objects, of which there are only 34 implements belonging to the categories of scrapers, burins, blades with blunted edges (Fig. 2).

Under the bone assemblage, on the plane surface of the floor, the archaeologists found horizontally placed bone objects mainly made of mammoth ribs. They were digging sticks, burnishing implements, awls, a needle with a broken eye, a dagger, an ornamented stick with a hole in its wider part (a «chief's rod») made of a tusk. According to the entire set of features the site can be dated to the later half of the Late Palaeolithic of the Russian Plane.

УТКИН А. В.

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ СТОЯНОК БЕРЕНДЕЕВО V И IX

Берендеево болото в палеогеографической и археологической литературе хорошо известно по многочисленным публикациям, статьям и ссылкам [1—10]. Правда, планомерных раскопок на торфянике до лета 1979 г. не производилось [8—10], хотя первые находки известны еще с 1954 г. [1]

В середине 60-х годов в западном секторе болота при фрезерной добыче торфа одновременно было вскрыто и уничтожено несколько памятников эпохи мезолита и неолита. Некоторые из них (Берендеево I, II, IIa, III, IV) частично удалось изучить, остальные же в настоящее время полностью разрушены. От них осталась только небольшая коллекция, собранная на торфополях местным энтузиастом А. М. Бакаевым [2].

Судя по этим находкам, на палеоозере было около 10 древних поселений, кроме того, в 7 пунктах найдены единичные орудия труда и фрагменты неолитической керамики (рис. 1) [3].

Уникальность и ценность этих сборов представляют костяные предметы, прекрасно сохранившиеся в торфяной залежи болота и свидетельствующие о высоком костерезном мастерстве древних «поселян». Большинство вещей найдено на территории первой стоянки, инвентарь которой уже частично освещен в литературе, в данной заметке анализируются материалы двух других не менее интересных памятников.

Поселение Берендеево V, как и большинство берендеевских стоянок, относится к типу болотных. Расположено оно в периферийной северо-западной зоне торфяника, интенсивное заболачивание которой началось во время первого этапа сокращения праозера, т. е. где-то около 6000 лет назад [4, с. 133].

В разрушенном культурном слое собрано 52 различных костяных предмета. Большинство из них изготовлено из костей лося, реже использовались кости медведя и других животных. Самую большую группу находок составляют наконечники стрел и обломки (19 экз.). Шесть наконечников сделаны в форме простого длинного стержня, круглого или эллипсовидного в сечении. Боевая часть имеет слабовыраженное утолщение и заканчивается заостренным конусом. Основания же оформлены двояко: из трех полностью сохранившихся наконечников два имеют косой односторонний срез (рис. 2, *1—2*), а насад третьего подточен с двух сторон (рис. 2, *3*). Эти наконечники близки игловидным (стелевидным) и являются одним из древних типов, который был широко распространен в неолите.

Три обломка наконечников имеют форму, близкую биконическим, но отличаются от последних удлиненными пропорциями и сильно уплощенными головками. На одной из них в самой расширенной части сделана кольцевая нарезка (рис. 2, *6*).

По одному экземпляру в коллекции представлены наконечники стрел — один с копьевидным концом и многогранным насадом (рис. 2,

---

[1] В Переславль-Залесском историко-художественном музее хранится костяной биконический наконечник стрелы (инв. № 5296), поступивший осенью 1954 г. от рабочего Берендеевского торфопредприятия Н. А. Сычева.

[2] Автор выражает признательность А. М. Бакаеву за предоставленное право работать над коллекцией и частично ее опубликовать.

[3] Часть из них, по всей вероятности, результат механического перемещения во время добычи торфа, строительства узкоколейных железных дорог и лесопосадок.

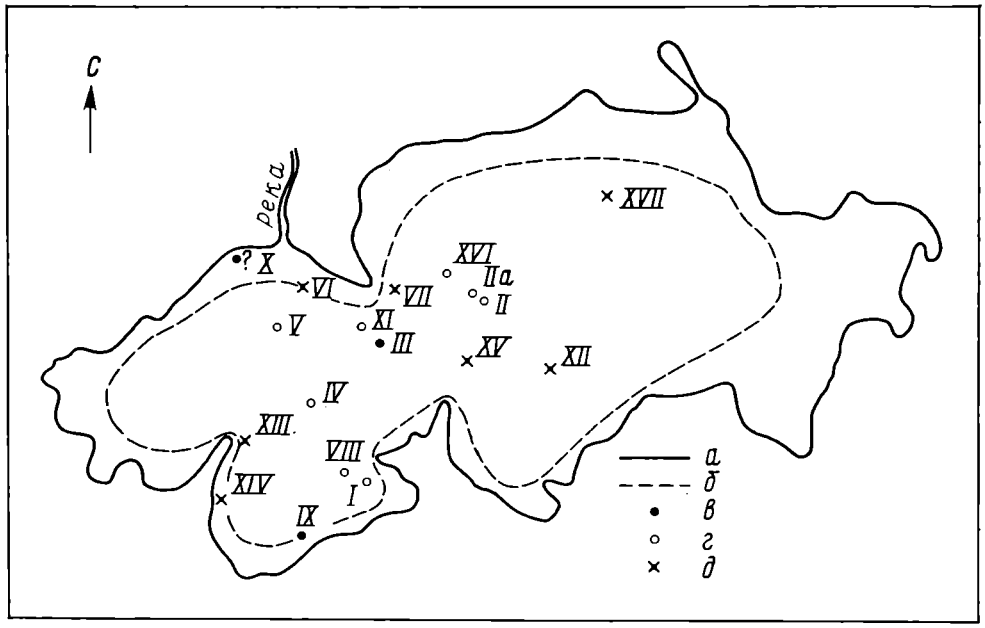


Рис. 1. Археологическая карта Берендеева болота. *а* — граница болота; *б* — граница палеоозера (по М. И. Нейштадту и Н. А. Хотинскому); *в* — мезолитические стоянки; *г* — неолитические стоянки; *д* — места случайных находок

4), другой с коническим острием и утолщенным основанием (рис. 2, *5*).

Последнюю, самую многочисленную и интересную серию составляют фигурные наконечники; три из них сохранились полностью (рис. 2, *9*, *12*, *13*), а пять — в обломках (рис. 2, *7*, *8*, *10*, *11*). Они тщательно изготовлены, слегка уплощены и имеют по три утолщения, которые непропорциональны и неравномерно смещены относительно друг друга, что придает наконечникам особую выразительность и форму фигур-силуэтов. Подобные наконечники стрел на других берендеевских стоянках отсутствуют, но абсолютно аналогичные найдены на соседнем ивановском торфянике в прекрасно стратифицированных ранненеолитических слоях III и VII поселений и относятся к верхневолжской культуре [11, с. 59, рис. 11, *9*, *12*].

Следующая группа костяных орудий состоит из наконечников гарпунов, обломков (9 экз.) и одной заготовки. Единственным экземпляром представлен однозубый гарпун, имеющий форму простого, круглого в сечении стержня с остро заточенными концами. В древности он был частично поврежден, а затем подправлен, о чем свидетельствует тщательно срезанная на несколько миллиметров поверхность острия. В результате этой «операции» единственный зубец уменьшился до минимальных размеров (рис. 3, *10*). Все остальные наконечники гарпунов относятся к типу мелкозубчатых, с различными вариациями в размерах и формах зубцов.

Один гарпун изготовлен на массивном трехгранном стержне (рис. 3, *1*). По одной грани у него вырезаны через минимальные интервалы мелкие косые зубцы. Острие и основание обломаны, но форма их хорошо угадывается — это клинки правильной огранки. Ему близок другой наконечник, отличающийся только малыми размерами и оформлением концов в виде остро заточенных коротких конусов (рис. 3, *7*). Особо нужно отметить крупный обломок. По форме он примыкает к этим гарпунам, но у него на одной плоскости узким резцом нанесен примитивный орнамент в виде частых коротких насечек, параллельных строю зубцов, и вырезан новый насад взамен ранее отломившегося (рис. 3, *2*). Аналогичные гарпуны найдены в верхневолжском слое стоянки Ивановское VII [11, с. 60, рис. 12, *8*].

Следующие три гарпуна (рис. 3, *3*, *4*, *9*) в сечении подтреугольные

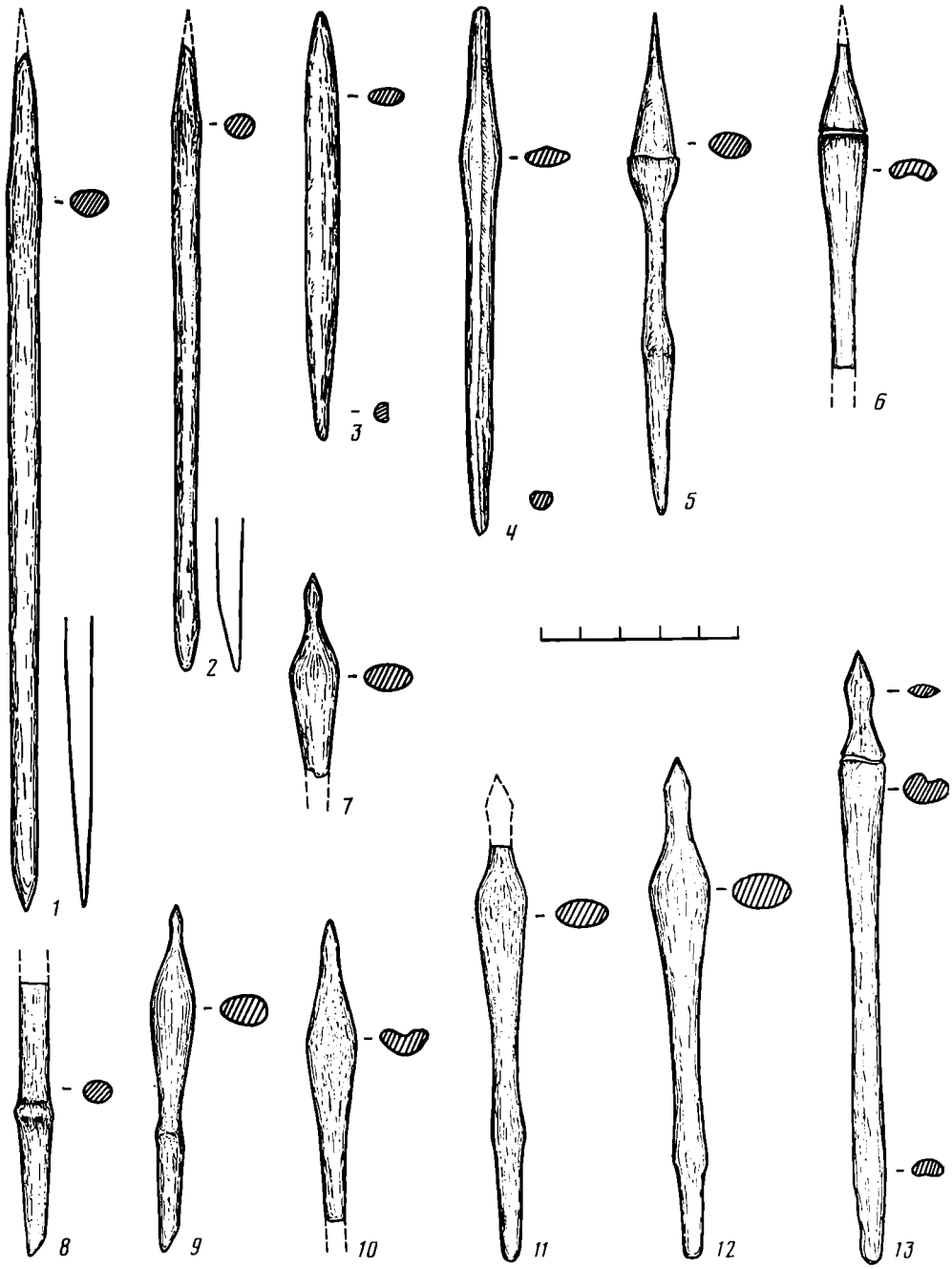


Рис. 2. Берендеево V. Костяные наконечники стрел и обломки

и линзовидные. Зубцы средних размеров, вырезаны очень искусно и на каждом имеется по одному надрезу. Такими же надрезами покрыты и грани насадов. У одного гарпуна на черном фоне основания хорошо «отпечатались» семь светлых полос — следы древней обмотки, крепившей наконечник к древку (рис. 3, *4*). В точности такие же гарпуны встречены в ранненеолитических горизонтах Ивановского III [11, с. 60, рис. 12, *10*], соседнего Берендеева IIа (рис. 3, *8*) [4] и второго Сахтышского поселения [12, с. 34, рис. 12, *11*].

Несколько особый вариант мелкозубчатых гарпунов представляют два других наконечника (рис. 3, *5*, *6*). Они изготовлены из больших костей лося с частичным сохранением естественной структуры. Количество зубцов не превышает десятка, интервал между ними увеличен, их размеры чуть больше средних и каждый зубец помечен одним—тремя над-

[4] Коллекция А. М. Бакаева.

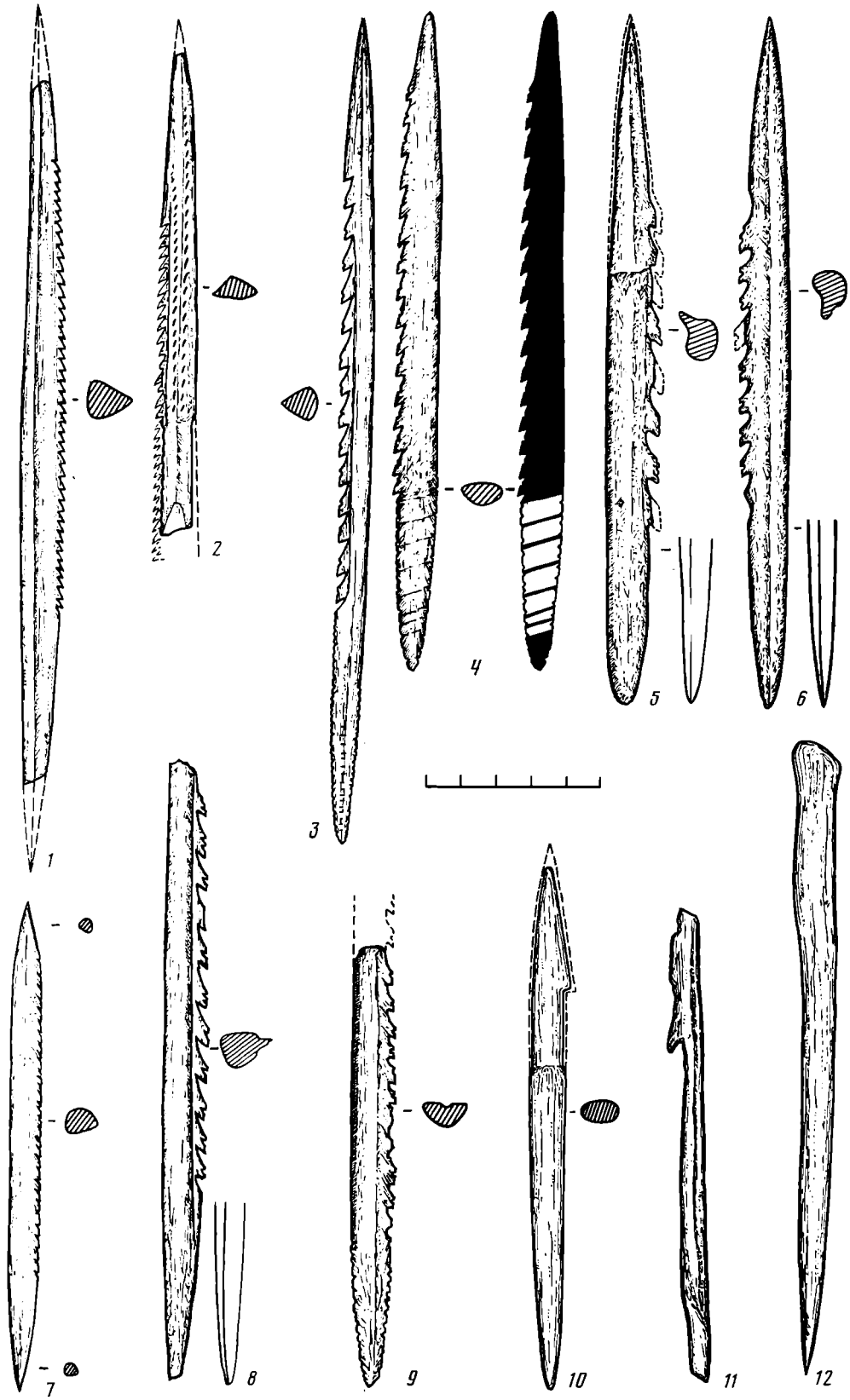


Рис. 3. Берендеево V (*1—7, 9—12*) и Берендеево IIа (*8*). Костяные наконечники гарпунов и обломки (*1—10*); заготовка (*11*) и кочедык (*12*)

резами. Острие одного орудия имеет следы вторичной подправки, в результате которой три зубца полностью срезаны. Эти наконечники не имеют широких аналогий и являются, по-видимому, узколокальным, даже, может быть, местным вариантом.

Замыкает коллекцию наконечников гарпунов заготовка (рис. 3, *11*). Она не завершена и явно брошена из-за неудачно выбранной древним мастером кости.

Последнюю группу находок составляют костяные орудия, которые обычно исследователями объединяются в тип с растяжимым понятием «заострения под углом 45°» (12 экз.). Все они в той или иной степени фрагментированы. Единственно целым следует признать только «заострение» крупных размеров, сделанное из трубчатой кости лося (рис. 4, *1*). По всей его наклонной плоскости невооруженным глазом видны мелкие густые штрихи, идущие от острия вертикально вверх. Они способны образовываться только при соприкосновении с мягкими кристаллическими породами типа льда, т. е. «заострение» выполняло функцию наконечника (навершия) пешни. Это подтверждает и сохранившийся в естественном ложе кости кусок сосновой палки — обломок древка. Близкие по форме и аналогичные по функции три других «заострения» (рис. 4, *2—4*).

Следующие два «заострения» нужно отнести к типу узколезвийных долот. Одно из них сделано из естественной плоской кости (рис. 4, *8*), а другое — на преднамеренно подтесанной (рис. 4, *7*). Рабочие концы заполированы до блеска, а верхушки, по всей вероятности, сбиты в результате ударов деревянной колотушки-киянки. К этому же типу относится и один маленький осколок рабочего края (рис. 4, *6*).

Особняком в группе «заострений» стоит обломок орудия, связанного с процессом обработки кож или сдирания лыка (рис. 4, *5*). По двум большим плоскостям у него нанесен нехитрый орнамент в виде трех полных и трех неполных строчек, состоящих из коротких косых насечек. Этот орнамент абсолютно идентичен орнаменту на обломке наконечника гарпуна (рис. 3, *2*) и перекликается с рядами тычковых наколов на верхневолжской посуде. Другие обломки «заострений» (4 экз.) из-за сильной фрагментированности и слабой выразительности функционально разделить не представляется возможным.

Из орудий плетения найден всего лишь один кочедык удлиненных пропорций.

Прочие находки со стоянки Берендеево V состоят из девяти обломков неясных костяных орудий, большого числа кухонных отбросов, нескольких кремневых осколков, нуклевидных кусков и одного небольшого обломка стенки сосуда. Он орнаментирован мелкозубчатыми вертикальными линиями, тыльная сторона покрыта частыми «расчесами», а в тесте отмечено очень много крупнозернистой дресвы. Подобная керамика широко распространена в ранненеолитических верхневолжских слоях Волго-Очья и особенно схожа с керамикой поселения Берендеево IIа [10].

Необходимо упомянуть о находках более десятка поплавков от древних рыболовных сетей. Правда, к настоящему времени часть их полностью разрушилась, оставшиеся же все вырезаны из толстой сосновой коры в форме, близкой к треугольной, и на каждом имеется отверстие (на одном даже три).

Касаясь датировки и культурной принадлежности, стоянку Берендеево V, несмотря на малочисленность и недокументированность материалов, следует уверенно отнести к кругу памятников ранненеолитической верхневолжской культуры. Об этом, во-первых, свидетельствует само возникновение поселения в период начальной фазы усыхания древнего озера, для которого палеогеографы отводят рубеж V—IV тысячелетий до н. э. [4, с. 133].

Вторым аргументом являются находки обломка верхневолжской керамики, костяных наконечников стрел и гарпунов простых форм — своеобразных индикаторов древности и отсутствие развитых типов биконических наконечников стрел и плоских гарпунов с редкими клювовидными зубцами.

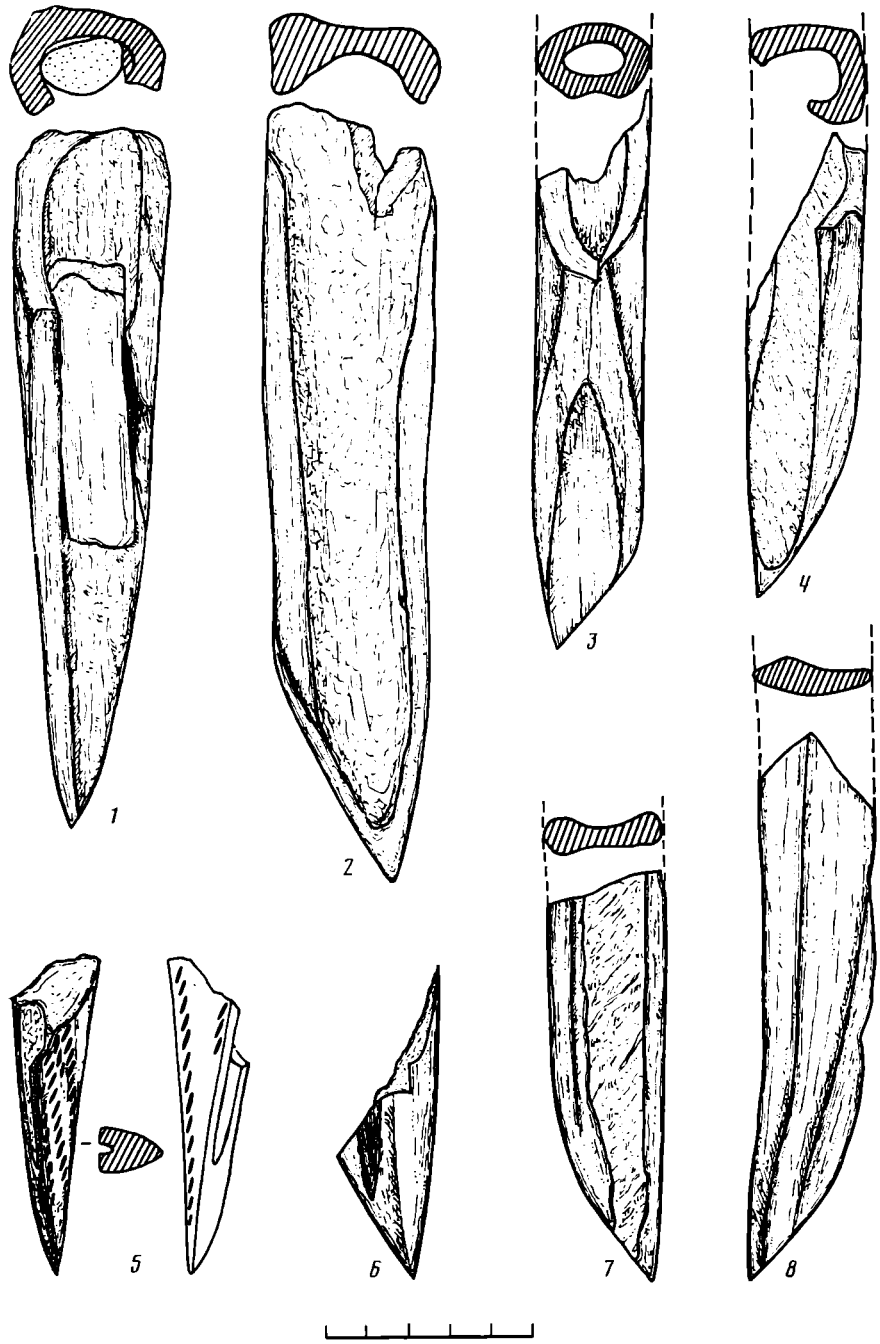


Рис. 4. Берендеево V. Костяные «заострения под углом 45°». Пешни (*1—4*); орнаментированное «заострение» (*5*) и узколезвийные долота (*6—8*)

И, наконец, в-третьих, среди костяных поделок стоянки Берендеево V количественно доминируют серии фигурных наконечников стрел, искусно сделанных мелкозубчатых гарпунов и «заострений» типа навершия пешни, которые аналогичны орудиям из надежно стратифицированных и точно датированных ранненеолитических слоев стоянок Ивановское III, VII [11, с. 46; 13, с. 59] и Берендеево IIа [10], и эти формы костяных орудий, по-видимому, следует наряду с керамикой и микролитами признать руководящими для верхневолжской культуры.

Поселение Берендеево IX расположено в юго-западной зоне торфяника, примерно в 250 м от края болотной котловины, на линии распространения сапропелей, которую принято считать границей палеоозера [4, с. 131, рис. 1], т. е. стоянка в отличие от прочих находилась не на болоте, а на заторфованном ныне берегу древнего водоема (рис. 1).

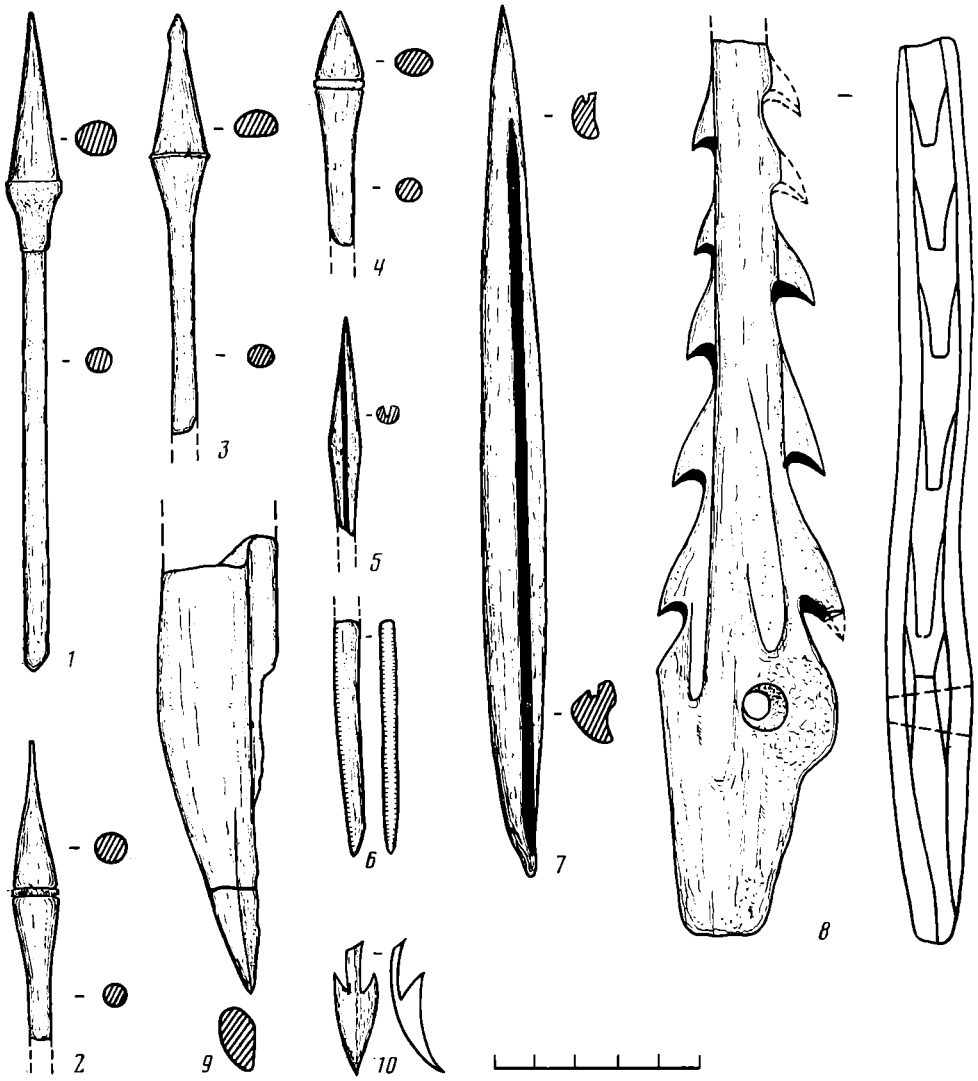


Рис. 5. Берендеево IX. Костяные наконечники стрел и обломки (*1—6*); наконечник копья (*7*); обломок гарпуна (*8*); киркообразное «заострение» (*9*); рыболовный крючок (*10*)

Костяной инвентарь малочислен, всего 12 экз., но он очень резко отличается от костяных орудий остальных стоянок берендеевского микрорайона. Из пяти наконечников стрел четыре имеют правильную биконическую с ободком-«ограничителем» головку, переходящую в длинный, круглый в сечении насад (рис. 5, *1—4*). Они идентичны веретенообразным наконечникам из мезолитического слоя стоянки Ивановское III[5] и Нижнего Веретье [14, 15]. От пятого наконечника сохранилось только слабоутолщенное острие, на котором асимметрично вертикальной оси прорезан паз для оснащения орудия вкладышами (рис. 5, *5*). К охотничьему снаряжению следует также отнести маленький костяной обломок с мелкими нарезками по двум граням, который, судя по форме, служил насадом небольшого наконечника стрелы или гарпуна (рис. 5, *6*).

Особого внимания в коллекции заслуживают два орудия: большой наконечник копья, имеющий на одной из трех плоскостей длинный глубокий паз (рис. 5, *7*), и обломок уникального массивного гарпуна с просверленным отверстием на основании и крупными клювовидными зубцами, тщательно вырезанными с двух сторон (рис. 5, *8*). Подобных гарпу-

[5] Материалы раскопок стоянки Ивановское III в 1972—1974 и 1981 гг. Автор выражает признательность Д. А. Крайнову за разрешение работать с неопубликованными материалами.

нов на других стоянках лесной зоны Северо-Восточной Европы не найдено [6].

Остальные четыре костяных предмета представлены двумя мелкими осколками со следами обработки, обломком киркообразного «заострения» (рис. 5, *9*) и миниатюрным рыболовным крючком с двусторонними жалами (рис. 5, *10*). Последний сделан из тонкой жаберной крышки крупной рыбы.

На вопрос, к какому времени относится стоянка Берендеево IX, из-за скудности материала ответить трудно. Однако учитывая несколько иную топографию месторасположения памятника по сравнению с другими поселениями болота и находки наконечников стрел, аналогичных наконечникам из нижнего слоя стоянки Ивановское III, поселение Берендеево IX следует, по-видимому, датировать временем позднего мезолита.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин А. Л., Хотинский Н. А.* Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области.— В кн.: Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики. М.: Наука, 1966.
2. *Хотинский Н. А.* Неолитическая стоянка на Берендеевском болоте.— Торф. пром-сть, 1967, № 1.
3. *Кац Н. Я., Кац С. В.* Естественная и антропохорная растительность местообитания неолитического человека на болоте Берендеево.— В кн.: Голоцен. М.: Наука, 1969.
4. *Нейштадт М. И., Завельский Ф. С., Микляев А. М., Хотинский Н. А.* Комплекс стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области.— В кн.: Голоцен. М.: Наука, 1969.
5. *Мамонова Н. Н.* Новая палеоантропологическая находка на болоте Берендеево.— В кн.: Голоцен. М.: Наука, 1969.
6. *Никитин А. Л.* Неолитическое поселение Берендеево I.— СА, 1976, № 3.
7. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.
8. *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО — 1979. М., 1980.
9. *Кольцов Л. В.* Раскопки памятников мезолита в Калининской и Ярославской областях.— АО — 1979. М., 1980.
10. *Жилин М. Г., Крайнов Д. А.* Стоянка Берендеево IIа.— КСИА, 1981, вып. 169.
11. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура.— СА, 1977, № 3.
12. *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.— КСИА, 1965, вып. 100.
13. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА, 1978, вып. 153.
14. *Фосс М. Е.* Стоянка Веретье.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XII.
15. *Фосс М. Е.* Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье.— МИА, 1945, № 2.
16. *Loze J. A.* Akmens laikmets Lubāna klānos. Riga: Zinātne, 1979.

A. V. Utkin

BONE ARTIFACTS FROM THE BERENDEYEVO V AND IX SITES

Summary

The author analyses the bone industry from the destroyed Berendeyevo V and IX sites. Implements from Berendeyevo V (irregularly shaped arrowheads, fine-toothed harpoons and crow-bar type sharp tools) are similar to those from the Early Neolithic layer of the Ivanovskoe III site and are affiliated to the Upper Volga culture. Berendeyevo IX site should be dated probably to the Late Mesolithic since the sole temporal indicator are spindle-shaped arrowheads which are typologically close to arrowheads from the Mesolithic layer of the third site on the Ivanovskoe bog.

---

[6] В 1972 г. на Подозерском торфянике (Комсомольский р-н Ивановской обл.) на двухметровой глубине был найден большой двусторонний гарпун, но он отличается от берендеевского узким стержнем и маленькими, расставленными на большие расстояния друг от друга зубцами. Известно также несколько небольших двусторонних наконечников гарпунов с торфяников оз. Лубанас, которые И. А. Лозе датирует мезолитом и относит к культуре Кунда, но они еще пока недостаточно изучены и освещены в литературе [16, с. 20].

ПОГОРЕЛОВ В. И.

ШИРЯЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Могильник, включающий 13 насыпей, расположен в северо-восточной части с. Ширяево (Калачеевский р-н Воронежской обл.) на небольшом и ровном участке первой надпойменной террасы левого берега р. Толучеевки (левый приток р. Дон). В 1979—1980 гг. экспедицией Воронежского пединститута (руководитель А. Т. Синюк) исследованы три кургана [1, с. 21—25; 2, с. 77; 3, с. 2—11]. Раскопки велись методом прямых траншей послойно на снос с помощью бульдозера. Нулевые точки, от которых осуществлялись замеры, выбирались в центрах насыпей.

Курган 1 возвышался над уровнем современной поверхности на 1,0 м, диаметр его — 30 м (рис. 1, *1*). Под пахотным слоем толщиной 0,25—0,30 м залегала насыпка из чернозема, достигавшая в центральной части мощности 0,8 м. Погребенная почва мощностью 0,2—0,3 м хорошо фиксировалась по более темному и ровному оттенку, подстилалась материковым песчанистым суглинком. Раскопками выявлены остатки трех погребений. Стратиграфические наблюдения позволяют говорить о трех этапах сооружения насыпи, а также указывают на след грабительской траншеи. Последняя проходит через центр кургана с северо-северо-запада на юг-юго-восток. Длина ее — 6,25 м, ширина — 1,4 м, врезана в материк на 0,25 м. По-видимому, она уничтожила основное погребение: при зачистке пола траншеи были отмечены вкрапления охры и найдены фрагменты зубов ребенка не старше 6—8 лет. Первичная насыпь (центр кургана) хорошо фиксируется прослойкой темного гумуса в восточной половине центрального профиля кургана. Позднее была совершена подсыпка, на которую в свою очередь лег материковый выкид погр. 3.

Погребение 1 (впускное) обнаружено в 2,5 м к юго-западу от центра на глубине 0,6 м от нулевой точки. Сохранилось в виде костей ног и позвоночника взрослого человека, определяющих положение умершего скорченно на левом боку с ориентировкой на север — северо-запад. Относится к срубной культуре.

Погребение 2 (впускное) выявлено в западной половине, в 4,5 м от центра, на глубине 0,75 м. Остатки взрослого костяка залегали скорченно на левом боку, руки положены у головы, ориентировка северная. Относится к срубной культуре.

Погребение 3 (впускное) смещено от центра к востоку — юго-востоку на 7,5 м, окружено кольцом материкового выкида, залегавшем на вторичной насыпке кургана. Могильная яма прямоугольной формы со слегка округленными углами, размерами 3,7×2,7 м, ориентирована длинной осью по линии юго-юго-запад — северо-северо-восток (рис. 1, *2*). Углублена в материк на 1,3 м, стены отвесные, пол ровный. В нижней части заполнения вдоль стен ямы находились дубовые плахи от погребальной конструкции. По углам, в середине каждой из сторон ямы и в ее центре, выявлено девять круглых ямок с остатками деревянных столбиков. Диаметры их — 0,20—0,25 м, глубины от уровня пола — 0,25—0,35 м. Все это позволяет дать примерную реконструкцию погребального сооружения (рис. 1, *5*). Оно представляло собой камеру-домовину с вертикальными деревянными стойками у стен и по центру. Стойки поддерживали деревянную раму, которая перекрывалась настилом (скорее всего, камышовым или веточным, так как в заполнении ямы найдено дерево только от крепежной рамы). Эта конструкция могла выходить на уровень по-

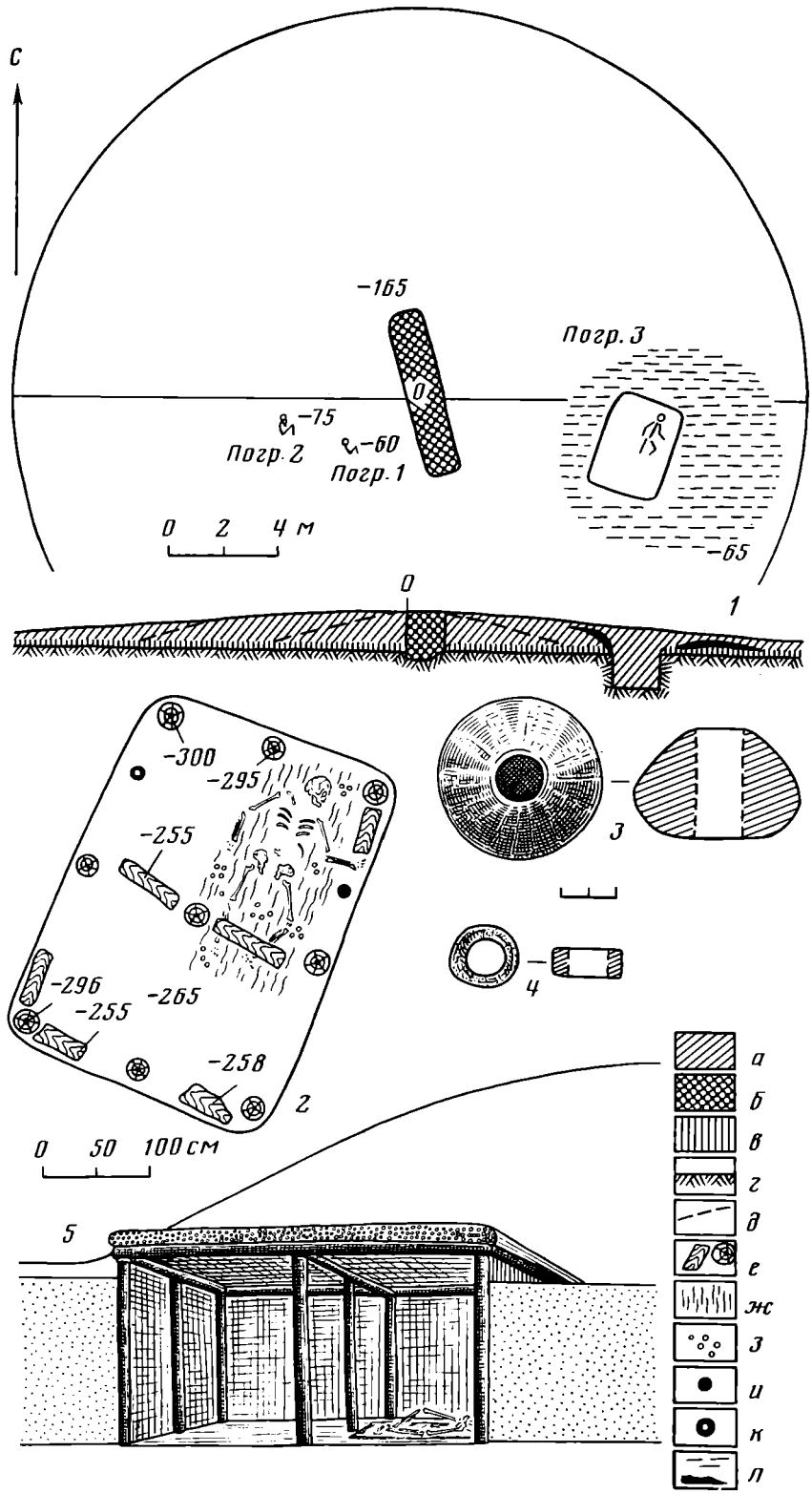


Рис. 1. Ширяевский могильник. Кург. 1. *1* — план и профиль кургана; *2—5* — погр. 3 (*2* — план, *3* — порфиритовая булава, *4* — костяное кольцо, *5* — реконструкция погребального сооружения). *а* — чернозем, *б* — грабительская траншея, *в* — погребенная почва, *г* — материк, *д* — границы первичных насыпей, *е* — дерево, *ж* — моховая подстилка, *з* — мел, *и* — булава, *к* — костяное кольцо; *л* — могильные выбросы

верхности насыпи (очень легка форма перекрытия, расположение самого погребения сбоку кургана). Конструкция предполагала, видимо, возможность доступа к погребенному и в дальнейшем для совершения определенных обрядовых действий. Необычность, а в некоторой степени и исключительное значение, придававшееся этому погребению, подтверждается и рядом других признаков. В северной половине камеры, ближе к юго-восточной стене, на толстой моховой подстилке располагался костяк мужчины высокого (не менее 2 м) роста, на спине, со слегка согнутой левой ногой, немного отведенной правой рукой. Левая рука согнута в локте и направлена в сторону от туловища. Поза погребенного напоминает так называемую «позу нападающего». Ориентировка — север—северо-восток. В области таза и ног отмечена слабая посыпка меловой крошкой. Справа от костяка на уровне груди найдено небольшое кольцо из трубчатой кости животного (рис. 1, *4*), а близ кисти левой руки — изящная полированная булава грушевидной формы из порфирита (рис. 1, *3*). Высота ее — 4 см, наибольший диаметр — 6 см (индекс $L/B=0{,}67$), диаметр цилиндрического отверстия — 1,8 см. Такого рода атрибуция свидетельствует об особом социальном положении умершего. На Среднем Дону она встречена впервые. Каменные булавы грушевидной формы, но с большим индексом растянутости, известны в материалах II этапа северокавказской культуры (Прикубанье, р. Ташла у Ставрополя, Пятигорск, Бажиган, сел. Москеты и др. [4, с. 36, рис. 7, *4*; с. 38, рис. 9, *23*, *24*; с. 49, рис. 15, 19, 20]), датируемых В. И. Марковиным 1700—1500 гг. до н. э. [4, с. 69]. Наиболее близкой по форме является булава из Ивановского могильника в Заволжье [5, с. 17, рис. 3, *32*; 6, с. 37, рис. 6, *25*], который И. Б. Васильев считает возможным относить к хвалынской энеолитической культуре [6, с. 35]. По обрядовым признакам (положение умершего скорченно на спине с ориентировкой на север — северо-восток, органическая подстилка, подсыпка мела) захоронение сопоставляется с первой обрядовой группой четвертого культурно-хронологического этапа (древнеямная «городцовская» культура) энеолита лесостепного Дона, по А. Т. Синюку [7, с. 65—66], датируемого третьей четвертью III тысячелетия до н. э. [7, с. 67]. Таким образом, погр. 3 — впервые фиксируемый для данного региона погребальный признак ямного населения.

Курган 2. Диаметр — 30 м, высота — 0,55 м (рис. 2, *1*). Структура насыпи однородна: под пахотным слоем (0,25—0,30 м) залегала насыпка чернозема с глинистыми вкраплениями. Погребенная почва толщиной 0,35 м хорошо определялась более темным оттенком, подстилалась материковым суглинком. Общая мощность наслоений от нулевой точки до материка составила 1,25 м. В профиле насыпи зафиксированы две линзы материковых выкидов, залегавших на разных уровнях, а также котлован поздней постройки. В кургане выявлено пять погребений. Стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что насыпь сооружалась в несколько приемов. В древнюю насыпь над погр. 5 было впущено погр. 4, о чем свидетельствует более высокое залегание его могильного выброса. Окончательная досыпка кургана связана с погр. 1, выкид которого располагался на 0,4 м выше уровня погребенной почвы.

Погребение 1 (впускное) чуть смещено к западу — юго-западу от центра кургана. Прямоугольная яма размерами $1{,}82\times1{,}54$ м ориентирована длинными сторонами по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, углублена в материк на 1,04 м, стены отвесные (рис. 2, *2*). На ровном полу находились остатки человеческого скелета, погребенного скорченно на левом боку, ориентированного на север — северо-запад. В области таза и ног зафиксированы остатки органической подстилки. В юго-восточном и юго-западном углах ямы находились две жаровни, изготовленные из придонной части одного сосуда (рис. 2, *3*). Высота ее — 7 см, диаметр дна — 16 см. Внешняя поверхность коричневого цвета со следами ангобирования, на внутренней — следы расчесов, не орнаментирована. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 (впускное) выявлено в 8,5 м к юго-юго-востоку от

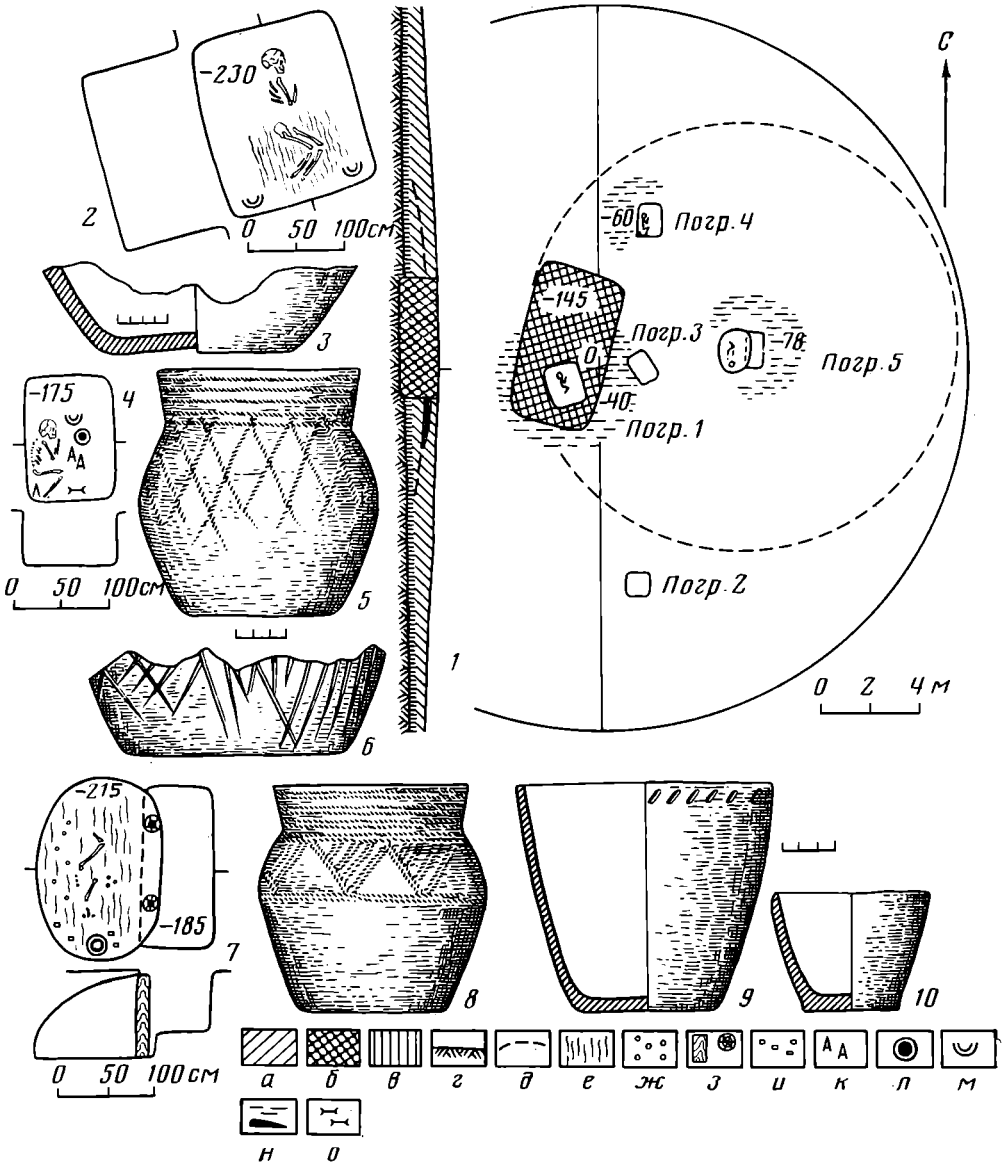


Рис. 2. Ширяевский могильник. Кург. 2. *1* — план и профиль кургана; *2, 3* — погр. 1 (*2* — план и разрез, *3* — жаровня); *4—6* — погр. 4 (*4* — план и разрез, *5* — сосуд, *6* — жаровня); *7, 8* — погр. 5 (*7* — план и разрез, *8* — сосуд); *9, 10* — погр. 2. *а* — чернозем, *б* — поздний перекоп, *в* — погребенная почва, *г* — материк, *д* — примерные контуры первичной насыпи, *е* — органическая подстилка, *ж* — мел, *з* — дерево, *и* — уголь, *к* — астрагалы, *л* — сосуды, *м* — жаровни, *н* — могильные выбросы, *о* — кости животных

центра. Квадратная яма (0,95×0,95 м) ориентирована по сторонам света, углублена в материк на 0,3 м. Следов захоронения не обнаружено. Чуть ближе к западной стене поставлены два глиняных сосуда. Первый из них (рис. 2, *9*) баночной формы, высота его — 14 см, диаметр дна — 9, верха — 16 см. Поверхность хорошо сглажена. Орнаментирован в верхней части рядом косых насечек. Второй сосуд (рис. 2, *10*) также баночной формы, небольших размеров: высота его — 7 см, диаметр верха — 9,2, дна — 6 см. Не орнаментирован. Погребение относится к срубной культуре.

Погребение 3 (впускное) располагалось в 1,25 м к востоку от центра. Прямоугольная яма (1,4×0,9 м) ориентирована длинными сторонами по линии северо-запад — юго-восток, северо-западным углом прорезала материковый выкид из погр. 1. Углублена в материк на 0,6 м, стенки отвесные, пол ровный. Следов захоронения не обнаружено. Культурная принадлежность не определяется.

Погребение 4 (впускное) найдено в 6,0 м к северу — северо-западу от центра. Прямоугольная яма (1,24×0,94 м) ориентирована длинными сторонами по линии север — юг. Углублена в материк на 0,5 м, стенки отвесные, пол ровный (рис. 2, *4*). У западной стены обнаружен скелет ребенка (5—6 лет) скорченно на левом боку, головой на север. Руки согнуты в локтях, располагались у головы. В области таза и рук найдены три бараньих астрагала, возле ног — зубы животного. У головы поставлены глиняные сосуд и жаровня. Сосуд (рис. 2, *5*) горшковидной формы с высоким раструбовидным горлом, плавно переходящим в раздутое тулово и плоским дном. Тесто сосуда плотное, без видимых примесей. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, хорошо сглажена. Орнаментирован рядами оттисков шнура: по венчику горизонтальными, по тулову — косыми. Высота его — 15 см, диаметр верха — 12, дна — 9 см. Жаровня (рис. 2, *6*) изготовлена из придонной части глиняного сосуда. Высота ее— 6,5 см, диаметр дна — 14 см. По бокам и днищу украшена косовертикальными прочерченными линиями. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 5 (основное) выявлено в 5,0 м к востоку — северо-востоку от центра. Представляло собой остатки катакомбной конструкции, ориентированной длинной осью по линии север—юг. Входная шахта прямоугольной формы (1,82×0,74 м), углублена в материк на 0,6 м. Овальная камера размерами 1,96×1,28 м примыкала к длинной западной стенке шахты. Пол камеры ниже пола шахты на 0,28 м (рис. 2, *7*). Вход в камеру закрывался вертикально поставленными деревянными столбиками. На полу на органической подстилке фиксировались отдельные кости и тлен погребенного. Судя по их расположению, он лежал скорченно на правом боку головой на юг. В области туловища и ног выявлена подсыпка меловой крошки, а в южном углу камеры — скопление углей. Выше головы в качестве жаровни была положена крупная профилированная часть глиняного сосуда с высоким раструбовидным горлом, раздутым туловом и плоским дном (рис. 2, *8*). Высота его — 14 см, диаметр верха — 12,2, дна — 9 см. Поверхность серо-желтого цвета, со следами сильной копоти. В нижней части — следы штриховки, впоследствии хорошо сглаженной. Орнаментирован по венчику и в верхней части тулова парными оттисками шнура, составленными в горизонтальные ряды и заполненные треугольники вершинами вниз. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Курган 3. Диаметр — 30, высота — 0,8 м (рис. 3, *1*). Насыпь — однородный чернозем с линзами могильных выкидов. В профиле фиксировался уровень погребенной почвы, мощность ее — 0,3 м. В кургане выявлено семь погребений. Стратиграфические наблюдения позволили выявить довольно интересные конструктивные детали. Древнейшими в кургане являются погр. 2 и 4, материковые выбросы из которых располагались непосредственно на погребенной почве. Над каждым из них были сооружены небольшие насыпи диаметрами 13—14 м. Насыпь над погр. 4 подвергалась вторичной досыпке в связи с совершением захоронения 5, выброс которого залегал на 0,25 м выше уровня погребенной почвы. В эту же насыпь впущено погр. 6. Вероятнее всего, в первичную насыпь над погр. 2 было впущено и погр. 3. И наконец, после совершения погр. 7 была сделана окончательная подсыпка, объединившая две первоначальные насыпи. Самым последним совершено погр. 1 в северной поле окончательно оформленной насыпи.

Погребение 1 (впускное) обнаружено в 12,5 м к северу — северо-западу от центра на глубине 0,35 м от поверхности кургана. Контуры могильной ямы не прослежены. Сохранилось в виде фрагментов человеческого скелета, судя по расположению которых, умерший был положен скорченно на левом боку, головой на север. Правее места, где должен находиться череп, обнаружены ритуальный глиняный сосудик, бронзовая серьга и пастовые бусы. Сосуд (рис. 3, *6*) имеет реповидную форму, но с плоским днищем и сильно стянутым невыделенным верхом, высота его — 5 см, диаметр в средней части — 8,5, диаметр отверстия — 3,2, дна — 6,2 см.

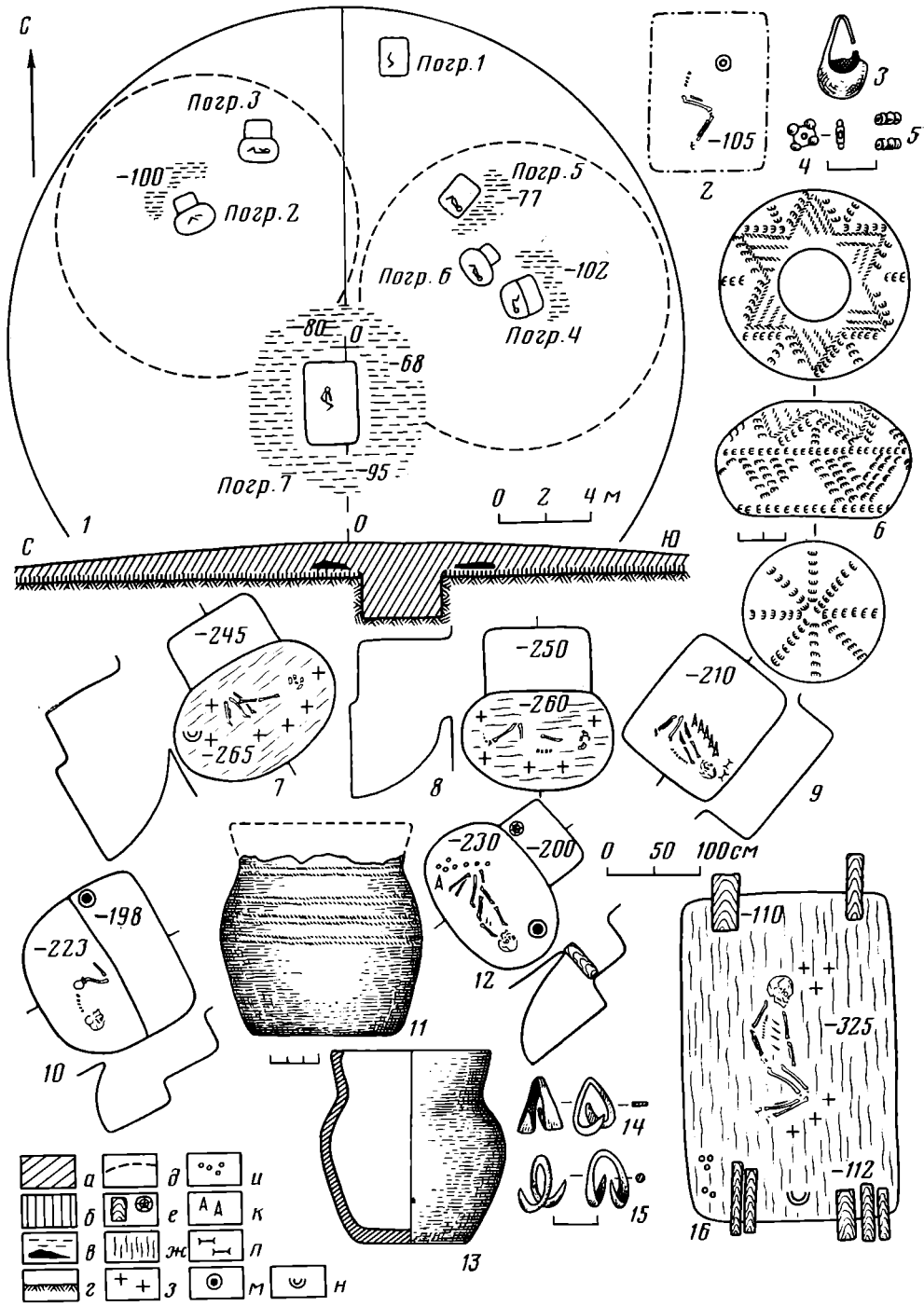


Рис. 3. Ширяевский могильник. Кург. 3. *1* — план и профиль кургана; *2—6* — погр. 1 (*2* — план, *3* — бронзовая серьга, *4, 5* — пастовые бусы, *6* — сосуд); *7* — план и разрез погр. 2; *8* — план и разр. погр. 3; *9* — план и разрез погребения 5; *10, 11* — погр. 4 (*10* — план и разрез, *11* — сосуд); *12—15* — погр. 6 (*12* — план и разрез, *13* — сосуд, *14, 15* — бронзовые подвески); *16* — план погр. 7. *а* — чернозем, *б* — погребенная почва, *в* — могильные выбросы, *г* — материк, *д* — примерные контуры первичных насыпей, *е* — дерево, *ж* — органическая подстилка, *з* — охра, *и* — мел, *к* — астрагалы, *л* — кости животных, *м* — сосуды, *н* — жаровни

Тесто плотное, поверхность коричневого цвета, гладкая. Имеет своеобразный орнамент из оттисков шнура, образующих в плане шестиугольную звезду, обрамленную короткими оттисками того же шнура. Оттисками того же штампа украшено и дно. Бронзовая серьга (рис. 3, *3*) сферической формы, с одним усиком. Бусины двух типов: «бородавчатые» — 4 шт. (рис. 3, *4*) и рифленые цилиндрические пронизки бирюзового цвета — 2 шт. (рис. 3, *5*). Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 (одно из основных) выявлено в 8,0 м к северо-западу от центра. Представляет собой остатки катакомбного сооружения (рис. 3, *7*). Прямоугольная входная шахта размерами 1,12×0,6 м углублена в материк на 0,92 м. Камера овальной формы (1,96×1,34 м) ориентирована длинной осью по линии юго-запад — северо-восток. На полу на органической подстилке находились фрагменты человеческого скелета, судя по которым умерший был положен скорченно на правом боку, с руками у колен, ориентирован на северо-восток. В области головы, таза и ног зафиксирована посыпка охрой. У ног была положена жаровня из неорнаментированной боковины крупного глиняного сосуда. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 3 (впускное) выявлено в 9,0 м к северу—северо-западу от нулевой точки. Представляет собой катакомбную конструкцию (рис. 3, *8*). Прямоугольная шахта (1,2×0,6 м) врезана в материк на 1,02 м. Овальная камера размерами 1,7×1,1 м примыкает к южной длинной стенке шахты. На полу на органической подстилке с вкраплениями охры лежали остатки детского захоронения плохой сохранности. Вероятнее всего, умерший был положен скорченно на правом боку, головой на восток. Погребение без инвентаря, относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 4 (синхронное погр. 2) обнаружено в 7,5 м к востоку—северо-востоку от центра. Представляло собой остатки катакомбной конструкции (рис. 3, *10*). Прямоугольная входная шахта размерами 1,8×0,7 м углублена в материк на 0,44 м. В северо-западном углу ее поставлен сосуд. Камера удлиненно-овальной формы (1,8×0,9 м) примыкала к юго-западной стенке шахты, ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. В южной части камеры обнаружены фрагменты детского захоронения, по расположению которых удалось установить положение умершего на правом боку скорченно, головой на юго-восток. Сосуд (рис. 3, *11*) с отбитым в древности верхом, выпуклыми боками и плоским дном. Высота его — 12 см, диаметр дна — 9,5 см. Орнаментирован оттисками шнура, составленными в двойные горизонтальные ряды. Использовался в качестве жаровни, о чем говорит заполнение его углем. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 5 (впускное) выявлено в 8,0 м к северо-востоку от центра. Прямоугольная яма (1,54×1,26 м) ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад—северо-восток, углублена в материк на 0,58 м (рис. 3, *9*). Вдоль юго-западной стенки на ровном полу располагался скелет ребенка скорченно на правом боку, головой на юго-восток, руки положены между колен. У рук погребенного найдены пять бараньих астрагалов, а выше головы — кости жертвенного животного. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 6 (впускное) обнаружено в 6,5 м к востоку — северо-востоку от центра, представляет собой катакомбное сооружение (рис. 3, *12*). Прямоугольная входная шахта (0,88×0,5 м) врезана в материк на 0,48 м. Овальная камера (1,68×1,14 м) примыкала к юго-западной стенке шахты, глубина ее в материке — 0,78 м. Вход в камеру закрывался деревянными столбиками. Ближе к юго-западной стенке лежал скелет ребенка на правом боку скорченно, головой на юго-восток. Левая рука согнута в локте и положена на тазе, правая — вытянута, находилась между колен. В области ног выявлены бараний астрагал и посыпка мелом. У головы найдены глиняный сосуд и две бронзовые височные подвески. Сосуд (рис. 3, *13*) — горшок с высоким, немного отогнутым наружу венчиком, выпуклыми боками и плоским днищем. Высота его — 13 см, диаметр верха — 10,5, дна — 7,5 см. Поверхность красновато-коричневого цвета со следами горизонтальной штриховки и сильной копоти. Височные подвески (рис. 3, *14*, *15*) в полтора оборота, со слегка раскованными концами. Одна из них в сечении прямоугольная, другая овальная. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 7 (впускное) обнаружено почти по центру кургана с небольшим смещением к юго-западу. Окружено кольцом материкового выкида, заходившего своими концами на древние насыпи. Обширная пря-

моугольная яма (3,6×2,3 м) ориентирована длинными сторонами по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, углублена в материк на 1,7 м (рис. 3, *16*). Сохранились остатки деревянного перекрытия вдоль ямы. В центре ее на органической подстилке находился скелет взрослого человека, скорченно на левом боку, с северной ориентировкой. Левая рука вытянута вдоль тела и положена между колен, правая согнута в локте, располагалась на тазе. У головы и ног погребенного зафиксирована посыпка охрой, в юго-западном углу ямы — меловой крошкой. У южной стенки положена жаровня из боковины крупного глиняного сосуда, орнаментированной расчлененными налепными валиками. В юго-восточной части на перекрытии находилась нижняя челюсть быка (коровы). Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Таким образом, в трех курганах исследовано 15 погребений, из которых: 3 — срубной культуры, (1/1, 1/2, 2/2) [1], 10 — среднедонской катакомбной культуры (2/1, 2/4, 2/5, 3/1, 3/2, 3/3, 3/4, 3/5, 3/6, 3/7), одно — ямной культуры (1/3), культурная принадлежность одного не определяется (2/3). Существенным является то обстоятельство, что удалось получить дополнительные стратиграфические данные о хронологическом соотношении захоронений местной катакомбной культуры, среди которых более ранними оказались погребения с положением умерших на правом боку и преимущественной южной ориентировкой (2/5, 3/2, 3/3, 3/4, 3/5, 3/6), более поздними — на левом боку и северной ориентировкой (2/1, 2/4, 3/1, 3/7). Безусловно, эти две группы погребений характеризуют разные этапы в развитии среднедонской катакомбной культуры, ибо изменение обрядовости могло было быть вызвано только серьезными переменами в идеологических представлениях, для чего требовалось достаточно длительное время. Обрядовые признаки и инвентарь первой, более ранней группы погребений (устройство могильных сооружений, положение умерших на правом боку скорченно, преобладающая ориентировка их в южную половину, наличие органической подстилки и охры, шнуровая орнаментация сосудов, бронзовые подвески в полтора оборота) характерны для среднедонской катакомбной культуры [8, с. 82—110; 9, с. 145—160; 10, с. 139—148; 11, с. 124—144 и др.] и находят аналогии прежде всего в материалах Павловского могильника [12—15]. Ряд обрядовых признаков (органическая подстилка, охра, мел, астрагалы) и инвентарь поздних погребений аналогичны предшествующим, что не позволяет признать их разнокультурными. Для датировки последних важное значение имеет сопутствующий инвентарь погр. 1 кург. 3. Ближайшими аналогами своеобразному реповидному сосуду являются два сосуда из Павловского могильника (49/1) [16, с. 52—53]). Бронзовые сферические серьги и пастовые рифленые пронизки также известны на Среднем Дону (Павловский могильник — 24/3, 27/2, 38/1, 38/2, 38/3, 56/7, [17, с. 32—33, 43—44, 16, с. 24—27, 64]; с. Караяшник — 3/7 [11, с. 126, рис. 2, *9*]), но в силу значительной хронологической распространенности датирующими вещами признаны быть не могут. Бо́льший интерес представляют впервые обнаруженные в среднем Подонье пастовые «бородавчатые» бусы, которые находят аналогии в древностях II этапа северокавказской культуры (ст. Минутка у Кисловодска [4, рис. 9, *45*]), на Донетчине и Нижнем Дону (погр. 1 кург. 1 из группы «Хохлач» [18, с. 147—148, прилож. 3, табл. IV, *1*]). С. Н. Братченко датировал этот тип бус второй четвертью II тысячелетия до н. э. [18, с. 148]. Представляется возможным определить время совершенствования погребений поздней группы Ширяевского могильника ближе к середине II тысячелетия до н. э. и относить их к самому концу бытования среднедонской катакомбной культуры, когда наметилось определенное влияние со стороны раннесрубных традиций.

[1] Здесь и далее числитель — номер кургана, знаменатель — номер погребения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синюк А. Т.* Отчет о проведении археологических работ в Павловском и Калачеевском районах Воронежской области в 1979 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7427.
2. *Синюк А. Т.* Раскопки экспедиции Воронежского пединститута.— АО — 1979. М., 1980.
3. *Синюк А. Т.* Отчет к Открытому листу № 175 об охранных раскопках курганов у с. Ширяево Калачеевского района Воронежской области в 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7647.
4. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, 1960, № 93.
5. *Моргунова Н. Л.* Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
6. *Васильев И. Б.* Энеолит лесостепного Поволжья.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
7. *Синюк А. Т.* Энеолит лесостепного Дона.— В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
8. *Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
9. *Прялин А. Д.* К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону.— В кн.: Вопросы истории славян. Вып. 2. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1966.
10. *Матвеев Ю. П., Синюк А. Т.* Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону.— СА, 1977, № 1.
11. *Матвеев Ю. П., Медведев А. П.* Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области.— В кн.: Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.
12. *Синюк А. Т., Килейников В. В., Погорелов В. И.* Раскопки на Среднем Дону.— АО — 1975. М., 1976.
13. *Синюк А. Т., Погорелов В. И.* Раскопки экспедиции Воронежского педагогического института.— АО — 1976. М., 1977.
14. *Либеров П. Д., Синюк А. Т.* Раскопки Воронежской новостроечной экспедиции.— АО — 1977. М., 1978.
15. *Синюк А. Т., Килейников В. В., Погорелов В. И.* Раскопки в Воронежской области.— АО — 1978. М., 1979.
16. *Синюк А. Т.* Отчет о раскопках курганов в Павловском и Кантемировском районах Воронежской области в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7286.
17. *Синюк А. Т.* Отчет о раскопках курганов близ г. Павловска Воронежской области в 1977 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6612.
18. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.

V. I. Pogorelov

BRONZE AGE SHIRYAEVO BURIAL GROUND ON THE MIDDLE DON

Summary

An expedition of the Voronezh Pedagogical Institute led by A. Sinyuk investigated, in 1979 and 1980, three mounds of the burial ground at the village of Shiryaevo, on the left bank of the Don. It found 15 burials. One of them belonged to the pit-grave culture, ten—to the catacomb-grave culture, three—to the timber-grave culture. The cultural affiliation of one of them was not established. The pit-grave culture burial is dated to the third quarter of the third millennium B. C. It was made in spacious rectangular pit into which a wooden construction had been fitted, oriented to the north-northeast. The burial was accompanied by a porphyry pear-shaped mace and a bone ring. The burial rites and grave goods of the catacomb burials refer them to different periods of the middle Don catacomb-grave culture. Stratigraphically, burials with the northern orientation and placing of the dead on their left sides are later than the others. They can be referred to the final stage of the local catacomb-grave culture and dated to the mid-second millennium B. C.

МОРУЖЕНКО А. А.

ГОРОДИЩА ЛЕСОСТЕПНЫХ ПЛЕМЕН ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ VII—III ВВ. ДО Н. Э.

Одним из районов, представлявших благоприятные условия для жизнедеятельности людей, было в раннем железном веке лесостепное междуречье Днепра и Дона — южный участок Восточно-Европейской равнины. Эта территория, площадью около 135 тыс. км^2, покрыта разветвленной речной системой. Наиболее крупные реки: Сейм, Сула, Псел, Ворскла, Мерла — в бассейне Днепра и Северский Донец, Тихая Сосна, Потудань, Усердец — в бассейне Дона. Как тип ландшафта лесостепь сформировалась еще в доледниковое время [1, с. 153]. Располагаясь севернее полосы высокого давления, большая часть лесостепи находится в зоне преобладания западных ветров — влажных и теплых зимой и относительно прохладных летом [2, с. 38]. Лёссы и лёссовидные породы, присущие этой зоне, способствуют развитию здесь овражно-балочной сети [2, с. 45]. Гидротермический режим и богатые черноземные почвы обеспечили высокую биологическую продуктивность природных условий [3, с. 4], особенно благоприятных для развития раннего земледелия [4, с. 83]. Это обстоятельство явилось одной из причин активного освоения лесостепных районов Днепро-Донского междуречья в раннем железном веке.

В настоящее время здесь в результате исследований Б. А. Шрамко [5—7], И. И. Ляпушкина [8], Г. Т. Ковпаненко [9] на Ворскле, В. А. Ильинской на Пеле [10] и в Посулье [11, 12], Б. А. Шрамко в бассейне Донца [13—17], П. Д. Либерова [18] на Дону, А. И. Пузиковой на Дону [19] и в Посеймье [20], экспедиций Донецкого государственного университета в бассейне Ворсклы [21—25] известно 365 поселений, среди них 99 городищ (рис. 1).

Данная статья посвящена анализу городищ, их топографии и особенностям устройства оборонительных сооружений.

Городища, как правило, располагались по берегам небольших рек на мысах и останцах коренного берега, ограниченных оврагами. В большинстве случаев укрепленные поселения занимали участки правого берега. Форма их разнообразна и определяется формой самого мыса или возвышенности, но можно все-таки отметить тяготение к округлым очертаниям, связанным, очевидно, с желанием по возможности сократить территорию, окруженную системой укреплений, возведение которых требовало больших усилий. На выбор места каждого отдельного поселения оказывала, видимо, влияние необходимость использования определенного рельефа в хозяйственных и военных целях, учитывались также особенности грунта и расположение источников воды. В некоторых случаях они были внутри укрепленной территории. Так, родниковые колодцы открыты на Восточном Бельском и Коломакском городищах [26, с. 306]. Однако основным источником воды были реки. Примечательно, что городища не особенно охотно устраивали на берегах крупных рек. Так, из 99 только 3 расположены на Дону, 4 — на Северском Донце, 3 — на Суле. Большая же их часть находится в бассейнах мелких речек, притоков Дона, Донца, Ворсклы или же в верховьях Псла, Ворсклы, Сейма (рис. 1).

Почти все городища находятся в зоне крупных лесных массивов, которые во многих случаях сохранились и по настоящее время. Среди лесов и небольших речушек, вдали от основных водных путей, они были менее заметны и более недоступны. Лес был дополнительной хорошей защитой от врагов и давал необходимый строительный материал.

Для выявления общих и специфических признаков все известные в настоящее время городища[1] можно подразделить на два класса: мысовые (рис. 2; 3; 4, *1—9*) и расположенные на краю плато (рис. 4, *10—19*).

В 1-й класс входят городища, находящиеся на мысах, образованных оврагами и долинами реки. Это самая многочисленная группа, составляющая 88,5% от общего количества. В большинстве случаев для поселений выбирались высокие мысы с крутыми, обрывистыми склонами, которые представляли серьезное препятствие. Так, Восточное укрепление Бельского городища расположено на высоте 106 м над долиной реки, причем на него можно попасть, преодолев 625-метровый подъем под углом в среднем 15—20°. Аналогичная картина характерна и для других городищ. Довольно часто склоны мыса усиливали эскарпами (18,6%).

Внутри 1-го класса в зависимости от характера оборонительных устройств и наличия предградий выделяется 10 типов.

Городища I—V типов в настоящее время имеют видимые остатки укреплений только с напольной стороны. Однако вполне возможно, что в древности были деревоземляные сооружения по всему периметру, так как естественной защиты, как бы склоны мыса ни были круты, явно недостаточно. На это обстоятельство обратил внимание А. И. Тереножкин при изучении городищ предскифского периода на Правобережье [27, с. 14, 21, 22]. Оказалось, что так называемые мысовые городища, имеющие ярко выраженные укрепления с напольной стороны, в древности имели защиту и в мысовой части, но более легкую. Проследить эти укрепления можно только путем раскопок. Подобные исследования начали проводиться на лесостепных городищах. Так, А. И. Пузикова на городищах Марица и Переверзево I обнаружила канавки от частоколов, ограничивавших мысовую часть поселений [20, с. 13—14; 28, с. 71].

I тип (рис. 2, *1—30*) представлен городищами без предградий, защищенными валом и рвом со стороны плато. Это самая многочисленная группа, включающая 39 поселений (40,6%). Они расположены равномерно по всему междуречью Днепра и Дона. Большое их количество сосредоточено в бассейне Сейма.

Ко II типу относятся городища, укрепления которых состоят из нескольких валов и рвов, обеспечивающих дополнительную защиту со стороны плато (рис. 3, *1—11*). В мысовой части визуально укрепления не прослеживаются. Наиболее полно этот тип представлен на Дону (Волошино I, Лесное, Русская Тростянка, Большое Сторожевое, Шубное) и на Сейме (Шатохинское, Тураевское I, Юрьевское, Нартово, Комаровское). В бассейне Северского Донца к этому типу следует отнести Северское городище у с. Меловая, а на Псле — Корочка и Битица.

III тип представлен мысовыми городищами, защищенными валом и рвом с напольной стороны и состоящими из основного укрепления и предградья (рис. 3, *12—20*). Чаще всего последнее располагалось со стороны плато и прикрывало подступы к городищу в наиболее уязвимом месте, как это прослеживается на поселениях Караван, Хорошево, Дмитровское в бассейне Северского Донца, Борисовка на Ворскле, Свиридовка на Суле, Воргол на Сейме, Наволочки и Гочево на Псле. Изредка предградье устраивали и на стрелке мыса, если последний представлял собой покатый спуск к реке, как, например, на городище у с. Мостище в бассейне Дона.

IV тип отличается от III наличием дополнительных укреплений и представлен Донецким городищем в бассейне Северского Донца (рис. 3, *21*).

К V типу относятся городища, состоящие из главного двора, двух-трех предградий, имеющих дополнительные укрепления. Это городища Архангельское на Дону, Басовское в Посулье, у хут. Городище в бассейне Донца (рис. 3, *22—24*).

VI—X типы характеризуют поселения, вся площадь которых охваче-

[1] Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность Б. А. Шрамко, А. И. Пузиковой и В. Е. Радзиевской за разрешение опубликовать снятые ими планы городищ.

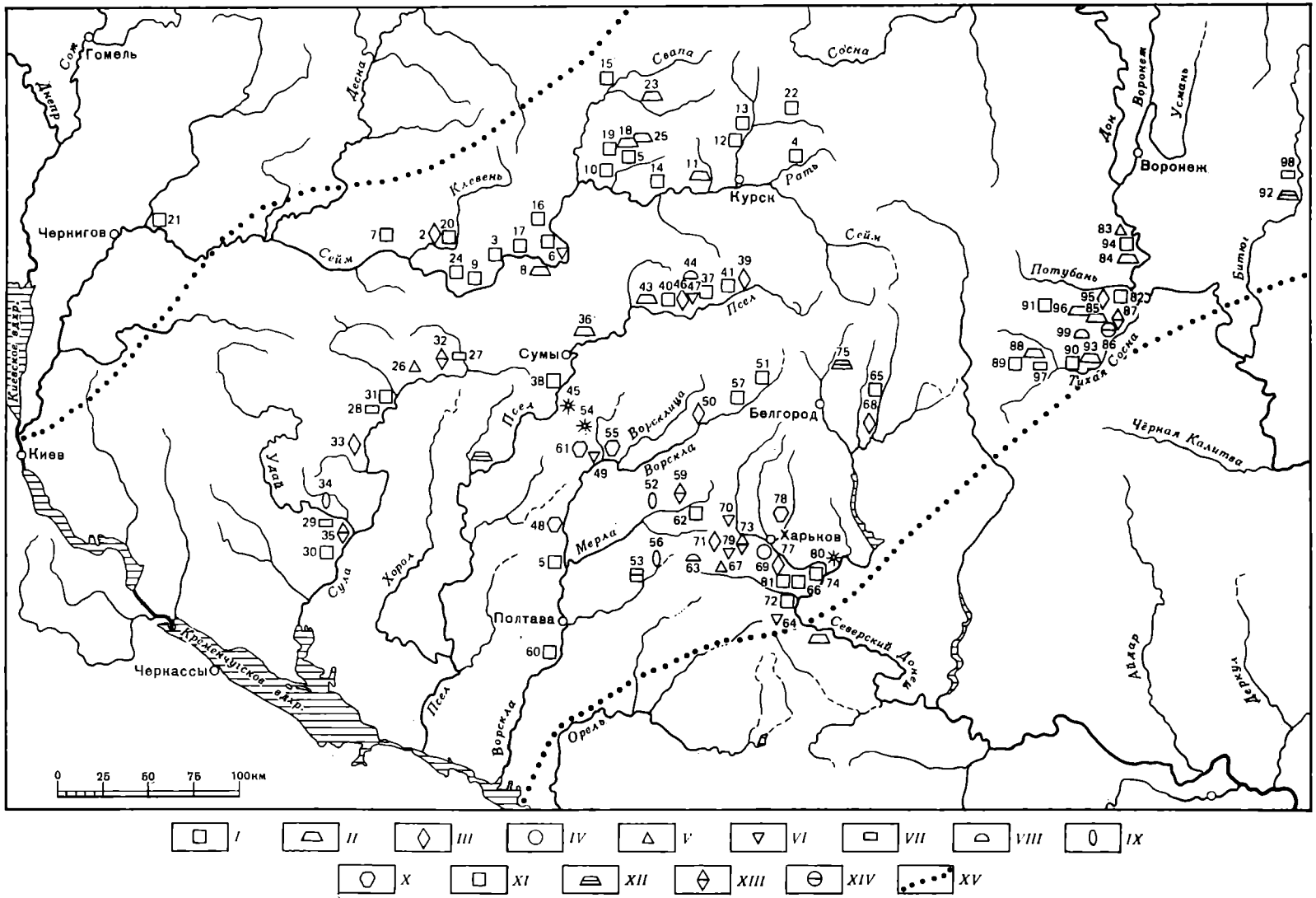

Гомель
Сож
Днепр
Десна
Свапа
Сосна
Дон
Воронеж
Усмань
Воронеж
Клевень
Курск
Рать
Чернигов
Сейм
Сейм
Потубань
Битюг
Киевское вдхр.
Псел
Сумы
Тихая Сосна
Белгород
Чёрная Калитва
Киев
Удай
Ворсклица
Ворскла
Сула
Хорол
Мерла
Харьков
Полтава
Северский Донец
Чернассы
Кременчугское вдхр.
Псел
Ворскла
Орель
Айдар
Деркул
0 25 50 75 100км
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV

Рис. 1. Карта распространения городищ: *1* — Артюшково; *2* — Воргол; *3* — Горки; *4* — Городище; *5* — Дремово-Черепошкинское; *6* — Ишутино; *7* — Красное Утро; *8* — Комаровское; *9* — Липово; *10* — Марица; *11* — Нартово; *12* — Переверзево I; *13* — Переверзево II; *14* — Погореловское; *15* — Ратманское; *16* — Рыльское; *17* — Сухая; *18* — Тураево I; *19* — Тураево II; *20* — Ховзовка; *21* — Шабалиново; *22* — Шестопаловское; *23* — Шатохинское; *24* — Ширяево; *25* — Юрьевское; *26* — Басовское; *27* — Большие Будки; *28* — Глинское; *29* — Клепачи; *30* — Малый Вязивок; *31* — Ромэнское; *32* — Сечь; *33* — Свиридоновское; *34* — Сухоносовское; *35* — Хитцы; *36* — Битица; *37* — Бушмино; *38* — Ворожба; *39* — Гочево; *40* — Долгий Колодязь; *41* — Картамышево-Городок; *42* — Кнышевка; *43* — Корочка; *44* — Кривицкие Буды; *45* — Малый Истороп; *46* — Наволочки; *47* — Чернецкое; *48* — Бельское; *49* — Боголюбовское; *50* — Борисовское; *51* — Высокое; *52* — Городное; *53* — Грашков; *54* — Зубовка; *55* — Каменское; *56* — Коломак; *57* — Мощеное; *58* — Опошня; *59* — Полковая Никитовка; *60* — Решетняки; *61* — Сосонка; *62* — Хрущева Никитовка; *63* — Барановское; *64* — Большая Гомольша; *65* — Большое Городище; *66* — Водяное; *67* — Городище; *68* — Дмитровское; *69* — Донецкое; *70* — Заказаровка; *71* — Караван; *72* — Коробовы Хутора; *73* — Люботинское; *74* — Мохнач, *75* — Сабынино; *76* — Северское; *77* — Хорошево; *78* — Циркуны; *79* — Чернечий Яр; *80* — Чугуевское; *81* — Яковлевское; *82* — Аверино; *83* — Архангельское; *84* — Большое Сторожевое; *85* — Волошино I; *86* — Волошино II; *87* — Волошино III; *88* — Верхнепокровское I; *89* — Верхнепокровское II; *90* — Кировское; *91* — Круглое; *92* — Кудеярово; *93* — Лесное; *94* — Малое Сторожевое; *95* — Мостище; *96* — Русская Тростянка; *97* — Стрелецкое; *98* — Трамбаки; *99* — Шубное. *I—X* — типы городищ 1 класса; *XI—XIV* — городища 2 класса (I—IV типы); *XV* — граница лесостепи. Знаком в виде звездочки обозначены городища, о которых отсутствуют детальные сведения

на оборонительными сооружениями. В одних случаях это связано с недостаточной естественной защитой, как, например, на городище Большая Гомольша, расположенном на невысоком мысу, со сравнительно пологими склонами, в других — со стремлением превратить поселение в сильную крепость. Последнее особенно ощущается на Каменском и Сосонском городищах, занимающих высокие мысы с довольно крутыми склонами. Так, на городище у с. Сосонка ведет подъем более чем в 100 м под углом в среднем около 25°. Городищ с круговой обороной сравнительно немного, всего 20,8% от общего количества.

VI тип (рис. 3, *25—28*) представлен поселениями простой схемы (один главный двор) — Заказаровка, Большая Гомольша, Чернечий Яр в бассейне Донца, Боголюбовское на Ворскле, Чернецкое на Псле, Ишутино на Сейме.

К VII типу относятся городища, также состоящие из одного главного двора, однако вход у них защищен дополнительными валами и рвами (рис. 3, *29—33*). Известны такие поселения в бассейне Сулы (Большие Будки, Глинистое, Клепачи) и Дона (Стрелецкое и Трамбаки).

К VIII типу относятся городища более сложной схемы, состоящие из главного двора и предградья,— Барановское в бассейне Донца и Кривицкие Буды на Псле (рис. 4, *1*, *2*).

IX тип отличается от предыдущего наличием дополнительных укреплений входа (рис. 4, *3—5*) и представлен городищами Городное, Коломак в Поворсклье и Сухоносовским в Посулье.

X тип (рис. 4, *6—9*) составляют городища с двумя и более предградьями — это Циркуны на Донце, Каменское и Сосонка на Ворскле.

2-й класс составляют городища, расположенные на плато, преимущественно на краю его. Их сравнительно мало (11,5%), и распределяются они равномерно по бассейнам всех рек, кроме Сейма. По характеру оборонительных сооружений представлены четырьмя типами.

К I типу (рис. 4, *10* — вал и ров только с напольной стороны) относятся два городища — Круглое в бассейне Дона и Грашков в Поворсклье.

II тип — городища с одним предградьем, защищенным валом и рвом с напольной стороны (рис. 4, *11—13*), представлен тремя поселениями: Сабынино на Донце, Кнышевка на Псле и Кудеярово на Дону.

III тип (рис. 4, *14—18*), с круговой обороной, характеризуют городища Люботин в бассейне Донца, Полковая Никитовка в Поворсклье, Сечь и Хитцы в Посулье и Волошино III на Дону.

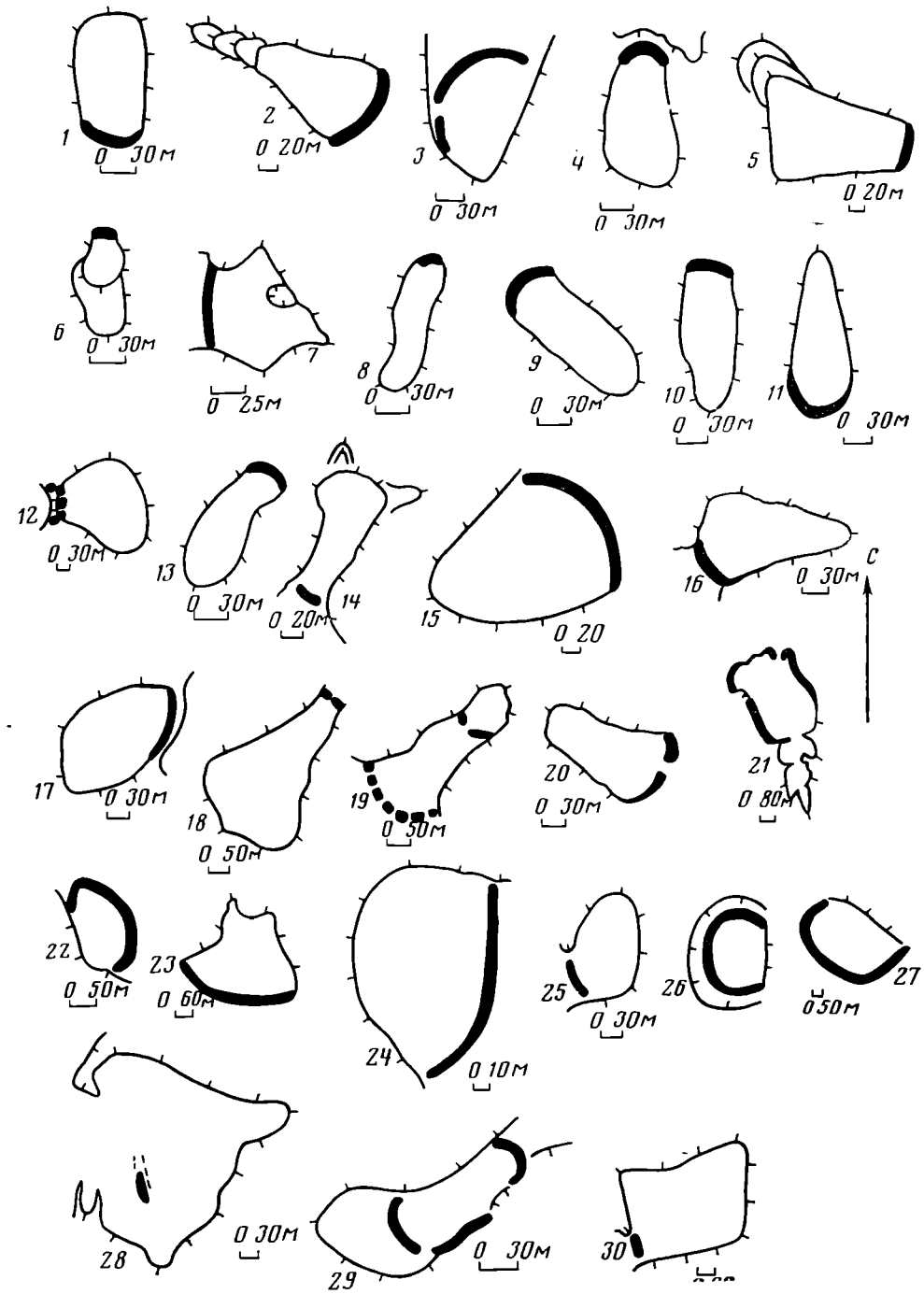


Рис. 2. Схематические планы городищ. 1-й класс (мысовые), тип I: *1* — Артюшково; *2* — Горки; *3* — Городище; *4* — Красное Утро; *5* — Линово; *6* — Марица; *7* — Переверзево I; *8* — Переверзево II; *9* — Погореловское; *10* — Ратманское; *11* — Рыльское; *12* — Сухая; *13* — Тураево II; *14* — Ховзовка; *15* — Шабалиново; *16* — Ширяево; *17* — Высокое; *18* — Большое Городище; *19* — Водяное (городище многослойное, к скифскому времени относится только внешний вал); *20* — Хрущева Никитовка; *21* — Мохнач; *22* — Яковлевское; *23* — Ворожба; *24* — Бушмино; *25* — Долгий Колодязь; *26* — Картамышево; *27* — Аверино; *28* — Верхнепокровское II; *29* — Верхнепокровское I; *30* — Кировское

К IV типу, с круговой обороной и предградьем, можно отнести одно поселение — Волошино II на Дону. Здесь главный двор охвачен предградьем со всех сторон.

Общее представление о распространении городищ различных типов по бассейнам отдельных рек дает табл. 1.

Таким образом, основной категорией укрепленных поселений являют-

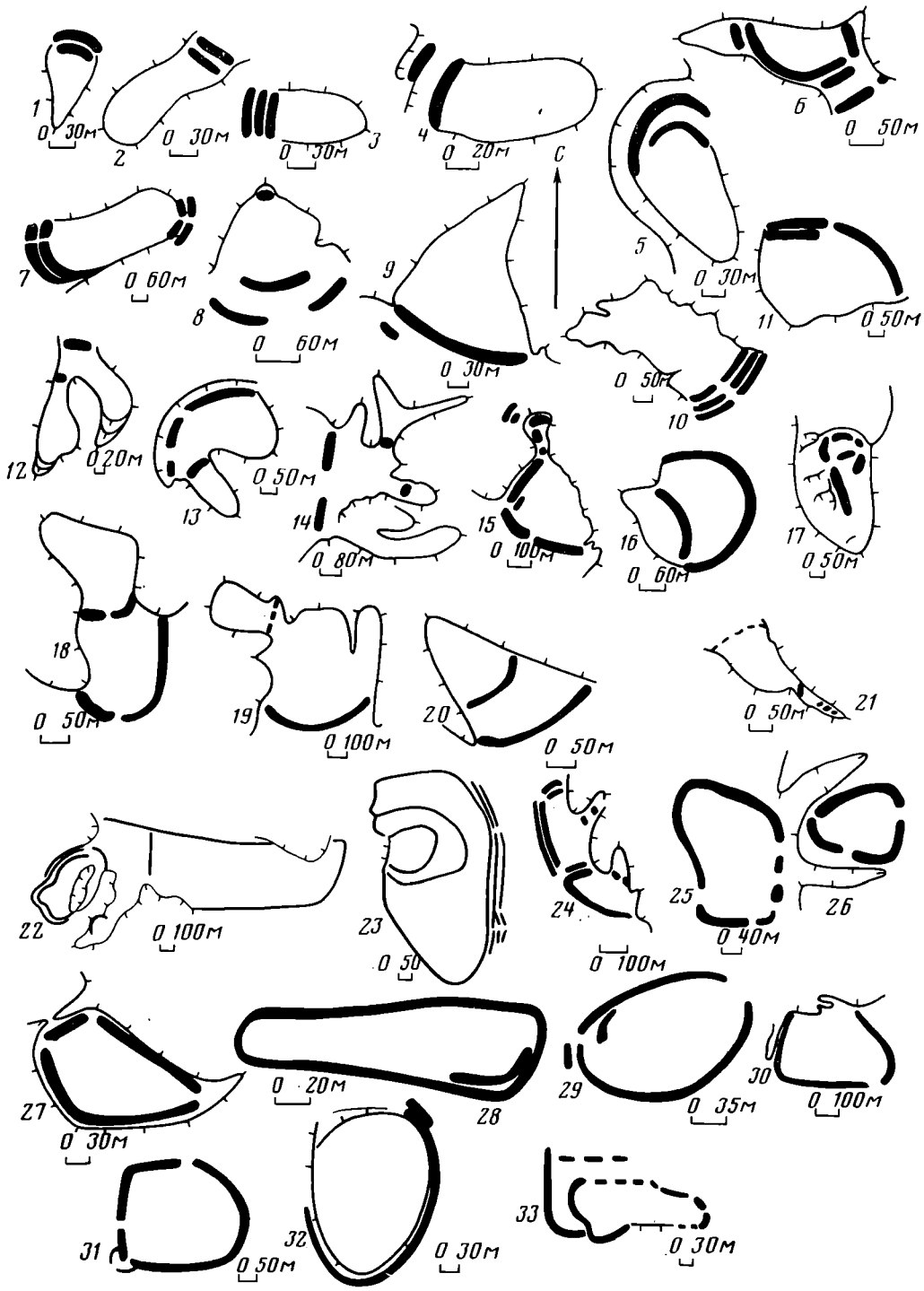


Рис. 3. Схематические планы городищ. 1-й класс. (мысовые), тип II: *1* — Шатохинское; *2* — Тураево I; *3* — Юрьевское; *4* — Нартово; *5* — Корочка; *6* — Северское; *7* — Волошино I; *8* — Лесное; *9* — Русская Тростянка; *10* — Большое Сторожевое; *11* — Шубное. Тип III: *12* — Воргол; *13* — Наволочки; *14* — Гочево; *15* — Свиридовское; *16* — Борисовское; *17* — Дмитровское; *18* — Караван; *19* — Хорошево; *20* — Мостище. Тип IV: *21* — Донецкое городище. Тип V: *22* — Басовское; *23* — Городище у хут. Городище; *24* — Архангельское. Тип VI: *25* — Большая Гомольша; *26* — Заказаровка; *27* — Боголюбовское; *28* — Чернецкое. Тип VII: *29* — Большие Будки; *30* — Глинское; *31* — Клепачи; *32* — Стрелецкое; *33* — Трамбаки

ся городища простой схемы, имеющие только главный двор,— 71,9% (69 поселений); городища, состоящие из главного двора и одного предградья, составляют 20,8% (20 поселений), и только 7,3% составляют городища, включающие главный двор и два-три или четыре предградья. Чаще всего укрепления с предградьями встречаются в бассейне Северского Донца. Если предградий два, то второе примыкает к первому. При-

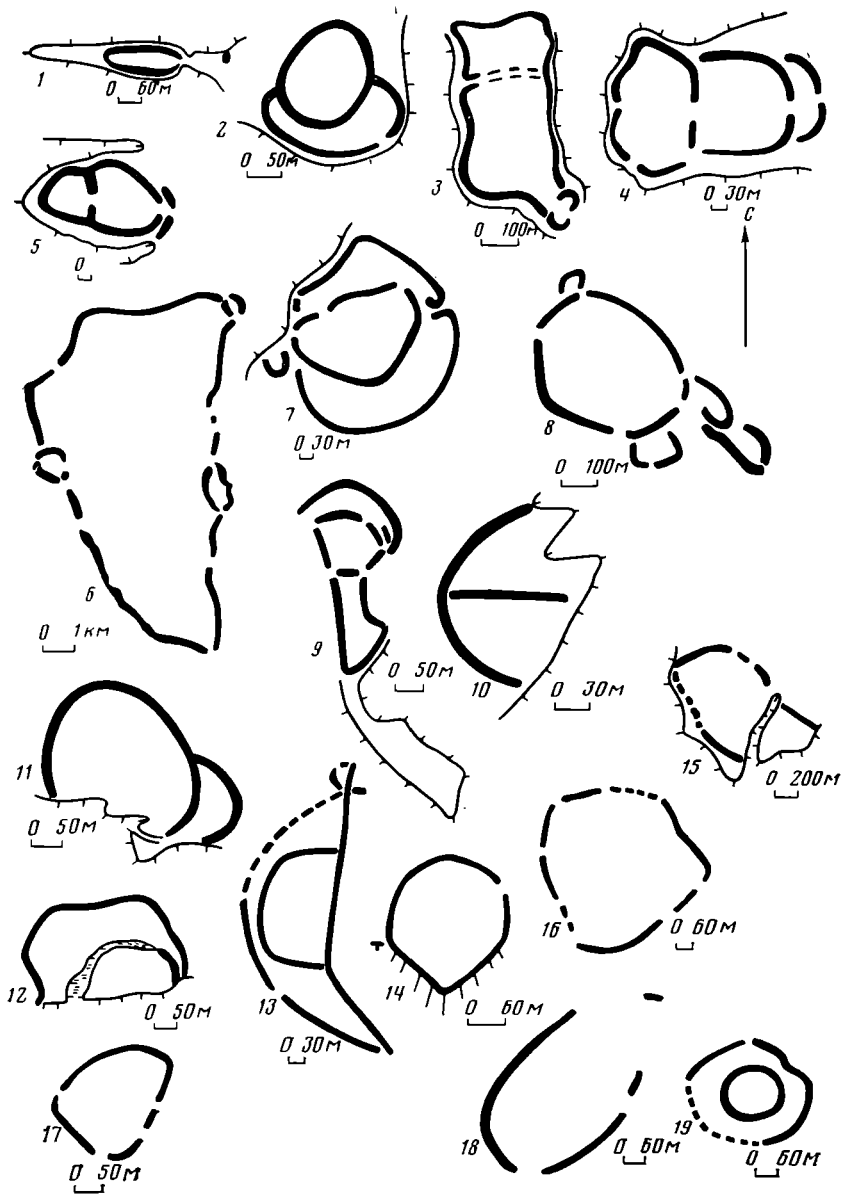


Рис. 4. Схематические планы городищ. 1-й класс (мысовые), тип VIII: *1* — Кривицкие Буды; *2* — Барановское. Тип IX: *3* — Сухоносовское; *4* — Городное; *5* — Коломак. Тип X: *6* — Бельское; *7* — Каменское; *8* — Сосонка; *9* — Циркуны. 2-й класс (на плато), тип I: *10* — Круглое. Тип II: *11* — Кнышевка; *12* — Сабынино; *13* — Кудеярово. Тип III: *14* — Хитцы; *15* — Сечь; *16* — Полковая Никитовка; *17* — Люботинское; *18* — Волошино III. Тип IV: *19* — Волошино II

мером могут служить поселения у сел Большая Даниловка (Циркуны) и Городище. Главный двор Циркуновского городища занимает часть узкого и длинного мыса, южный конец которого перерезан двумя валами и рвами. С севера к главному двору примыкает первое предградье, второе же с севера и северо-востока охватывает площадь первого, создавая, таким образом, двойную линию укреплений, надежно защищающую главный двор с напольной стороны. Такую же приблизительно картину наблюдаем и в системе укреплений городища у с. Городище. Здесь первое и второе предградья, также примыкая одно к другому, прикрывают главный двор со стороны плато.

В бассейне Ворсклы находятся два городища (Каменское и Сосонка), для которых характерно расположение предградий вокруг центрального укрепления. Интересна система оборонительных сооружений, прикрывающих спуск к реке. На Каменском городище вход в главный двор со стороны реки прикрывается северным и юго-западным предградьями. Неболь-

Таблица 1

Бассейны рек	1-й класс (мысовые)										2-класс (на плато)			
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	I	II	III	IV
Сейма	18	5	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Сулы	2	—	1	—	1	—	3	—	1	—	—	—	2	—
Псела	4	2	2	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—
Ворсклы	5	—	1	—	—	1	—	—	1	3	1	—	1	—
Северского Донца	5	1	3	1	1	3	—	2	—	1	—	1	1	—
Дона	4	6	1	—	1	—	2	—	—	—	1	1	1	1

шие размеры последнего (0,2 га) и отсутствие здесь культурного слоя свидетельствуют об использовании данной территории лишь в оборонительных целях. Вал, которым обнесено предградье, имеет в плане ромбовидную форму, и самая западная точка его выступает по отношению к линии входа на городище на 75 м. Хорошо могла обстреливаться местность и с обширного северного предградья. Таким образом, население городища и во время осады могло пользоваться водой из реки. На городище у с. Сосонка три предградья защищают спуск к реке: два юго-западных и одно южное, обеспечивающие надежное прикрытие входа в главный двор со стороны реки. В ворсклинской группе поселений особо следует отметить своеобразие Бельского городища или, вернее, целой системы городищ. Это три самостоятельных укрепления, связанных между собой общей оградой, охватывающей находящуюся между ними внутреннюю территорию. Исследования Б. А. Шрамко показали, что последовательность возникновения и значение частей Бельского городища иные по сравнению с Каменским и Сосонским [7, с. 67]. Но, несмотря на своеобразие, все-таки в основной схеме Бельского городища есть общие черты, внешне сближающие его с более мелкими городищами поворсклинской группы. Это, прежде всего, наличие нескольких меньших по размерам укреплений, окружающих большее. Таким образом, типологически оно относится к X типу 1-го класса. Примечательно, что только городища V и X типов этого класса имеют более одного предградья, поселения же всех остальных типов 1-го и 2-го классов состоят только из главного двора или имеют одно предградье. Городища VI—X типов 1-го класса, т. е. мысовые с кольцевыми укреплениями, не известны лишь на Сейме.

Несмотря на некоторые особенности, городища лесостепного междуречья Днепра и Дона объединяют сходные топографические признаки и типологические особенности общего плана оборонительных сооружений. Весьма характерно для них разумное сочетание естественных и искусственных укреплений. Большинство городищ прикрыто валами и рвами только с напольной, естественно не защищенной стороны (I тип 1-го класса). Если склоны мыса, занятого поселением, достаточно круты, то они вполне удовлетворяли потребностям защиты. Так, где была надобность в более существенных укреплениях, вся площадь городища со всех сторон обводилась валами и рвами — VI—X типы 1-го класса по нашей классификации. Например, городище Циркуны у с. Большая Даниловка занимает мыс, полого спускающийся в долину реки. Естественная крутизна склонов здесь явно недостаточна. Поэтому вся территория главного двора окружена валом, а с южной, наиболее низкой стороны мыс перерезан даже двумя валами и рвами [29, с. 106]. На краю плато, имеющем пологие склоны, расположено и Люботинское городище. Вся площадь его также обнесена валом и рвом. Довольно сложная система укреплений характерна для городища у с. Городище (Харьковская обл.), особенно в восточной части, где оборонительная линия выходит на господствующую над местностью возвышенность. Здесь сооружена целая система из трех, а на одном участке даже из четырех валов и рвов. Это ключевая позиция обороны. С захватом ее враг получил бы возможность беспрепятственно обстреливать сверху всю территорию поселения. Поэтому укрепления здесь и были наиболее мощными [16, с. 190].

Значительную роль в фортификационной системе играли предградья, которые пристраивались к главному, центральному укреплению и были дополнительными сооружениями, прикрывающими входы в основную часть поселения. Более всего эти городища представлены в бассейне Дона и Ворсклы. Наиболее выразителен прием прикрытия предградьями входов в центральное укрепление на городищах Сосонка и Каменское.

Система укреплений городищ несколькими предградьями появляется в лесостепи в предскифское время [27, с. 27, рис. 16] и получает широкое распространение. Вне пределов лесостепи Восточной Европы она встречается в милоградской культуре [30, с. 8], в Дакии [31, с. 143, рис. 130], у ряда кельтских оппидумов [31, с. 149, рис. 136; 32, с. 124, 126]. В более позднее время, уже в эпоху раннего средневековья, система окружения главного двора предградьями встречается также в славянских и раннегерманских городищах [33, с. 301, рис. 4]. Такое широкое распространение и длительное существование городищ с предградьями, видимо, не случайно. Предградья давали определенные преимущества, так как противник вынужден был несколько раз штурмовать укрепления. Увеличивалась глубина обороны. Так, на городище у с. Городище она составляла 55—132 м, на Караванском — 57—145, на Каменском — 90—135 м.

Для своих городищ лесостепные племена междуречья Днепра и Дона выбирали мысы наиболее удобной формы. И конфигурация поселений, естественно, соответствовала в основных чертах форме мыса. Вал, расположенный с напольной стороны, как правило, был дугообразной формы. Если же валы охватывают всю площадь городища, то они имеют в плане округлые очертания, так как с такого вала удобнее всего вести наблюдение и защиту [34, кн. I, V, *2*].

Таким образом, рассматриваемые городища, имея определенные особенности в деталях, подчинены единым требованиям в основных топографических признаках и главных принципах фортификации.

Несмотря на многолетние исследования, мы знаем в настоящее время не очень много укрепленных поселений скифской эпохи, оборонительные сооружения которых были бы всесторонне изучены путем раскопок. Из 99 известных в междуречье Днепра и Дона городищ подобные исследования проводились лишь на 20. Наиболее полно изучены оборонительные сооружения в бассейне Донца и Ворсклы. Рассмотрим основные приемы сооружения валов, рвов и входов.

Долгое время в археологической литературе существовало мнение, что большинство валов представляют собой либо простые земляные насыпи (Д. Я. Самоквасов [35, с. 229], В. А. Городцов [36, с. 49]), либо насыпи, подвергавшиеся обжигу (В. В. Хвойка [37, с. 39], В. А. Ильинская [38, с. 110], И. В. Фабрициус [39, с. 87, 88] и др.). Однако последние работы [5, с. 95—100; 6, с. 100—116; 13, с. 73; 15; 20, с. 12; 21, с. 138—141] позволяют в значительной мере пересмотреть это положение. Уже сейчас можно сказать, что большинство валов, если не все, имело деревянные конструкции. Изредка встречаются и каменные [5, с. 139]. Деревянные конструкции гибли от пожаров. Следы их зафиксированы в валах многих городищ (Полковая Никитовка, Городное, Сосонка, Каменка), и в тех случаях, когда их можно датировать, относятся к VI в. до н. э., ко второй его половине или даже к концу. Следы нападения в конце VI в. до н. э., пожар и восстановление оборонительных сооружений прослежены Б. А. Шрамко на Бельском городище [6, с. 103, 116]. Б. А. Рыбаков связывает возможность сожжения Гелона (Бельского городища) с походом Дария [40, с. 180]. Анализ географии персидского похода 512 г. позволил ему реконструировать маршрут конного рейда персов в район Среднего Донца и Ворсклы [40, с. 173, 178—183], где известно большое количество городищ. Это согласуется с сообщением Геродота о вторжении в землю будинов и сожжении здесь деревянного укрепления (Геродот, IV, 123). Подобные разрушения отмечены в землях меланхленов и андрофагов (Геродот, IV, 125). Вполне вероятно, что разрушения некоторых городищ могли быть связаны с походом Дария I. Однако в дальнейшем борьба лесостепных племен со скифами продол-

жается. Видимо, следствием этого является восстановление укреплений в пограничных со степью районах. Именно здесь, в бассейнах Дона, Донца и Ворсклы, в разрезах городищенских валов удалось проследить два, иногда и три строительных периода. Два периода в устройстве укреплений выявлены на городищах: Восточное Бельское, Каменское, Люботинское, Большое Сторожевое, Полковая Никитовка и Городнянское, три периода зафиксированы на Большом и Западном Бельских городищах, а также на поселениях у сел Сосонка и Русская Тростянка.

Наблюдения показывают, что одних поперечных разрезов валов для выяснения их структуры недостаточно. Необходимы продольные вскрытия на большой площади [6, с. 94]. Только таким образом можно выявить особенности устройства древних оборонительных сооружений и наличие деревянных конструкций в верхней части вала. Почти все подвергавшиеся раскопкам валы сохранили следы деревоземляных конструкций (остатки обуглившегося дерева, столбовые ямки, канавки для крепления деревянных стен). По характеру этих конструкций можно выделить два типа городищ: I — городища с деревоземляными сооружениями, устроенными на уровне дневной поверхности; II — городища с деревоземляными конструкциями, основой для которых были земляные насыпи (валы).

Городища I типа представлены Люботинским, Большим Сторожевым (I строительный период), Каменским (I строительный период), Хорошевским, Большим Гомольшанским поселениями. Так, на Люботине на уровне погребенной почвы была построена крепостная стена шириной 1,8 м. Она состояла из двух соединенных поперечными стяжками параллельных деревянных стенок: внутренней, высотой 2,70 м, и внешней, более высокой. Пространство между ними было забутовано глиной. Стенки сделаны из расколотых пополам и уложенных горизонтально вдоль оборонительной линии бревен толщиной 20 см, закрепленных вкопанными в землю столбами. Расстояние между вертикальными столбами не превышало 3 м. С обеих сторон к крепостной стене примыкала высокая земляная насыпь [41, с. 12]. В верхней части вала Б. А. Шрамко проследил столбовые ямки от оборонительной стены II строительного периода, которая по своему устройству мало чем отличается от более древней [13, с. 73—74].

Основу укреплений городища у с. Большая Гомольша также составляла деревянная стена. Первоначально здесь было деревянное сооружение на столбовой конструкции, которое, вероятно, сгорело. От него осталось три канавки, расстояние между которыми 1,30 и 2,20 м. В них стояли столбы. Позже здесь был насыпан вал [15, с. 140, рис. 4].

Остатки угля и золы, свидетельствующие о сгоревших деревянных конструкциях, прослеживаются в валах городищ у сел Водяное, Караван, Хорошево [42, 43], Большая Гомольша [15, с. 139; 16, с. 191], Сосонка [44, с. 276], Кнышевка [10, с. 243] и др. Такого же типа оборонительные сооружения были и на Восточном Бельском городище. Раскопками Б. А. Шрамко выявлены остатки стены из горизонтально расположенных бревен, крепившихся при помощи вертикальных столбов. Самая верхняя ее часть, образующая бойницы, была сделана из плетня [6, с. 94]. С внутренней стороны поселения к ней примыкала земляная насыпь шириной 7,20 м с площадкой. В верхней части насыпи находились деревянные стяжки, удерживавшие концы вертикальных бревен. Разновидностью этого типа являются оборонительные сооружения Западного Бельского городища. Здесь в валу были устроены помещения для хранения припасов или для гарнизона [6, с. 114]. Деревянные перекрытия их провалились, и на этих местах возникли впадины.

II тип составляют укрепления, основой которых были земляные насыпи с деревянной конструкцией вдоль гребня, крепившейся на вкопанных в землю столбах. Остатки обуглившегося дерева и столбовые ямки зафиксированы в валах Каменского городища, Сосонки, Полковой Никитовки (II строительный период), Городного (II строительный период).

Деревянные оборонительные конструкции с использованием плетня

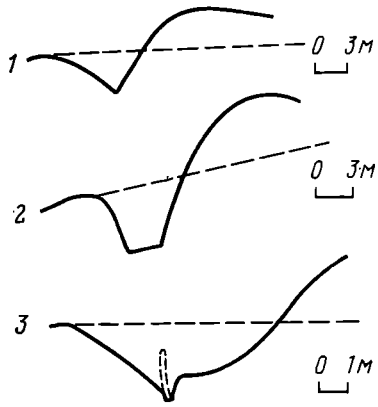


Рис. 5.

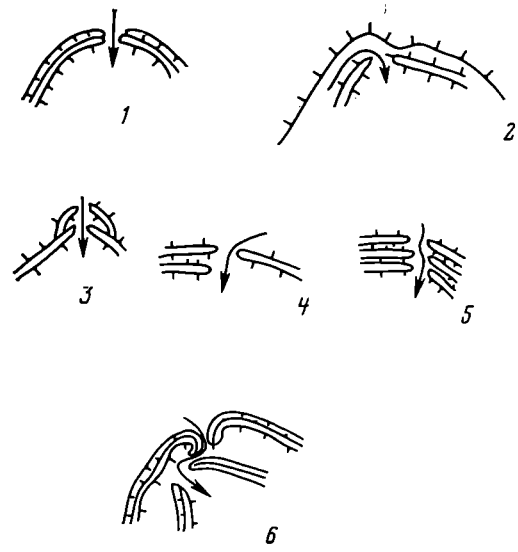


Рис. 6.

Рис. 5. Типы рвов. *1* — ров с конусовидным дном; *2* — ров с плоским дном; *3* — ров с надолбами

Рис. 6. Типы входов. *1*, *2* — простой вход; *3*—*5* — вход с дополнительной защитой; *6* — защита входа предградьями

известны и на соседних территориях лесостепи в Правобережье Днепра [45, с. 68; 46, с. 68], у даков и гетов [47, с. 73, табл. IV; 48, с. 221], в памятниках городецкой культуры [49, с. 11].

Камень в качестве строительного материала при возведении укреплений практически не использовался. Исключение составляет городище у с. Большая Гомольша, где обнаружен участок вала, внутренняя сторона которого облицована камнем. В других местах этого же городища такой обкладки нет. Возможно, это связано с попыткой не допустить размывания входа и спуска к ручью [15, с. 139]. Каменные укрепления у спуска к реке известны на городищах соседней территории, например на Любимовском (III в. до н. э.— III в. н. э.) в Херсонской обл. [50, с. 99]. Камни были обнаружены в валу Немировского городища [46]. Они, видимо, использовались здесь для закрепления нижней части деревянной конструкции I строительного периода. Валы Григоровского городища сооружены из земли с большим количеством камней, а в некоторых местах сплошь состоят из камня [51, с. 181; 52, с. 194; 53, с. 100]. На городище у с. Поливанов Яр камнем был облицован внешний склон вала [54, с. 32]. Следует отметить, что на западе в раннем железном веке каменные конструкции встречаются чаще [31, с. 151; 32, с. 28, 35; 55, с. 447; 56, с. 104, 106]. Видимо, это связано с меньшим количеством лесных массивов на этой территории. Определенное влияние, возможно, оказали гальштатские и латенские традиции широкого использования камня при сооружении укреплений.

Неотъемлемой частью оборонительных устройств являются рвы, обычно связанные с валами. При возведении укреплений всегда требовалось большое количество земли (для насыпи вала, подсыпки к деревянной стене или заполнения пространства между двумя деревянными стенами), и эту землю брали здесь же, у строящегося укрепления, с его внешней, а иногда и с внутренней стороны. Это хорошо прослеживается визуально и в стратиграфических разрезах, особенно на Восточном Бельском городище. В результате выемки земли перед валом возникало искусственное углубление, иногда значительных размеров, которое способствовало усилению всей оборонительной системы в целом. Однако раскопки показывают, что ров был не просто углублением, которое получалось при сооружении вала. Строители скифской эпохи уже умели придавать ему весьма целесообразную форму и использовали рвы даже там, где валы не насыпались.

Таблица 2

Городище	Угол наклона стенки рва, °	
	в сторону вала (эскарп)	во внешнюю сторону (контрэскарп)
Большое Сторожевое	65	70
Волошино I	35	45
Русская Тростянка	34	49
Караван	15	20
Большая Гомольша	20	40

Разрезы рвов сделаны на 10 городищах. Несмотря на малое количество проведенных в этом отношении археологических исследований, все же можно выделить два типа рвов.

I тип — рвы, имеющие в разрезе треугольные очертания с более или менее заостренным дном (рис. 5, *1*), представлен материалами городищ у сел Караван, Большая Гомольша [43], Волошино [18, табл. 4], Большое Сторожевое [18, табл. 5], Русская Тростянка [18, табл. 4] и т. д. Все они имеют очень простое устройство. Ширина их в верхней части колеблется от 3 (1-й ров городища у с. Русская Тростянка) до 24 м (Западное Бельское), книзу они сужаются и сходят на нет. Глубина — от 1,55 (Караван) до 9,50 м от уровня погребенной почвы. В большинстве случаев внешний склон более крутой, чем внутренний. Это, возможно, объясняется тем, что по внутреннему склону выносили землю из рва при возведении вала. На Большом Сторожевом городище для этой цели, как считает П. Д. Либеров, были даже сделаны ступени [57]. Наглядное представление дает табл. 2.

II тип — рвы с уплощенным дном (рис. 5, *2*), представлен материалами городищ у сел Водяное [42] и Бельск — Восточное и Большое городища [5, с. 97, 99; 6, с. 102, 104, 114]. Два последних иллюстрируют один строительный прием, оба строились по единому замыслу. Ширина уплощенного дна колеблется от 0,85 (Водяное) до 2,60 м (Большое Бельское). Стенки рвов устроены по такому же принципу, как и во рвах I типа, т. е. контрэскарп имеет больший угол наклона по сравнению с эскарпом.

Плоское дно рвов имело, возможно, определенное назначение. По нему удобнее было скрытно передвигаться защитникам крепости во время осады. К этому же типу следует отнести и ров Люботинского городища, особенностью которого являются следы надолбов в дне [58]. Площадка на дне рва со стороны, противоположной городищу, заканчивалась конусовидной ямой глубиной 0,8 м и диаметром внизу 0,35 м. В таких ямах, расположенных, очевидно, по всему дну рва, были укреплены, как предполагает Б. А. Шрамко, заостренные деревянные колья (рис. 5, *3*).

Иногда склоны рва обмазывали глиной. Это делалось, как полагает П. Д. Либеров [59, с. 162—163], для затруднения их преодоления (Волошино I) или в тех случаях, когда ров вырыт в песчаном грунте. Так, глиной были обмазаны стенки рва Люботинского городища, толщина обмазки здесь от 15—20 до 40—45 см [58].

Стенки рвов постепенно разрушались и оползали, поэтому периодически производили ремонт, заключавшийся в очистке рва от оплывшей земли, а иногда вместо заплывшего рва отрывали новый. Стратиграфически ремонт прослеживается на городище у с. Большое Сторожевое [18, табл. 5] и особенно четко на городище у с. Русская Тростянка [18, табл. 4], а также на Большом Бельском городище [6, с. 114, рис. 9; с. 116].

При сооружении лесостепных городищ скифского времени междуречья Днепра и Дона широко использовался прием эскарпирования склонов мыса, на котором устраивалось поселение. Хорошо выражены вертикальные срезы в верхней части склонов на городище у с. Городище [42, 60], где крутизна склона на протяжении 10 м с 27° была увеличена до 40°. Этот вертикальный срез упирается нижним концом в горизонталь-

Таблица 3

Городище	Размеры рвов, м		Размеры валов, м		Общие размеры, м (вал + ров)	
	ширина	глубина	ширина	высота	ширина	глубина
Большое Бельское	13,75	7,10	12,15	3,00	25,90	10,10
Восточное Бельское	12,80	3,50	20,00	3,30	32,80	6,80
Западное Бельское	24,00	4,00	32,00	8,00	56,00	12,00
Водяное	4,50	1,80	7,00	1,10	11,50	2,90
Караван	10,80	1,55	14,00	1,60	24,80	3,15
Сосонка (II строительный период)	—3,90	1.35	13,35	2,60	17,25	3,95

ную площадку шириной 4—5 м, далее вниз идет естественный склон. Подобный прием прослеживается на многих городищах в бассейне Дона, Северского Донца, Ворсклы, Сулы, Псла и Сейма. В целом городища с эскарпами составляют 26,6%. По бассейнам отдельных рек они распределяются следующим образом: на Дону — 6,3%, на Донце — 66,7%, на Ворскле — 21,4, на Псле — 36,4, на Суле — 10, на Сейме — 14,3%.

Хотя приемы, использовавшиеся при строительстве лесостепных городищ, сложились в местных условиях, однако отдельные детали и даже принципы строительства античных укреплений и лесостепных являются общими. Так, Вегеций обращает внимание на необходимость укрепления города очень широкими и глубокими рвами, «так, чтобы осаждающие враги нелегко могли их сровнять или засыпать» (Вегеций, IV, *5*). По правилам римской фортификации ширина рва временного лагеря должна быть около 3,65 м, а глубина от вершины — 4 м (Вегеций, I, *24*). Мощность же оборонительных сооружений рассматриваемой территории гораздо больше. Это связано, вероятно, с тем, что городища были в основном местами постоянной жизни мирного населения, а не временными лагерями воинов. Глубина рва от вершины вала здесь колеблется в пределах от 3 (Караван, Северское, Сабынино) до 12 м (Западное Бельское), а ширина — от 5 (Водяное) до 24 м (Западное Бельское). О мощности оборонительных устройств рассматриваемых городищ можно судить по данным табл. 3.

Как правило, укрепления состояли из вала и рва, расположенного перед ним. Иногда сооружалась целая система рвов и валов (два рва и вала на Архангельском, Большом Сторожевом и других городищах), но самый высокий вал — внутренний, с которого хорошо просматривалась окрестность.

Вход на городище был наиболее уязвимым местом во всей фортификационной системе. Поэтому устройство и защита его требовали большого мастерства и хорошего знания военного дела. Так как большинство городищ расположено на мысах, то входы чаще всего устраивались с напольной стороны. Иногда городища имеют по нескольку входов. Строители стремились максимально защитить их, сооружая дополнительную систему валов и рвов или же умело располагая предградья, окружавшие главный двор, для достижения тактики фланкирующего обстрела.

Исходя из анализа конкретного материала рассматриваемых городищ, можно дать следующую классификацию входов.

I тип — вход представляет собой перерыв в системе укреплений. Различаются два вида: 1) расположен с напольной стороны (Борисовское) [8, с. 57], Караван [61], Яковлевское [16, с. 186], Заказаровское [8, с. 74], Свиридовское [12, с. 146], Полковая Никитовка [21, с. 136], Воргол [62, с. 52], Горки [63] и др.) (рис. 6, *1*); 2) находится со стороны склона мыса (Циркуны [29, с. 106], Барановское [64], Большая Гомольша [15, с. 139]) (рис. 6, *2*).

II тип — входы дополнительно защищены валами и рвами. Учитывая различия в устройстве дополнительных укреплений, мы выделяем в

этом типе четыре вида. Для первого характерно сооружение напротив входа дополнительного вала, который огибает небольшое пространство и примыкает своими концами к основному валу, образуя небольшой дворик у входа (рис. 6, *3*). К этому виду следует отнести Сухоносовское [12, с. 146], Клепачевское [12, с. 142] и Городнянское [21, с. 136] городища. Площадь дворика — от 0,1 (Клепачи) до 0,64 га (Городное).

Городища со входами второго вида имеют дополнительный вал у входа, идущий параллельно основному (рис. 6, *4*). К этому виду следует отнести один из трех входов на городище Циркуны, а также входы на городище Шубное [57] и Лесное [18, табл. 5].

Третий вид составляют городища со входами, имеющими более сложную систему дополнительных укреплений из нескольких валов и рвов, идущих параллельно основному (рис. 6, *5*). Такое устройство прослеживается на городищах у сел Меловая [16, с. 186], Архангельское [65, 85], Большое Сторожевое [18, табл. 5], Большие Будки [12, с. 142], и др. Так, вход на Архангельское городище защищен валом и двумя рвами, на Большом Сторожевом — тремя валами и двумя рвами, на Северском — тремя валами и рвами, на городище у хут. Городище [16, с. 186] — четырьмя валами и рвами. Однако ценность дополнительных сооружений всех этих городищ несколько снижается тем, что перерывы для входа в их сложных системах укреплений были расположены на одной линии.

Четвертый вид — надежная защита входов достигалась продуманным расположением других частей линии обороны, в частности предградий. В результате получалась первоклассная по тем временам крепость с широкой возможностью для обороняющихся применять тактику фланкирующего обстрела. К этому виду относятся южный и северный входы Восточного Бельского городища [6, с. 99], вход на главный двор урочища Башта Басовского городища [11, с. 49], входы Кнышевского [10, с. 24] и Сосонского городищ. Наиболее ярко этот принцип выражен на Каменском городище [21, с. 136]. С напольной стороны главный двор здесь защищен двумя предградьями (рис. 6, *6*).

Античные градостроители большое внимание уделяли расположению входов, так как необходимость фланкирования подступов была основным требованием защиты крепостей [66, с. 479]. «Главным же образом следует заботиться о том,— писал Витрувий,— чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить ее по краю кручи с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева» (Витрувий, кн. I, V, *2*). В таком случае нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, не прикрытым щитом. Принцип фланкирования входов широко представлен на городищах Днепро-Донского междуречья.

Сооружение различных дополнительных конструкций у входа известно также и на многих городищах Западной Европы [67, табл. 93]. Цель их — максимально защитить вход на поселение и сделать его неприступным. Однако сравнение этих сооружений с лесостепными городищами раннего железного века междуречья Днепра и Дона свидетельствуют о более удачных конструкциях последних. На западноевропейских городищах I тысячелетия до н. э. встречаются входы, прикрытые несколькими рядами рвов и валов [31, с. 133, 149], но зачастую без системы фланкирования [31, с. 133].

Устройство входов в настоящее время еще мало изучено путем раскопок. Соответствующие исследования были проведены только Б. А. Шрамко на Люботинском [13, с. 73] и Восточном Бельском [6, с. 106] городищах. На Люботинском ширина входа в древности составляла 9,5 м. Большое количество мелких кусочков древесного угля, насыщающих слой на месте входа, говорит о том, что он во время военной опасности был закрыт какой-то деревянной конструкцией, опиравшейся на центральный столб, яма от которого зафиксирована посреди входа. Возможно, здесь была перегородка коридорообразного входа, как на городище Römerschanze лужицкой культуры [31, с. 121].

На Восточном Бельском городище в результате исследования южного

входа установлено, что ширина его была 7,30—8 м (расширяется в сторону городища). Б. А. Шрамко предполагает существование сооружения типа надвратной башни, опиравшейся на деревянные столбы, вкопанные по бокам входа. Сложная деревоземляная конструкция входа усиливалась в нижней части каменной облицовкой или вымосткой [6, с. 106].

Пока нигде не удалось обнаружить никаких ясно выраженных остатков ворот. Очевидно, они были целиком деревянными, и поэтому их трудно выявить. Этнографические материалы дают возможность проследить в лесостепной полосе Украины встречающиеся в виде пережитка ворота, сделанные без единой металлической детали. Створки образуют доски, скрепленные поперечинами при помощи деревянных колышков. Во вкопанных в землю столбах, образующих проем для ворот, вырезаются продольные пазы, в которые вставляется створка и прикрепляется петлями из лозы, кожи или какого-либо иного материала. Нечто подобное могло применяться и в скифское время.

Анализ топографических признаков, а также характер оборонительных сооружений дают возможность говорить о том, что значительная часть городищ лесостепного междуречья Днепра и Дона, имеющих сложную систему оборонительных устройств, была построена по единому замыслу, с учетом местных особенностей рельефа, т. е. главный двор и предградья строились, видимо, одновременно, а не являлись результатом увеличения количества населения. Примером целесообразности расположения различных частей городища (главный двор, предградья) могут служить Циркуновское, Барановское, Каменское и другие поселения. Особенно четко выражено единство замысла строителей в системе укреплений Каменского городища. Об этом свидетельствует отсутствие на предградьях культурного слоя, расположение северного из них на склоне, а также продуманное устройство входов. Однако, возможно, некоторые городища, у которых на предградьях есть культурный слой (Городище [68], Караван [16], Коломак [69] и др.), являются результатом расширения первоначального укрепления.

Площадь городищ различна. Представляется возможным выделить пять категорий: I — до 1 га, II — от 1 до 5 га, III — от 5 до 10 га, IV — от 10 до 30 га, V — свыше 30 га. Поселения I категории наиболее широко представлены на Сейме (рис. 7) и составляют 58,3%, на Псле — 28,6, на Дону — 8% от всех известных здесь городищ. Городища V категории — Басовское и Сечь в Посулье, Большая Гомольша, Хорошево и Городище в бассейне Донца, Полковая Никитовка и Бельск в Поворсклье. Последнее является самым большим из всех известных в Восточной Европе поселений. Площадь его 4021 га.

К сожалению, исследования, проведенные на большинстве городищ рассматриваемого региона, ограничивались осмотром памятников, их описанием и сбором подъемного материала. Работы разведочного характера, включающие разрезы валов и рвов, шурфование или небольшие раскопы, проведены на 15 из 99 городищ, и только 12 подвергались систематическим раскопкам. В связи с этим точные хронологические рамки существования многих городищ не ясны. Как видно из корреляционной таблицы (рис. 7), на которой представлено соотношение типов городищ, их размеров, времени существования, наличия сгоревших деревянных конструкций в валах, наиболее рано укрепленные поселения возникают в бассейне Ворсклы (Бельское) и Северского Донца (Люботинское, Дмитровское), начало существования их относится к VII в. до н. э. В VI в до н. э. количество городищ увеличивается. Больше всего их находится в Поворсклье (наряду с Бельским возникают Полковая Никитовка, Городное и Коломакское), есть они на Донце (Донецкое), Псле (Кнышевка), Суле (Басовское) и Сейме (Марица, Ширяево, Переверзево I). К V—III вв. до н. э. относится время существования большинства укрепленных поселений лесостепного междуречья Днепра и Дона. Наибольшее количество городищ функционировало в V—IV вв. до н. э.

В раннем железном веке городища были широко распространены у

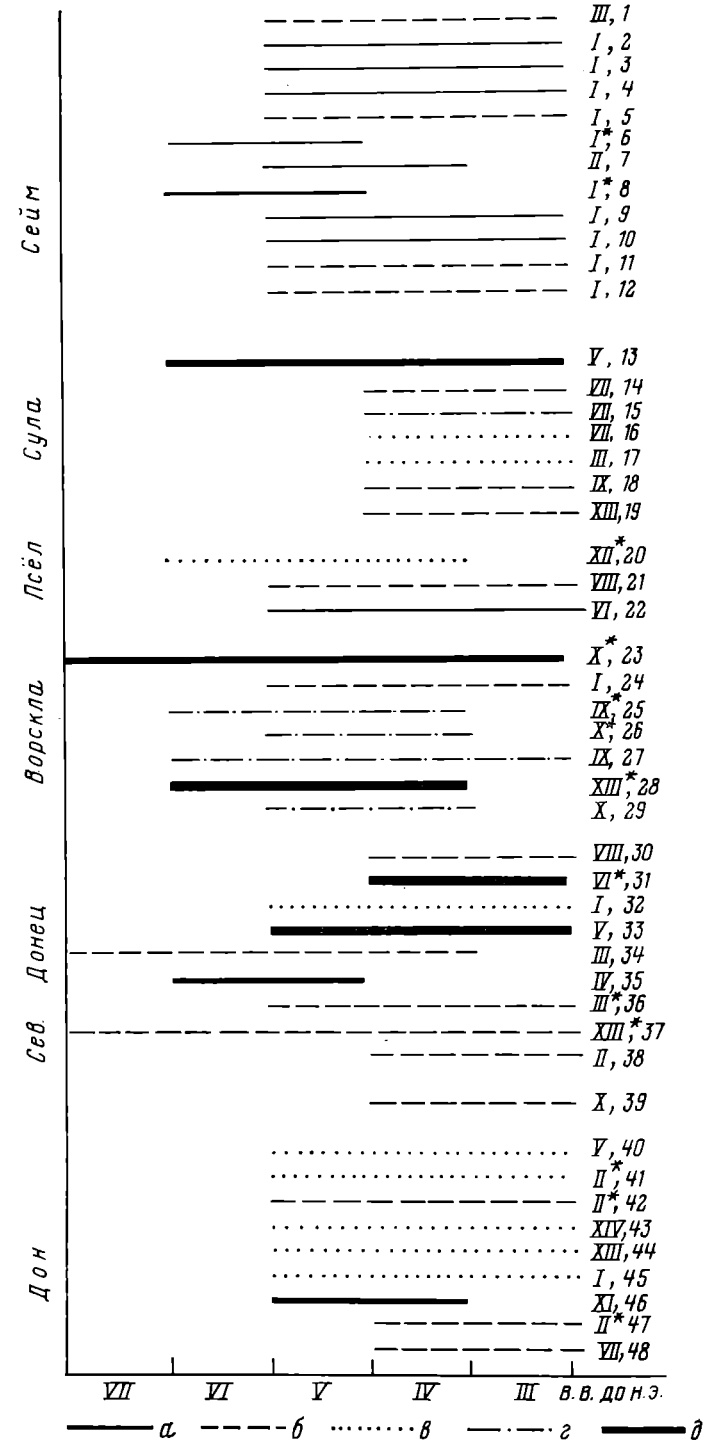


Рис. 7. Корреляционная таблица. Соотношение типов городищ, их размеров, времени существования, наличия деревянных конструкций в валах (обозначены звездочкой). *а* — городища, имеющие площадь до 1 га; *б* — от 1 до 5 га; *в* — от 5 до 10 га; *г* — от 10 до 30 га; *д* — свыше 30 га. *I*—*X* — типы городищ 1 класса; *XI*—*XIV* — городища 2 класса (I—IV типы). *1* — Воргол; *2* — Горки; *3* — Городище; *4* — Красное Утро; *5* — Линово; *6* — Марица; *7* — Нартово; *8* — Переверзево I; *9* — Погореловское; *10* — Рыльское; *11* — Сухая; *12* — Шабалиново; *13* — Басовское; *14* — Большие Будки; *15* — Глинское; *16* — Клепачи; *17* — Свиридовское; *18* — Сухоносовское; *19* — Хитцы; *20* — Кнышевка; *21* — Кривицкие Буды; *22* — Чернецкое; *23* — Бельск; *24* — Высокое; *25* — Городное; *26* — Каменское; *27* — Коломак; *28* — Полковая Никитовка; *29* — Сосонка; *30* — Барановское; *31* — Большая Гомольша; *32* — Большое Городище; *33* — Городище; *34* — Дмитровское; *35* — Донецкое; *36* — Караван; *37* — Люботин; *38* — Северское; *39* — Циркуны; *40* — Архангельское; *41* — Большое Сторожевое; *42* — Волошино I; *43* — Волошино II; *44* — Волошино III; 45 – Кировское; *46* — Круглое; *47* — Русская Тростянка; *48* — Стрелецкое

различных племен и на соседних территориях. В их устройстве много общего: наличие валов, рвов, деление на основное укрепление и предградье и т. д. Б. Н. Граков, исследуя степное Каменское городище, отмечает, что по своему плану оно совпадает с самыми большими городищами лесостепи [70, с. 54—55]. Действительно, можно говорить об общей идее, лежавшей в основе строительства крупных оборонительных сооружений степи и лесостепи.

Обитаемая часть городища находилась на определенном расстоянии от внешних укреплений, достаточном для того, чтобы постройки не подвергались обстрелу в случае осады врагами. Причем эта заселенная территория находилась не в центре городища, а ближе к его краю. Такая планировка характерна как для степного Каменского городища, так и для городищ Днепро-Донского междуречья (Бельского, Люботинского,

Полковой Никитовки и др.) и Днепровского Правобережья (Немировское, Пастырское, Трахтемировское и др.). Однако в их устройстве есть определенные различия. Особенностью городищ правобережной лесостепи является расположение крупных источников воды в виде речек на территории самих поселений (Немировское, Плискачевское, Трахтемировское, Грубское, Пастырское, Матронинское, Матерское, Переорка), тогда как население Днепро-Донского междуречья преимущественно пользовалось водой, находящейся за пределами поселений, или копало колодцы, как это выявлено на Восточном Бельском поселении и Коломаке. Для городищ Правобережья характерны также детинцы, расположенные внутри поселений (Грубское, Немировское и др.). Следует подчеркнуть, что в раннее время в степной Скифии городищ не было, а поздние отличаются от лесостепных в устройстве укреплений. Так, при строительстве укреплений степных скифских городищ широко использовался камень, а иногда и кирпич-сырец [70, с. 151; 71, с. 109, 175 и др.], тогда как основная часть валов лесостепных городищ сооружена из земли.

Ряд особенностей вырисовывается и при сравнении лесостепных городищ Днепро-Донского междуречья с укрепленными поселениями милоградской, южновской и городецкой культур. Как правило, городища устраивались на мысах. Но милоградские часто имеют форму, близкую к прямоугольной [30, с. 15], тогда как на рассматриваемой территории они подтреугольных или округлых очертаний. Своеобразием милоградских поселений является использование болот [30, с. 26]. Среди лесостепных городищ можно назвать только одно болотное поселение — Сабынинское. Определенные отличия существуют и в устройстве укреплений. Валы и рвы милоградских городищ расположены на уровне площадки поселения [30, с. 29]. В лесостепи же рвы часто устраивались на склоне мыса, т. е. ниже площадки самого поселения.

Юхновские городища, расположенные в лесной полосе, отличаются, прежде всего, небольшими размерами. Это мысовые поселения, ограниченные со стороны плато валом и рвом [72, с. 82]. На вершине вала стояли деревянные укрепления [73, с. 32] — стены, тогда как в лесостепи сооружались деревоземляные.

Городища городецкой культуры также устраивались на мысах. Как правило, они имеют треугольную в плане форму. С напольной стороны были защищены валом и рвом, а иногда и несколькими валами и рвами. Вдоль вала, основу которого составляли пласты обожженной глины, сооружалась ограда в виде двойного плетня, укрепленного столбами. Пространство между плетнями было засыпано землей [46, с. 11]. Такой тип деревоземляных стен часто встречается и в Днепро-Донском междуречьи (Люботин, Каменское и др.).

Таким образом, сопоставление городищ лесостепного междуречья Днепра и Дона с соседними областями дает возможность выявить общие принципы расположения и укрепления поселений и подчеркнуть те особенности, которые сложились у близких по быту и хозяйству племен в сходных естественно-географических условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мильков Ф. Н.* Природные зоны СССР. М.: Мысль, 1977.
2. *Мильков Ф. Н.* Лесостепь Русской равнины: Опыт ландшафтной характеристики. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
3. *Исаков Ю. А.* От редактора.— В кн.: *Кириков С. В.* Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X — нач. XIX вв. М.: Наука, 1979.
4. *Прасолов Л. И.* Земельные богатства СССР.— Сов. наука, 1941, № 3.
5. *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
6. *Шрамко Б. А.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
7. *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелонобудинская проблема.— СА, 1975, № 1.
8. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104.
9. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наук. думка, 1967.

10. *Ильинская В. А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псла.— СА, 1957, т. 27.
11. *Іллінська В. А.* Басівське городище.— Археологія, 1965, т. XVIII.
12. *Іллінська В. А.* Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі (1946).— АП, 1949, т. II.
13. *Шрамко Б. А.* Нові дані про господарство скіфської епохи.— Вісн. ХДУ, 1966, № 17. Історична сер., вип. 1.
14. *Шрамко Б. А.* Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца.— КСИИМК, 1954, вып. 54.
15. *Шрамко Б. А.* Поселення скіфського часу в басейні Дінця.— Археологія, 1962, т. XIV.
16. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во ХГУ, 1962.
17. *Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П.* Справочник по археологии Украины: Харьковская область. Киев: Наук. думка, 1977.
18. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, 1965. вып. Д1-31.
19. *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона.— МИА, 1969, № 151.
20. *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье. М.: Наука, 1981.
21. *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
22. *Моруженко А. А.* Исследования в бассейне Ворсклы.— АО — 1976, М., 1977.
23. *Моруженко А. А.* Исследования в Харьковской и Донецкой областях.— АО — 1974. М., 1975.
24. *Андриенко В. П.* Раскопки поселения у с. Олефирщина.— АО — 1974. М., 1975.
25. *Андриенко В. П.* Раскопки поселения у с. Пожарная Балка.— АО — 1976. М., 1977.
26. *Радзиевская В. Е.* Раскопки Коломакского городища.— АО — 1980. М., 1981.
27. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Наук. думка, 1961.
28. *Пузикова А. И.* Раскопки Переверзевского I городища.— АО — 1979. М., 1980.
29. *Шрамко Б. А.* Курган и городище у с. Циркуны.— КСИИМК, 1956, вып. 63.
30. *Мельниковская О. И.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
31. *Schuchhardt C.* Die Burg im wandel der Weltgeschichte. Lpz., 1931.
32. *Филипп Ян.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
33. *Herrman J., Hoffman R.* Neue Forschungen zum slawischen und frühdeutschen Burgwall «Räuberberg» bei Phöben. Kr. Potsdam — Land.— Ausgrabungen und Funde, 1959. B. 4, H. 6.
34. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. М., 1936.
35. *Самоквасов Д. Я.* Историческое значение городищ.— Тр. III АС. Т. I. Киев, 1878.
36. *Городцов В. А.* Археология. Т. I, М.— Л., 1925.
37. *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
38. *Іллінська В. А.* Городище скіфського часу на р. Сеймі.— Археологія, 1953, т. VIII.
39. *Фибриціус І. В.* Тясминська експедиція.— АП, 1949, т. II.
40. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
41. *Шрамко Б. А.* Отчет о работе скифской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1961 г.— Архив ИА АН УССР, ф. эксп. 3696, № 1961/24.
42. *Шрамко Б. А.* Отчет об археологических исследованиях Харьковского госуниверситета в 1952 г.— Архив ИА АН УССР, ф. эксп. 1622, № 1952/24.
43. *Шрамко Б. А.* Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции ХГУ в 1958 г.— Архив ИА АН УССР, ф. эксп. 3182, № 1968/31.
44. *Моруженко А. А.* Раскопки городищ у сел Каменка и Сосенка.— АО — 1968. М., 1969.
45. *Тереножкин А. И.* Поселения и городища в бассейне р. Тясмина.— КСИИМК, 1952, вып. 43.
46. *Моруженко А. О.* Оборонні споруди Немирівського городища.— Археологія, 1975, № 15.
47. *Daicoviciu C.* Cetatea Dacica de la Piatra Rosie. Buc., 1954.
48. *Златковская Т. Д.* Городище Матеуцы.— В кн.: Новое в советской археологии.— МИА, 1965, № 130.
49. *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура.— САИ, 1965, вып. Д1-14.
50. *Дмитров Л. Д., Зуц В. Л., Копилов Ф. Б.* Любимівське городище рубежу нашої ери.— АП, 1961, т. X.
51. *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1948 г.— Вестн. ЛГУ, 1948, № 11.
52. *Артамонов М. І.* Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р.— АП, 1952, т. IV.
53. *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1955, вып. 59.
54. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья.— МИА, 1958, № 64.
55. *Нидерле Л.* Человечество в доисторические времена: Доисторическая археология Европы и в частности славянских земель. Спб., 1898.
56. *Horakova-Jansova L.* Keltske oppidum u Hrazan na Vltave.— AR, 1952, t. IV, N 1.
57. *Либеров П. Д.* Отчет о результатах работы Воронежского отряда лесостепной

скифской экспедиции ИА АН СССР в 1962 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2489, 2489а.
58. *Шрамко Б. А.* Отчет 1962 г. о работе скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ.— Архив ИА АН УССР. ф. эксп. 3931, № 1962/36.
59. *Либеров П. Д.* Мастюгинские курганы и Волошинские городища.— СА, 1960, № 3.
60. *Шрамко Б. А.* Отчет о работе Северо-Донецкой археологической экспедиции ХГУ в 1951 г.— Архив ИА АН УССР, ф. эксп. 1212, № 1951/20.
61. *Шрамко Б. А.* Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7.
62. *Ляпушкин И. И.* Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья.— СА, 1950, т. XII.
63. *Ляпушкин И. И.* Отчет о работе Днепровской левобережной археологической экспедиции ИИМК АН СССР и ИА АН УССР в 1947 г.— Архив ИА АН УССР, № 1947/29.
64. *Спицын А. А.* Корочки.— Архив ЛОИА АН СССР, № 351.
65. *Москаленко А. Н.* Раскопки Архангельского городища в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1956, вып. 62.
66. *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1: Военное искусство рабовладельческого периода войны. М., 1955.
67. *Jakimowicz R.* Okres wezesnohistoryczny.— Prehistoria ziem Polskich, 1939—1948, t. IV, cr. 1.
68. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца.— МИА, 1962, № 113.
69. *Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А.* Раскопки в бассейнах Северского Донца и Ворсклы.— АО — 1976. М., 1977.
70. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
71. *Погребова Н. И.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64.
72. *Левенок В. П.* Юхновская культура (ее происхождение и развитие).— СА, 1963, № 3.
73. *Алихова А. Е.* К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова.— КСИИМК, 1956, вып. 65.

A. A. Moruzhenko

FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE TRIBES INHABITING THE FOREST-STEPPE BELT OF THE DNIEPER-DON INTERFLUVE IN THE 7th-3rd CENTURIES B. C.

Summary

Settlements are rather prominent among the sites of the Early Iron Age in the forest-steppe Dnieper-Don interfluve. The article offers their topographical characteristic and describes some specific features of their defence constructions. The ramparts mostly had wooden constructions on the earth level or on earthen embankments. Two, or even three, construction periods, witnesses of the prolonged struggle against the Scythians, were traced at the settlements in the Vorskla, Seversky Donets and Don basins.

The construction of moats, ramparts and entrances was investigated and they were typologically classified. One of the most commonly used device was the slope escarpment found in the settlements in the Don, Seversky Donets, Vorskla, Psel, Sula and Seim rivers.

The earliest fortified settlements are found in the Vorskla (the Belsk settlement) and the Donets (the Lyubotin and Dmitrovka settlemens) basins. They were founded in the 7th century B. C. In the 6th century B. C. more settlements were built. Most of the discovered fortified settlements had already existed by the 5th-3rd centuries B. C., their greatest number in the region was registered for the period between the 5th and 4th centuries B. C.

МОГИЛЬНИКОВ В. А., МЕДНИКОВА Э. М.

НАХОДКИ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ НОВООБИНКИ

(Алтайский край)

В Алтайском краевом краеведческом музее, в г. Барнауле, хранится коллекция вещей (инв. № 15093), найденных местным жителем в 1972 г. в разрушенном кургане у д. Новообинка Петропавловского района Алтайского края, на левобережье Оби. В состав коллекции входит длинный железный меч с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, 11 бронзовых литых втульчатых наконечников стрел, 2 крючка (железный и бронзовый), 2 бронзовых однокольчатых удил, железный двудырчатый Г-образный псалий, бронзовый нож с кольчатой рукояткой, фрагмент железной оковки (возможно, от ножен) и часть железной трубочки (рис. 1—3).

Данные находки особенно интересны по двум причинам. Во-первых, они происходят из той части Алтайского края (предгорные районы к юго-западу от Оби), которая почти совершенно не изучена в археологическом отношении. Во-вторых, рассматриваемый комплекс находок относится к началу железного века — периоду, вообще плохо исследованному на Алтае. К этому надо добавить, что представленные вещи демонстрируют разнообразные связи населения предгорий Алтая в эпоху около середины I тысячелетия до н. э.

Описываемые вещи найдены в воронке одного из курганов, стоящих в окрестностях д. Новообинки. Совместное их местонахождение позволяет рассматривать находку как единый комплекс. Состав входящих в него вещей не противоречит такому заключению.

Меч железный, с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (рис. 1). Общая длина — 1,06 м, длина клинка — 91,5 см, ширина в основании — 4 см. Лезвия клинка идут от перекрестия почти параллельно друг другу и суживаются к острию в нижней трети клинка. Клинок изогнут в древности, очевидно, в соответствии с канонами погребального ритуала. Длина рукоятки меча вместе с перекрестием и навершием — 15,5, ширина — 2,5 см. Ширина перекрестия — 7,6 см, высота — 6,6, длина навершия — 5,5, высота — 2,3, толщина — 1,8 см. Толщина рукояти и перекрестия соответственно 8, 11 мм. В сечении клинок линзовидный, рукоятка между перекрестием и навершием профилирована в виде трех валиков. Перекрестие в виде прямого бруска с закругленными концами, овального в сечении. На рукояти и перекрестии имеются следы золотой инкрустации в виде тонких нитей золота.

Такой меч на Алтае обнаружен впервые. Наиболее близкую аналогию описываемому мечу представляет меч из кург. 1 в урочище Лапасина у с. Любимовка на Бузулуке, в Приуралье, датированный К. Ф. Смирновым VI в. до н. э. [1, с. 10, рис. 1, 2]. Правда, меч из Лапасина значительно короче, перекрестие его несколько ниже, рукоятка имеет два валика и на нем нет золотой инкрустации. Следует отметить, что манера украшения железных предметов золотой инкрустацией имеет аналогии у западных соседей алтайского степного населения — племен тасмолинской культуры Центрального Казахстана, в комплексах VII—VI вв. до н. э. [2, с. 324—325, 388].

Все наконечники стрел бронзовые, литые, втульчатые, со сводчатой головкой (рис. 2). По форме они делятся на четыре типа. Два трехло-

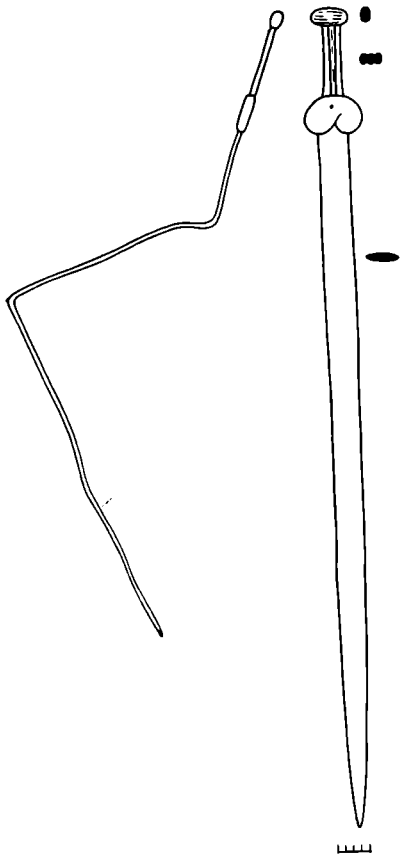


Рис. 1. Железный меч с остатками золотой инкрустации на навершии и рукояти

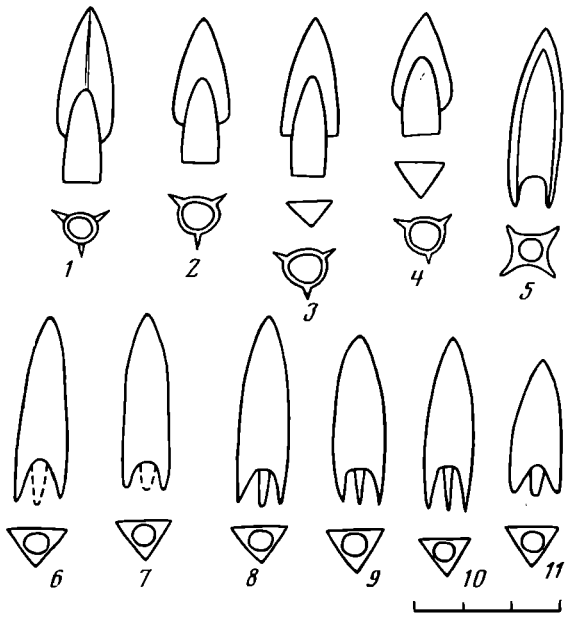


Рис. 2. Бронзовые наконечники стрел

пастных наконечника стрел с выступающей втулкой с лопастями, близкими по форме листовидным (рис. 2, *1*, *2*). Подобные наконечники стрел известны в савроматских комплексах VI в. до н. э. (тип I по классификации К. Ф. Смирнова) с переходом в V в. до н. э. [1, табл. II, *Б*, *5*, *В*, *9*].

С другой стороны, два описываемых наконечника по форме лопастей приближаются к типу наконечников стрел с косо срезанными внизу лопастями, сводчатой головкой и выступающей втулкой (тип VI-А, по К. Ф. Смирнову), относящихся также к VI в. до н. э. [1, табл. II, *Б*, *24*, *34*]. Рассматриваемые стрелы по форме как бы занимают промежуточное место между названными типами.

Два трехгранных наконечника с выступающей втулкой, пирамидальным острием, переходящим в лопасти (рис. 2, *3*, *4*), близки по форме савроматским наконечникам типа V-А, по К. Ф. Смирнову, датируемым VI в. до н. э. [1, табл. IV, *В*, *13*, *16*].

Оба описанных выше типа наконечников стрел представлены также в сакских памятниках конца VII—V вв. до н. э. [3, с. 117, рис. 7, 8, 16; 4. табл. XXV, *4*, *5*, *9*, *10*], в тагарских памятниках VI—V вв. до н. э. [5, табл. 12, *33*, *34*].

Шесть бронзовых трехгранных наконечников стрел со скрытой втулкой и гранями, переходящими в длинные оттянутые назад шипы (рис. 2, *6—11*). Подобные наконечники стрел известны у савроматов Приуралья VI—V вв. до н. э. (тип XIV по классификации К. Ф. Смирнова) [1, с. 56, табл. V, *13*, *14*, *67*, *68*], у саков Казахстана того же времени [3, с. 117, рис. 4], в Туве и на Алтае в VII—V вв. до н. э. [6, вкладка III, табл. I, *26*; 7, табл. II, *62*; 8, рис. 7, *б*, *в*].

Приведенные аналогии свидетельствуют о том, что вышеперечисленные типы наконечников стрел были распространены в основном в VI в.

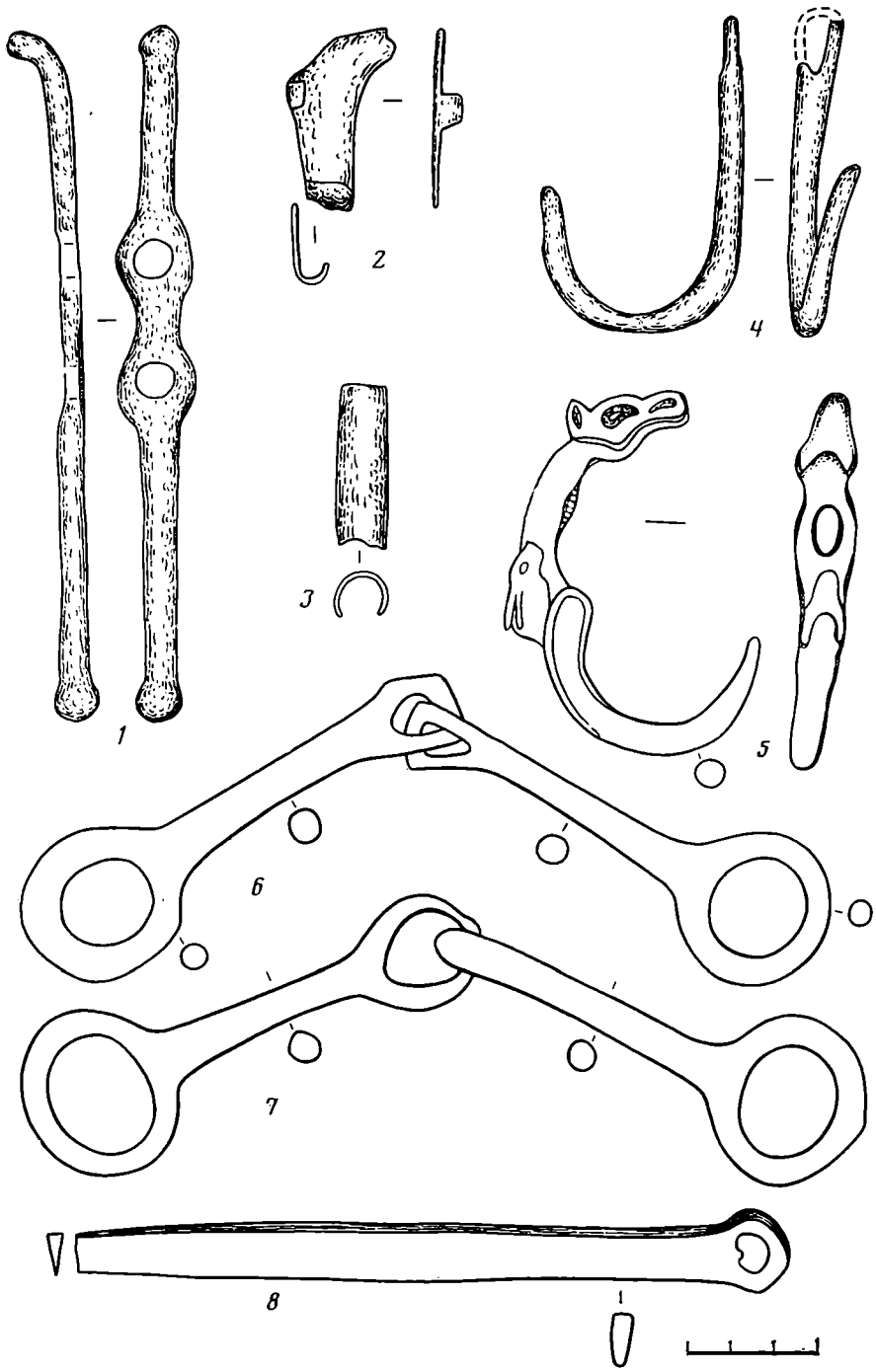


Рис. 3. Находки: *1—4* — железо; *5—8* — бронза

до н. э., хотя появляются они еще в VII в. и встречаются в V в. до н. э.

Четырехгранный втульчатый наконечник с ложчатыми гранями, переходящими в длинные шипы (рис. 2, *5*). Подобные наконечники сравнительно немногочисленны и известны в VI—V вв. до н. э. Аналогии известны в комплексах рубежа VI—V вв. до н. э. у савроматов [1, с. 59, рис. 39, *3*], у саков Семиречья [3, с. 117, рис. 23] и Приаралья [4, табл. XXV, *13*], в Туве VII—VI вв. до н. э. [6, вкладка III, табл. I, *26*], в Персеполе [9, табл. 76, *18*].

Приведенные аналогии позволяют отнести рассматриваемый комплекс наконечников стрел (рис. 2, *1—11*) ко второй половине VI — началу V в. до н. э.

В коллекции из Новообинки представлены два крючка, бронзовый и железный (рис. 3, *4*, *5*). Не исключено, что один из них был колчанным, а второй поясным. Железный крючок (рис. 3, *4*) выкован из стержня, в расплющенной верхней части которого пробита петля, частично утраченная. Подобные крючки известны в рассматриваемое время на широкой территории степей Евразии, в том числе у савроматов [1, с. 35, рис. 10, *10*].

Второй крючок — бронзовый литой, с ушком для прикрепления к ремню — декорирован зооморфными изображениями (рис. 3, *5*). В верхней части его помещена голова лошади, в середине — голова животного с длинными ушами, скорее всего зайца, но, может быть, козы или сайги (рис. 3, *5*). Загнутый конец крючка трактован в виде вытянутого стилизованного клюва с подчеркнутым по краям подобием восковицы. Крючок оригинален и не имеет полных аналогий, хотя бронзовые крючки, украшенные зооморфными изображениями, известны в основном в памятниках середины I тысячелетия до н. э. Саяно-Алтая [10, рис. 7, *8* и 10, *6*; 6, рис. 113, *4*], в ананьинской культуре Прикамья [11, табл. XVII, *3*, *4*; XXXI, *1—10*], на Среднем Дону [12, табл. 31] и других местах.

Все приведенные аналогии несколько отличаются формой крючка и его декором. Эти обстоятельства говорят, скорее всего, о местном, возможно, горноалтайском производстве описываемого экземпляра. Это тем более вероятно в связи с тем, что изображенные на крючке зооморфные сюжеты в виде головы коня, зайца и клюва грифона представлены в искусстве племен Алтая образцами из Пазырыка и Туэкты [8, рис. 9, 142, *б*, *в*].

Конское снаряжение в Новообинском комплексе характеризуют двое литых бронзовых удил и железный Г-образный псалий (рис. 3, *1*, *6*, *7*). Удила однокольчатые, с круглыми внешними кольцами и круглыми же в сечении стержнями. Один экземпляр их в месте сочленения звеньев имеет сильные следы стертости от длительного употребления (рис. 3, *7*). У второго экземпляра петли в месте соединения звеньев имеют подтреугольную форму (рис. 3, *6*) типа стремевидной, что, очевидно, является ранним признаком, возможно напоминающим удила со стремечковидными окончаниями. Бронзовые удила с петлей такой формы для сочленения звеньев представлены в тасмолинских комплексах VII—VI вв. до н. э. [2, рис. 15, *5*]. В этих же памятниках находят аналогии бронзовые литые удила с круглыми кольчатыми окончаниями, существовавшие параллельно с удилами со стремечковидными окончаниями [2, рис. 15]. На Саяно-Алтае бронзовые удила с круглыми кольцами использовались длительное время, начиная с VIII—VII вв. до н. э. [6, вкладка III, табл. 1, 3; 13, рис. 20, *4*, *8*] и кончая IV—III вв. до н. э. [8, табл. XXIII, *1—3*].

Вследствие этого бронзовые кольчатые удила не имеют узкой хронологической даты. Для уточнения времени использования рассматриваемых экземпляров существенное значение имеет найденный вместе с ними железный двудырчатый Г-образный псалий (рис. 3, *1*), с загнутым концом и небольшим утолщением вроде шишечки с другого конца. Утолщение на загнутом конце незначительно. По мнению К. Ф. Смирнова, железные псалии такого типа являются наиболее ранними и происходят непосредственно от трехдырчатых. В савроматских комплексах они датируются с конца VI до начала IV в. до н. э. [1, с. 83, 84]. На Алтае подобные псалии со слабоизогнутым верхним концом происходят из Туэктинского кургана [14, с. 295, табл. XXVIII, *18*], датируемого серединой VI в. [8, с. 336]. Правда, этот туэктинский псалий бронзовый.

Из орудий труда в рассматриваемом комплексе найден литой бронзовый нож с кольчатой рукояткой (рис. 3, *8*). Конец клинка обломан. Длина сохранившейся части — 16,5, ширина — 1,3 см. Подобные бронзовые ножи с кольчатым навершием рукояти были довольно широко распространены в памятниках тасмолинской культуры VII—VI вв. до н. э. [2, рис. 38, *5* и 43, *1*, *11*, *12*], у саков Приаралья [4, табл. VI, *5*; XXI, *11*). В Туве они использовались до V—IV вв. до н. э. [6, рис. 67, 109, *3*, вкладка III, табл. I, *50*].

На Алтае бронзовые ножи с круглым отверстием в рукояти существовали до IV—III вв. до н. э. [8, табл. XXII, 7].

Назначение железной оковки и трубочки (рис. 3, *2*, *3*) не совсем понятно. Возможно, первая была частью оковки ножен.

Поскольку вещи описываемого комплекса найдены в кургане, можно думать, что они происходят из погребения. Наличие здесь двух удил позволяет предполагать, что погребенный был захоронен с двумя лошадьми. Это предположение представляется тем более вероятным, что захоронения с конем в предгорьях Алтая скифского времени хорошо известны как к востоку, так и к западу от Новообинки [15], а также в Горном Алтае.

Суммируя приведенные аналогии и взяв за основу хронологию наконечников стрел, меча и железного псалия, комплекс из Новообинки можно датировать второй половиной VI—V в. до н. э., а наиболее вероятно — концом VI — началом V в. до н. э.

Изложенный материал поднимает два важных вопроса: о характере культуры и взаимоотношениях населения степной части Алтайского края с соседями, а также о времени распространения здесь железных орудий и металлургии железа. Решить эти вопросы на имеющемся пока ограниченном материале трудно. Можно высказать только некоторые предварительные соображения.

Облик инвентаря Новообинского комплекса синкретичен. С одной стороны, здесь имеются бронзовые вещи — удила, крючок и нож, характерные для культуры населения Горного Алтая, а удила и нож — в то же время и для тасмолинской культуры Казахстана. С другой стороны, тут найдены свойственные для сарматов Приуралья и саков Приаралья железные предметы: меч с прямым навершием и почковидным перекрестием, Г-образный псалий, крючок. Набор бронзовых наконечников стрел также имеет основные аналогии на западе, хотя параллели им представлены и на Саяно-Алтае, и в Минусинской котловине. Особенно показателен в этом плане меч. Мечи как оружие ближнего боя были распространены у кочевников степей Восточной Европы, Приуралья, саков Приаралья, Казахстана и Средней Азии. С V в. до н. э. у сарматов Приуралья и саков Приаралья распространяются длинные мечи [1, с. 18, 23; 16, с. 171]. В это же время на Саяно-Алтае основным оружием ближнего боя был чекан [8, с. 171]. Правда, чеканы были известны в Казахстане, но в очень ограниченном количестве.

В свете сказанного на основании новообинских находок можно предполагать, что население степной части Алтайского края, междуречья Оби и Иртыша, уже в VI—V вв. до н. э. находилось в контакте с более западными областями, с саками Казахстана и савроматами, а возможно, было и родственным им. Думается, что черты их культурной, а вероятно, и этнической близости восходят еще к эпохе поздней бронзы, когда в Приуралье, Казахстане, южной, степной части Алтайского края были распространены родственные культуры валиковой керамики [17, с. 81, 82], сформировавшиеся на андроновской основе и культурная близость которых явилась базой культурной близости степных племен скифского времени.

Тесные контакты населения степных районов междуречья Иртыша и Оби с западом прослеживаются и даже усиливаются в последующий период — в IV—III вв. до н. э. Об этом свидетельствуют распространение в Верхнем Приобье железных мечей раннесарматских форм с прямым перекрестием и серповидным навершием [18, рис. 6, *1*, *7*], зеркал сарматского типа с боковой ручкой [19, с. 151, табл. XIV; 20] (в отличие от медалевидных зеркал, характерных для памятников Саяно-Алтая и тагарской культуры), а также плоских каменных жертвенников или краскотерок казахстанского типа [20; 21, рис. 2, *ж*; 5, *ж*]. Ряд деталей, вероятно связанных с западом, прослеживается в погребальном обряде [20]. К ним относятся меловые подсыпки и кусочки реальгара в могилах, наличие диагональных погребений, ритуальная пища в виде части бока лошади в могилах — черты, имеющие аналогии в савроматских погребениях [22,

с. 94, 96, 101]. Некоторые формы керамики находят аналогии в сакских памятниках Казахстана [20].

Все эти факты, очевидно, не случайны и говорят о включении степных районов междуречья Иртыша и Оби в орбиту сако-сарматских культурных и, вероятно, этнических контактов в период около середины I тысячелетия до н. э. В то же время отмечается значительное отличие этого населения от населения Горного Алтая.

Принимая во внимание большую близость меча из Новообинки мечам савроматским и сакским [1, рис. 1, 2; 16, рис. 14, *2*], можно предположить, что данный меч импортный и попал на Алтай с запада. Однако нельзя полностью исключать возможности его местного изготовления в соответствии с существовавшими в сако-савроматском мире образцами. М. П. Грязнов высказал мнение об отсутствии железных орудий на Алтае в VII—VI вв. до н. э. [23, с. 10]. Это заключение было подвергнуто сомнению С. И. Руденко [8, с. 163]. Однако даже если признать правильным мнение М. П. Грязнова в отношении майэмирской культуры Горного Алтая, его, очевидно, нельзя распространять на районы степи и лесостепи, прилежащие к Алтаю с севера, где население, судя по новообинским находкам, было знакомо с железными орудиями уже в конце VI в. до н. э. и, возможно, освоило собственную металлургию железа. Косвенным подтверждением этого является то, что в V—IV вв. до н. э. в памятниках лесостепного Приобья изготовлялись уже высокохудожественные изделия из железа, требующие большого мастерства и различных профессиональных навыков в обработке этого материала, которые вырабатывались в течение длительного времени. К таким изделиям относятся два чекана из Новосибирского Приобья с фигурками стоящих медведей на обушке [19, табл. XIII, *1*; 24, рис. 4].

К шедеврам искусства относится железный кинжал из Горного Алтая с изображением сцен героического эпоса, найденный в долине Ачик [25]. А. С. Суразаков датировал этот кинжал III—I вв. до н. э. [25, с. 268, 269]. Однако, судя по форме навершия и дуговидного перекрестия [25, рис. 1, 2], по сарматским аналогиям наиболее вероятно относить его к IV в. до н. э. Высокое мастерство, требовавшееся для изготовления ачикского кинжала, указывает на существование различных, уже сложившихся к этому времени и достигших большого совершенства профессиональных навыков в обработке железа. Находка во Втором Пазырыкском кургане кованого железного ножа с инкрустированной золотом рукояткой [8, с. 203; 26, рис. 149] в какой-то мере перекликается с новообинским мечом, рукоятка которого также инкрустирована золотом.

Находка железных вещей в комплексе Новообинки позволяет говорить о распространении железных изделий в степной части Алтайского края по меньшей мере с VI в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101.
2. *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры.— В кн.: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.
3. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963.
4. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М.: Наука, 1973.
5. *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967.
6. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
7. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979.
8. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л.: Наука, 1960.
9. *Schmidt E.* Persepolis. V. II. Contents of the Treasury and Other Discoveries.— The University of Chicago Oriental Institute Publications, 1957, v. LXIX.
10. *Маннай-Оол М. Х.* Тува в скифское время. М.: Наука, 1970.
11. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.

12. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д1-311.
13. *Грязнов М. П.* Аржан, царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.
14. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
15. *Могильников В. А., Уманский А. П.* Курган раннего железного века на Чумыше.— КСИА, 1981, вып. 167.
16. *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи.— СА, 1966, № 2.
17. *Могильников В. А.* О восточной границе памятников с валиковой керамикой.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.
18. *Уманский А. П.* Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье.— СА, 1970, № 2.
19. *Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980.
20. *Могильников В. А., Куйбышев А. В.* Курганы Кмень II по раскопкам 1976 года.— СА, 1982, № 2.
21. *Троицкая Т. Н.* Курганный могильник Ордынское I.— ВАС, 1973, вып. 38.
22. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
23. *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, 1947, вып. XVIII.
24. *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье в VII—V вв. до н. э.— ВАС, 1973, вып. 85.
25. *Суразаков А. С.* Железный кинжал из долины Ачик Горно-Алтайской автономной области.— СА, 1979, № 3.
26. *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

V. A. Mogilnikov, E. M. Mednikova

EARLY IRON AGE METAL ARTIFACTS FROM NOVOOBINKA (ALTAI TERRITORY)

Summary

The authors publish a set of artifacts dated to the period between the late 6th and early 5th centuries B. C. from the village of Novoobinka, Petropavlovskoe District, Altai Territory, on the left bank of the Ob. Their studies have permitted them to pose the question of the involvement of the population of the steppe Ob-Irtysh interfluve into the orbit of the Scythian-Sarmatian contacts as early as the 6th-5th centuries B. C. which intensified in the 4th-3rd centuries. The article also shows that iron artifacts and iron weapons were more or less common in the steppe part of the Altai Territory starting, at least, with the 6th century B. C.

БОРИСОВА В. В.

СКЛЕП I—III вв. н. э. ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ

Многолетние исследования Херсонеса и его ближайшей округи выявили локализацию некрополей разных периодов. Погребения первых веков нашей эры обнаружены главным образом за юго-восточным участком оборонительных стен. Огромное число погребений этого времени расположено на юго-западном склоне Карантинной бухты и одноименной балки. Склепы среди погребальных сооружений позднеантичного времени не редки [1, с. 113 сл; 2, с. 65; 3, с. 147—186; 4, с. 19 сл.].

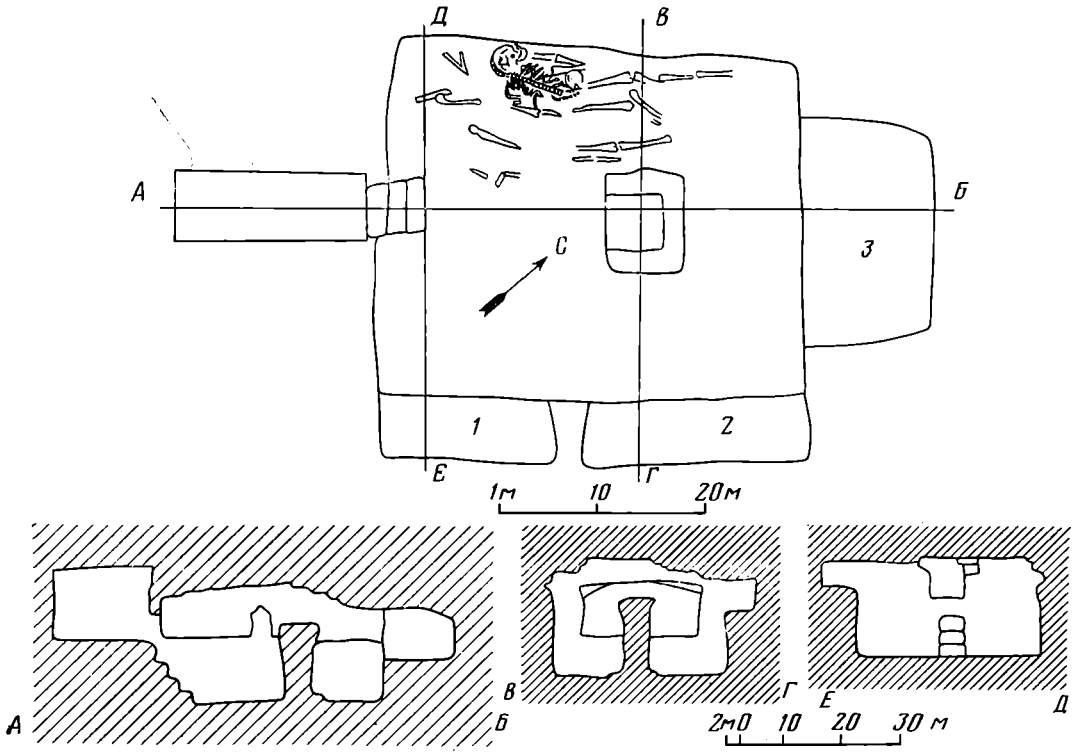
Склеп (рис. 1), открытый в 1955 г., обнаружен в процессе раскопок керамических мастерских эллинистического времени, примерно в 60 м к юго-западу от башни Зенона [5, с. 11 сл.]. Выявленные здесь керамические мастерские III—II вв. до н. э., погребения II в. до н. э. и склеп были перекрыты накопившимся культурным слоем и выбросом земли из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича у 19-й и 20-й куртин и башни Зенона. Склеп вырублен в толще мягких известняков сарматского яруса, которые переслаиваются с глинами зеленовато-серого цвета [6, с. 10, 11] [1]. Дромос склепа размером 1,7×0,6 м, глубиной 1,2 м сверху был плотно заложен двумя хорошо обработанными плитами (1,05×0,70×0,15 и 0,85×0,70×0,13 м), а шов между ними промазан известковым раствором (рис. 2, *1*). Дно дромоса было перекрыто тонкой прослойкой земли темного цвета, попавшей сюда через щели. Здесь найдены обломок миски с загнутым внутрь краем, высотой 8,5 см и разбитое блюдо с прямым краем, диаметром 23 см (рис. 3, *1*, *2*) [2]. Формы подобных сосудов [3] и раньше встречались в материалах херсонесского городища [7, с. 187, рис. 36] и некрополя [4, с. 35, рис. 5], а также в некрополях Юго-Западного Крыма [8, рис. 6, *5*; рис. 9, *64*] и Танаиса [9, с. 81, табл. XXIII, *4*, *5*]. Датируются они II—III вв. н. э. Вход в погребальную камеру склепа, расположенный в северо-восточной стороне дромоса, был заложен квадратной плотно приставленной известняковой плитой (0,71×0,65×0,15 м), а шов также тщательно промазан известняковым раствором. Склеп был замурован (рис. 2, *2*). Пол склепа ниже дна дромоса на 1,05—1,10 м, в него вела лестница из трех ступеней. Погребальная камера неправильной четырехугольной формы со сторонами 4,28; 3,73; 3,20; 2,95 м, с четырехгранной колонной, увенчанной капителью (?) посредине (рис. 2, *4*) и тремя лежанками. Две лежанки, разделенные перегородкой, находились справа от входа на высоте 1,1 м от пола, прямо под потолком. Первая — размером 1,6×0,4×0,6 м, вторая — 2,0×0,5×0,6, третья — вырублена в северо-восточной стене напротив входа на высоте 0,7 м от пола размером 2,10×0,90×1,26 м (рис. 1). Все сооружение длинными сторонами ориентировано по оси юго-запад—северо-восток.

Архитектура склепа своеобразна и в погребальных сооружениях Херсонеса встречается не часто. Подпорный столб имел склеп № 1222, раскопанный К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1902 г. у Карантинной бухты [10, с. 6], склеп № 2129 у Загородного храма, раскопанный им же в 1906 г. [11, с. 51], склеп № 2814 с четырьмя подпорными столбами, открытый Н. И. Репниковым в 1908 г. у Карантинной бухты

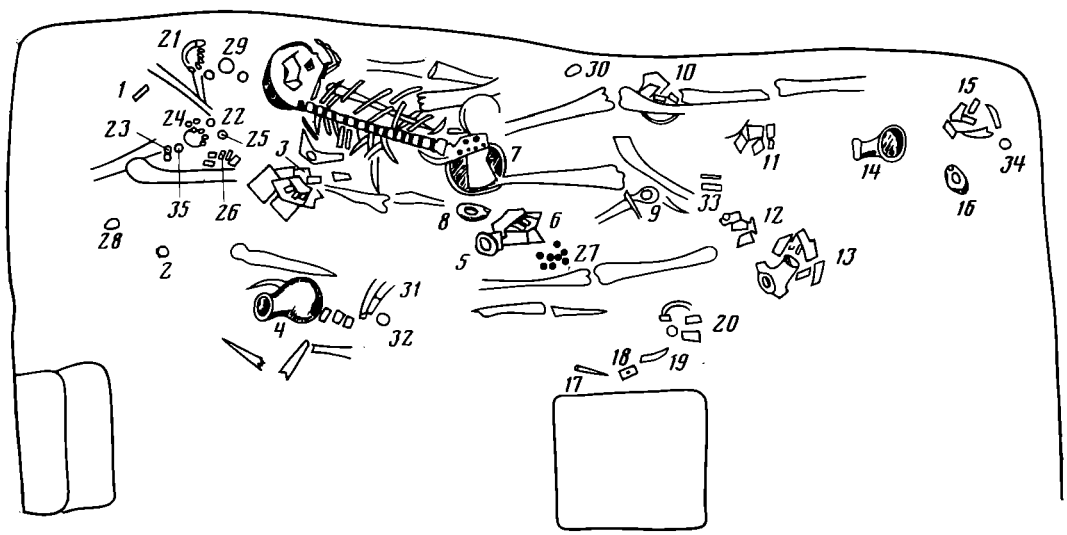
[1] По наблюдениям В. В. Глазунова, приведенная стратиграфия отложений Песочной балки справедлива и для отложений Карантинной балки.

[2] Находки из склепа хранятся в Херсонесском музее, инв. № 36436.

[3] Все сосуды, обнаруженные в склепе, фрагментированы, покрыты красным лаком, поддон кольцевой, у кубков — плоский.



а



б

Рис. 1. План и разрезы склепа (*а*) и план погребения (*б*). *1* — золотой нагубник; *2* — перстень с камеей; *3, 4* — кувшины; *5* — светильник; *6* — кубок; *7* — тарелка; *8, 9* — светильники; *10* — чашка; *11* — кубок; *12, 13* — кувшины; *14* — люстрон; *15* — чашка; *16* — светильник; *17* — костяная проколка; *18* — бронзовая пряжка; *19* — нож; *20* — кубок; *21* — гагатовые браслет и кольцо; *22* — бронзовое кольцо; *23* — бронзовая подвеска; *24* — бусы разные; *25, 26* — кувшины; *27* — херсонесские монеты, 12 шт.; *28* — золотой наглазник; *29* — золотые браслет и кольцо; *30* — золотой наглазник; *31, 32* — кубки; *33* — костяная проколка и нож; *34* — серебряная монета Каракаллы (211—217 гг.); *35* — херсонесская монета

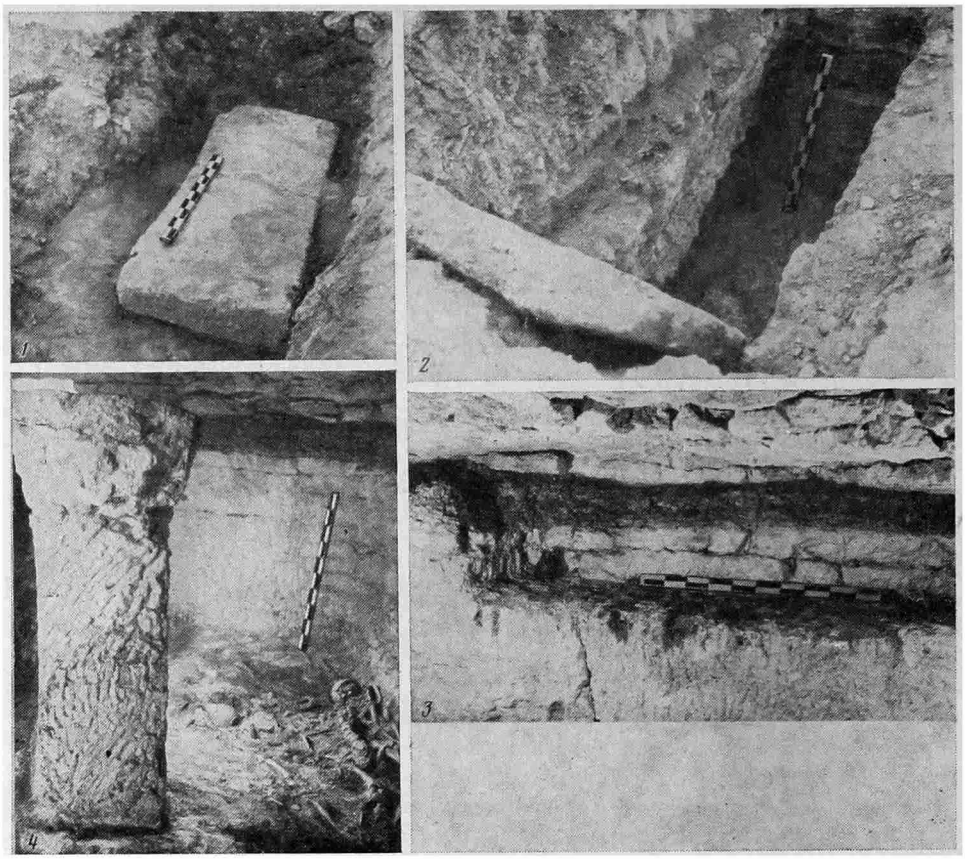


Рис. 2. Склеп. *1* — заклад дромоса; *2* — дромос и заклад погребальной камеры; *3* — первая лежанка с кувшинчиком в восточном углу и геологический разрез материка; темный цвет — прослойка глины, светлый — известняк; *4* — погребальная камера, колонна и погребения на полу

[12, с. 180, 181], и склеп, открытый М. И. Скубетовым в 1907 г. [13, с. 38, сл.; 14, с. 465, табл. CXI, *1*].

Описываемый склеп был ограблен через лаз, пробитый в северном углу потолка. Снаружи лаз был заложен крупными камнями. Потолок обвалился в этой части. Через лаз в склеп попали жернова и большое количество черной натечной земли с раннесредневековой керамикой, так, что насыпь здесь доходила до потолка. Ограбленными оказались все три лежанки. Костяки и не представлявшие для грабителей ценности вещи были сброшены вниз. Беспорядочно лежавшие кости найдены главным образом в восточном углу склепа под второй лежанкой. Погребения на полу у северо-западной стены были засыпаны обвалом потолка, и это спасло их от разграбления.

На первой лежанке в восточном углу найден краснолаковый кувшинчик. Венчик его сильно отогнут, горло широкое, резко переходит в округлое тулово. Ручка небольшая, плоско-овальная в сечении, прикреплена к венчику. Высота 0,13, наибольший диаметр тулова 0,11 м. Нижняя часть кувшинчика лаком не покрыта (рис. 3, *4*). Аналогичные кувшинчики, найденные в Херсонесе [4, с. 27] и в Юго-Западном Крыму [8, рис. 6, *15*; 15, рис. VII, *1*], датируются II—III вв. н. э.

Здесь же найдена римская серебряная монета Тита[4] (79—81 гг.) и подвеска — медальон в ободке, сделанный из серебряной монеты II в. н. э. с бюстом императрицы. Изображение сильно затерто, ободок сохранился частично (рис. 6, *6*). Медальоны, сделанные из золотых или серебряных монет, встречались в Херсонесе и раньше. У них, как правило, обратная сторона затиралась, а изображение оставлялось только с одной стороны [3, с. 245, рис. 19; 16, с. 57—59, рис. 18]. На этой же

[4] Определение найденных в склепе монет выполнено А. М. Гилевич.

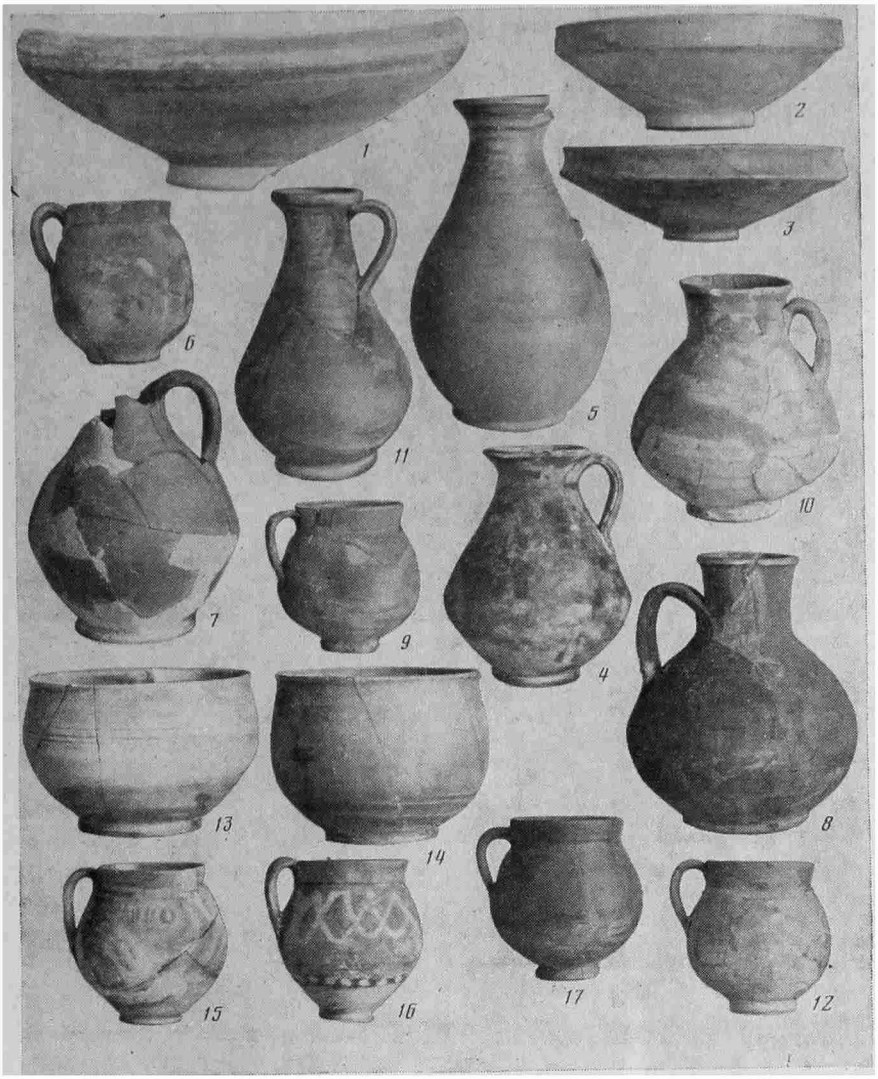


Рис. 3. Керамические сосуды. *1, 2* — из дромоса; *4* — с первой лежанки; *3—5* — с верхнего слоя погребений; *6—15, 17* — со смешанного слоя погребений; *26* — со сброшенных с лежанок костяках

лежанке найдено 12 железных гвоздей от гроба с остатками дерева у шляпок и нижняя детская челюсть с отпечатком бронзовой монеты — обола Харона. Размеры лежанки и находки на ней могут свидетельствовать о том, что здесь находилось детское погребение.

На второй лежанке найдено несколько железных гвоздей и обломков дерева.

На центральной лежанке у северо-западной стены найдена римская бронзовая монета Элагабала (213—222 гг.), а у юго-западной — часть тазовой кости. Судя по ширине лежанки, здесь могло поместиться два погребения.

Погребения у северо-западной стены склепа оказались под завалом и потому сильно разбиты. Здесь находилось шесть погребений в гробах, от которых сохранилось много гвоздей и дерева. Четыре гроба были поставлены на полу, по два в ряд и два — сверху посредине первого и второго ряда. Нижние погребения сохранились плохо, так как лежали на сыром глинистом наскальном грунте. Два верхних костяка сохранились лучше, но и они сильно побиты обвалом. Лучше других прослеживается положение верхнего костяка, лежащего у стены. Он слегка повернут на левый бок, руки и ноги вытянуты, головой ориентирован на юго-запад. Все другие костяки ориентированы так же. Судя по всему, в склепе было погребено 10 человек. Ранними погребениями можно считать погребения на лежанках, более поздние — погребения на полу склепа.

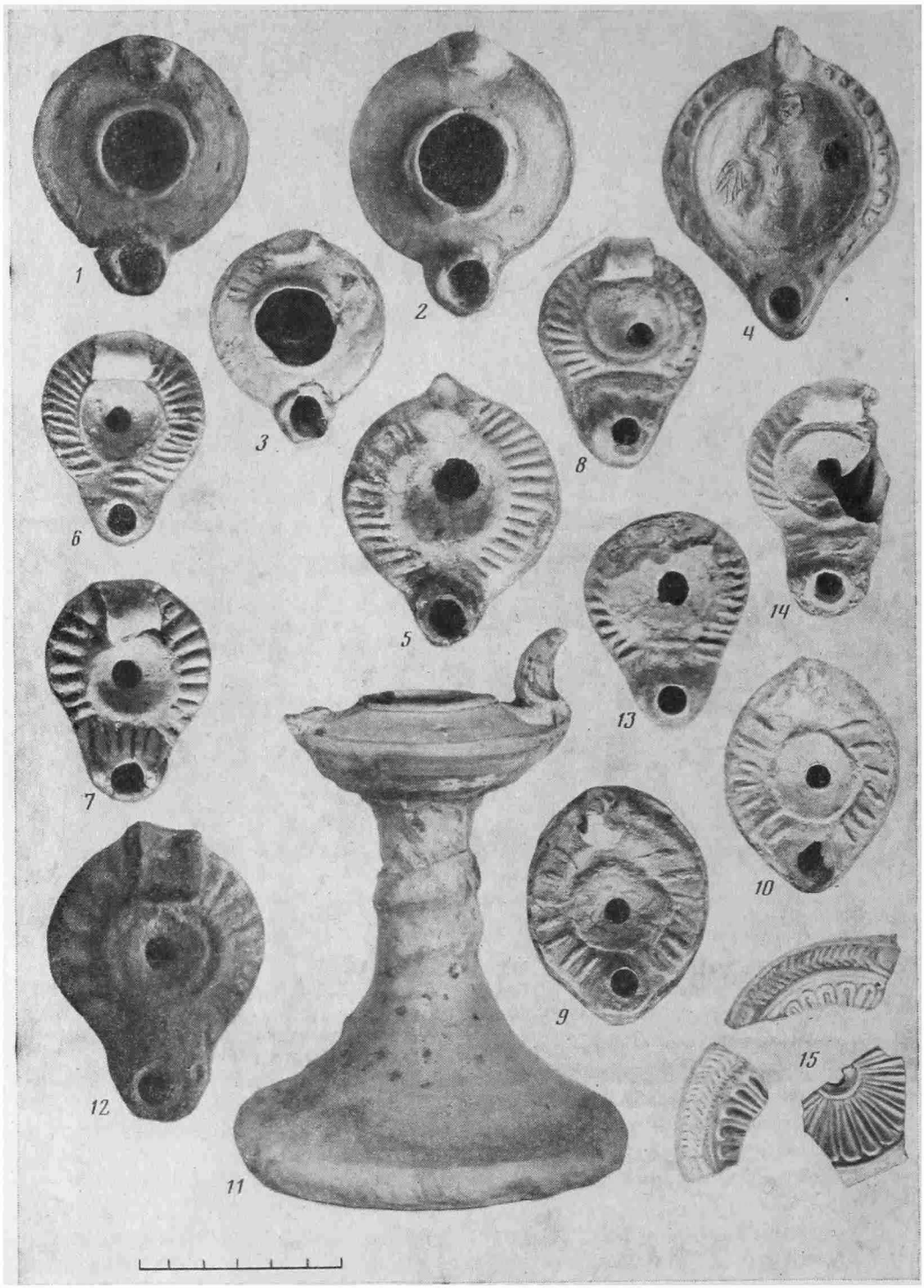


Рис. 4. Светильники. *1—3* — светлоглиняные; *4* — светлоглиняный с изображением человека и птицы; *5—8, 12—14* — краснолаковые с рубчиками; *9, 10* — светлоглиняные с рубчиками; *11* — люстрон; *15* — светлоглиняный с розеткой

Найденный в склепе инвентарь (рис. 3—9) мы попытались расчленить. Это вещи, принадлежащие к верхним погребениям; вещи, происходящие из смешанного слоя погребений, т. е. которые могли относиться и к верхнему и к нижнему слою погребений; вещи с нижних погребений. К верхним костякам, бесспорно, относятся два краснолаковых сосуда. Это тарелка, найденная на тазовых костях погребения у стены (высота тарелки 7, диаметр по краю 21,6 см; рис. 1*б*, 7:, 3, *3*), и кувшин, найденный на грудных позвонках второго костяка. Венчик кувшина отогнут, горло плавно переходит в грушевидное тулово, ручка плоская,

Рис. 5. Изделия из металла. *1* — бронзовая пряжка; *2* — бронзовое кольцо; *3* — бронзовая статуэтка коня; *4—7* — железные ножи; *8* — бронзовая подвеска; *9* — фрагмент свинцового предмета

утрачена. Высота 20,5, наибольший диаметр тулова 13 см (рис. *1б*, *4*; 3, *5*). Аналогичные сосуды находили в погребениях II—III вв. н. э. в Херсонесе [4, с. 35], в могильниках Юго-Западного Крыма [8, рис. 2, *12*; 3, *19*, *34*; 5, *40* и др.], в могильниках боспорских городов [17, с. 189, рис. 57], Танаиса [9, с. 86, табл. XXIII, 5], Ольвии [18, рис. 12, *5*; 19, с. 302].

Погребальный инвентарь, происходящий из смешанного слоя, размещается следующим образом. У изголовья погребения у стены, справа от

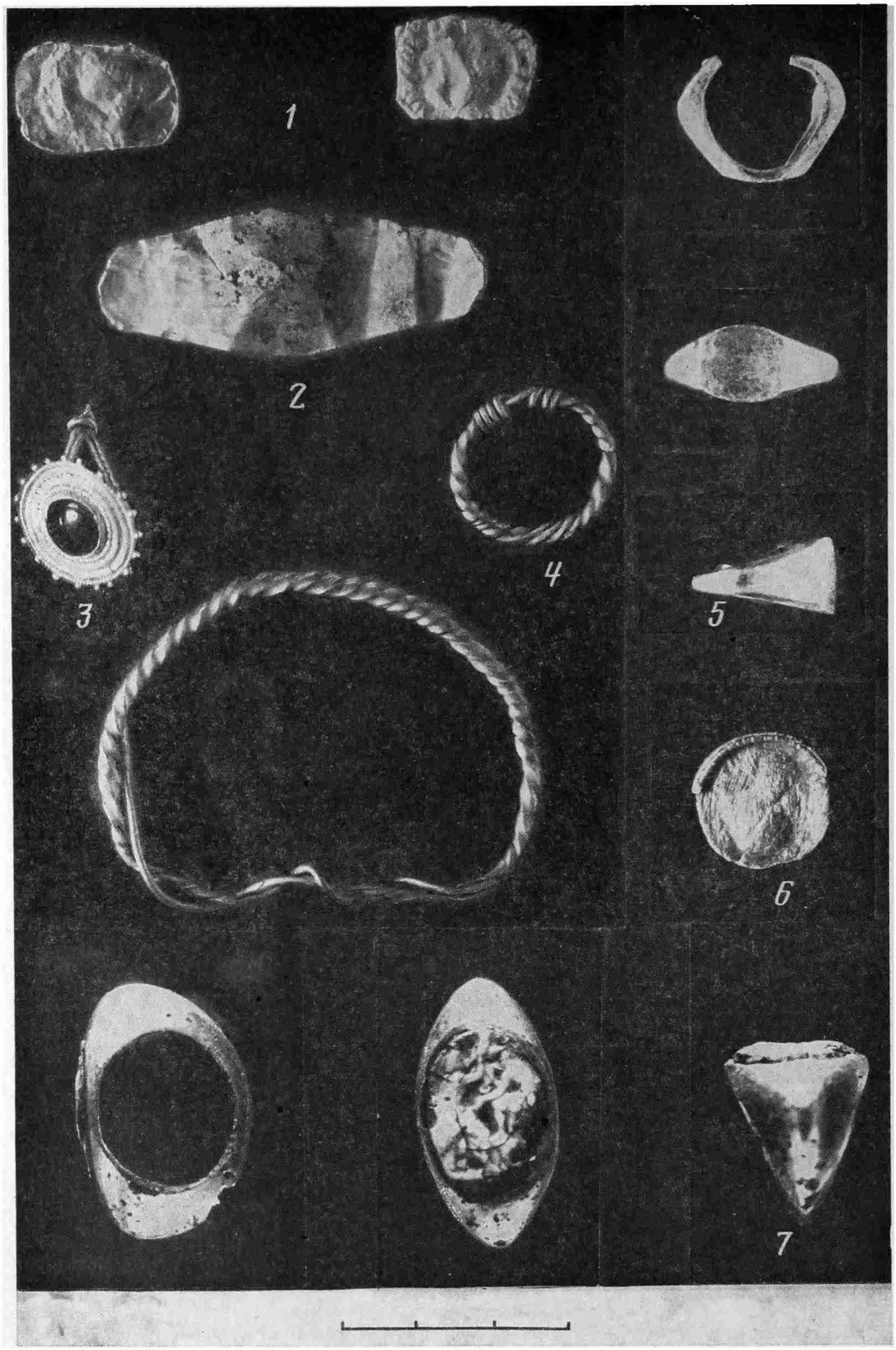


Рис. 6. Изделия из золота и серебра. *1* — наглазники; *2* — нагубник; *3* — серьга с гранатом; *4* — кольцо и браслет; *5* — серебряное кольцо; *6* — подвеска из серебряной монеты; *7* — перстень с камеей

черепа, находился разбитый кувшин. Его цилиндрическое горло резко переходит в округлое приземистое тулово, ручка реберчатая. Высота 16,7, наибольший диаметр 15,2 см (рис. 1*б*, *3*; рис. 3, *8*). Рядом находился другой кувшин, у которого не сохранились венчик и часть горла, тулово округлое, приземистое, ручка реберчатая. Сохранившаяся высота кувшина 12,5, наибольший диаметр тулова 11,3 см (рис. 1*б*, *26*; рис. 3, *7*).

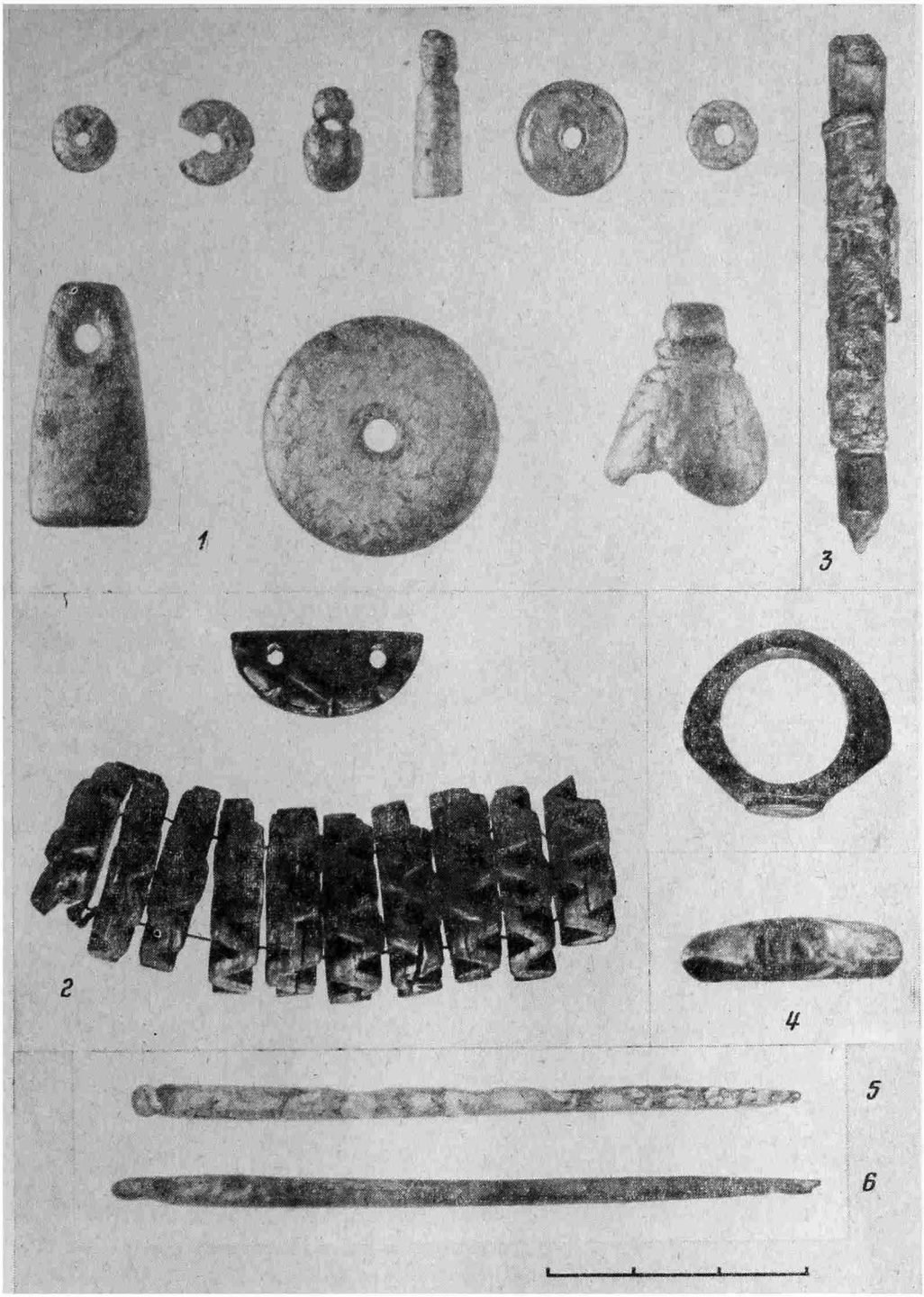


Рис. 7. Украшения из янтаря, гагата, костяные проколки. *1* — бусы и подвески из янтаря; *2, 4* — браслет и перстень из гагата; *3* — костяной предмет с бронзой; *5, 6* — костяные проколки

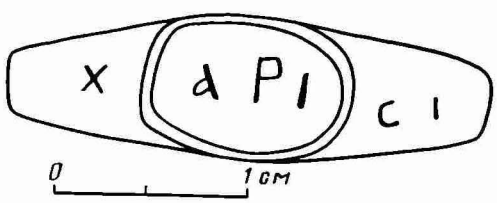


Рис. 7*а*. Прорись на гагатовом перстне

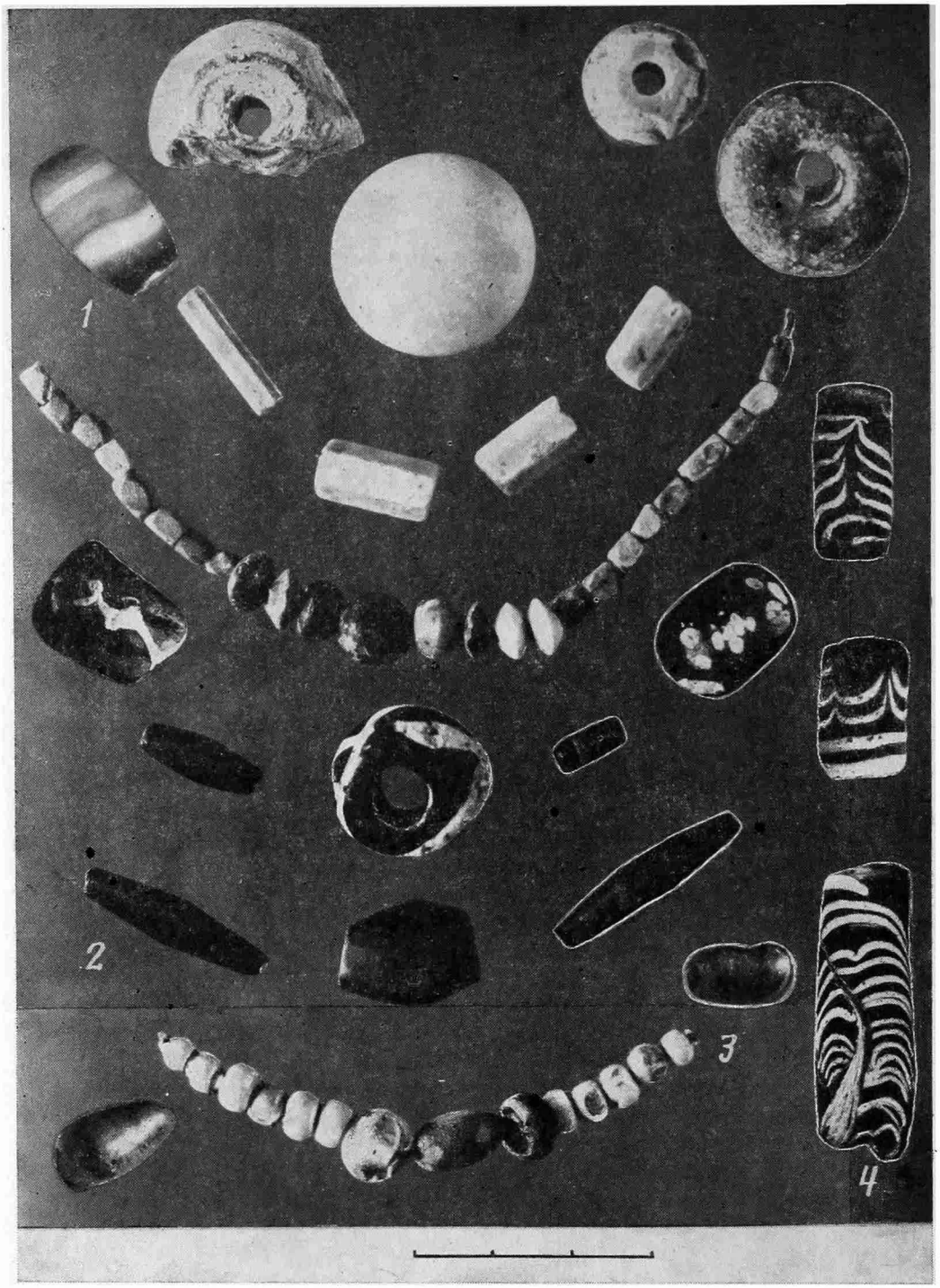


Рис. 8. Бусы из стекла, кости, гагата. *1* — пронизь из оникса; *2* — бусы из гагата; *3* — пронизь из сердолика; *4* — пастовые бусы

На уровне рук между костяками находились три одноручных кубка с округлыми стенками, слегка скошенным венчиком и плоским дном. Две из них краснолаковые, один высотой 8,8, другой — 8,2 см. Третий кубок красноглиняный. По его тусклой поверхности белым ангобом нанесен растительный орнамент в виде ветки аканфа, а по низу — точечный орнамент. Низ и дно кубка покрыты красным лаком. Высота кубка 8,9 см (рис. 1*б*, *6*, *31*, *32*; рис. 3, *6*, *9*, *15*). Подобные кубки с гладкими стенками, с орнаментами или надписями разного содержания были широко распространены в Северном Причерноморье в римское время и, как считается, являются разновидностью типа, известного в Чандарли [20, табл. V, *16*; 21, с. 390; 22, с. 60; 23, с. 344 сл.].

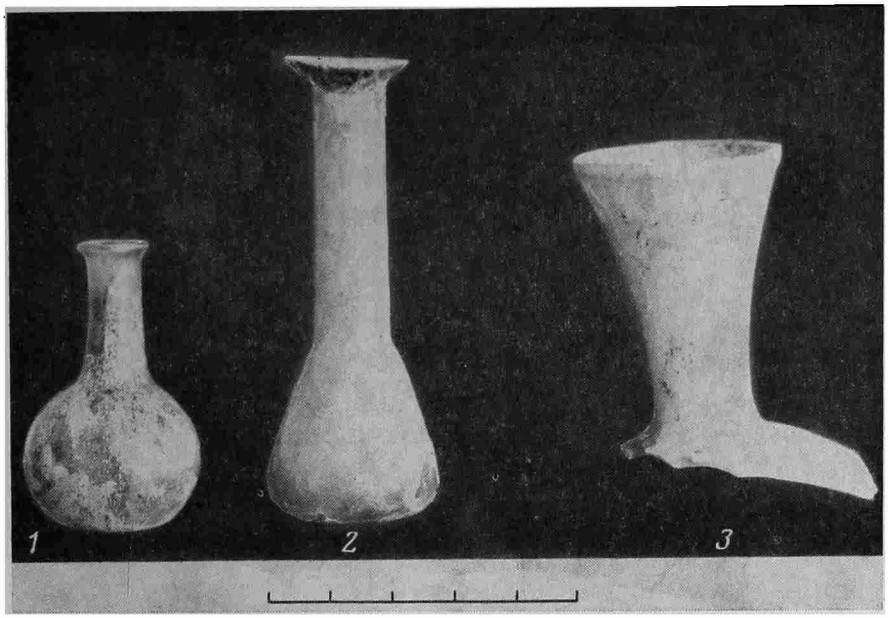


Рис. 9. Стеклянные сосуды. *1, 2* — бальзамарии; *3* — горло колбообразного сосуда

Рядом с кубками найдены два светлоглиняных светильника круглой формы с гладким щитком и круглым отверстием посредине щитка. Ручка в виде небольшого выступа (рис. 1*б*, *5*, *8*; рис. 4, *1*, *2*).

На уровне ног верхних погребений в разных местах найдены различные предметы. Это краснолаковые кувшины, кубки, чашечка, железные ножи, костяные проколки, пряжка, светильники, монеты. Один узкогорлый кувшин с отогнутым венчиком, грушевидным туловом и овальной ручкой, прикрепленной к венцу. Высота 15,7, наибольший диаметр тулова 10,3 см (рис. 1*б*, *13*; рис. 3, *11*). Другой кувшин — с широким, расширяющимся сверху горлом, переходящим в приземистое грушевидное тулово, ручка овальная с желобком посредине. Высота кувшина 11,7, наибольший диаметр тулова 11 см (рис. 1*б*, *12*; рис. 3, *10*). Аналогичные формы кувшинов широко распространены в памятниках римского времени. На этом же уровне найдены два краснолаковых одноручных кубка (рис. 1*б*, *11*, *20*; рис. 3, *12*, *17*). Их форма и размеры близки вышеописанным.

У стены, почти под левым коленным суставом верхнего костяка, найдена тонкостенная чашечка, покрытая тусклым красным лаком, высотой 7,3, диаметр по краю 9,5 см (рис. 1*б*, *10*; рис. 3, *14*). Близкая по форме чашечка найдена в могильнике Бельбек IV [15, с. 38, рис. XIV, *48*]. Считается, что подобные сосуды имеют малоазийское происхождение.

В ногах у каждого верхнего погребения находилось по одному железному ножу и по одной костяной проколке. Один нож имеет узкое лезвие (длина 12,5 см), черенок не сохранился. С одной стороны к лезвию прилипли остатки ткани (может быть, от одежды). Другой нож лучше сохранился, длина 11,6 см, прослеживаются следы кожаного чехла (рис. 1*б*, *19*, *33*; рис. 5, *6*, *7*). Обе проколки сильно испорчены. У одной позеленела средняя часть от соприкосновения с бронзовым предметом, у другой выщерблена верхняя часть, украшенная двумя нарезками и круглым навершием. Длина первой — 8,5, второй — 8,1 см (рис. 1*б*, *17*, *33*; рис. 7, *5*, *6*). Недалеко найдена бронзовая пряжка с подвижным язычком (рис. 1, *18*; рис. 5, *1*).

У стены, около коленного сустава правой ноги погребенного, находился красноглиняный светильник со следами красного лака, плечики украшены рубчиками, ручка ленточная (рис. 1*б*, *9*; рис. 4, *6*). Подобных светильников в склепе обнаружено еще пять (рис. 4, *7*, *8*, *12—14*). В большом количестве аналогичные светильники встречаются в погребениях

херсонесского некрополя позднеантичного времени, а также в городских слоях [4, с. 27, 35; 7, с. 178, 192]. Два светильника найдены в ногах у погребенных. Один — светлоглиняный округлой формы, ручка в виде небольшого выступа, рожок небольшой. Плечики светильника украшены кружочками, щиток — изображением человека в рост и птицы (может быть, мальчика и гуся). Лицо человека и контуры птицы прорисованы острым предметом до обжига (рис. 1*б*, *16*; рис. 4, *4*). Другой светильник формы, подобной рис. 4, *1*, помещен на высокую, украшенную спиралью подставку, высотой 10 см, диаметр подставки 9,5 см (рис. 1*б*, *14*; рис. 4, *11*). Подобные светильники известны в Херсонесе. Они встречались в погребении с монетами II—III вв. н. э. [24, с. 64, № 529].

Интересным можно считать находку 12 бронзовых монет херсонесской чеканки времени второй половины III в. н. э. Монеты найдены у левого коленного сустава второго погребения лежащими вместе, и это заставляет предположить, что они находились или в кошельке, или в мешочке (рис. 1*б*, *27*). Судя по дате, их можно было бы отнести к верхнему слою погребений.

К нижним погребениям, а их четыре, относятся главным образом украшения и другие мелкие предметы. Так называемые лицевые пластины, составляющие комплект, состоящий из двух золотых наглазников и нагубника, хотя и найдены в разных местах, но могут быть отнесены к погребению у стены. Нагубник, как самый тяжелый предмет, найден in situ, а наглазники, возможно, растащены грызунами (рис. 1*б*, *1*, *28*, *30*; рис. 6, *1*, *2*). Все три пластины представляют собой очень тонкие, слегка помятые листики. Нагубник вытянутой овальной формы (дл. 5 см, вес 1,05 г). Наглазники прямоугольной формы, со следами имитации ресниц. Золото всех изделий светлого цвета, проба 950—980°.

В погребальных комплексах Херсонеса первых веков нашей эры золотые пластины, закрывающие глаза и рот умерших, встречаются довольно часто [16, с. 29—41]. В разные исторические отрезки времени распространены они были на значительной территории — от Средиземноморья до Закавказья, населенной различными племенами и народами. Родиной этого обряда считаются средиземноморские культуры и Передняя Азия. Самые ранние лицевые пластины обнаружены были на о. Кипр и датированы второй половиной II тысячелетия до н. э. В Северном Причерноморье они встречаются начиная со II в. до н. э. как в могильниках крупных античных городов [17, с. 203, рис. 77, *3*, *4*], так и в могильниках местного населения [25, с. 157 сл.; 26, с. 329].

К этому же погребению могут быть отнесены украшения. Это два комплекта, состоящие из браслетов и перстней, набор разных бус.

Золотые браслет и перстень сделаны из массивной ложновитой проволоки, концы закручены, золото светлое, проба 950°. Наибольший диаметр браслета 5,5 см, вес 10,40 г; диаметр кольца 2,0 см, вес 2,50 г (рис. 1*б*, *29*, *29а*; рис. 6, *4*). Подобный тип браслетов и перстней принято считать латенскими, получившими широкое распространение [27, с. 163, рис. 32, *10*]. Известны они в Дакии и других местах римского мира. Иногда это простейшие украшения, типа найденных в склепе [3, с. 245; 16, табл. IX, *8*; XI, *11*, *11а*], а иногда ложновитая проволока служит составной частью изделия, как, например, серьги с камеей из халцедона, гнездо которой окружено жгутиком из такой проволоки, или серьга с гранатом, вставленном в похожее гнездо [16, с. 50, табл. X, *4*, *5*].

Другой комплект состоит из гагатовых браслета и кольца (рис. 1*б*, *21*, *21а*; рис. 7, *2*, *4*). Браслет составляют 11 секций, каждая из которых сделана из полукруглой пластины с рельефными зигзагами на выпуклой поверхности и имеет по два поперечных отверстия для нанизывания их на шнурок. Резьба в целом образует стилизованный узор спинки змеи. Подобный браслет был найден в одной из подбойных могил этого же района херсонесского некрополя с херсонесской монетой времени второй элевтерии [4, с. 29]. Гагатовое кольцо круглой формы с выдающимися плечиками. Щиток кольца эллиптической формы с греческой надписью χάρις. Буквы размещены таким образом: Χ — на левом плечике коль-

ца; αρι — на щитке; ει — на правом плечике кольца (рис. 7, *а*). Подобная форма перстней известна и датируется III в. н. э. [28, № 201; 29, № 441, 442]. Аналогичный гагатовый перстень найден на этом же участке херсонесского некрополя с материалом II—III вв. н. э. [3, с. 210][5], но надпись другая. Золотые перстни с надписью χαρά часто встречаются в детских погребениях Боспора и датируются первыми веками нашей эры [30, табл. XVIII, *21—23*, *25*]. В Приене найден штамп со словом χάρις, предназначенный, по-видимому, для изготовления каких-то изделий массового спроса [31, с. 433, рис. 551, *148*]. М. И. Максимова писала: «на камнях и перстнях V в. отразился в мелких пределах возвышенный стиль эпохи, благодаря идеализации форм природы, проникнутый особой чисто греческой прелестью и нежностью, тем, что греки выражали непередаваемым словом χάρις» [32, с. 38]. На перстне надпись исполнена в дательном падеже множественного числа от χάρις и могла означать пожелание дарившего носить «ко многим радостям».

По всей вероятности, с этим погребением можно связать бусы, найденные в области грудной клетки. Это пять бусин из гагата разной формы и размеров, из непрозрачного стекла, гладкие и с инкрустацией белого, желтого, голубого цвета, цилиндрической, круглой, дисковидной формы, одна крупная пронизь темного янтаря и полусферическая вставка для медальона из белого стекла (рис. 1*б*, *24*, *25*; рис. 7, *1*; рис. 8, *2*). Здесь же найдена бронзовая херсонесская монета времени второй элевтерии (рис. 1, *35*).

Как считается, гагатовые изделия ввозились из Закавказья, изделия из янтаря — с побережья Балтийского моря, что же касается украшений из стекла, то они широко распространены повсеместно.

Ко второму, рядом лежавшему погребению относятся бронзовое массивное кольцо с несомкнутыми концами внутренним диаметром 2,0 см и бронзовая массивная подвеска (рис. 1*б*, *22*, *23*; рис. 5, *2*, *8*). Верхняя часть подвески имеет ромбовидную форму с отверстием посредине, низ украшен изображением в виде шишки.

На фаланге кольца правой руки костяка найден массивный литой бронзовый с позолотой перстень с камеей-литиком [33, с. 272]. Форма перстня эллиптическая, с очень толстыми выдающимися плечиками. Такая форма перстней была широко распространена на территории Римской империи и датируется II—III вв. н. э. [28, № 188; 29, № 424, 427, 1384]. Встречаются они в Северном Причерноморье и в Закавказье [34, с. 258, рис. 9].

Особый интерес представляет камея, изображающая сатира и менаду в профиль. Камея выполнена из непрозрачного стекла, имитирующего двуслойный сардоникс. Фон камеи темный, матовый, рельеф молочно-белый (рис. 6, 7). Двухцветность присуща камеям Рима, где наряду с подлинниками получили распространение копии лучших камей, отлитых из стекла [35, с. 19, 21]. По всей вероятности, найденная камея является копией с резного античного камня. Изготовление копий с резных камней известно давно. Прибегать к изготовлению имитаций заставляла сложная камнерезная техника, а сами имитации делались весьма искусно. В эрмитажной коллекции гемм имеется камея, также выполненная из двуслойного стекла [36, с. 235].

В ногах у нижнего ряда погребений в северном углу склепа найдена покрытая бурым, частично облупившимся лаком чашка высотой 6,5 см. Здесь же находились римская серебряная монета Каракаллы (211—217 гг.; рис. 1*б*, *15*, *34*; рис. 3, *13*). По всей площади около погребений найдено много железных гвоздей с остатками дерева у шляпок.

Много вещей обнаружено на полу склепа, лежащих в полном беспорядке, вперемешку с костями и землей. Среди них одноручный красноглиняный кубок. Тулово кубка покрыто тусклой коричневой краской, поверх которой белым ангобом нанесен орнамент в виде ромбов и точек

[5] Фонды ГХМ, инв. № 5238.

внизу. Низ сосуда и его дно краской не закрашены, высота 9,0 см (рис. 3, *16*).

Найдено 10 светильников. Шесть краснолаковых светильников с разным оттенком лака, от яркого до бурого. Щитки украшены одним или двумя кольцами, плечики — рубчиками, ручки широкие ленточные, у трех светильников дно украшено 16-лучевой розеткой. Форма светильников вытянутая, грушевидная (рис. 4, *6—8*; *12—14*).

Один светильник аналогичен предыдущим, но ручка у него в виде небольшого выступа и форма круглая (рис. 4, *5*). Два светильника сделаны из светлой глины без покрытия, щитки украшены выпуклым кольцом, плечики плоские с рубчиками, ручки в виде небольшого выступа, носик слабо выдается. Форма светильников овальная, работа очень грубая (рис. 4, *9*, *10*). Один светильник, светлой глины, аналогичен тем светильникам, которые были найдены в смешанном слое погребений (рис. 4, *3*). Три фрагмента от светлоглиняного тонкостенного, слабо обожженного светильника, щиток которого украшен 24-лепестковой розеткой, а плечики в виде стилизованной ветки в елочку (рис. 4, *15*). Подобные светильники получили распространение в Херсонесе [24, табл. XV, *433*] и других городах Северного Причерноморья и датируются III — началом IV в. н. э. Местом же производства их считается одна из мастерских Аттики [37, с. 24; 38, с. 167].

Стеклянных сосудов немного, но они разных форм (рис. 9). Небольшой бальзамарий голубоватого стекла, с отогнутым наружу венчиком, узким горлом, шаровидным туловом, со слегка вогнутым основанием, высотой 5,8 см. Такая форма бальзамариев известна в античном мире. Находят их главным образом в детских погребениях I—II вв. [17, с. 217, рис. 83, *1*; 39, с. 86, рис. 138].

Бальзамарий голубоватого стекла, горло узкое, высокое с сильным отогнутым венчиком, тулово конусовидное, высотой 9,4 см. Эта форма бальзамариев с разными вариантами также широко распространена в античном мире и датируется первой половиной II в. н. э. [17, с. 193, рис. 62, *2*; 39, с. 108; 40, рис. 8, *1*, *2г*; 41, с. 78]. Найдено также высокое раструбом горло от колбообразного сосуда из белого стекла. Высота горла 6,0 см. Датируются такие сосуды обычно III—IV вв. н. э.

Среди находок из склепа выделяется бронзовая литая статуэтка коня на постаменте, высота 5,5 см [42, с. 232 сл.]. Грива и украшения сбруи исполнены гравировкой (рис. 5, *3*). Для фигурного литья в римское время использовались бронзы сложного сплава, обладающие высокими антикоррозионными свойствами. Статуэтка выполнена из такого рода бронз. По всей вероятности, она изображала коня-призера и находилась при одном из погребений, размещенном на центральной лежанке. Аналогичных статуэток, происходящих с территории СССР, известно еще две: одна была найдена в Пантикапее, другая — в с. Кринички, расположенном в лесостепной полосе Побужья. Точное местонахождение этих статуэток неизвестно, но исследователи датируют их III в. н. э. С. С. Гамченко усматривает фракийское происхождение статуэтки из с. Криничек. Не исключено, что и херсонесская статуэтка имеет фракийское происхождение. Связи Херсонеса с Фракией прослеживаются с IV в. до н. э. [43, с. 22], а в первые века они известны по ряду эпиграфических памятников, свидетельствующих о пребывании в Херсонесе отрядов римских легионов, часть из которых формировалась из фракийцев, например отряды I Италийского и XI Клавдиева легионов [44, с. 109]. Может быть, с этим погребением нужно связать и находку бронзовой монеты г. Андрианополя времени Гордиана III (238—244 гг.).

Золотая серьга круглой формы с гранатовой вставкой, щиток которой состоит из пяти спаянных ободков, причем внутренний ободок украшен насечкой, а внешний зернью. Вставка выпуклая, гладко отшлифована. К обратной стороне щитка прикреплена петля с крючком из золотой проволоки. Серьга сделана из светлого золота пробы 750—800°, вес с камнем 2,99 г (рис. 6, *3*).

Ювелирные изделия первых веков нашей эры часто украшались кам-

нями. Самыми распространенными были гранаты, халцедон, сердолик, реже бирюза. В Херсонесе и раньше встречались украшения с гранатами сирийского происхождения [16, с. 51]. Связи Херсонеса с малоазийскими центрами известны и продолжались в позднеантичное время.

Серебряный перстень имеет несомкнутые концы, тонкой граненый обруч, плоский щиток (рис. 6, *5*). Перстни такой формы датируются III в. н. э. [28, № 201].

Обнаружено два железных ножа. От одного сохранилась только часть лезвия длиной 7,6 см, у другого верхняя часть лезвия обломана, но сохранилась часть черенка длиной 10,8 см (рис. 5, *4*, *5*). Видны остатки прилипшей ткани.

Найдены также костяной предмет, обернутый листовой бронзой (рис. 7, *3*), фрагмент свинцового сосуда (?) (рис. 5, *9*), 27 разных бусин, четыре янтарных подвески, монеты.

Две подвески небольшие (рис. 7, *1*, первый ряд в центре), две крупные — одна в форме усеченной пирамиды, другая — в виде мушки (рис. 7, *1*), четыре бусины из янтаря круглой уплощенной формы. Янтарь на всех изделиях темного цвета. Одна пронизь из многослойного оникса (очень нарядная), одна — сердоликовая (рис. 8, *1*, *3*). Остальные бусы из разноцветного стекла и пасты, бусы в виде мелкого и крупного бисера из белого и голубого стекла, крупная пронизь зеленого стекла. Пастовые бусы разных форм и размеров инкрустированы пятнышками, орнаментами в виде волны, елочки светлых тонов (рис. 8, *4*). Подобные наборы бус были широко распространены и долго бытовали [27, рис. 14, *9*; рис. 15, *10*; 45, табл. 3, *2*, *4*, *6*, и др.].

Монеты разнообразны. Среди них пять бронзовых, херсонесской чеканки времени второй элевтерии, четыре монеты римские императорские серебряные Адриана (117—138 гг.), Веспасиана (69—79 гг.), Геты (211—212 гг.), Максимина (235—238 гг.).

Приведенный материал свидетельствует о том, что склеп является семейной усыпальницей богатой семьи и функционировал с конца I в. н. э. до конца III в. Все 10 погребений совершены в деревянных гробах, причем основное количество погребенных ориентировано головой на юго-запад. Такая ориентировка отмечена в могильниках Юго-Западного Крыма, т. е. территории, близко расположенной к Херсонесу и связываемой с местными племенами [15, с. 34].

Инвентарь склепа разнообразен, это керамические и стеклянные сосуды, изделия из металла, орудия труда, украшения, монеты. Большая часть керамики местного производства, обычных для Северного Причерноморья форм. Небольшие сосудики (рис. 2, *6*, *9*, *12*, *15—17*) восходят к малоазийским образцам, широко распространенным в Северном Причерноморье. В Херсонесе они изготовлялись из местных материалов. Две найденные чашечки, изящные по форме и тонкостенные, скорее всего привезены в Херсонес из Малой Азии. Интересно, что в склепе не найдено крупных керамических сосудов — амфор, кувшинов, нет и лепной керамики. Светильники (рис. 4) являются необходимой принадлежностью почти всех погребений этого времени. Однако их нет в могильниках Юго-Западного Крыма и Танаиса. Основная масса светильников изготавливалась на месте. Стеклянных сосудов в склепе мало: всего два бальзамария и горло колбообразного сосуда (рис. 9). Найдено четыре железных ножа без рукояток, но только два из них находились in situ (у бедра погребенных).

К художественным произведениям из бронзы следует отнести статуэтку коня, связанную с агонами. Об участии херсонеситов в спортивных состязаниях свидетельствуют эпиграфические памятники [46, № 433—437; 47, с. 57 сл.]. Статуэтка коня и монета г. Андрианополя, возможно, сопровождали умершего в Херсонесе человека фракийского происхождения: им мог быть один из легионеров, входивший в состав римских войск, дислоцированных в Херсонесе.

На принадлежность погребенных в склепе к классу имущих указывают изделия из золота (лицевые пластины, связанные с широко распро-

страненным обрядом закрытия глаз и рта погребенных, браслет и кольцо из ложновитой проволоки, сделанные, может быть, специально для погребальных целей, серьга с гранатом). Среди ювелирных изделий выделим перстень с камеей. Эти вещи указывают на связи Херсонеса с Фракией, Дакией, Малой Азией.

Бус в склепе обнаружено много, и они разнообразны по материалу и форме. Большинство бус пастовые. Они белые, голубые, зеленые, коричневые, гладкие и украшенные пятнышками, поясками, зигзагами. Большинство из них округлой формы, но встречены граненые, дисковидные, цилиндрические. Бусы из гагата разной формы и размеров. Бус из полудрагоценных камней (оникса и сердолика) найдено очень мало, хотя сердоликовых бус в погребениях Херсонеса первых веков найдено много. Разнообразную группу украшений составляют изделия из темного янтаря (бусы и подвески).

Большую группу находок составляют монеты, присутствие которых в могилах является характерным для некрополя Херсонеса этого времени. Всего найдено 26 шт., из них 17 — бронзовые, херсонесской чеканки. Три серебряные римские монеты связаны с погребениями на лежанках, причем монета Тита, одна из двух ранних монет, найдена на первой лежанке. Из смешанного слоя происходят 12 бронзовых монет херсонесской чеканки времени второй элевтерии, найденные вместе. В нижнем слое найдены бронзовая монета херсонесской чеканки у черепа костяка первого ряда погребений и монета серебряная Каракаллы в ногах костяка второго ряда погребений. Остальные девять монет найдены при просеивании земли в выбросе, из них четыре монеты херсонесской чеканки, четыре монеты римские, одна адрианопольская. Данные нумизматики будут еще изучаться специалистами, однако уже теперь можно на ее основе вполне определенно датировать усыпальницу концом I—III в. н. э., при этом бо́льшая часть инвентаря склепа относится ко II—III вв. н. э.

Материал склепа подтверждает сохранение в погребальном обряде эллинских черт, хотя прослеживаются отдельные влияния как западнопонтийских и малоазийских центров, так и традиций местного населения Крыма и степей Причерноморья.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОАК за 1897 г. Спб., 1900.
2. ОАК за 1913—1915 гг. Спб., 1918.
3. *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908, 1909, 1910 гг.— ХСб. Вып. II. Севастополь, 1927.
4. *Тахтай А. К.* Раскопки херсонесского некрополя в 1937 г.— ХСб. Вып. IV. Симферополь, 1948.
5. *Борисова В. В.* Отчет о раскопках гончарных печей и склепа за юго-восточным участком оборонительных стен Херсонеса в 1955 г.— Архив ГХМ, д. № 710.
6. *Антонова И. А., Глазунов В. В.* Геолого-геофизическое изучение херсонесского некрополя.— В кн.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М.: Наука, 1979.
7. *Белов Г. Д., Стрежелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.).— МИА, 1953, № 34.
8. *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I—III вв.).— СА, 1976, № 4.
9. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
10. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет Археологической комиссии за 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9.
11. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет Археологической комиссии за 1906 г.— ИАК, 1911, вып. 33.
12. *Репников Н. И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г.— ХСб. Вып. II. Севастополь, 1927.
13. *Скубетов М. И.* Римский фамильный склеп II—IV вв. по Р. Хр., открытый в Херсонесе в 1907 г.— ИТУАК, 1911, № 45.
14. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1914.
15. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
16. *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса.— Тр. ГИМ, 1956, вып. XVII.
17. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 1959, № 69.
18. *Knipowitsch T.* Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres. T. 1. Die Keramik römischer Zeit

aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Materialien zur römisch-germanischen Keramik. B. 4. Frankfurt a. M. 1929.
19. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры.– МИА, 1952, № 25.
20. *Штерн Э. Р.* К вопросу об эллинистической керамике.– ЗООИД, 1910, т. XXVIII.
21. *Книпович Т. Н.* Художественная керамика в городах Северного Причерноморья.– В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
22. *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (по эпиграфическим данным).– ВДИ, 1973, № 1.
23. *Loeschcke S.* Sigillata-Töpfereien in Tschandarli.– AM, 1912, XXXVII.
24. *Вальдгауэр О.* Античные глиняные светильники. Спб., 1914.
25. *Погребова Н. Н.* Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского.– В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН СССР, 1957.
26. *Богданова Н. А., Гущина И. И.* Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960-1961 гг.– СА, 1964, № 1.
27. *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского.– МИА, 1961, № 96,
28. *Marschall M.* Catalogue of the Finger Rings in the Deportament of Antiquities. L., 1907.
29. *Henkel F.* Die Römischen Fingerringe der Reinlande und der benachbarten Gebiete. B., 1913.
30. Древности Боспора Киммерийского. Спб., 1854.
31. *Wiegand T., Schrader H.* Priene. B., 1904.
32. *Максимова М. И.* Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926.
33. *Борисова В. В.* Камея с изображением сатира и менады.– СА, 1960, № 1.
34. *Максимова М. И.* Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (раскопки 1938–1939).– Вестн. Гос. музея Грузии. Т. XVI-B. Тбилиси, 1950.
35. *Неверов О.* Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, 1971.
36. *Ваулина М. П.* Классические и раннеэллинистические элементы в античных камеях Государственного Эрмитажа.– Тр. ГЭ, 1962, т. VII.
37. *Perlweig J.* Lamps of the Roman Period.– Athenian Agora, Princeton, 1961, t. VII.
38. *Кадеев В. И.* Импортные светильники из Херсонеса I – IV вв. н. э.– СА, 1969, № 3.
39. *Bucovalā M.* Vase antica de sticlā la Tomis. Constanta, 1968.
40. *Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стеклянные бальзамарии.– Тр. ГЭ, 1972, т. XIII.
41. *Кобылина М. М.* Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г.– МИА, 1941, № 4.
42. *Борисова В. В.* Бронзовая статуэтка коня из Херсонеса.– СА, 1977, № 2.
43. *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. I. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса, открытые в 1899 г.— ХСб. Вып. I. Севастополь, 1926.
44. *Белов Т. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.
45. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.– САИ, 1975, вып. Г1-12.
46. *Latyschev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. V. I., edit. 2, Petropoli, 1916.
47. *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1964.

V. V. Borisova

A 1st-3rd-CENTURY VAULT OF THE CHERSONESUS BURIAL GROUND

Summary

The vault was discovered in 1955 during excavations of pottery shops. It was found behind the south-east section of the Chersonesus defense lines, on the slope of Karantinnaya Balka, at roughly 60m to the south-west of the Zenon Tower. The square burial chamber with a column in its centre and three couches was entered through a rectangular dromos. The couch burials had been robbed in antiquity while those on the floor, along the north-western wall of the vault hidden by the fallen ceiling, remained intact.

The grave goods are numerous and varied. There are small-sized ceramic jars, beakers, cups, clay lamps and glass embalmment vessels among them. Iron knives and bone awls, gold, silver and bronze objects, gageite, amber and paste jewellery, coins, among which Chersonesus coins dated to the period of the second eleutheria and Roman coins of the A. D. 1st-3rd centuries predominated, were also found. A bronze horse figurine and a signet ring with a cameo depicting a satyr and a maenad attracted much attention.

The vault's architecture and rich grave goods rank it among vaults of wealthy families. There were ten burials in wooden coffins in it. It was used in the period between A. D. late 1st century and late 3rd century, mainly between the 2nd and 3rd centuries.

АБДУЛЛАЕВ К. А., ЗАВЬЯЛОВ В. А.

СОСУДЫ НА ЗООМОРФНЫХ ПОДСТАВКАХ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ

Широко развернувшееся за последнее десятилетие изучение памятников кушанской Бактрии позволило исследователям выделить кушанский археологический комплекс, неотъемлемой частью которого является зооморфная терракота [1, с. 14—15]. Следует отметить, что специальному исследованию кушанская зооморфная терракота еще не подвергалась, хотя в археологической литературе имеются отдельные статьи и публикации, в которых затрагиваются вопросы, отражающие те или иные стороны этого вида коропластики. Накопленный к настоящему времени фактический материал позволяет выделить в особую группу терракоты, использовавшиеся как подставки для сосудов.

В процессе изучения городища Зар-Тепе с 1973 по 1982 г. на раскопах 3 и 6 в двух верхних строительных горизонтах было обнаружено: 2 фигурки коней с остатками резервуаров на спине; 7 фигурок коней со следами характерного скола от резервуара; 2 фигурки баранов; 4 фрагмента фигурок, видовую принадлежность которых трудно определить. Кроме того, найдены фрагменты двух резервуаров (рис. 1, *1—17*) [1].

Все фигурки-подставки изготовлены вручную из тонко отмученной глины с незначительной примесью песка и гипса. Обжиг, как правило, ровный, качественный. Из материала того же состава изготавливались и резервуары, но, в отличие от фигурок-подставок, с помощью гончарного круга. Более того, насколько можно судить по фигуркам-подставкам 1 и 2 (рис. 2 и 3), и фигурка, и резервуар изготовлены из одной и той же глины, по-видимому, одновременно и в одной мастерской. Наблюдается также сходство в процессе окрашивания кушанской «столовой» посуды и сосудов на зооморфных подставках, осуществлявшемся путем обмакивания в раствор ангоба. Судя по остаткам ангоба, он наносился только на верхнюю часть сосудов, доходя до уровня груди фигурок-подставок. Цвет ангоба варьирует от светло-красного до темно-коричневого и полностью совпадает в оттенках с ангобами на «столовой» посуде, обнаруженной в верхних слоях городища Зар-Тепе [2, с. 144].

Данная группа терракот дает основание выделить характерные признаки, присущие только этой категории находок. За исключением двух (1, 2), все остальные фигурки имеют на спине скол овальных очертаний, охватывающий корпус терракоты от шеи до хвоста. В процессе изготовления резервуара в нижней придонной части мастер оставлял запас глины, который впоследствии им расплющивался и разглаживался по спине фигурки-подставки, образуя тонкий слой на первоначальной основе статуэтки. В результате скола, как правило, обнажается гладкая спина фигурки, но в одном случае на спине коня (рис. 1, *8*) нанесены с двух сторон по бокам острым инструментом косые насечки. Этот прием служил для более прочного крепления резервуара к подставке.

В тех случаях, когда голова животного отсутствует, его видовая принадлежность может быть определена по форме скола на шее фигурки Для подставок в виде коня характерен скол подтреугольной формы, сужающийся к гриве, выделенной защипом (рис. 1, *2*, *4—9*). Тогда как

[1] Порядковый номер на рис. 1 соответствует порядковому номеру дальнейшего описания материала в тексте.

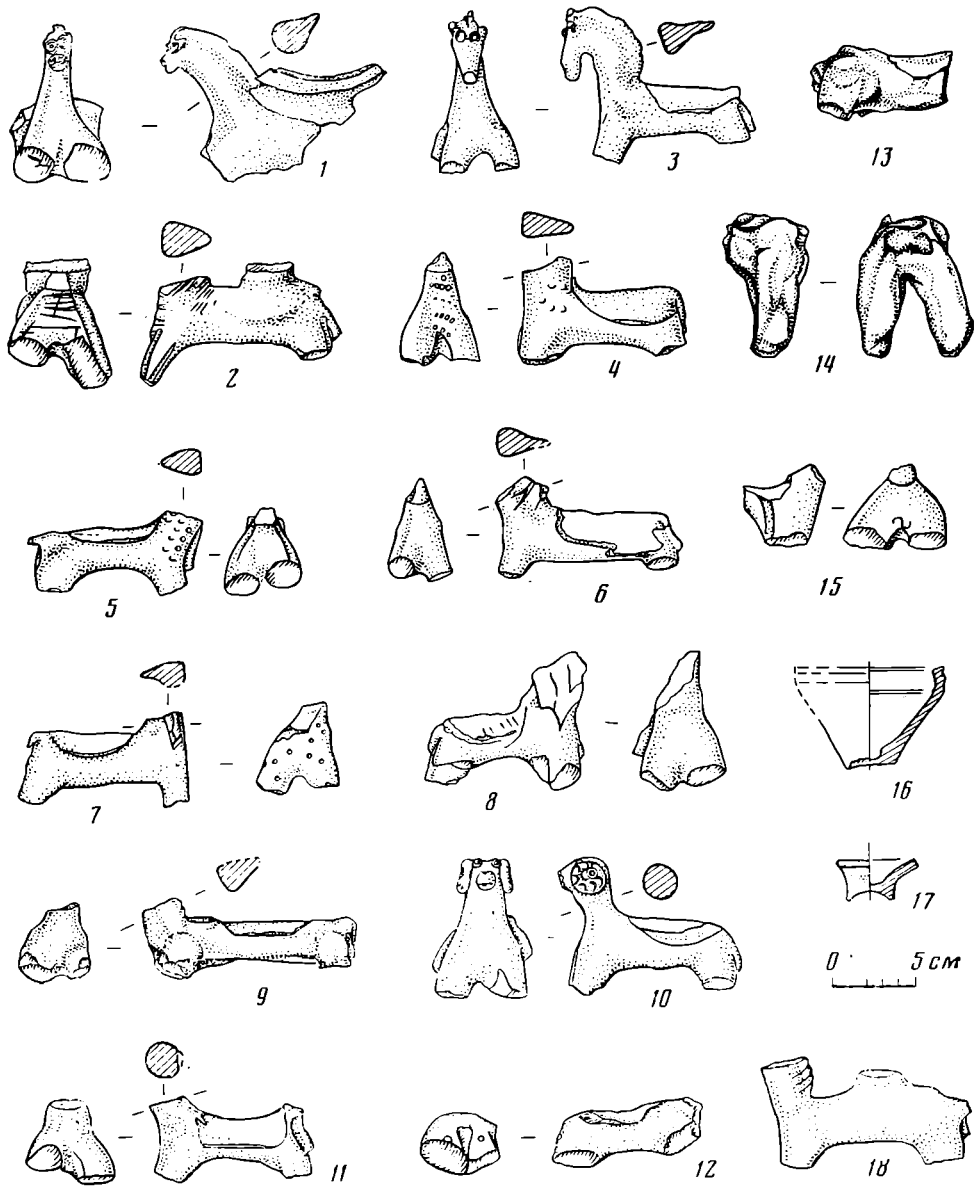


Рис. 1. Сосуды на зооморфных подставках. Зар-Тепе (*1—17*); Талашкан-Тепе II (*18*)

подставки в виде барана имеют на шее скол округлых очертаний (рис. 1, *11*).

В отличие от основной массы зооморфной терракоты в виде коней и баранов данная группа фигурок-подставок имеет удлиненные пропорции корпуса, размеры которого колеблются в пределах от 9 до 12 см[2].

Зооморфные подставки в ряде случаев орнаментированы пуансоном, а также прочерченными линиями, нанесенными острым инструментом. Приемы орнаментации достаточно характерны для зооморфной терракоты в целом и, кроме того, встречаются на «столовой» посуде, происходящей из тех же слоев.

Учитывая то обстоятельство, что данная категория находок вводится в научный оборот впервые, представляется целесообразным дать более детальное описание каждой фигурки-подставки.

1. Фигурка коня (рис. 2). Сохранность: отколоты передние ноги и вся задняя часть. Высота сохранившейся части 9,5 см. Черепок плотный, в изломе красновато-коричневого цвета. Обжиг неравномерный. Ангоб

[2] Размеры корпуса фигурок даны по уровню груди от выступающей ее части до задней части крупа.

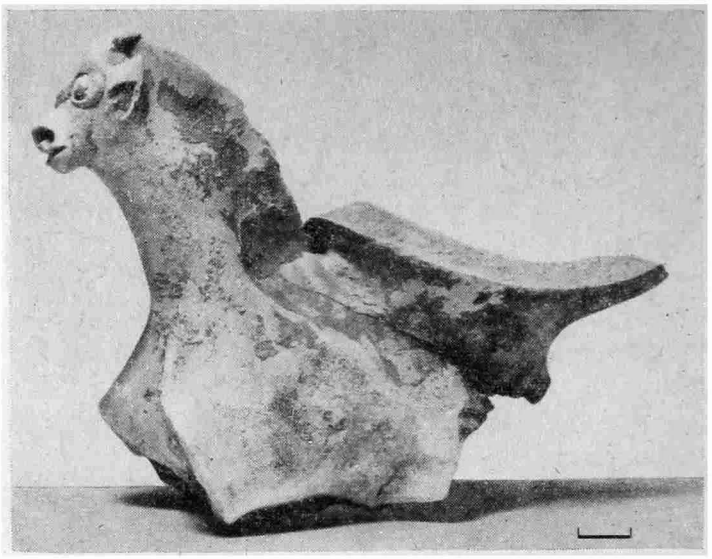


Рис. 2. Сосуд на подставке в виде коня

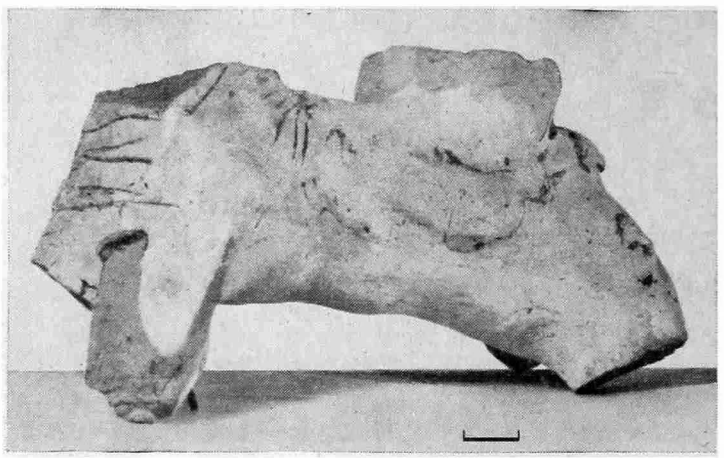


Рис. 3. Сосуд на подставке в виде коня

красного цвета местами переходит в коричневый. Высокую выгнутую шею венчает маленькая головка, трактованная в схематичной манере. Глаза переданы двумя округлыми лепешечками с выдавленными посередине кружочками. Глубоко просверлены носовые отверстия. Поперечным глубоким вдавлением обозначен рот. Уши в виде заостренных треугольных рельефов. На спине плотно закреплен фрагмент сосуда, толщина стенок которого у основания 1—1,5 см. Очертания сохранившейся части сосуда имеют полусферическую профилировку.

2. Фигурка коня. Сохранность: отколоты голова, передние и задние ноги. Длина 11, максимальная высота 7,5 см. Черепок в изломе светло-коричневого цвета, обжиг равномерный. Сохранились следы ангобного покрытия темно-коричневого цвета. Хвост вытянут из глины резервуара, кончик его отбит, но, судя по следу, опускался вертикально вниз. На спине животного, ближе к крупу, возвышаются остатки резервуара. Толщина стенки сосуда на месте излома 1 см. На самом дне резервуара осталась вмятина от пальца мастера-изготовителя, свидетельствующая о том, что для прочности крепления был выработан специальный прием — придавливание резервуара к спине фигурки-подставки пальцем. Аналогичный прием фиксируется на дне резервуара фигурки 1, на дне резервуаров 16 и 17, а также на спине фигурки 12. Сохранились обрывки косых линий, передающих гриву животного. Такие же процарапанные линии в виде сетки нанесены на груди.

3. Фигурка коня. Сохранность: отколоты ноги, отсутствует резервуар.

Длина 9, высота 9 см. Черепок плотный, в изломе красного цвета, обжиг равномерный. Вся фигурка, за исключением оконечностей ног, покрыта ангобом светло-коричневого цвета. У коня широкая выгнутая шея и голова с правильными пропорциональными очертаниями. Глаза посажены высоко в виде округлых лепешечек с оттиснутым кружочком посередине. Глубокие вдавления на обоих ушах и челке нанесены острым инструментом, возможно, ножом. Всю спину и круп коня охватывает овальной формы скол, длина которого 5,2 см.

4. Фигурка коня. Сохранность: отколоты ноги и голова. Длина 9,5, высота сохранившейся части 6 см. Фактура черепка пористая, в изломе он светло-коричневый. Ангоб отсутствует. Фигурка орнаментирована выдавленными пуансоном кружочками диаметром 3,5 мм. Кружочки бессистемно и густо нанесены на груди животного и иногда перекрывают друг друга. Менее насыщенно орнаментирована правая сторона шеи, по-видимому, тем же инструментом, а на левой стороне шеи наблюдаются лишь два чуть заметных вдавления. На спине скол овальной формы длиной 6,5 см. Скол охватывает верхнюю половину хвоста, вытянутого из теста фигурки и опущенного вертикально вниз.

5. Фигурка коня. Сохранность: отколоты голова и ноги. Длина 10,5, высота 5,2 см. Черепок плотный, в изломе серовато-коричневого цвета, обжиг равномерный. На гриве сохранились следы черного ангоба. Хвост оттопырен, кончик его обломан. С одного бока шеи нанесен орнамент из расположенных вертикальными рядами ногтевидных вдавлений и кружочков, выполненных пуансоном диаметром 3,5 мм. Причем на всех кружочках присутствует совершенно одинаковое искажение окружности в верхней ее части, свидетельствующее о дефекте на инструменте мастера. На спине фигурки овальный скол длиной 5 см.

6. Фигурка коня. Сохранность: отколоты ноги и голова. Длина 10,5, высота сохранившейся части 5,7 см. Черепок плотный, в изломе красного цвета, обжиг равномерный. На гриве сохранились следы ангоба светло-коричневого цвета. Грива подчеркнута косыми процарапанными линиями. Туловище вытянутое, тонкое. Хвост вытянут из теста фигурки и, судя по оставленному следу, опускался вдоль правой ноги животного. На спине скол овальной формы длиной 6,5 см.

7. Фигурка коня. Сохранность: отколоты голова и ноги. Длина 9,2; высота сохранившейся части 6 см. Черепок плотный, в изломе светло-коричневого цвета, обжиг равномерный, ангоб светло-коричневый. Хвост вытянут из теста фигурки и опущен вертикально вниз, кончик его отбит. Грудь орнаментирована глубоко продавленными кружочками диаметром 3 мм, выполненными пуансоном. Один из таких же кружочков выдавлен на правой передней ноге животного. На спине скол овальной формы длиной 4,5 см.

8. Фигурка коня. Сохранность: голова и ноги отбиты, кончик хвоста отколот, но, судя по оставшемуся следу, хвост был загнут в сторону правой ноги и опускался вдоль нее. Длина 9, высота сохранившейся части 8,7 см. Черепок плотный, в изломе светло-коричневый, ангоб темно-коричневый. На спине вышеупомянутые насечки, в результате воздействия которых образовался скол с рваными краями, приближающийся по форме к овалу длиной 5 см.

9. Фигурка коня. Сохранность: отколоты голова и ноги, хвост вытянут из глины резервуара, загнут в сторону правой ноги и опускается вдоль нее, самый кончик его отбит. Черепок плотный, в изломе светло-коричневый, ангоб светло-красного цвета. Длина 12, высота сохранившейся части 5,3 см. На спине скол овальной формы длиной 8 см.

10. Фигурка барана (рис. 4). Сохранность: отбиты ноги и передняя часть морды. Длина 10,2, сохранившаяся высота 8 см. Черепок плотный, в изломе светло-коричневый, обжиг равномерный, ангоб светло-коричневый. Голова передана в условной манере. Рога изогнуты, образуют круг и орнаментированы глубокими ногтевидными вдавлениями, нанесенными пуансоном, который мастер держал под углом. Центр круга обозначен глубокой окружностью, нанесенной тем же инструментом диаметром

Рис. 4. Фигурка-подставка в виде барана

5,5 мм. Глаза, расположенные в верхней части головы, переданы двумя округлыми лепешечками с оттиснутыми окружностями посередине диаметром также 5,5 мм. На затылке след от прикосновения стенки резервуара. Широкий сплюснутый хвост сужается к концу и загнут между ног. На спине овальной формы скол длиной 5,5 см.

11. Фигурка барана. Сохранность: отбиты голова и ноги, хвост вытянут из теста фигурки, кончик его отколот, но, судя по оставшемуся следу, опускался вертикально вниз и сужался к концу. Черепок плотный, в изломе светло-коричневый, обжиг равномерный. Ангоб темно-коричневого цвета покрывает помимо верхней части также участок живота фигурки у передних ног. Длина 9 см, высота сохранившейся части 5 см. На спине скол овальной формы длиной 5,4 см.

12. Фрагмент туловища животного. Черепок плотный, в изломе светло-коричневого цвета. Обжиг равномерный, ангоб красноватого оттенка. Сохранился след зауженного книзу хвоста, слегка загнутого к правой ноге. По обеим сторонам хвоста — по одному кружочку, нанесенному пуансоном диаметром 4 мм. На спине первоначальной основы фигурки — вышеупоминавшаяся вмятинка от придавливания резервуара, а также скол овальной формы длиной 5 см, располагающийся ближе к хвосту.

13. Фрагмент фигурки животного. Сохранилась лишь задняя часть тулова без ног и хвоста. Черепок плотный, в изломе светло-красный, обжиг равномерный. Ангоб темно-коричневый. Наблюдается след скола, по-видимому, овальной формы, расположенного ближе к шее животного.

14. Фрагмент фигурки животного. Сохранилась задняя часть тулова и ноги. Высота сохранившейся части 8 см. Черепок плотный, в изломе красновато-коричневый, обжиг равномерный. Следов ангоба нет. Ноги массивные. На спине наблюдается часть скола.

15. Фрагмент фигурки животного. Из-за плохой сохранности трудно определить, к какой части тулова относится этот фрагмент. Черепок плотный, в изломе светло-коричневого цвета, обжиг равномерный. Следы покраски отсутствуют. Наружная часть фигурки, а также пространство между ногами подтесаны острорежущим предметом, возможно, ножом. На спине наблюдается часть скола. На груди прочерчен знак.

16. Фрагмент сосуда-резервуара, часть стенки которого отсутствует. Черепок плотный, в изломе светло-коричневого цвета, обжиг равномерный. Верхняя часть сосуда снаружи и изнутри окрашена коричневым, переходящим в темно-коричневый, ангобом, причем изнутри до границы соприкосновения с воздухом, а снаружи до того места, который мастер определил произвольно. Сосуд конической формы, с вертикально стоящим венчиком, чуть скошенным внутрь. На дне резервуара изнутри вмятина от пальца, оставшаяся после прикрепления сосуда к фигурке-под-

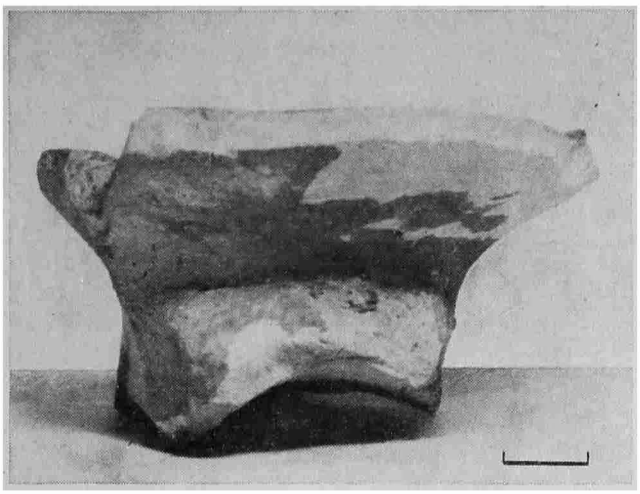


Рис. 5. Фрагмент резервуара

ставке. Уровень покраски сосуда свидетельствует о том, что фигурка-подставка не была покрыта ангобом. Донная часть сосуда вытянута в виде ножки высотой 1,3 см. Форма ножки приближается к овалу длиной 3 см, нижняя ее грань имеет небольшую дугообразную выемку. Диаметр венчика сосуда по внешнему краю 9 см, толщина стенки в верхней части 4 мм, у основания — 1,1 см.

17. Нижняя часть резервуара (рис. 5). Черепок плотный, в изломе светло-коричневый, обжиг равномерный. Снаружи сосуд покрыт красным ангобом, потеки которого наблюдаются также и внутри на стенках и дне, в котором к тому же имеется вмятина от пальца мастера. Ножка сосуда овальной формы, длиной 4,8 и высотой 1,3 см. На нижней ее грани отчетливо наблюдаются следы срезания с гончарного круга и дугообразный выем, образованный спинкой фигурки-подставки. Полная покраска низа резервуара предполагает, что фигурка-подставка также была ангобирована. Толщина стенки сосуда на месте излома 5—6 мм.

Выделенная новая категория находок вследствие фрагментарности и малочисленности, к сожалению, не дает полного объема информации для ее типологического подразделения. Однако можно отметить, что среди представленных материалов встречены безусловно разные по форме резервуары, некоторые из них крепились ближе к задней части фигурок-подставок, тогда как другие располагались ближе к шее животного. Причем на фигурках-подставках в виде коней стенки резервуаров вдавливались в гриву, служившую дополнительной точкой опоры, а на фигурках баранов в качестве такой опоры использовалась голова, как это наглядно засвидетельствовано на статуэтке 10.

Еще более трудной задачей является выделение фигурок-подставок, происходящих из одной мастерской и изготовленных рукой одного мастера. При условии, что все вышеописанные фигурки изготовлены мастерами Зар-Тепе, необходимо учесть их местонахождение в пределах выделяемых домовладений, а также приемы, характерные для одного мастера. Этим условиям отвечают только две фигурки коней (рис. 1, *6* и *9*), найденные в пределах одного домовладения, в верхнем строительном горизонте. Обе фигурки отличает от других очень тонкое вытянутое туловище, одинаковое положение хвоста, тонкие ноги и соотношение пропорций.

Зооморфные подставки были найдены и на других объектах городища Зар-Тепе. Так, при раскопках верхних слоев форта, расположенного в юго-восточном углу городища, обнаружена фигурка-подставка в виде двуглавого коня, на спине которого прослеживается характерный скол. Технология изготовления этой фигурки-подставки полностью соответствует вышеописанной. С цитадели городища Зар-Тепе происходит еще одна подставка, на сей раз в виде фигурки слона. У нее отбиты ноги и нижняя часть хобота. Длина фигурки 17 см. Черепок плотный, розоватого цвета, обжиг неравномерный. Следы окраски отсутствуют. Голова упло-

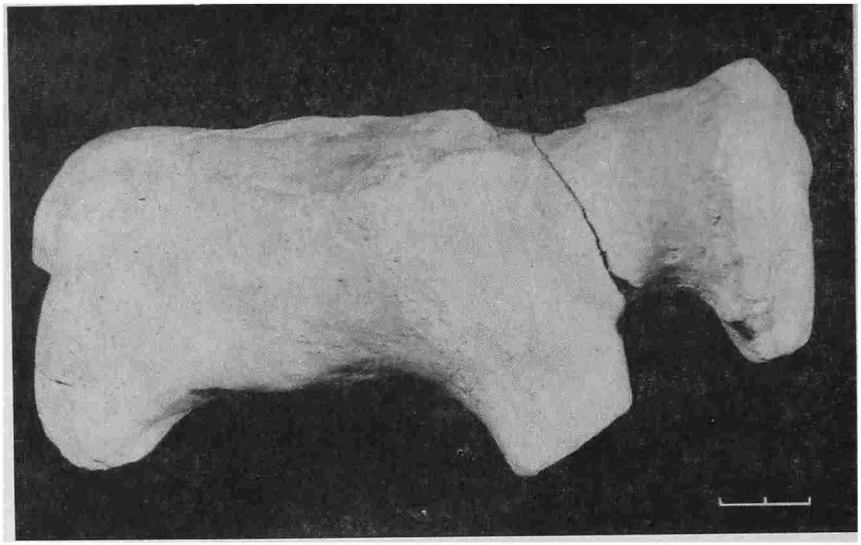


Рис. 6. Фигурка-подставка в виде слона

щенной формы. Глаза выделены рельефами с просверленными отверстиями посередине. На спине сохранился овальной формы след от резервуара (рис. 6).

Помимо Зар-Тепе аналогичные изделия встречаются на целом ряде кушанских памятников Бактрии. В III ярусе шурфа на городище Талашкан-Тепе II была найдена фигурка коня с остатками резервуара на спине (рис. 1, *18*). По технологии изготовления, способу крепления резервуара на ножке ближе к хвосту и орнаментации гривы косыми процарапанными линиями этот сосуд весьма близок сосуду 2 из жилого квартала городища Зар-Тепе[3]. Подобные изделия находят и при раскопках сельских поселений, примером чему может служить находка фигурки коня с характерным сколом на спине в верхних слоях поселения Аккурган [3, с. 77, рис. 24, *11*].

Фигурка-подставка в виде барана обнаружена в процессе раскопок Советско-Афганской экспедицией III—IV строительных горизонтов городища Жига-Тепе, расположенного в левобережной Бактрии [4, с. 87, рис. 26, 7]. В качестве подставок использовались также терракотовые статуэтки слонов, впервые обнаруженные французской археологической миссией при раскопках городища Беграм, расположенного вне пределов Бактрии [5, с. 32, примеч. 1]. Поскольку сосуды были найдены почти целыми, авторы сразу же определили эту категорию находок как сосуды на зооморфных подставках [6, рис. 239, 247]. Дальнейшее изучение памятника Р. Гиршманом увеличило количество находок подобного рода [7, с. 14]. Из приведенного выше материала можно видеть, что в качестве фигурок-подставок использовались, как правило, статуэтки коней, в том числе и двуглавых, слонов и баранов. Для кушанских памятников правобережной Бактрии, по-видимому, самым распространенным является изображение коня (Зар-Тепе-9, Талашкан-Тепе II—I, Аккурган I). Не меньшее распространение получили сосуды на зооморфных подставках в виде слона, многочисленные находки которых зафиксированы в Беграме [8, с. 72], т. е. в более южных областях кушанской державы. В настоящий момент известна только одна вышеупомянутая фигурка-подставка в виде слона, происходящая из раскопок цитадели городища Зар-Тепе, сопровождаемая находками кушано-сасанидских монет[4]. В меньшем числе обнаружены пока сосуды с подставками в виде баранов (Зар-Тепе-2, Жига-Тепе-1) и только на территории Бактрии.

По вопросу о функциональном назначении сосудов на зооморфных

[3] Авторы выражают благодарность Ш. Р. Пидаеву за любезно предоставленный в их распоряжение материал.

[4] Раскопки Т. Д. Ашаева.

Таблица

№	Раскоп	Горизонт	Помещение	Пол	Примечание
1	6	II	75	3	
2	6	I	116	1	Заполнение над полом
3	6	I	46	1	То же
4	6	–	–	–	Подъемный
5	6	I	87	1	Заполнение над полом
6	6	I	–	–	Подъемный
7	6	I	39	2	
8	6	II	75	3	
9	6	I	130	2	Заполнение над полом
10	3	I	7	–	Двор, верхний уровень
11	6	I	127	2	
12	6	II	9	3	
13	6	I	128	1	
14	6	I	126	–	Двор В, верхний уровень
15	3	I	1	1	
16	6	I	8	1	
17	6	I	91	1	

подставках существует точка зрения Р. Гиршмана, который определяет их как вотивные предметы, основываясь на находках этих изделий в домашних святилищах домов слоя Беграм III и связывая их с почитанием жителями древней Каписы божества, представленного в виде слона [8, с. 72]. Также к предметам культового назначения относится подставка-светильник, оформленная фигурками трех коней, из Культ-Тепе, которую Г. А. Пугаченкова связывает с культом коня [9, с. 127, рис. 45]. Следует отметить, что наблюдается определенное сходство в наличии резервуара между нашими сосудами и ритуальной подставкой, основание которой, судя по описанию, выполнено в иной традиции. Некоторое сомнение вызывает предположение автора об использовании этого предмета как светильника, так как ни о каких следах копоти не упоминается. Отсутствуют следы копоти и на резервуарах вышеописанной серии.

Видовое многообразие, относительная многочисленность и условия местонахождения сосудов на зооморфных подставках позволяют, с нашей точки зрения, усомниться в их только ритуальном назначении. В доказательство этому можно привести распределение находок фигурок-подставок и резервуаров на раскопе 3 — жилой дом [10, с. 51—58] и раскопе 6 — жилой квартал [2, с. 141—154] городища Зар-Тепе (таблица).

В дополнение следует подчеркнуть, что среди перечисленных помещений преобладают хозяйственные и жилые и совсем нет таких, которые можно было бы отнести к домашним святилищам. К этому можно присовокупить, что жилища, из которых происходят сосуды на зооморфных подставках, принадлежат, по всей вероятности, рядовому городскому населению финального периода обживания Зар-Тепе. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что во II (нижнем) горизонте найдено всего три сосуда, тогда как остальные обнаружены в помещениях I строительного горизонта.

Помимо сосудов на зооморфных подставках в виде коней, слонов и баранов на раскопах 3 и 6 в достаточно большом количестве встречаются изображения других видов животных, некогда украшавших керамическую посуду. К их числу принадлежат изображения львов, обезьянок, козлов, ежей, а также обобщенный образ «кошачьего» хищника. Положение их на сосудах различно, часть из них украшает ручки кувшинов (обезьянки, львы и ежи), часть, в качестве налепов, украшает стенки различных типов «столовой» посуды (львы, козлы), а в одном случае сосуд имеет носик-слив, изображенный, по всей вероятности, в виде мордочки ежа. Изображения коней, козлов и птиц распространяются и среди штампованной керамики, перекликаясь при этом с вышеперечисленными образами [2, с. 145—148, рис. 5, 6]. Весьма вероятно, что очерченный круг зооморфных изображений отнюдь не случаен и связан с культами, бытовавшими на территории кушанской Бактрии [9, с. 121—127]; и прежде

всего это касается образов коня [11, с. 31—39] и барана [12], игравших видную роль в идеологических представлениях древнего населения Средней Азии.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что семантическая связь зооморфных изображений на керамике с распространенными культами вовсе не предполагает использование всех сосудов как ритуальных. Если к зооморфным изображениям присовокупить также и антропоморфные, многие из которых, по-видимому, смогут занять свое место в числе бытовавших культов, то едва ли не треть всей «столовой» посуды будет украшена различными изображениями. Это обстоятельство, а также видовое разнообразие изображений на керамике, найденной в пределах одного квартала, предполагает, кроме того, декоративную их функцию в оформлении «столовой» посуды. В данном случае очевидно, что обе функции неразрывно связаны и дополняют друг друга, отражая господствовавшие идеологические представления того времени. Что же касается ритуальной функции сосудов на зооморфных подставках, то, видимо, следует признать, что ритуальной эта категория посуды может стать только в том случае, если она будет изъята из повседневного бытового обращения (например, положена в могилу).

Представляет интерес и тот факт, что все упоминаемые в данной работе сосуды на зооморфных подставках найдены, как правило, в слоях, датируемых исследователями III — серединой V в. н. э. Так, сосуды на подставках в виде слонов из Беграма III относятся Р. Гиршманом к III—IV вв. н. э. [7, с. 14]. Сосуд с подставкой в виде барана из Жига-Тепе происходит из слоев, датируемых Г. А. Пугаченковой на основе находок кушано-сасанидских монет также III—IV вв. н. э. [4, с. 81]. Все сосуды на зооморфных подставках из Зар-Тепе обнаружены в верхних слоях, относящихся к последнему периоду обживания древнего города, датирующихся кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами и, кроме того, позднекушанским керамическим комплексом III — середины V в. н. э. Стратиграфические условия залегания остальных упоминаемых здесь находок не противоречат указанным хронологическим пределам.

В настоящий момент остаются не совсем ясными истоки и причины появления этой категории посуды, так как находки аналогичных изделий в более ранних кушанских слоях пока не зафиксированы. Территория их распространения также пока не может считаться полностью ограниченной. Можно было бы предположить наличие сосудов на зооморфных подставках в позднекушанских слоях памятников южного Таджикистана, входивших, по-видимому, в одну историко-культурную область по крайней мере с памятниками Южного Узбекистана, но свидетельств тому не обнаружено [13, с. 6].

В заключение следует отметить, что сосуды на зооморфных подставках получают, по-видимому, наибольшее распространение в позднекушанское время и в таком случае наряду с зооморфными штампами представляют собой составную часть позднекушанского керамического и археологического комплекса в целом [14, с. 16]. А при условии, что их находки не будут зафиксированы в более ранних слоях, они смогут иметь самостоятельное датирующее значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология.— В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
2. *Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-Тепе в 1975—1976 гг.— СА, 1979, № 3.
3. *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978.
4. *Пугаченкова Г. А.* Жига-Тепе (раскопки 1974 г.). — В кн.: Древняя Бактрия. М.: Наука, 1979.
5. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия. М.: Наука, 1977.
6. *Hachin J., Carl J., Carl M.* Diverses rechérches archeologiques en Afganistan.— MDAFA 1959, t. VIII.

7. *Гиршман Р.* Раскопки французской Археологической делегации в Бегараме (Афганистан). – КСИИМК, 1946. вып. XIII.
8. *Ghirshman R.* Begram.– MDAFA, 1946, t. XII.
9. *Пугаченкова Г. А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии.– В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Фан, 1973.
10. *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на городище Зар-Тепе в 1973 г.– В кн.: Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
11. *Беленицкий А. М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье.– КСИА, 1978, вып. 154.
12. *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, Дониш, 1968.
13. *Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1969.
14. *Завьялов В. А.* Зар-Тепинский археологический комплекс позднекушанского времени.– В кн.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент: Фан, 1979.

K. A. Abdullaev, V. A. Zavyalov

VESSELS ON ZOOMORPHIC PEDESTALS FROM SETTLEMENTS OF KUSHANIC BACTRIA

Summary

The authors turn to a new category of finds—vessels on zoomorphic pedestals found in considerable numbers in the late Kushanic layers in Bactria and outside it, in Behram. The pedestals, shown in Figs. 1-6, represent horses, two-headed horses, elephants and rams. They were hand-made, while the vessels themselves which they supported were wheel-made. Judging from the number of finds, horses were most popular on the territory of Kushanic Bactria (11 finds), while rams were less popular (3 finds). A single elephant was found so far in the citadel of Zar-tepe. Zoomorphic pedestals representing elephants were probably more common in the southern regions of the Kushanic state, which is indicated by their numerous finds in Behram.

The fact that vessels on zoomorphic pedestals are found, as a rule, in dwellings and subsidiary buildings of the common people, and their great number and variety point to their daily use. This circumstance does not preclude a semantic connection between them and the horse and ram cults popular in Kushanic Bactria. It does exclude, however, their ritual use.

This category of finds is accompanied by finds of Kushanic-Sassanidian and Sassanidian-Kushanic coins which provide rather broad chronological limits for it: from the 3rd to mid-5th century A. D. It must be accepted, until Kushanic chronology made more exact. Unless similar vessels are found in earlier layers, they should be considered a component of the late Kushanic ceramic complex of an independent dating value.

СОЛОВЬЕВ В. С.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСКУССТВА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ТОХАРИСТАНА (КАФЫРКАЛА)

Городище Кафыркала расположено на западной окраине районного центра Колхозабад, в Вахшской долине, на юге Таджикистана. Это развалины столицы области Вахш, одного из владений раннесредневекового Тохаристана. В плане городище делится на три обособленные части: цитадель, собственно город и пригород. Город с цитаделью образуют правильный четырехугольный массив со сторонами длиной 360 м, которые ориентированы по странам света. Со всех сторон он окружен рвом и оборонительными стенами с башнями (по шесть-семь башен с каждой стороны). Городские постройки в виде холмов и впадин разной величины занимают основную часть городища — около 12 га. Они имеют отметки над уровнем окружающей местности 6—8 м. Через городскую территорию с запада на восток тянется главная уличная магистраль, упирающаяся своими концами в ворота западные и восточные. Она же делит город на две равные части — северную и южную.

К главной магистрали со всех сторон подходят улочки, связывающие между собой отдельные постройки или целые строительные массивы. В центре города расположена площадь (около 35×40 м), в северо-восточной части городища возвышается на 12 м цитадель, имеющая квадратную форму (70×70 м у основания). От города она отгорожена Г-образным рвом шириной 15—25 м, глубиной 3—4 м. Снаружи, у юго-западного угла цитадели, имеется насыпной выступ, далеко вдающийся в ров. Вероятно, здесь находился подвесной мост, который связывал цитадель с внешним миром. Постройки пригорода начинаются сразу за городским рвом. Остатки их прослеживаются с северной, западной и южной стороны. Застройка пригорода, видимо, была усадебной. Со стороны пригорода, напротив западных ворот, в ров вклинивается насыпная дамба. Над суженной частью рва располагался мост, ведущий в город. Некрополь находился к востоку от города, на территории, занятой современными домами.

Кафыркала впервые была обследована Вахшским отрядом во главе с А. М. Беленицким в 1947 г. [1, с. 143, табл. 70, *2*]. В 1956—1957 гг. Т. И. Зеймаль произвела раскопки в центральной части города. Последовательно было вскрыто три культурных слоя, соответствующих трем периодам жизни (КФ-I—III). Самый ранний из них (КФ-III) датируется позднекушанским временем, промежуточный период (КФ-II) относится к концу VI — середине VII в., последний период (КФ-I) датируется серединой VII — серединой VIII в. [2, с. 143; 3, с. 88—92]. В 1968 г. раскопки на городище были возобновлены в несравненно более широких масштабах. Они ведутся автором под общим руководством Б. А. Литвинского. За это время практически полностью вскрыты дворцовые постройки на цитадели, два жилых дома в городе; изучалась городская фортификация [4, с. 155—163; 5, с. 60, 62]. Стратиграфическая колонка, полученная Т. И. Зеймаль для города, оказалась верной и для цитадели. Во время раскопок Кафыркалы получен многочисленный и разнообразный археологический материал. В данной статье будут рассматриваться лишь некоторые памятники искусства. Все они относятся ко второй половине VII — первой половине VIII в.[1].

[1] Пользуясь случаем, приносим благодарность Б. И. Маршаку и А. К. Амброзу за ценные замечания, высказанные при обсуждении публикуемых памятников искусства.

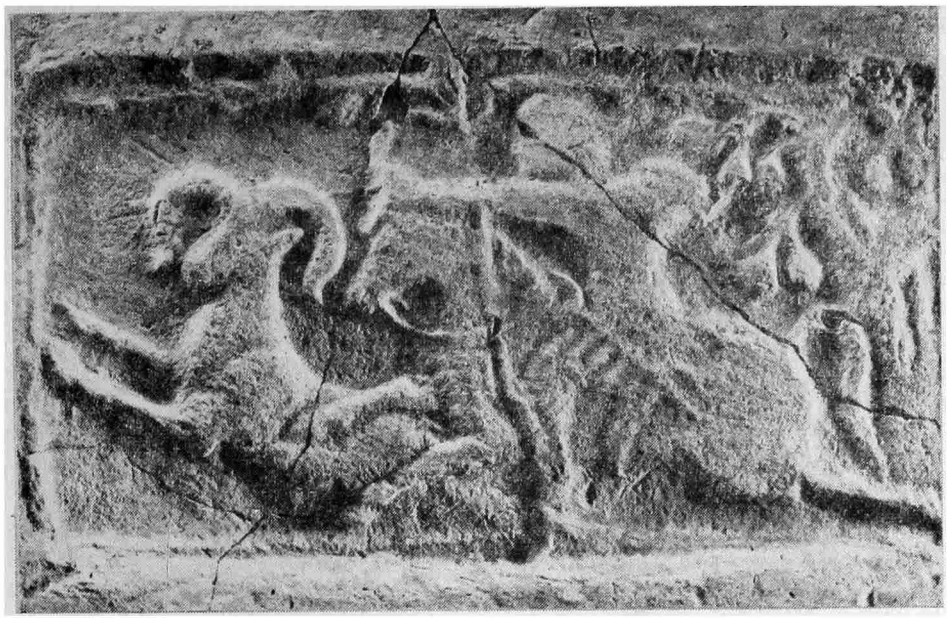


Рис. 1. Кафыркала. Керамическая плита со сценой охоты на горного барана

Керамическая плита со сценой охоты на горного барана найдена у входа в помещение 1 (квадратный зал 7,2×7,2 м) на объекте № 3 в городе. Она, очевидно, была прикреплена к стене над входом. Плита при падении разбилась на четыре куска различных размеров. Изображения на ней сильно потерты, что говорит о долгом использовании плиты (возможно, на всем протяжении периода КФ-I; рис. 1). В середине штампа, видимо, была вертикальная трещина, которая также отпечаталась на рельефе.

Плита имеет подпрямоугольную форму. Боковые ее грани немного скошены в сторону тыльной ее части, поэтому она имеет разные размеры с лицевой и тыльной сторон (лицевая сторона 45×34, тыльная сторона — 43×33 см). Толщина плиты 4 см. Благодаря скосу граней плита, очевидно, лучше держалась на своем месте. Изготовлена она в форме. На лицевой стороне ее по сырой глине был оттиснут штампом рельеф. Длина штампа 40, ширина 22, глубина 0,8–1,3 см. Наиболее четкий оттиск получился в нижней части рельефа. Тыльная сторона плиты никак не обработана, поверхность ее неровная, шероховатая. Возможно, это было сделано специально для того, чтобы она лучше крепилась со стеной. В глиняном тесте, из которого изготовлена плита, видны отпечатки мелко нарубленной соломы. Обжиг изделия хороший.

Сцена охоты очень динамична. Скачущий во весь опор конь настиг бегущего барана. Всадник натягивает лук. Баран показан в тот момент, когда он задними ногами отталкивается от земли. Вся группа обращена влево. На заднем плане, чуть позади нее, стоит дерево с крупными плодами, висящими на изогнутых ветвях.

Лицо всадника несколько схематично. На нем надет кафтан; на левом боку висит прямой меч и налучье. Тщательно проработана сбруя коня: узда, седло с изогнутой лукой. Изображены грива коня, уши, глаза, копыта, изогнутый хвост. Фигура барана очень крупная. Это взрослый самец-уриал. Изображен он также очень реалистично. Для того чтобы хорошо были видны его рога, мастер, резавший штамп, развернул их так, будто баран смотрит не вперед перед собой, а вбок, на зрителя. Рога дугообразные, концы их изогнуты.

Несомненно, сходство кафыркалинского рельефа с изображениями сцен охоты на баранов, имеющихся на сасанидских чашах. Рельеф роднит с ними прежде всего выбор тематики, но на нем изображена как бы часть той композиции, которую мы видим на чашах. О. Грабар, детально изу-

чивший сцены охоты на сасанидских чашах, выделил три модели. В данном случае нас интересует третья модель его классификации: несущийся галопом царственный охотник стреляет из лука в диких травоядных (газели и т. д). Их несколько, они образуют полукруг за всадником и под ним [6, с. 48, 49]. На серебряной чаше из Малой Перещепины изображен конный Шапур II, охотящийся с луком на горных баранов. Два из них убиты, они лежат в разных позах под ногами коня. Два других бегут перед лошадью, причем в одного из них стреляет всадник [7, табл. 5]. Композиционная схема этой чаши практически идентична композиционной схеме на серебряной чаше, хранящейся в музее Метрополитен [8, с. 40, табл. 7]. По композиционному построению к ним примыкает гемма из Национальной библиотеки в Париже [9, с. 256, D]. Иной вариант охоты на горных баранов представлен на серебряной чаше из Эрмитажа. В верхней части композиции изображен Хосров I в окружении своих вельмож. Внизу всадник, мчась в противоположную сторону от баранов, резко обернувшись назад, стреляет им вдогонку из лука [7, табл. 5]. Сходство с изображениями на сасанидских чашах проявлено в деталях. Бараны на них изображались в профиль, а их рога в развернутом виде. Очень похожи складки одежды у всадника на кафыркалинском рельефе на складки одежды у царей и вельмож на сасанидских чашах.

Характерной особенностью рельефа является присутствие минимального количества персонажей. Резчик штампа добился того, что внимание зрителей было направлено непосредственно на восприятие самого драматичного момента охоты, сцене придан максимальный динамизм, хорошо видны все детали.

Сюжет охоты на диких баранов был популярен и в искусстве Средней Азии. При раскопках Варахши найдены фрагменты штукового декора, среди которых есть изображения пронзенного стрелой барана, двух охотников-всадников и дерева с крупными плодами. Эти фрагменты, видимо, входили в одну композицию и имели сходство с кафыркалинским рельефом [10, с. 135—166]. Еще большее сходство кафыркалинский рельеф имеет со сценой охоты на диких баранов, запечатленной на серебряной эфталитской чаше из Пенджаба, хранящейся в Британском музее. Всадник, охотящийся на баранов, убил одного из них, два других барана бегут перед лошадью. Сзади этой группы расположено дерево с крупными цветами [10, рис. 114, 115; 11, табл. XXIX—XXXI]. В сасанидском металле растительность присутствует для оживления пейзажа, но она изображалась иначе. Таким образом, представляется, что на кафыркалинском рельефе одновременно наличествуют местные и сасанидские черты.

Керамическая плитка с изображением единоборства всадника со львом происходит из подъемного материала с территории города. Она является частью какого-то крупного изделия. Рельеф на нем был оттиснут по сырой глине до обжига. После того как изделие разбилось, края плитки аккуратно обкололи и подшлифовали, придав ей конусовидную форму. Возможно, ее после этого вставили в какой-то паз. В правом верхнем углу — прочерченная наискось линия. Рельеф со всех сторон окружен кольцом из кружков, оттиснутых трубочкой. Плитка имеет длину 14, ширину верхнего торца 13, нижнего — 8 см; толщина ее равна 1,5—2 см (рис. 2).

Центральную часть плитки занимает сцена, изображающая нападение льва на всадника. Вся группа показана в профиль справа налево. Сцена очень динамична. Лев в прыжке, мускулы его напряжены. Передние лапы впились в конскую спину, зубастой пастью он хватает седока. На плече льва — вихревая розетка. Всадник не ожидал этого нападения, а если и ожидал, то не успел подготовиться к его отражению. Он резко отпрянул вперед, смотря при этом на льва. Резчик изобразил всадника таким образом, что верхняя и нижняя части его тела развернуты в разные стороны: грудь обращена ко льву, а ноги коленями вперед, по ходу коня. Голова его ничем не покрыта; в правом ухе — крупная серьга. На нем надет кафтан с широкими отворотами. Талия перехвачена поясом,

Рис. 2. Керамическая плитка со сценой охоты на льва

к которому двумя ремешками подвешен длинный прямой меч, видно его перекрестие. В правой руке всадник держит кинжал. На ногах у него расшитые сапожки; носок ноги вытянут. У коня под тяжестью насевшего на него льва и съехавшего вперед седока подогнулись передние ноги. Хорошо видны части сбруи: повод, нагрудный и подхвостный ремни, султан коня. Внизу, на заднем плане,— стилизованная растительность или горы, а может быть, то и другое вместе.

Рельеф на плитке очень близок к изображениям на сасанидских чашах со сценами охоты на львов, но полного сходства между ними нет. О. Грабар выделил сцены охоты на хищников в сасанидской торевтике в первую модель своей классификации: царственный охотник едет верхом, часто обернувшись назад. В большинстве случаев он охотится с помощью лука и стрел, но у него есть и другое оружие. Зверя два, чаще всего это львы. Один из них убит всадником, он лежит под копытами коня, другой стоит на задних лапах справа. В смысле построения композиции все поле разбито на две неравные части, которые тематически теснейшим образом связаны, поэтому сцена в целом выглядит как единая, нередко даже «перенасыщенная». О. Грабар высказал предположение, что этот иконографический тип был создан сначала в другом материале, а затем уже перенесен в торевтику [6, с. 48—89].

На кафыркалинском рельефе изображена лишь часть популярного в сасанидской торевтике сюжета. Причем лев на нем не выглядит легкой добычей для охотника. Они борются на равных, победитель не определен. Всадник может отвратить свою гибель лишь в том случае, если быстро и удачно нанесет удар кинжалом. На рельефе у всадника нет головного убора, в то время как на произведениях сасанидской торевтики цари их имеют. Нужно также отметить безбородость всадника на рельефе, а также его крупные глаза — особенность, отмеченная для персонажей на торевтике Тохаристана [12, с. 289; 13, с. 67—76].

Сходство с изображениями на сасанидских металлических изделиях

Рис. 3. Фрагмент керамической чаши с рельефом

заметно как по выбору тематики, так и по деталям. Сцена на кафыркалинской плитке вписана в круг, это обычный прием, применяемый иранскими мастерами при изготовлении металлических чаш [14]. Убранство коня, манера передачи пейзажа, мускулов и гривы льва, складок одежды всадника, положение его руки, держащей оружие,— все это находит прямые аналогии в металле. Резчик штампа, которым был оттиснут кафыркалинский рельеф, вероятно, столкнулся, как и некоторые сасанидские торевты, с трудностью при передаче ракурса всадника. Например, на блюде из Сари мастер развернул фигуру всадника таким образом, что она оказалась спиной к голове коня, а лицом обращена в сторону нападающего льва [15, рис. 5]. Еще более похожа поза всадника на серебряной эфталитской чаше из Пенджаба. Тело его неестественно сильно повернуто (в три четверти) к зверю, лицо также обращено к нему [16, рис. 114—115].

В Средней Азии также разрабатывался сюжет охоты человека на льва и других хищников. Для рассматриваемого времени он наиболее ярко представлен на резных деревянных плахах древнего Пенджикента [17, рис. 48—52], в настенной живописи Варахши [10, табл. I, II] и Афрасиаба [18, рис. 16—18], на серебряных сосудах из Пенджаба [11, табл. XXIX—XXXI; 16, рис. 114—115], из с. Юлдус [12, с. 287—298]. Кафыркалинский рельеф — еще один пример разработки этой темы мастерами Тохаристана.

Третий рельеф был найден в одном из дворцовых помещений на цитадели. Он оттиснут штампом на дне керамической чаши по сырой глине. Чаша была невысокой (около 3 см), с пологими стенками, отходящими от дна почти под прямым углом. Диаметр устья чаши был равен около 14 см; опиралась она на кольцевой поддон диаметром 6,5 см. Изнутри чаша покрыта красным плотным ангобом, снаружи им покрыта лишь верхняя часть сосуда, в нижней его части видны потеки ангоба. Высота рельефа около 3 мм; он занимает всю внутреннюю часть чаши до перехода стенок к венчику. Штамп имел круглую форму диаметром 9,4 см. По внешнему его краю идет концентрическая полоса растительного орнамента шириной 1,5 см. В центре круга — фигурка оленя-самца, длина ее равна 4,5, высота 7,5 см. Олень повернут к зрителю правым боком. На шее у него висит кольцо, к которому сзади привязана лента

с двумя развевающимися концами. Спереди к этому же кольцу прикреплен большой колокольчик. К каждой ноге оленя привязана короткая лента. Перед оленем и сзади него — два крупных цветка (рис. 3).

Очень вероятна связь этого рельефа, как и двух предыдущих, с торевтикой. Возможно, похожие штампы могли быть использованы для изготовления донных медальонов металлических чаш. Интересно сочетание в рельефе одновременно сасанидских и индийских черт. Образ животного, украшенного лентами и колокольчиком, взят из сасанидского искусства. Орнамент, обрамляющий рельеф по краю, взят из гуптского искусства. В Средней Азии и Восточном Туркестане он часто встречается в декоре буддийских памятников. Например, несколько вариантов такого орнамента отмечено для Бамиана [19, с. 30; рис. B 62; с. 67, рис. B 140; с. 140, рис. D 42], Аджинатепа [20, стр. 197, рис. 53], Кучи, Минг-Ой [21, с. 94, рис. 70; 22, с. 46, рис. 93; с. 105, рис. 230; с. 146, рис. 335], встречен он и в декоре бия-найманских оссуариев.

Кафыркалинский рельеф имеет сходство с донными медальонами двух серебряных чаш, выделенных Б. И. Маршаком в школу В согдийской торевтики, которая находилась, по его мнению, под сасанидским влиянием в VII—VIII вв. [23, с. 40—41]. Это сходство выражено в целом. Отличия составляют детали: у оленей на чашах нет лент и колокольчиков; цветы изображены иначе. Судя по тому, что кафыркалинский рельеф был тесно связан с изображениями на металле, можно предположить, что в Тохаристане мастера также использовали образ оленя на пиршественных сосудах.

Из памятников глиптики наибольший интерес представляет сердоликовая печать-гемма, найденная на объекте № 3 в городе. Заготовка геммы первоначально имела чечевицевидную форму, диаметр ее был равен 3 см. Точно в центре заготовки было просверлено трубочкой отверстие диаметром 0,5—0,6 см для продевания шнурка. После сверления край заготовки с одной стороны был срезан на высоту 0,7 см. В месте среза на заготовке образовался круглый щиток диаметром 2—2,1 см. Подготовительная обработка была завершена тщательной полировкой заготовки. Затем на щитке выемчатыми углублениями были вырезаны всадник, сидящий на коне, зверь и хищная птица. Штриховой резьбой проработаны детали: лицо и одежды всадника, грива, уши и хвост зверя, контуры морды и грива коня, крылья и головка птицы. Всадник протягивает правую руку к птице, летящей ему навстречу, левой рукой, он, очевидно, держит поводья на уровне пояса. Конь передними копытами попирает поверженного зверя. Все изображения стилизованы; многие мелкие детали не изображены (рис. 4).

Датировка кафыркалинской печати хорошо укладывается в хронологические рамки VI—VII вв., предложенные А. Я. Борисовым и В. Г. Лукониным для гемм, выполненных в «штриховой манере». Для нас также убедительным кажется мнение указанных авторов относительно места изготовления подобных гемм — сасанидский Иран [24, с. 25—27, 30]. Сильная стилизация изображений затрудняет интерпретацию сюжета на печати. На первый взгляд может показаться, что на ней изображена соколиная охота, тем более что этот сюжет бытовал в раннесредневековом искусстве. В Хорезме, например, в развалинах донжона замка № 9 Беркуткалинского оазиса была найдена бронзовая печать со сценой соколиной охоты. На ней изображен, очевидно, знатный всадник на коне, которого сопровождает слуга. Всадник и слуга держат на левой вытянутой руке по соколу. Е. Е. Неразик датирует печать V—VII вв. н. э. или VII—VIII вв. [25, с. 151; с. 150, рис. 11].

Однако более внимательное рассмотрение персонажей на кафыркалинской печати позволяет сделать предположение о том, что на ней изображена другая сцена. Резчик специально подчеркнул у зверя, лежащего под копытами коня, особенности, присущие льву: у него массивная голова, пышная грива, короткие лапы. На одной из сасанидских гемм, хранящейся в музее Метрополитен, вырезана сцена борьбы человека с двумя львами. Изображение льва, нападающего на человека, очень похоже на

Рис. 4. Сердоликовая печать-гемма

изображение зверя на кафыркалинской печати. Они похожи как в целом, так и в деталях: их гривы показаны двумя рядами штрихов, подходящих друг к другу под тупым углом; у них одинаковая манера передачи пасти; на туловище три параллельных косых штриха [26, с. 75, 51]. В пользу этого предположения говорит и небольшая деталь: птица на нашей печати изображена летящей к всаднику, в то время как в сценах соколиной охоты она изображалась обычно сидящей на вытянутой руке охотника и смотрящей вперед.

Так как на кафыркалинской печати изображен скорее всего лев, сцена на ней не может быть охотничьей, потому что на львов с соколами не охотились. Представляется, что на печати изображена сцена победы царя над львом, которую он одержал в единоборстве с ним. Эта победа, видимо, символизировала силу и мощь царской власти. Хищная птица, летящая при этом навстречу всаднику, могла являться его фарном. Из Авесты мы знаем, что одним из воплощений фарна была хищная птица [27, с. 53, 54].

Несмотря на малочисленность, публикуемые памятники искусства Кафыркалы представляют большой интерес, поскольку дают нам представление об искусстве малых форм в Тохаристане, которое известно менее полно, чем монументальное искусство. Важно, что керамические рельефы были тесно связаны с местной торевтикой и отражают ее тематику, художественный уровень. Интересны они еще и потому, что дополняют наши сведения о характере и направлениях культурных связей раннесредневекового Тохаристана, прежде всего с Индией и Ираном. В некоторых случаях эти связи выражены в прямом импорте из этих стран некоторых вещей в Тохаристан. В других случаях речь может идти о заимствовании тохаристанскими мастерами популярных в этих странах сюжетов. Но всякий раз они не просто их копировали, а творчески перерабатывали, опираясь на местные традиции. Вместе с тем несомненно, что тохаристанские мастера сохранили в своем творчестве опыт бактрийских мастеров предшествующего времени и создавали высокохудожественные произведения искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беленицкий А. М.* Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г.– МИА, 1950, № 15.
2. *Зеймаль Т. И.* Раскопки на Кафыр-Кале в Колхозабаде.– АРТ – 1956. Вып. IV. Сталинабад, 1959.
3. *Зеймаль Т. И.* Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г.– АРТ – 1959. Вып. V. Сталинабад, 1959.
4. *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Раскопки на Аджина-тепа и Кафыркале в 1970 г.– АРТ. Вып. X. М., 1973.
5. *Соловьев В. С.* Городище Кафыркала (К характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана).– УСА, 1979, вып. 4.
6. *Grabar O.* An Introduction to the Art of Sasanian Silver.– In: Sasanian Silver. Late Antique and Early Mediaeval of Luxury from Iran. Michigan, 1967.
7. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.– Л.: Academia, 1935.
8. *Harper P. O.* The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire. N. Y., 1978.
9. A Servey of Persian Art. V. IV. L. and N. Y., 1938.
10. *Шишкин В. А.* Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
11. *Dalton M. A.* The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metalwork. L., 1964.
12. *Шляхова В. И.* Серебряный сосуд из с. Юлдус (Курганская область).– СА, 1977, № 4.
13. *Маршак Б. И., Крикис Я. К.* Чилекские чаши.– Тр.ГЭ, 1969, т. X.
14. *Harper P. O.* Silver vessels of the Sasanian period. V. I. Royal Imagery. N. Y., 1981.
15. *Shepherd D. S.* Sasanian Art in Cleveland.– Bull. Cleveland Museum of Art. V. 51, № 4. Cleveland, 1964.
16. *Sarre F.* Die Kunst der Alten Persien. B., 1925.
17. *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973.
18. *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975.
19. *Tarsi L.* L'architecture et le dècor rupestre des grottes de Bamian. 2. Plancles. P., 1977.
20. *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М.: Искусство, 1971.
21. *Grünwedel A.* Alt-Kutscha. B., 1920.
22. *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesischturkistan. B., 1912.
23. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971.
24. *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963.
25. *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М.: Наука, 1966.
26. *Brunner C. J.* Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1978.
27. *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1963.

V. S. Solovyov

ON THE ART OF EARLY MEDIAEVAL TOKHARISTAN (KAFYRKALA)

Summary

The author publishes newly found artistic objects obtained through excavations of the Kafyrkala fortified settlement in Southern Tajikistan. In the A. D. 6th-8th centuries it was the capital of Vakhsh, a Tokharistan region. According to their origin the objects can be divided into two groups: locally made and imported. The first group comprises three ceramic reliefs, two of them presenting scenes of lion and wild ram hunting. They are variants of well known subjects found on Sassanian silver bowls, though somewhat differently treated. The third relief carries a stag with the ribboned neck and feet, framed by a floral ornament. It also imitates, to a degree, Sassanian prototypes, while the ornament is borrowed from the Guptian repertoir.

The second group includes a cornelian gem-stamp imported from Iran, made in a stroke style. It shows a victory of an equestrian king over a lion and a farn bird heading for the king. The finds shed a new light on the early mediaeval minor arts of Tokharistan as a whole and on the Tokharistan toreutics represented by the reliefs. They broaden our knowledge of the cultural ties between this region and other countries, mainly India and Iran.

ЛАБУТИНА И. К., ВОЛОЧКОВА О. К., ЛАБУТИН В. И.

НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ПСКОВЕ

В Пскове найдено уже более 600 булл. Большая часть из них происходит из одного комплекса, представляющего остатки архива и обнаруженного в Довмонтовом городе. Среди печатей преобладают буллы XV в. [1; 2, с. 27—28]. Домонгольская сфрагистика представлена очень слабо, в то время как интерес к ней велик [1, с. 233] и, вероятно, будет увеличиваться в условиях ограниченности письменных источников по Пскову до середины XIII в.

Раскопки в Пскове являются одним из важнейших источников пополнения фонда псковской сфрагистики. В этой статье публикуются восемь печатей и одна заготовка из раскопок 1969, 1972, 1973—1974, 1976 гг. и три печати из последних поступлений в Псковский музей-заповедник. Все названные раскопы располагались в центральной части Пскова, на территории к югу от Довмонтова города, в границах стены 1309 г. Общая характеристика этих раскопов была дана руководителями работ [3—8].

Публикуемые печати разновременны и принадлежат как к известным, так и пока не известным по публикациям типам. Хронологическая и типологическая принадлежность большинства булл определяется авторами на основе классификации, предложенной В. Л. Яниным [9, 10].

Порядок публикации хронологический, хотя точное соотношение ряда соседних печатей по времени не всегда устанавливается (см. 1, 2). Все печати свинцовые.

Печати XII — середины XIII в. В. Л. Янину мы обязаны первой сводкой псковских домонгольских печатей и дальнейшей разработкой этого сюжета в большом труде по русской сфрагистике [1, с. 239—241, рис. 1, *1—3*; 10]. Среди домонгольских печатей, вошедших в его «Свод»,— три псковских находки, из которых одна, до этого лишь упоминавшаяся [11, с. 316, 323, прим. 18], публиковалась впервые [10, т. 1, № 170, *1*, 214, *2*, 243, *2*]. Сюда не были включены пломба с изображением княжеского знака и шестиконечного креста, вошедшая в публикацию 1960 г. [1, с. 232—240, рис. 1, 2], и печать-пломба из раскопок Г. П. Гроздилова у моста через р. Великую в 1956 г. [12, с. 51—52, рис. 40], по-видимому, по тем же соображениям, что и другие пломбы.

Три печати из Пскова в «Своде» принадлежат к типу булл с изображением патрональных святых на обеих сторонах и представляют княжескую сфрагистику. Одна из них, с изображением Василия Кесарийского в рост с колончатыми надписями по сторонам и архангела Михаила [10, т. 1, № 170, *1*], определяется как печать Рюрика Ростиславича, княжившего в Новгороде в 1170—1171 гг. [1, с. 239; 10, т. 1, с. 116; 13, с. 75]. Многовариантность булл с изображением Василия и архангела Михаила позволяет предполагать, что псковская булла необязательно относилась к 1170—1171 гг., а могла быть связана с пребыванием Рюрика Ростиславича на другом княжении (Смоленском, Киевском и др.). На нее распространяется и предположение В. Л. Янина о возможности атрибуции части булл этой группы как принадлежавших сыну Рюрика — Ростиславу (в крещении Михаилу) Рюриковичу [10, т. 1, с. 117].

Вторая печать — с изображением св. Феодора на коне и святых Флора и Лавра [10, т. 1, № 243, *2*] относится к числу редких (еще 1 экз.— из Новгорода) и точно не атрибутируется. Предположительно В. Л. Янин связывает ее с князем Владимиром Мстиславичем (период псковского княжения — между 1210 и 1225 г.) [10, т. 1, с. 120]. Несом-

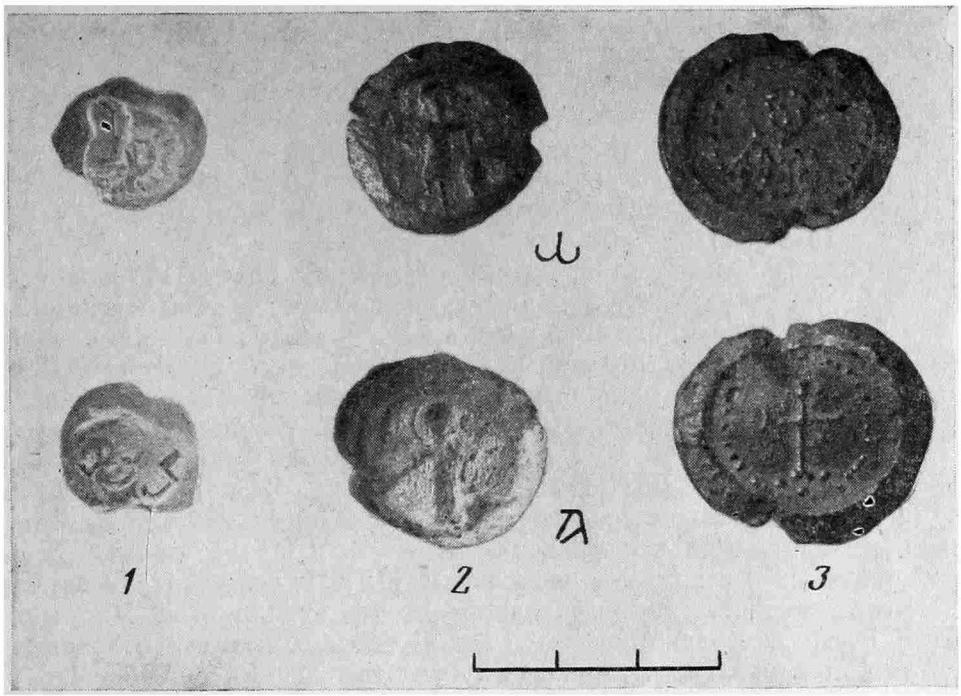


Рис. 1. Печати XII—XIII вв. *1* — с изображением святого и княжеского знака; *2* — с изображением святых на обеих сторонах; *3* — с изображением святого и креста

ненно, эта предположительная атрибуция может уточниться лишь с накоплением новых материалов, но вряд ли прав В. Л. Янин, рассматривающий возможность наличия у псковского князя своей печати в связи со статусом Пскова как новгородского пригорода. Последние исследования показывают, что Псков занимал особое положение в Новгородской земле [14], и, следовательно, отсутствие княжеских печатей для новгородских пригородов не свидетельствует еще о том, что их не могло быть в Пскове.

Третья печать — с изображением св. Феодора и св. Пантелеймона [10, т. 1, № 214, *2*] — определяется В. Л. Яниным как принадлежащая киевскому князю Изяславу-Пантелеймону Мстиславичу-Федоровичу (1146—1154) или же его сыну Мстиславу-Феодору (1169—1171) [10, т. 1, с. 121].

Итак, к 1969 г. были известны три княжеские домонгольские буллы и две печати-пломбы, одна из которых (раскоп 1956 г.) подробно не публиковалась. Княжеские печати являются важными источниками для характеристики политических связей Пскова. Если присутствие новгородской княжеской сфрагистики в Пскове рассматриваемого периода естественно в связи с административным подчинением Новгороду, то находка печати (печатей) киевских князей ставит вопрос о характере псковско-киевских связей. Были ли они традиционными со времени Всеволода Мстиславича или определелялись другими факторами, решат будущие исследования. Как видим, база для привлечения печатей домонгольского периода как исторического источника очень невелика. В этой связи каждая сфрагистическая находка является событием.

В 1972 г. число домонгольских булл пополнилось двумя находками в раскопе на месте строительства института «Псковгражданпроект» (ПГПР-72).

1. Л. с.[1] Два погрудных изображения святых, расположенных под

[1] Здесь и далее сокращения: Л. с.— лицевая сторона; О. с.— оборотная сторона; Д — диаметр печати; М. н.— место находки; Хр.— место хранения; Изд.— издание буллы, включающее ее воспроизведение; Уп.— издание буллы без ее воспроизведения или упоминание.

углом друг к другу. Одно полустершееся, другое лучшей сохранности, с двойным точечным нимбом.

О. с. Полустертое изображение княжеского знака прямоугольных очертаний и остатки знака колоколовидной формы. В одном месте по краю три точки — следы точечного ободка (рис. 1, *1*).

Д.— 15—17,5 мм. М. н.— Псков, ПГПР-72, пл. 21, кв. 24, ок. 35 см над материком; стратиграфическая дата — XI в. Хр.— ПОМЗ № 8251/1762. Уп.— [4, с. 21].

Характер композиции изображений на обеих сторонах позволяет считать, что булла оттискивалась дважды, но разными парами матриц, хотя обе пары представляли один сфрагистический тип с сочетанием изображения святого на одной стороне и княжеского знака на другой. Печать относится к типу, определяемому В. Л. Яниным предположительно как булла княжеской администрации (княжеского тысяцкого) или князя XII — начала XIII в. [10, т. 1, с. 141—146]. По изображениям и размеру она близка к печатям-пломбам из Новгорода. Недавно Б. Д. Ершевский привел ряд важных наблюдений, позволяющих исключить возможность принадлежности новгородских печатей и пломб данной группы республиканским тысяцким и посадникам [15]. На данном этапе изучения не вызывает сомнения вышеприведенная точка зрения В. Л. Янина и замечание Б. Д. Ершевского о том, что владельцы печатей относились к кругу лиц, признававших княжеский суверенитет [15, с. 53].

Полустертость изображения, наличие второго оттиска на нашей печати затрудняют ее конкретную атрибуцию. Ее хронологическая принадлежность пока определяется только стратиграфической датой (XI в.) в сочетании с наблюдениями за временем бытования данного типа по другим памятникам (XII — начало XIII в.) [10, с. 132]. Стратиграфическая дата довольно твердая [7]. Конечно, не исключен какой-то микроперекоп с уровня отложений XII в., но явных следов его, как и датирующих находок рядом с печатью, не было обнаружено.

2. Л. с. Изображение святого воина в полный рост в короткой одежде, перетянутой на бедрах поясом. За спиной святого проступают нечеткие следы — видимо, плаща, спускающегося чуть ниже одежды воина. В правой руке вертикально стоящее копье, левая рука согнута в локте почти под прямым углом и опирается на миндалевидный щит. Вокруг головы святого — рельефный нимб. Детали лица неразличимы. Справа от изображения сохранились остатки букв, из которых четко читается ѡ. Иконографически изображенный на печати воин определяется как св. Феодор.

О. с. Изображение святого в полный рост в длинном платье. Руки раздвинуты. Левая рука слегка согнута в локте и приподнята вверх, правая немного опущена вниз. На печати различимы следы вертикальных бороздок. Вокруг головы святого нимб. Наверху, слева от головы святого,— буква А (рис. 1, *2*).

Д.— 22,5 мм. М. н.— ПГПР-72, пл. 12, кв. 94; стратиграфическая дата — XII — начало XIII в. Хр.— ПОМЗ, № 8251/2031. Уп.— [4, с. 21].

На печатях, принадлежащих к домонгольскому периоду, святой воин с копьем и щитом мог быть св. Георгием, св. Прокопием, св. Феодором или св. Дмитрием. Сравнение с другими печатями и изображениями дает возможность предположить наиболее вероятным наличие на этой печати изображения св. Феодора.

Святой на оборотной стороне напоминает изображения архангелов Михаила и Гавриила. Каких-либо особенностей в иконографии этих архангелов, отличающих их друг от друга, нет. Новгородские печати, несущие изображение св. Феодора и архангела Гавриила (3 экз.), определяются как принадлежащие князю Ярославу Мстиславичу, княжившему в Новгороде в 1176—1177 гг. [10, т. 1, с. 122, 202, № 179]. Печатей с изображением св. Феодора и архангела Михаила существует 39 экз. (8 вариантов). Часть этих печатей (№ 152—155) В. Л. Янин относит к князю Ростиславу-Михаилу Мстиславичу-Федоровичу (княжение в Новгороде 1154, 1157—1158 гг.) и часть (№ 183—186) — к Мсти-

славу Ростиславичу (княжение в Новгороде 1179—1180 гг. [10, т. 1, с. 115—117, 120]. Рассматриваемая печать ближе к типу печатей этих двух князей, хотя оттисков подобной пары матриц нам не встретилось.

3. Л. с. Погрудное изображение неизвестного святого, вокруг точечный ободок. Надписей нет.

О. с. Изображение шестиконечного креста; вокруг точечный ободок. Надписей нет (рис. 1, *3*).

Д.— 27—31 мм. М. н.— Псков, ПГПИ-74[2], пл. 15, кв. 143, стратиграфическая дата — первая половина XIII в. Хр.— ПОМЗ, № 8699/176. Изд.— [6, с. 21]. Уп.— [16, с. 52].

Печать массивная, толщина достигает 4 мм. Заготовка была больше матрицы. Судя по оттиску, размер матрицы мог быть 21—23 мм. Булла не имеет аналогий среди известных по публикациям псковских печатей. Она может быть соотнесена с группой новгородских печатей с изображением Христа и его символов. Часть этих булл, несущих изображение святого и креста и относящихся к XII в., В. Л. Янин предположительно связывает с новгородскими посадниками и отмечает, что в других землях такой тип печати мог развиваться и в русле княжеской, и в русле церковной сфрагистики [10, т. 1, с. 150—153]. Б. Д. Ершевский, рассматривая печати и новгородские пломбы с изображением святого в сочетании с крестом, приходит к выводу об их принадлежности новгородским посадникам и датирует временем со второй половины 30-х годов XII в. до конца первой трети XIII в. [15, с. 52; 16]. Соотнести нашу печать с определенным институтом власти в Пскове по одному экземпляру затруднительно. Не исключено новгородское происхождение буллы. Стратиграфическая дата нашей печати не противоречит датировке сходных новгородских печатей и пломб, установленной В. Л. Яниным и Б. Д. Ершевским.

Домонгольские печати из раскопок 1972 и 1974 гг.— новые для Пскова находки, уникальные в своем роде. Типы печатей в целом повторяют известные преимущественно по Новгороду древнерусские, но подобные варианты встречены впервые. Пока эта хронологическая группа печатей остается малочисленной и не дает достаточных оснований для обобщений. Основным источником поступления данных печатей являются раскопки, причем в разных местах Пскова. Уже известны новые находки домонгольских печатей на Запсковье: протопроедра Евстафия [17, с. 30] и печати-пломбы с изображением святого в сочетании с крестом [18, с. 5]. Эти находки также обнаруживают близость к новгородской сфрагистике.

Печать княжа дополняет немногочисленную группу булл с подобной формулой в тексте.

4. Л. с. Надпись в три строки: печя(ть) княжя Олекса(ндрова) (рис. 2, *1*).

О. с. Изображение всадника в движении, вправо. На правом плече всадника меч. На голове конический головной убор. Голова коня опущена. Внизу, справа, у ног коня вырезана буква Л (рис. 2, *1*).

Д.— 25—27 мм. В центре печати пробито круглое отверстие диаметром 6 мм. М. н.— ПГПР-72, пл. 14 (гл.— 270 см), кв. 106. Стратиграфическая дата точно не устанавливается. Хр — ПОМЗ, № 8251/2604.

Вероятно, попадание на уровень XI—XII вв.— в результате перекопа с поверхности XIII—XIV вв. Печать была найдена на горелом дощатом настиле, который мог быть полом погреба.

Поверхность лицевой стороны попорчена линейными вдавлениями, от чего пострадал текст. Оттиск матрицами сделан не очень расчетливо, в результате чего изображение и надпись сдвинуты влево и книзу. Датированные печати с подобной надписью на лицевой стороне относятся к первой половине XIV в. Это «печать кнежа Андреева» с изображением святого Михаила на оборотной стороне (1304—1318 гг.) [10, т. 2, с. 43] «печать княжя Васильева» с изображением на о. с. св. Георгия (1318—

[2] ПГПИ-73 (74) здесь и далее — раскоп 1973—1974 гг. у Педагогического института.

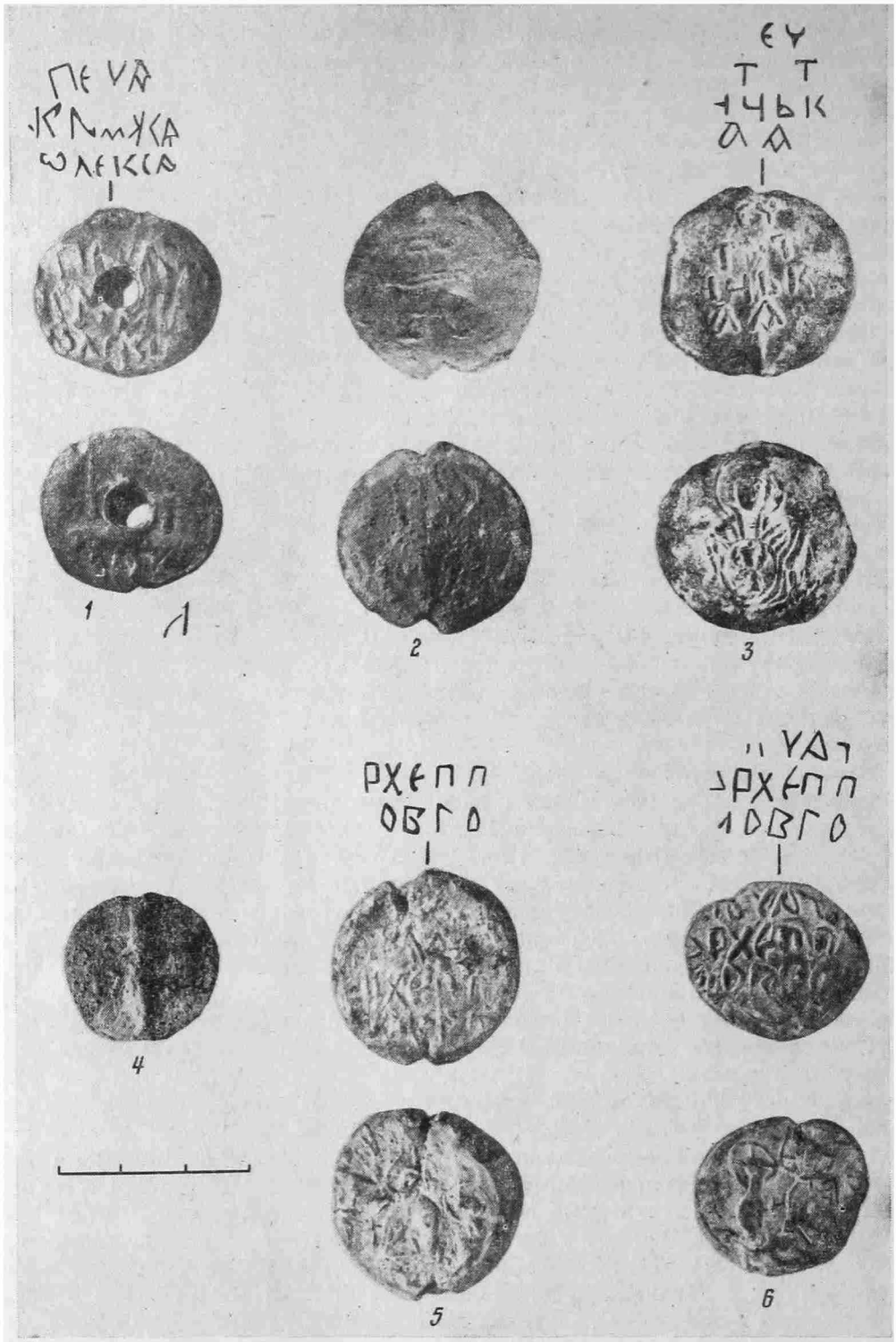


Рис. 2. Печати XIV—XV вв. *1* — «печать княжя»; *2, 3* — печати владычных наместников Пскова; *4* — заготовка печати; *5, 6* — анонимные печати новгородских архиепископов

1322 гг.) [19, с. 113; 20, с. 227—228] и «печать княжа Глебова» — полоцкого князя Глеба-Нариманта Гедиминовича (ок. 1338 г.) с фигурой всадника без нимба на оборотной стороне [13, с. 53, рис. 12] [3]. К этому или близкому периоду относится, вероятно, и наша печать. В пользу этого говорят также размер печати [10, т. 2, с. 45], палеография текста.

[3] И. А. Шляпкину была известна печать «княжа Даниила», хранившаяся в 1897 г. в Киеве [13, с. 96, прим. 1].

Деталью, которая, возможно, имеет хронологическое значение, является нечастый в сфрагистике пример употребления «юса малого» после непарных согласных, что встречается среди опубликованных печатей только в текстах печатей конца XIII — первой четверти XIV в. [10, т. 2, № 437, 622, 623, 705, 440, 441а, 675а; 19, с. 113].

Принадлежность печати князю выясняется благодаря исследованиям Н. П. Лихачева и В. Л. Янина. Н. П. Лихачев выделял в особый тип (V) княжеских печатей те, что несут на одной стороне имя князя, на другой — изображение всадника, и иллюстрацией к характеристике типа избрал названную «печать княжа Глебова». В. Л. Янин проследил историю перерастания изображения святого конного воина — патрона князя в княжескую эмблему — ездеца, отметив случаи изображения княжеского патрона без нимба на великокняжеских печатях XIII — начала XIV в. [10, т. 2, с. 34—38]. Несомненно, отражением этого процесса является изображение всадника без нимба на нашей печати.

Среди печатей рассматриваемой группы отсутствие нимба в изображении на оборотной стороне отмечено лишь у печати, связываемой с Наримантом Гедиминовичем. Близкие по времени и характеру текста печати княжеских тиунов всегда имеют изображения патрона великого князя в нимбе [10, т. 2, № 437—441]. Важно и последнее наблюдение В. Л. Янина, касающееся копорских князей-наместников, одному из которых, Василию Сугорскому, принадлежала, как обнаружилось, булла с формулой «печать княжа» [20, с. 227—228]. Следовательно, из группы печатей, связываемых с княжеским аппаратом Новгорода [19], выделяются печати служилых князей-наместников. Вышесказанное исключает возможность отнесения нашей печати какому-либо княжескому тиуну по имени Александр и позволяет считать ее принадлежавшей князю Александру. Является ли всадник с мечом на оборотной стороне печати патроном князя Александра или старшего князя, а может быть, эмблемой княжеской власти — точно не устанавливается.

Какой же князь имеется в виду? Есть основание считать его княжившим в Пскове, так как в других местах экземпляры такой печати неизвестны.

Среди псковских князей XIV в. есть несколько носивших имя Александр. Это, прежде всего, Александр Михайлович Тверской, в течение нескольких лет (1327—1329, 1331—1337) княживший в Пскове. Продолжительный срок княжения говорит как будто в пользу принадлежности печати этому князю. Тип буллы Александра Тверского периода пребывания на великокняжеском столе установлен достоверно по договорной грамоте князя с Новгородом 1326—1327 гг. [1, с. 241; 10, т. 2, № 405], но для последующего времени его буллы неизвестны, и трудно определить, как изменился тип печати в новом для князя положении. Нельзя не учитывать типологического сходства нашей печати с печатью литовского князя Нариманта Гедиминовича («печать княжа Глебова») наряду с указанием новгородской летописи о получении Александром псковского княжения «из литовскыя руки» [21, с. 343; 6839 г.].

В списке псковских князей XIV в., который, к сожалению, имеет пробелы, есть еще два князя с именем Александр. Это Александр Всеволодович, на неустановленность типа печати которого обратил внимание В. Л. Янин [1, с. 242], и князь Александр, упоминаемый в псковских летописях лишь в летописной статье 6876 (1367/1368 гг.). Первый, судя по контексту псковского и новгородского известий, в 1340/1341 гг. был новгородским наместником в Пскове, но почему-то «побеже изо Пскова» [22, вып. I, с. 18; вып. II, с. 24, 93; 21, с. 354]. Срок начала его княжения не устанавливается (не ранее 1337 г.). Со вторым князем Александром псковичи ходили в Чудскую землю на Новый городок, доходили до Кирьипиги. Об этом походе сообщают и псковские, и новгородская первая летописи [22, вып. II, с. 28, 104; 21, с. 370]. Срок княжения также не устанавливается, по псковским летописям и приписке на рукописной книге лишь определяется, что оно входило в период между 1357 [22, вып. I, с. 22; вып. II, с. 103] и 1369 г. [23, с. 178].

Александр Всеволодович, будучи новгородским наместником в Пскове, должен был обладать печатью, свойственной категории новгородских служилых князей. Конкретный тип этой печати для периода княжения Ивана Калиты неизвестен. Мало вероятно, однако, учитывая подчиненность разным великим князьям, сходство не обнаруженной пока печати с печатью Нариманта Гедиминовича, прослеживаемое у нашей буллы.

Что касается князя Александра, упоминаемого под 1367/1368 г., то вопрос о возможности отнесения к нему нашей печати в значительной мере определяется происхождением этого князя. Если это действительно князь полоцкого дома, как считали составители указателя к изданию псковских летописей [22, вып. II, с. 308], то очень вероятно, что имеется в виду князь Александр Наримантович [21, с. 349; 24, с. 20, прим. 7]. Он вполне мог иметь печать, сходную с отцовской (Нариманта Гедиминовича).

Предположительность ряда наблюдений не позволяет с определенностью указать владельца буллы. Мы склонны считать, что с накоплением материала этот вопрос решится либо в пользу Александра Михайловича Тверского, либо князя Александра известия 1367/1368 г.

С накоплением новых находок княжеские печати Пскова XIV в. смогут восполнить недостаток письменных источников по истории взаимоотношений Пскова и князя.

Печати владычных наместников. 5. Л. с. Изображение шестиконечного креста на подножии.

О. с. Схематическое изображение Богоматери «Знамение» (рис. 2, *2*).

Д.— 30—31 мм. М. н.— Псков, ППИ-69 [4], пл. 11, кв. 9. Стратиграфическая дата — XIV в. Хр.— ПОМЗ, № 5952/61. Уп.— [3, с. 26].

Печать деформирована, вогнута по лицевой стороне. Повреждения коррозией затрудняют точное определение изображений, особенно на оборотной стороне. Возможно, что печать аналогична хранящейся в Псковском музее (№ 2217). Печать относится к типу булл владычных наместников Пскова первой половины XIV в.

6. Л. с. Надпись в четыре строки: (П)еч(а)т(ь) Т(ро)ицькая (рис. 2, *3*).

О. с. Изображение Богоматери «Знамение», надписи отсутствуют.

Д.— 30—31 мм. М. н.— Псков, ПГПИ-73, пл. 10 (гл.— 193), кв. 172. Стратиграфическая дата — конец XIV—XV в. Хр.— ПОМЗ, № 8567/85. Уп.— [5, с. 17].

Печать аналогична хранящимся в ОНГЭ [1, с. 250, рис. 5, *44*] и Псковском музее, № 10033 (не издавалась). Все три печати очень близки, и вероятно, оттиснуты одной парой матриц. Печать относится к типу булл владычных наместников Пскова второй половины XIV в.

7. Заготовка для вислой свинцовой печати (рис. 2, *4*).

Д.— 23—24 мм. М. н.— Псков, ПГПИ-73, пл. 13, кв. 163. Стратиграфическая дата — XIV в. Хр.— ПОМЗ, № 8567/398. Уп.— [5, с. 17].

Заготовка представляет собой свинцовый кружок с утолщением по линии отверстия для продевания шнура. Заготовка обнаружена на территории длительное время существовавшей усадьбы. В пределах той же усадьбы найдены две печати владычных наместников Пскова разного времени (см. 5 и 6). По летописным сведениям, в этом районе Пскова, в Боловинском конце, располагался в середине XV в. двор владычного наместника Прокопия, от которого в 1453 г. начался пожар в Пскове [22, вып. I, с. 51; вып. II, с. 49, 110].

8. Л. с. Остатки текста: (а)рхеп(иско)п(а) (Н)овго(родского) (рис. 2, *5*).

О. с. Схематическое изображение Троицы; нимбы ангелов крещатые.

Д.— 29—31 мм. М. н.— Псков, ПЛ-76 [5], пл. 8 (гл. № 150—160), кв. 23. Стратиграфическая дата — вторая половина XIV в. Хр.— ПОМЗ, № 9642. Уп.— [8, с. 24].

---

[4] Раскоп у Педагогического института, 1969 г.

[5] Здесь и далее — раскоп на ул. Ленина, 1976 г.

Печать имеет механические повреждения, глубокая сквозная трещина почти совсем отделила фрагмент в $^1/_4$ часть печати. Повреждения коррозией затрудняют чтение лицевой стороны. Состояние изображения на оборотной стороне, несмотря на повреждения, позволяет сделать вывод об аналогии с печатями, хранящимися в ОНГЭ [1, с. 254, рис. 7, *61*] и Псковском музее — № 3542/2.

9. Л. с. Остатки текста: (Пе)чат(ь) (а)рхеп(иско)п(а) Новго(родского) (рис. 2, *6*).

О. с. Схематическое изображение Троицы; нимбы ангелов крещатые.

Д.— 25—26,5 мм. М. н.—Псков, ПЛ-76, пл. 7 (гл.— 138), кв. 111. Стратиграфическая дата — XV в. Хр.— ПОМЗ, № 9643. Уп.— [8, с. 24].

По расположению надписи, написанию букв лицевая сторона аналогична печати, хранящейся в ОНГЭ [1, с. 254, рис. 7, *61*]. Характерной особенностью является зеркальное изображение буквы «А» в слове «печать». Оборотная сторона тождественна и печати, хранящейся в ГЭ, и печати, найденной при раскопках в Пскове в 1954 г. (рук. Г. П. Гроздилов), хранящейся в ПОМЗ (№ 3542/2) [1, с. 254, рис. 7, *62*]. От другого варианта подобных печатей [1, рис. 7, *63*] она отличается манерой изображения фигур и пониженной, по отношению к центральной фигуре, фигурой правого ангела.

Обе публикуемые буллы относятся к числу анонимных печатей новгородских архиепископов и принадлежали владычным наместникам Пскова в конце XIV — первой половине XV в.

Сходство отдельных частей изображения, начертание различных букв надписи наших печатей и печатей, хранящихся в ОНГЭ и ПОМЗ, позволяет предположить изготовление всех четырех булл одной парой матриц.

Печати псковских посадников. 10. Л. с. Текст в четыре строки в точечном ободке: печать пс(к)о(в)ьск(ых) поса(дников) (рис. 3, *1*).

О. с. В центре круг; по краю, по окружности надпись: писана (в лето) 6... (рис. 3, *1*).

Д.— 27—32 мм. М. н.— Псковский район, поле совхоза «Металлист» у д. Тямша, июнь 1973 г. Хр.— ПОМЗ.

Надпись на лицевой стороне сдвинута вниз, вследствие чего не поместилась часть текста. Возможно, из-за дефекта матрицы отсутствует часть изображения по краям печати. На лицевой стороне справа нет окончания строчек; слева повреждены буквы в двух строчках. На оборотной стороне пострадала частично надпись, а от даты сохранилась лишь первая буква.

11. Л. с. Остатки текста в пять строк в точечном ободке: (пе)ча(ть) пск(овь)ск(ых) (по)садн(и)ко(в) (рис. 3, *2*).

О. с. В центре круг, по краю, по окружности остатки надписи: (писана в лето) 69... (рис. 3, *2*).

Д.— 29 мм (обл.). М. н.— Псков, 1978. Хр.— ПОМЗ, № 10343.

Сохранилась половинка печати, сломанной по линии отверстия для шнура. Фрагмент деформирован глубокой вмятиной по оборотной стороне. Из-за сильной коррозии вторая половина даты не читается.

12. Л. с. Остатки текста в пять строк в точечном ободке: (печ)а(т)ь (п)ск(овь)скы(х) (по)садн(и)ко(в) (рис. 3, *3*).

О. с. В центре круг; по краю, по окружности надпись: (писана в лето) 6924 (рис. 3, *3*).

Д.— 29 мм (обл.). М. н.— Псков, 1978. Хр.— ПОМЗ, № 10342.

Сохранилась половинка печати, сломанной по линии отверстия для шнура. Надпись на лицевой стороне сдвинута вверх, вследствие чего от верхней строчки осталась только нижняя часть. Индивидуально написание буквы «К» в дате на оборотной стороне. На обеих сторонах печати правая и левая части буквы отстоят друг от друга. Но на лицевой стороне написание правой части округло. Отгиб вправо в верхней части плавно переходит в линию, расположенную под углом к левой мачте. На оборотной стороне отгиб вправо резкий и расположен на уровне верха буквы. Вместе с тем отсутствие каких-либо соединительных линий не позволяет

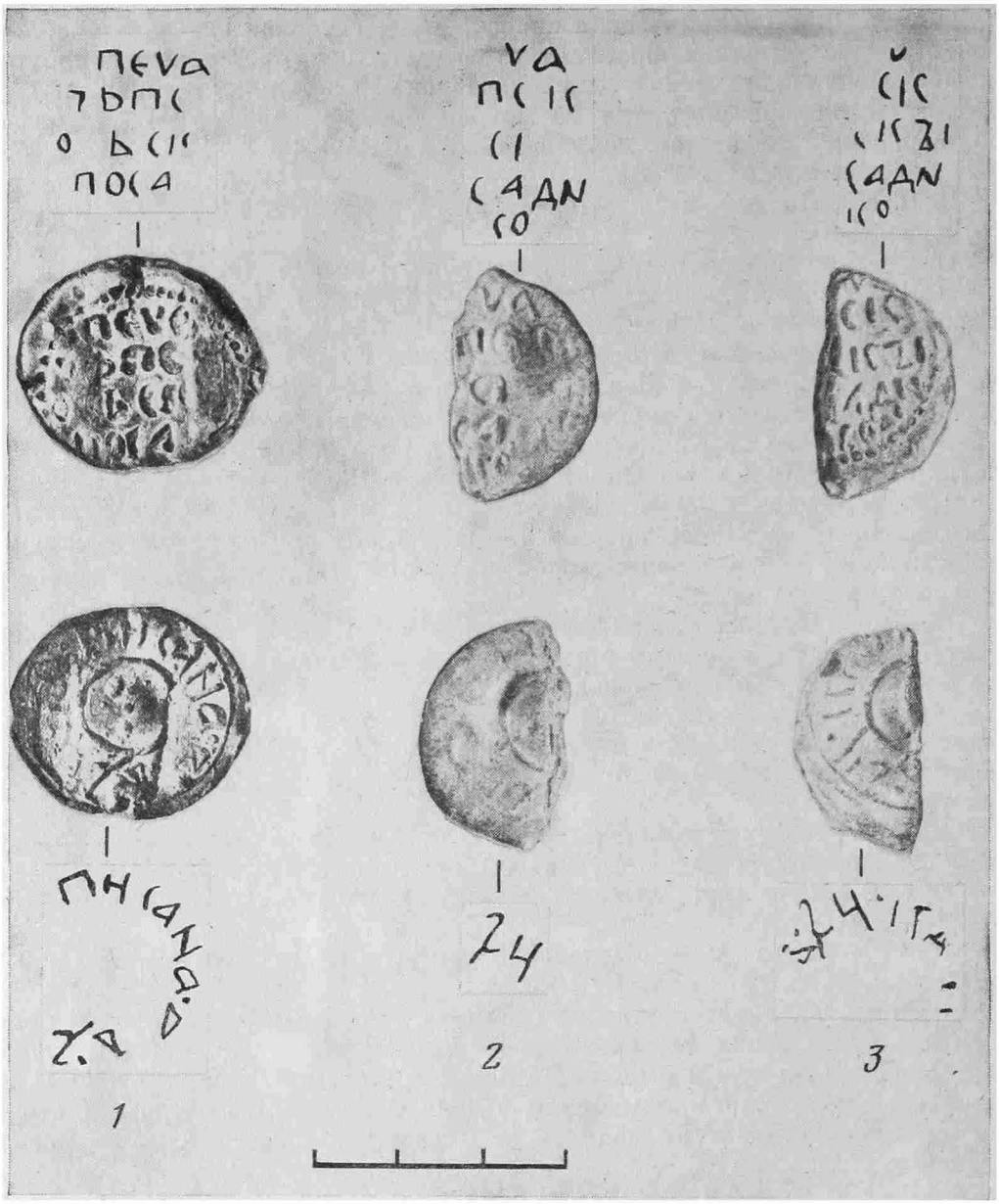


Рис. 3. Печати псковских посадников (*1—3*)

интерпретировать букву как «П» или «Н». Другие буквы, обозначающие десятки, не подходят по написанию. Таким образом, дата может быть прочитана как 1415/1416 г. (по сентябрьскому стилю).

Написание и расположение отдельных букв на лицевой и оборотной сторонах, общее расположение надписи и изображения на оборотной стороне позволяют считать, что все три печати изготовлены одной парой матриц. В этом случае все они должны датироваться 1415/1416 г. В летописной статье «6924» упоминаются вместе посадники псковские Ларивон Дойникович, Роман, Иоан, Федос и Микула [22, вып. II, с. 120]. Их и могла представлять данная булла.

Все публикуемые печати оттиснуты иной парой матриц, чем печать псковских посадников, найденная при раскопках в Довмонтовом городе [25, с. 28—30].

Известна еще одна печать псковских посадников, найденная в 1977 г. при раскопках в Псковском кремле [26, с. 7; 27, с. 41, с. 50, рис. 10]. Автор публикации датировал ее 1482 г. Однако он не приводит прочтения надписи с датой. Остается неясным, какая из букв принята им за букву «Ч», необходимую для получения даты «1482», и как интерпретировать

ясно видимую букву «Д», остающуюся в этом случае вне надписи. Сравнение печатей обнаруживает полное совпадение расположения надписей, написания отдельных букв. Это позволяет сделать вывод о том, что данная печать является четвертым экземпляром, изготовленным теми же матрицами, что и наши печати. В этом случае она должна быть датирована 1415/1416 г.

Печати псковских посадников представлены теперь уже пятью экземплярами двух разных типов. Публикуемые буллы являются шестым типом датированных псковских печатей. Кроме посадничьих к ним относятся печати псковских пригородов Острова и Красного города, печати Пскова 1424/1425 и 1468/1469 гг. [1, 9]. Так как большинство типов датированных печатей отражает деятельность, связанную с посадничьей юрисдикцией, закономерен вопрос: не является ли обозначение даты на печатях особенностью булл псковских посадников? Н. П. Лихачев относил печати 1424/1425 и 1468/1469 гг. к атрибутам посадничьей власти [28]. В. Л. Янин отнес эти буллы к княжеской, а затем к смесной княжеско-посадничьей юрисдикции [1, с. 248; 9, с. 169]. Находки датированных печатей псковских посадников, по нашему мнению, позволяют вновь вернуться к возможности рассмотрения этих булл в русле посадничьей юрисдикции[6]. В пользу этого свидетельствует и то, что, как и печати 1424/1425, 1468/1469 гг., изображение князя несли на себе псковские монеты, чеканка которых была делом посадников [9, с. 168; 29, с. 228–229].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Вислые печати Пскова.– СА, 1960, № 3.
2. *Белецкий В. Д.* Сфрагистические находки в Пскове (раскопки 1961 г).– В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 г. Л.: ГЭ: 1962.
3. *Лабутина И. К.* Раскопки в Пскове у здания педагогического института.– АО–1969, М., 1970.
4. *Лабутина И. К.* Охранные раскопки в Пскове.– АО–1972. М., 1973.
5. *Лабутина И. К.* Раскопки в Пскове.– АО – 1973. М., 1974.
6. *Лабутина И. К.* Раскопки в Пскове.– АО–1974. М., 1975.
7. *Лабутина И. К.* Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 года.– В кн.: Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
8. *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л.* Раскопки в Пскове на улице Ленина.– АО–1976, М., 1977.
9. *Янин В. Л.* Сфрагистический комментарий к псковским частным актам.– В кн.: *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М.: МГУ, 1966.
10. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1–2. М.: Наука, 1970.
11. *Янин В. Л.* Из истории землевладения в Новгороде XII в.– В кн.: Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966.
12. *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова.– АСб. ГЭ, 1962, вып. 4.
13. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1.– Тр. Музея палеографии. Т. I. Л., 1928.
14. *Колотилова С. И.* К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики.– История СССР, 1975, № 2.
15. *Ершевский Б. Д.* Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII– начала XIII в. с изображением княжеских знаков.– ВИД, 1978, X.
16. *Ершевский Б. Д.* Об одной группе новгородских свинцовых пломб XII– первой трети XIII в.– Вестн. МГУ, 1979, Сер. 8, история, № 4.
17. *Плоткин К. М., Грач В. А., Александров А. А.* Раскопки в Пскове на Запсковье.– АО–1977. М., 1978.
18. *Волочкова О. К.* Раскопки в Пскове у церкви Нерукотворного образа на Запсковье.– АО–1979. М., 1980.
19. *Янин В. Л.* К вопросу о структуре княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII–XIV вв.– ВИД, 1973, V.
20. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/Под ред. Насонова А. Н. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1950.
22. Псковские летописи/Под ред. Насонова А. Н. Вып. I, II. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941, 1955.
23. *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обозре-

[6] Предположение о дате на печатях как характерной особенности булл псковских посадников уже было высказано И. О. Колосовой в реферате «Псковские посадники XIV—XV вв. (некоторые вопросы изучения темы)», хранящемся на кафедре археологии МГУ. Благодарим автора за разрешение ознакомиться с рефератом.

ние пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих хранилищ. М., 1916.
24. *Барбашев А.* Витовт и его политика до Грюнвальденской битвы (1410). Спб., 1885.
25. *Белецкий В. Д.* Печать посадников псковских.– СГЭ, 1974, т. XXXVIII.
26. *Белецкий С. В., Белецкая Н. А.* Новые раскопки Псковского городища.– АО–1977. М., 1978.
27. *Белецкий С. В.* Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг.– В кн.: Древнерусские города. М.: Наука, 1981.
28. *Лихачев Н. П.* Печати Пскова.– СА, 1960, № 3.
29. *Мельникова Л. С.* Псковские монеты XV в.– НЭ, 1963, т. IV.

I. K. Labutina, O. K. Volochkova, V. I. Labutin

NEW SEAL FINDS IN PSKOV

Summary

It is a publication of the attached lead seals found in Pskov in the sixties and seventies and of those recently received by the Pskov museum-reserve. The article contains a description of eleven bulls and one seal blank. Three of them are dated from the pre-Mongol periol, two of which (Fig. 1, *1, 2*) are attributed to 12th-13th-century princes' seals while one defies exact attribution though it has analogies among the tentatively defined posadniks' (an elected higher town official) seals of the same period. The 14th-15th-century seals discussed in the article belonged to both secular and religious institutes of administration. There is a 14th-century «prince's seal» attributed by the authors to Alexander of Tver who twice ruled Pskov (in 1327-1329 and 1331-1337) or to Alexander, who was Pskov's ruler in 1367/68. Two seals are included among the bulls of Novgorod archbishops' representatives (Fig. 2, *5, 6*). Three dated seals of the Pskov posadniks (Fig. 3, *1–3*) which are of great importance for studying the institute of Pskov posadniks are made by the same matrix and resemble closely a seal found in the Pskov Kremlin [27, p. 50, Fig. 10]. The authors interpret the date on the seal as 6924, which means 1415/1416 and draw attention to the fact that all known to date and precisely dated seals found in Pskov are connected with posadniks' activities. The recent finds also indicate that all dated Pskov seals belonged to posadniks.

БЕЛЕЦКИЙ С. В.

ПЕЧАТИ «КНЯЖА ОЛЕКСАНДРОВА»

В 1962 г. при раскопках в Довмонтовом Городе Пскова была найдена вислая свинцовая печать неизвестных ранее матриц. Диаметр буллы 27 мм, вес 16,48 г. Аверс: надпись в четыре строки «Печать княжа Олекса[н]дров[а]». Реверс: светский всадник вправо, в островерхой шапке, держащий в правой руке меч[1] (рис. 1). Вторая булла, оттиснутая другой, но чрезвычайно близкой парой матриц, была найдена при раскопках в Среднем Городе Пскова в 1972 г. Она публикуется в статье И. К. Лабутиной, О. К. Волочковой и В. И. Лабутина в этом номере журнала на рис. 2, *1*. Печати различаются написанием атрибутивной надписи («печать» — «печя[ть]», «княжа» — «княжя») и деталями изображения всадника, на которые обратил внимание В. И. Лабутин. Третья булла, оттиснутая иной парой матриц, была найдена на берегу р. Великой близ Кремля; она находится в частном собрании[2]. Аверс: пятистрочная надпись «Печать княжя [О]л[е]ксанд[ра]». Реверс: светский всадник вправо с мечом в правой руке (рис. 2). Размеры свинцового кружка 28×25 мм, толщина 3 мм. Печать осталась не взвешена, но по массивности она близка печати из раскопок в Довмонтовом Городе. Все три буллы происходят из древнейшей части города (рис. 3).

Несмотря на то, что в многострочных надписях на печатях содержится указание на княжеский титул владельца, В. Л. Янин атрибутировал печати, совершенно аналогичные публикуемым, как буллы княжеских тиунов [1, № 437—441]. Среди печатей, включенных в группу «ранних

Рис. 1. «Печать княжа Олександрова». Псков, Довмонтов Город, раскопки 1962 г. (фото до реставрации)

тиунских печатей», наиболее близка «печатям княжа Олександрова» печать № 440. Аверс: четырехстрочная надпись «Печать кнежя Андреева». Реверс: поясное изображение архангела Михаила. В. Л. Янин рассматривал печать как атрибут юрисдикции тиуна Андрея, представлявшего интересы князя Михаила Ярославича. Аргументы сводились к следующему:

[1] Фонды ОИРК ГЭ, инв. № 62/5.

[2] Благодарю Ю. И. Шевченко (Псков), ознакомившего меня со своей коллекцией.

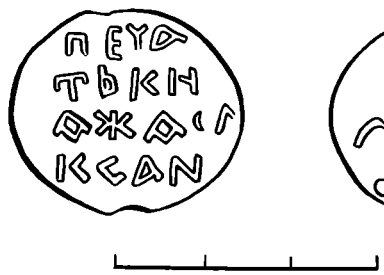


Рис. 2

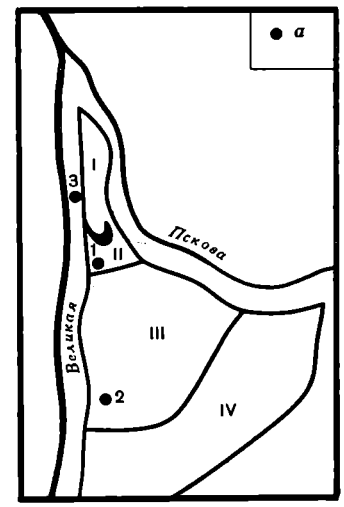


Рис. 3

Рис. 2. «Печать княжа Олександ(ра)» из собрания Ю. И. Шевченко (прорисовка)

Рис. 3. Топография находок печатей «княжа Олександрова» в черте Пскова. *а* — печать (*1, 2* — из раскопок, *3* — из собрания Ю. И. Шевченко); I — Кром, II — Довмонтов Город, III — Средний Город в черте стены 1309 г., IV — Средний Город в черте стены 1375 г.

«Если бы в надписи речь шла о князе Андрее, легенда выглядела как „Печать *князя* Андрея“ (здесь и далее выделено мной.— *С. Б.*). Здесь же слово „кнежа“ является определением к слову печать, и мы надпись в целом понимаем, как „Печать княжеская, Андреева“, т. е. „княжеская печать Михаила, принадлежащая тиуну Андрею“ [1, с. 43, 44].

В 1970 г. стала известна еще одна печать с аналогичной формулой атрибутивной надписи (Аверс: «Печать *княжя* Васильева». Реверс: святой всадник). Атрибутируя печать как буллу тиуна Василия, представлявшего интересы князя Юрия Даниловича, В. Л. Янин адресовал ей те же соображения, что и печати «*кнежя* Андреева» [2, с. 116]. Одновременно этим печатям была противопоставлена печать с многострочной надписью «Афанас*ия князя* печать» [1, № 441а-778, 783], интерпретированная как печать служилого князя Афанасия Даниловича, представлявшего интересы своего брата — великого князя Юрия Даниловича [2, с. 116].

Полагаю, что предположение о тиунской принадлежности печатей «кнежя Андреева» и «княжя Васильева» не единственно возможное. Прежде всего эти печати лишены указания на должность тиуна — важного, хотя, по-видимому, не обязательного для тиунских печатей Новгорода. Такова печать с легендой «Фомина печать тиюна» [1, № 437]. Объяснять отсутствие здесь определения «княжя» или «кнежя» только наличием самого указания на должность «тиун» нельзя. Печать с легендой «Фомина печать», принадлежащая, по наблюдению В. Л. Янина, тому же должностному лицу [1, № 438], содержит в формуле надписи имя владельца без указания должности.

Написание слова «княжя» — «кнежя» у печатей Андрея и Василия В. Л. Янин отнес к слову «печать», а не к имени собственному. Это написание как характерное именно для тиунских печатей было противопоставлено написанию «князя» на печатях княжеской принадлежности. Но в одной из последних работ исследователь пересмотрел атрибуцию печати «княжя Васильева». Находка печати с легендой «Печать Романова Михайловича», атрибутированная как печать князя Романа Белозерского, позволила В. Л. Янину приписать печать «княжя Васильева» князю Василию Романовичу Сугорскому [3, с. 227, 228]. Если новая атрибуция верна, противопоставление «княжя» — «князя» снимается. В равной мере оказывается возможным написание имени князя на печатях с упот-

реблением суффикса *-ова, -ева* (Васильева, Романова и др.) [3] и без него.

Атрибуция печати Романа Белозерского, кстати, ставит под сомнение принципиальную атрибуцию всей группы «ранних тиунских печатей», поскольку отсутствие титула «князь» в формуле многострочной надписи, как оказывается, еще не препятствие для отнесения печати к юрисдикции князей.

Таким образом, печати «княжа Олександрова» можно отнести к группе княжеских печатей, несущих на атрибутивной стороне многострочную надпись. Печати эти пришли на смену более древним буллам, на которых принадлежность обозначалась изображениями патрональных святых владельца печати и его отца (христианские имя и отечество князя). Н. П. Лихачев отнес появление нового княжеского сфрагистического типа к концу XIII в. [5, с. 20—24].

Прочтение легенды на атрибутивной стороне псковских печатей позволяет предполагать, что буллы принадлежали юрисдикции князя, носившего имя Александр. Учитывая, что «место находки печати в подавляющем большинстве случаев совпадает с местом применения ее при документе» [6, с. 157], можно полагать, что обнаружение всех трех булл в пределах Пскова (аналогичные печати нигде пока более не найдены) свидетельствует о принадлежности их одному из псковских князей конца XIII—XV в. В этот период на псковском столе побывало семь князей, носивших имя Александр: Александр Михайлович Тверской, Александр Всеволодович, Александр, Александр Федорович Ростовский, Александр Иванович, Александр Васильевич Чарторыйский и Александр Владимирович Ростовский.

В поисках владельца печатей внимание в первую очередь привлекает личность Александра Васильевича Чарторыйского [4]. Дело в том, что в 1442 г. король Владислав подтвердил грамотой, данной братьям Ивану, Александру и Михаилу Чарторыйским, право пользоваться «всему их роду вообще и каждому его члену в отдельности» княжеской печатью — конем, на котором сидит вооруженный муж, держащий в руке обнаженный меч,— «какую употребляли их дед и отец» [11, с. 390, 391]. Чарторыйские, владевшие гербом с изображением всадника «от деда и отца», как известно, принадлежали к одной из прямых ветвей дома Гедимина: братья Чарторыйские были правнуками Ольгерда Гедиминовича [12, с. 340]. В роду литовских князей введение герба с изображением всад-

---

[3] Напомню также некоторые легенды на восковых печатях XIV—XV вв. На печати великого князя Симеона Гордого читается: «Печать *князя* великого Семенова всея Руси». На печати великого князя Василия Дмитриевича — формула надписи «Печать *князя* великого Васильева Дмитриева всея Руси» [4, № 21—24]. Великокняжеская принадлежность печатей зафиксирована самой формулой атрибутивной надписи. На печатях князей Константина Дмитриевича Углицкого [4, № 41, 43, 44], Андрея Дмитриевича Можайского [4, № 41] и Петра Дмитриевича Дмитровского [4, № 41] читаются следующие атрибутивные надписи: «*княжа* Константинова Дмитриевича», «*княжа* Петрова Дмитриевича» и «*князя* Ондреева Дмитриевича». Однако из этого написания не следует, что братья великого князя Василия Дмитриевича не были удельными князьями, а лишь исполняли тиунские функции.

[4] Александр Васильевич Чарторыйский — «авантюрист и кондотьер» [7, с. 249] — появился на Руси вскоре после убийства великого князя литовского Сигизмунда Кейстутьевича (1440 г.) [8, с. 88—90], в котором «играл главную роль» [9, с. 96]. В 1443 г., после смерти псковского князя Александра Ивановича (1442 г.), Александр Чарторыйский прибыл в Псков: «а приеха от князя великого Василья Васильевича». Вслед за ним в Псков приехал посол великого князя «и поручи ему княжение по великого князя слову, и посадиша его псковичи на княжении» [10, с. 135]. В 1447 г. Александр Чарторыйский покидает Псков и переезжает в Новгород. В 1455 г. псковичи «много бити челом князю Александру Черторызскому ... о княжении» [10, с. 141]. В следующем году князь прибыл в Псков «и выидоша противу его все священство съ кресты, и приаша его псковичи с великою честию и даша ему всю княжую послушу, и целоваше честный крест ко Пскову» [10, с. 143]. В 1461 г., после того как великий князь потребовал от Александра Чарторыйского целовать крест «ко мне к великому князю и к моим детемъ к великим княземъ, что ему зла на пасть не хотети, ни мыслити», Александр Чарторыйский «не всхоте целовати» крест («и молвил: не слуга де яз великому князю»), покинул Псков и вернулся в Литву [10, с. 146]. После возвращения он получил от короля Казимира IV привилегии на Логойск, Осташин, Споров и Каменец [9, с. 97]. Скончался он после 1477 г.

ника на коне «еже ныне наричуть погоня» принято относить ко времени Витеня [13, с. 346] или Глеба-Наримонта [8, с. 48; 14, с. 32]. При всей легендарности летописных свидетельств существование герба «погоня» сфрагистически надежно зафиксировано с XIV в.: печать Глеба-Наримонта Гедиминовича при грамоте 1338 г. [5, с. 35, рис. 12], печати Витовта, Юрия Кориатовича и Льва Друцкого при грамоте 1384 г., печати Дмитрия-Корибута Ольгердовича при документах второй половины 80-х годов XIV в., печать Скригайлы при грамоте 1394 г., печать Сигизмунда Кейстутьевича при грамоте 1398 г. и др. [15, с. 239, рис. 219, с. 236, 237, прим. 1]. Н. П. Лихачев подчеркивал: «К концу XIV столетия погоня... стала окончательно официальным гербом Литвы и помещена на большой и малой печатях Ягайлы» [15, с. 236, 237, прим. 1]. Таким образом, А. В. Чарторыйский мог иметь печать рассматриваемого типа.

При всем этом связать псковские печати с деятельностью Александра Чарторыйского не удается. Печати «княжа Олександрова» для XV в. слишком массивны. Средний вес печатей «1425 г.», применявшихся в делопроизводстве псковской Господы в годы княжения в Пскове Александра Чарторыйского, составляет 6—8 г, с колебаниями от 5,5 до 10,5 г., позднее печати становятся еще менее массивными. Анализируемые же печати по своей массивности тяготеют к первой половине — середине XIV в. Кроме того, для XV в. «характерна тенденция к полному именованию князя на печатях — по имени и отчеству. В рамках этого периода (вторая треть XIV—XV в.— *С. Б.*) опущение отчества — признак раннего времени, характерный для первой половины — середины XIV в., но не для последующих десятилетий» [1, с. 27].

По тем же самым причинам трудно связывать печати «княжа Олександрова» с деятельностью Александра Федоровича Ростовского[5], Александра Владимировича Ростовского[6] и Александра Ивановича. Последний, кстати, мог иметь печать с изображением всадника с мечом, так как происходил из рода Гедиминовичей[7].

Три князя, деятельность которых целиком относится к XIV в., теоретически в равной мере могли применять печати рассматриваемого типа. Наименее вероятным претендентом, на мой взгляд, является князь Александр, упомянутый под 1368 г. Происхождение его не ясно. Возможно, это сын Глеба-Наримонта Гедиминовича, сведений о котором дошло очень мало[8]. В принципе он мог занимать в 1368 г. псковский стол. Но тогда он был князем настолько незаметным, что из всей его деятельности в летописи оказались зафиксированы лишь два факта: отсутствие в Пскове в момент подхода немецкого войска и вслед за этим руководство не-

---

[5] Александр Федорович Щепа-Ростовский происходил из старшей ветви рода князей Ростовских [16, с. 45, прим. 158]. Он был прислан великим князем Василием Дмитриевичем в Псков в 1410 г., но уже в 1412 г. был изгнан псковичами. В 1420 г. псковичи просили великого князя прислать Александра Ростовского наместником. Князь прибыл в Псков весной 1422 г., но в 1423 г. после ссоры с псковичами покинул город. В 1428 г. псковичи вновь просили великого князя дать Александра Ростовского наместником. В Псков приехал его сын Дмитрий, но вскоре уехал обратно в Москву. После повторной просьбы псковичей Александр Ростовский прибыл в Псков. В конце зимы 1434 г. он покинул город, а вскоре, по-видимому, скончался.

[6] Александр Владимирович Ростовский, боярин великого князя московского, был прислан в Псков Иваном III в 1496 г., княжил до 1501 г. [16, с. 58; 17, с. 431].

[7] Александр Иванович — сын княжившего в Пскове в 1389—1399 гг. Ивана Андреевича, внук известного псковского князя Андрея Ольгердовича. Приехал в Псков в 1439 г., скончался в 1442 г. [9, с. 88; 12, с. 336].

[8] В 1338 г., после столкновения со шведами под Копорьем, новгородцы «много посылаша по него (Наримонта.— *С. Б.*) и не поеха нь, и сына своего выведе из Орехового, именем Александра, токмо наместники свои остави» [18, с. 349]. Следовательно, Александр Наримонтович в это время находился в Орешке, входившем в число новгородских пригородов, переданных в начале 1330-х годов под юрисдикцию Глеба-Наримонта. Считать его наместником собственного отца нет оснований: в контексте летописного сообщения Александр Наримонтович противопоставлен наместникам, оставленным в Орешке. Иных сведений о сыне Глеба-Наримонта Александре в источниках, кажется, нет.

удачным походом под Нейгаузен [10, с. 27, 28]. Для сопоставления печатей «княжа Олександрова» с деятельностью Александра Наримонтовича необходимо предположить, что он как минимум дважды занимал псковский стол и оба раза моменты вокняжения остались вне поля зрения летописи. Мне представляется это маловероятным.

Другие возможные претенденты на отождествление с князем Александром 1368 г.— Александр Константинович Ростовский [9], Александр Константинович Углицкий [10] и Александр Дмитриевич Суздальский [11]. Приписать печати «княжа Олександрова» одному из них затруднительно по тем же причинам, что и Александру Наримонтовичу.

Совершенно загадочная личность — князь Александр Всеволодович. О нем имеется лишь одно летописное сообщение. 9 сентября 1341 г. немцы убили под Опочкой пятерых псковских послов. Псковичи ходили с князем Александром Всеволодовичем ответным походом в Латгалию. Князь Александр, «учинив розратие» с немцами, «разгневася на псковичь и побеже изо Пскова». Псковичи посылали за ним, затем посылали к нему послов в Новгород «и биша ему челом много, и не воротишася, и отрече ся псковичем». Псковичи просили новгородцев дать князя и помочь против немцев, но получили отказ. После этого псковичи обратились за помощью к Ольгерду, и тот прислал дружину с воеводой Юрием Витовтовичем, а позднее привез своего сына Андрея на псковское княжение [10, с. 92—96]. В новгородских летописях события оценены негативно: «предашася плесковицы Литве, отвергшеся Новаграда и великого князя; приведоша собе из Литвы князя Ольгерда Гедиминова сына с Литвою, а Олександра Всеволодовича преже того выпровадили бяху» [18, с. 354].

Последовательный «перебор» известных князей XIV в. для отождествления с Александром Всеволодовичем, происхождение которого остается неопределенным, результата не дал [12]. Не исключено, что появлению на страницах летописных списков князя Александра Всеволодовича предшествовала ошибка переписчика или составителя протографа, при которой имя и отчество князя поменялись местами. Тогда под князем «Александром Всеволодовичем» следует понимать Всеволода Александровича, вероятнее всего Всеволода Холмского. Если изложенное справедливо, князь «Александр Всеволодович» не имеет отношения к анализируемым печатям.

Наиболее вероятна принадлежность печатей «княжа Олександрова» к атрибутам юрисдикции Александра Михайловича Тверского, дважды занимавшего псковский стол. Александр Михайлович, второй сын великого князя Михаила Ярославича, родился в самом начале XIV в. (в 1301 г., по А. В. Экземплярскому). В 1318 г. он получил свой первый удел, однако большую часть времени находился, по всей видимости, в Твери

[9] Александр Константинович Ростовский родился ранее 1365 г., скончался в 1404 г. Его деятельность в Пскове не исключена, в 1415—1417 гг. псковским наместником является его старший сын Андрей [16, с. 53, 55]. Единственным препятствием для отождествления остается тот факт, что нам неизвестен возраст князя к 1368 г. Александр был четвертым сыном Константина Васильевича Ростовского; старшие же его братья, судя по косвенным данным, в середине 1360-х годов были молоды.

[10] Александр Константинович Углицкий родился в 1294 г., в возрасте 8 лет получил в удел Углич. Есть известие также о его женитьбе. Другие сведения о князе в источниках отсутствуют [16, с. 132]. Конечно, он мог в возрасте 82 лет занимать псковский стол, но такой факт вряд ли остался бы не замеченным летописцем.

[11] Александр Дмитриевич Суздальский известен лишь по родословцам. А. В. Экземплярский не был уверен в его существовании и упомянул этого князя только в примечании к основному тексту исследования [16, с. 417, прим. 1175].

[12] Единственный князь Всеволод, который мог иметь в это время сына,— Всеволод Александрович Холмский, сын Александра Михайловича Тверского. Он родился около середины 20-х годов XIV в. Даже если считать, что Всеволод женился в возрасте 15—16 лет, старшему сыну его не могло быть к 1341 г. более 2—3 лет — возраст, допустимый для княжения de jure, но совершенно невероятный для княжения de facto. Таким образом, полагать, что Александр Всеволодович — неизвестный сын Всеволода Холмского, нет оснований. Известные сыновья Всеволода Холмского — Юрий и Иван — действуют на рубеже XIV—XV вв. [16, с. 345].

(именно сюда к нему приезжал в 1320 г. ростовский епископ Прохор) [16, с. 471].

В 1321—1322 гг. начался конфликт между Дмитрием и Александром Михайловичами и великим князем Юрием Даниловичем, завершившийся в ноябре 1324 г. смертью последнего от руки Дмитрия. Год спустя и сам Дмитрий Грозные Очи погибает от руки убийц, подосланных ханом Узбеком [16, с. 470]. На великое княжение претендует Иван Калита, но ярлык получает Александр Тверской.

Великое княжение Александра Тверского продолжалось недолго. После убийства в августе 1327 г. ханского посла в Твери (санкционированного Александром Михайловичем, принимавшим как будто бы самое непосредственное участие в тверском восстании) на Тверь идет ордынское войско, возглавлявшееся Калитой. Александр Тверской бежит в Новгород, а оттуда в Псков. Тверской стол переходит к младшему брату Александра — Константину Михайловичу, в 1328 г. принявшему сторону Ивана Калиты и получившему в Орде ярлык на Тверь.

После отказа Александра Тверского явиться в Орду в 1329 г. Иван Калита вместе с Константином Тверским «подъяша новгородцовъ и всю область Новогородскую от Белаозера и от Заволочья, и от Корелы» двинулись походом на Псков. Тогда же митрополит Феогност отлучил псковичей от церкви. Александр покинул Псков и ушел в Литву, оставив в Пскове семью [10, с. 23, 90, 91]. Через полтора года он вернулся в Псков и с этого времени непрерывно занимал псковский стол до 1337 г. В том году князь отправляется в Орду и вновь получает ярлык на Тверь. В Тверь Александр Михайлович возвращается в 1338 г., тогда же из Пскова к нему переезжает семья. В конце октября 1339 г. Александр Тверской вместе с сыном Федором были убиты в Орде, при дворе хана Узбека.

Заслуживает внимания реконструкция последовательности событий начального периода княжения Александра Тверского в Пскове, предложенная В. Т. Пашуто. Сопоставив «умолчания» в летописях различного происхождения, исследователь воссоздал следующую картину расстановки политических сил. Посольство Новгорода на Волынь к митрополиту Феогносту для поставления Василия Калики в новгородские архиепископы по пути было перехвачено по приказу Гедимина; Новгород откупился, пообещав сыну Гедимина Глебу-Наримонту Ладогу, Орешек, Корелу, Корельскую землю и половину Копорья «в отчину и дедину и его детем». Одновременно с посольством новгородцев к митрополиту прибыло посольство из Пскова с просьбой об учреждении самостоятельной псковской епископии и кандидатом в псковские епископы Арсением; посольство оказалось безуспешным. Митрополиту донесли о готовящемся нападении на новгородское посольство, организованном Гедимином. Новгородский владыка со спутниками «межи Литвы и Киева уходом бежали». Близ Киева их перехватили люди киевского князя Федора — брата Гедимина [19, с. 256, 330; 20, с. 362]: послам удалось откупиться. Таким образом, после возвращения Александра Тверского из Литвы в Псков фиксируется отчетливая конфронтация между великим князем литовским и Псковом с одной стороны и великим князем московским и Новгородом с другой. Финал этой конфронтации закономерен. В 1335 г. Иван Калита хотел идти на Псков, но в Новгороде ему предложили более хитрый ход («бысть ему по любви речь с новгородци»). Союзники отложили поход, не заключив, однако, с Псковом мира. Вскоре Александра Тверского выманили из Пскова (ярлыком на великое княжение?), а в 1339 г. он был убит в Орде [21, с. 55—57, 394—396].

Два периода княжения Александра Михайловича Тверского в Пскове, разделенные кратковременными мирными отношениями «стольного Пскова»[13] с Иваном Калитой, хорошо согласуются с наличием нескольких

[13] В грамоте Новгорода великому князю Михаилу Ярославичу, составленной около 1305 г., Псков назван «стольным городом», что, возможно, свидетельствует о юридическом обособлении его еще в годы княжения Довмонта-Тимофея. В той же грамоте упомянут князь Федор Михайлович Белозерский, посаженный в Псков «князем великим Андреем и всем Новгородом» и покинувший город «како пошла

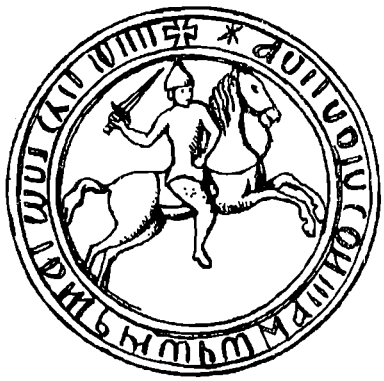


Рис. 4

Рис. 5

Рис. 4. Печать при духовных грамотах 1417 (2-я слева) и 1423 гг. Великого князя московского Василия Дмитриевича (прорисовка). По А. Б. Лакиеру

Рис. 5. Печать великого князя литовского Витовта Кейстутьевича (прорисовка). По А. Б. Лакиеру

пар матриц печати князя. Не противоречит предлагаемой атрибуции и тот факт, что известные ранее печати Александра Тверского принадлежат к иному сфрагистическому типу. (Аверс: Св. Александр. Реверс: Вседержитель[1, с. 15, 163, № 405]). Княжеские печати с изображением Вседержителя являлись специфически новгородским типом печати князей [1, с. 14—16]. Подобно князьям Дмитрию Переяславскому, Андрею Городецкому и Михаилу Тверскому [1, с. 24, табл.] Александр Тверской мог иметь печать иного, «неновгородского» типа. Именно таким «псковским» типом буллы, как представляется, стали для Александра Тверского печати с изображением ездеца и многострочной надписью.

Помещение на псковской печати Александра Тверского всадника, казалось бы, вполне соответствует хорошо известной в русской нумизматике и сфрагистике традиции помещения на печатях и монетах символического изображения самого князя в виде всадника. Г. В. Вилинбахов подчеркивал, что изображения всадника известны в русской сфрагистике с середины XIII в. [23, с. 118]. Исследователь полагает, что геральдический ездец является общеевропейской эмблемой, вошедшей в употребление в разных странах независимо друг от друга [21, с. 118]. Не вступая в обсуждение проблемы в целом, хотелось бы заметить следующее: среди разнообразных всадников, изображавшихся на русских печатях, иконографический тип светского всадника с мечом в руке редок и появляется только в XV в. [1, с. 37]. Появление же аналогичного сюжета в эмблематике Литвы, как отмечалось выше, безусловно фиксируется по крайней мере со второй трети XIV в., т. е. почти на столетие раньше.

По мнению А. Б. Лакиера, наиболее близко ездецу литовского герба изображение на печати великого князя Василия Дмитриевича. Исследователь подчеркнул, что печать Василия Дмитриевича, скреплявшая духовные грамоты 1417 и 1423 гг. (рис. 4). является подражанием печати великого князя литовского Витовта (рис. 5) — тестя Василия Дмитриевича

рать» [22, с. 18, № 8]. Упомянутая «рать» — скорее всего новгородско-шведский конфликт 1300—1301 гг., следовательно, Федор Белозерский находился в Пскове короткое время — с 1299 до 1300—1301 гг. Судя по контексту сообщения, «онъ отъехалъ, городъ повьргя, а Новагорода и Пльскова поклона не послушалъ». Псков в это время юридически был уже «на равных» с Новгородом. Присылка в Псков на княжение Федора Белозерского, вероятно, происходила на тех же условиях, что и позднее,— при «испрошении» псковичами князей-наместников у великого князя московского. Во всяком случае, в 20-е годы XIV в. в Пскове действует литовец — гродненский воевода Давид [10, с. 22, 89], вряд ли являвшийся наместником великого князя московского.

[24, с. 118, табл. IV, 10, 11]. На печати при духовных грамотах Василия Дмитриевича 1417 и 1423 гг. следует остановиться особо. Дело в том, что эта печать традиционно рассматривается, как древнейшая русская печать с изображением светского всадника с мечом в руке [1, с. 37].

При духовной грамоте 1417 г. [4, с. 82, № 41] было пять восковых печатей. К моменту подготовки издания 1950 г. сохранилось только три из них: две левые печати были утрачены. Крайняя левая печать, находящаяся на почетном месте первого скрепления документа, была совершенно стерта уже в начале прошлого века.

Судя по размеру оттиска, она была аналогична печати, скреплявшей договорные грамоты Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1389 и 1401/1402 гг.: в центральной части поля изображение всадника с копьем, направленным острием вниз, вокруг — атрибутивная надпись. Эта печать принадлежала Василию Дмитриевичу [4, с. 64, 71, № 35, 38].

Остальные печати при духовной 1417 г. в начале XIX в. сохранялись значительно лучше. Вторая слева печать: в центральной части поля помещено изображение ездеца вправо с мечом в руке, вокруг — атрибутивная надпись. Текст надписи не читается, но, судя по прорисовке [4, с. 82, рис. 41], в ней угадываются латинские буквы. Третья печать: «князя Ондреева Дмитриевича». Четвертая печать: «княжа Петрова Дмитриевича». Пятая печать: «княжна Константинова Дмитриевича». (В трех последних случаях приведены атрибутивные круговые надписи на печатях).

Утверждающими грамоту лицами названы: великий князь литовский Витовт (ему по духовной поручается опекунство над женой и сыном Василия Дмитриевича), князья Андрей Дмитриевич Можайский, Петр Дмитриевич Дмитровский, Константин Дмитриевич Углицкий, Семен Владимирович Серпуховско-Боровский и Ярослав-Афанасий Владимирович Серпуховско-Малоярославицкий. Очевидно совпадение порядка перечисления князей, утверждавших грамоту с порядком расположения при грамоте печатей. Третья, четвертая и пятая слева печати привешены от имени князей, названных в перечне утверждающих лиц вторым, третьим и четвертым. Так как первую слева печать считаем возможным связывать с самим Василием Дмитриевичем, вторая печать почти наверняка принадлежала великому князю литовскому Витовту Кейстутьевичу.

Единственная печать, скреплявшая духовную грамоту Василия Дмитриевича 1423 г., традиционно приписывается самому великому князю московскому. Именно эта печать расценена А. Б. Лакиером, как подражание печати Витовта. В центральной части поля печати изображен ездец вправо с мечом в руке. Вокруг помещена атрибутивная надпись, в которой, судя по прорисовке [4, с. 85, № 42], угадываются латинские буквы. Она почти наверняка оттиснута той же матрицей, что и вторая слева печать при духовной Василия Дмитриевича 1417 г., то есть — должна быть приписана Витовту. Никаких других печатей при духовной 1423 г. не имеется. Очевидно, скрепление ее печатью того лица, которое было намечено в качестве опекуна наследникам Василия Дмитриевича, являлось равнозначным подтверждению согласия на опекунство.

На обороте списка XV в. с грамоты 1423 г., одновременного (?) составлению духовной, имеются пометы, как будто бы подтверждающие наше предположение: 1) «Список з грамоты, что поимал Олексей з собою в Литву, коли с митрополитом поехал с Фотеем на средохрестье»; 2) «Список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексеем в лето 30 первое, з средохрестья» [25, с. 62, № 22]. Именно необходимостью скрепить документ печатью Витовта была, по-видимому, вызвана спешная отправка посла в Литву.

В качестве аналогии такого рода скрепления документа укажу на договорную грамоту можайского князя Ивана Андреевича с великим князем Василием Васильевичем от 1447 г. Грамота скреплена только печатью великого князя тверского Бориса Александровича, при посредничестве которого был заключен договор [4, с. 138, 139, № 63].

Таким образом, сходство печати Витовта с печатью Василия Дмитриевича, интерпретировавшееся как подражание одной печати другой, на самом деле, по-видимому, мнимое, и рассматривавшиеся документы были скреплены печатью великого князя литовского. Следовательно, рассматривать печать при духовных грамотах Василия Дмитриевича 1417 и 1423 гг., как наиболее ранний памятник русской сфрагистики с изображением ездеца с мечом, нельзя: эта печать к сфрагистике собственно русской отношения не имеет. Как будто бы и на русских монетах ездец с мечом появляется только со времени княжения Василия Дмитриевича [26, табл. XI, *14—26*, табл. XII, *5*, *6*].

Если связать появление светского всадника с мечом в руке на русских печатях с осознанным перенесением герба «погоня» (а в этом нет ничего невероятного), то в отношение печатей «княжа Олександрова» можно высказать следующее предположение: помещение на печати Александра Тверского всадника литовского герба связано с политическим альянсом Александра Тверского и великого князя литовского. Почвой для этого альянса могло явиться родство тверского дома с великим князем: старший брат Александра Тверского Дмитрий Михайлович Грозные Очи был, как известно, женат на дочери Гедимина Марии. Неудивительно, что ездец появляется на печати Александра Тверского именно в Пскове: князь-изгнанник занял псковский стол «из литовской руки». Поддержка, оказанная Гедимином Александру Тверскому, вылилась, по-видимому, в признание последним сюзеренства великого князя литовского. Не случайно посольство 1331 г. к митрополиту Феогносту из Пскова было направлено от Александра Тверского, Гедимина «и от всех князей литовских», а ответный ход Ивана Калиты — женитьба 17-летнего сына великого князя Семена (будущего великого князя Симеона Гордого) на Айгусте Гедиминовне — был сделан уже в 1333 г.

Расценивая наличие трех пар матриц печати «княжа Олександрова» как свидетельство длительного княжения владельца печати в Пскове, мы тем самым фиксируем, что Александр Тверской помещает на свою печать «погоню» уже в первый период псковского княжения, т. е. почти сразу же после бегства из Твери. Если вновь обратиться к последовательности событий 1327—1331 гг., то нетрудно заметить следующее: после убийства Чол-хана походом на Тверь идут ордынские войска; после отказа Александра Тверского явиться в Орду на Псков уже идут войска русские. Именно в этот момент митрополит отлучает псковичей от церкви, посольство же к митрополиту с просьбой о поставлении Арсения в псковские епископы происходит позднее. Нельзя ли расценить предполагаемое признание Александром Тверским сюзеренства Гедимина как условие занятия псковского стола, а интердикт, наложенный Феогностом, и поход на Псков 1329 г. как реакцию на переход Пскова в область юрисдикции великого князя литовского? Впрочем, эти вопросы уже выходят за пределы настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 2. М.: Наука, 1970.
2. *Янин В. Л.* К вопросу о структуре княжеского аппарата в Новгороде на рубеже XIII—XIV вв.— Вспомогательные исторические дисциплины. Т. V, Л.: Наука, 1973.
3. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогические исследования). М.: Наука, 1981.
4. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М., 1813.
5. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928.
6. *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 1. М.: Наука, 1970.
7. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
8. Хроника Быховца/Предисловие, комментарии и перевод Улащика Н. Н. М.: Наука, 1966.
9. *Wolff J.* Rod Gedimina. Krakow, 1886.
10. Псковские летописи / Под ред. Насонова А. Н. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
11. *Лакиер А.* Русская геральдика. Т. 2. Спб., 1855.

12. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-rusky od konca czternastego wieku. Warszawa, 1895.
13. Густынская летопись.– ПСРЛ. Т. II. Спб., 1843.
14. Хроника литовская и жмойтская.– ПСРЛ. Т. 32, М., 1976.
15. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930.
16. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. Спб., 1891.
17. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. Спб., 1889.
18. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
19. *Paszkiewicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. T. 1. Litwa a Moskwa w XIII i XIV wieku. Warszawa, 1933.
20. *Охманьский Е.* Гедиминовичи – «правнуки Сколомендовы».– В кн.: Польша и Русь. М.: Наука, 1974.
21. *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
22. Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Под ред. Валка С. Н. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
23. *Вилинбахов Г. В.* Всадник русского герба.– Тр. ГЭ, 1981, т. XXI.
24. *Лакиер А.* Русская геральдика. Т. 1. Спб., 1855.
25. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв./ /Подг. к печати Черепнин Л. В. Отв. редактор Бахрушин С. В. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
26. *Chernetsov A. V.* Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An Iconographic Study.– BAR, Intern. Ser., 1983, 167.

S. V. Beletski

SEALS OF «PRINCE OLEXANDR».

Summary

Three stamped seals of two kinds were found in Pskov. They carried an image of a secular horseman with a sword in his hand and an inscription «Seal of prince Olexandr» on their obverse sides and are dated to the 14th century. The seals must have belonged to prince Alexander Tverskoy who twice reigned in Pskov (in 1327-1329 and 1330-1337). The author thinks that the image of a horseman with a sword in his hand which was the Lithuanian coat of arms means that prince Alexander Tverskoy was a vassal of Gediminas, Grand Duke of Lithuania during his Pskov reign. The seals are a certain contribution to the history of Novgorod – Pskov relations in the 1330s.

МОРГУНОВ Ю. Ю.

ЛЕТОПИСНЫЙ ГОРОД ПОПАШ

Летописный г. Попаш упомянут в Ипатьевской летописи в связи с событиями августа 1147 г., когда объединенные полки Глеба Юрьевича (сына Долгорукого), черниговских Ольговичей и половцев захватили курское Посемье, тяготевшее к Переяславлю. Города Вырской области, отказавшиеся признать их власть, подверглись осаде. Вырь и Вьяхань устояли; по дороге Ольговичей к Попашу к ним присоединился Изяслав Давыдович, и Попаш был взят. Услышав об этом, киевский князь Изяслав Мстиславич собрал союзников и выступил «к Суле, идеже стояхуть» [1, стб. 356, 357].

Район поисков летописного пункта очерчен источником однозначно — Верхняя Сула, это отметил еще И. Д. Беляев [2, с. 93]. Трудность представляла точная локализация города, название которого определяется как «пашня», «пастбище» [3, с. 74]. Представители дореволюционной исторической географии решали эту задачу путем подбора созвучных топонимов в заданном районе, поэтому Филарет (Д. Г. Гумилевский), разобрав известные ему топонимы, предположил местонахождение Попаша на р. Попадье (левый приток верхней Сулы), в 10 км к югу от г. Вьяханя [4, стб. 410, 411].

В то время даже известные исследователю городища почти не привлекались при анализе местоположения летописных пунктов, и поэтому с мнением Филарета согласились Н. Я. Аристов и П. В. Голубовский [5, с. 15; 6, с. 94]. Правда, сомнения в достоверности отождествления, основанные на существовании слишком большого количества топонимов, связанных с пахотой и выпасом, выражали Н. П. Барсов и М. С. Грушевский [7, с. 164; 8, с. 603]. Однако необследованность района в археологическом отношении заставила впоследствии принять эту гипотезу К. В. Кудряшова [9, с. 141].

Аргументация отождествления сводится к двум тезисам: а) Попаш располагался на верхней Суле, б) его следует искать к юго-западу от Выря и Вьяханя. Оба тезиса соответствуют требованиям летописной статьи, поскольку существование русского города на левом, половецком, берегу Сулы мало вероятно: это было бы единственное исключение из общей системы обороны посульской границы. Вероятно, именно эти соображения позволили Б. А. Рыбакову и А. Н. Насонову в картах указать город на правом берегу реки (напротив впадения Попадьи) [10, с. 30; 11, с. 64, 229].

Посульской разведочной группой ИА АН СССР под руководством автора было обследовано Верхнее Посулье. По течению ручья Попадьи и напротив его впадения никаких следов древнерусского поселения не обнаружено. В 6 км к западу от устья Попадьи, на правом берегу Сулы, было обследовано городище Гульбище, которое полностью соответствует летописному Попашу.

Первое упоминание о памятнике содержится в актах о размежевании русских и польских границ 1638 и 1647 гг. «Старое недригайловское городище на путивльской стороне Сулы» [12, с. 885; 4, стб. 539], затем на картах Г. Боплана (1650 г.) и Г. Делиля (1703 г.) как «Drihalow ruine» [13, карта 11; 14, карта 12]. В 1928 г. на укреплении побывал М. М. Семенчик [15].

Городище размещено на мысу третьей надпойменной террасы между селами Бродок и Засулье (напротив поселка Недригайлов). Мыс обра-

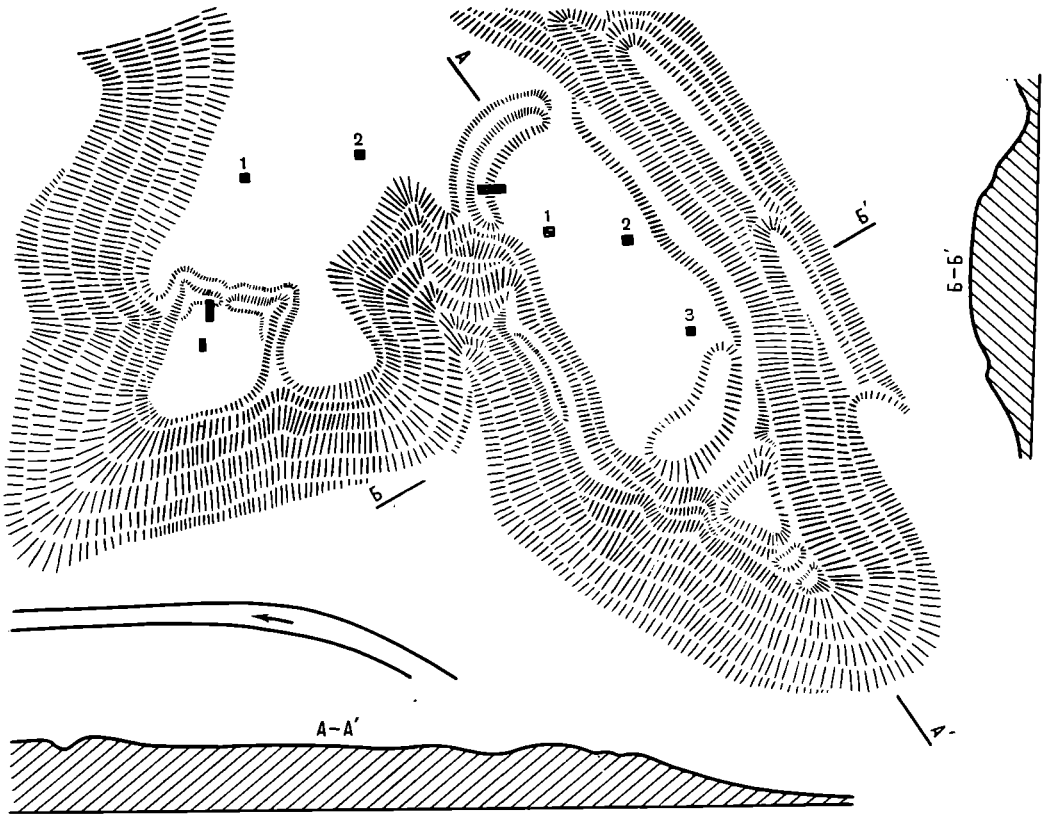


Рис. 1. План Гульбища. *1—3* — шурфы

зован крутыми склонами к пойме и к впадающему в нее оврагу, ориентирован вдоль оси СЗ—ЮВ, высота его над поймой 35—37 м (рис. 1).

Площадка поката к юго-востоку, распахивается, размеры ее 190×70—85 м (1,6 га). От плато защищена валом высотой 1,5 м и рвом шириной 8, глубиной 2 м. Въезд размещен в северном углу площадки; вдоль ее длинных сторон крутые склоны подрезаны эскарпами.

Оборонительные сооружения защищают площадку и от пологой мысовой части. Микронивелировкой выявлены остатки дугообразного в плане вала, высотой 0,5 при ширине 20—25 м. За ним прослежены остатки запаханного рва, имеющего глубину 1—1,5 и ширину 20 м. В ров выходит один из эскарпов. За рвом на высоту 3 м поднимается никогда не пахавшаяся башнеобразная стрелка мыса, подтреугольной в плане формы со сторонами 30 м. Ниже нее, на пологом гребне склона,— отрезок одного вала высотой 1 м, еще ниже — остатки другого, такого же.

В 40—50 м от напольного рва на плато начинается обширное неукрепленное поселение, площадью около 4 га. К северо-востоку от городища, за оврагом, также на плато расположено второе равновеликое селище. Третье раскинулось у подножия мыса, на берегу реки, вдоль пологого склона первой надпойменной террасы; его площадь насчитывает до 5 га.

В 130 м к западу от Гульбища (урочище Мазепина Гора) на одном из отрогов плато устроено позднее подпрямоугольное в плане укрепление, ориентированное почти точно по сторонам света и хорошо известное по литературе [4, стб. 552; 16, с. 432—433; 17]. Площадка, густо поросшая лесом, имеет в плане форму трапеции (50—80×15 м), высота над поймой 35 м; со стороны плато она защищена П-образным валом с бастионами по углам и рвом. Длина вала 54, высота 2,5 м. Ров имеет ширину 9 и глубину 1 м. Въезд разрезает укрепления посредине. Разрез вала показал, что крепость сооружена на древнем селище, вал насыпан из материковой глины и культурного слоя.

Среди подъемного материала на Гульбище, Мазепиной Горе и первом селище повсеместно встречается скифская позднезольничная керамика.

На площадке городища заложено три шурфа 2×2 м. Культурный слой имеет мощность 0,4 м, прослежены следы пожара. Шурфовка селищ и Мазепиной Горы также выявила следы пожара, толщина слоя здесь 0,3—0,4 м. Материк — желтая глина.

Древнерусский материал Гульбища и трех селищ синхронен. Керамика в общих чертах однообразная, но стратиграфически и типологически распадается на две группы. Первая группа объединяет фрагменты венчиков с плавным (без резких перегибов) переходом от плечика к шейке. Внешний край венчика закруглен полностью, отсутствуют следы наружного утолщения, присущие профилировке первой половины XII в. Бороздка на внутренней стороне края венчика очерчена резко. Стенки несколько более массивны. Подобная керамика встречена нами на городищах Вьяханя, Глебля и др.; везде она залегает в промежутке между лучше выделенными группами венчиков первой половины XII в. и конца XII — первой половины XIII в., поэтому эту группу можно отнести к середине XII в. (рис. 2, *6*, *8*, *10*, *13*).

Вторая группа керамики известна гораздо лучше. Черепок наиболее тонкий, лучшего обжига, из хорошо отмученной глины. Шейка в месте прикрепления к плечику имеет резкий перегиб, а выше почти вертикальна. Часто шейка сильно утолщена, а венчик наоборот утоньшается, его верхний край резко отгибается внутрь или вверх. Посуда обеих групп иногда украшалась линейным и ногтевым орнаментом, но во второй группе чаще встречается косая насечка по верхнему краю венчика; штампованная орнаментика появляется только здесь. Керамика второй группы наиболее поздняя из домонгольской, датируется концом XII — первой половиной XIII в. [18, с. 6—8; 19, с. 83; 20, с. 89].

Кроме керамики получены следующие находки: на первом селище — черный гладкий стеклянный браслет и шиферное пряслице. На Мазепиной Горе в культурном слое насыпи вала найден перстень из тройного витого браслета с петлями на концах (XI—XIV вв.) [21, с. 222; 22, с. 94, 96], а в шурфе — наконечник плоской черешковой стрелы XIII в. [23, табл. 23, № 38].

Среди подъемного материала Гульбища встречены оселки, наконечник сулицы, два гладких пластинчатых перстня из расплющенной медной проволоки, два железных ножа (один с высокой «ступенькой» между спинкой лезвия и черенком, другой — со слабо выраженной; рыболовная блесна с крючком; ромбовидный наконечник стрелы «гнездовского типа», датируемый XII—XIV вв. [23, с. 65, табл. 20, № 29]; омедненная дужка замка типа В, датируемого 30-ми — 40-ми годами XII—XIV вв. [24, с. 96]; два пластинчатых ленточных браслета XI—XIV вв., бытовавших в Новгороде преимущественно в конце XII — конце XIII в. [21, с. 235; 22, с. 113]; маленькая фиолетовая зонная бусина и обломки гладких, крученых и мелкокрученых стеклянных браслетов (рис. 3).

На внутреннем склоне напольного вала Гульбища заложена траншея (1×9 м), выявившая следующую стратиграфию: на материке, под валом, залегал культурный слой скифского времени, перекрытый тонкой лентой стерильной серой глины. В примыкающем к ленте культурном слое встречены мелкие фрагменты венчиков середины XII в. Глинистая лента и примыкающий к ней культурный слой перекрыты мощной подушкой пятнистого серо-коричневого суглинка, заключавшей в себе остатки деревянной конструкции из бревен и плах, толщиной от 10 до 25 см. Три развала продольных стен (расстояние между ними в среднем около 1,5 м) соответствуют хорошо известной на Левобережье внутривальной системе из двух рядов срубов. Вероятно, это следы пожара 1147 г. (рис 4).

Следующий строительный период представлен подушкой серой глины, а поверх нее — мощным пластом желтой глины с истлевшими продольными бревнами новой деревянной конструкции вала. Со стороны площадки к пласту примыкала полусферическая глинобитная печь плохой сохранности (диаметр 1,3—1,4 м, толщина пода 10 см). Границы жилища установить не удалось, не исключено, что это остатки внутренней клетки трехсрубного вала, используемой под жилище.

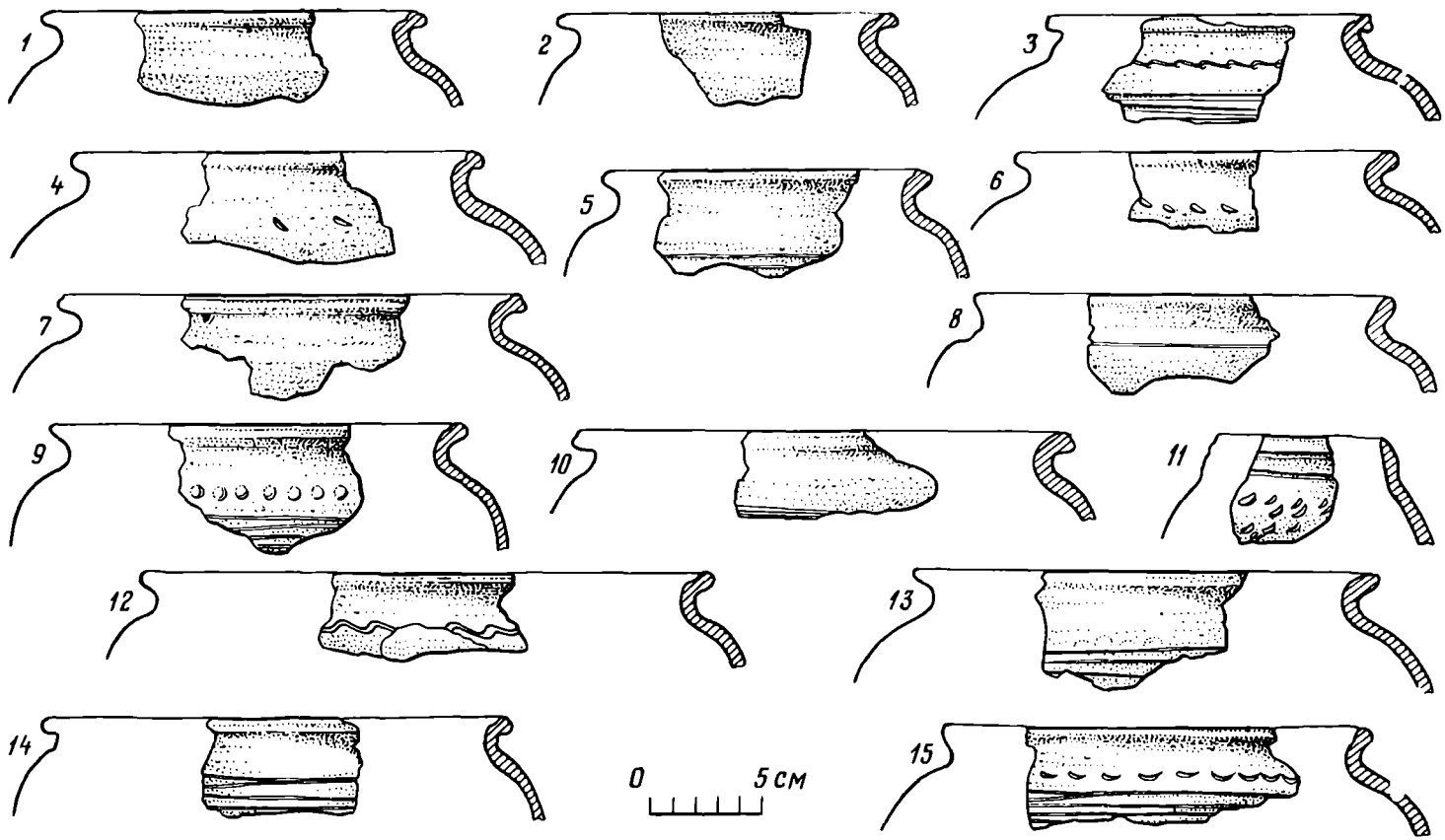


Рис. 2. Керамика *1—10, 13* — Попаш; *11, 12, 14, 15* — Кубраково

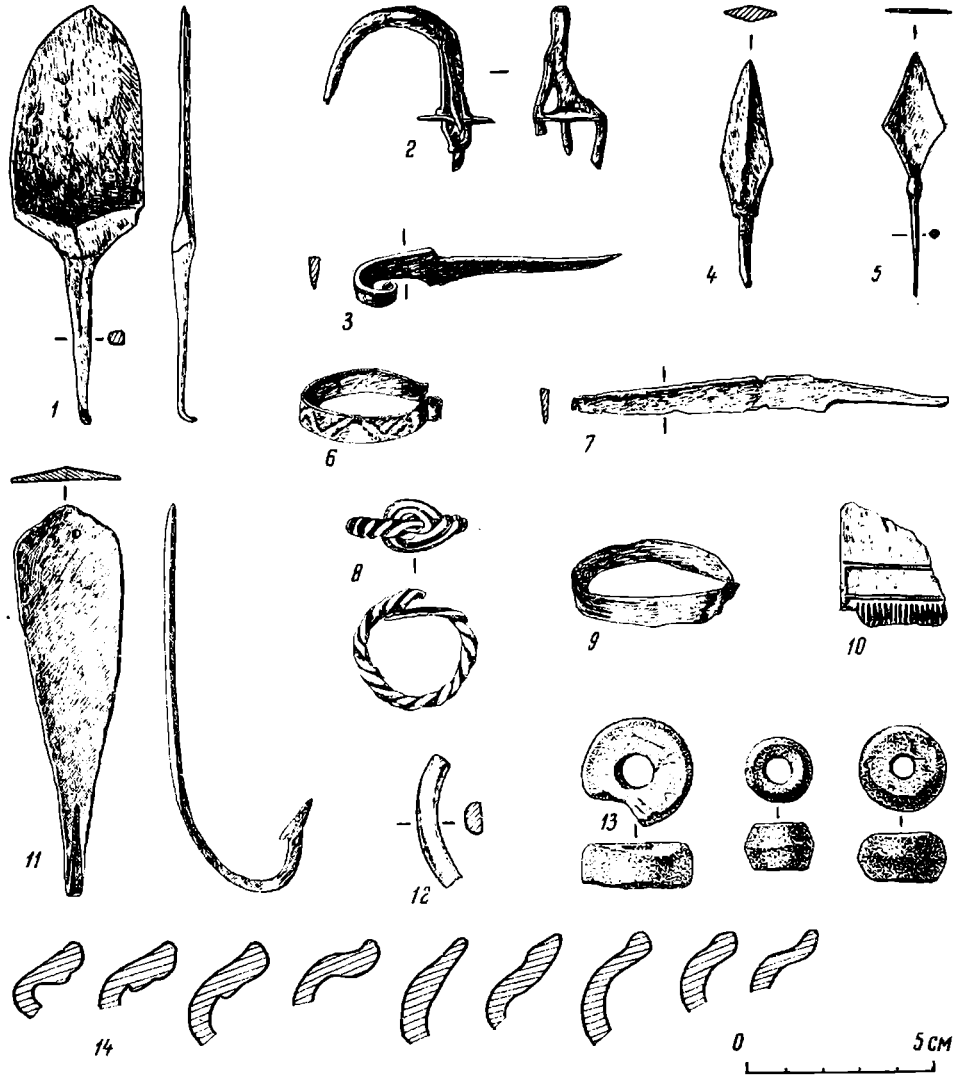


Рис. 3. Индивидуальные находки. *1—9, 11* — Попаш; *10, 12—14* — Николаевка

На заключительном этапе возведения вала он был досыпан массивом культурного слоя (с включениями камня, печины, кости и комьев глины), перекрывшим все предыдущие субструкции и печь. Здесь кроме более ранней встречена керамика конца XII — первой половины XIII в. Верхняя часть вала сильно срезана многолетней распашкой, которая ведется вплоть до гребня.

Городище Гульбище и три селища являются памятником летописного Попаша. Это достаточно крупный населенный пункт: укрепление занимает площадь 1,6 га, открытые поселения — в целом 13 га. Памятник расположен на Верхней Суле и к юго-западу от Вьяханя (от последнего его отделяет 12 км, а от Выря — 45 км; рис. 5).

Пойма Верхней Сулы в интересующем нас районе сильно заболочена, здесь известно всего два брода. Один из них, в 15 км выше по реке, хорошо известен еще по актам XVI—XVII вв. [25, № 11, 138, 163], используется и сейчас. Второй — в 1 км от Гульбища, через него шла дорога от летописного Ромена (30 км) на Попаш — Вьяхань — Вырь. Этой же прямой дорогой в мае 1113 г. намеревался проехать из Киева на Вырь («ко Ромну идохом») Владимир Мономах [26, стб. 250; 1, стб. 276] [1].

[1] Дорога могла идти от Ромена только ровным левым берегом, поскольку по правому местность сильно пересеченная, покрыта лесом и насыщена многочисленными притоками Сулы. По левому же берегу, а затем по мосту вблизи Гульбища

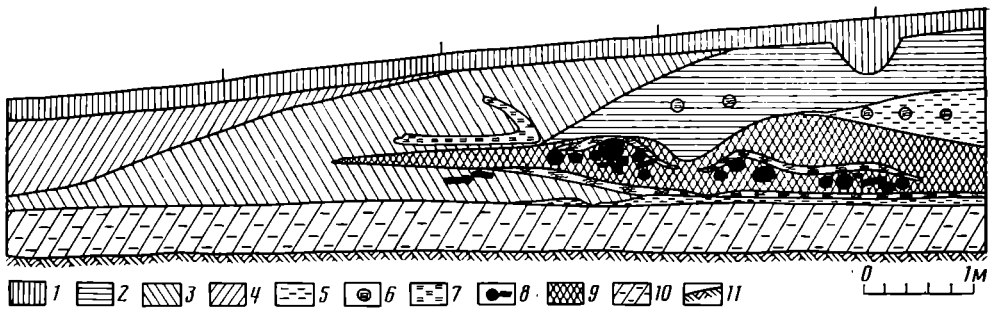


Рис. 4. Профилировка вала. *1* — перепаханный слой; *2* — желтая глина; *3* — чернозем с камнем, углем, печиной, костями и глиной; *4* — чернозем; *5* — серая глина; *6* — древесный тлен; *7* — обожженная глина; *8* — уголь; *9* — пятнистый серо-коричневый суглинок; *10* — темно-коричневый суглинок; *11* — материк

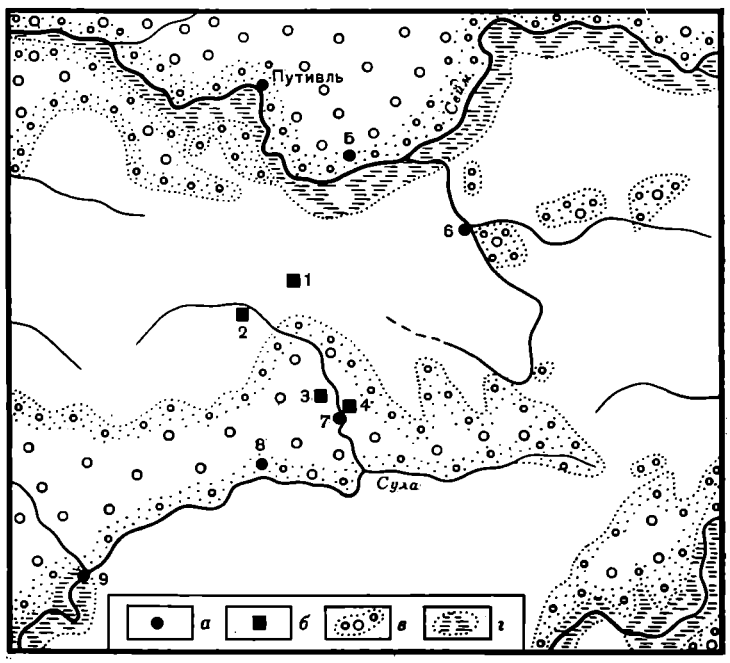


Рис. 5. Памятники Вырской волости. *а* — летописные города; *б* — городища; *в* — болота; *г* — древние леса; *1* — Юрьево городище; *2* — Кубраково; *3* — Боярское; *4* — Бабаково; *5* — Зартыш; *6* — Выръ; *7* — Вьяхань; *8* — Попаш; *9* — Ромен

И наконец, последний аргумент в пользу отождествления Гульбища с Попашем состоит в том, что это единственное древнерусское городище на Верхней Суле.

Попаш входил в Вырскую волость, состав и пределы которой в общих чертах выяснены историками [28, с. 96, 97]. Сплошное археологическое обследование дополняет, конкретизирует краткие летописные сведения.

В 12 км к северо-востоку от Попаша, на правом берегу р. Терн (с. Городище), сохранился памятник летописного Вьяханя — величественное и хорошо сохранившееся укрепление с кольцевидным пятиметровым валом, насыпанным в конце XI в. (рис. 5). Около середины XII в. в 3 км к северу построена небольшая крепость (замок ?) у нынешнего с. Бабаково, закрывавшая торную дорогу к Вьяханю со стороны Выря. В конце XII в. напротив крепости, через реку, в урочище Боярское, появилось обширное по площади убежище, с мощным оборонительным валом, но почти без культурного слоя [29].

Между Вьяханем и Путивлем, на левом притоке Терна, нами обсле-

---

и старого брода прошла «большая дорога» из Ромена на Белополье (Выръ) в новое время [27].

довано также «Юрьево городище на усть Курицы», известное по росписям сторож и актам второй половины XVI в. [24, № 8, 18], на карте Боплана оно именуется «Korczyno» [13, карта II].

Городище округлой в плане формы (диаметр 140 м) расположено у южной окраины с. Николаевка, на невысоком пологом (берегу) мысу правого берега ручья Курицы (урочище «Валки»). Площадка, покрытая сетью селитряных отвалов, окружена валом высотой от ее уровня до 3 м и рвом шириной 11 и глубиной 2 м; площадь ее 1,7 га. Культурный слой мощностью 1 м до материка перемешан в процессе селитроварения, материал сильно измельчен.

Площадь двух окружающих селищ насчитывает более 10 га. Среди подъемного материала встречаются куски шифера, железные и стекловидные шлаки, оселки, фрагменты черняховской посуды. Древнерусский материал представлен фрагментом плоско-выпуклого стеклянного браслета, шиферными пряслицами, в том числе одним ранним с широким (9 мм) отверстием [30, с. 223] и обломком костяного цельного двустороннего гребня XI—XII вв. [24, с. 102, типы Д, Л, М, Е]. Керамика датируется с середины XI в. до первой половины XIII вв. (рис. 3, *10*, *12—14*), но количественно преобладают венчики первой половины XII в. и конца XII — первой половины XIII в.

В 8 км к югу от Юрьева городища на правом берегу р. Терн (почти напротив впадения в него ручья Курицы) располагается еще один памятник, который в древнерусское время мог быть укрепленным пунктом. Поселение на северной окраине с. Кубраково отмечено как городище на трехверстной карте генерального штаба (ряд XXI, лист 12), восходящей к съемке 40-х годов XIX в. Также именуется памятник среди местного населения и сейчас. Оборонительные сооружения могли исчезнуть в связи с давностью распашки, но рельеф мыса позволяет поверить топонимическим данным.

Поселение занимает оконечность далеко выдающейся в пойму гряды, ориентированной с юго-востока к северо-западу и почти параллельной линии пологого коренного берега. Длина гряды около 1 км, высота 12—14, ширина 150—200 м. Склон, обращенный к реке, и мысовая часть круто обрываются в болото, а склон к коренному берегу — пологий, но отделяется от него заболоченным заливом поймы. Основание гряды покрыто плотной сельской застройкой, среди которой напольный вал был бы неизбежно уничтожен.

Подъемный материал тяготеет к оконечности гряды и распространяется на площади 300×150 м (4,5 га). Встречается скифская и черняховская керамика, а древнерусская имеет узкий хронологический диапазон — вторая половина XII — первая половина XIII в. (рис. 2, *11*, *12*, *14*, *15*). Из индивидуальных находок встречены обломки стеклянных круглых браслетов и фрагмент расслоившегося шиферного пряслица. Шурфовка и зачистка выявили слабо насыщенный синхронной керамикой культурный слой мощностью от 0,2 до 0,6 м и остатки углубленных в материк жилищ.

При изучении лесостепных участков древнерусской границы необходимо учитывать не соответствующее современному состоянию соотношение лесов и степей. Оседлое население в борьбе с кочевым миром всегда использовало и заболоченные и лесные участки. Хорошо известны лесоохранительные мероприятия Московского государства на степных границах. Представление о том, что вырубка лесов в серьезных масштабах в лесостепи началась с появлением железа, видимо, устарело. На Левобережье массовая вырубка началась в XVII в. [31, с. 97] в связи с расширением производства селитры, смольчуга и поташа (в том числе и на экспорт).

Древнее соотношение лесной и степной растительности ныне восстанавливается по почвенным данным: сведенные леса сохраняют оподзоленность почвы сотни лет [32, с. 105; 33, с. 165]. Известны ботанические карты восстановленной растительности [34, с. 1401], а также более крупномасштабные карты почв, служащие основой реконструкции ланд-

шафтов [35, с. 23, 24, 26, 27]. Привлечение этого источника требует известной осторожности в силу отсутствия датировки; и все же в общих чертах на полученные ландшафтные характеристики опереться, видимо, можно.

По почвенным источникам, правый берег верховьев Сулы до самого истока был покрыт широколиственными лесами (рис. 5). Между Сулой и Посемьем выявился знаменитый «степной коридор» — торная дорога половцев на Русь, закрытая Вырем [36, с. 164]. Позже, в XVII в., здесь проходила татарская сакма [4, стб. 407], а в 1127 г. «Полю ворота» были закрыты и половцы «сташа у Ратьмире дубровы за Вырем» [24, стб. 296; 1, стб. 291]. Легендарную дубраву, вероятно, следует искать в одном из трех вырубленных ныне лесах к востоку от города на р. Криге. Половецкие послы, направлявшиеся к Чернигову, были перехвачены на этой же дороге в Русь — на р. Локне (верховья р. Вир). Не исключено, что к этому причастна степная сторожа из Вьяханя. Во всяком случае далее на пути кочевников стояли укрепления Юрьева городища, расположенного почти посередине между Путивлем (30 км), Вырем (30 км) и Вьяханем (17 км). Еще дальше к западу, к Киеву, Переяславлю и Чернигову, коридор стерегли укрепления у с. Шевченково (Глебль ?) и Кросна.

В конце XI — середине XII в. Вырская волость была, вероятно, оживленным перекрестком дорог, связывавших принадлежавшие Переяславлю верхнее Посулье и Курское Посемье: именно в это время появилось здесь большинство обследованных археологически древнерусских укреплений.

Географические условия допускают существование здесь двух водных магистралей [37, с. 94]: истоки р. Курицы и Локни имеют общую заболоченную долину с длиной волока менее 1 км. Он соединяет Сулу с Посемьем (Сула — Терн — Курица — Локня — Вир — Сейм). Другая долина соединяет исток Сулы с р. Сумкой, при впадении которой в Псел (на броду) полковник Кондратьев в 1652 г. заложил г. Сумы «на Старом Сумином городище».

Сухопутным путем еще в начале XI в. прошел из Курска в Киев Феодосий Печерский [38, с. 28], он не мог миновать этого района. К 1113 г. половецкая дорога уже была закрыта с двух сторон Вырем и Вьяханем, а на основе летописных известий 1147 г. выше прослежен маршрут черниговских войск в поперечном направлении — из Посемья на Вырь, затем к Вьяханю и Попашу, откуда открывался путь на Ромен.

Создание пограничной Вырской волости началось в конце XI в. Киевом и Переяславлем с возведения оборонительных сооружений Вьяханя и, видимо, Выря; материал этого времени встречен и на Юрьевом городище.

XII век — время расцвета Выря, все упоминания о котором в летописях связаны или с концентрацией половцев перед броском через «степной коридор», или с их участием в военных действиях в этом районе. К 1147 г. построен Попаш, а около Вьяханя в середине XII в. появилась небольшая Бабаковская крепость. В связи с особой важностью района усиление его продолжалось и после присоединения в конце 50-х годов к Чернигову, а затем и Новгороду-Северскому. Об этом говорит появление во второй половине XII в. Боярского укрепления — убежища и памятника у с. Кубраково.

Сформированная на северном Левобережье общерусская граница, куда в качестве звена входила Вырская волость, судя по источникам, служила достаточно действенным оплотом. После 1113 г. половцы как самостоятельная сила воевать в этот район не приходили. Исключением является 1185 г., когда значительный участок границы был обнажен Игорем Святославичем.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСРЛ. Т. II. М.: Изд-во восточной лит., 1962.
2. *Беляев И. Д.* О географических сведениях в древней России. Спб., 1852.
3. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972.
4. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. III. М., 1857.
5. *Аристов И. Я.* О земле половецкой. Киев, 1877.

6. *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
7. *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
8. *Грушевський М. С.* Історія України – Руси. Т. II. Львов, 1905.
9. *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М.: Географгиз. 1948.
10. *Рыбаков Б. А.* Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси.– В кн.: История культуры древней Руси. Т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
11. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
12. Дворцовые разряды. Т. II. Спб., 1851.
13. *Кордт В. А.* Материалы по истории русской картографии. Вып. II. Киев, 1910.
14. *Кордт В. А.* Матеріяли до історії картографії України. Ч. I. Киев, [190–].
15. *Семенчик М. М.* Обслідування горішнього Посулля року 1928.– Архив ИА АН УССР, фонд ВУАК, № 202/44.
16. *Ляскоронский В. Г.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы.– Тр. XI АС. М., 1901, т. I.
17. *Копылов Ф. Б.* Звіт про роботу Посульської археологічної экспедиції в 1946 р.– Архив ИА АН УССР, фонд экспедиций, № 431.
18. *Малевская М. В.* К вопросу о керамике Галицкой земли.– КСИА, 1969, вып. 120.
19. *Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. Киев: Наук. думка, 1966.
20. *Пескова А. А.* Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле.– КСИА, 1978, вып. 155.
21. *Левашева В. П.* Браслеты.– Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
22. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
23. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.– САИ, 1966, вып. EI-36.
24. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.– СА, 1958, № 2.
25. Акты Московского государства. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. Спб., 1890.
26. ПСРЛ. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
27. План уездному городу Недригайлову с пригородными слободами.– В кн.: Атлас Харьковского наместничества 1787 г. Харьков, 1902.
28. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество.– В кн.: Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975.
29. *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Вьяхань.– СА, 1982, № 2.
30. *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц.– СА, 1964, № 4.
31. *Турчанович Л. Ф.* Леса Европейской части СССР в прошлом.– Землеведение, 1950, т. III (XIII).
32. *Вернандер Н. Б.* География грунтів з основами грунтознавства. Киев: Изд-во АН УССР, 1965.
33. *Жекулин В. С.* Историческая географія ландшафтов. Новгород, 1972.
34. *Семенова-Тян-Шанская А. М.* Изменение растительного покрова русской равнины в XVI–XVIII вв. под влиянием деятельности человека.– Ботан. журн., 1957, т. XLII, № 9.
35. Атлас Украинской ССР и Молдавской ССР. М., 1962.
36. *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971.
37. *Дмітріев М. І.* Рельеф УРСР. Харьков: Радянська школа, 1936.
38. *Абрамович Д.* Киево-Печерский патерик. Киев: Изд-во ВУАК, 1931.

Yu. Yu. Morgunov

POPASH IN THE RUSSIAN CHRONICLES

Summary

The first part of the article deals with Popash, a town mentioned in the Ipatyevskaya Chronicle under the year 1147 which is identified with Gulbishche settlement on the upper Sula. The cape fortification covering 1.6 hectares is defended by the cape and field ramparts and scarps. Undefended fringe settlements took up 13 hectares. The diggings revealed a burnt wooden rampart construction its date coinciding with the date of a fire mentioned in the chronicle. Pottery and loose finds are dated within the period from the mid-12th to the first half of the 13th century.

In the second part the author deals with other sites on the upper Sula: the ring Yuriev settlement on the Kuritsa River (mid-11th-first half of the 13th century) and Kubrakovo on the Tern River (second half of the 12th-first half of the 13th century).

These fortified settlements can be regarded, together with the earlier ones described elsewhere, as the development stages of the frontier Vyra volost of the Pereyaslavl, and then of the Novgorod-Seversky Old Russian principalities.

ЗАМЕТКИ

БИЖАНОВ Е. Б.

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА УСТЮРТЕ

Исследованиями последних лет в Средней Азии получен ряд первоклассных неолитических комплексов, существенно расширяющих представления о характере материальной культуры и хозяйстве населения этой эпохи. Однако сведения о погребальном обряде у неолитических племен, заселявших большую часть равнин Средней Азии, все еще очень скудны и отрывочны. О могильнике Кайлю, исследованном А. П. Окладниковым, имеются лишь краткие сообщения самого общего характера [1, с. 31—32]. Сведения о раскопанном недавно неолитическом могильнике Тумеккичиджик в северной Туркмении также пока исчерпывающим образом не опубликованы, хотя основная информация о могильнике имеется в предварительных публикациях [2, с. 474; 3, с. 500; 4, с. 520—521; 5, с. 107—116].

Все вышесказанное можно в полной мере отнести к Устюрту. На этой территории в последнее время открыты десятки крупных неолитических стоянок, но пока не найдено ни одного бесспорно неолитического погребения. В связи с этим особый интерес приобретают некоторые материалы, полученные при раскопках кург. 2 в могильнике Каскажол на Юго-восточном Устюрте [6, с. 148—151, 186] (рис. 1).

Курганная группа Каскажол расположена на одном из мысов восточного чинка Устюрта, севернее одноименного подъема, в 40—50 км северо-западнее районного центра Шуманай. На плоской поверхности мыса имеются два бугра (северный и южный), к которым приурочена бóльшая часть курганов. Курган 2 находился на южном бугре. Он представлял собой низкую расплывшуюся насыпь диаметром около 12 и высотой до 0,5 м. В центре кургана обнаружены две материковые могильные ямы, по периферии прослежена серия более поздних впускных погребений.

Основным для кургана, по В. Н. Ягодину, является погр. 1. Оно совершено в прямоугольной яме размером 2,3×0,7 м и глубиной 0,2 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток. По периметру оно обложено в два-три ряда крупными плитами известняка.

В юго-восточной части ямы найдены поврежденный череп без нижней челюсти и бедренная кость. В разных местах ямы встречены мелкие обломки костей, окрашенных охрой, несколько кусочков красной охры, трубчатые бусины из морских раковин, относящихся к виду Dentalium, фрагменты лепных сосудов.

Могильной ямой погр. 1 была частично прорезана вырытая также в материке яма от погр. 1-а размерами 2×0,38—0,42 м, вытянутая с северо-востока на юго-запад. Ее глубина — около 0,2 м. На дне этой ямы расчищены красные охристые пятна, отсутствующие в погр. 1, много мелких костей, окрашенных охрой. Также найдены две цилиндрические пронизки из раковин Dentalium.

В грабительском выбросе, расположенном в западной части погр. 1 и 1-а, найдены обломки костей, трубчатые пронизки из раковин, мелкие фрагменты красноглиняной керамики, серия кварцитовых наконечников стрел (рис. 2), красные охристые пятна.

Общая картина захоронений в центральной части кургана весьма фрагментарна. Археологический и антропологический материалы вклю-

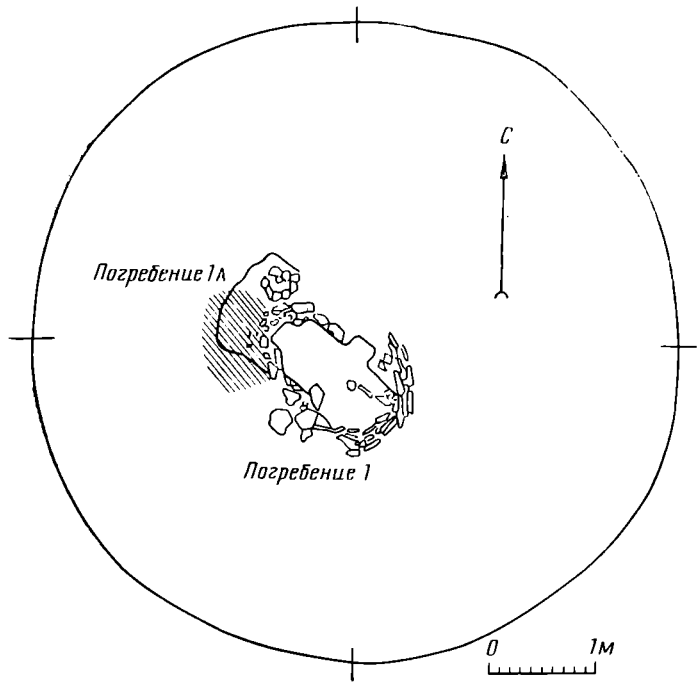


Рис. 1. План погребений в кург. 2 могильника Каскажол

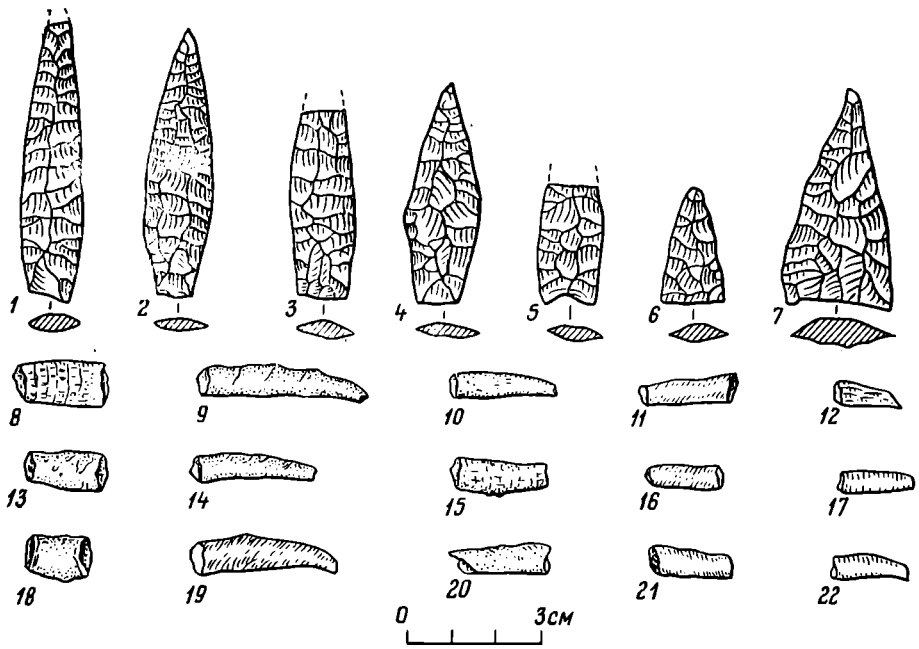


Рис. 2. Инвентарь из погребения 1-а в кург. 2 могильника Каскажол Наконечники стрел (*1—7*) и пронизки из раковин Dentalium (*8—22*)

чают в себя остатки двух разновременных комплексов. К раннему следует отнести: кварцитовые наконечники стрел, цилиндрические пронизки из раковин Dentalium, возможно обломки лепной керамики, найденные в северной части погр. 1. В поздний комплекс входят, по нашему мнению, «фрагменты орудий из бронзы» или «каких-то изделий из бронзы», «щебенка красноглиняной керамики, очень похожей на станковую» и череп мужчины 35—40 лет [6, с. 310].

В. Н. Ягодин воздержался от датировки погр. 1 (основного, по его мнению, для кург. 2) эпохой позднего неолита. Он предполагал, что предметы раннего времени были помещены в более позднее погребение в качестве амулета [6, с. 186]. С этим вряд ли можно безоговорочно согласиться. Действительно, положение древних вещей в более позднее погре-

бение — факт широко известный для различных исторических эпох. Однако в таких случаях использовались отдельные древние предметы, но не комплексы их. По-видимому, ранний комплекс находок следует связывать с погр. 1-а. Могильная яма этого погребения, разрушенного ямой погр. 1 [6, с. 150], по своей ориентировке и размерам сходна с могильными ямами неолитических погребений Тумеккичиджик в Ташаузской области [5, с. 108]. Именно в этом погребении зафиксированы и красные охристые пятна. В неолитическом могильнике Тумеккичиджик употребление красной охры отмечено почти во всех погребениях. Охристая подсыпка иногда сочеталась с засыпкой костяка охрой [5, с. 109]. Окрашенность костяков зафиксирована раскопками неолитических памятников Сибири, Восточной Европы, Средней Азии и ряда других районов СССР [7, с. 164—165, 168; 8, с. 43, 58].

В. Н. Ягодиным подробно рассмотрен круг аналогий для двусторонних кварцитовых наконечников и цилиндрических пронизок из раковин Dentalium. Этот комплекс датирован им IV—III, а может быть, даже началом II тысячелетия до н. э. [6, с. 150—151]. В целом такая датировка справедлива, но ее нижнюю границу можно, кажется, уточнить в сторону удревнения [5, с. 130—131]. Серия двусторонне обработанных наконечников стрел (7 экз.) несколько необычна для пустынного неолита Средней Азии и составляет, очевидно, специфическую особенность Устюрта. Действительно, многие стоянки развитого и позднего неолита этой территории дают в отличие от одновременных им стоянок кельтеминарского круга древностей крупные серии двусторонне обработанных стрел [6, с. 29, рис. 5, с. 34, рис. 7, с. 47, рис. 10; 9]. Видимо, это обстоятельство нашло отражение и в рассматриваемом погребении.

Следует обратить внимание на то, что у трех наконечников из погребения обломаны острия. Возможно, погребенного решили снабдить стрелами, уже непригодными для реальной охоты. Однако не исключено, что в данном случае имела место преднамеренная порча инвентаря, что уже не раз отмечалось для неолитических могильников [10, с. 9, 14; 11].

Таким образом, мы считаем, что основным погребением для кург. 2 является погр. 1-а, с которым связываем весь комплекс неолитических по возрасту находок.

Погребение 1 относится, судя по археологическому материалу, ко второй половине VII — первой половине VIII в.

Погребение I-а, отличаясь некоторым своеобразием, отражающим, вероятно, особенности материальной культуры неолитических племен Устюрта, по основным признакам может быть сопоставимо с одновременными погребальными памятниками охотников и рыболовов Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А. П.* Изучение памятников каменного века в Туркмении.— ИАН ТССР, 1963, № 2.
2. *Вайнберг О. И.* Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении.— АО— 1972. М., 1973.
3. *Виноградов А. В.* Работы на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении.— АО — 1973. М., 1974.
4. *Виноградов А. В.* Могильник Тумеккичиджик в Северной Туркмении.— АО —1974. М., 1975.
5. *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья.— ТХАЭЭ, 1981, т. XIII.
6. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент: Фан, 1978.
7. *Бадер О. Н* Уральский неолит.— МИА, 1970, № 166.
8. История СССР. С древнейших времен до наших дней. В 12-ти т./Под ред. Пономарева Б. Н. М.: Наука, 1966.
9. *Бижанов Е. Б.* Новые данные о неолите юго-западного Устюрта.— ВКФ АН УзССР, 1978, № 3.
10. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1 — ИИС, 1973, вып. 9.
11. *Комарова М. Н.* Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 1952, № 4.

МЫСЬКОВ Е. П.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОЛГОГРАДСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

В 1978 г. экспедиция Волгоградского педагогического института проводила раскопки курганов в Быковском р-не Волгоградской обл. Среди исследованных захоронений интерес представляют погребение 4 из кургана 2 у с. Верхний Балыклей и погребение 2 из кургана 10 близ пос. Быково.

Курган 2 у с. Верхний Балыклей находился на пахотном поле, в 0,5 км от берега Волгоградского водохранилища. Диаметр насыпи 34 м, высота 1 м. В кургане исследовано семь погребений. Три из них, в том числе и основное, относятся к эпохе ранней бронзы, одно (погр. 4) — к эпохе поздней бронзы, остальные — к сарматскому времени.

Погребение 4 (рис. 1, *1*) располагалось на расстоянии 5,7 м к западу от центра кургана. Могильная яма размером 2,3×2,3 м и глубиной 1,25 м от поверхности насыпи была ориентирована по линии ССЗ — ЮЮВ. В засыпи ямы встречались остатки деревянного перекрытия. На дне ямы у ее западной стенки лежал скелет мужчины на левом боку, скорченно, головой на север. Ноги погребенного были согнуты под тупым углом к позвоночнику, кисти рук располагались перед лицом. За головой погребенного стоял лепной горшок баночной формы (высота 17 см), покрытый редкими бороздами заглаживания (рис. 1, *2*). Поверхность горшка светло-коричневого цвета с черными пятнами, глина в изломе черная с примесью измельченных раковин. Рядом лежали фрагменты бронзовой пластинки с трубчатыми заклепками, при помощи которых она прикреплялась к деревянному сосуду, и ромбический в сечении бронзовый нож с перекрестьем и перехватом длиной 17 см (рис. 1, *7*). У северной стенки ямы лежало несколько ребер коровы. В северо-восточном углу лежал лепной горшок (высота 15 см) с выпуклыми боками, отогнутым венчиком и закраиной по дну (рис. 1, *3*). Поверхность горшка светло-коричневого цвета с черными пятнами, сплошь покрыта беспорядочными бороздами полосчатого сглаживания, глина в изломе черная с примесью измельченных раковин.

Курган 10 у пос. Быково находился на пахотном поле в 1,5 км от берега Волгоградского водохранилища. Диаметр насыпи 31, высота 0,4 м. В кургане исследовано два погребения. Одно из них располагалось в центральной части насыпи и представляло собой сильно нарушенное детское захоронение, которое, судя по фрагментированному баночному сосуду, относится к срубной культуре.

Основное захоронение кургана (погр. 2) располагалось в 2 м к западу от центра насыпи. Могильная яма прямоугольной формы была ориентирована по линии ССВ — ЮЮЗ. Длина ее 2,3 м, ширина 1,9, глубина 1,2 м от уровня погребенной почвы (рис. 1, *4*). В засыпи ямы встречалось дерево от перекрытия. На дне ямы, у ее западной стенки, лежал скелет взрослого человека на левом боку, скорченно, головой на ССВ. Ноги погребенного были согнуты под тупым углом к позвоночнику, кисть левой руки располагалась перед лицом, кисть правой — на локте левой руки. Близ головы погребенного лежали фрагменты лепного горшка баночной формы (высота 22,5 см) с поверхностью светло-коричневого цвета (рис. 1, *5*). Дно сосуда уплощенное. В верхней части он украшен орнаментом в виде ряда коротких вертикальных насечек и трех горизонтальных линий, прочерченных концом тупого предмета. Ниже нанесен зигзаг, выполненный крупнозубчатым штампом. Поверхность горшка покрыта вертикальными бороздами полосчатого сглаживания, глина в изломе серая с обильной примесью измельченных раковин. В юго-восточном углу ямы лежали кости барана и массивный бронзовый кинжал с линзовидным в сечении клинком, пластинчатым черенком и резко заглутым острием. Длина кинжала 19 см (рис. 1, *6*). На дне могилы сохранились остатки органической подстилки.

Описанные захоронения обладают целым рядом характерных черт

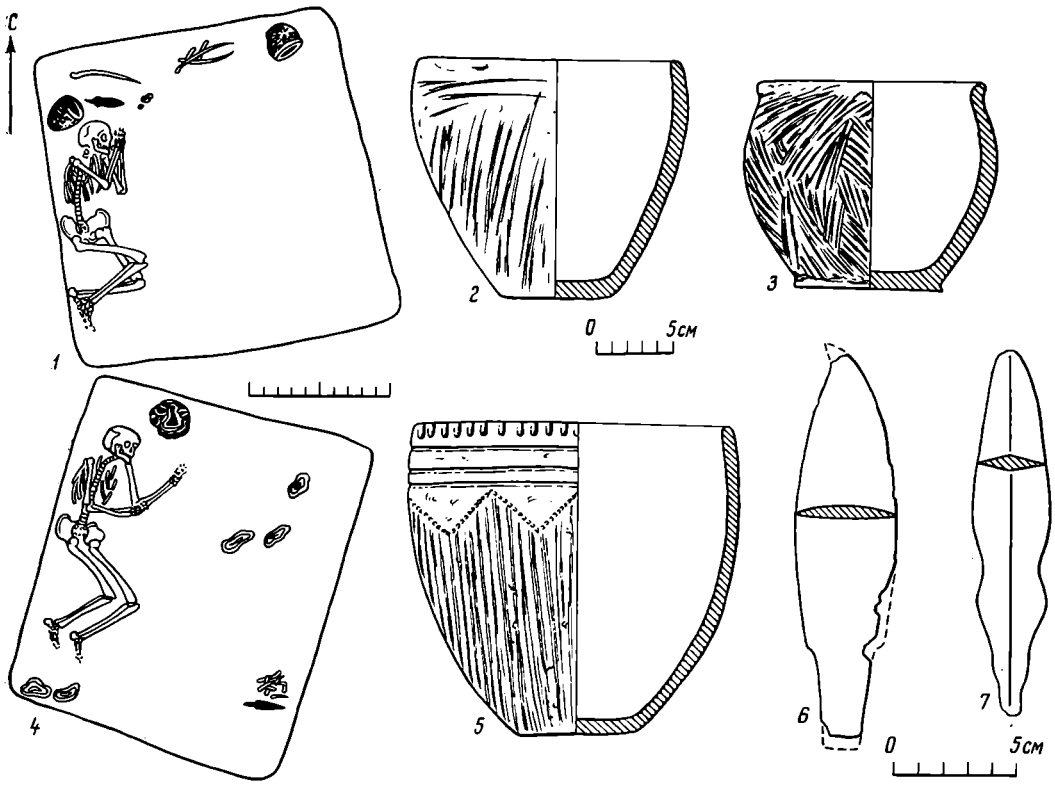


Рис. 1. Погребения эпохи бронзы Волгоградского Заволжья. *1—3, 7* — Верхний Балыклей; *4—6* — Быково

(большие размеры могильных ям с деревянным перекрытием, положение погребенных на левом боку, в слабо скорченном положении, головой на север, размещение погребения близ западной стенки могилы), позволяющих сопоставить их с погребениями Покровских курганов [1, с. 57, 58, 60]. В настоящее время большинством исследователей признан срубно-абашевский характер целого ряда Покровских захоронений [1, с. 68; 2, с. 12; 3, с. 33]. Абашевские элементы достаточно отчетливо прослеживаются и в инвентаре погребения 2 в кургане 10 у пос. Быково. Форма и орнамент сосуда из этого захоронения находят себе аналогии в керамике волго-донской абашевской культуры. Технологические признаки (уплощенное дно, расчесы поверхности, примесь ракушки в тесте) также характерны для абашевской посуды [3, с. 34]. Сосуды из погребения 4 в кургане 2 у с. Верхний Балыклей в целом имеют срубный облик, хотя состав глины и способ обработки поверхности сосудов нельзя признать характерными для срубных памятников Нижнего Поволжья. Бронзовые ножи, аналогичные найденному в погребении 4 в кургане 2 у с. Верхний Балыклей, Е. Н. Черных помещает в сейминский хронологический горизонт [4, табл. Г], что позволяет датировать это захоронение в пределах третьей четверти II тысячелетия до н. э. Аналогии бронзовому кинжалу из погребения 2 в кургане 10 у пос. Быково мне неизвестны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сагайдак В. И.* О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
2. *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1976, вып 17.
3. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977.
4. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.

БЕЛОЗОР В. П., СКОРЫЙ С. А.

АРХАИЧЕСКИЙ СКИФСКИЙ МЕЧ ИЗ КИЕВА

В марте 1981 г. в Музей исторических драгоценностей УССР был передан скифский меч, найденный в болотистой местности в районе Ветряных гор на северной окраине Киева (рис. 1) [1]. Осмотр места находки не дал результатов.

Меч сохранился очень хорошо. Возможно, такая сохранность объясняется пребыванием его в болотистой почве, предохраняющей металл от коррозии. Размеры меча (в см): длина — 49, длина клинка — 36,5, ширина клинка у основания — 2,9, длина рукояти — 12,5.

Навершие брусковидное, в плане имеет форму вытянутого овала. С обеих сторон навершия хорошо видны следы проковки. Рукоять желобчатая. Боковые валики рукояти в сечении круглые, центральный валик ромбовидный. Массивное перекрестье так называемой «бабочковидной» формы. Клинок тщательно выкованный, плавно сужается к острию. С обеих сторон на нем видны слабо выраженные долы шириной до 0,5 см. Близ острия клинок имеет нервюру.

Рассматриваемый меч изготовлен с соблюдением основных принципов, характерных для скифского оружия. Клинок и рукоять выкованы из одного куска металла. Навершие прикреплено к рукояти через специальный паз. Перекрестье изготовлено отдельно и затем приварено к рукояти. Возможно, оно состояло из двух отдельных пластин, соединенных между собой и рукоятью в процессе кузнечной сварки. Тем не менее следы соединения не просматриваются. На наш взгляд, это может свидетельствовать о качественной работе мастера-оружейника.

Особенностью меча является наличие под навершием муфты с небольшой петлей. Муфта была изготовлена отдельно из металлической ленты шириной до 0,2 см и затем одета на рукоять до того, как на последней было закреплено навершие. Диаметр петли 0,4 см. В верхней части она нарушена разрывом. Аналогичная муфта с петлей известна на беспаспортном скифском мече из собрания Полтавского областного краеведческого музея [1, с. 11, рис. 6, *4*] (рис. 2).

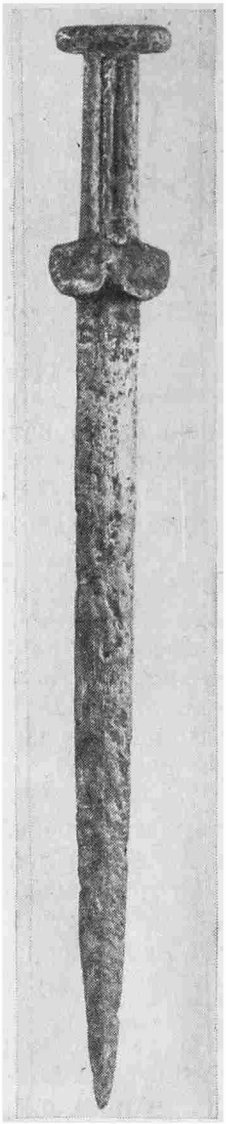
Публикуемый меч пополняет крайне малочисленную серию мечей и кинжалов скифской эпохи, имеющих петли и отверстия под навершием. Высказывалось предположение, что посредством таких петель и отверстий к рукояти меча или кинжала прикреплялся темляк, который одевали в бою на руку, чтобы не потерять оружие [1, с. 13]. Недавно Е. В. Черненко привел данные о шести мечах и кинжалах с подобными приспособлениями [1, с. 12—13]. Помимо рассматриваемого меча в эту серию мы включаем также мечи скифского типа из с. Кумбулта (Северная Осетия) [2, с. 101, рис. 1, *4*] и г. Камышин (Волгоградская обл.) [3, с. 28, рис. 20, *7*], бронзово-железные рукояти которых имеют под навершием прямоугольное сквозное отверстие [2].

Несмотря на случайность находки, есть основания отнести меч к эпохе скифской архаики. В пользу этого свидетельствуют не только морфологические особенности оружия, но и наличие петли на рукояти. Петли, так же как и отверстия под навершием, зафиксированы только на древнейших мечах и кинжалах скифского типа, относящихся ко времени не позже VI в. до н. э. [1, с. 13; 3, с. 11; 4, с. 97]. Публикуемый меч можно датировать VII в. до н. э. Из трех известных ранее мечей и кинжалов с петлей на рукояти [1, с. 10, рис. 4, *5*; 4, с. 97, рис. 1, *2*] два первых найдены в комплексах и датируются концом VII в. до н. э. [1, с. 25]. Это обстоятельство, а также находки мечей с брусковидным навершием и «бабочковидным» перекрестьем в древнейших погребениях скифского типа Тлийского могильника на Центральном Кавказе [5, с. 25,

---

[1] В настоящее время меч хранится в Государственном историческом музее УССР, инв. № 67377.

[2] Меч, идентичный публикуемому, хранится также в собрании Государственного исторического музея УССР (инв. № 528-1870). Место находки неизвестно.



а

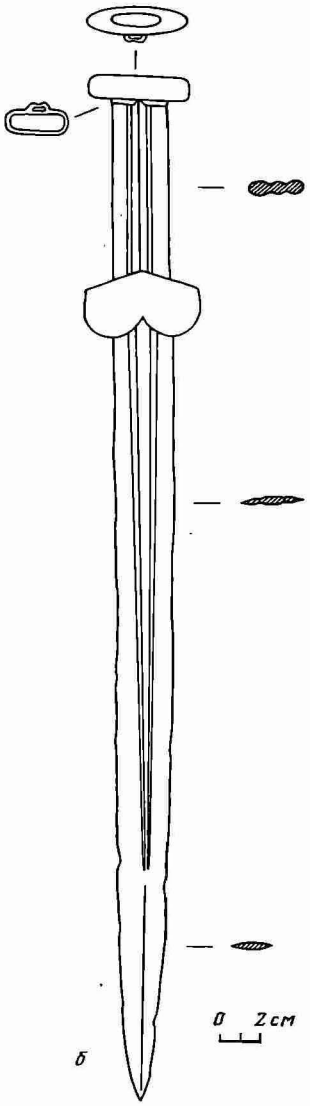


Рис. 1

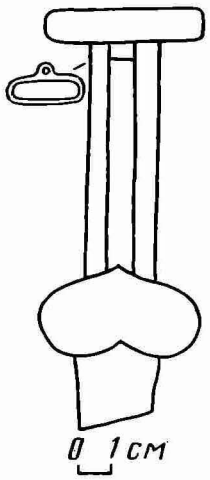


Рис. 2

Рис. 1. Скифский архаический меч из Киева. *а* — фото; *б* — прорисовка

Рис. 2. Меч из собрания Полтавского краеведческого музея (прорисовка)

рис. 4, *7*, с. 27, рис. 8, *5*] позволяют говорить о том, что тип меча с брусковидным навершием и «бабочковидным» перекрестьем был известен у скифов не с начала VI в. до н. э. [6, с. 50], а уже в VII в. до н. э., во всяком случае — в конце столетия.

Публикуемый меч является уже второй находкой данного вида скифского оружия на территории Киева [6, табл. 15, *9*].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс).– В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
2. *Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
3. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.– МИА, 1961, № 101.
4. *Шкурко А. И.* Скифский кинжал из Днепропетровского музея.– В кн.: Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962.
5. *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
6. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.– САИ, 1964, вып. Д1-4.

РАДЗИЕВСКАЯ В. Е.

КУРГАНЫ VI В. ДО Н. Э. У ПОС. КОЛОМАК НА ХАРЬКОВЩИНЕ

В 1979 г. были проведены спасательные раскопки курганного могильника близ восточной окраины пос. Коломак (Валковский р-н, Харьковская обл.). Могильник находится на возвышенности левого берега р. Коломак (бассейн р. Ворскла), в 3 км юго-восточнее известного городища скифской эпохи [1; 2]. К моменту начала работ частично сохранились насыпи трех курганов. По сведениям местных жителей, эти курганы еще в 50-е годы имели высоту до 4 м, были задернованы и не распахивались. Вокруг них были заметны небольшие курганные насыпи, в настоящее время полностью уничтоженные распашкой. Раскопками 1979 г. были исследованы два кургана.

Курган 1. Насыпь частично срезана бульдозером. Сохранилась центральная часть (диаметр около 16, высота 1 м). В центре кургана на глубине 0,6 м обнаружен гранитный монолит с углублением в средней части (рис. 1, *1*). В плане он имеет вид прямоугольника размерами 27×43 см, толщина 38 см. Не исключено, что это жертвенник. В плане он размещался непосредственно над центром могильной ямы. Рядом, к северу от жертвенника, были найдены обломки венчика и ручки чернолощеного черпака.

Могильная яма прямоугольной формы (2,9×2,6 м) была перекрыта бревенчатым настилом, провалившимся внутрь сооружения (рис. 2, *1*). Погребальная камера ориентирована длинной осью с юго-запада на северо-восток. Стены могилы в древности имели бревенчатую облицовку в виде вертикально установленных столбов, от которых в данной части ямы сохранились ямки, заполненные древесным тленом (размеры ямок от 0,15 до 0,25, глубина 0,2—0,3 м).

При расчистке северо-восточной части перекрытия были обнаружены две античные расписные амфоры, раздавленные насыпью. Первоначально они стояли рядом. Погребение было ограблено еще в древности, когда перекрытие было цело. Поэтому амфоры, находившиеся сверху, не были замечены грабителями. В самой могиле найдено всего несколько костей лошади, разбросанных в северном углу на дне могильной ямы. В юго-восточной и северо-западной частях сооружения выявлены следы двух грабительских ходов.

Курган 2 был также сильно разрушен. Остатки насыпи (диаметр около 12 м, высота — 0,9 м) скрывали погребальную камеру квадратной формы — 2,8×2,8 м (рис. 2, *2*). Могилу перекрывали деревянные плахи, истлевшие части которых находились на уровне погребенной почвы (на глубине 0,8 м). На этой же глубине найден зуб лошади. По дну могилы на гл. 2 м вдоль стен проходила канавка (ширина 0,2—0,3, глубина от поверхности дна ямы до 0,4 м). В канавке крепилась деревянная обшивка стен, перегнившие остатки которых были едва заметны. Северная часть могилы оказалась поврежденной грабительским ходом. В его заполнении встречались разрозненные обломки черепной крышки, ключицы и берцовых костей человека. В юго-восточном углу погребения лежал сильно окислившийся обломок бронзового двухлопастного наконечника стрелы VI в. до н. э. с шипом на выступающей втулке (рис. 1, *2*).

По своему устройству исследованные могилы типичны для лесостепи, в том числе и для бассейна Ворсклы. Деревянные склепы здесь встречаются довольно часто [3, с. 83 сл].

Особый интерес из немногочисленного сохранившегося инвентаря коломакских курганов вызывают расписные амфоры из кургана 1, которые редко встречаются в целом виде. Одна из амфор имеет закругленный в верхней части нависающий венчик (рис. 3). Диаметр устья амфоры вместе с венчиком — 16 см. Короткое по сравнению с корпусом цилиндрическое горло сосуда под венчиком имеет диаметр 15,3 см. Высота овальных в сечении ручек соответствует высоте горла — 10,5 см. Максималь-

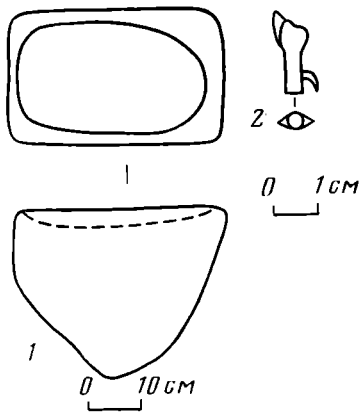


Рис. 1. Предметы из курганов у пос. Коломак. *1* — жертвенник ? (кург. 1); *2* — наконечник стрелы (кург. 2)

Рис. 2. Планы могильных ям в курганах у пос. Коломак. *1* — кург. 1; *2* — кург. 2. А — погребенная почва, Б — материк, В — деревянные конструкции. *а — е* — топография находок в могилах (*а* — черпак; *б* — жертвенник?; *в* — амфоры; *г* — кости лошади; *д* — кости человека; *е* — наконечник стрелы)

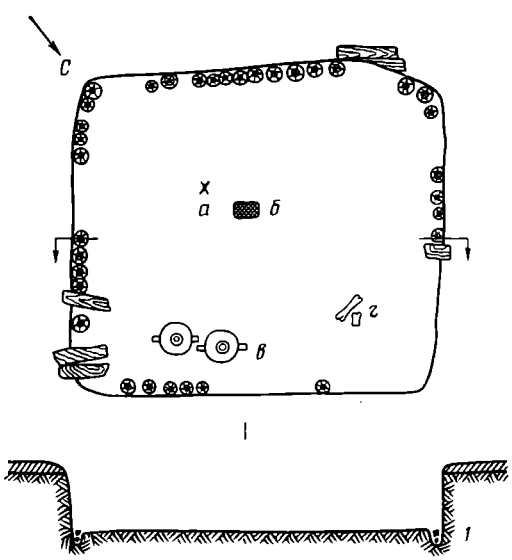


Рис. 1

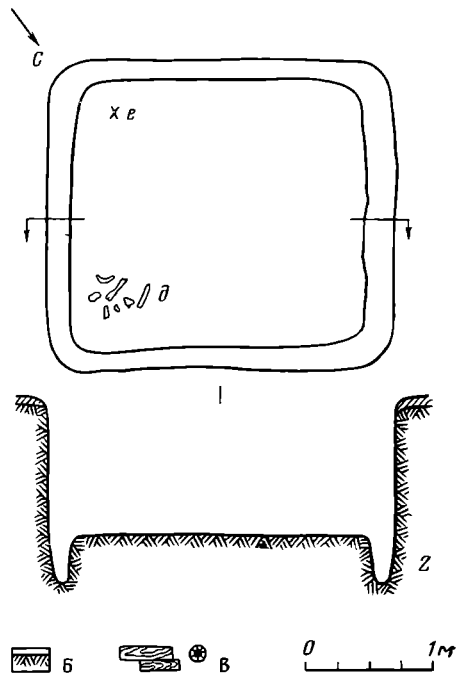


Рис. 2

ный диаметр расширенной округлой верхней части тулова — 40 см. Характерна устойчивая ножка на невысоком кольцевом поддоне (1,5 см), внешний диаметр которого равен 10,5 см. Общая высота сосуда — 56 см. Глина красноватая с редко встречающейся примесью частиц белого цвета. Серый в средней части излома черепок указывает на недостаточный обжиг изделия.

Амфора расписана широкими полосами красной краски по следующей схеме (рис. 3, *а*): три концентрических пояса из двух широких (1,5 см) полос каждый украшают плечи, среднюю и придонную части корпуса; полностью окрашены венчик и ножка сосуда; широкими полосами краски подчеркнуты основания ручек и горла амфоры; такие же полосы опущены по центральным осям ручек от места соединения их с горлом до пересечения с нижним поясом росписи; от нижнего основания боковых граней ручек проведены полосы, сходящиеся углом в центре между двумя нижними поясами декора; дополнительно орнаментированы горло и плечи амфоры: горло расписано с двух сторон между ручками симметрично перекрещивающимися линиями, идущими от верхнего основания ручек к основанию горла под ручками; на плечах амфоры нанесен рисунок в виде горизонтально вытянутых S-видных фигур.

Пропорции, профилировка венчика, ручек, а также элементы росписи второй амфоры иные (рис. 4). При меньшей общей высоте (54 см) эта

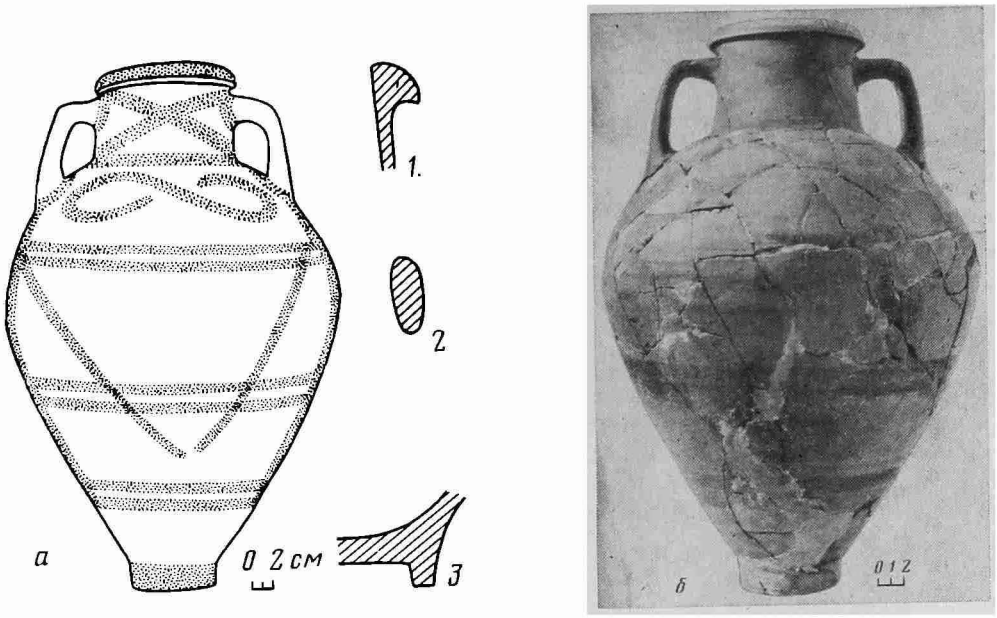


Рис. 3. Амфора 1 из кург. 1. *а* — прорисовка; *б* — фото. Сечения: *1* — венчика; *2* — ручки; *3* — поддона

амфора имеет более высокое (13,5 см) горло диаметром 14,6 см и близкий к шаровидному корпус. Линия диаметра наиболее широкой части сосуда (37 см) проходит почти посредине высоты тулова. Заметно отличается профиль округлого валикообразного венчика. Диаметр устья 16,2 см. Глина сосуда розовато-желтая с небольшим количеством мелких блесток слюды, обжиг недостаточно качественный.

Амфора расписана красной краской. Незначительные отличия в ее декоре по сравнению с вышеописанной амфорой наблюдаются в ширине и расположению полос на корпусе и ручках (рис. 4, *а*). Сосуд украшен четырьмя поясами, состоящими из полос различной ширины. В верхний пояс, который проходит по плечам амфоры у основания ручек, включены три узких полосы (0,8 см), в нижние — по одной более широкой полосе (1—1,2 см). Так же как и на первой амфоре, на плечах второго сосуда нарисованы широкими мазками эсовидные знаки. Они занимают свободную поверхность корпуса между линией, обозначающей основание горла, и верхним поясом полос. Повторяются также кресты на горле амфоры и раскраска венчика и ножки. Размеры и пропорции ножки второго сосуда аналогичны вышеописанным. Ручки оформлены узкими полосками краски не только по центральной, но и по боковым осям. Декор ручек продолжен на плечах сосуда в виде трезубца, пересекающего верхний орнаментальный пояс.

Описанные амфоры относятся к кругу ионийских расписных амфор на поддоне первой половины VI в. до н. э. Центр их производства точно не известен (консультация Н. А. Онайко).

На поселениях лесостепи VI—IV вв. до н. э. встречаются фрагменты расписных архаических амфор, а в некоторых наиболее крупных центрах они даже многочисленны. Много античной керамики было найдено при раскопках городища скифской эпохи у пос. Коломак, с которым в древности был связан исследованный могильник. Наиболее раннюю группу амфор, обнаруженных на городище, составляют фрагменты венчиков, ручек и стенок с полосами красной или бурой краски. По определению Н. А. Онайко и И. Б. Брашинского, большинство из них происходит из ионийских центров, в основном из Хиоса, и датируется VI в. до н. э. К более поздним образцам античной тары относятся хиосские, протофасосские и фасосские, типа самосских амфоры IV—V вв. до н. э. Амфоры V в. до н. э., а также V—IV вв. до н. э. представлены преимущественно хиосским импортом, но имеются также вывезенные из неизвестных средиземноморских центров, центров круга Фасоса, типа «Солоха».

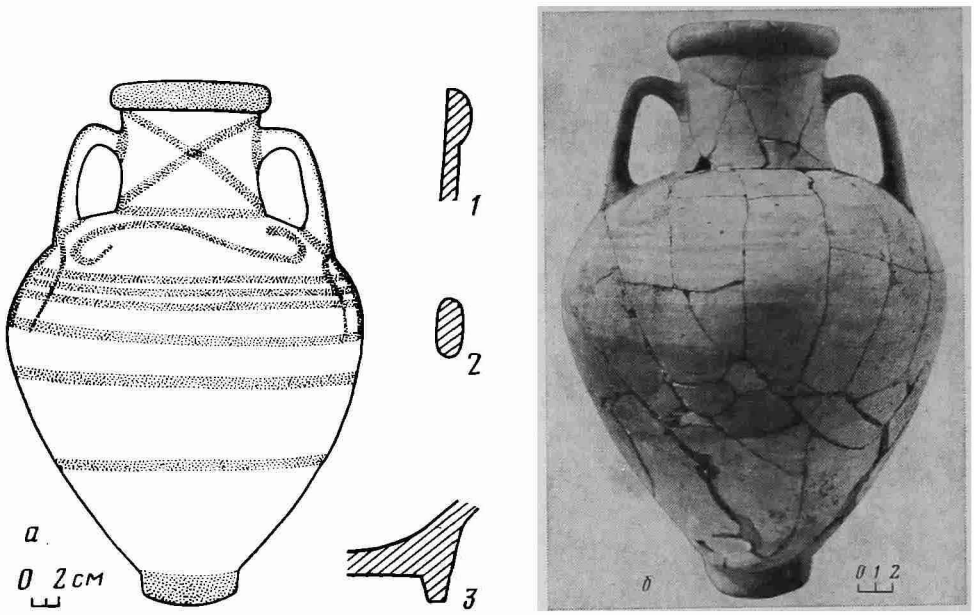


Рис. 4. Амфора 2 из кург. 1. *а* — прорисовка; *б* — фото. Сечения: *1* — венчика; *2* — ручки; *3* — поддона

Ранняя ионийская расписная керамика широко представлена также на Бельском [4, с. 72, 73] и Люботинском [5, с. 156] городищах. Отдельные экземпляры расписных амфор, по сообщению Б. А. Шрамко, найдены им во время разведок на Немировском, Шарповском, Пастырском городищах (определения И. Б. Зеест и Н. А. Онайко). Архаическая расписная керамика, античная керамика обнаружена также Г. Т. Ковпаненко при исследованиях Трахтемировского городища [6, с. 140].

Таким образом, расписные амфоры первой половины VI в. до н. э. из кургана 1 у пос. Коломак относятся к древнейшим образцам античного импорта в Скифию. Пока это единственные расписные ионийские амфоры, найденные в целом виде на этой территории. Они дают полное представление о типе и хронологии аналогичных сосудов, обнаруженных в обломках на лесостепных городищах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А.* Раскопки в бассейнах Северского Донца и Ворсклы.– АО – 1976. М., 1977.
2. *Радзиевская В. Е.* Раскопки городища у с. Коломак.– АО – 1977. М., 1978.
3. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наук. думка, 1967.
4. *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема.– СА, 1975. № 1.
5. *Шрамко Б. А.* Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України.– Питання історії народів СРСР. Вып. 14. Харків, 1972.
6. *Ковпаненко Г. Т.* Новые раскопки Трахтемировского городища.– АИУ – 1968. Киев, 1971.

НОВИЧЕНКОВА Н. Г.

О НАХОДКЕ НОВОГО ХЕРСОНЕССКОГО СТАТЕРА

Во время раскопок поселения III в. до н. э.— III в. н. э. в районе перевала Гурзуфское седло на Главной гряде Крымских гор [1] был найден золотой статер (рис. 1), которому посвящена настоящая заметка [2].

[1] Исследования поселения проводились в 1980—1982 гг. экспедицией Ялтинского краеведческого музея под руководством автора.

[2] Фонды Ялтинского краеведческого музея, инв. № 24287.

Рис. 1. Херсонесский статер 120 г. х. э (увеличение 4,25)

Описание монеты Л. с.: бюст божества влево со змеей. Легенда ϘXEPCONHCEITωN. О. с.: Дева в рост, в длинной развевающейся одежде, в характерной позе лучника, с упором на левую ногу. Правая нога отставлена в сторону. Голова прямо, в башенном венце. Богиня держит в опущенной и слегка отведенной в сторону левой руке лук, в поднятой правой — дротик (стрелу, вынимаемую из колчана?). В поле слева — знак, справа — монограмма и дата — РК (120 г. херсонесской эры, т. е. 95/96 г. н. э.). Тотечный ободок. Золото. Диаметр 20 мм. Вес 7,75 г. Соотношение осей ↑↓.

Лицевая сторона чеканена сильно изношенным штемпелем. Изображение божества выполнено довольно небрежно. В атрибуте лишь по анало-

гии с херсонесскими статерами 104 и 109 гг. х.э. можно угадать очертания змеи [1, с. 101]. Оборотная сторона чеканена новым штемпелем. Знаки, а также изображение богини рельефны, имеют достаточно четкие контуры. Поза Девы не статична, а напротив, полна экспрессии. Лицевая сторона статера выпуклая, оборотная слегка вогнута. Монета недолго находилась в обращении и прекрасно сохранилась. На обеих сторонах наблюдается дублирующий изображение контур (на обороте он едва заметен невооруженным глазом). Этот дефект можно было бы считать следствием двойного удара при чеканке, если бы направление смещения было бы одинаковым по всему полю монеты. В данном случае сдвиг направлен в разные стороны от вертикальной оси монеты, что могло явиться результатом неизбежной деформации штемпелей, изготовленных из недостаточно твердого металла, особенно если удар при чеканке приходился то на одну, то на другую сторону штемпеля.

Золотая чеканка Херсонеса, возникновение которой было обусловлено «причинами скорее не экономического, а политического характера» [2, с. 155], начинается в 71 г. х. э. [1, с. 101; 3, с. 61; 4, с. 109]. До настоящего времени были введены в научный оборот и получили известность 6 экз. золотых херсонесских статеров: 71, 73, 104, 109, 131 и 158 гг. х. э. [1; 2; 5—9].

Херсонесские статеры I—II вв. н. э. являются большой нумизматической редкостью и на протяжении многих лет находятся в центре внимания исследователей монетного дела античных городов Северного Причерноморья. Анализу причин редких выпусков золота в Херсонесе посвящен ряд исследований [1, с. 105; 2, с. 156; 3, с. 9, 10; 4, с. 109]. Высказанная А. Н. Зографом мысль о том, что чеканка золотых статеров в Херсонесе (как и на Боспоре) регулировалась Римом в связи с задачами восточной политики, считается общепризнанной. Статеры Херсонеса наряду с некоторыми иными категориями херсонесских монет позволили представить, как изображали жители города главное и наиболее почитаемое ими божество, и послужили важным дополнительным источником для дискуссии о начале херсонесской эры.

Для медных херсонесских монет с той же датой РК характерно необычайное разнообразие типов, что, как предполагает В. А. Анохин, было связано с усиленным и поспешным выпуском херсонесской монеты, в связи с возможной угрозой запрета на автономную чеканку со стороны Рима [3, с. 12—13]. Среди меди, чеканившейся в этот год в городе, исследователь выделил 15 типов монет. Новый золотой херсонесский статер, имеющий ту же дату, чрезвычайно интересен в данном контексте. В. А. Анохин приводит доказательства в пользу того, что установление херсонесской эры относится не к 25, а к 24 г. до н. э. [3, с. 13].

Обнаружение статера 120 г. х. э. вносит уточнение в предположение о том, что все выпуски херсонесских статеров представлены в находках [1, с. 102]. Публикуемый статер не только увеличивает число известных экземпляров, но и дает новый год чеканки. Подчеркнем, что данный статер чеканен штемпелями, неизвестными по шести предыдущем монетам этого типа.

Заслуживает внимания и тот факт, что херсонесские статеры до сих пор не были обнаружены не только на значительном удалении от херсонесского городища, но и вообще за его пределами. Поэтому настоящая находка явилась большой неожиданностью. Ценность этой уникальной монеты, к тому же найденной в культурном слое конкретного археологического памятника (т. е. имеющей паспорт), не вызывает сомнений [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фролова Н. А.* Неизданная золотая монета античного Херсонеса.— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГУ и ОГАМ. Одесса, 1961.
2. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
3. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III веков нашей эры.— НЭ, 1963, т. 4.

[3] Пользуемся возможностью поблагодарить В. А. Сидоренко, читавшего настоящую заметку в рукописи и сделавшего ряд ценных замечаний.

4. *Карышковский П. О.* Об эре Херсонеса Таврического.– Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГУ и ОГАМ. Одесса, 1961.
5. *Беккер П. В.* О новооткрытых монетах города Херсонеса Таврического.– ЗООИД, 1860, т. IV.
6. *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Ч. I. Одесса, 1884.
7. *Зограф А. Н.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики.– ИРАИМК, 1922, т. II.
8. *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона Понтийского.– НС, 1913, т. II.
9. *Карышковский П. О.* Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты».– ВДИ, 1953. № 1.

ИСЛАНОВА И. В.

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ВЕРХНЕЙ МСТЫ И МОЛОГИ

Разработка проблем происхождения и связи с другими памятниками длинных курганов и сопок во многом упирается в неизученность древностей северо-запада Восточной Европы предшествующей эпохи. Правда, до середины I тыс. н. э. бассейны Мсты и Мологи были заняты памятниками, где наряду с гладкостенной встречена сетчатая и штрихованная керамика [1, с. 277]. Однако появление сопок и длинных курганов большинство исследователей связывали с приходом нового населения[1]. В районе распространения длинных курганов как будто прослеживается переход от грунтовых могильников с сожжением к курганному обряду

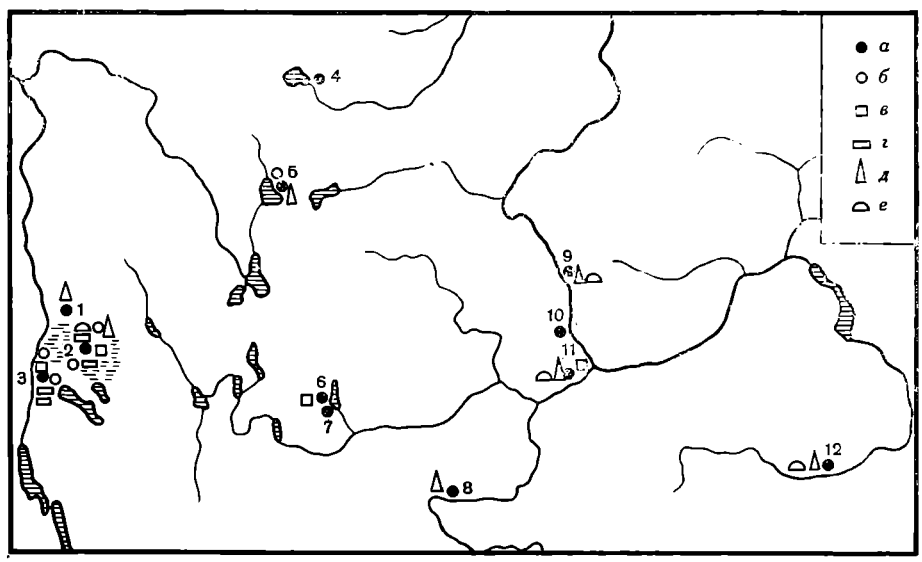


Рис. 1. Неукрепленные поселения железного века в Мстинско-Моложском междуречье. *1* — Млево-2; *2* — Дягилево-2; *3* — Почеп-1; *4* — Иловец-1; *5* — Курово-2; *6* — Полукарпово; *7* — Михалево; *8* — Костениково; *9* — Мокшицы; *10* — Ручки; *11* — Селищи; *12* — Дрюцково. *а* — селища железного века; *б* — прочие поселения; *в* — городища; *г* — насыпи культуры длинных курганов; *д* — сопки, сопковидные насыпи; *е* — курганы конца I — начала II тыс. н. э.

[4, с. 53—55; 5, с. 64—69]. Население, насыпавшее сопки, по Е. Н. Носову, появляется позже и занимает районы, еще не освоенные культурой длинных курганов, или селится чересполосно с ними [4, с. 55]. В последнее время только Г. С. Лебедев предлагал рассматривать в качестве предшествующей для сопок и длинных курганов так называемую предкурганную культуру. В основе гипотетических построений лежит предпо-

[1] Историография вопроса достаточно полно изложена в работах В. В. Седова и Е. Н. Носова [2—4].

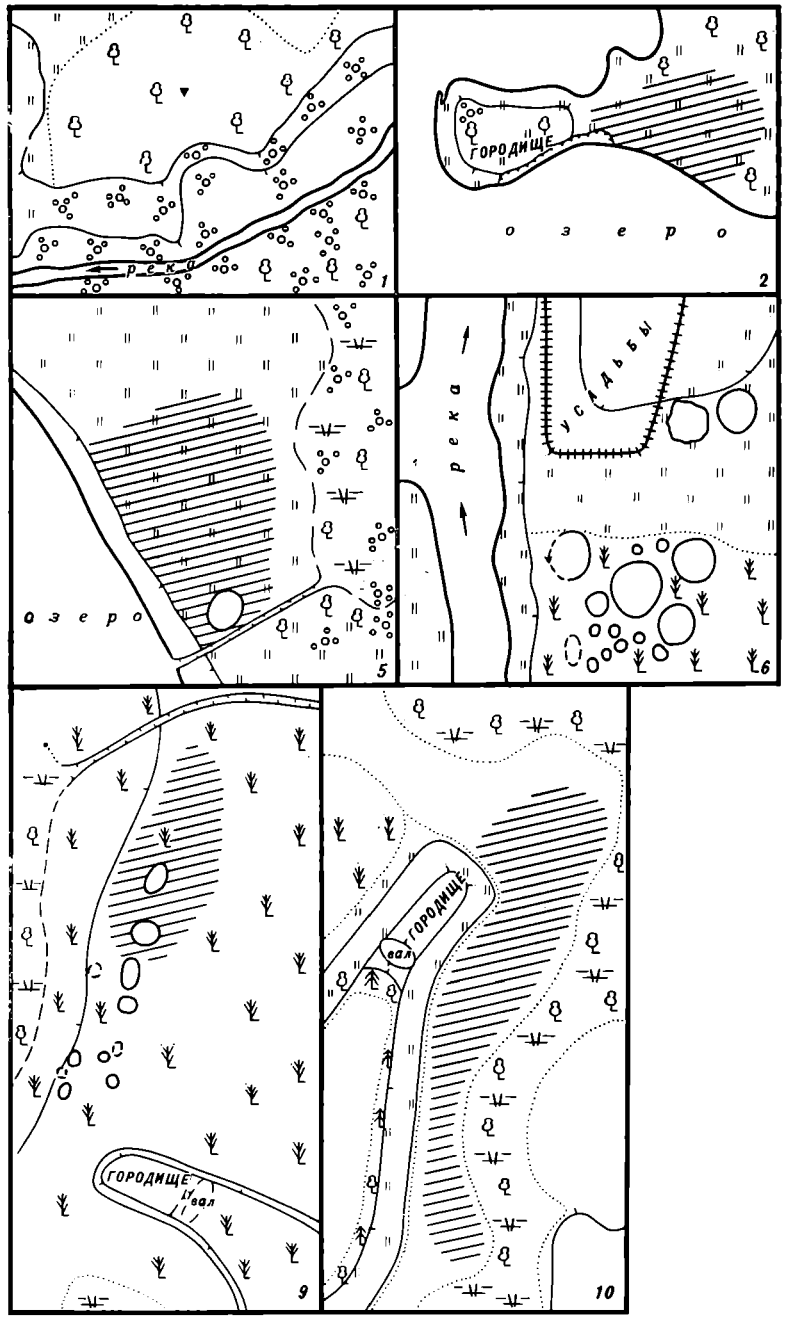


Рис. 2. Ситуационные планы поселений и местонахождений железного века. *1* — Млево-2; *2* — Полукарпово; *3* — Михалево; *4* — Костениково; *5* — Курово-2; *6* — Мокшицы; *7* — Дрюцково; *8* — Иловец-1; *9* — Дягилево-2; *10* — Почеп-1; *11* — Селищи. *а* — границы распространения культурного слоя; *б* — отдельные находки керамики; *в* — кустарник; *г* — лиственный лес; *д* — хвойный лес; *е* — луг; *ж* — заболоченная местность; *з* — кладбище; *и* — сопки, курганы, остатки курганов; *к* — пахота

ложение о перерастании «предкурганной» культуры в культуру длинных курганов и ранних сопок без смены населения [6, с. 33—34].

Бассейны Верхней Мсты и Мологи входят в ареал сопок [2, табл. 1]. В западной части этого района (верховья Мсты и левых притоков Мологи) известны памятники культуры длинных курганов [4]. При обследовании Мстинско-Моложского междуречья[2], а также при изучении археологических коллекций и архивных материалов собраны сведения о 12

[2] Работы проведены отрядом Волго-Окской экспедиции ИА АН СССР под руководством автора. В них принимал участие сотрудник Калининского гос. университета Е. В. Бодунов.

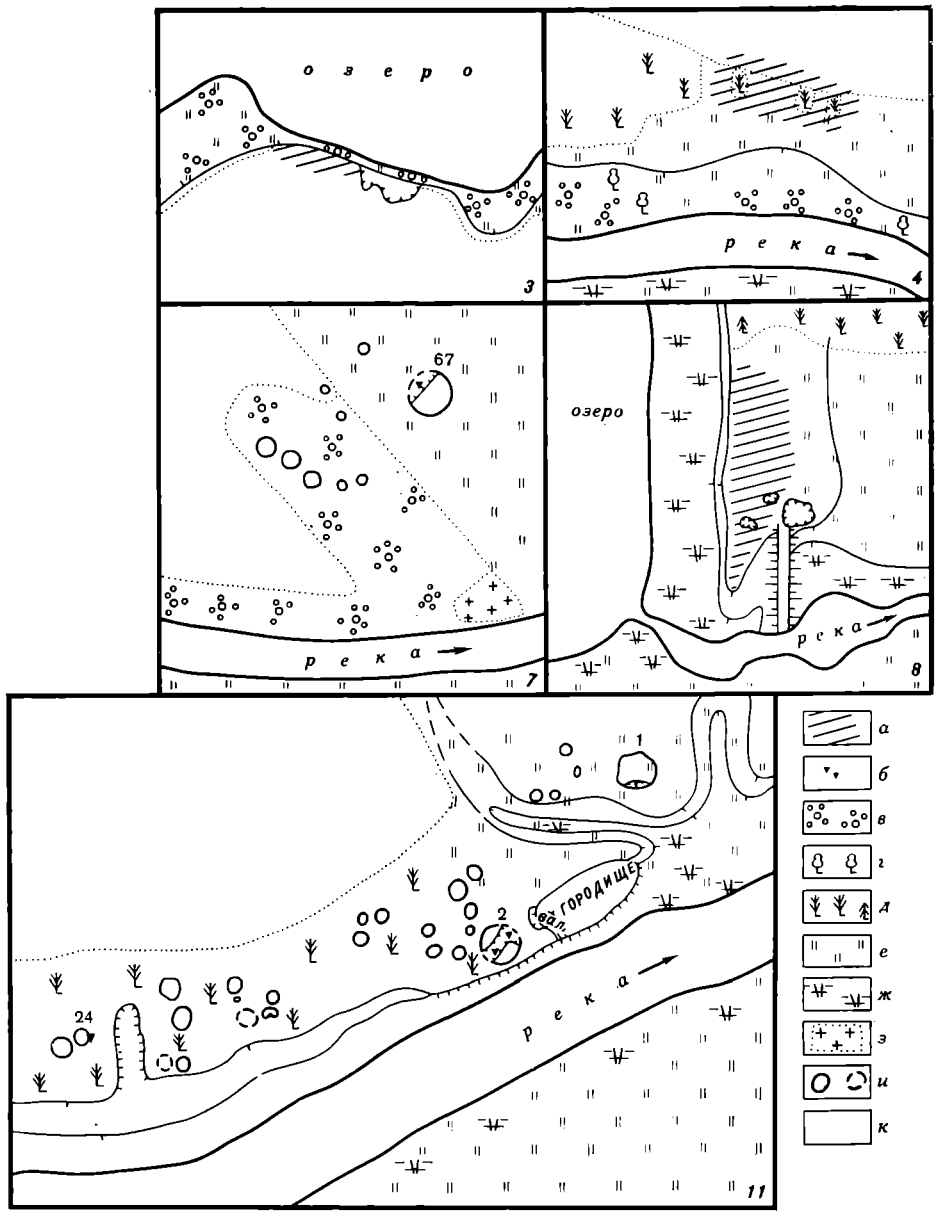


Рис. 2 (продолжение)

неукрепленных поселениях эпохи железа (рис. 1). На одном, у д. Курово. велись раскопки [3].

Большинство селищ выявлено разведочными работами. По характеру культурного слоя эти поселения разделяются на три группы. *1.* Слой не поврежден последующими напластованиями. *2.* Слой поврежден при сооружении сопок и курганов (вблизи сопок). *3.* Слой поврежден и перекрыт напластованиями поселений конца I — начала II тыс. н. э.

К группе 1 относятся пять селищ: Почеп-1, Дягилево-2, Полукарпово, Михалево, Костениково. Три первых находятся около городищ. Поселение Почеп-1 расположено на низких берегах оз. Тишадро и впадающего в него ручья у подножия озовой гряды, мысовая часть которой занята городищем «Семики» (рис. 2, *10*). Площадь селища — около 10 000 м^2, культурный слой, мощностью 0,3 м, поврежден распашкой. На пахоте найдены обломки лепных гладкостенных и сетчатых сосудов. Керамическое тесто с примесью крупной дресвы, дресвы и песка. Близ селища известно еще два неукрепленных поселения с лепной гладкостенной

[3] Благодарю А. Е. Леонтьева, предоставившего возможность использовать материалы своих раскопок.

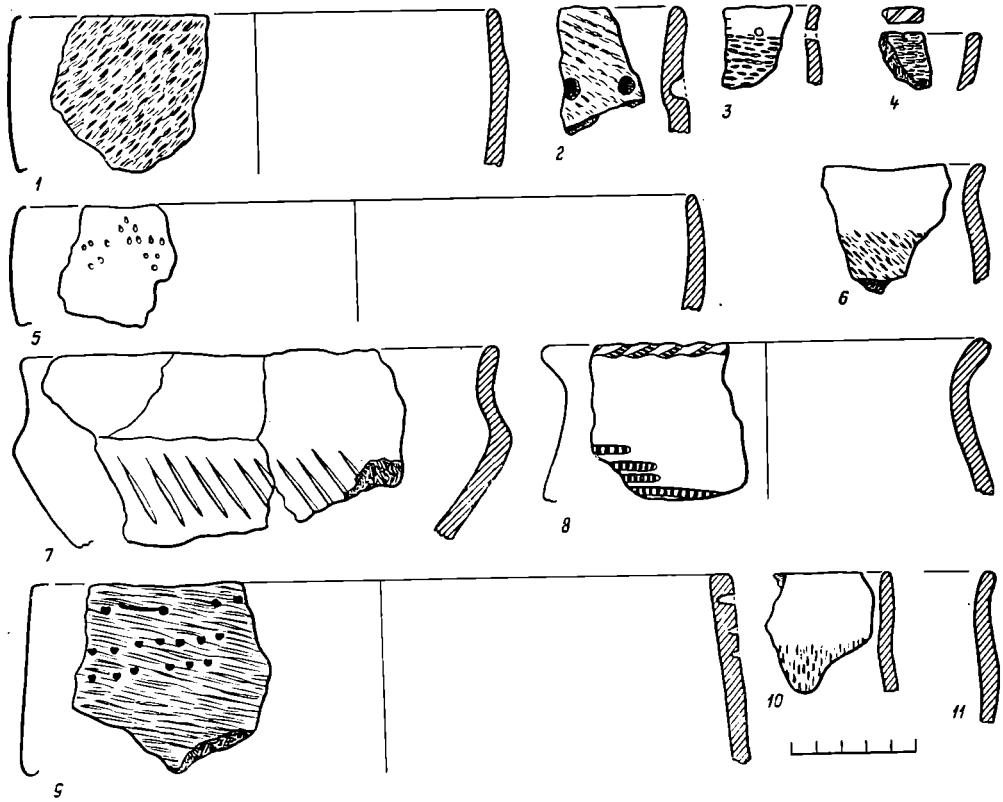


Рис. 3. Керамика с поселений железного века. *1, 5—8* — селище Курово-2; *2, 9* — селище у д. Селищи; *3* — селище Мокшицы; *4* — селище Млево-2; *10—11* — селище Дрюцково

керамикой и несколько групп насыпей культуры длинных курганов[4] [7, л. 17—21; 8, л. 22, 23; 9]. Селище Дягилево-2 находится к северу от городища, на низком берегу ныне заболоченного древнего озера, соединенного ручьем с р. Мстой (рис. 2, *9*). Поверхность задернована, площадь около 5000 м². Культурный слой уничтожен при лесопосадках. В противопожарных траншеях собрана лепная гладкостенная и сетчатая керамика, железные шлаки, глиняная обмазка. Тесто сосудов — с примесью песка, либо песка и дресвы. На днищах сосудов заметны следы подсыпки из крупнозернистого песка. На территории поселения расположены насыпи культуры длинных курганов[5] [9; 10, л. 7—9, 16—18]. Соотношение курганной группы с поселением неясно.

В 1,1 км к югу от рассматриваемого памятника зафиксировано селище с лепной гладкостенной посудой, а в 800 м к северу — поселение с лепной и круговой керамикой X—XVI вв., близ которого находится группа сопок и курганов.

Селище Полукарпово [12] занимает невысокий берег оз. Молдино, примыкая к восточной напольной стороне городища «Сопа» (рис. 2, *2*). Поверхность его задернована, площадь — около 5000 м². Мощность культурного слоя 0,4 м. В шурфе найдена лепная гладкостенная керамика. Остатки селища Михалево [12, л. 66] обнаружены на коренном берегу оз. Молдино (рис. 2, *3*). Сохранившаяся площадь 500 м². Культурный слой в обрезе берега достигал 1 м. Керамика лепная, гладкостенная и штрихованная. Селище Костениково расположено на склоне первой террасы р. Тифины (рис. 2, *4*). Керамика и железные шлаки собраны с площади 2400 м². Культурный слой поврежден пахотой и скотомогильником, мощность до 0,4 м. Посуда лепная, гладкостенная и сетчатая, тесто

[4] В литературе группы известны под названием: Млевский Бор I, II, III, Мануйлово, Дунай.

[5] В литературе курганы известны как группа 5 у бывшего хутора Рыжакова. Группы 1—4 расположены южнее пятой.

с дресвой и песком. В 300—400 м к западу от поселения в сосновом бору находятся три сопковидных насыпи.

В группу 2 вошло четыре памятника: Курово, Селищи, Мокшицы, Дрюцково. Культурный слой этих поселений частично пошел на сооружение погребальных памятников конца I — начала II тыс. н. э.[6] Селище Курово-2 [12, л. 79—97] занимает низкий берег оз. Наволок (рис. 2, *5*). Примерная площадь 10 000 м². Культурный слой поврежден пахотой и напластованиями деревни XIV—XVI вв., а в южной части перекрыт «сопковидным» курганом. Толщина слоя под насыпью достигала 0,2 м. При раскопках найдена в основном лепная гладкостенная керамика (рис. 3, *5*, *7*, *8*), реже сетчатая и штрихованная (рис. 3, *1*, *6*). Тесто с примесью песка и дресвы, иногда только песка. В 200 м к западу от селища зафиксировано поселение X—XII вв. (Курово-3) [13, с. 61; 14, с. 54], а в 200 м к югу сопка. Поселение у д. Селищи примыкало к городищу «Мельникова Гора», занимая высокий берег р. Волчины (рис. 2, *11*). Возможно, еще одно селище находилось в 50 м к северо-востоку, на противоположном краю оврага. Культурный слой в основном уничтожен при возведении сопок и курганов. Сетчатая керамика найдена в осыпи сопки 1. Сетчатая (рис. 3, *2*) штрихованная (?) и гладкостенная — в повреждениях сопки 2. Сетчатая и штрихованная — в осыпи кургана 24 (рис. 3, *9*). Керамическое тесто с примесью песка, дресвы и песка. У д. Мокшицы в желтом песке разрушающейся сопки (?) на склоне р. Ольховец, притока р. Мологи, найден обломок сетчатого сосуда (рис. 2, *6*; 3, *3*). В тесте — песок и дресва. Поселение находилось на невысоком берегу реки. Площадь неопределима. Культурный слой поврежден сопками и курганами, а в северной части, возможно, селищем конца I — начала II тыс. н. э. У д. Дрюцково в осыпи сопки (67) «на глубине, составляющей основание..., подняты три глиняных черепка сетчатого орнамента» [15, л. 5, 9] (рис. 3, *11*). Насыпь расположена в 115 м от берега р. Мологи (рис. 2, *7*). К сопке примыкают курганы, рядом еще несколько курганных групп. Поиски поселения здесь не проводились.

Остатки селищ группы 3 перемешаны со слоями раннесредневековых поселков. Поселение Млево-2 расположено на высоком берегу р. Млевки, правого притока Мсты (рис. 2, *1*). Площадь неопределима. При шурфовке сетчатая керамика (рис. 3, *4*) встречена вместе с обломками лепных и круговых домонгольских сосудов. В 350 м от поселения находятся три сопки. Поселение Иловец-1[7] занимало низкий берег озера при истоке р. Иловицы (рис. 2, *8*). Культурный слой эпохи железа уничтожен более поздними напластованиями. К комплексу поселения можно отнести обломок грузика дьякова типа[8] и сетчатую керамику (?)[9].

Недостаточно материала для отнесения к какой-либо группе поселения у д. Ручки. Оно находилось на невысоком берегу р. Мологи при впадении в нее ручья. Известно лишь, что местные жители собирали здесь «черепки типа дьяковских городищ»[10] [16, л. 12].

На основе имеющихся керамических материалов верхняя дата рассмотренных поселений определена в пределах второй четверти I тыс. н. э. [17, с. 184—185, рис. 43; с. 187, 189]. Говорить с уверенностью о наличии слоев второй половины I тыс. н. э. можно только для селища Курово-2 [11, л. 88; 18, л. 18].

Селища группы 1 в конце I — начале II тыс. н. э. как будто бы не заселены. Однако во второй половине I тыс. н. э. вблизи двух пунктов (Почеп, Дягилево) возводятся погребальные памятники культуры длинных курганов. Местность, где находились селища групп 2 и 3, в дальнейшем была занята населением, сооружавшем сопки и «сопковидные» курганы.

---

[6] Сходные по облику поселения были обследованы С. Н. Орловым [11, с. 94—98].

[7] Благодарю Ю. Н. Урбана за предоставленный материал.

[8] При раскопках селища X—XIII вв. у д. Узмень (Калининская обл. Бежецкий р-н) также обнаружен «дьяковский» грузик.

[9] Старицкий филиал Калининского гос. объединенного музея, фонды, керамика селища Иловец-1.

[10] Местность обследована отрядом ВОЭ в 1982 г.. Оснований полагать, что здесь было городище, нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Жилища юго-восточной Прибалтики (I – начало II тысячелетия н. э.) – В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975.
2. *Седов В. В.* Новгородские сопки.– САИ, 1970, вып. Е1-8.
3. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.– САИ, 1974, вып. Е1-8.
4. *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье.– СА, 1981, № 1.
5. *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее.– КСИА, 1981, вып. 166.
6. *Лебедев Г. С.* О времени появления славян на северо-западе.– В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
7. *Репман А. Х.* Отчет об археологических работах в Волоцком и Удомельском районах Калининской области. 1957 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 1468.
8. *Репман А. Х.* Отчет об археологических разведках в Вышневолоцком районе Калининской области. 1958 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 1683.
9. *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тыс. н. э.– В кн.: Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969.
10. *Репман А. Х.* Отчет об археологических работах 1954 г. в Волоцком, Удомельском и Есеновичском районах Калининской обл.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 942.
11. *Орлов С. Н.* Памятники эпохи раннего железного века и средневековья в долине р. Волхова.– В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во, ЛГУ, 1982.
12. *Леонтьев А. Е.* Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1979 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 7442, 7442 б.
13. *Леонтьев А. Е.* Работы Волго-Окской новостроечной экспедиции.– АО – 1979. М., 1980.
14. *Исланова И. В.* Работы на северо-западе Калининской области.– АО – 1982. М., 1981.
15. Отчет Румянцева об исследовании курганной группы при селении Дрюцкого Бежецкого района Калининской обл. в 1939 г.– Архив ЛОИА АН СССР, 1939, ф. 35, № 20+162.
16. *Голынский А. И., Михайлов А. И., Синицын С. Д.* Материалы к составлению археологической карты бассейна верхнего течения реки Мологи. Ч. I. Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1924 г. Дневник.– Архив ЛОИА АН СССР, 1924, ф. 2, оп. 1, № 131.
17. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры.– В кн.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
18. *Леонтьев А. Е.* Отчет о работе Волго-Окской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1980 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 8306.

КОРЧИНСКИЙ О. М.

МЕЧ ИЗ ЛЕТОПИСНОГО УДЕЧА

В 1982 г. во время археологической разведки в черте г. Жидачова Львовской обл., в окрестностях Жидачовского городища (детинец летописного г. Удеча) был найден меч [1] (рис. 1). Он обнаружен у подножия обрыва крутого берега р. Стрий на заливной террасе. Размеры меча (в см): длина — 105; длина клинка – 90; ширина клинка близ перекрытия — 5; в серединной части — 4,3; близ острия — от 2,2 до 0,4; высота массивного треугольного навершия — 4,4; ширина основания навершия — 5,6; длина перекрестия — 19,1; толщина сечения перекрестия — 0,8; длина стержня рукояти — 10; ширина в средней части — 2,4, толщина — 0,45. Наилучшей сохранности рукоять. Массивное треугольное навершие выковано из цельного куска металла, надетого на стержень рукояти и наварено путем горячей ковки. Удлиненное прямое перекрытие с несколько расширяющимися концами надето на верхнюю часть клинка и закреплено аналогично навершию. Клинок сохранился хуже. Прослежено большое количество трещин, одна из них дала разлом приблизительно в середине клинка. Дол клинка частично проржавел и осыпался.

Удеч, как известно из летописей, был одним из крупных экономических центров и важным стратегическим пунктом Галицкой земли. Де-

[1] Работы велись Прикарпатской экспедицией ИОН АН УССР. Меч передан в фонды Отдела археологии западного региона УССР при ИОН АН УССР (Львов).

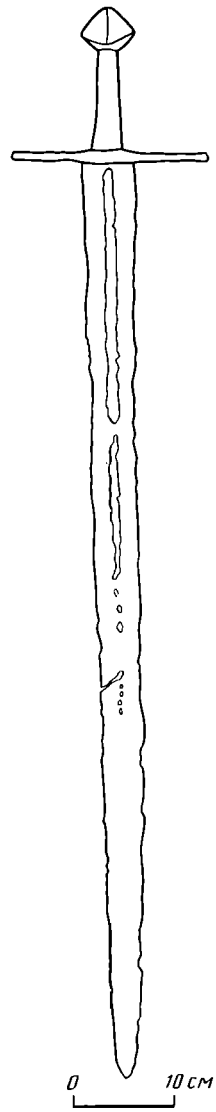


Рис. 1. Меч из летописного Удеча

тальный осмотр места находки не выявил ни культурного слоя, ни следов погребального комплекса. По-видимому, местонахождение носит случайный характер. Вероятно, меч в древности был потерян при военных действиях или во время стихийного бедствия (Ипат., 1164 г.). Опираясь на типологическую и хронологическую схемы, разработанные А. Н. Кирпичниковым, меч можно датировать второй половиной XII — первой половиной XIII в.

На территории Прикарпатья и Волыни средневековые мечи находили и раньше, но большинство находок было плохой сохранности. Меч из Жидачова является, кажется, первым полностью сохранившимся мечом с XII—XIII вв., найденным на этой территории.

НИКИТЕНКО М. М., ОСАДЧИЙ Е. И., ПОЛЕГАЙЛОВ А. Г.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЖИЛИЩЕ В г. ИЗЯСЛАВ ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ

В 1980—1982 гг. во время архитектурно-археологических исследований замка князей Заславских в г. Изяслав Хмельницкой обл. открыты древнерусское жилище и фундамент оборонительной стены XIV—XV вв.[1] Замок расположен у слияния рек Горыни и Сошны на останце с обрывистыми (до 10—12 м) склонами, которые почти полностью оконтуривают его верхнюю площадку округлой формы площадью до 1 га. К западу площадка понижается, переходя в пологий спуск к р. Сошна. С трех сторон — восточной, южной и западной — к останцу примыкает надпойменная терраса. Пойма обеих рек и большой овраг с севера ограничивают значительное по размерам и возвышающееся над остальной местностью плато. Этот район современного Изяслава местные жители называют «Старым городом» (рис. 1).

Культурный слой, очевидно переотложенный, фиксировался только с южной стороны останца на незначительном отрезке обрыва в небольшой западине. Он представлял собой рыхлый чернозем мощностью до 2 м с большим количеством угля, золы, обломков позднесредневековой керамики, костей животных и одиночными находками фрагментов сосудов XII—XIII вв. Последние (рис. 2, *14—18*) изредка встречались на примыкающей к останцу надпойменной террасе.

Жилище находилось в восточной части останца, почти на краю обрыва (рис. 1). Раскопом вскрыт только восточный угол жилища, остальная его часть уходила под проходящую на останце дорогу. Контуры жилища в раскопе прослеживались по заполнению коричневого цвета, которое выделялось в черноземном окружении. Жилище относится к типу полуземлянок. Его пол находился на глубине 1,8—2 м от современной и 1,2 м от древней поверхности и представлял собой утрамбованный серозем мощностью 0,1—0,35 м, ниже которого залегала материковая глина. Под печи находился на расстоянии 2 м к югу-западу от границы коричневого слоя (от северо-восточной стенки жилища). Он размещался в 2,5—3 м от восточного угла жилища. Если предположить, что печь располагалась в центре жилища, то его форму можно представить как прямоугольник

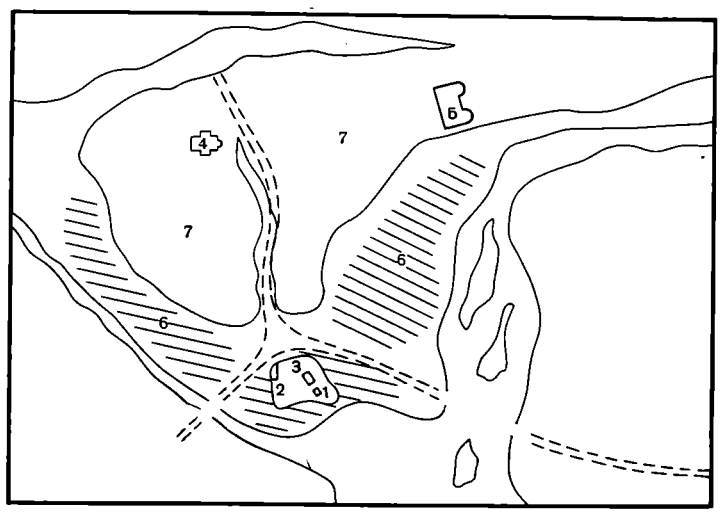


Рис. 1. План Старого города. *1* — место обнаружения жилища; *2* — место обнаружения фундамента XIV—XV вв.; *3* — местоположение замка князей Заславских; *4* — Фарный костел; *5* — Бернардинский монастырь; *6* — выходы культурного слоя на надпойменной террасе; *7* — Старый Город

[1] Раскопки проведены группой археологии института «Укрпроектреставрация».

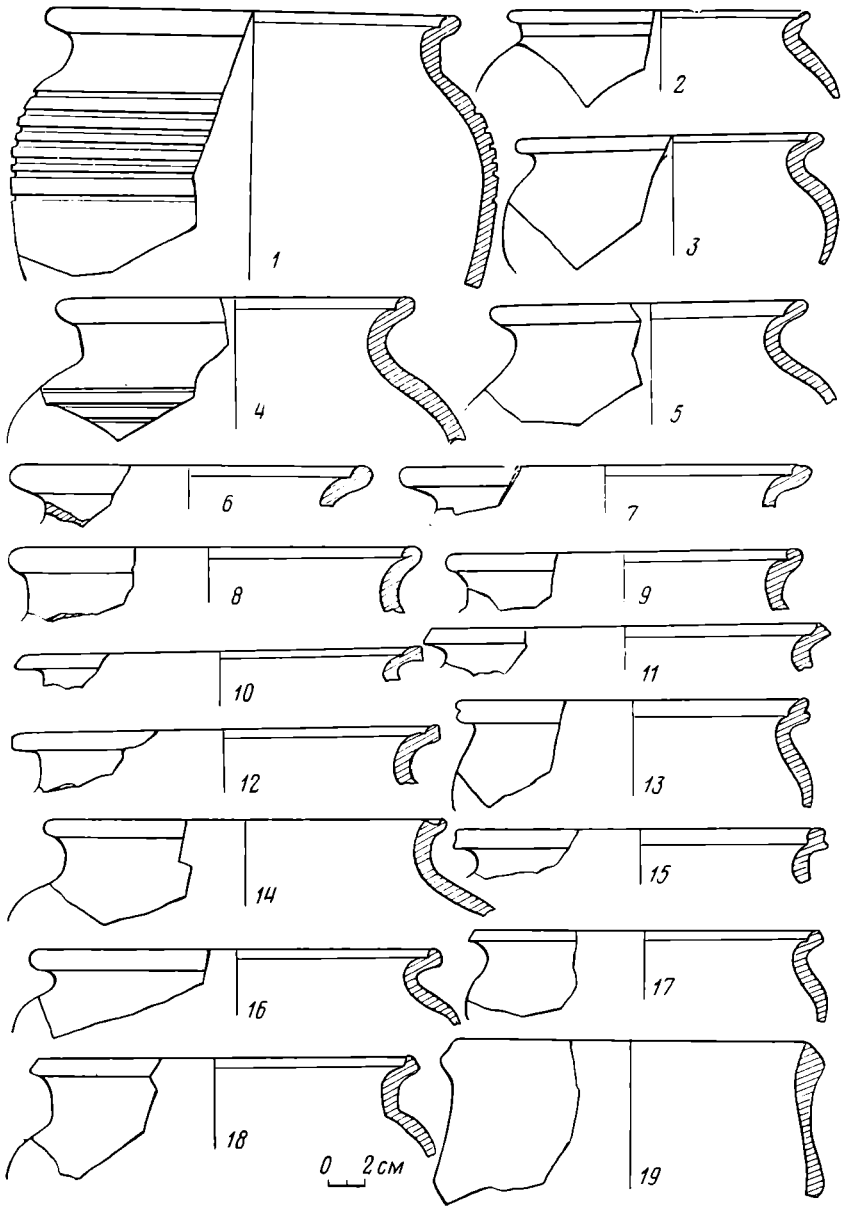


Рис. 2. Керамика. *1—13, 19* — верхний слой; *14—18* — подъемный материал

со сторонами 4×5—6 м. В разрезе под печи трехслойный: на сероземе лежали тонкие обуглившиеся прутья (2—2,5 см), на них был уложен слой глины (4 см), выше глины находился частично оплавленный песок (6,5 см) с фрагментами керамики.

На полу по всей открытой площади жилища прослеживался слой коричневого цвета (0,2 м), выше зафиксирован перемешанный грунт — чернозем с материковой глиной. Находки древнерусского времени связаны с обоими слоями. Коричневый слой, без сомнения, принадлежит жилищу. Присутствие же в верхнем слое глины, тонких кирпичей и фрагмента лепного сосуда эпохи бронзы свидетельствует о том, что он был перемещен на место жилища после того, как последнее уже было заброшено. По-видимому, после разрушительного нашествия орд Батыя жизнь на останце вновь возрождается. На его территории, вероятно, в центральной части, велись строительные работы, которые уничтожили находившееся там еще одно заброшенное древнерусское жилище, а его заполнение и собственный строительный мусор (глина, кирпичи) были сброшены на периферию останца, где они частично попали в открытое нами жилище. О том, что такие работы велись, говорит открытый в юго-западном углу останца фундамент оборонительной стены замка XIV—XV вв. Та-

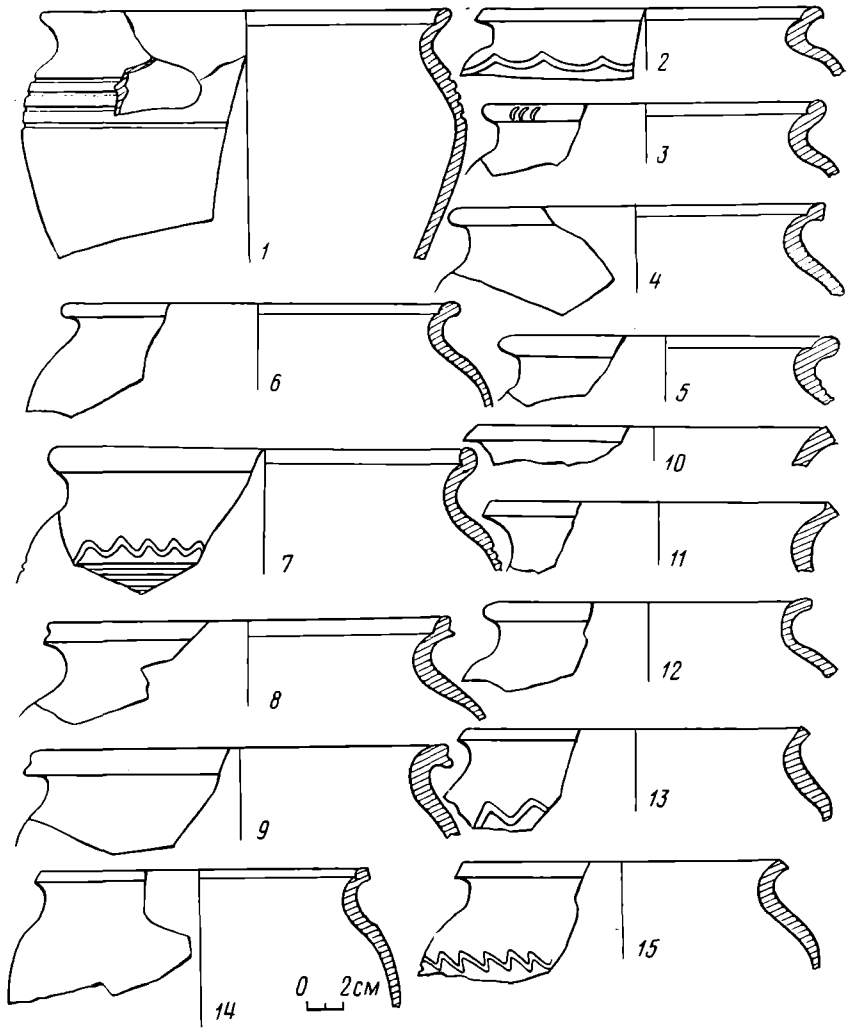


Рис. 3. Керамика. *1—15* **— нижний слой**

ким образом, с жилищем связан только нижний коричневый слой, в котором обнаружены фрагменты керамики[2], изделия из железа, стекла и кости животных (рис. 3; 4, *1—8*).

Керамические изделия представлены фрагментами горшков двух типов. Чаще встречаются короткошейные сосуды с отогнутым наружу венчиком, край которого закруглен или срезан наклонно (рис. 3, *1—3*, *5*). Горшки второго типа имеют удлиненную, плавно отогнутую шейку и венчик, край которого, как и в предыдущем случае, закруглен или срезан наклонно (рис. 3, *4*, *6—9*, *14*). В небольшом количестве встречены фрагменты горшков с расчленным венчиком (рис. 3, *8*, *9*) и с загнутым вовнутрь краем в виде «птичьего носа» (рис. 3, *11*). Сосуды изготовлены из глины с естественными примесями слюды, блестки которой заметны на их поверхности. В тесто добавляли песок с крупными зернами кварца. Черепок в изломе, как правило, монохромный, однако встречаются фрагменты двух- и трехслойные. Горшки в основном сероглиняные, однако у части сосудов цвет черепка варьирует в диапазоне коричневого и светло-красного тонов. Некоторые сосуды орнаментированы «волной» и неглубокими кольцевыми бороздками, располагавшимися в верхней части плечиков. В одном случае по внешнему краю венчика были нанесены косые вдавления (рис. 3, *3*). На некоторых фрагментах сохранился ангоб белого

[2] Графическая реконструкция форм сосудов проведена по методике, предложенной М. П. Грязновым.

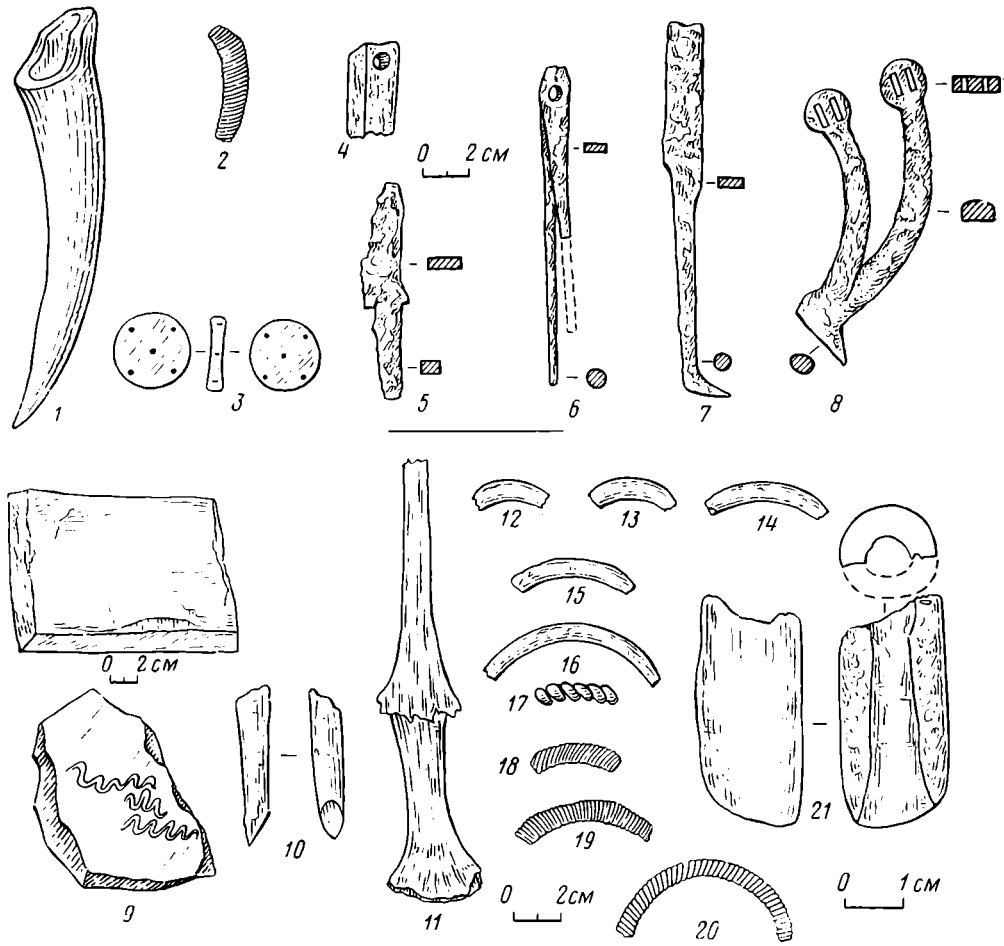


Рис. 4. Индивидуальные находки. *1—8* — нижний слой; *9—21* — верхний слой

и желтоватого цвета. В этом же слое найдены два фрагмента стенок красноглиняных толстостенных амфор.

Керамический комплекс нижнего слоя находит аналогии в материале древнерусских городищ, обычно датируемом XII — первой половиной XIII в. К этому же времени следует отнести и жилище, открытое на останце.

Железные предметы представлены шпорой, фрагментами кузнечных клещей, ключа и ножа. Шпора имеет конический шип, изогнутые дужки и дисковидные петли с парой прорезей в каждой (рис. 4, *8*). Близкие по форме шпоры встречены на древнерусском городище у с. Городище Шепетовского района [1, табл. XVIII, XIX]. Клещи представляют собой два сросшихся в результате коррозии стержня диаметром 0,5—0,7 см, длиной 18 см. В верхней части, где находится отверстие, стержни имеют прямоугольное сечение и несколько расширяются (рис. 4, *6*). Фрагмент, напоминающий по форме ключ, можно отнести к типу ключей от замков-засовов с пружиной. Щиток отломан. Противоположный щитку конец стержня загнут под прямым углом. Длина стержня 14 см (рис. 4, *7*). Нож фрагментирован и сильно испорчен коррозией. Длина лезвия 5 см черешка — 3,5 см (рис. 4, *5*).

В этом же слое найден точильный брусок. Он изготовлен из мелкозернистого песчаника. В верхней части имеется сквозное отверстие диаметром 4 мм, нижняя часть отломана. Размеры бруска 1,5×1,5 см, длина 3,5 см (рис. 4, *4*).

Интересна свинцовая шайбовидная поделка с пятью сквозными отверстиями диаметром 1 мм. Четыре отверстия расположены по краю диска, пятое — в центре. Диаметр поделки 2,8 см, толщина 6,5 мм (рис. 4, *3*). В нижнем слое найден также рог животного со следами об-

работки (рис. 4, *1*) и фрагмент округлого в сечении мелкокрученого браслета из синего стекла (рис. 4, *2*).

В верхнем смешанном слое находились фрагменты керамики, изделий из стекла, обломки и целые экземпляры кирпичей, кости животных и фрагмент керамической поделки цилиндрической формы (рис. 4, *21*). Керамика верхнего слоя (рис. 2, *1—13*) по форме, орнаменту и др. не отличается от сосудов нижнего слоя. В верхнем слое найден также фрагмент лепного сосуда эпохи бронзы с небольшим оттянутым ушком под венчиком. Черепок в изломе темно-серый с примесью песка и слюды (рис. 2, *19*). Изделия из стекла представлены фрагментами браслетов: гладких (зеленый и бирюзовый цвет стекла), крученых (из стекла темно-синего и фиолетового цвета) и витого (четыре нити фиолетового стекла) (рис. 4, *12—20*). Среди костяных изделий имеется лощило со сработанным нижним краем (рис. 4, *10*).

В верхнем слое найдено также небольшое количество костей животных, в том числе рог оленя (рис. 4, *11*). Здесь же обнаружены обломки и сохранившиеся неповрежденными тонкие кирпичи (рис. 4, *9*) трех основных размеров: 19×14×3, 21×13×3 и 23×16×3 см. На одном из фрагментов отмечена трехрядная «волна» (рис. 4, *9*). Кирпичи изготовлены из глины, которая при обжиге дала гамму цветов от кирпично-красного до бледно-розового. Глина круто замешана, в тесте видны отдельные ее комья. Формовка кирпичей нечеткая, отдельные части их плоскостей доводились до кондиции вручную, в результате чего поверхность становилась бугристой. Следы раствора на кирпичах не отмечены ни разу.

В юго-западном углу останца открыт фундамент (ширина 0,7 м) оборонительной стены, сложенный из известняка, выходы которого известны в окрестностях Изяслава. Остатки такого же фундамента обнаружены в северной и восточной частях останца. В кладке фундамента использовался рифленый, т. н. «литовский» кирпич.

Открытое на останце жилище, как упоминалось выше, относится к XII — первой половине XIII в. Этим же временем, судя по фрагментам керамики, следует датировать и переотложенный верхний слой. Собранный в небольшом количестве на прилегающей к останцу надпойменной террасе подъемный материал также относится к XII—XIII вв. Отсутствие на останце сплошного культурного слоя не позволяет предполагать наличие здесь обычного в нашем представлении поселения, хотя топографические условия для этого достаточны. Очевидно, на рассматриваемой территории располагалось только несколько жилищ, одно из которых и было открыто в восточной части останца.

Находки стеклянных и металлических изделий и амфорной керамики дают основание рассматривать открытое на останце жилище как жилище городского типа [2, с. 25—26; 3, с. 109]. Явно городской облик имело и другое разрушенное жилище, в переотложенном слое которого найдены стеклянные браслеты. Отсутствие культурного слоя за пределами жилищ указывает на то, что они находились за чертой города, который мог располагаться в непосредственной близости. Мало вероятно, что это мог быть город у современной Шепетовки [4]: расстояние между этими пунктами около 20 км. На наш взгляд, более перспективным является мыс коренного берега севернее останца (Старый город), имеющий вполне приемлемые для размещения города топографические условия (рис. 1). Именно в этом месте отмечалось наличие городища с валом [5, с. 103], остатки которого можно видеть и в настоящее время недалеко от Бернардинского монастыря вдоль левого берега большого оврага.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ. 1973, вып. Е1-36.
2. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
3. *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972.
4. *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1964 гг.— В кн.: Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии. М., 1965.
5. *Антонович В. Б.* Археологическая карта Волынской губ.— Тр. XI АС. М., 1901.

ЩЕРБОВ С. Г.

НЕОПОЗНАННЫЙ ПОРТАЛ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII В. ИЗ СУЗДАЛЯ

Из литературы о Богородице-Рождественском соборе г. Суздаля известно, что западный, южный и северный порталы притворов этого собора своим убранством сильно отличаются друг от друга [1, с. 32—35; 2, с. 36—54]. У южного портала (рис. 1) также и отдельные элементы его декора удивительно не согласованы между собою. Перечислим эти случаи несогласования. Крайняя (наружная) пара полуколонок южного портала отдалена от внутренних двух пар колонок и вместо капителей, как у последних, имеет в завершении прямоугольные плиты с резными изображениями припавших на передние лапы львов. Четыре внутренних колонки не «утоплены» в углах уступов косяков портала, как на западном портале собора, а как бы приставлены к своим уступам. Базы крайней пары полуколонок находятся на уровне «аттического» цоколя собора, а базы внутренних колонок выше цоколя, и под ними помещены квадры с резными изображениями львов и птиц. Базы крайней пары полуколонок не имеют угловых «грифов», а у баз внутренних колонок они имеются. Стволы внутренних колонок опоясаны «бусинами», а на крайних полуколонках их нет. Стволы внутренних колонок, судя по их орнаментации, перепутаны и не везде по толщине соразмерны со своими капителями и базами. Абаковое завершение одной колонки имеет иной рисунок, чем все остальные завершения [2, рис. 21—31].

Перечисленные несогласования не получили в литературе необходимого объяснения. Между тем они имеют решающее значение для понимания истории создания существующего портала южного притвора суздальского собора. Здесь безусловно соединены два портала — один помещен внутри другого. Наружный портал южного притвора имел арку, размеры которой определяются плитами с изображениями львов. Плиты эти служили здесь импостами. Части внутреннего портала этого же притвора были взяты для уменьшения просвета арки при переносе на наружный портал «медных врат» («золотых» дверей).

Существующий портал южного притвора представлял собой первоначально открытую арку, декорированную изображениями львов на импостах, парой полуколонок, орнаментированным валиком на архивольте, как бы стягивающим все элементы в единое целое, и широкой, также орнаментированной лентой архивольта под указанным валиком. Архивольт, к сожалению, сохранился в переложенном виде с небольшим нарушением размера арки и хаотично размещенной орнаментацией. Пока неясно, относятся ли «абаковые» плиты с резной плетенкой в завершениях импостов к первоначальному оформлению или ко времени переустройства портала. Иной, чем другие, рисунок резьбы у абака одной колонки, указывает на состоявшийся ремонт или перекладку всей ленты абаковых камней портала.

Исследователь собора А. Д. Варганов считал, что портал южного притвора храма и до переустройства имел еще два уступа косяков и одну внутреннюю пару колонок [3, рис. на с. 21]. Однако описанное выше несогласование с наружной парой полуколонок и отмеченные отличия рисунка абака капители одной из колонок заставляют считать их неодновременным с самой аркой.

Вопрос об изначальном наличии у арки южного портала дополнительных уступов косяков нуждается в дополнительных изысканиях. Во владимиро-суздальском зодчестве порталы с несколькими уступами косяков были традиционными. Портал северного притвора суздальского собора имеет такие уступы, однако они сложены из плинфы. Портал же южного притвора — белокаменный, при создании его арки могли, в целях расширения входа, отказаться от дополнительных уступов.

Собор Рождественского монастыря во Владимире (1192—1195 г.), сохранившийся в перестроенном в XIX в. виде, имеет портал, несколько

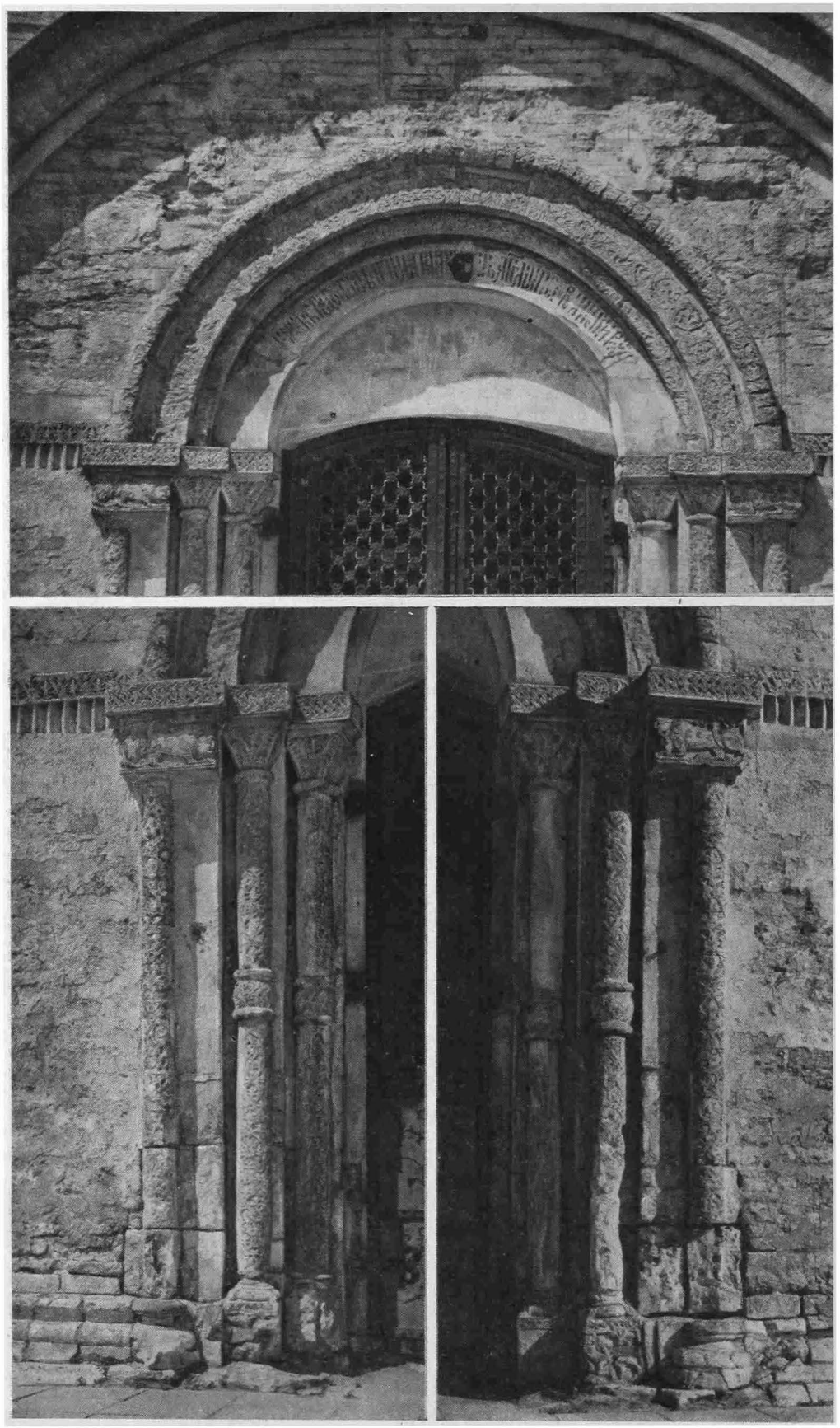


Рис. 1. Южный портал Богородице-Рождественского собора в г. Суздале (фото Г. К. Вагнера)

напоминающий портал южного притвора суздальского собора (только без колонок) [2, рис. 59]. Однако этот портал принадлежал самому храму, а не его притвору, косяки с уступами здесь, наоборот, могли появиться в целях сужения дверного проема.

Портал южного притвора суздальского собора в виде арки с резными изображениями львов на импостах, несомненно, появился в результате перестройки первоначального портала — такого же, как на северном притворе собора. Очевидно, это было сделано в целях придания большей торжественности южному входу в храм со стороны городской площади [2, с. 31].

Отнести перестройку портала южного притвора ко времени общей перестройки собора (1222—1225 гг.) вряд ли возможно. Порталы этого времени были иными (наружный и внутренний порталы западного притвора суздальского собора). Они сооружались по окончательно установившейся форме — с колонками, «утопленными» в углах нескольких уступов косяков [2, с. 16—20]. Время создания портала южного притвора суздальского собора, вероятно, следует определить более ранним периодом и отнести к 1194 г., когда собор капитально ремонтировался [1, с. 19; 2, с. 18]. Образцом декора, по всей видимости, послужил портал притвора дворцового собора Рождества Богородицы в Боголюбовском замке, сооруженном между 1158 и 1165 гг. Н. Н. Воронин считает, что портал собора Боголюбовского замка (собор этот перестроен в XVIII в.) был с открытой аркой и, таким образом, являлся, как бы, «сенями» или «крыльцом». Аналогичное мнение было высказано А. Д. Варгановым и Н. Н. Ворониным и в отношении наружного портала западного притвора суздальского собора [1, с. 24]. Ориентироваться на портал притвора собора Боголюбовского замка позволяют и рельефные женские головы, находящиеся на фасадах Богородице-Рождественского собора в Суздале. П. Д. Барановский установил, что эти женские головы имеют на своих камнях с боковых сторон (внутри кладки стен) такие же изображения, но с нимбами, как на известной боголюбовской «капители», обнаруженной при раскопках Н. Н. Ворониным [2, с. 74; 3, с. 20].

Вероятно, после прекращения строительной деятельности в Боголюбовском замке в 1175 г. несколько мастеров-строителей и резчиков по камню переселились в Суздаль и этим способствовали возникновению там местной школы камнерезов. В результате к 1194 г. появилась возможность при ремонте суздальского собора не искать «мастеров от немец», а ограничиться местными кадрами [2, с. 76]. Они-то и создали рассматриваемый портал южного притвора с изображениями львов на импостах. При перестройке же собора в 1222—1225 гг. был «встроен» внутренний портал южного притвора, части которого позднее были перенесены на наружный портал. Тогда же, возможно, были покрыты резным орнаментом крайние полуколонки наружного портала.

Определение первоначальной формы созданного в 1194 г. портала южного притвора суздальского собора имеет существенное значение. Во-первых, это позволяет установить еще один — «промежуточный» — тип портала между порталами начальной поры владимиро-суздальского зодчества и его концом. Во-вторых, тем самым мы окончательно подтверждаем мнение Н. Н. Воронина о несохранившемся портале притвора Боголюбовского собора Рождества Богородицы.

В заключение следует коротко остановиться на вопросе о времени перенесения на наружный портал южного притвора суздальского собора знаменитых «медных врат», при котором портал был подвергнут сильному искажению. Существует мнение, что это было сделано во время перестройки суздальского собора в 1222—1225 гг., т. е. что боковые притворы этого собора уже тогда стали его поперечными нефами [1, с. 22, 23]. Однако былое наличие внутреннего портала, части которого были позднее перенесены вместе с «медными вратами» на наружный портал южного притвора, не позволяет согласиться с этой датой.

Вероятнее всего, «медные врата» были перенесены на наружный портал значительно позднее,— на рубеже XVII—XVIII в., когда расширяли

интерьер суздальского собора и вообще приспосабливали здание «к новым вкусам своего времени» [1, с. 20]. Это время переноса «медных врат» подтверждается и установкой четырех внутренних колонок портала не в углублениях уступов его косяков, как это практиковалось во владимиро-суздальском зодчестве конца XII — нач. XIII в., а перед уступами, что характерно для искусства барокко XVII—XVIII вв.

Устройство еще одних, застекленных, дверей для защиты «медных врат» нанесло дополнительные повреждения порталу, что можно видеть на рисунке З. Пчелкиной в труде Н. Н. Воронина [1, вклейка между с. 32 и 33].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. II. М.: Наука, 1962.
2. *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М.: Искусство, 1975.
3. *Варганов А.* Суздаль. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1944.

Критика и библиография

Michael Vickers. Scythian Treasures in Oxford. Ashmolean Museum. Oxford, 1979, 56 p., XVIII pl.

К числу интереснейших погребений, обнаруженных на Боспоре, несомненно, относится небольшая группа захоронений V—IV вв. до н. э. из некрополя в Нимфее, обладающих чертами смешанного греко-варварского ритуала. Они были исследованы в 1876 и 1878 гг. А. Е. Люценко, Н. П. Кондаковым и С. Веребрюсовым, в процессе раскопок нетронутого кладоискателями участка курганного могильника [1, с. 8—29; 2, с. 220—240; 3, с. 34—36]. Великолепные находки, происходящие из этих погребений (чернолаковая, расписная, бронзовая греческая посуда, украшения из драгоценных металлов, являющиеся высокохудожественными произведениями античного искусства, прекрасные наборы греческого и скифского вооружения, конские уборы, оформленные в традициях звериного стиля), заняли достойное место в собрании Эрмитажа и прочно вошли в сферу внимания специалистов по античной и скифской археологии.

Названные погребения были определены М. И. Ростовцевым как могилы знатных эллинизованных скифов [4, с. 76; 5, с. 389—392; 6, с. 344—348], что впоследствии встретило поддержку и признание со стороны антиковедов [7, с. 277—278; 8, с. 289—290; 9, с. 51—87; 10, с. 359] и скифологов [11, с. 93; 12, с. 198; 13, с. 73; 14, с. 69—70; 15, с. 51; 16, с. 72]. Подробный анализ находок из указанных захоронений осуществлен Л. Ф. Силантьевой [9, с. 190].

Помимо упомянутых погребений, материалы из которых стали достоянием отечественной науки, на территории нимфейского некрополя еще ранее, в декабре 1868 г., кладоискателем Ф. Биллером были раскопаны несколько могил, в общих чертах аналогичных вышеназванным [9, с. 10; 12, с. 190]. Директор Керченского музея А. Е. Люценко не смог заплатить находчику 3000 руб. за приобретение вещей из захоронений для музейного собрания, и последние были проданы в Англию, попав со временем в Оксфорд. В апреле 1869 г. А. Е. Люценко подал рапорт с кратким описанием случившегося в Археологическую комиссию, снабдив его альбомом рисунков, выполненных художником Ф. Гроссом [9, с. 10]. Он же опубликовал краткую информацию о двух раскопанных Ф. Биллером курганах, содержащих две гробницы. В одной из них было парное захоронение мужчины-воина и женщины, во второй — останки воина в тяжелом защитном вооружении [17, с. 54—55].

Вещи, оказавшиеся в Оксфорде, были изданы в 1884 г. Е. А. Гарднером [18, с. 62—73]. Последний не располагал сведениями о заметке, помещенной А. Е. Люценко в «Трудах Московского археологического общества». При описании оксфордской коллекции он использовал данные, полученные от находчика. По Е. А. Гарднеру, в Оксфорде хранится инвентарь пяти сравнительно богатых греческих погребений: одного мужского и четырех женских [1]. Местом находки ошибочно был назван Пантикапей [18, с. 62]. Е. А. Гарднер отнес вещи к эпохе Александра Македонского [18, с. 72].

Сведения, приводимые в публикациях А. Е. Люценко и Е. А. Гарднера как о количестве раскопанных могил, так и о наборе инвентаря в каждой из них, весьма противоречивы. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание исследователи, интересовавшиеся в той или иной степени нимфейскими древностями, хранящимися в Оксфорде [5, с. 389; 9, с. 10—11; 12, с. 190]. В 1970 г. Е. В. Черненко переиздал материалы двух погребений, о которых сообщается в заметке А. Е. Люценко, в частности набор тяжелого защитного вооружения из оксфордского собрания. Он справедливо указал на неточности в описании, интерпретации и датировке находок в работе Е. А. Гарднера. Е. В. Черненко верно определил блок из

[1] Помимо Е. А. Гарднера эти могилы считал греческими Э. Миннз [19, с. 210].

узких длинных бронзовых пластин, прикрепленных к кожаной основе, как оригинального типа поножа [12, с. 197]. На основании аналогий предметам вооружения (в первую очередь наконечникам стрел) исследователь датировал оба погребения второй половиной V в. до н. э. [12, с. 198].

Но большинство нимфейских вещей из оксфордского собрания для советских специалистов оставались малодоступными. Поэтому особый интерес представляет изданная в Англии работа М. Виккерса «Скифские сокровища в Оксфорде». М. Виккерс предпринял полное издание нимфейских находок, хранящихся в собрании музея. При подготовке материалов к печати он широко использовал консультации различных специалистов, осуществивших антропологическое изучение костных остатков из могил, исследование ткани, кожи, металлических изделий и т. д. Рецензируемая работа, небольшая по объему, состоит из предисловия, введения, свода таблиц, на которых предметы представлены в черно-белом изображении, и каталога, где дано подробное описание каждой вещи, с указанием размеров изделия, известных ему аналогий, даты и литературы, где оно опубликовано. Работа снабжена тремя приложениями, включающими заметку А. Е. Люценко, напечатанную в Трудах Московского археологического общества, впервые публикуемый рукописный отчет Ф. Биллера о раскопках нимфейских могил, хранящийся в Отделе древностей музея, и уже упомянутый рапорт А. Е. Люценко.

В предисловии сообщаются некоторые новые данные об истории приобретения нимфейских находок англичанами. Согласно им, вещи из погребений, раскопанных в 1868 г., были проданы в 1869 г. Ф. Биллером английскому инженеру В. Сименсу, вывезшему их впоследствии в Англию. В. Симменс в это время находился в Крыму, на Керченском полуострове, и принимал участие в строительстве участка Индо-Европейского телеграфа через Керченский пролив. В Оксфорд находки попали в 1880 г. В 1885 г. они были переданы в Ashmolean Museum. В предисловии автор приводит и описание погребений.

Основной вывод, к которому пришел М. Виккерс, анализируя нимфейские материалы, рукописный отчет Ф. Биллера и заметку А. Е. Люценко, заключается в том, что в Оксфорде находится инвентарь не пяти погребений, как считалось ранее, а шести. Как справедливо указал автор, одна из могил, которые описаны А. Е. Люценко (погребение воина с набором тяжелого защитного вооружения) вообще не упоминается в отчете Ф. Биллера и соответственно в публикации Е. А. Гарднера. Между тем вещи из нее хранятся в оксфордском собрании. Е. А. Гарднер ошибочно включил бóльшую часть содержимого этой могилы в состав комплекса из могилы 1 [18, с. 64]. М. Виккерс установил, что могила 1 (по Ф. Биллеру и Е. А. Гарднеру — «могила воина») на самом деле являлась парным захоронением воина и женщины. Описание именно этой могилы приводится в заметке А. Е. Люценко. Основанием для такого вывода явился результат антропологического исследования черепа и нижней челюсти, сохранившихся в этом погребении. Выяснилось, что они принадлежат не одному индивиду (мужчине), а двум: череп — мужчине 25—35 лет, челюсть — женщине. В свете этого стал объяснимым набор погребального инвентаря из данной могилы, включающий помимо предметов вооружения вещи, характерные для женских захоронений (зеркало, серьги, ожерелье и пр.). Таким образом, установлено, что в оксфордской коллекции представлены вещи из пяти одиночных погребений (четырех женских и одного мужского) и одного парного (мужского и женского).

Достаточно убедительной выглядит реконструкция состава инвентаря каждой из могил, основанная на критическом использовании сведений из заметки А. Е. Люценко и отчета Ф. Биллера. Отметим, что ряд вещей, о которых говорится в письменных источниках, отсутствует в собрании Оксфорда (например, мечи, найденные в могилах 1 и 6). Вместе с тем в оксфордском собрании есть некоторые предметы, не упомянутые ни А. Е. Люценко, ни Ф. Биллером, в частности стеклянный алабастр, браслеты с бараньими головками на концах, бронзовый шлем. Правда, браслеты и шлем фигурируют в перечне рисунков Гросса, прилагающемся к рапорту А. Е. Люценко.

Интересны результаты анализа остатков ткани из могилы 1, приводимые М. Виккерсом. По заключению специалистов, подобная ткань производилась в Милете и, несомненно, является предметом импорта в Нимфей. Как импорт рассматривается и бронзовая ручка от патеры, наиболее близкие аналогии которой известны в памятниках этрусков.

Время погребений устанавливается М. Виккерсом в основном по аттической керамике (краснофигурной и чернолаковой) в пределах V в. до н. э. Пять могил отнесено ко второй половине V в. до н. э., одна могила (4) — к первой половине этого столетия.

Заслуживает внимания замечание М. Виккерса о том, что круг образов на аттической расписной посуде, происходящей из погребений (лежащие олени, собака, преследующая зайца и др.), находит аналогии среди изделий, обнаруженных в курганах Скифии. В качестве примера указывается сцена преследования зайца собакой на пекторали из Толстой Могилы. По мнению автора, это свидетельствует о том, что названные сосуды производились в Аттике с учетом вкусов заказчиков-скифов. Это положение, вероятно, следует распространить в целом на население Боспора, подвергшееся довольно сильной варваризации.

Приводя аналогии для ряда нимфейских изделий, хранящихся в Оксфорде, М. Виккерс сообщает весьма любопытные сведения о том, что к их числу относятся золотые «ладьевидные» серьги, украшенные зернью[2], и золотые бляшки в виде зайцев, находящиеся в Национальном музее Дании в Копенгагене. Серьги попали туда в 1871 г., бляшки — в 1867—1868 гг. По предположению английского автора, указанные предметы могут являться вещами из погребений, раскопанных в Нимфее.

Помимо описания собственно погребальных комплексов в работе М. Виккерса дана краткая историческая справка о скифах, их истории и культуре. Она сопровождается картой Северного Причерноморья с указанием основных скифских памятников, а также греческих колоний.

Рецензируемая работа не лишена некоторых недостатков. Главный из них заключается в том, что М. Виккерс рассматривает все нимфейские могилы, вещи из которых хранятся в Оксфорде, как погребения скифов (о чем в первую очередь свидетельствует название работы). С этим нельзя согласиться. Л. Ф. Силантьева, обстоятельно изучавшая нимфейский некрополь, четко выделила признаки, характерные для местного негреческого обряда: 1) наличие конских погребений под одной курганной насыпью с человеческой могилой; 2) включение в состав погребального инвентаря украшений конской узды; 3) наличие золотой гривны на шее умершего; 4) украшение одежды или покрывала бляшками со звериными и другими мотивами [9, с. 51]. Исходя из этих признаков, к числу собственно скифских погребений, находки из которых находятся в Англии, следует отнести лишь три могилы: 1 (парная), 4 (женская) и 6 (мужская, воинская). Таким образом, помимо могил, описанных в заметке А. Е. Люценко (1, 6), которые традиционно считаются скифскими [12, с. 198; 14, с. 69—70], сюда включена могила 4 (описанная Ф. Биллером), поскольку одежда (или покрывало) погребенной в ней женщины была обильно украшена золотыми нашивными бляшками, выполненными в зверином стиле. Остальные три погребения скорее всего греческие. Напомним, что еще М. И. Ростовцев рассматривал большинство могил, описанных Е. А. Гарднером, как греческие. Исключением, по мнению М. И. Ростовцева, являлось захоронение тяжеловооруженного воина, которое «ведет нас к некоторым курганам с ярко подчеркнутым скифским обрядом погребения..., исследованным в 1876 и 1878 гг. А. Люценко, Н. Кондаковым и С. Веребрюсовым» [5, с. 389—390].

Есть и мелкие замечания. М. Виккерс уверенно включает бронзовый шлем иллирийского типа, о котором (как уже отмечалось) нет упоминаний ни в заметке А. Е. Люценко, ни в рукописном отчете Ф. Биллера, но который фигурирует в перечне рисунков Гросса, в состав инвентаря воина из парной могилы 1. Оснований для этого нет. Тот факт, что череп из этой могилы «подходит шлему» («Fits in the helmet» — с. 34), вряд ли относится к числу убедительных аргументов. Скорее шлем происходит из могилы воина, сопровождавшегося набором тяжелого защитного вооружения (могила 6), хотя он и не упомянут в заметке А. Е. Люценко.

Вызывает возражение определение функционального назначения некоторых вещей из оксфордского собрания. Два золотых кольцевидных предмета со спиральной обвивкой и разомкнутыми утонченными краями (табл. VI, *d*), найденные в женской могиле 2, названы в работе застежками от одежды («dress fasteners» — с. 38). Нам представляется, что это серьги.

---

[2] По В. Г. Петренко, «серьги с туловом в виде полого калачика» (тип 9, вариант 5) [20, с. 29—30].

Высказанные замечания не могут повлиять на общую положительную оценку работы. Она, несомненно, вызовет интерес как у антиковедов, так и у скифологов, поскольку вводит в научный оборот достаточно надежный источник по исследованию греко-варварских связей на Боспоре.

Скорый С. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОАК за 1876 г. Спб., 1879.
2. ОАК за 1877 г. Приложения. Спб., 1880.
3. ОАК за 1878–79 гг. Спб., 1881.
4. *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
5. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
6. *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. B. I. B., 1931.
7. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.– Л.: Изд-во АН СССР. 1949.
8. *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971.
9. *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.– МИА, 1959, № 69.
10. Археологія Української РСР. Т. 2. Київ: Наук. думка, 1971.
11. *Троицкая Т. Н.* Скифские курганы Крыма.– ИКОГО, 1951, вып. 1.
12. *Черненко Е. В.* Погребение с оружием из некрополя Нимфея.– В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка. 1970.
13. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Изд-во МГУ, 1971.
14. *Яковенко С. В.* Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ: Наук. думка, 1974.
15. *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII–V вв. до н. э.– В кн.: Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
16. *Ольховский В. С.* О населении Крыма в скифское время.– СА, 1982, № 4.
17. *Люценко А.* Раскопки в курганах, находящихся на предполагаемой местности древней Нимфеи.– Древности, 1870, т. 11.
18. *Gardner E. A.* Ornaments and armour from the Kertch in the New Museum at Oxford.– JHS, 1884, t. V.
19. *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
20. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н. э.– САИ, 1978, вып. Д4-5.

С. Н. Бибиков. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев: Наук. думка, 1981, 108 с.

Рецензируемая монография С. Н. Бибикова относится к числу работ синтетического характера, объединяющих в себе различные аспекты изучения древних обществ. Автор решает широкий круг вопросов как описательно-вещеведческого плана, так и историко-интерпретационных. Важнейшими среди вопросов, поставленных автором, являются следующие: выявление общих и специфических черт мезинской культуры; анализ хозяйственно-бытовых комплексов Мезинского поселения и попытка реконструкции палеоэкономики населения; характеристика изобразительного и музыкального комплексов и воссоздание общей картины развития музыкального и танцевального творчества в позднем палеолите Восточной Европы.

Перечисленным задачам подчинена структура монографии: книга состоит из введения, четырех основных разделов и заключения. Первый раздел посвящен характеристике мезинской культуры и ее месту среди позднепалеолитических культур сопредельных территорий. Основное внимание здесь уделяется изучению хозяйственно-бытовых комплексов, что создает основу для палеоэкономических реконструкций. С. Н. Бибиков рисует сложную и многогранную картину производственной и бытовой жизни мезинского человека. Он специально рассматривает вопрос об особенностях домостроительства в позднем палеолите Восточной Европы, способах сооружения жилых построек и устройства поселений. На этой основе в монографии делается вывод о том, что мезинский археологический комплекс при всей его специфичности имеет большое сходство с хронологически соотносимыми памятниками Восточной Европы (с. 35). Автор не ограничился констатацией особенностей отдельных хозяйственно-бытовых комплексов Мезина, а на основании всей суммы данных предпринял попытку определить экономический потенциал поселения. Исходя из количества выраженных очагов на территории поселения и ориентируясь на засвидетельствованные этнографией данные о средней численности семьи у северных народностей, он определяет численность членов мезинской общины — около 50 человек. На основании расчетной численности убитых на охоте животных С. Н. Бибиков определяет общее количество мяса, потребленное обитателями Мезинского поселения, в 270 т. Эти полученные аналитическим путем цифры и достоверно

известные нормы потребления мяса у охотников тундры дают возможность вычислить длительность существования Мезинского поселения. По заключению С. Н. Бибикова, она равнялась 22—23 годам.

Во втором разделе детальному анализу подвергнут «хозяйственно-бытовой комплекс 1». Внимание сосредоточено на описании конструктивных особенностей жилища из толстых жердей, костей мамонта и, вероятно, шкур животных. Автор анализирует очаги в жилище и вне его, ямы-хранилища и следы производственной деятельности и приходит к выводу, что «комплекс 1» в последние годы существования поселения не был жилищем, а выполнял иные, первоначально не свойственные ему функции. Из этнографии известно существование у малых народностей севера специальных обрядовых домов, по своей конструкции мало чем отличающихся от жилых построек. Специфические функции «комплекса 1» на Мезинском поселении подтверждаются составом встреченных здесь находок, которые никак нельзя связать с производственно-бытовой сферой деятельности.

Рассмотрению «комплекса 1» сквозь призму социально-идеологической интерпретации посвящен третий раздел монографии С. Н. Бибикова. Исследователь очень подробно характеризует находки, сосредоточенные в пределах комплекса, и приходит к выводу, что орнаментированные зигзагом кости мамонта и некоторые другие находки, сосредоточенные в одном месте, можно рассматривать в качестве древнейших музыкальных инструментов. Напомню, что впервые опубликовавший эти предметы И. Г. Шовкопляс не решился определять их назначение из-за уникальности и отсутствия аналогий в материалах других памятников. И. Г. Пидопличко рассматривал тот же набор находок в качестве своего рода культового уголка.

В состав набора входят орнаментированные лопатка, бедренная кость, тазовая кость, две нижних челюсти и обломок лобной части черепа. Лопатка, в отличие от многочисленных лопаток, использовавшихся в конструкции постройки, сохраняет на латеральной поверхности гребень. На медиальной, украшенной зигзагом поверхности хорошо просматриваются семь участков с отчетливыми следами повреждения компакты кости. Повреждения в виде залощенности имеются на шейке лопатки, а также на краниальном и каудальном участках. Бедренная кость украшена зигзагом на поверхности диафиза, здесь же расположены следы повреждения в виде продольных трещин и частых отслоений поверхности компакты. Губчатая масса удалена, мозговой канал открыт.

Суммарный анализ повреждений на орнаментированных костях мамонта из «комплекса 1» позволяет разделить повреждения на три группы: 1) деформация компакты, возникшая под влиянием частых и сосредоточенных ударов на отчетливо локализованных участках кости; 2) заполировка и залощенность; 3) сильная затертость выступающих участков и краев вплоть до обнажения губчатой массы кости. Изучение характера повреждений (в том числе с применением методов судебной экспертизы) позволило С. Н. Бибикову утверждать, что эти повреждения связаны не с утилитарной целью, а образовались при извлечении ударно-шумовых звуков (рис. 74). Полученный вывод подтверждается другими находками — фрагментом концевой части бивня, служившим колотушкой, молотком из рога северного оленя и «шумящим» браслетом, использовавшимся как современные кастаньеты. Таким образом, впервые удалось зафиксировать коллективное по исполнению и восприятию музыкальное творчество на самом раннем этапе развития, следовательно, оно было общественным по своей сути.

Рассмотрению музыки в системе художественного творчества позднего палеолита посвящен четвертый раздел монографии. В нем рассматриваются специфика позднепалеолитической музыки и ее связь с другими формами творческой деятельности, предпринимается попытка выявления археологических реалий танцевального искусства в позднем палеолите.

В основе применяемых С. Н. Бибиковым приемов и методов исследования лежит понимание неразрывной связи духовной жизни первобытного человека с социально-экономическим развитием. Эта связь, несмотря на всю многоплановость, носит синкретический характер.

Использование принципа целостности позволило С. Н. Бибикову утверждать следующее: если для позднепалеолитического общества многократно доказано наличие разветвленной системы изобразительного искусства, то есть все основания предполагать наличие достаточно сложных форм других видов искусства — музыки, пения и танца.

Изложенные в монографии разработки С. Н. Бибикова дают новый важный материал для решения проблемы становления человека и его общественной организации. Справедливо отмечено, что «музыка — один из древнейших видов искусства..., важнейшее слагаемое в едином комплексе социальных качеств человека» (с. 87). Указывая, что ритм представляет собой древнейший музыкальный пласт, С. Н. Бибиков подчеркивает, что выделенный им «мезинский музыкальный комплекс... подводит к истокам познания взаимодействия величайших явлений труда и ритма, родившихся вместе с социальной сущностью человека» (с. 89). Эта мысль С. Н. Бибикова об одновременном и взаимосвязанном возникновении труда и музыкального творчества очень важна. Она возвращает нас к концепции сложения человека как социального существа лишь в начале позднего палеолита. Следовательно, весь ранний палеолит нужно рассматривать как время становления человека, его разнообразных социальных характеристик, и прежде всего сознательного целенаправленного труда. В данном случае С. Н. Бибиков присоединяется к А. П. Окладникову, считавшему на основании анализа древнейшего изобразительного искусства, что наш гоминидный предок становится человеком в полном и подлинном смысле слова лишь в позднем палеолите, когда он сумел выразить свое отношение к миру в художественных образах. Констатация того, что музыкальное и изобразительное искусство возникает в процессе генезиса самой трудовой деятельности, хорошо аргументируется методологически, и это большая заслуга автора монографии.

Как во всякой работе, в которой пересматриваются устоявшиеся схемы, в рецензируемой монографии имеются и недостаточно обоснованные суждения. С. Н. Бибиков полагает, что совпадение орнаментальных мотивов в виде зигзага на находках Мезинского поселения и поселения Пшедмост в Чехословакии нельзя объяснить проявлением общих стадиальных закономерностей, следует говорить скорее всего «о непосредственных или опосредованных племенных контактах, возможно очень усиленных и расширенных внутриобщинными экзогамными порядками» (с. 85). Исследователь подчеркивает, что мезинский орнамент возник как подражание рисунку на поперечном срезе бивня мамонта, т. е. в основе происхождения орнамента лежит практическая деятельность охотника на мамонта (с. 23). Поскольку охота на мамонта составляла фундамент охотничьей деятельности пшедмостского человека, так же как и мезенского, орнаментальный мотив в виде зигзага, видимо, возник в Пшедмости конвергентным путем. Наличие постоянных связей между коллективами, проживавшими на территориях, удаленных на тысячу километров одна от другой и разделенных такими естественными преградами, как Карпаты, вряд ли возможны в палеолитическое время.

Некоторые цифровые выкладки, полученные аналитическим путем, не могут считаться безусловно доказанными. Можно усомниться в абсолютной точности того, что Мезинское поселение существовало 22—23 года, что общее количество мяса, потребленное обитателями поселения, составляло ровно 270 т, что «хозяйственно-бытовой комплекс 1» 20 лет существовал как обычное жилище и лишь последние 2—3 года, после перестроек, превратился в ритуальную постройку. Полученные автором показатели надо принимать с учетом определенных допусков в ту или иную сторону. Однако отметим, что при всей относительности приведенных показателей они рисуют в целом убедительную картину многогранной и сложно организованной хозяйственно-бытовой жизни первобытной общины. Эта община характеризуется устойчивым и долговременным существованием поселения с постройками хозяйственно-бытового и ритуального назначения, а также развитой охотой, опиравшейся на сложную систему материально-технических средств деятельности. Всему этому в полной мере соответствовала насыщенная духовная жизнь, связанная с развитой системой ритуалов и обрядов, в рамках которой развивалось художественное творчество человека.

Рецензируемая работа — одна из немногих в археологической литературе книг, в которых жизнь первобытного человека показывается не фрагментарно, в зависимости от тех или иных профессиональных интересов автора исследования, но как сложная целостная система производственной, бытовой и духовной деятельности. Анализ и рядового археологического материала, и уникальных находок подчинен реконструкции не отдельных сторон деятельности, а всего образа жизни первобытного человека. Результаты исследования, отраженные в монографии С. Н. Бибикова, стимулируют столь необходимый в археологии процесс поиска новых, более совершенных средств социологической интерпретации археологического материала, пере-

оценки вещественных источников и пересмотра на этой основе устоявшихся взглядов и концепций. Книга С. Н. Бибикова ценна и тем, что она ориентирована на разработку методологических принципов изучения наиболее сложных в археологии вопросов и конкретных методов оценки источников. Хорошо иллюстрирована и написанная живым, доступным языком, она вносит весомый вклад в исследование актуальных проблем истории первобытного общества.

Смирнов С. В.

П. А. Раппопорт. Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. САИ. Вып. Е1-47. М.: Наука, 1982, 136 с., 16 табл.

Вряд ли нужно доказывать, что любой каталог есть лучшая база для изучения собранных в нем вещей. Разумеется, сам каталог является результатом скрупулезного изучения материала, но это изучение имеет целью прежде всего ту или иную систематизацию собранного материала, его краткое фактологическое описание, но не всестороннее исследование. Степень объективности каталога обусловливает долговременность, а иногда и вечность его функционирования. Каталоги особенно необходимы в случае «разбросанности материала».

До последнего времени в таком положении находились памятники древнерусского зодчества. Каждому задавшемуся целью написания истории древнерусской архитектуры, или хотя бы части ее, становится не по себе от «предвкушения» «египетского» труда по сбору материалов, хранящихся в сотнях публикаций, в свою очередь не сведенных в библиографические справочники. Вероятно, поэтому существующие курсы древнерусской архитектуры страдают схематизмом, который иной раз приходится оправдывать ограниченностью издательского листажа и т. п. На деле же просто нет знания всех памятников.

Такое знание впервые дает рецензируемый труд П. А. Раппопорта. Правда, хронологические рамки каталога ограничены домонгольским периодом, но как раз именно этот период в силу исчезновения многих сооружений представляется наиболее «трудным» для осмысления.

Главная ценность каталога состоит в исчерпывающей полноте его текстовой части, изложенной предельно сжато, но очень информативно. Не меньшую ценность представляет щедрое графическое иллюстрирование. В каталоге приведены основные сведения о 203 визуально известных (в натуре или в археологических фрагментах) памятниках архитектуры X—XIII вв. и о 45, известных только по письменным источникам. Всего, таким образом, по каталогу набирается 248 (четверть тысячи!) сооружений. Из них автор смог графически воссоздать планы 145 памятников, т. е. почти $^2/_3$. Конечно, общее число памятников каталога не адекватно реальности. В это число могли не войти здания, о которых ровно ничего не известно. С другой стороны, каталог построен так, что некоторые названия в нем дублируются. Например, киевская церковь Василия выступает в каталоге (№ 20) и в перечне памятников, известных только по письменным источникам (№ 210). Галицкая церковь Спаса упомянута в каталоге (№ 193) и в перечне (№ 246). Такие примеры не единичны. Автор знает это, но тем не менее нумерация памятников дана общая (сквозная).

Некоторые графические иллюстрации могли быть даны лишь в фрагментарном виде, а ряд иллюстраций совсем опущен, так как от памятников известны лишь следы строительного материала. Но и 145 графических планов, сведенных к тому же к одному масштабу,— это превосходная база для дальнейших исследований. Теперь труд археологов, сталкивающихся с архитектурными фрагментами и необходимостью их атрибуции, заметно облегчается. Облегчается и труд историков древнерусской архитектуры, так как одномасштабные таблицы дают возможность чуть ли не машинного анализа.

Воссозданная каталогом общая архитектурная картина домонгольской Руси отличается рядом новых черт, обычно ускользающих от внимания исследователей. Во-первых, памятников гражданского зодчества оказывается не такое уж ничтожное число, как это обычно представляется. Только среди поддающихся графическому воспроизведению их насчитывается 15, из них в одном Киеве 7. Кроме того, 17 построек графически не воспроизведено, а еще 4 известны только по письменным источникам. Среди гражданских зданий — дворцы, трапезные, башни, ворота,

даже баня. Во-вторых (и это, конечно, гораздо важнее), таблицы дают возможность видеть большое разнообразие композиционных решений русской архитектуры X—XIII вв. Можно насчитать не менее 25 основных композиционных видов, среди которых встречаются и такие редкие, как триконхи, квадрифолии, ротонды. В то же время все это разнообразие построек хорошо группируется в более крупные типы по функциональному признаку, которые мы имеем полное право называть «жанрами». Так, например, хорошо выделяются: *1*) большие пятинефные соборы, которые можно было бы определить государственно-соборным (митрополичьим) «жанром»; *2*) большие шести- и восьмистолпные соборы с галереями, представляющие своего рода реминисценции государственно-митрополичьего «жанра»; *3*) большие шести- и восьмистолпные соборы без галерей, но с башнями (или башней), притворами, крещальнями, усыпальницами и т. п., которые можно считать «реминисценциями реминисценций» митрополичьего «жанра»; *4*) шестистолпные соборы преимущественно без пристроек, относящиеся к «своеземельному» кафедрально-епископскому «жанру»; *5*) четырехстолпные придворно-княжеские храмы; *6*) варианты этого жанра в монастырском и купеческом строительстве; *7*) постройки «малого жанра» — капеллы, божницы, крещальни и т. п. Здесь не указаны варианты. Между тем один придворно-княжеский жанр имеет не менее трех вариантов. В 1980 г. я начал работу по функциональной типологии памятников древнерусского зодчества, теперь эта работа очень облегчается.

Гораздо успешнее могут продвигаться исследования и более частных проблем, таких как, например, «У истоков русского национального зодчества» или «Архитектурные школы домонгольской Руси». Решение их в прошлом было неполным именно в силу недостаточного знания всех памятников. В связи с этим необходимо сказать, что в каталоге представлено много памятников, археологически раскрытых в последние два-три десятилетия, в частности, самим автором рецензируемого труда. Благодаря этому определилось выдающееся значение Полоцкой и Смоленской архитектуры XII в., оказавшей плодотворное воздействие на Чернигов, Новгород, Рязань и даже Киев!

Доскональное знание П. А. Раппопортом архитектурно-археологического материала позволило ему внести много уточнений в прежние публикации и интерпретации памятников архитектуры X—XIII вв. Так, церковь Василия в Овруче реконструируется не в том виде, как ее восстановил в 1907—1909 гг. А. В. Щусев (с. 29—30); грандиозные размеры получил собор архангела Михаила в Переяславле Южном (с. 32—33, рис. 9); Спасский собор в Старой Рязани оказался с боковыми апсидами прямолинейных очертаний (с. 50); церковь Бориса и Глеба в детинце Новгорода имела башню (с. 67, рис. 16); галереи Борисоглебского собора в Смоленске пристроены не в первой, а во второй половине XII в.; у Полоцкой Софии тоже была лестничная башня (с. 93) и т. д. Даже в тех случаях, когда в каталоге ничего не уточняется, но только твердо фиксируется тот или иной факт, ранее вызывавший споры, это выглядит как движение вперед. Мы имеем в виду вопросы о галереях Десятинной церкви (с. 7), о восьмистолпии вышгородского собора и Черниговского Спаса (с. 28, 39), о названиях рязанских соборов (с. 49—50), о датировке XI в. росписи барабана и купола Софии Новгородской (с. 66) и др. Мне представляется также положительным определение П. А. Раппопортом числа внутренних столбов храмов не по подкупольным опорам (которых почти всегда четыре), а с включением той пары опор, которая отделяет нартекс. Иначе вряд ли можно было провести типологию.

В процессе работы над каталогом П. А. Раппопортом «развеян миф» о более позднем появлении тех или иных пристроек, если их кладка не была перевязана с основной, т. е. была впритык. Показано, что этот аргумент справедлив далеко не во всех случаях (с. 7, 27, 39, 42, 46, 54, 87, 98).

При чтении каталога выясняется, сколь пагубно на истории древнерусского зодчества рассматриваемой эпохи отразилось несовершенство дореволюционных раскопок, а также раскопок периода становления советской археологии. Немало важных памятников по этой причине оказалось плохо, а то и совсем неверно интерпретированных, повторные же раскопки далеко не всегда могли исправить положение.

В каталоге особенно тревожно звучат приводимые факты уничтожения ряда памятников уже в наше время (см. № 7, 18, 25, 77, 169, 170, 172). Историку древнерусской архитектуры приходится иметь дело с «призраками», а народу уже

не откроется та панорама сверкающих белизной и золотом строений, которую мы сейчас только угадываем и воображаем по приведенным в каждой главе каталога плановым схемам.

Наряду с перечислением достоинств каталога хотелось бы высказать и некоторые замечания. Распределив весь материал «по территориальному принципу» (с. 6), т. е. выделив Киевскую, Переяславльскую, Черниговскую и прочие «земли», П. А. Раппопорт почему-то перечисляет и описывает памятники не в хронологическом порядке, а тоже «по принципу их территориальной близости» (там же). Но такого принципа не существует, все зависит от того, откуда и с чего начать. Так, например, описание памятников Киева, Переяславля, Чернигова, Рязани, Владимира, Новгорода, Полоцка и Галича начинается с их центральных «кремлевских» соборов, а Смоленска и Волыни — с периферийных. Ни тот, ни другой «принцип» не достигают цели (ясности картины), так как читатель «территориальную близость» памятников не воспринимает, и она для него не нужна. Восприятие усложняется еще и тем, что на таблицах планы памятников хотя и расположены по «землям», но не в порядке номеров, а в перемешку. Конечно, каталог памятников — это не история архитектуры, но когда есть возможность соблюсти исторический принцип (а он — главный!), то стоит ли поступаться им ради экономии бумаги. Этот упрек, конечно, надо адресовать издательству.

Стремясь быть объективным, П. А. Раппопорт очень осторожен в своих описаниях памятников и истории их изучения. Встречаясь с различными мнениями, он приводит как то, так и другое (с. 10, 13, 20, 22, 24, 26, 42, 46, 47, 54, 101) и лишь иногда склоняется в сторону одного из них (с. 14, 17, 18, 35, 38, 50, 78, 79). Однако допущенные в некоторых местах пропуски нарушают это правило. Так, например, при описании памятников под № 19, 70, 72, 187 не учтен ряд работ, в которых дается несколько иная или дополнительная их характеристика [1—4]. Публикуя реконструкцию Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (рис. 14), П. А. Раппопорт не оговаривает, что существует еще два ее варианта, отличающихся от принятого автором. Не упоминается о первой попытке реконструировать фасадную скульптуру этого замечательного памятника. Обойден молчанием вопрос о вариантах реконструкции галерей церкви Покрова на Нерли (№ 83), хотя по этому вопросу в свое время была горячая дискуссия. Не упоминается также о гипотетической попытке определить назначение боголюбовской четырехликой капители. В перечисленных работах много спорного, но в большинстве случаев П. А. Раппопорт не уклоняется от упоминания спорных интерпретаций. Он приводит их, снабжая словами «спорно», «не бесспорно», «мало вероятно». Так можно было бы поступить и в вышеприведенных примерах. История есть история.

Конечно, трудно ожидать второго издания каталога, в котором все это можно было бы поправить. Но, вероятно, вслед за каталогом П. А. Раппопорт предпримет создание труда по истории русской архитектуры X—XIII вв., и тогда эти замечания могут пригодиться. Добавим к сказанному более мелкие замечания. При описании сводов Киевской Софии (с. 12) текст читается так, что между голосниками и резонаторами получается разница. Между тем это одно и то же. Путивльский храм (№ 65), строго говоря, представляет собой не триконх, а пентаконх, чем отличается от полоцкого триконха (рис. 26). Несогласие с мнением А. Д. Варганова о существовании второго Суздальского собора (Юрия Долгорукого, 1148 г.) приводит к противоречию (с. 50): у первого собора (Владимира Мономаха) не было притворов, последние могли появиться именно у собора Юрия Долгорукого и перейти затем в третий собор Юрия Всеволодовича. По данным Л. В. Алексеева, большой собор Бельчицкого монастыря в Полоцке был открыт в 20-х годах XIX в. Шулакевичем и впервые издан А. М. Сементовским [5, с. 208], т. е. задолго до И. М. Хозерова. Странно выглядит более чем схематичный «чертеж» плана церкви в Тмутаракании (рис. 31) с обозначением: «по Б. А. Рыбакову» (с. 116). У Б. А. Рыбакова нет такого «чертежа», но есть довольно подробный археологический план этого храма [6, рис. 19].

В заключение следует отметить, что за время подготовки и издания каталога появились исследования, вносящие ряд уточнений в спорные вопросы. Так, Н. Г. Логвин доказала, что 25 куполов были не у Десятинной церкви, а у Киевской Софии [7, с. 85—89], а церковь Спаса на Берестове и соборы Киево-Печерского, Михайловского и Выдубицкого монастырей были пятиглавыми [8, с. 29]. Кар-

тина развития киевской архитектуры конца XI — начала XII в., таким образом, существенно меняется.

Независимо от сделанных замечаний каталог памятников русской архитектуры X—XIII вв., несомненно, будет бессменной настольной книгой всех историков древнерусского зодчества, а также исследователей древнерусских городов, для которых монументальная архитектура является одним из признаков городского статуса.

Вагнер Г. К.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корзухина-Воронина Г. Ф.* Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII веков.– Сборник [работ аспирантов ГАИМК]. Вып. 1, Л., 1929.
2. *Вагнер Г. К.* Еще раз о церкви Нового Ольгова городка.– В кн.: Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
3. *Пуцко В. Г.* Киевские рельефы святых всадников.– Старинар. Кн. XXVII/1976. Београд, 1977.
4. *Воробьева Е. В.* Рельеф с драконом из Галича.– СА, 1981, № 1.
5. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
6. *Рыбаков Б. А.* Отчет о работе Таманской экспедиции 1955 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 1418.
7. *Логвин Н. Г.* О завершении второго яруса внутренних галерей Софийского собора в Киеве.– В кн.: Архитектура Киева. Киев, 1982.
8. *Логвин Н. Г.* Церковь Спаса на Берестове в Киеве.– Строительство и архитектура, 1983, № 7.

B. Borsos. Staghorn Powder-flasks. Budapest: Corvina Kiadó, 1982. 96 м. с., 40 цв. таблиц, 31 рис.

Книга Б. Боршоша посвящена своеобразной группе изделий из рога оленя. Это резные пороховницы, которые интересны тем, что в значительной мере используют естественную форму разветвленного рога [1]. Изучаемые в работе предметы подвергнуты всестороннему анализу. Автор подробно останавливается на распространении в Центральной Европе разновидностей оленя, рог которого используется для изготовления пороховниц, описывает конкретные детали их устройства. Систематизации материала помогает наличие на некоторых пороховницах владельческих и иных надписей, а также дат изготовления. Последние, однако, как показывает автор, в отдельных случаях являются подделками XIX в. (с. 26, 27).

Наиболее ранние пороховницы, публикуемые в рассматриваемом издании, относятся к XVI в. Вместе с тем автор указывает, что использование сходных по форме и материалу солонок или хранилищ для каких-то мазей (по мнению автора, возможно, имевших ритуальное значение) известно на территории Венгрии с последней четверти I тысячелетия н. э. Действительно, рисунок на с. 82 покрытого циркульным и иным геометрическим орнаментом изделия аварского периода по форме вполне соответствует позднейшим пороховницам рассматриваемого типа. Этот факт интересен как пример типологического сходства (по существу — тождества) предметов, имеющих различное назначение. В данном случае оно, однако, в значительной мере диктовалось естественной формой рога оленя.

Рассматривая пороховницы, Б. Боршош выделяет среди них произведения народного искусства и произведения, изготовленные для знати. Народный орнамент на пороховницах обнаруживает свои древние корни — автор выделяет элементы, восходящие к искусству бронзового века и скифов (с. 41). Многие сюжеты, в частности солярные, имеют многочисленные аналогии в народном искусстве соседних народов, в том числе славянских. Автор полагает, что прототипы пороховниц были связаны с дохристианским культом, шаманскими обрядами (с. 63—66, 83—85). Это отразилось, по его мнению, и в их декоре. Сама раздвоенная форма рога, по мысли Б. Боршоша, могла ассоциироваться с человеческой фигурой (с. 13) и, действительно, находит себе аналогию в форме наиболее архаичных идолов, для изготовления которых использован естественно раздвоенный ствол дерева [3, с. 167, рис. 63].

[1] В этом плане с ними может быть сопоставлен целый ряд изделий из кости и рога. По существу, сюда относятся все изделия, использующие цилиндрическую форму трубчатых костей. Более сложную естественную форму в значительной мере сохраняют такие изделия, как кочевнические горлышки от бурдюков [1, с. 155, рис. 42] и ритоны-олифанты из бивней слона [2].

О том, что форма пороховницы в отдельных случаях действительно ассоциировалась с человеческим обликом, свидетельствует пороховница, которой явно сознательно придан фаллический характер (табл. 1). Б. Боршош отмечает в декоре венгерских пороховниц наличие орнаментальных мотивов, связанных с влиянием турецкого прикладного искусства (с. 50, 53). Действительно, в XVI—XVII вв. мода на произведения мусульманского прикладного искусства и использование его мотивов были широко распространены не только в Венгрии [4, с. 60, илл. 14], значительная часть которой была захвачена турками-османами, но также в Польше, на Руси [5, 6]. Поразителен приведенный Б. Боршошем факт наличия на одной из сравнительно поздних трансильванских пороховниц пальметки, типичной для древневенгерского искусства эпохи «обретения отечества» (конец IX в., с. 53). В древностях этой эпохи, преимущественно на изделиях из металла, подобные пальметки обычны [7, с. 101—105, рис. 3—5, табл. 12, 15—20]. Известны находки с подобным декором и на территории Восточной Европы [8, с. 47, рис. 19].

Декор пороховниц, изготовленных для знати, обнаруживает значительные отличия от народной орнаментики. Для части из них характерно наличие изображений гербов владельцев — черта, с помощью которой могут быть уточнены датировка и происхождение вещи [9]. Отметим, что в резьбе по рогу, как и в других областях прикладного искусства, начиная с XVI в. обнаруживается сильное влияние гравюры (с. 73, табл. 10, 11, 31, 34, 38). Распространение гравюры и печатной книги привели в свое время к подлинному «информационному взрыву», ярко отразившемуся и в изобразительном искусстве. В XVI в. гравюры с рисунков лучших мастеров (в частности, Дюрера) воспроизводились в декоре художественного оружия [10, с. 200, рис. 122], на ювелирных изделиях [4, с. 50, 51, илл. 2, 3], керамике [11]. На Руси влияние западноевропейской гравюры может быть отмечено уже с конца XV в. [12, 13], и в XVI в. принимает развитые и весьма интересные формы [14, с. 73—75, рис. 9 и 11; 15; 16]. Отметим, что единственная западноевропейская пороховница, подобная рассматриваемым в рецензируемой книге, найденная в слоях русского средневекового города, украшена гравировкой, представляющей собой копию известной гравюры [17].

Среди книжных гравюр, сюжеты которых широко переходили в прикладное искусство, следует выделить так называемые эмблематические издания, содержащие популярные аллегорические композиции, сопровождаемые девизами. Очевидно, к подобному источнику восходит изображение на венгерской пороховнице начала XVIII в. (табл. 31), где в картуше представлен Амур, срывающий розу. Композиция сопровождается латинским девизом. В XVIII в. использование подобных эмблематических изображений обычно и в русской резьбе по кости [18, с. 7] (при этом источником обычно служило известное издание петровского времени — Эмблемат) [19]. Композиции из этой книги, сопровождаемые девизами, известны и на русских пороховых рожках (правда, не из оленьего рога, а из моржового клыка). Народная трансформация эмблематических композиций с сентенциями-девизами представлена в русском декоративном искусстве интересной серией изразцов XVIII в. [20, илл. 215].

Помимо произведений народного, фольклорного и аристократического искусства Б. Боршош выделяет также произведения переходного типа. Действительно, группа подобных изделий отчетливо выделяется в изучаемом им материале. Подобного рода памятники могут быть более или менее отчетливо вычленены и в других группах ремесленных изделий эпохи средневековья и становятся особенно заметны в ее позднейший период. По-видимому, развивая весьма плодотворную концепцию о двух культурах эпохи феодализма [21], следует учитывать существование подобной промежуточной струи материальной культуры средневековья, связанной со значительной, а главное весьма динамичной в социальном и культурном плане, прослойкой феодального общества.

Книгу завершает библиография, включающая 77 названий.

Работа Б. Боршоша, основанная на изучении весьма значительного количества материала (около полутора тысяч предметов), представляет значительный интерес для изучения истории декоративного искусства. Это ценное издание может оказаться полезным подспорьем в работе музейных работников, а также археологов, раскапывающих памятники, на которых имеются напластования эпохи позднего средневековья.

Чернецов А. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
2. *Kühnel E.* Die Sarazenische Olifanthörner.– Jahrbuch der Berliner Museum, 1959, B. I.
3. *Эдинг Д. Н.* Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля.– Тр. ГИМ, 1940, вып. X.
4. *Силади А.* Ювелирные изделия.– В кн.: Собрания Будапештского музея прикладного искусства. Будапешт, 1980.
5. *Некрасов А. И.* Татаризм в русской орнаментике XV–XVI вв.– Slavia, 1930, t. IV, № 1.
6. *Якобсон А. Л.* Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком.– МИА, 1971, № 167.
7. *Dienes I.* The Hungarians at the Time of the Conquest and Their Ancient Beliefs.– In: Ancient Cultures of the Uralic Peoples. Budapest, 1976.
8. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.– МИА, 1949, № 11.
9. *Лукомский В. К.* Гербовая экспертиза.– Архивное дело, 1939, № 1 (49).
10. *Müller H., Köllig H.* Europäische Hieb- und Stich-waffen aus dem Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin, 1981.
11. *Иванова Г. Н.* Рейнская керамика из раскопок во Пскове.– СА, 1975, № 4.
12. *Сизов В. И.* Миниатюры Кенигсбергской летописи.– Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. I.
13. *Кучкин В. А., Попов Г. В.* Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 г.– В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М.: Наука, 1974.
14. *Лебедянская А. П.* Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси.– В кн.: Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Л.– М.: Гос. научно-техническое изд-во машиностроительной литературы, 1940.
15. *Неволин Ю. А.* Новое о кремлевских художниках-миниатюристах XVI в. и составе библиотеки Ивана Грозного.– Советские архивы, 1982, № 1.
16. *Чернецов А. В., Данильченко В. П.* Изображения обитателей моря на миниатюрах рукописи XVI в.– В кн.: Культура и искусство средневекового города. М.: Наука, 1984.
17. *Кирпичников А. Н.* Пороховница XVI в., найденная в Порхове.– В кн.: Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
18. *Ильин М. А.* Русская резная кость. М.: Сов. художник, 1960.
19. *Маркушевич А. И.* Об источниках амстердамского издания «Символы и емблемата» (1705).– В кн.: Книга. Исследования и материалы. Вып. VIII. М., 1963.
20. *Алпатов М. В.* Всеобщая история искусств. Т. III. М.: Искусство, 1955.
21. *Рыбаков Б. А.* О двух культурах русского феодализма.– В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970.

Хроника

АРХИПОВ Н. Д.

ЛЕНСКАЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И СОЗДАНИЕ А. П. ОКЛАДНИКОВЫМ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЯКУТИИ (1940—1949 гг.)

В 1940 г. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР и Институт языка и культуры при Совете Народных Комиссаров Якутской АССР приняли решение об организации Ленской историко-археологической экспедиции (ЛИАЭ). В задачи экспедиции входили полевые изыскания в бассейне р. Лены: поиски памятников археологии, сбор этнографических материалов, исследование фольклора и языка населения. Все эти исследования были подчинены основной задаче — написанию древней истории якутского народа. Руководителем экспедиции был назначен А. П. Окладников [1—6]. Комплексной задаче работ экспедиции и успешному ее выполнению в немалой степени содействовало то, что в состав экспедиции наряду с профессиональным археологом были включены лингвист И. И. Барашков (заместитель начальника экспедиции, зав. сектором языка и письменности Института языка и культуры при СНК ЯАССР), этнограф-фольклорист С. И. Боло и художник В. Д. Запорожская.

Полевые исследования экспедиция начала в 1940 г. с разведки побережья р. Лены между Олекминском и Якутском [7]. В том году на неолитической стоянке Малая Мунку близ Олекминска был заложен раскоп площадью 40 м². Осмысляя находки с этого памятника, А. П. Окладников подчеркнул их сходство с материалами неолитического времени в Прибайкалье (серовский этап) [8, с. 69]. Основанием для такого заключения послужила классификация древних культур Прибайкалья, предложенная А. П. Окладниковым в 1938 г. [9, с. 244—260]. В том же 1940 г. были получены новые данные о памятниках эпохи неолита и бронзы в регионе [8, с. 63—79; 10, с. 59—61; 11, с. 62—65; 12, с. 99—107]. Энеолитом датировались захоронения, открытые близ с. Хатынг Тумул и в с. Покровске. К «карасукскому» кругу предметов были отнесены меч, найденный на оз. Сильгумдже, и бронзовые наконечники копий с втульчатым насадом (случайные находки). Суммируя эти данные вместе с данными материалов поселения бронзолитейщиков в г. Якутске, А. П. Окладников впервые доказал существование в Якутии собственного очага эпохи бронзы.

И. И. Барашков уделял много внимания пропаганде археологических исследований на страницах республиканских газет [13, 14]. Он энергично взялся за сбор сведений о наскальных изображениях Якутии [15], определяя их место в изучении первобытной истории края [16].

Полевые работы 1941 г. проводились по широкой программе и охватили участок долины р. Лены от Качуга до Якутска [17, с. 51—59]. В том году были исследованы два замечательных памятника наскального искусства Восточной Сибири — петроглифы около д. Шишкино и жертвенное место Суруктах Хая на р. Мархе (бассейн р. Лены). Среди шишкинских петроглифов удалось выделить большую группу средневековых, идентифицированных с «курыканским этносом». Открытые петроглифы позднее позволили воссоздать художественное мировоззрение этого загадочного народа [18, 19]. С такой же тщательностью были исследованы росписи Суруктах Хаи. Раскопки на этом памятнике жертвенного комплекса дали обильные материалы эпохи неолита, бронзового и железного века [20].

Широкие разведочные обследования участка от Якутска до устья Лены развернулись в 1942—1943 гг. [21—26]. В эти годы в Якутии было открыто около 200 памятников археологии и этнографии, освещающих историю края начиная от конца ледникового периода и вплоть до XVIII в. В процессе работ проводился активный сбор материалов по этнографии якутов и эвенков (И. И. Барашков, С. И. Боло). С. И. Боло, по словам А. П. Окладникова, проделал в этом направлении такую громадную работу, которая была бы посильна только коллективу опытных собирателей [27; 28; 29, с. 73—109].

Комплексный характер полевых изысканий определил научные интересы и самого А. П. Окладникова. Уже в ранних работах исследователь смело использовал этнографический материал для палеореконструкций [30, с. 16—31].

В 1944—1946 гг. в Якутии впервые были осуществлены раскопки первобытных

стоянок большими площадями: на стоянке Ымыяхтах была вскрыта площадь 150 м² [26], а на поселении Куллаты — 162 м² [31; 32, с. 98—101; 33; 34] [1].

Завершающим этапом работ Ленской экспедиции явились археологические разведки, проведенные А. П. Окладниковым и Н. А. Береговой в бассейне р. Колымы в 1946 г. [35—39]. В процессе этих работ были открыты стоянки Помазкино, Лабуя, Кресты Колымские и Петушки, а также исследованы памятники древней эскимосской культуры на Барановом мысу [40, с. 421—445; 41].

Большой материал, полученный в результате работ Ленской экспедиции, нуждался в оперативном введении его в научный оборот. В печати появился цикл исследований, связанных с проблемой происхождения якутского народа по данным археологии и исторического фольклора [42—45]. А. П. Окладников приступил к обобщению археологического материала, накопленного за первые годы полевых изысканий, уже в 1942 г. Задачей исследований стало: показать «на большом и богатом материале... вклад народов Севера в развитие человеческой культуры» [46, с. 72], наметить основные этапы первобытной истории края и познакомить с ней широкий круг читателей [47, с. 73—83].

Первая оригинальная работа по древней истории Якутии была посвящена наскальным изображениям [48—50]. А. П. Окладников и И. И. Барашков предложили предварительную схему периодизации наскальных изображений Якутии. Подробно рассматривались загадочные условные знаки-ребусы, в свое время вызвавшие интерес Г. В. Ксенофонтова, Е. Д. Стрелкова и П. А. Ойунского. По мнению А. П. Окладникова, часть этих знаков являлась остатками древнейшей пиктографической или идеографической письменности первобытных племен бассейна Лены эпохи металла [48]. И. И. Барашков расчленил среднеленские писаницы на две группы. Первая представлена рисунками, среди которых нельзя найти письменные знаки. Вторую группу рисунков можно считать рунообразными; около половины их, как считает автор, обнаруживает графическое сходство с буквами орхоно-енисейского алфавита VII—IX вв. [20, с. 89, 90; 49]. Среднеленские рунические знаки являются, таким образом, остатками древней письменности якутов, застывшей на идеографической стадии своего развития и запечатленной в фольклоре якутского народа.

В 1943 г. увидел свет научно-популярный очерк по древней истории Якутии [51—55], предшествовавший выходу в свет аналогичной работы на якутском языке [56]. В нем были суммированы все исторические и археологические данные о средневековом Прибайкалье. Автор обратил внимание на то, что в мусульманских источниках фигурировал народ, называемый «кури» или «фури». Тот же народ, по-видимому, знали и орховские тюрки, называя его «уч-курыкан». В средневековых китайских летописях несколько раз встречается этноним «гулигань» [2]. А. П. Окладников пришел к выводу, что курыкане жили в Прибайкалье и в бассейне Верхней Лены, т. е. в районе распространения курумчинской культуры. На основе этой культуры (носителей которой А. П. Окладников считает народ «уч-курыкан») и сложилась древнеякутская культура.

В 1948 г. А. П. Окладников конкретизировал свои выводы, дополнив их новыми аргументами [58, с. 3—11]. Впервые в качестве исторического источника были привлечены средневековые наскальные росписи и гравировки из Шишкино. Указывая на открытие четырех древнетюркских надписей на территории расселения «курумчинских племен», А. П. Окладников пришел к выводу, что носители «курумчинской культуры» были тюркоязычными. В этой и других работах широко использованы материалы Ленской экспедиции и предложена первая предварительная схема периодизации древней истории Якутии. Уже с 1944 г. была начата подготовка многотомной истории Якутии с древнейших времен. Написание первого тома было поручено А. П. Окладникову [59, с. 33, 34]. Эту трудоемкую работу исследователь в основном завершил к весне 1947 г., представив ее в качестве докторской диссертации [60, 61, с. 79—92]. Первый том «Истории Якутии» увидел свет в 1949 г. [62—69].

Второе издание первого тома «Истории Якутии» вышло из печати в 1955 г. [70]. В нем нашли отражение новые материалы, полученные в результате полевых исследований после 1949 г. За прошедшие годы А. П. Окладников опубликовал ряд работ, посвященных проблемам этногенеза якутов [71—73] и первобытной истории Якутии [74—80]. В «Истории Якутии» предложена периодизация каменного века, эпохи бронзы и железа на территории Якутской АССР. Согласно этой схеме, древняя история региона разделена на пять периодов: палеолит, неолит, бронзовый век, эпоха раннего металла и период развития древнеякутской культуры.

При выделении палеолитического периода были широко использованы материалы прибайкальских стоянок — Мальта, Буреть, Макарово и Частинская. Для реконструкции мировоззрения палеолитических племен Северо-Восточной Азии автор использовал выразительные образцы искусства мальтинской культуры и росписи близ д. Шишкино, датированные им ледниковым периодом. Стоянки, открытые вблизи устья рек Ную и Хамра в местности Ат Дабан, были отнесены к финаль-

[1] А. П. Окладников считал, что стоянка Куллаты имеет четкую стратиграфию. Однако повторные исследования, проведенные Приленской экспедицией Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, показали, что находки разных эпох в культурном слое этой стоянки залегают в смешанном виде [34].

[2] О том, что этноним «гулигань» китайских летописей соответствует «уч-курыкан» тюркских надписей, писал еще П. М. Мелиоранский [57, с. 281].

ному палеолиту. На этом основании был сделан вывод о заселении палеолитическими охотниками южных районов Якутии (вплоть до Олекминска) 7—10 тыс. лет назад. Территории, лежащие к северу, были обжиты людьми только в неолите (4—5 тыс. лет назад) [70, с. 432].

Многочисленные памятники эпохи неолита на территории Якутии стали для А. П. Окладникова основанием для реконструкции типа хозяйства, воссоздания технических достижений, осмысления погребального обряда и искусства племен этого времени. Исследователь впервые выявил специфические особенности неолита Якутии и предпринял попытку выделить хронологические этапы и локальные варианты местных культур. А. П. Окладников был лучшим знатоком неолитической эпохи в Сибири. Основываясь на разнообразных памятниках, открытых Ленской экспедицией (стоянки Малая Мунку, Куллаты, Ымыяхтах, Кыларса, Сиктээх, Хайыргас, Уолба, Уолбинское погребение, петроглифы Суруктах хая и Чуру), исследователь опроверг существовавший в научной литературе тезис о сравнительно поздней дате древних культур Северной Азии. Он показал, что неолит Якутии датируется тем же временем, что и в других частях Сибири. А. П. Окладников убедительно доказал, что «неолитические племена Якутии не только находились в постоянных связях с племенами Прибайкалья, но и имели общее с ними происхождение» [70, с. 128]. Только в III — начале II тыс. до н. э. неолитические культуры Якутии приобретают черты своеобразия, что особенно наглядно проявляется в керамическом материале. А. П. Окладников привел данные о наличии культурных связей между неолитическими племенами, заселявшими территории в бассейне Нижней Лены, и населением северо-запада Европейского континента (сходные формы пластинчатых и напильниковидных наконечников стрел, совпадение черт погребального обряда, свидетельства обожествления лося). Открытие в бассейне Нижней Лены стоянок с бедным культурным слоем (Хайыргас, Чокуровка и др.) позволило выделить в Северо-Восточной Азии особую культуру «субарктического неолита», главным источником существования носителей которой была охота на мигрирующих диких оленей. Было высказано также предположение о занятии племенами Якутии в неолитическую эпоху скотоводством [3].

При определении исторического места памятников бронзового века Якутии среди синхронных древностей Сибири А. П. Окладников отказался от «теории хиатуса», согласно которой племена Восточной Сибири перешли к железному веку, минуя эпохи энеолита и бронзы [4]. Бронзовый век Якутии А. П. Окладников разделил на два этапа: ранний (нижний слой стоянки Сиктях, Покровское, Куллатинское, Бугачанское и Иччиляхское погребения) — второй половины II тыс. до н. э. и поздний (мастерские в районе Покровска и Якутска, а также случайные находки бронзовых кельтов, наконечников копий, мечей и кинжалов), датированный широким хронологическим диапазоном — XIII—III вв. до н. э. Поздний этап, таким образом, соответствует эпохе развитого бронзового века и скифскому времени по периодизации древностей Южной Сибири.

В материалах эпохи бронзы на территории Якутии, особенно на раннем этапе, фиксируется заметное влияние синхронных культур Прибайкалья и Забайкалья. Это проявляется прежде всего в бронзолитейном производстве. Облик некоторых случайных находок указывает на наличие культурных контактов с населением Юго-Восточной Азии. Типологически близки к материалам глазковского этапа древностей Прибайкалья обнаруженные на памятниках эпохи бронзы в Якутии кремневые наконечники стрел с прямым основанием, костяные наконечники с расщепом основания, кружки из белого нефрита и перламутра, плоские островерхие идолы из кости и резные линейные украшения кинжаловидных острий. Контакты Якутии с прибайкальскими племенами, как считал А. П. Окладников, проходили при несомненном культурном приоритете последних.

А. П. Окладников подчеркивал, что в эпоху бронзы продолжаются тесные культурные связи между населением Якутии и племенами Северной Европы. Они прослеживаются в особенностях среднеленских погребений и Оленеостровского могильника [81, с. 151—166], сходстве керамического материала указанных территорий, общности сюжетов и технике исполнения петроглифов. С эпохи бронзы фиксируются новые мотивы в наскальных изображениях (отголоски «звериного стиля» степного пояса Азии, по А. П. Окладникову). Появляются и новые сюжеты: рисунки охотников с луками, стреляющими в зверей, стилизованные фантастические фигуры антропоморфных существ (колдуны-шаманы).

По немногочисленным комплексам погребального инвентаря и случайным находкам эпохи раннего железа А. П. Окладников датировал начало массового распространения железных орудий в бассейне Верхней Лены II в. до н. э. К этому же времени относится появление оленеводства в хозяйстве населения восточносибирской тайги. У племен в бассейне Средней Лены железо появляется только в I тыс.

[3] Это предположение дальнейшими исследованиями не подтвердилось. При воссоздании неолитической эпохи в Якутии А. П. Окладников опирался на материалы стоянок и поселений, в культурном слое которых разновременные предметы находились в смешанном состоянии. После исследований многослойных стоянок с четкой стратиграфией, проведенных в 60-е годы, некоторые положения первоначальной схемы оказались пересмотренными. Однако намеченная в 50-е годы общая схема исторического развития Якутии в неолитическую эпоху сохранила свое значение и в настоящее время.

[4] Эта концепция существовала в археологии Прибайкалья в 20—30-е годы.

н. э. (следы металлургического производства близ с. Мухтуй и на р. Юкэ в окрестностях Сангара). Тем же временем датируется и серия наскальных изображений, открытых на Средней Лене.

Периодизация древностей эпохи бронзы и раннего железа, предложенная А. П. Окладниковым, полностью сохранила свое значение до настоящего времени.

Глава «Происхождение якутского народа», занимающая почти половину монографии «История Якутии», посвящена решению проблемы происхождения самого северного из тюркоязычных народов мира. Эта часть работы является образцом комплексного исследования. Материалы языкознания выступают в ней равнозначным источником наряду с данными археологии, этнографии и исторического фольклора. В якутском языке, как считал А. П. Окладников, имеются лексические свидетельства проживания предков якутов на степном юге (названия растительности и представителей животного мира Южной Сибири и Центральной Азии). Степные элементы имеются в покрое одежды, в хозяйстве и военном деле якутов. Сведения о южном происхождении предков народа можно найти в эпосе — «Олонхо», в историческом фольклоре.

Памятники археологии позволили автору очертить территорию расселения народа «курыкан», обитавшего в Западном Прибайкалье и участвовавшего в бурных политических событиях Центральной Азии и Южной Сибири в VI—X вв. [82, с. 461—479]. Сила и мощь этого маленького, но талантливого народа документируется дипломатическими отношениями с Китаем и политическими связями с тюркским каганатом. А. П. Окладников дал сжатый очерк материальной культуры, общественного строя и искусства народа «курыкан». Именно этот народ, продвинувшийся в IX в. в бассейн Средней Лены, сыграл решающую роль в формировании якутского народа на ранних этапах этногенеза последнего. Сложный процесс смешения разноэтничных компонентов, в том числе элементов культуры аборигенного населения, завершился, по А. П. Окладникову, в конце XV — первой половине XVI в.

«История Якутии» долгие годы фигурировала в иностранной печати в качестве единственного источника о древних культурах Северо-Восточной Азии [83—85]. Особенно широкий отклик и высокую оценку со стороны зарубежных коллег работа получила после издания на английском языке [86].

Со времени работ Ленской экспедиции прошло немало лет. Археология Якутии шагнула далеко вперед. Накоплен большой археологический материал, вышли из печати новые монографии [34; 87—89]. Современным археологам-сибиреведам, располагающим вертолетами, быстроходными катерами и автомашинами, трудно бывает порой дать справедливую оценку вкладу в науку той маленькой группы специалистов, которые проводили полевые изыскания в труднейших условиях Отечественной войны и послевоенной разрухи. Но нужно помнить, что любое явление имеет свое начало. Ленская экспедиция и цикл исследований ее сотрудников, прежде всего работы руководителя экспедиции А. П. Окладникова, заложили прочную основу всех последующих исследований. Эти работы стали своеобразным трамплином, оттолкнувшись от которого современные исследователи смогли добиться и значительной интенсификации полевых исследований и более глубокого проникновения в далекое прошлое народов Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ларичев В. Е.* А. П. Окладников – исследователь древних культур Азии. (К 50-летию со дня рождения). Иркутск, 1958.
2. *Larichev V. E.* A. P. Okladnikov der. Erforscher der Urgeschichlichen kulturen Asiens. Dusseldorf, 1958.
3. *Ларичев В. Е.* Библиография научных трудов члена-корреспондента АН СССР А. П. Окладникова. Новосибирск, 1968.
4. *Ларичев В. Е.* Сорок лет среди сибирских древностей. Материалы к биографии акад. А. П. Окладникова. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970.
5. Аннотированная библиография научных трудов академика А. П. Окладникова (1968–1973 гг.). Улан-Удэ: Бурятгиздат, 1974.
6. *Дерсвянко А. П.* В поисках Оленя Золотые рога. Благовещенск: Хабар. кн. изд-во, 1978.
7. *Окладников А. П.* Предварительный отчет об экспедиции в Якутию и Буреть Иркутской области в 1940 г.– Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 75.
8. *Окладников А. П.* Археология и основные вопросы древней истории Якутии – КСИИМК, 1941, вып. IX.
9. *Окладников А. П.* Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья.– ВДИ, 1938, № 1.
10. *Окладников А. П., Барашков И. И.* К изучению древней истории Якутской АССР.– Соц. строительство, 1941, № 1.
11. *Окладников А. П.* К итогам работ первой Ленской экспедиции по изучению древностей Якутии (долина реки Лены).– Соц. строительство, 1941, № 1.
12. *Окладников А. П.* Археологические исследования 1940–1943 гг. в долине реки Лены и древняя история северных племен – КСИИМК, 1946, вып. 13.
13. *Барашков И. И.* К изучению древней истории Якутии.– Социалистическая Якутия, 1940, 21 августа.
14. *Барашков И. И.* К археологическому изучению Якутии.– Социалистическая Якутия, 1941, 21 марта.

15. *Барашков И. И.* Анкета о местонахождениях и описании древних надписей.– Социалистическая Якутия, 1941, 22 февраля.
16. *Барашков И. И.* Древнеленские наскальные надписи.– Эдэр большевик, 1940, 18 марта.
17. *Окладников А. П.* Древняя история народов Якутии.– Исторический журн., 1943, № 10.
18. *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
19. *Окладников А. П.* Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Кн. изд-во, 1959.
20. *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972.
21. *Окладников А. П.* Материалы экспедиции за 1942 г.– Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 1.
22. *Окладников А. П.* Археологические исследования на Нижней Лене в 1942 г.– Исторический журн., 1943, № 7.
23. *Окладников А. П.* Археологические памятники и древние культуры на Нижней Лене (к итогам третьего года полевых исследований Ленской историко-археологической экспедиции).– Уч. зап. Якутск. пед. ин-та, 1944, вып. 1.
24. *Окладников А. П.* Этнографические и археологические исследования на Нижней Лене (1942–1943 гг.).– СЭ, 1946, № 3.
25. *Окладников А. П.* Ленские древности. Вып. 1. Отчет об археологических исследованиях в низовьях реки Лены (Якутск – Жиганск) в 1942 и 1943 гг. Якутск, 1945.
26. *Окладников А. П.* Ленские древности. Вып. 2. Отчет об археологических исследованиях на Нижней Лене от Жиганска до Кумах-Сурта в 1942–1943 гг. Якутск, 1946.
27. *Окладников А. П.* Вклад С. И. Боло в изучении исторического фольклора Якутии.– Тр. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, 1959, вып. 1(6).
28. *Эргис Г. У.* Сясэн Иванович Боло – собиратель исторического фольклора якутов (1905–1948).– Тр. ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, 1959, вып. 1(6).
29. *Окладников А. П.* Исторические рассказы и легенды Нижней Лены.– Сб. МАЭ, 1949, вып. II.
30. *Окладников А. П.* Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936–1940 гг).– КСИИМК, 1941, вып. 10.
31. *Окладников А. П.* Археологический отчет о полевых работах Ленской историко-археологической экспедиции в 1944 г.– Архив ЛОИА АН СССР, р-1/22.
32. *Окладников А. П.* Археологические работы на реке Лена в 1944 г.– КСИИМК, 1947, вып. 15.
33. *Окладников А. П.* Ленские древности. Вып. 3. Отчет об археологических исследованиях в районе с. Покровска и г. Якутска в 1940–1946 гг. М.– Л., 1950.
34. *Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969.
35. *Окладников А. П.* Предварительный отчет о работах в Колымском крае в 1946 г.– Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1946, № 26.
36. *Окладников А. П.* Опись находок 1946 г. и акты по передаче их в Музей Арктики (коллекции из раскопок на Барановом мысу).– Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1946, № 85.
37. *Окладников А. П.* Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае.– ВДИ, 1947, № 1(19).
38. *Окладников А. П.* Колымская экспедиция (1946 г. Тезисы докл.).– КСИИМК, 1947, вып. 21.
39. *Окладников А. П.* Уникальное каменное тесло с реки Колымы.– КСИИМК, 1947, вып. 15.
40. *Береговая Н. А.* Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса (раскопки Колымской экспедиции 1946 г.)– МИА, 1953, № 39.
41. *Окладников А. П., Береговая Н. А.* Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск: Наука, 1971.
42. *Окладников А. П.* Происхождение и древняя культура якутского народа в свете новых данных. I. Южные предки якутов.– По Ленинскому пути, 1944, № 7–8.
43. *Окладников А. П.* Происхождение и древняя культура якутского народа в свете новых данных. 2. Якуты на Средней Лене перед приходом русских и значение присоединения Якутии к русскому государству.– По Ленинскому пути, 1944, № 9.
44. *Окладников А. П.* Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (легенды о Тыгыне и историческая действительность).– СЭ, 1949, № 2.
45. *Окладников А. П.* Происхождение якутской народности.– Труды Второго географического съезда. Т. 3. М., 1949.
46. *Шуб Т.* Первая научная конференция кафедр Якутского пединститута.– По ленинскому пути, 1942, № 6.
47. *Башарин Г., Окладников А., Боло С.* Исторический путь народов Якутии.– По ленинскому пути, 1942, № 6.
48. *Окладников А. П.* О возникновении письменности в Якутии (по материалам наскальных изображений на Средней Лене).– В кн.: Древняя письменность якутов. Якутск: Якуткнигоиздат, 1942.
49. *Барашков И. И.* Среднеленские наскальные надписи.– В кн.: Древняя письменность якутов. Якутск, 1942.
50. *Токарев С. А.* Рец. на кн.: Древняя письменность якутов.– Пропагандист, 1945, № 13.

51. *Окладников А. П.* Исторический путь народов Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1943.
52. *Киселев С. В.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* Исторический путь народов Якутии.– КСИИМК, 1946, вып. XII.
53. *Токарев С. А.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* Исторический путь народов Якутии.– Пропагандист, 1945, № 13.
54. *Токарев С. А.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* Исторический путь народов Якутии.– Уч. зап. Якутского пед. ин-та, 1944, вып. 1.
55. *Токарев С. А.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* Исторический путь народов Якутии.– СЭ, 1947, № 6–7.
56. *Окладников А. П.* Саха сирин былыргыта. Якутск, 1945.
57. *Мелиоранский П. М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках.– ЖМНП, 1898, т. CCCXVII.
58. *Окладников А. П.* Древняя тюркская культура в верховьях Лены.– КСИИМК, 1948, вып. 19.
59. По ленинскому пути, № 12, декабрь 1944 г.
60. *Окладников А. П.* Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Русскому государству: Тез. докт. дис. Л., 1949.– КСИИМК, 1949, вып. 29.
61. *Окладников А. П.* Основные вехи древней истории Якутии.– Вест. ЛГУ, 1949, т. 4, № 7.
62. *Окладников А. П.* Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству.– История Якутии. Т. I. Якутск: Якуткнигоиздат, 1949.
63. *Бернштам А. Н.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* История Якутии. Т. I.– Летопись Севера, 1949, вып. 1.
64. *Бернштам А. Н.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* История Якутии. Т. I. Якутск, 1949.– Сов. книга, 1950, № 5.
65. *Барисковский П. И.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* История Якутии. Т. I. Якутск, 1949.– Вестн. ЛГУ, 1950, № 2.
66. *Чернецов В. Н.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* История Якутии. Т. I. Якутск, 1949.– СЭ, 1950, № 3.
67. *Ольхон А.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* История Якутии. Т. I. Якутск, 1949.– Сибирские огни, 1950, № 3.
68. *Токарев С. А.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* История Якутии. Т. I. Якутск, 1949.– ВДИ, 1951, № 2.
69. *Чернецов В. Н.* Рец. на кн.: *Окладников А. П.* История Якутии. Т. I. Якутск, 1949.– СЭ, 1950, № 3.
70. *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
71. *Окладников А. П.* Конь и знамя на ленских писаницах.– Тюркологический сборник, 1951, вып. 1.
72. *Окладников А. П.* Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом (1951 г.).– КСИИМК, 1953, вып. 51.
73. *Окладников А. П.* Происхождение якутского народа.– ИВГО, 1951, т. 83, вып. 4.
74. *Окладников А. П.* Палеолитические находки на р. Лене.– БКИЧП, 1948, № 12.
75. *Окладников А. П.* О первоначальном заселении человеком долины реки Лены.– КСИИМК, 1948, вып. 23.
76. *Окладников А. П.* Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов.– Уч. зап. ЛГУ, 1950, № 115 (факультет народов Севера, вып. 1).
77. *Окладников А. П.* Прошлое северных народов в освещении Советской археологии.– В кн.: Доклады на Второй научной сессии (Якут. филиал АН СССР). 1. История и филология. Якутск, 1951.
78. *Окладников А. П.* Раскопки на севере.– В кн.: По следам древних культур. М.: Госкультпросветиздат, 1951.
79. *Окладников А. П.* Следы палеолита в долине р. Лены.– МИА, 1953, № 39.
80. *Окладников А. П.* Новые археологические открытия Восточной Сибири и древняя история Якутии.– В кн.: Доклады на пятой и шестой научных сессиях Якутского педагогического института. История и филология. Якутск, 1954.
81. *Окладников А. П.* Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы (по материалам памятников бронзового века).– Уч. зап. ЛГУ, 1953, № 157 (факультет народов Севера, вып. 2). Языки и история народностей Крайнего Севера СССР.
82. *Окладников А. П.* Восточная Сибирь в VII–IX вв.– В кн.: Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. Т. 2. III–IX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
83. *Chard Ch.* An outline of the prehistory of Siberia.– South – western J. Anthropol., 1958, v. 14, № 1.
84. *Tolstov P.* The Lena Basin and the New World.– American Antiquity, 1958, v. XXIV.
85. *Michael H. N.* The Neolithic Age in Eastern Siberia.– Transactions of the American Philosophical Society. New Series, 1958, v. 48, p. 2.
86. *Okladnikov A. P.* Yakutia before its incorporation into the Russian State/Ed. by Michael Henry N. transl. by Dunn Stephen and Ethel. Montreal – London, 1970.
87. *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977.
88. *Константинов И. В.* Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Наука, 1978.
89. *Федосеева С. А.* Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЙ СИМПОЗИУМ «ТОРГОВЛЯ, ОБМЕН И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ФЕННО-СКАНДИНАВИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

(Хельсинки, 1983 г.)

С 9 по 13 мая 1983 г. в Хельсинки проходил очередной советско-финляндский симпозиум по археологии. Это была четвертая научная встреча археологов СССР и Финляндии. Первый симпозиум состоялся в Ленинграде (1976 г.), второй — в Хельсинки (1978 г.), третий — вновь в Ленинграде (1981 г.). Каждый из этих симпозиумов был посвящен одной из актуальных тем финно-угорской и славянской археологии, для разрешения которых необходима координация деятельности археологов двух стран.

IV советско-финляндский симпозиум был посвящен проблеме «Торговля, обмен и культурные связи народов Фенно-Скандинавии и Восточной Европы». Эта проблема включает ряд важных тем по древней и средневековой истории и культуре финно-угорских и восточнославянских племен, в том числе вопросы о славяно-финских культурных и этнических контактах, об этногенезе прибалтийскофинских племен и др. Плодотворные исследования по этой проблематике возможны благодаря совместным усилиям ученых СССР и Финляндии.

Открывая симпозиум, председатель финской рабочей группы по сотрудничеству в области археологии между СССР и Финляндией Т. Эдгрен отметил большое значение регулярного проведения симпозиумов, которые способствуют не только решению важных научных вопросов, но и развитию контактов между археологами Финляндии и СССР. На симпозиуме было заслушано и обсуждено 25 докладов, из них 10 принадлежали советским археологам.

Серия докладов посвящена эпохе камня и бронзы. Среди них прежде всего можно назвать выступления ведущих финских археологов Т. Эдгрена и К.-Ф. Мейпандера, посвященные важным темам древней истории лесной зоны Европы. В докладе «Новые исследования по культуре ладьевидных топоров» Т. Эдгрен подвел итоги изучения этой культуры на территории Финляндии. Большой интерес представляют раскопки двух поселений культуры шнуровой керамики, произведенные в 1981—1982 гг. На одном из них (Даламан в юго-западной части страны), возраст которого радиоуглеродным методом определен 1350 г. до н. э., выявлены отпечатки, предположительно трактуемые как зерна ячменя и пшеницы. Докладчик полагает, что племена культуры боевых топоров, расселившиеся в южных районах Финляндии, занимались скотоводством и, может быть, знали земледелие. Их мирное расселение и сосуществование с местным населением обусловлены различиями в хозяйственной деятельности.

Несомненный интерес представляет доклад К.-Ф. Мейпандера «Волосово и мир Балтики». В нем были подробно проанализированы история и состояние изучения волосовской культуры и связанной с ней проблематики по этногенезу финно-угорских племен Восточной Европы. Присоединяясь к положениям, высказанным Д. А. Крайновым, согласно которым волосовская культура сложилась на широкой территории на основе родственных местных неолитических культур, К.-Ф. Мейпандер допускает при этом какое-то перемещение населения. По мнению докладчика, неолитические охотники охотно принимали в свою среду переселенцев. О массовой миграции при формировании волосовской культуры вряд ли можно говорить. По К.-Ф. Мейпандеру, прафинскими были уже носители неолитических культур лесной зоны Восточной Европы, затем волосовские племена и связанное с ним население культуры текстильной керамики конца бронзового века.

В докладе «Обмен в период неолита и бронзы на территории лесной полосы СССР» Л. П. Хлобыстин исследовал условия зарождения и развития обмена в первобытном обществе. На большом материале был рассмотрен вопрос о зависимости развития обмена от источников сырья для изготовления орудий труда. Так, кремень в Карелию и на Кольский полуостров поступал с восточного побережья Белого моря, на более далекие расстояния доставлялся сланец и нефрит. Еще в большей степени развивается далекий обмен в эпоху раннего металла. Так, уральская медь поступала к племенам Сибири и Прибалтики. В эпоху неолита широко распространялся балтийский янтарь (Финляндия, Карелия, Поволжье, Верхнее Подднепровье). Межплеменной обмен способствовал накоплению богатств и зарождению войн.

Ряд докладов был посвящен археологии отдельных регионов или отдельным памятникам. В докладе А. Сиирияйнена «Неолитическое поселение Киеринки в Юли-Ии и относящаяся к нему проблематика» анализировались результаты раскопок одного из наиболее полно исследованного памятника. Поселение Киеринки принадлежит к культуре гребенчатой керамики, но содержит значительный процент асбестовой керамики. В отличие от Г. А. Папкрушева, относящего последнюю к позднему периоду неолита, докладчик определяет ее как средненеолитическую. При раскопках поселения обнаружены остатки свайных построек. Среди находок имеются изделия из янтаря, свидетельствующие о достаточно широких связях с Юго-Восточной Прибалтикой. Кремневые накопечники стрел А. Сиирияйнен сопо-

---

[1] Материалы двух первых симпозиумов опубликованы (Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979; Fenno-ugri et slavi. Helsinki, 1980). Труды третьего симпозиума находятся в печати.

ставляет с волосовским влиянием и даже допускает, что они привозные. С восточным влиянием связывается и конструкция жилищ на сваях.

Доклад М. Хуурре «От бронзового до каменного века Кайнуу» посвящен поселениям одной из провинций Финляндии, расположенной в зоне озер и рек. Водные пути использовались для транзитного сообщения от побережья Ботнического залива к Беломорью с глубокой древности. Местами на водоразделах сохранились следы от катков, на которых волокли лодки. В регионе зафиксировано более 400 древних поселений, многие из которых существовали длительное время. Материалы хорошо исследованного поселения Суомуссайна фиксируют широкие торговые связи, имевшие место в эпоху камня и бронзы. На них, в частности, указывают изделия из балтийского янтаря, предметы из красного сланца, привезенные из Скандинавии, бронзовые топоры из Северо-Восточной Европы, форма для отливки кельта аньинского типа, текстильная керамика из Приладожья. Здесь известен наскальный рисунок, свидетельствующий о связях с племенами Карелии.

В докладе В. И. Тимофеева «К вопросу о раннем неолите Восточной Прибалтики и его связях с ранним неолитом Фенно-Скандинавии», зачитанном Л. П. Хлобыстиным, получили характеристику два локальных варианта нарвской культуры — южный (стоянки Оса, Серово, Усвяты-4Б и др.), более древний, отражающий влияние днепро-донецкой культуры, и северный (Эстония, Северная Латвия и Южное Приладожье), население которого находилось в контакте с культурой типа Сперрингс.

А. Виккула в докладе «Керамика Пюхеенсилта — факты и теории» излагались результаты раскопок стоянки с отложениями, характеризуемыми гребенчатой и шнуровой керамикой. Преобладает гребенчатая керамика, которая долго сохраняется в период культуры боевых топоров. Выявляются в керамике и отдельные волосовские элементы. Докладчица допускает небольшую инфильтрацию волосовского населения из более восточных областей в Финляндию.

Т. Сегер в докладе «Распространение по времени и территории находок из металла бронзового века Финляндии», дифференцировав 140 таких предметов на 6 этапов, показал их территориальное распределение.

В дискуссии по названным докладам, выступавшие высказали сомнение в возделывании зерновых культур населением культуры боевых топоров (К.-Ф. Мейнандер, Л. П. Хлобыстин), подчеркнув, что для изучения экономики этих племен необходимы новые исследования. У. Сало говорил о том, что пришлые носители культуры боевых топоров должны были приспособиться к местным условиям. Ряд выступавших отмечали, что в памятниках этой культуры, расположенных в Финляндии, пока не найдено костных остатков, свидетельствующих о занятиях скотоводством. В связи с этим П. Пурхонен заметила, что характер слоя и топография поселения Даламан, отличающиеся от стоянок населения, которое занималось рыболовством и охотой, говорят в пользу скотоводства. Л. П. Хлобыстин, выступая по докладу К.-Ф. Мейнандера, согласился с мнением тех исследователей, которые считают, что распространение волосовской культуры является не результатом широкого расселения нового населения, а следствием миграции элементов культуры среди близкородственного населения. В дискуссии приняли участие также В. В. Седов, Т. Эдгрен и А. И. Сакса.

Три доклада посвящены торговле и культурным контактам эпохи раннего железа. С интересом был выслушан доклад У. Сало «О вооружении в раннем римском периоде в Финляндии и в прилегающих к ней соседних районах». В нем анализировались погребения с оружием, появившиеся в юго-западной части Финляндии в первых веках нашей эры. Было показано, что однолезвийные мечи появились здесь в результате кельтского культурного влияния. Позднее мечи и щиты с умбонами проникают в Финляндию из Швеции и региона нижней Вислы. С последней областью устанавливаются тесные контакты во II—III вв. н. э.

В дискуссии по докладу У. Сало был поднят вопрос о том, является ли появление погребений с оружием в юго-западной Финляндии следствием активизации местного населения или результатом миграции отдельных групп населения из Польского Поморья или Скандинавии и каким методом можно решить его (В. В. Седов).

Контактам финно-угорских племен с ираноязычным населением южных областей Восточной Европы был посвящен доклад К. А. Смирнова «Связи населения Волго-Окского междуречья с обитателями степи и лесостепи в I тысячелетии до н. э.». Анализировались находки из памятников дьяковской культуры (11 расположены на средней Оке и р. Москве, 2 — на верхней Волге), свидетельствующие о связях жителей лесов со скифами и сарматами; бусы, наконечники стрел, пряжки, предметы звериного стиля и др. Среди них выделяются вещи, поступившие с юга посредством торговли, и изделия, сделанные местными жителями по южным образцам. Наиболее интенсивные связи были со скифским населением Среднего Дона.

В докладе «Об истории заселения Аландских островов в раннем железном веке» Е. Эдгрен показала непрерывность заселения Аландских островов в течение эпохи бронзы и раннего железа, что ранее отрицалось. В раннем железном веке наблюдается значительное увеличение населения — число могильников увеличивается в 3 раза. В зависимости от топографии они дифференцируются на три группы: 1) расположенные на прибрежных скалах (свидетельствуют о занятиях рыболовством и охотой на тюленей); 2) находящиеся внутри страны, поблизости от нынешних полевых угодий (земледельческо-скотоводческое население);

3) «типа Лемланд», расположенные в низких, местами заболоченных местах. Керамический материал отражает тесные связи с побережьем Финляндии.

Самая большая часть докладов относилась к средневековой проблематике. В. В. Седов в докладе «Древняя Русь и южные земли Финляндии» исследовал предметы X—XII вв. древнерусского происхождения (привески, крестики, браслеты, серпы и др.), найденные в памятниках финских племен суми и еми. Они свидетельствуют о заметном влиянии Древней Руси на культуру этих племен, а предметы христианского культа, обнаруженные в памятниках Финляндии, позволяют говорить о первоначальном распространении христианства в среде еми и суми со стороны Новгородской земли.

Е. Н. Носов в докладе «Исторические связи населения центра Новгородской земли IX—X вв. со странами Балтийского региона» продемонстрировал значительную роль межплеменных (славянских, прибалтийскофинских и скандинавских) культурных и торговых связей в формировании ядра Новгородской земли, в сложении Новгорода Великого. Волхов как участок торгового пути Северной Европы со странами Востока начал функционировать с IX в. Скандинавы, утверждал докладчик, появились в Старой Ладоге со времени ее основания.

В докладе Е. А. Рябинина «Характер и направление культурных связей в зоне славяно-финно-угорских контактов (по материалам металлической пластики)» на основе металлических украшений, обнаруженных в различных памятниках археологии, показаны особенности взаимодействия между финно-угорскими племенами и славянским населением в северной полосе Восточной Европы на разных этапах средневековой истории. Выделяется два крупных региона: Юго-Восточное Приладожье, тесно связанное с Камской чудью и Верхним Поволжьем, и Волго-Окское междуречье, где переплетаются разносторонние связи.

Обстоятельной характеристике погребальных памятников озерного края севернее г. Хяменлинна посвящено выступление Л. Сэюринки-Хармо «Научные проблемы исследований могильников с трупосожжениями железного века в Хяме». Докладчица показала, что в этом регионе параллельно бытовали каменные курганы (с эпохи переселения народов) и грунтовые могильники с каменными кладками под дерном (с конца VI в.). И те, и другие памятники были коллективными усыпальницами, использовавшимися до 200 лет; обряд погребения — трупосожжение на стороне.

Древности региона, примыкающего к Ботническому заливу, были объектом анализа Л. Эря-Эско, прочитавшей доклад «О населении железного века в районе Ботнии». Район был заселен непрерывно с IV в. н. э. Население происходит из Южной Финляндии, но не исключаются и шведские колонисты, поскольку в культуре выявляется скандинавское влияние. В эпоху меровингов контакты со Швецией прекращаются, что, по мнению докладчицы, обусловлено развитием торговли Скандинавии с Востоком. Северные области Приботнии пополнялись переселенцами из Хяме и Карелии.

С. Мяки в докладе «Культура Кайнуу?» рассмотрела письменные и археологические источники по каянам. Автор утверждает, что это была не племенная группировка, а переселившееся на северное побережье Ботнического залива финское население с разных областей.

Темой доклада А. И. Сакса была «Средневековая Карелия на путях европейской торговли». Исследовались вещевые находки карельской материальной культуры, связанные по происхождению с культурой Финляндии, Скандинавии и Древней Руси.

С большим интересом был заслушен доклад П.-Л. Лехтосало-Хилландер «Наряд Эура», в котором речь шла о реконструкции женской одежды и украшений по материалам раскопок погребений. На основе 169 находок (кусков ткани и украшений), тщательно зафиксированных при исследовании одного из погребений могильника Луистари, и изучении других погребений в средневековых кладбищах бассейна Эура П.-Л. Лехтосало-Хиландер попыталась воссоздать детали одежды, ее окраску и характер украшений населения Юго-Западной Финляндии.

Доклад П. Пурхонен был посвящен всестороннему анализу серебряного крестика, найденного в могильнике Таскула в мужском погребении, который датирован монетой середины XI в. Аналогичные находки имеются в Скандинавии, в литературе высказано мнение, что они изготавливались на Готланде. Докладчица не соглашается с этим и полагает, что все эти крестики происходят из славянских земель Подунавья, куда они попали из Византии.

Л. Томаптеря в докладе «Плетение, ткань и „лисья труба“» рассмотрела способ изготовления украшений из металлических проволочных колец.

Были зачитаны также доклады авторов, не присутствующих на симпозиуме,— О. В. Овсянникова «О торговых путях в Заволочье в XI—XIV вв.», В. А. Тюленева «Подписной средневековый меч из раскопок в Выборге» и Н. В. Хвощинской «Одежда финского населения Восточного Причудья и связи с Прибалтикой». В докладе О. В. Овсянникова речь шла о проникновении в Заволочье древнерусских переселенцев и вещей древнерусского происхождения с двух сторон — из Новгородской земли и Северо-Восточной Руси. Обстоятельную характеристику получил один из могильников (Узомень), исследованный в последние годы и принадлежащий лопарям.

В докладе В. А. Тюленева рассказывалось о раскопках на Замковом острове Выборга. Среди находок обнаружен меч с клеймом в технике инкрустации железной проволокой. Оружие это западноевропейского происхождения и датируется

1130—1200 гг. Находки предметов вооружения, по мнению докладчика, дают основание считать Выборг XII в. поселением городского типа.

Доклад Н. В. Хвощинской посвящен могильнику Залахтовье, находящемуся на восточном берегу Чудского озера. По мнению автора, он оставлен финским населением. Остатки ткани, металлические предметы одежды и украшения позволили реконструировать мужской и женский костюмы.

Один из докладов финских коллег — Ю. Кокконена «Финский род и первые стадии археологических исследований в Финляндии» — был историографическим. Исследователь обстоятельно изложил историю накопления и развития знаний (лингвистических и археологических) в Финляндии в течение XIX в. и начале XX в. по раннему этногенезу финно-угров.

В обсуждении докладов, рассматривающих средневековую тематику, приняли участие многие участники симпозиума. К.-Ф. Мейнандер отметил большое значение доклада В. В. Седова. Существенно то, что предметы древнерусского происхождения рассматривались в докладе на широком историческом фоне, что сделало выводы надежно аргументированными, и попросил подробно рассказать о Великоморавском государстве и его роли в христианизации славянских народов.

П.-Л. Лехтосало-Хиландер не согласилась с А. И. Сакса в том, что мечи типа Е пришли в Карелию из западной Финляндии, поскольку в последнем регионе их значительно меньше (11%), чем в Карелии (около 40%). Мысль же о том, что большие подковообразные фибулы являются собственно карельскими, по мнению этой исследовательницы, устарела — в настоящее время их найдено очень много в западной Финляндии. П.-Л. Лехтосало-Хиландер отметила также большое научное значение могильников, охарактеризованных в докладе О. В. Овсянникова, и реконструкций одежды на основе материалов Залахтовья.

По докладу Л. Сэюринки-Хармо выступили А. И. Сакса и У. Сало. Первый указал на необходимость подсчетов процентных соотношений между различными типами захоронений и корреляции деталей погребальной обрядности. У. Сало отметил, что сосуществование двух типов погребальных памятников наблюдается и на побережье Финляндии.

Большое число вопросов, заданных финскими участниками симпозиума в связи с докладами Е. Н. Носова и Е. А. Рябинина, свидетельствует о значительном интересе к темам, рассматриваемым в них, к результатам новейших работ советских археологов в Старой Ладоге, на Рюриковском городище под Новгородом и других местах.

Выступавшие по докладу П.-Л. Лехтосало-Хиландер подчеркнули большое научное значение работ по реконструкции одежды по археологическим остаткам, по технологическим анализам тканей, сопутствующим им.

В диспуте имел место также обмен мнениями по докладам Л. Эря-Эско, С. Мяки и др.

В программу работы симпозиума, как обычно, входило знакомство с археологическими памятниками Финляндии. Была организована поездка по маршруту Хельсинки — Порвоо — Лаппенранта — Ристина — Савонлинна — Лахти — Хельсинки. Были осмотрены городища Иси Линнанмяки и Сулкава, поселения культуры гребенчатой керамики Хартикка и Мюллюкангас, наскальные рисунки Ахтувансалми, могильники Кююхкюля, Мойсио, Туукала и Висулахти, средневековая крепость Олавинлинна и ряд военно-инженерных сооружений средневековья.

В конце работы симпозиума в Хельсинки был устроен прием Министерством просвещения Финляндии. К участникам симпозиума с речью обратился министр Г. Бвёркстранд, в которой отметил важность сотрудничества Финляндии и СССР в области археологии и изучении финно-угорских древностей.

Седов В. В., Смирнов К. А.

СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМЕ «ВЗАИМОСВЯЗИ СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКИХ СЛАВЯН С ДРУГИМИ ЭТНОСАМИ В VI — XX вв.»

(с. Нове Возоканы, ЧССР, 1983)

С 3 по 7 октября 1983 г. в небольшом с. Нове Возоканы близ Нитры было проведено Международное совещание по проблеме межславянских этнических связей, организованное Институтом археологии Словацкой Академии наук.

Совещание открыл член-кор. Словацкой Академии наук и Чешской Академии наук Б. Хроповский. Он рассказал о задачах, стоящих перед археологами и историками по проблеме взаимоотношений ранних славян с германскими племенами, аварами, венграми и другими этническими группами.

На заседаниях совещания было прочитано 39 докладов. Й. Херрман (ГДР) в своем выступлении привел археологические свидетельства о различных вариантах взаимодействия славян и германцев в VI—IX вв., о случаях ассимиляции славян германцами, о конфронтации славян и германцев и о культурных связях между племенами. З. Кланица (ЧССР) в докладе «Славяне и другие этнические группы к северу от Дуная по археологическому материалу VI—VIII вв.» продемонстрировал результаты археологических исследований поселения Лютенц близ Микульчице. Д. Теодор (СРР) в докладе «Новые данные о славянах в Карпато-Дунайской области в VI—VII вв.» рассказал о древнейших славянских памятни-

ках на территории Молдовы и Валахии. А. Киш (ВНР) выдвинул гипотезу о территории расселения племени герулов в Карпатской котловине в VI в.

Славяно-германской и славяно-аварской проблематике были посвящены доклады Г. Фризингера (Австрия) «Славянское население в Нижней Австрии и его межэтнические связи», В. Товорник (Австрия) «Славянское население Верхней Австрии» и Х. И. Фогта (ГДР) «К проблеме германо-славянских контактов в области среднего течения Одера». М. Комша (СРР) в докладе «Свидетельства контактов авар со славянами и местным населением в Карпато-Дунайской области» предложила рассматривать некоторые детали женского убора (в частности, трапециевидные подвески) в качестве показателей славянского этноса. З. Чилинска (ЧССР) проследила начальные этапы славяно-аварских взаимоотношений по данным археологии и письменных источников. Ф. Дайм (Австрия) изложил результаты раскопок аварского могильника в Леобансдорфе (Нижняя Австрия) и подробно остановился на проблеме датировки среднеаварского периода (конец VII и начало VIII в.). Г. Невизански (ЧССР) познакомил участников симпозиума с результатами раскопок славянского могильника VII—VIII вв., содержавшего погребения по обряду трупосожжения в урнах у с. Байч-Влканово близ г. Нове Замки. Ю. Береш (ЧССР) охарактеризовал этнические проблемы, возникающие при изучении биритуальных могильников аварского времени на территории Словакии. Й. Сентпетери (ВНР) проанализировал тамгообразные знаки на аварских поясных накладках. Б. М. Соке (ВНР) сообщил о новых аварских и славянских могильниках VI—IX вв., открытых и исследуемых венгерскими археологами на месте строительства водохранилищ на территории к юго-западу от Балатона. И. Забойник (ЧССР) прочитал доклад «О находках орудий в могильниках эпохи аварской державы в северозападных областях Карпатской котловины».

Проблеме истории карантанских славян были посвящены доклады югославских ученых Р. Плетерски — «Карантанские славяне и неславянское население» и П. Корошец — «Вклад карантанской культуры в материальную культуру соседних территорий», а также доклад В. Старе (ЧССР) — «Влияние великоморавских территорий на карантанско-кеттлахскую культуру». Х. Волфрам (Австрия) в докладе «Прибина и Людевит. Институциальное сравнение» проанализировал сведения письменных источников и показал возможности выявления социальных институтов у западных славян в достаточно раннее время. Р. Мюллер (ВНР) доложил об открытии интересного славянского могильника и церкви IX — начала X в. в окрестностях городов Кастхей и Залавар. Б. Достал (ЧССР) предложил общественно-экономический анализ системы поселения моравского городища Поганско. З. Курнатовска (ПНР) анализировала отражение процесса образования Польского государства в структуре раннесредневековых поселений. Доклад С. Олтеану (СРР) был посвящен анализу политических структур румынских племен IX—XI вв. и их роли в Средней и Юго-Восточной Европе. В. Кобленц (ГДР) доложил результаты оценки данных археологии и письменных источников о славяно-германских контактах в южных районах расселения сорбов с IX до XI в.

Различные проблемы культуры Моравского княжества были рассмотрены в докладах чехословацких исследователей И. Виганатиовой — «Неславянские элементы в материальной культуре населения южного посада городища Поганско»; Д. Биалековой — «Участие неславянских этнических групп в создании материальной культуры моравских славян в период формирования их государства»; П. Шалковского — «О макроструктуре поселений Словакии в великоморавскую эпоху»; Ч. Стани — «Распространение предметов блучинского типа VIII—X вв., их связи с другими областями Великой Моравии и территориями соседних культур» и Т. Штефановичевой — «Византийские элементы в великоморавском ювелирном искусстве». Т. Капелле (ФРГ) показал особенности раннесредневековых административных центров в Северной Европе.

Взаимоотношения древних венгров со славянами рассматривались в докладах венгерских археологов К. Мештерхази — «Возникновение раннефеодальных центров в Венгрии»; Ч. Балинта — «Некоторые вопросы хронологии древневенгерского археологического материала X века»; И. Фодора — «Проблемы заселения венграми Карпатской котловины»; Л. Ковача — «Монеты из древневенгерских погребений X века»; Ю. Квашшаи — «Керамика из погребений X—XI вв. в Карпатской котловине». В русле той же проблематики был доклад А. Х. Халикова (СССР) «Сходства и различия в археологической культуре древних венгров в Восточной Европе и Карпатской котловине». М. Рейхолцова (ЧССР) сообщила о раскопках славянского и древневенгерского могильника в Чакайовцах (близ Нитры), М. Хамуляк (ЧССР) рассматривал вопрос получения информации из анализа раннесредневековых могильников, а Д. Сташикова (ЧССР) выделила предметы славян (гомбики — бубенчиковидные пуговицы, колокольчики и др.), которые могут рассматриваться как музыкальные инструменты.

По прочитанным докладам прошла интересная дискуссия, в которой обсуждались различные проблемы славяно-аварских, славяно-германских и славяно-венгерских контактов. В заключительном слове З. Курнатовска и Б. Хроповски выступили с предложением о регулярном созыве совещаний по проблематике славяно-иноэтничных контактов. Участники совещания познакомились с археологической выставкой в Институте археологии Словацкой АН в г. Нитра, библиотекой института, работой его подразделений.

Фодор И., Халиков А. Х.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
ВАС — Вопросы археологии Сибири. Новосибирск
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВКФ АН УзССР — Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГАРО — Гос. архив Ростовской обл.
ГИМ — Государственный исторический музей в Москве
ГХМ — Государственный Херсонесский историко-археологический музей. Севастополь
ДВВ — Донские войсковые ведомости
ДЕВ — Донские епархиальные ведомости
Древности — Древности. Труды императорского Московского Археологического общества
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Спб.
ЗООИД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Спб.
ИАК — Известия Гос. Российской Археологической комиссии. Спб.
ИАН — Известия Академии наук
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Москва — Ленинград
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь
ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР — Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НС — Нумизматический сборник. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский гос. археологический музей
ОИРК ГЭ — Отдел истории русской культуры Гос. Эрмитажа
ОНГЭ — Отдел нумизматики Гос. Эрмитажа
ОР ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в Ленинграде), отдел рукописей и редких книг
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности АН СССР
ПОМЗ — Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СКНЦ ВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СОВДСК — Сборник Областного войска Донского статистического комитета
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Москва — Ленинград
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХСб. — Херсонесский сборник
ЦГВИА — Центральный гос. военно-исторический архив. Москва
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AR — Archeologické rozhledy. Praha
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
JHS — J. of Hellenic Studies. London
JIES — J. of Indo-Eurupean Studies. Hattesburg
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afganistan. Paris
MS — Materiały starożytne. Warşzawa

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены либо непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографии не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи (для всех видов иллюстраций дается общая нумерация). На обороте каждой иллюстрации карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1], [2], ...

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1—76 «Библиографическое описание произведений печати». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ) — фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием принятого наименования летописи и издания. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указывается на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, 1, 2].

7. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Her., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнарен-

ковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или в расшифровке.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.10.84 Подписано к печати 27.12.84 Т-23222 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 93,4 тыс. Уч.-изд. л. 30,2 Бум. л. 9,5
Тираж 3489 экз. Зак. 659

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6